Хрэстаматыя па старажытнай беларускай літаратуры

АКАДЭМІЯ НАВУК БССР
ІНСТЫТУТ ЛІТАРАТУРЫ ІМЯ ЯНКІ КУПАЛЫ

Хрэстаматыя па старажытнай беларускай літаратуры

ВУЧЭБНЫ ДАПАМОЖНІК
ДЛЯ ФІЛАЛАГІЧНЫХ ФАКУЛЬТЭТАЎ
ВЫШЭЙШЫХ НАВУЧАЛЬНЫХ УСТАНОЎ

Склаў
кандыдат філалагічных навук
А. Ф. Коршунаў

ДЗЯРЖАЎНАЕ
ВУЧЭБНА-ПЕДАГАГІЧНАЕ ВЫДАВЕЦТВА
МІНІСТЭРСТВА АСВЕТЫ БССР
МІНСК 1959

Пад рэдакцыяй
доктара філалагічных навук І. П. ЯРОМІНА,
доктара філалагічных навук В. В. БАРЫСЕНКІ

ПРАДМОВА

Багатая літаратурная спадчына беларускага народа эпохі феадалізма яшчэ мала даследавана і вывучана. Значнай перашкодай гэтаму з'яўляецца тое, што помнікі старажытнай літаратуры раскіданы па розных архівах і бібліятэках па-за межамі Беларусі, а дакладнага бібліяграфічнага даведніка, які паказваў бы месца знаходжання іх, яшчэ няма. А між тым многія з гэтых помнікаў засталіся ў рукапісах да нашага часу. Тыя ж з іх, якія апублікаваны на старонках перыядычнага друку другой палавіны XIX і пачатку XX ст.ст., галоўным чынам у навуковых зборніках і манаграфіях, даўно ўжо сталі бібліяграфічнай рэдкасцю і аказаліся маладаступнымі нават для навуковых супрацоўнікаў. У вельмі цяжкім становішчы апынуліся выкладчыкі і студэнты ВНУ, дзе вывучаецца курс гісторыі беларускай літаратуры. Яны не маюць хрэстаматыйнага дапаможніка, а патрэба ў ім надзвычай вострая, асабліва для перыферыйных інстытутаў, дзе немагчыма знайсці і тых рэдкіх выданняў з беларускімі тэкстамі, якія існуюць. Апрача таго, навуковыя выданні старажытных тэкстаў практычна не могуць служыць педагагічным мэтам, бо яны пазбаўлены адпаведных каментарыяў і патрабуюць спецыяльнай філалагічнай падрыхтоўкі, якой студэнт яшчэ не мае. Ранейшыя ж хрэстаматыйныя дапаможнікі па беларускай літаратуры, што вышлі з друку ў 20-х гадах нашага стагоддзя, прызначаліся толькі для сярэдніх школ.

У сувязі з гэтым перад аўтарам стаяла задача падрыхтаваць сапраўды навуковы хрэстаматыйны дапаможнік, які мог бы задаволіць патрэбу ў ім з боку студэнтаў і выкладчыкаў літаратурных факультэтаў вышэйшых навучальных устаноў рэспублікі і які адпавядаў бы сучаснаму стану развіцця нашага літаратуразнаўства.

Тэксты ў хрэстаматыі пададзены ў храналагічным парадку, адхіленні дапускаліся толькі ў рэдкіх выпадках. Па магчымасці захоўвалася і арфаграфія арыгіналаў. Што датычыцца графічных асаблівасцей, то тут, у мэтах зручнасці пры карыстанні хрэстаматыяй, былі зроблены наступныя адхіленні: літары, якія не ўласцівы сучаснаму алфавіту, падаюцца той літарай, якой яны зараз адпавядаюць. Так, ***„фіта"*** падаецца праз ***ф***, ***„ксі"*** — праз ***кс***, ***„псі"*** — праз ***пс***, ***„юс вялікі"*** і напісанне ***„оу"*** пададзены праз звычайнае ***у***, ***„юс малы"*** і ***„а ятованае"*** — праз ***я***. Нязменна захаваны толькі ***„яць (Ѣ)"*** і ***„кг"***, якое адпавядае ўзрыўному ***г***, неўласціваму беларускай мове. Літара ***і***, якая зараз ужываецца ў беларускім алфавіце, захавана толькі ў тых тэкстах, якія перакладаліся намі з лацініцы на кірыліцу, і ў перакладах тэкстаў з польскай мовы. У іншых тэкстах літара ***і*** пададзена праз ***и***, таму што ***і*** ў старажытных тэкстах ужывалася параўнаўча рэдка і без якой-небудзь пэўнай сістэмы. Літара ***ъ*** захавана толькі ў сярэдзіне слова і ў прыстаўках. Не падаецца яе напісанне ў канцы слова, дзе яна ўжывалася як графічны знак цвёрдасці папярэдняга гуку. Шматлікія цітлы, якія характэрны для

старажытных пісьмовых тэкстаў, усюды намі раскрыты. Надрадковыя літары ўведзены ў радок. Літарная сістэма абазначэння ліку ўсюды заменена лікаваю. Знакі прыпынку ва ўсіх пададзеных у хрэстаматыі тэкстах пастаўлены паводле сучаснай пунктуацыі. Паслядоўна ў тэкстах зроблена разбіўка слоў і сказаў. Лацінскі алфавіт у помніках драматургіі заменен кірыліцай, а гатычны алфавіт у арыгінальным тэксце «Фрынаса» М. Сматрыцкага — лацінскім, які зараз ужываецца ў польскай мове.

Падбор тэкстаў для хрэстаматыі праводзіўся пераважна па першакрыніцах, рукапісных або старадрукаваных. Нават і тады, калі той або іншы помнік быў у свой час апублікаваны і можна было выкарыстаць друкаваны тэкст, перавага аддавалася арыгіналу. Адхіленне рабілася толькі пры ўмове, калі немагчыма было выкарыстаць арыгінал або пры яго адсутнасці ў сучасны момант. У такіх выпадках падборка тэксту праводзілася па найбольш аўтарытэтнаму выданню помніка.

Крыніцы, выкарыстаныя ў хрэстаматыі, агавораны ва ўступных артыкулах, а ў раздзелах паэзіі і драматургіі — у зносках.

Уступныя артыкулы да тэкстаў уяўляюць сабою кароткія біяграфічныя звесткі аб пісьменніку і яго літаратурнай дзейнасці. Да ананімных твораў даецца іх сціслая характарыстыка. Калі некалькі тэкстаў адносяцца да аднаго жанра, то ў такім выпадку падаюцца кароткія звесткі аб характары і часе ўзнікнення гэтага жанра ў беларускай літаратуры. Але ўсе гэтыя кароткія анатацыі ні ў якой ступені, вядома, не могуць замяніць сабою падручніка па гісторыі літаратуры.

Апрача ўступных анатацый, у хрэстаматыі пад тэкстамі твораў падаецца пераклад незразумелых, устарэлых і чужаземных слоў і асобных фразеалагічных зваротаў на сучасную беларускую мову. Месцамі, дзе гэта было магчыма, у залежнасці ад ступені даследаванасці таго або іншага твора, пададзен і гістарычны каментарый, а таксама тлумачацца геаграфічныя назвы і асобныя імёны. Усё гэта зроблена з мэтай палегчыць студэнту работу над тэкстам хрэстаматыі і дапамагчы яму лепш зразумець змест помніка.

Хрэстаматыя складаецца з двух раздзелаў. У першы раздзел уключаны помнікі арыгінальнай літаратуры ад Кіеўскай Русі да XIX ст. уключна, у другім пададзена частка перакладных твораў. Усе перакладныя творы падаць немагчыма таму, што яны па свайму памеру часам вялікія, а ўрыўкі з іх не заўсёды могуць даць поўнае ўяўленне аб помніку ў цэлым. Таму ў гэтым раздзеле хрэстаматыі аўтар абмежаваўся толькі часткаю найбольш цікавых твораў таго часу. Што датычыцца першага раздзела кнігі, то ў ім аўтар імкнуўся прадставіць помнікі ўсіх жанраў беларускай літаратуры да XIX ст., якія нам зараз вядомы. З літаратуры эпохі Кіеўскай Русі ў хрэстаматыю ўключаны толькі тыя помнікі, якія або змяшчаюць звесткі аб Беларусі («Повесть временных лет» і «Слово о полку Игореве»), або ўзніклі на беларускай зямлі. У дадзеным выпадку аўтар кіраваўся меркаваннем не паўтараць таго, што вывучаецца на літаратурных факультэтах па курсу гісторыі старажытнай рускай літаратуры, а больш паўней прадставіць уласна беларускую літаратуру, якая багата сваімі помнікамі.

Пры вызначэнні для хрэстаматыі памеру таго або іншага помніка ўлічваўся агульны памер твора. У тым выпадку, калі ён не перавышаў або нязначна перавышаў памер друкаванага аркуша, тэкст падаваўся поўнасцю без скарачэнняў; у іншых жа выпадках тэксты скарачаліся. У тых тэкстах, дзе адначасова ўжываюцца дзве мовы, у зносках падаецца пераклад з іншаземнай мовы на сучасную беларускую мову. Гэта заўвага датычыцца раздзела драматургіі. Загалоўкі тэкстаў хрэстаматыі ўсюды захаваны па арыгіналу, а там, дзе іх няма ў арыгінале, яны пададзены намі ў дужках.

Падбіраючы тэксты для хрэстаматыі, аўтар лічыўся толькі з тымі творамі літаратуры, якія дайшлі да нашага часу ў найбольш ранніх спісках, а не ў запісах XIX ст. Гэта асабліва датычыцца некаторых помнікаў, узнікненне якіх адносяць да XVIII ст. Вось чаму з верагодных помнікаў XVIII ст. у хрэстаматыі змешчаны толькі драматычныя творы. Творы ж іншых жанраў літаратуры гэтага стагоддзя ў хрэстаматыю не ўключаны як творы, якія да першых

сваіх запісаў доўгі час падвяргаліся фальклярызацыі. І таму вывучэнне такіх твораў трэба хутчэй за ўсё аднесці да курса беларускага фальклору, а не гісторыі літаратуры.

Хрэстаматыя падрыхтавана пад кіраўніцтвам доктара філалагічных навук прафесара І. П. Яроміна.

А. Коршунаў.

Арыгінальная літаратура часоў Кіеўскай Русі, вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай

ПЕРШАПАЧАТКОВЫ ЛЕТАПІС

[ПОВѢСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛѢТ]

Адным з старэйшых пісьмовых літаратурных помнікаў Кіеўскай Русі з'яўляецца першапачатковы летапіс — «Повѣсть временных лѣт», даведзены да пачатку XII ст. Стракаты ў сваіх жанравых адносінах, першапачатковы летапіс Кіеўскай Русі, апрача гістарычнага матэрыялу, увабраў у сябе, як у адзінае арганічнае цэлае, многія віды тагачаснай літаратуры фальклорнага і кніжнага паходжання. Тут мы знойдзем вусныя народныя паданні і лягенды з часоў язычаства і хрысціянства, апавяданні і успаміны сучаснікаў летапісца, воінскую аповесць, дружынную песню, юрыдычныя помнікі, этнаграфічныя замалёўкі і г. д. У гэтым сэнсе першапачатковы летапіс Кіеўскай Русі можна лічыць вытокам і родапачынальнікам трох братніх усходнеславянскіх літаратур.

Першапачатковы летапіс дайшоў да нашага часу ў некалькіх спісах, самым старэйшым з якіх з'яўляецца Лаўрэнцеўскі (1377) і Іпатаўскі (пачатку XV ст.). Як усе лепшыя творы арыгінальнай літаратуры Кіеўскай Русі, першапачатковы летапіс прасякнут гарачым пачуццём любві да бацькаўшчыны, тэрыторыю якой складалі ўсе ўсходнеславянскія землі, ідэяй адзінства Рускай зямлі. Тым не менш, глыбока патрыятычная мэтанакіраванасць летапісу не перашкаджала летапісцам адлюстроўваць на яго старонках інтарэсы розных станаў тагачаснага грамадства і быць выразнікамі інтарэсаў феадальнай вярхушкі свайго часу. Адпаведна гэтаму кожны летапісец уносіў свае карэктывы ў летапіс Кіеўскай Русі. Але, прадаўжаючы працу сваіх папярэднікаў, летапісцы не адступалі ад ідэі летапісу і імкнуліся захаваць ранейшую форму і характар падачы матэрыялу ў пэўным адзінстве стылю. Дзякуючы гэтаму першапачатковы летапіс, нягледзячы на сваю жанравую стракатасць, успрымаецца намі як адзіны суцэльны твор.

Змешчаныя ў хрэстаматыі ўрыўкі з першапачатковага летапісу Кіеўскай Русі пададзены па выданню АН СССР: «Повесть временных лет» (Литературные памятники), т. I, М.—Л., 1950, стар. 54—57, 74—77, 79—81, 83, 99, 104, 111—112, 114—116, 141.

[Жаніцьба Уладзіміра на Рагнедзе і яго барацьба з Яраполкам]

В лѣто 6488 (980). Приде Володимер с варяги Ноугороду и рече посадником Прополчим: «Идѣте к брату моему и рцѣте [1] ему: Володимер ти идеть на тя, пристраивайся противу биться». И сѣде в Новѣгородѣ.

И посла ко Рогъволоду Полотьску [2], глаголя: «Хочю пояти [3] дщерь твою собѣ женѣ». Он же рече дщери своей: «Хощеши ли за Володимера?» Она же рече: «Не хочю розути [4] робичича [5], но Ярополка хочю». Бѣ бо Рогъволод пришел и-заморья, имяше власть свою в Полотьскѣ, а туры Туровѣ [6], от него же и туровци прозвашася. И придоша отроци Володимерови, и повѣдаша ему всю рѣчь Рогънѣдину, дщери Рогъволожѣ, князя Полотьскаго. Володимер же собра вои многи, варяги и словѣни, чюдь и кривичи, и поиде на Рогъволода. В се же время хотячу Рогънѣдь вести за Ярополка. И приде Володимер на Полотеск, и уби Рогъволода и сына его два, и дъчерь его поя женѣ.

И поиде на Ярополка. И приде Володимер Киеву с вои многи, и не може Ярополк стати противу, и затворися Киевѣ с людми своими и с Блудом; и стояше Володимер обрывся [7] на Дорогожичи, межю Дорогожичем и Капичем, и есть ров и до сего дне. Володимер же посла к Блуду, воеводѣ Ярополчю, с лестью глаголя: «Поприяй [8] ми! Аще убью брата своего, имѣти тя хочю во отца мѣсто, и многу честь возьмешь от мене: не яз [9] бо почал братью бити, но он. Аз же того убоявъся придох на нь». И рече Блуд к послом Володимеримь: «Аз буду тобѣ и сердце и в приязньство». О злая лесть человѣческа! Яко же Давыд глаголеть: «Ядый хлѣб мой възвеличил есть на мя лесть». Се бо лукавьствоваше на князя своего лестью. И паки [10]: «Языки своими льстяхуся. Суди им, боже, да отпадуть от мыслий своих; по множьству нечестья их изрини а [11], яко прогнѣваша тя, господи». И паки той же рече Давыд: «Муж в крови льстив не припловить дний своих» [12]. Се есть совѣт зол, иже свѣщевають на кровопролитье; то суть неистовни, иже приемше от князя или от господина своего честь ли дары, ти мыслять о главѣ князя своего на погубленье, горьше суть бѣсов такови. Яко же Блуд преда князя своего, и прим от него чьти [13] многи,

---

[1] скажыце. [2] Другое сватанне Уладзіміра апісана паводле народных паданняў у Лаўрэнцеўскім летапісу пад 1128 г. Там Уладзімір паказан яшчэ маладым, і яго сватам выступае яго дзядзька Дабрыня, які забівае на вачах Рагнеды яе бацьку Рагвалода. Рагнеда хоча адпомсціць Уладзіміру за смерць бацькі і за тое, што Уладзімір перастаў яе кахаць. Паводле гэтай версіі, у Рагнеды ад Уладзіміра быў толькі адзін сын Ізяслаў, у той час як «Повесть временных лет» называе чатырох: Ізяслава, Мсціслава, Яраслава і Усевалада. [3] узяць. [4] Разуванне мужа было часткай шлюбнага абраду Кіеўскай Русі і сімвалізавала сабою пакору маладзіцы. [5] сын рабыні. Уладзімір так назван таму, што яго маці Малуша, дачка Малкі Любачаніна і родная сястра Дабрыні, была ключніцай княгіні Вольгі. [6] За гэтай заўвагай, напэўна, мелася на ўвазе якаясьці этымалагічная лягенда, тлумачыўшая паходжанне Турава і князёўскай дынастыі, накшталт лягенды аб Кію, Радзіму і Вятку. [7] акапаўшыся. [8] садзейнічай. [9] я. [10] зноў. [11] іх. [12] не дажыве сярэдняга веку свайго. [13] дары.

се бо бысть повинен крови той. Се бо Блуд затворися с Ярополком, льстя ему, слаше к Володимеру часто, веля ему пристряпати к граду бранью, а сам мысля убити Ярополка; гражаны же не бѣ льзѣ убити его.

Блуд же не възмог, како бы погубити и [1], замысли лестью, веля ему ни излазити на брань [2] из града. Рече же Блуд Ярополку: «Кияне слются к Володимеру, глаголюще: «Приступай к граду, яко предамы ти Ярополка. Побѣгни за град». И послуша его Ярополк, и избѣг пред ним затворися в градѣ Родьни на усть Рси рѣки, а Володимер вниде в Киев, и осѣде [3] Ярополка в Роднѣ. И бѣ глад велик в нем, и есть притча [4] и до сего дне: бѣда аки в Роднѣ. И рече Блуд Ярополку: «Видиши, колько войн у брата твоего? Нама их не перебороти. Твори мир с братом своим»; льстя под ним се рече. И рече Ярополк: «Так буди». И посла Блуд к Володимеру, сице [5] глаголя, яко «Сбысться мысль твоя, яко приведу к тобѣ Ярополка, и пристрой убити и». Володимер же, то слышав, въшед в двор теремный отень [6], о нем же преже сказахом, сѣде ту с вои и с дружиною своею. И рече Блуд Ярополку: «Поиди к брату своему и рьчи ему: что ми ни вдаси, то яз прииму». Поиде же Ярополк, и рече ему Варяжько: «Не ходи, княже, убьють тя; побѣгни в Печенѣги и приведеши вои»; и не послуша его. И приде Ярополк к Володимеру; яко полѣзе в двери, и подъяста и два варяга мечьми под пазусѣ. Блуд же затвори двери и не да по нем ити своим. И тако убьен бысть Ярополк. Варяшко же, видѣв, яко убъен бысть Ярополк, бѣжа с двора в Печенѣги, и много воева Володимера с печенѣгы, одва приваби и, заходив к нему ротѣ [7]. Володимер же залеже [8] жену братьню грекиню, и бѣ непраздна [9], от нея же родися Святополк. От грѣховьнаго бо корени зол плод бываеть: понеже [10] бѣ была мати его черницею, а второе, Володимер залеже ю [11] не по браку, прелюбодѣйчичь бысть убо. Тѣмь и отець его не любяше, бѣ бо от двою отцю, от Ярополка и от Володимера.

Посемь рѣша варязи Володимеру: «Се град нашь; мы прияхом и, да хочем имати окупь на них, по 2 гривнѣ от человѣка». И рече им Володимер: «Пождѣте, даже вы [12] куны сберуть, за мѣсяць». И ждаша за мѣсяць, и не дасть имь, и реша варязи: «Сольстил [13] еси нами, да покажи ны [14] путь в Греки». Он же рече им: «Идѣте». И избра от них мужи добры, смыслены и храбры, и раздая им грады; прочии же идоша Царюграду в Греки. И посла пред ними слы [15], глаголя сице царю: «Се идуть к тебѣ варязи, не мози их держати в градѣ, оли то створять ти зло, яко и сде, но расточи я разно, а сѣмо [16] не пущай ни единого».

И нача княжити Володимер в Киевѣ един, и постави кумиры

---

[1] яго. [2] на бітву. [3] аблажыў. [4] павучальнае алегарычнае апавяданне. У дадзеным выпадку гэта слова ўжыта ў сэнсе: «І ёсць прымаўка». [5] так, гэтак. [6] бацькаў. [7] «заходив к нему ротѣ» гэта значыць «прысягнуў яму». [8] узяў. [9] цяжарная. [10] таму што. [11] яе. [12] «даже вы» — пакуль вам. [13] абманіў. [14] нам. [15] паслоў. [16] сюды.

на холму внѣ двора теремнаго: Перуна[1] древяна, а главу его сребрену, а ус злат, и Хърса[2], Дажьбога[3], и Стрибога[4] и Симарьгла[5] и Мокошь[6]. И жряху им[7], наричюще я богы, и привожаху сыны своя и дъщери, и жряху бѣсом, и оскверняху землю требами[8] своими. И осквернися кровьми земля Руска и холмо-тъ[9]. Но преблагий бог не хотя смерти грѣшником, на том холмѣ нынѣ церкви стоить, святаго Василья есть, яко же послѣди скажем. Мы же на преднее възратимся.

Володимер же посади Добрыну, уя[10] своего, в Новѣгородѣ. И пришед Добрына Ноугороду, постави кумира над рѣкою Волховом, и жряху ему людье ноугородьстии аки богу.

Бѣ же Володимер побѣжен похотью женьскою, и быша ему водимыя Рогънедь, юже[11] посади на Лыбеди, иде же ныне стоить сельце Предъславино[12], от нея же роди 4 сыны: Изеслава, Мьстислава, Ярослава, Всеволода, а 2 дщери; от грекинѣ — Святополка; от чехинѣ — Вышеслава; а от другоѣ — Святослава и Мьстислава; а от болгарыни — Бориса и Глѣба; а наложьниць бѣ у него 300 Вышегородѣ, а 300 в Бѣлѣгородѣ, а 200 на Берестовѣ в селци, еже зоуть ныне Берестовое. И бѣ несыт блуда, приводя к собѣ мужьски жены и дѣвицѣ растьляя. Бѣ бо женолюбець, яко же и Соломан[13]: бѣ бо, рече, у Соломана жен 700, а наложниць 300. Мудр же бѣ, а наконець погибе; се же бѣ невѣголос[14], а наконець обрѣте спасенье. «Велий господь, и велья крѣпость его, и разуму его нѣсть конца!» Зло бо есть женьская прелесть, яко же рече Соломан, покаявся, о женах: «Не внимай злѣ женѣ, мед бо каплеть от уст ея, жены любодѣици, во время наслажаеть твой гортань, последи же горчее золчи обрящеши...»

[Прыняцце Уладзімірам хрысціянскага веравызнання]

В лѣто 6495 (987). Созва Володимер боляры своя и старци градьскиѣ, и рече им: «Се приходиша ко мнѣ болгаре, рькуще: приими закон нашь. Посемь же приходиша нѣмци, и ти хваляху закон свой. По сих придоше жидове. Се же послѣ же придоша грьци[15], хуляще вси законы, свой же хваляще, и много глаголаша, сказающе от начала миру, о бытьи всего мира. Суть же хитро сказающе, и чюдно слышати их, любо комуждо[16] слушати их. и другий свѣт повѣдають быти: да аще кто, дѣеть, в нашю вѣру ступить, то паки, умер, въстанеть, и не умрети ему в вѣки; аще ли в-ынь[17] закон ступить, то на оном свѣтѣ в огнѣ горѣти. Да что ума придасте?[18] Что отвѣщаете?»

---

[1] бог маланкі і грому. [2] бог сонца. [3] бог дабрабыту. [4] бог ветру. [5] функцыя гэтага бога нявядома. [6] бог племя мокша-эрзя. [7] «жряху ім» — прыносілі ім ахвяры. [8] абрадамі. [9] той. [10] дзядзька, матчын брат. [11] якую. [12] сяло названа па імю дачкі Уладзіміра ад Рагнеды — Прадславы. [13] мудры цар Іудзеі. [14] невук. [15] грэкі. [16] кожнаму. [17] у іншы, у другі. [18] «Да что ума придасте?» — Да якой веры схіліцца?

И рѣша бояре и старци: «Вѣси[1], княже, яко своего никто же не хулить, но хвалить. Аще хощеши испытати гораздо, то имаши у собе мужи: послав испытай когождо их службу, и кто како служит богу». И бысть люба рѣчь князю и всѣм людем; избраша мужи добры и смыслены, числом 10, и рѣша им: «Идѣте первое в болгары и испытайте вѣру их». Они же идоша, и пришедше, видѣша скверньная дѣла и кланянье и ропати[2]; придоша в землю свою. И рече им Володимер: «Идѣте паки в нѣмци, съглядайте такоже, и оттудѣ идѣте в греки». Они же придоша в нѣмци, и съглядавше церковную службу их, придоша Царюгороду, и внидоша ко царю. Царь же испыта, коея ради вины придоша. Они же сповѣдаша[3] ему вся бывшая. Се слышав царь, рад быв, и честь велику створи им в той же день. Наутрия посла к патреарху, глаголя сице: «Придоша Русь, пытающе вѣры нашея, да пристрой церковь и крилос, и сам причинися в святительския ризы, да видять славу бога нашего».

Си слышав патреарх, повелѣ созвати крилос, по обычаю створиша праздник, и кадила вожьгоша, пѣнья и лики съставиша. И иде с ними в церковь, и поставиша я на пространьнѣ мѣстѣ, показающе красоту церковную, пѣнья и службы архиерѣйски, престоянье дьякон, сказающе им служенье бога своего. Они же во изумѣньи бывше, удивившеся, похвалиша службу их. И призваша я царя Василий и Костянтин, рѣста им: «Идѣте в землю вашю», и отпустиша я с дары велики и с честью. Они же придоша в землю свою.

И созва князь боляры своя и старца, рече Володимер: «Се придоша послании нами мужи, да слышим от них бывшее», и рече: «Скажите пред дружиною». Они же рѣша яко «Ходихом в болгары, смотрихом, како ся покланяють в храмѣ, рекше в ропати, стояще бес пояса; поклонився сядеть, и глядить сѣмо и онамо, яко бѣшен, и нѣсть веселья в них, но печаль и смрад велик. Нѣсть добр закон их. И придохом в нѣмци, и видѣхом в храмѣх многи службы творяща, а красоты не видѣхом никоея же. И придохом же в греки, и ведоша ны, иде же служать богу своему, и не свѣмы, на небѣ ли есмы были, ли на земли: нѣсть бо на земли такаго вида ли красоты такоя, и не доумѣем бо сказати; токмо то вѣмы, яко онъдѣ бог с человѣки пребываеть, и есть служба их паче всѣх стран. Мы убо не можем забыти красоты тоя, всяк бо человѣк, аще вкусить сладка, послѣди горести не приимаеть, тако и мы не имам сде быти». Отвещавше же боляре рекоша: «Аще бы лих закон гречьский, то не бы баба твоя приняла, Ольга, яже бѣ мудрѣйши всѣх человѣк». Отвѣщав же Володимер, рече: «Гдѣ крещенье приимем?» Они же рекоша: «Гдѣ ти любо». И минувшю лѣту, в лѣто 6449 (988), иде Володимер с вои на Корсунь, град гречьский, и затворишася корсуняне в градѣ. И ста Володимер об он пол[4] города в лимени[5], дали града стрѣлище[6] едино, и боряхуся крѣпко из града. Володимер же обьстоя[7] град. Изнемогаху в градѣ людье, и рече Володимер

---

[1] ведай. [2] мячэць. [3] паведамілі. [4] «об он пол» — з двух бакоў. [5] паблізу лімана. [6] адлегласць роўная палёту стралы. [7] абступіў.

к гражаном: «Аще ся не вдасте, имам стояти и за 3 лѣта». Они же не послушаша того. Володимер же изряди воа своа, и повелѣ приспу сыпати к граду. Сим же спущим, корсуняне, подъкопавше стѣну градьскую, крадуще сыплемую персть, и ношаху к собѣ в град, сыплюще посредѣ града. Воини же присыпаху боле, а Володимер стояше.

И се мужь корсунянин стрѣли, имянем Настас, напсав сице на стрѣлѣ: «Кладязи, яже суть за тобою от въстока, ис того вода идеть по трубѣ, копав переими» [1].

Володимер же, се слышав, возрѣв на небо, рече: «Аще се ся сбудеть, и сам ся крещю». И ту абье повелѣ копати преки трубам, и прияша воду. Людье изнемогоша водною жажею и предашася. Вниде Володимер в град и дружина его, и посла Володимер ко царема, Василью и Костянтину, глаголя сице: «Сей град ваю славный взях; слышю же се, яко сестру имата дѣвою, да аще еѣ не вдаста за мя, створю граду вашему, яко же и сему створих».

И слышавша царя, быста печальна, и въздаста вѣсть, сице глаголюща: «Не достоить хрестеяном за поганыя даяти. Аще ся крестиши, то и се получишь, и царство небесное приимеши, и с нами единовѣрник будеши. Аще ли сего не хощеши створити, не можем дати сестры своее за тя». Си слышав Володимер, рече посланым от царю: «Глаголите царема тако: Яко аз кращюся, яко испытах преже сих дний закон вашь, и есть ми люба вѣра ваша и служенье, еже бо ми сповѣдаша послании нами мужи». И си слышавша царя рада быста, и умолиста сестру свою, имянем Аньну, и посласта к Володимеру, глаголюща: «Крестися, и тогда послевѣ сестру свою к тобѣ». Рече же Володимер: «Да пришедъше с сестрою вашею крестять мя». И послушаста царя и посласта сестру свою, сановники нѣкия и прозвутеры. Она же не хотяше ити: «Яко в полон, — рече, — иду, луче бы ми сде умрети». И рѣста ей брата: «Еда како обратить бог тобою Рускую землю в покаянье, а Гречьскую землю избавишь от лютыя рати. Видиши ли, колько зла створиша Русь греком? И нынѣ аще не идеши, то же имуть створити нам». И одва ю принудиша. Она же, сѣдъши в кубару [2], цѣловавши ужики своя с плачем, пойде чрес море. И приде к Корсуню, и изидоша корсуняне с поклоном, и въведоша ю в град, и посадиша ю в полатѣ.

По божью же устрою в се время разболѣся Володимер очима, и не видяше ничто же, и тужаше велми, и не домышляшеться, что створити. И посла к нему царица, рекущи: «Аще хощеши избыти болѣзни сея, то въскорѣ крестися, аще ли, то не имаши избыти недуга сего». Си слышав Володимер, рече: «Да аще истина будеть, то поистинѣ велик бог будеть хрестеянеск». И повелѣ хрестити ся. Епископ же корсуньский с попы царицины, огласив, крести Володимера. Яко възложи руку на нь абье [3] прозрѣ. Видив же се Воло-

---

[1] Матыў перакопкі водаправода перад обложаным горадам перапісчык, напэўна, запазычыў з біблейскай кнігі аб Юдзіф-удавіцы. (Гл. стар. 416 хрэстаматыі.) [2] у карабль. [3] тым часам.

димер напрасное ицѣленье, и прослави бога, рек: «Топерво уведѣх бога истиньнаго». Се же видѣвше дружина его, мнози крестишася. Крести же ся в церкви святаго Василья, и есть церки та стоящи в Корсунѣ градѣ, на мѣстѣ посреди града, идѣ же торг дѣють корсуняне; полата же Володимеря с края церкве стоить и до сего дне, а царицина полата за олтарем. По крещеньи же приведе царицю на браченье. Се же не свѣдуще право, глаголють, яко крестилъся есть в Киевѣ, инии же рѣша: в Василеве; друзии же инако скажють. Крещену же Володимеру, предаша ему вѣру крестеяньску, рекуще сице: «Да не прельстять тебе нѣции от еретик, но вѣруй...

Не преимай же ученья от латын, их же ученье разъвращено: влѣзъше бо в церковь, не поклонятся иконам, но стоя поклонится, и, поклонився, напишеть крест на земли и цѣлуеть, встав прост, станеть на немь нагами; да лег цѣлуеть, встав попираеть. Сего бо апостоли не предаша; предали бо суть апостоли крест поставлен цѣловать и иконы предаша. Лука бо еуангелист, первое напсав, посла в Рим. «Яко же глаголеть Василий: икона на первый образ приходить». Паки же и землю глаголють материю. Да аще им есть земля мати, то отець им есть небо, искони бо створи бог небо, таже землю. Тако глаголють: «Отче нашь, иже еси на небеси». Аще ли по сих разуму земля есть мати, то почто плюете на матерь свою? Да сѣмо[1] ю лобызаете, и паки оскверняете? Сего же преже римляне не творяху, но исправляху на всѣх сборѣх, сходящеся от Рима и от всѣх престол. На первомь бо сборѣ, иже на Арья в Никѣи, от Рима Силевестр посла епископы и презвутеры, от Олексаньдрѣя Офонасий, от Царягорода Митрофан посла епископы от себе; тако исправляху вѣру. На втором же зборѣ от Рима Дамас, и от Олексанъдрия Тимофѣй, от Антиохия Мелетий, Курил Ярусалимский, Григорий Богословець. На третьем же сборѣ Келестин Римьский, Курил Олександрьский, Увеналий Ерусалимский. На четвертомь же сборѣ Левонтий Римьскый, Анаталий Царягорода, Увеналий Ерусалимский. На пятомь сборѣ Римьский Вилигий, Евтухий Царягорода, Аполинарий Олександрьский, Домнин Антиохийскый. На 6-мь сборѣ от Рима Агафон, Георгий Царягорода, Феофан Антиохийскый, от Александриа Петр мних. На 7-мь сборѣ Оньдреян от Рима, Тарасий Царяграда, Политиан Олексаньдрьский, Федорит Антиохийскый, Илья Ерусалимский. И си вси со своими епископы сходящеся исправляху вѣру. По семь же сборѣ Петр Гугнивый со инѣми шед в Рим и престол въсхватив, и разъврати вѣру, отвергъся от престола Ярусалимска, и Олексаньдрьскаго, и Царяграда и Онтиахийскаго. Възмутиша Италию всю, сѣюще ученье свое разно. Ови бо попови одиною женою оженивъся служать, а друзии до 7-ми жен поимаюче служать, их же блюстися ученья. Пращають же грѣхи на дару, еже есть злѣе всего. Бог да схранить тя от сего.

---

[1] тут.

Володимер же посем поем царицю, и Настаса, и попы корсуньски, с мощми святаго Климента и Фифа, ученика его, поима съсуды церковныя и иконы на благословенье себѣ. Постави же церковь в Корсуни на горѣ, идѣ же съсыпаша средѣ града, крадуще, приспу, яже церки стоить и до сего дне. Взя же ида мѣдянѣ двѣ капищи [1] и 4 кони мѣдяны, иже и нынѣ стоять за святою Богородицею, яко же невѣдуще мнять я мрамаряны суща. Вдасть же за вѣно греком Корсунь опять царицѣ дѣля, а сам приде Киеву. Яко приде, повелѣ кумиры испровреци [2], овы исѣщи, а другия огневи предати. Перуна же повелѣ привязати коневи к хвосту и влещи с горы по Боричеву на Ручай, 12 мужа пристави тети [3] жезльемь. Се же не яко древу чюющю, но на поруганье бѣсу, иже прелщаше симь образом человѣкы, да възмездье прииметь от человѣк. «Велий еси, господи, чюдна дѣла твоя!» Вчера чтимь от человѣк, а днесь поругаем. Влекому же ему по Ручаю к Днѣпру, плакахуся его невѣрнии людье, еще бо не бяху прияли святаго крещенья. И привлекше, вринуша и в Днѣпр. И пристави Володимер, рек: «Аще где пристанеть, вы отрѣвайте его от берега; дондеже порогы проидеть, то тогда охабитеся его». Они же повелѣная створища. Яко пустиша и проиде сквозѣ порогы, изверже и вѣтр на рѣнь [4], и оттолѣ прослу [5] Перуня Рѣнь, яко же и до сего дне словеть. Посемь же Володимер посла по всему граду, глаголя: «Аще не обрящеться [6] заутра на рѣцѣ, богат ли, ли убог, или нищь, ли работник, противен мнѣ да будеть».

Се слышавше людье, с радостью идяху, радующеся и глаголюще: «Аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре прияли». Наутрия же изиде Володимер с попы царицины и с корсуньскыми на Дънѣпр, и снидеся бе-щисла людий. Влѣзоша в воду, и стаяху овы до шие, а друзии до персий, младии же по перси от берега, друзии же младенци держаще, свершении же бродяху, попове же стояще молитвы творяху. И бяше си видѣти радость на небеси и на земли, толико душь спасаемых; а дьявол стеня глаголаше: «Увы мнѣ, яко отсюда прогоним есмь! Сде бо мнях жилище имѣти, яко сде не суть ученья апостольска, ни суть вѣдуще бога, но веселяхъся о службѣ их, еже служаху мнѣ. И се уже побѣжен есмь от невѣгласа, а не от апостол, ни от мученик, не имам уже царствовати в странах сих».

Крестившим же ся людем, идоша кождо в домы своя. Володимер же рад быв, яко позна бога сам и людье его, възрѣв на небо рече: «Христе боже, створивый небо и землю! Призри на новыя люди сия, и дажь им, господи, увѣдѣти тобе, истиньнаго бога, яко же увѣдѣша страны хрестьяньскыя. Утверди и вѣру в них праву и несовратьну, и мнѣ помози, господи, на супротивнаго врага, да, надѣяся на тя и на твою державу, побѣжю козни его». И се рек,

---

[1] Калі вяртаўся назад, узяў з сабою двух медных ідалаў. [2] скінуць. [3] сячы. [4] водмель. [5] стала вядомая. [6] не з'явіцца.

повелѣ рубити церкви и поставляти по мѣстом, иде же стояху кумири. И постави церковь святаго Василья на холмѣ, иде же стояше кумир Перун и прочии, иде же творяху потребы князь и людье. И нача ставити по градом церкви и попы, и люди на крещенье приводити по всѣм градом и селом. Послав нача поимати у нарочитые[1] чади дѣти, и даяти нача на ученье книжное. Матере же чад сих плакахуся по них, еще бо не бяху ся утвердили вѣрою, но акы по мертвеци плакахся...

Володимер же просвѣщен сам, и сынове его, и земля его. Бѣ бо у него сынов 12: Вышеслав, Изяслав, Ярослав, Святополк, Всеволод, Святослав, Мьстислав, Борис, Глѣб, Станислав, Позвизд, Судислав. И посади Вышеслава в Новѣгородѣ, а Изяслава Полотьскѣ, а Святополка Туровѣ, а Ярослава Ростовѣ. Умершю же старѣйшему Вышеславу Новѣгородѣ, посадиша Ярослава Новѣгородѣ, а Бориса Ростовѣ, а Глѣба Муромѣ, Святослава Деревѣх, Всеволода Володимери, Мстислава Тмуторокани. И рече Володимер: «Се не добро, еже мал город около Киева». И нача ставити городы по Деснѣ, и по Востри, и по Трубежеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ. И поча нарубати мужѣ лучшиѣ от словень, и от кривичь, и от чюди, и от вятичь, и от сих насели грады: бѣ бо рать от печенѣг. И бѣ воюяся с ними и одолая им.

[Аб барацьбе полацкіх князёў]

В лѣто 6529 (1021). Приде Брячислав, сын Изяславль, внук Володимърь, на Новъгород, и зая Новъгород, и поим новгородцѣ и имѣнье их, поиде Полотьску опять. И пришедшю ему к Судомири рѣцѣ, и Ярослав ис Кыева в 7 день постиже и[2] ту. И побѣди Ярослав Брячислава, и новгородцѣ вороти Новугороду, а Брячислав бѣжа Полотьску...

В лѣто 6552 (1044). Выгребоша 2 князя, Ярополка и Ольга, сына Святославля, и крестиша кости ею[3], и положиша я[4] в церкви святыя Богородица. В се же лѣто умре Брячислав, сын Изяславль, внук Володимерь, отець Всеславль, и Всеслав, сын его, сѣде на столѣ его, его же роди мати от вълхвованья. Матери бо родивши его[5], бысть ему язвено на главѣ его, рекоша бо волсви матери его: «Се язвено навяжи на нь, да носить е до живота своего», еже носить Всеслав и до сего дне на собѣ; сего ради немилостив есть на кровьпролитье...

В лѣто 6575 (1067). Заратися[6] Всеслав, сын Брячиславль, Полочьскѣ, и зая Новъгород. Ярославичи же трие, — Изяслав, Святослав, Всеволод, — совокупивше вои, идоша на Всеслава, зимѣ[7] сущи велицѣ. И придоша ко Мѣньску, и мѣняне затворишася в градѣ. Си же братья взяша Мѣнеск, и исѣкоша мужѣ, а жены и

[1] у лепшых. [2] яго. [3] іх. [4] іх. [5] Давальны самастойны, перакладаецца на сучасную мову так: «Калі яго маці нарадзіла». [6] узброіўся, сабраў войска. [7] марозам, сцюжай.

дѣти вдаша на щиты, и поидоша к Немизѣ, и Всеслав поиде противу. И совокупишася обои на Немизѣ, мѣсяца марта в 3 день; и бяше снѣг велик, и поидоша противу собѣ. И бысть сѣча зла, и мнози падоша, и одолѣша Изяслав, Святослав, Всеволод, Всеслав же бежа. По семь же, мѣсяца иуля в 10 день, Изяслав, Святослав и Всеволод, цѣловавше крест честный к Всеславу, рекше ему: «Прииди к нам, яко не створим ти зла». Он же надѣявъся цѣлованью креста, переѣха в лодьи черес Днѣпр. Изяславу же в шатер предъидущю [1], и тако яша [2] Всеслава на Рши у Смолиньска, преступивше крест. Изяслав же привед Всеслава Кыеву, всади и в порубь с двѣма сынома.

В лѣто 6576 (1068). Придоша иноплеменьници на Руську землю, половьци мнози. Изяслав же, и Святослав и Всеволод изидоша противу имь на Льто. И бывши нощи, подъидоша противу собѣ. Грѣхь же ради наших пусти бог на ны поганыя, и побѣгоша руськыи князи, и побѣдиша половьци... Изяславу же со Всеволодом Кыеву побѣгшю, а Святославу Чернигову, и людье кыевстии прибѣгоша Кыеву, и створиша вѣче на торговищи, и рѣша, пославшеся ко князю: «Се половци росулися по земли; дай, княже, оружье и кони, и еще бьемся с ними». Изяслав же сего не послуша. И начаша людие говорити на воеводу на Коснячька; идоша на гору, с вѣча, и придоша на двор Коснячьков, и не обрѣтше его, сташа у двора Брячиславля и рѣша: «Поидем, высадим дружину свою ис погреба». И раздѣлишася на двое: половина их иде к погребу, а половина их иде по Мосту; си же придоша на княжь двор. Изяславу же сѣдящю на сѣнех с дружиною своею, начаша прѣтися [3] со князем, стояще долѣ. Князю же из оконця зрящу и дружинѣ стоящи у князя, рече Тукы, брат Чюдинь, Изяславу: «Видиши, княже, людье възвыли; посли ат Всеслава блюдуть». И се ему глаголющю, другая половина людий приде от погреба, отворивше погреб. И рекоша дружина князю: «Се зло есть; посли ко Всеславу, ат призвавше лестью ко оконцю, пронзуть и [4] мечем». И не послуша сего князь. Людье же кликнуша, и идоша к порубу [5] Всеславлю. Изяслав же се видѣв, со Всеволодом побѣгоста з двора, людье же высѣкоша Всеслава ис поруба, в 15 день семтября, и прославиша и средѣ двора къняжа. Двор жь княжь разграбиша, бещисленое множьство злата и сребра, кунами и бѣлью. Изяслав же бѣжа в Ляхы...

Всеслав же сѣде Кыевѣ. Се же бог яви силу крестную, понеже Изяслав цѣловав крест, и я и [6]; тѣм же наведе бог поганыя, сего же явѣ избави крест честный. В день бо Въздвиженья Всеслав, вздохнув, рече: «О кресте честный! Понеже к тобѣ вѣровах, избави мя от рва сего». Бог же показа силу крестную на показанье землѣ Русьстѣй, да не преступають честнаго креста, цѣловавше его; аще ли преступить кто, то и здѣ прииметь казнь и на придущемь вѣцѣ

---

[1] Калі Ізяслаў, ідучы першым, прывёў яго да сябе ў шацёр. [2] захапілі. [3] спрачацца. [4] яго. [5] да турмы. [6] і захапілі яго.

казнь вѣчную. Понеже велика есть сила крестная; крестомь бо побѣжени бывають силы бѣсовьскыя, крест бо князем в бранех пособить, в бранех крестом сгражаеми вѣрнии людье побѣжають супостаты[1] противныя, крест бо вскорѣ избавляеть от напастий призывающим его с вѣрою. Ничего же ся боять бѣси, токмо креста. Аще бо бывають от бѣс мечтанья, знаменавше лице крестомь, прогоними бывають. Всеслав же сѣде Киевѣ мѣсяць 7.

В лѣто 6577 (1069). Поиде Изяслав с Болеславомь[2] на Всеслава; Всеслав же поиде противу. И приде Бѣлугороду Всеслав, и бывши нощи, утаивъся кыян бѣжа из Бѣлагорода Полотьску. Заутра же видѣвше людье князя бѣжавша, възратишася Кыеву, и створиша вѣче, и послашася к Святославу и к Всеволоду, глаголюще: «Мы уже зло створили есмы, князя своего прогнавше, а се ведеть на ны[3] Лядьскую землю, а поидѣта в град отца своего; аще ли не хочета, то нам неволя: зажегше град свой, ступим в Гречьску землю».

И рече им Святослав: «Вѣ послевѣ[4] к брату своему; аще поидеть на вы с ляхы[5] губити вас, то вѣ противу ему ратью, не давѣ бо погубити града отца своего; аще ли хощеть с миром, то в малѣ придеть дружинѣ». И утѣшиста кыяны. Святослав же и Всеволод посласта к Изяславу, глаголюща: «Всеслав ти бѣжал, а не води ляхов Кыеву, противна бо ти нѣту; аще ли хощеши гнѣв имѣти и погубити град, то вѣси[6], яко нама жаль отня стола».

То слышав Изяслав, остави ляхы и поиде с Болеславом, мало ляхов поим; посла же пред собою сына своего Мьстислава Кыеву. И пришед Мьстислав, исѣче кияны, иже бѣша высѣкли[7] Всеслава, числом 70 чади, а другыя слѣпиша, другыя же без вины погуби, не испытав. Изяславу же идущю к граду, изидоша людье противу с поклоном, и прияша князь свой кыяне; и сѣде Изяслав на столѣ своемь, мѣсяца мая в 2 день. И распуща ляхы на покорм, и избиваху ляхы отай[8], и възвратися в ляхы Болеслав, в землю свою. Изяслав же възгна[9] торг на гору, и прогна Всеслава ис Полотьска, посади сына своего Мьстислава Полотьскѣ; он же вскорѣ умре ту. И посади в него мѣсто брата его Святополка, Всеславу же бѣжавшю.

[Аб цудоўным здарэнні ў Полацку]

В лѣто 6600 (1092). Предивно бысть чюдо Полотьскѣ в мечтѣ[10]: бываше в нощи тутън[11], станяше по улици, яко человѣци рищюще бѣси. Аще кто вылѣзяше ис хоромины, хотя видѣти, абье[12] уязвен будяше невидимо от бѣсов язвою, и с того умираху, и не смяху излазити ис хором. По семь же начаша в дне являтися на коних, и не бѣ их видѣти самѣх, но конь их видѣти

[1] ворагаў. [2] Баляслаў II Смелы — польскі князь, які княжыў з 1058 да 1079 гг. [3] на нас. [4] вы пашліце паслоў. [5] з палякамі. [6] то ведай. [7] вызвалілі. [8] тайна. [9] перавёў. [10] у горадзе. [11] тупат. [12] у той час, у той момант.

копыта; и тако уязвляху люди полотьскыя и его область. Тѣм и человѣци глаголаху: яко навье[1] бьють полочаны. Се же знаменье поча быти от Дрьютьска.

В си же времена бысть знаменье в небеси, яко круг бысть посредѣ неба превелик. В се же лѣто ведро бяше[2], яко изгараше земля, и мнози борове възгарахуся сами и болота; и многа знаменья бываху по мѣстомь; и рать велика бяше от половець и отвсюду, взяша 3 грады: Пѣсочень, Переволоку, Прилук[3], и многа села воеваша по обѣма странома[4]. В се же лѣто воеваша половци ляхы с Васильком Ростиславичемь[5]. В се же лѣто умре Рюрик, сын Ростиславль. В си же времена мнози человѣци умираху различными недугы, яко же глаголаху продающе и корсты[6], яко «Продахом корсты от Филипова дне до мясопуста[7] 7 тысячь». Се же бысть за грѣхы наша, яко умножишася грѣси наши и неправды. Се же наведе на ны[8] бог, веля нам имѣти покаянье и вътстягнутися[9] от грѣха, и от зависти и от прочих злых дѣл неприязнин.

---

[1] душы памёршых. Вера ў існаванне памёршых душ была распаўсюджана ў славян яшчэ ў часы язычаства. [2] «ведро бяше» — была засуха, не было дажджу. [3] гарады Пераяслаўскага княства, якія знаходзіліся на граніцы з палавецкімі стэпамі. [4] па двух берагах Дняпра. [5] унук Уладзіміра, сына Яраслава Мудрага, памёр у 1124 г. [6] дамавіны. [7] лічба па царкоўнаму календару. [8] на нас. [9] устрымацца.

КІРЫЛ ТУРАЎСКІ

(каля 1130—1182)

Кірыл Тураўскі — адзін з буйнейшых пісьменнікаў другой палавіны XII ст. Дакладных звестак няма, але мяркуюць, што нарадзіўся ён каля 1130 г. У дзяцінстве Кірыл атрымаў высокую па таму часу адукацыю ў г. Тураве, які з'яўляўся цэнтрам Турава-Пінскага княства і як культурны цэнтр сапернічаў з г. Кіевам. Тут жыла грэчаская царэўна (жонка тураўскага князя), у яе прыдворнымі служкамі былі багатыя і высокаадукаваныя грэкі, якія кіравалі культурным жыццём княства. Яны, напэўна, і былі настаўнікамі Кірыла Тураўскага, бо ўся яго літаратурная творчасць знаходзілася пад вялікім уплывам візантыйскай літаратуры і светапогляду. Стаўшы юнаком, Кірыл Тураўскі пастрыгся ў манахі і захапіўся аскетычным жыццём у такой ступені, што звычайныя манашскія справы перасталі яго задавальняць. Тады ён пажадаў замураваць сябе ў манастырскай вежы і там у адзіноце аддаўся посту і літаратурнай дзейнасці.

Літаратурная дзейнасць прапаведніка і суровы аскетызм Кірыла ў хуткім часе звярнулі на сябе ўвагу жыхароў і князя, у выніку чаго апошнія, калі тураўская епіскапская кафедра стала вакантнай, абралі яго епіскапам. Памёр Кірыл Тураўскі каля 1182 г.

Кірыл Тураўскі ўвайшоў у гісторыю як выдатны майстар так званага ўрачыстага царкоўнага красамоўства, якое ў XII—XIV ст. ст. паступова прышло ў заняпад і ў хуткім часе знікла з літаратурнага ўжытку да першай палавіны XVII ст., калі яно зноў уваскрэсла як жанр у творчасці Стафана Зізанія, Мялеція Сматрыцкага, Ляонція Карповіча і іншых беларускіх пісьменнікаў-палемістаў таго часу.

Кірыл Тураўскі быў пладавітым для свайго часу пісьменнікам. Бясспрэчна яго пяру належаць: Прытча аб душы і целу (сляпцу і храмцу); Аповесць аб бяспечным цару і яго мудрым саветніку; Казанне аб чорнарызкім чыну; 8 павучанняў, або «Слоў»; каля 30 малітваў; і некалькі канонаў. Поўны аб'ём яго гімнаграфічнай творчасці ў навуцы яшчэ дакладна не вызначан.

Незвычайныя паэтычныя здольнасці пісьменніка Кірыла Тураўскага з найбольшай паўнатою праявіліся ў яго «Словах», якія ён пісаў з выпадку таго або іншага царкоўнага свята. Тут бязмежная і прыгожая фантазія аўтара спалучаецца з хараством і велічнасцю вобразаў, пададзеных у жывой драматычнай форме і надзеленых багатай паэтычнай сімволікай. А гэта сведчыць аб высокім прафесіянальным майстэрстве Кірыла Тураўскага як пісьменніка. Літаратурная творчасць Кірыла яшчэ пры яго жыцці атрымала высокае прызнанне сярод сучаснікаў пісьменніка, якія называлі яго: «Златоуст, паче всех воссиявший нам на Руси». Казанні Кірыла ўключаліся сучаснікамі ў склад

«Златоуста» і «Торжественника», якія былі анталогіямі лепшых узораў казанняў найбольш славутых і папулярных у той час грэчаскіх майстраў аратарскага красамоўства. Творы пісьменніка ахвотна, беражліва і дакладна перапісвалі пісцы амаль да XIX ст., а частка твораў нават перакладалася на вершы і, такім чынам, рабілася прадметам літаратурнага перайманні.

Змешчаныя ў хрэстаматыі поўныя тэксты «Слоў» Кірыла Тураўскага і тэкст Прытчы аб душы і целу друкуюцца па выданню АН СССР (Гл. Труды отдела древнерусской литературы, XII, М.—Л., 1956, стар. 340—347; т. XIII, М.—Л., 1957, стар. 415—426. И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского) а «Слово на възнесение господне» па выданню К. Ф. Калайдовіча. (Гл. Памятники российской словесности XII в., М., 1821, стар. 65—73).

СЛОВО
КИРИЛА НЕДОСТОИНАГО МНИХА ПО ПАСЦѢ, ПОХВАЛЕНИЕ ВЪСКРЕСЕНИЯ, И О АРЪТУСѢ, И О ФОМИНѢ ИСПЫТАНЬИ РЕБР ГОСПОДНИХ. ГОСПОДИ, БЛАГОСЛОВИ!

Велика учителя и мудра сказателя требуеть церкви на украшение праздника. Мы же нищи есмы словом и мутни умом, не имуще огня святаго духа на слажение душеполезных словес; обаче любьве дѣля сущая со мною братья мало нѣчто скажем о поновьленьи въскресения Христова.

В минувшюю недѣлю святыя пасхи удивление бѣ небеси и устрашение преисподним, обновление твари, избавьление миру, раздрушение адово и попрание смерти, въскресение мертвым и погубьление прелестьныя власти дьяволя, съпасение же человѣческому роду Христовымь воскресениемь, обнищание ветхому закону и порабощение суботѣ, обогащение церкви и въцарение недѣли.

В минувшюю недѣлю всему пременение[1] бысть. Створи бо ся небомь земля, очищена богом от бѣсовьских скверн; ангели с женами раболѣпно воскресению служать. Обновися тварь; уже бо не нарекуться богомь стухия: ни солнце, ни огнь, ни источници, ни древеса. Отселе бо не приемлеть ад закалаемых отци младенци, ни смерть почьсти; преста бо идолослужение, и погубися бѣсовьское насилье крестным таинством, и не токмо съпасеся человѣчь род, но и освятися Христовою вѣрою. Ветхий[2] же закон отынудь обнища отвержениемь телча крове и козья жерътвы; един бо Христос сам собою к отцю за всѣх жертву възнесе. Тѣмь и праздьник суботѣ преста, а недѣли благодать дана бысть въскресения ради, и царствуеть уже в днех недѣля, яко в ту въскресе из мертвых.

Вѣнчаем, братье, царицю днем и дары честны с вѣрою той принесем; дадим по силѣ, яко же можем: ов[3] милостыню и безлобье и любовь; другий — дѣвство чисто и вѣру праву, и смѣрение нелицемѣрно; ин[4] — псаломъское пѣнье, апостолское учение, молитва с въздыханиемь к богу. Сам бо господь Моисѣемь глаголеть: «Не являйся предо мною тощь в день праздника». Принесемь ему преже-

---

[1] перамена. [2] стары. [3] той, гэты. [4] іншы.

реченыя добродѣтели, да въспримем божию милость, ибо не лишить добра приходящих с вѣрою: «Славящая бо мя, — рече, — прославлю».

Похвалим красно новую сию недѣлю, в ню же поновление воскресения празднуем. Не бо та же пасха, но антипасха наречеться. Пасха бо изъбавленье миру есть от насилья дьяволя и освобождение мертвым от ада преисподняго; аньтипасха же есть поновление въскресения, образ имущи ветхага закона, иже завѣща бог в Егуптѣ Моисѣеви глаголя: «Се избавляю люди моя от работы фараоня и свобожаю я от мученья приставьник его, да понавляеши день спасения твоего, вонь жь побѣдих враги твоя, Израилю». Се нынѣ и мы понавляем празднующе побѣдныи день Христов, вонь же спасение всему миру сдѣя побѣдив начала и въласти темныя. Того ради и артусный хлѣб от пасъхи и до ныня в церкви священ бысть и днесь на иерѣйских версѣх ломиться за опрѣснокы, несеныя на главах левгит от Египта по пустыни, дондеже и Чермьное [1] море проидоша и ту того освятиша богови, его же вкушающе сдрави бываху и врагом страшни. Они же убо изъбывше телесныя работы, понавляху празднующе день опрѣсночный; мы же владыкою спасени от работы мысленаго фараона дьявола, понавляем побѣдный на враги день; сего священаго нынѣ приемьлюще хлѣба, тако вкушаем, яко же они хлѣба небеснаго и ангельскаго брашна, и храним его на всяку потребу благу, на сдравие телесем и душам на спасение и на прогнание всякого недуга.

Днесь ветхая конець прияша, и се быша вся нова, видимая же и невидимая. Нынѣ небеса просвѣтишася, темных облак яко вретища [2] съвьлекъше, и свѣтлымь воздухом славу господню исповѣдають. Не си [3], глаголю, видимая небеса, нъ разумныя, апостолы, иже днесь на Сионѣ к ним въшедша познаша господа, и всю печаль забывша и скорбь июдѣйскаго страха отвергъше, святымь духомь осѣнившеся въскресение Христово ясно проповѣдають.

Нынѣ солнце, красуяся, к высотѣ въсходить и, радуяся, землю огрѣваеть, — взиде бо нам от гроба праведное солнце Христос и вся вѣрующая ему спасаеть. Ныня луна, с вышняго съступивши степени, болшему свѣтилу честь подаваеть; — уже бо ветъхий закон по писанию с суботами преста и пророки Христову закону честь подаеть. Ныня зима грѣховная покаяниемь престала есть и лед невѣрия богоразумиемь растаяся; зима убо язычьскаго кумирослужения апостолскимь учениемь и Христовою вѣрою престала есть, лед же Фомина навѣрия показаниемь Христов ребр растаяся. Днесь весна красуеться оживляющи земное естьство, и бурьнии вѣтри тихо повѣвающе плоды гобьзують [4], и земля сѣмена питающи зеленую траву ражаеть. Весна убо красная есть вѣра Христова, яже крещениемь поражаеть чоловѣческое паки естьство [5]; бурнии же вѣтри — грѣхотворнии помыслы, иже покаяниемь претворьшеся на добродѣтель душеполезныя плоды гобьзують; земля же естьства

---

[1] Чырвонае. [2] лахманы. [3] гэтыя. [4] напаўняюць багаццем. [5] адраджэнне.

нашего, аки сѣмя слово божие приемши и страхом его боляши присно [1], дух спасения ражаеть.

Ныня новоражаеми агньци [2] и уньци [3], быстро путь перуще. скачють и скоро к матерем възвращающеся веселяться, да и пастыри свиряюще [4] веселиемь Христа хвалять. Агньца, глаголю, кроткия от язык люди, а уньца — кумирослужителя невѣрных стран, иже Христовымь въчеловѣчениемь, и апостольскимь учениемь и чюдесы, скоро по закон емьшеся [5] к святѣй церкви възвратившеся, млеко си учения съсуть, да и учители Христова стада о всѣх молящеся Христа бога славять, вся волкы и агньца в едино стадо събравшаго.

Ныня древа лѣторасли [6] испущають, и цвѣты благоухания процвитають, и се уже оградн [7] сладъку подавають воню [8], и дѣлатели [9] с надежею тружающеся плодадавца Христа призывають. Бѣхом бо преже аки древа дубравная неимущи плода, ныня же присадися Христова вѣра в нашемь невѣрьи, и уже держащеся корене Иосѣева, яко цвѣти добродѣтели пущающе, райскаго паки [10] жития о Христѣ ожидають, да и святители о церкви тружающеся от Христа мьзды ожидають. Ныня ратаи [11] слова словесныя уньца к духовному ярму приводяще, и крестное рало [12] в мысьленых браздах погружающе, и бразду покаяния прочертающе, сѣмя духовное всыпающе, надежами будущих благ веселяться.

Днесь ветхая конець прияша, и се быша вся нова въскресения ради. Ныня рѣки апостолския наводняються, и язычныя [13] рыбы плод пущають, и рыбари глубину божия въчеловѣчения испытавше, полну церковную мрежю [14] ловитвы обрѣтають; «Рѣками бо, — рече пророк,— расядеться земля, узрять и разболяться нечестивии людье». Нынѣ мнишьскаго образа трудолюбивая бчела свою мудрость показающи вся удивляеть; яко же бо они в пустынях самокормиемь живуще аньгелы и человѣкы удивляють, и си на цвѣты възлѣтающи медвены сты [15] створяють, да человѣком сладость и церкви потребная подасть. Ныня вся доброгласныя птица церковных ликов гнѣздящеся веселяться. «И птица бо,— рече пророк,— обрѣте гнѣздо себѣ олтаря твоя — и свою каяждо поющи пѣснь, славять бога гласы немолчьными».

Днесь поновишася всѣх святых чинове, нову жизньнь о Христѣ примъше: пророци и патриарси трудившеися в райстѣй почивають жизни, и апостоли с святители пострадавъшеи прославляються на небеси и на земли, мученици и исповѣдници за Христа претерпѣвъше страсть с ангелы вѣнчаються; цесари и князи послушаниемь спасаються; дѣвьствении лици и иночъстии състави, свой крест терпѣниемь понесъше, первѣнцю Христу от земля на небо послѣдують; постьници и пустыньници, от руки господня труда мьзду примъше, в горнемь градѣ с святыми веселяться. Днесь новым людем въскресения Христова поновления праздьник, и вся новая богови прино-

---

[1] заўжды. [2] ягняты. [3] цяляты. [4] іграючы на свірэлях. [5] узяўшыся. [6] парасткі, пабегі. [7] сады. [8] водар, пахучасць. [9] земляробы. [10] зноў. [11] аратыя. [12] саху. [13] язычаскія. [14] сетку. [15] соты.

ситься: от язык[1] вѣра, от хрестьян трѣбы, от иерѣи жертвы, от миродеръжитель боголюбныя милостыня, от вельможь церковное попечение, от праведник смѣреномудрие, от грѣшьник истиньное покаяние, от нечестивых обращение к богу, от ненавидящихъся духовная любы.

Взидем нынѣ и мы, братье, мыслено в Сионьскую горницю, яко тамо апостоли събрашася и сам господь Исус Христос, затвореным дверем, посредѣ их обрѣтеся и рек: «мир вам», исполни я[2] радости. «Възрадоваша бо ся, — рече, — ученици видѣвше господа, и печаль всю телесную и страх сердечный отринуша»; дасть бо ся душам их духовная дерзость познаниемь своего владыки, яко обнажи пред всѣми своя ребра, и гвоздииныя язвы на руку и на ногу показаеть Фомѣ. Не бѣ бо Фома в первый приход с ученики видѣл господа, и слышав его въскресъша не яко лжю мня не вѣроваше, но и самовидець хотя быти Христу, тако глаголаше: «Аще не вложю руки моея в ребра его и в язву гвоздиньную перста моего, не иму вѣры». Тѣмь и господь, не понося[3] ему, сице[4] глаголаше: «Принеси руку твою и вижь прободение ребр моих и вѣруй, яко аз сам есмь. Мнѣ бо и преже тебе патриарси и пророци разумѣвше вѣроваша моему въчеловѣчьнию. Испытай первое Исаино о мнѣ писание: «Копьемь бо, — рече, — в ребра прободен бысть, и изиде кровь и вода; в ребра прободен бых, да ребром падъша Адама въскресих». А тебе ли не вѣрующю ми презрю? Осязай мя, яко сам аз[5] есмь, его же преже осязав Семеон и вѣрою прошаше отпущения с миром, и не буди невѣрен, яко же Ирод, яже[6] слыша мое рожество, глаголаше волъхвом: «Где Христос ражаеться, да и аз шед[7] поклонюся ему?» — а в сердци о убийствѣ моемь мысляше, нъ еще и младеньци изби, но искомаго не обрѣте: Взищуть бо мене злии, нъ не обрящють. Вѣруй ми, Фомо, и познай мя, яко же и Аврам, к нему же под сѣнь с двѣма ангелома придох, и тъ[8] познав мя, господа мя нарече, и о Содомѣ моляше ми ся, да его не погублю, аще и до десяти было бы в немь праведник. А не буди невѣрен, яко же Валам, иже духомь святымь пророк мое за мир умерьтвие и въскресение, и паки мьзды ради прельстивъся погибе. И веруй ми, Фомо, яко сам аз есмь, его же видѣ Ияков в нощи на лѣствицѣ утвержающася; то же и паки позна мя духом, егда боряхъся с нимь в Месопотамьи: тогда бо обѣщахъся ему вчеловѣчитися в племени его. И не буди невѣрен, яко Навходъносор, иже видѣв мя в пещи отроки от огня спасъша, истиною сына божия нарече мя и паки к своим прельстем уклонивъся погибе. Вѣруй ми, Фомо, яко сам аз есмь, его же образ видѣ Исаия на престолѣ высоцѣ, обьстоима множьством ангел. Аз есмь явивыйся Езекилю посредѣ животных образом человѣческомь, ему же и вас прообразих колесы, животных придержащимъся, въздвизающихъся со мною: то бо животный дух бѣ тогда в колесѣх, тъго же и ныня в вас дунух дух святый. Аз есмь, его же видѣ Данил на облацѣх небесных подобьемь сына

---

[1] пляменаў. [2] іх. [3] супярэчыць. [4] так. [5] я. [6] які. [7] пайду. [8] той.

человѣча, съшедъшаго до ветхаго днем, и тъ написа даную ми от бога отца власть и царствю на небеси и на земли нынѣшняго и будущаго бесконечьнаго вѣка. Принеси, о близнече[1], твой перъст и вижь руцѣ мои, има же очи слѣпым отверзох[2], и глухим слуха даровах, и нѣмыя доброглаголивы створих. Вижь и нози мои, има же и пред вами по морю ходих, и по воздуху явьствено ступах, и в преисподняя вшед тѣма ада попрах, и с Клеопою и Лукою до Ельмауса шествовах, и не буди невѣрен, но вѣрен».

Отвѣща Фома, глаголя: «Вѣрую, господи, яко ты еси сам Христос бог мой, о нем же писаша пророци прозряще духомь, его же прообрази в законѣ Моиси, его же отвергошася с жерци фарисѣи, ему же поругашася завистию с книжники жидове, его же с Каияфою на распятье Пилат преда, его же бог отець из мертвых въскреси. Вижю ребра, от них же источи кровь и воду; воду же, да очистиши оскверньшюся землю, и кровь же, да освятиши человѣчьское естьство. Вижу руцѣ твои, има же преже створи всю тварь, и рай насади, и человѣка созда, има же благослови патриархы, има же помаза цесари, има же освяти апостолы. Вижю нози твои, ею же прикоснувшися блудница грѣхов отпуст прият, на нею же припадъши первое вдовица от мертвых своего сына с душею прият жива; над сима ногама кровоточивая подолцѣ ризы прикоснувшися ицѣлѣ от недуга. И аз, господи, вѣрую, яко ты еси бог».

И рече к нему Исус: «Яко видѣв мя и вѣрова, блажени невидѣвшеи в мя вѣровавшеи».

Тѣм же, братье, вѣруем Христу богу нашему, распенъшемуся поклонимъся, въскресшаго прославим, явльшемуся апостолом вѣруем и своя ребра Фомѣ показавшему воспоим, пришедшаго оживит нас похвалим, и просвѣтивъшаго ны[3] исповѣдаем, и всѣх благ подавъшаго нам обилье възвеличим, от троица единого познаим, господа и бога, спаса нашего Исуса Христа, ему же слава с отцемь и с пресвятым духом.

СВЯТОГО КЮРИЛА МНИХА СЛОВО О СЪНЯТИИ ТѢЛА ХРИСТОВА С КРЕСТА, И О МЮРОНОСИЦАХ, ОТ СКАЗАНИЯ ЕВАНГЕЛЬСКААГО, И ПОХВАЛА ИОСИФУ, В НЕДѢЛЮ 3-ю ПО ПАСЦѢ

Праздьник от праздьника честьнѣй приспѣл есть, подавая благодать божию святѣй церкви. Яко же бо и пленица златы, растворены жьньчюгомь, с многоцѣньнымь каменьемь, веселять зрящих на ня очи, — нъ паче сих духовьная нам красота, праздьници святии, веселяще вѣрьныих сердца и душа освящающе. Пьрвое бо въскрьсениемь Христовомь просвѣтися мир и пасъка бысть, вся вѣрныя освящающи; таче Фоминомь испытаниемь

[1] блізарукі. [2] раскрыў. [3] нас.

ребр господень обновися тварь: коснувшю бо ся ему рукою язвах, всѣм извѣсто бысть телесьное въстание.

Ныня же Иосифа благообразьнааго с мюроносицами похвалим, послуживъшааго по распятии тѣлу Христову, его же евангелист богата нарицаеть, пришьдъша от Аримафѣя. «Бѣ бо,— рече,— и тъ [1] ученик Исусов и чая царствия божия. И в врѣмя страсти вольныя спасовы видѣ страшьная в твари чюдеса, солнце помьркъше и землю трясущюся, страха исполнивъся и дивяся приде в Иерусалим. И обрѣте тѣло Христово на крестѣ наго и прободено висяще и Марию, матерь его, с единѣмь ученикомъ тому прѣдъстоящю, яже от болѣзни сердца горцѣ рыдающи, сице глаголааше: «Тварь съболѣзнуеть ми, сыну, твоего зрящи бес правды умьрщвения. Увы мнѣ, чадо мое, свѣте и творче тварем! Что ти ныня въсплачю? Заушения ли, ци ли за ланиту [2] ударения и по плещема биения, уз же и тьмницѣ, и заплевания святаго ти [3] лица, яже от безаконьник за благая прият! Увы мнѣ, сыне! Не повиньн сы поруган бысть и на крестѣ смерти въкуси. Како тя тьрниемь вѣнчаша, и зълчи с отцомь напоиша, и еще и пречистая ти ребра копиемь прободоша! Ужаснуся небо и земля трепещеть, июдѣйска не тързпяще дерзновения; солнце помьрче и камение распадеся, жидовьское окаменение являюще. Вижю тя, милое мое чадо, на крестѣ нага висяща, бѣздушна, безрачна, нѐ имуща видѣния, ни доброты, и горко уязвляюся душею. И хотѣла бых с тобою умрѣти, — не търплю, бо бездушьна тебе зрѣти. Радость мнѣ отселѣ никако же прикоснеться,— свѣт бо мой и надежа и живот, сын и бог, на древѣ угасе. Кде ми, чадо, благовѣстование, еже ми древле Гаврил глаголаше: «Радуйся, обрадованая, с тобою господь!» — цесаря тя и сына вышняаго нарицая, спаса миру, и животворца всѣм, и грѣхом потребителя!

Ныня же зрю тебе, акы злодѣя, межю двѣма повѣшьна разбойникома и копием прободена в ребра мьртвьца, и сего ради горко изнемагаю. Не хощю бо жити, нъ варити тя в адѣ. Ныня моего чаяния, радости и веселия, сына и бога лишена бых. Увы мнѣ! О стараньнѣм ти рожествѣ тако не болѣх, яко же ныня, владыко, растьрзаюся утробою, твое видящи тѣло пригвождено к дрѣву. Твое бѣ преславьно рожество, Исусе, и ныня страшьно умерщвение: — един от несѣяныя проиде утробы, цѣлы печати моего съблюд дѣвьства, и матерь мя своего въплъщения показав, и пакы дѣвою схрани. Знаю твое за Адама пострадание, нъ душевьною рыдаю объята горестию, дивящися твоего таиньства глубинѣ. Слышите, небеса и море с землею, внушайте моих сльз рыдание: се бо творець вашь от священик страсть приемлеть, един праведьн за грѣшникы и безаконьникы убиен бысть. Днесь, Симеоне, постиже мя пророчение: «копие бо мою ныня проходить душю, твоего от воин зрящи поругания».

Увы мнѣ! Кого к рыданию призову! Или с кымь моих сльз излѣю потокы! Вси бо тя оставиша, ужикы [4] же и друзи, твоих,

---

[1] ты. [2] шчаку. [3] твайго. [4] вучні.

Христе, насладивъшеся чюдес. Где нынѣ лик седмьдесятных ученик? Кдѣ ли верховьнии апостоли? Ов бо тя льстию фарисѣом предасть, другый же страха ради пред архиерѣи с клятвою отвержеся, не зная тебе человѣка. И едина, боже мой, раба твоя рыдающи предъстою с хранителемь твоих словес и възлюбленым ти наперсникомь. Увы мнѣ, Исусе мой, драгое имя! Како стоить земля, чюющи тя на себе на крестѣ висяща, иж на водах ту в начатъцѣ основал еси, иже многыя слѣпьца просвѣтив, и мьртвыя словомь въскрѣсивъша твоего божества мановениемь? Придѣте, видите божия смотрения таиньство, како оживлий вся проклятою умерщвен бысть смертию».

И си слышав, Иосиф приближися к горко рыдающий матери,— его же видѣвъши мольбьными тому оплѣташеся глаголы: «Потъщися, благообразне, к Пилату безаконьному судии, и испроси с креста съняти тѣло учителя своего, моего же сына и бога. Подвигнися и прѣдъвари, причастьниче Христову учению, тайный апостоле, обещьниче божию царствию, и испроси уже бездушьное тѣло, пригвожденное к дрѣву и прободеное в ребра. Спостражи, благовѣрьне, сугубаго ти ради вѣнца, его же по въскрьсении Христовѣ въсприимеши, от всѣх конец земля чьстьную славу и поклонение и [1] на небеси бесконьчьную жизнь».

Умилив же ся Иосиф плачевьными тоя глаголы, не рече: «Жьрци на мя въстануть и озлобять, июдѣи въскрамолять и побиють мя, фарисѣи разграбять мое богатьство, буду же и сборища отлучен». Ничто же сих не рече, нъ вся уметы створи и о своемь бо не родив животѣ, да Христа приобрящеть. Дерзнув въниде к Пилату и въпроси глаголя: «Дажь ми, огѣмоне, тѣло страньнаго оного Исуса, распятаго межю двѣмя разбойникома, оклеветанаго от архиерѣи завистию и поруганаго от воин бес правды. Дажь ми тѣло оного Исуса, его же сыномь божиемь нарицяхуть книжьници и цесарьмь повѣдаху фарисѣи, ему же ты повелѣ над главою дъску прибити, имущю писание: «Се есть сын божий и цесарь Израилев». Дажь ми тѣло, его же свой ученик жьрцем льстию на сребрѣ прѣдасть, о нем же провидя Захария тако написа: «Дадите ми цѣну мою, ли отрцѣтеся»; и поставиша 30 срьбрьник цѣну цѣньнаго от сынов Израилев. О том молю ти ся телеси, о немь же прорече Каияфа: «Тому единому за вьсь мир умрети»; — не просто сего прорече, нъ жрьць бѣ сего лѣта. О них же рече Иеремия: «Пастуси просмрадиша виноград мой». И пакы псалом глаголеть о них: «Князи людьстии събьрашася на господа и на Христа его». Си бо рече Соломон: «Помыслиша и прѣльстишася, ослѣпи бо я [2] злоба их, рекоша бо: «Уловим правьдника, ругаиемь и ранами истяжем его и смертию безлѣпотьною осудим его». Сего прошю Исусова телесе, иже противу твоему отвѣща въпросу: «Аз есмь живот и истина и [3]. Не имаши на мнѣ власти никоея же, аще не бы ти дано съвыше». Его же ради и тебе моляше своя жена, глаголющи: «Ничто же не створи пра-

---

[1] яму. [2] іх. [3] яго.

ведьнику тому; много бо пострадах его ради в снѣ». Дажь ми сего распятаго, ему же въходящю в Иерусалим, с вѣтвьми младеньци сърѣтахути и глаголюще: «Осана, сыну Давыдов!»; его же глас слышав, ад отпусти душю Лазоря, уже четвьродневна умьрша; о немь же писа в законѣ Моиси: «Узрите живот вашь прямо очима вашима висящь». Сего хощю мьртваго телесе, его же мати не познавъши мужьска ложа дѣвицею породи; о немь же Исаия к Ахазу глаголаше: «Се дѣвица зачнеть в чревѣ и родить сына, ему имя: «С нами бог»; о немь же Давыд прорече, глаголя: «Прогвоздиша руцѣ мои и нозѣ мои и вся кости моя ищьтоша». Дажь ми сего уже умьршаго на крестѣ, о нем же ты рече к просящим его у тебе на смерть жидом: «Чист есмь от кръви праведника сего»,— умыв же руцѣ и бив прѣдасть его; о нем же глаголеть пророк: «Аз же не противлюся, ни прѣкы глаголю; плещи мои дах на раны и ланитѣ на ударение; лица же моего не отвратих от студа, запльвания». Сего прошю назарянина телесе, ему же от изумѣвъшихъся избѣгающе въпияху бѣси: «Что есть нам и тобѣ, Исусе сыне божий? Вѣмы тя, кто еси святый божий: пришьл еси прѣже врѣмене мучит нас»; о нем же и сам бог отець с небесе, на Иерданѣ крестящюся ему, послушьствоваше глаголя: «Се есть сын мой възлюбленный, о немь же благоизволих»; о немь же дух святый Исаиемь глаголеть: «Яко овча на заколение веден бысть, от безаконьных людий прѣдан бысть на смьрть». Дажь ми тѣло съняти с креста, хощю бо его в своемь положити гробѣ. Уже бо вся о немь испълнишася пророчества: «сь [1] бо наша болѣзни понесе и за ны пострада»; раною его вси ицѣлѣхом; зане прѣдана бысть на смерть душа его и с безаконьникы вънѣнен бысть; истрѣбим бо, рѣша, память его от земля живущих, и имя его не помянеться к тому; сего ради хощеть бог отяти болѣзни от душа его и дати ему крѣпкых користь, пишеть бо ся о немь: «И ты в кръви завѣта своего испустил еси ужникы [2] своя от рова неимуща воды».

И си вся слышав от Иосифа Пилат дивися, и призва сътьника въпроси и [3]: «Аще уже умреть пропятый Исус?» И увѣдав, дасть тѣло Иосифу, да его погребеть, яко же хощеть.

И купив плащаницю сънят тѣло Исусово с креста. Приде же и Никодим, несы исмѣшение изъмюрно и алоино, достойно цѣны литр ста; обиста тѣло Христово, помазавше е мюромь. Въпияше же Иосиф, глаголя сице: «Солнце незаходяй, Христе, творче всѣх и тварем господи! Како пречистѣмь прикоснуся тѣлѣ твоемь, неприкосновьньну ти сущю небесным силам, служащим ти страшьно! Кацѣми же плащаницами обию тя, повивающаго мьглою землю и небо облакы покрывающаго! Или какы воня възлѣю на твое святое тѣло, ему же дары с вонями пьрьстии принесъше цесари, яко богу покланяхуся, преобразующе твое за вьсь мир умьрщвение! Кыя ли нагробьныя пѣсни исходу твоему въспою, ему же в вышьних немолчьными гласы серафими поють! Како ли понесу тя на моею пьрстьною

[1] гэты. [2] вучняў. [3] яго.

руку, носящаго тварь всю, невидимаго господа! Како ли в моемь худѣмь положю тя гробѣ, небесный круг утвердивъшаго словомь и на хѣровимѣх с отцемь и с святымь почивающаго духомь! Обаче си вся смотрениемь твориши и вся си своею волею претерпѣл еси; идеши бо в ад, да Адама от ада с Евгою, падъша преступлениемь, пакы въведеши в рай и прочая с нима въскрѣсиши мьртвьца, своего божества силою. Тѣмь же сице възглашая погребу тя, милостиве, яко же святымь научен бых духомь: «Святый боже, святый крѣпъкый, святый бесмьртьне, помилуй нас!» И положиша и[1] в гробѣ, и привалиша камень велик к дверем гробу. Мария же Магдалыни и Мария Ияковля зряста, где и[1] полагаху.

И минувъши суботѣ и солнцю уже въсиявъшю, вся въкупѣ жены с мюром, се уже чьтвьртое, придоша. Пьрвое бо, яко же глаголеть Матфѣй,— вечер в суботу придоша двѣ женѣ видѣт гроба; при нею же трус бысть, егда ангел отвали камень от дьврий, и от страха его омьртвѣша стрѣгущеи; тѣма тъгда и сам Исус явься рече: «Радуйтася, идѣта к братии моей, да идуть в Галилѣю, и тамо видять мя». И пакы полунощи ины придоша испытат бывъшаго, яже от Магдалынѣ о въскрьсении Христовѣ слышаша; о тѣх бо Лука написа тако; зѣло рано придоша жены к гробу и обрѣтоша камень уже отвальн, и два ангела в них ставъша глаголаста: «Что ищете живаго с мьртвыми? Нѣсть сде, нъ въскрьсе». По семь прѣд зорями друзѣи придоста женѣ, и тѣ видѣста утрь в гробѣ два ангела, иде же бѣ лежало тѣло Исусово; тъм же Иоан Фелог рече: «от тою слышав, Петр с другымь ученикомь тече к гробу, и еще сущи тьмѣ». Марко же о всѣх повѣдаеть мюроносицах, яже с вонями в суботу придоша и вълѣзъше в гроб, видѣша уношю, одесную[2] сѣдяща, и ужасошася. Он же рече им: «Не ужасайтеся! Не вам бо есть страх, нъ безаконьным жьрцьм, с стрѣгущи оде войны. Вы же видете тъщь гроб и рьцѣте апостолом: «Христос въскресе! Видите, — без телесе есть плащаница, и о плотьномь Исусовѣ хвалитеся въстании; будѣте благовѣстьцѣ человѣчьскому спасению, рьцѣте апостолом: Днесь спасение миру!»

Уже не скърбите, ни сѣтуйте, яко мьртвьца, нъ радуйтеся и веселитеся о бозѣ живѣ. Вам хощю тайны повѣдати божия человѣколюбия, яже за Адама в тлю падша пострада; того бо ради с небесе сниде и въплътився бысть человѣк, да истьлѣвъшаго обновить и на небеса възведеть. Он послушав свѣта вражия, въсхотѣ быти бог, и проклят бысть; сь же послушав отца, бог сы бысть человѣк, да змия погубить и человѣка обожить. Он, простер руцѣ к дрѣву възбраньному, смертьное утърже ядро, и быв раб грѣху съниде от едема в ад; Христос же, на крестѣ руцѣ простер, осужения грѣховнаго и от смерти человѣкы свободи. Неповиньн сы продан бысть, да проданыя грѣхомь от дьяволя работы да избавить. На тръсти губою оцьта с золчию въкуси, да загладить рукописание человѣчьскых съгрѣшений. Копиемь в ребра прободен

[1] яго. [2] справа, з правага боку.

бысть, да пламеньное оружие отложить, бранящее человѣком въхода в рай. Кръвь с водою из ребр источи, има же телесную всю скврьну очистив и душа человѣча освятил есть. Съвязан бысть и тьрниемь вѣнчан, да раздрѣшить от уз дьяволь человѣкы и тьрние прельсти вражия искоренить. Солнце помрачи и землею потрясе, и твари всей плакатися створи, да адьская раздрушить скръвища, и тамо сущих душа свѣт видѣша, и Евжин плачь на радость прѣложи. В гробѣ яко мьртв положен бысть, и от вѣка умьршим гробьным живот дарова. Каменьемь с печатьми утвьржен бысть, да адова врата и вѣрѣя от основания скрушить. Стражьми стрѣгомь бѣ всѣми видимо, нъ невидимо съшьд в ад съвязя сотону. Ангельская бо воиньства с нимь текуще зъваху: «Възмѣте, врата, князи ваши, да вънидеть цесарь славы!» И ови съвязаныя душа рѣшаче от тьмниць пущаху; друзии же противныя силы вяжюще глаголаху: «Кде ти, смерти, жало? Кде ти, аде, побѣда?» К ним же оцѣпѣвьше бѣси вълияху: «Кто се есть цесарь славы, с толикою на ны пришел властию? Погубил есть князя тьмы и вся его въсхытил скровища, разби смертьный град, адово чрѣво, извоева плѣньникы, иже с Адамом съде, сущая грѣшных душа. Въскрьсе цѣлом печатем у гроба, тако бо и рожься неврѣди матьрня дѣвства печати».

Да нѣсть вам страха, нъ омьртвѣвъшим войном. Уже бо вся съвьршив Исус въскрьсе боголѣпьнѣ, и показася прѣже вас приходивъшим женам, възывъя красно: «Радуйтася!» И апостолом своим в Галилѣю ити повелѣ, да вся тамо с вами освятив с плътию на небеса възидеть, с нею же и пакы придеть судит мирови. Си же вся от ангела реченая к мюроносицам о Христѣ съказахом.

Похвалим ныня Иосифа приснопамятьнаго, благообразьнаго же и досточюдьнаго.

Блажен еси поистинѣ, преславный и досточюдный Иосифе, толика блага и велика богатьства на земли и на небеси сподобльсяа! Достойно послужив, яко и херовими, божию телеси; нъ они невидимо на своею дьржаще раму, страхомь своя покрывають лица, ты же радуяся на своею руку Христа бога носил еси.

Блажен еси, Иосифе, паче патриарх Аврама, Исака и Якова! Его же бо они глас тъчию слышавъше, чьстьни и славьни паче всѣх явишася, того же ты в плащаницю обил еси тѣло.

Блажю руцѣ твои, Иосифе, на нею же сына божия и всѣх творца дьржал еси тѣло, его же образа не тьрпя зрѣти в Хоривѣ Моиси, под каменьмь скрывъся слыша: «Задьняя моя узриши»; тѣмь и на Фаворѣ с Илиею видѣв Христа, послушьствоваста того суща бога и человѣка.

Блажен еси паче Давыда цесаря, великый Иосифе! Давыд бо от Силома кивот [1] с божиемь словомь принесе, нъ в своем убояся поставити его дому; ты же не скинию с закономь, нъ самого бога прием от крьста, в своемь гробѣ радуяся положил еси.

---

[1] скрыню.

Блажен и преблагословен тобою, Иосифе, ископаный гроб, в немь же полежа Христос спас наш! Уже бо нѣсть гроб, нъ прѣстол божий, олтарь небесный, покоище святаго духа и одр небесьнаго цесаря, «о немь же, — рече Соломон, — стоять сильнии ратоборьци, изучени брани, имуще оружия обоюдуостра»; си глагола назнаменуя святых чины, борющихъся с еретикы и с жиды по Христѣ.

Блажен еси, Иосифе, съвершителю божию таиньству и пророчьскых гаданий раздрѣшителю! О немь же бо закон и пророци притчами написаша, сего ты явьствьно измюрною по святым мазаше язвам.

Блажен еси, Иосифе, иже вся ожививъшаго словомь и водами покрывъшаго твердь небесную, сего, яко мьртвьца, каменемь покрыл еси в гробѣ, чая тридневнаго въскресения!

Блажен убо и град твой Аримафѣй, из него же ты приде послужит сыну божию!

Кую похвалу створим достойну твоего блаженьства, ли кому уподоблю сего праведника? Како начну или како разложю? Небомь ли тя прозову? Нъ того свѣтьлѣй бысть богочестьемь, ибо въ врѣмя страсти Христовы небо помрачися и свой свѣт скры, ты же тогда радуяся на своею руку бога носяше. Землю ли тя благоцвѣтущю нареку? Нъ тоя честьнѣй ся показа; тъгда бо и та страхомь трясашеся, ты же с веселиемь божие тѣло с Никодимомь в плащаницю с вонями обив положил еси. Апостоломь ли тя именую? Нъ и тѣх вѣрнѣе и крѣпъчею обрѣтеся; егда бо они страха ради жидовьска разбѣгошася, тъгда ты без боязни и бесумнѣния послужил еси Христови. Святителя ли тя и старѣйшину прозову? Тѣм бо образ своея службы предал если, обиходя и кадя и кланяяся с молитвами пречистому тѣлу Христову глаголя: «Въскресни, господи, помози нам, избави нас имени твоего ради!» Священомученикомь ли тя нареку, яко толику показал еси любовь к Христови? Аще бо и не вългрузися в твоя пьрси оружие, ни прольяся твоя от меча кръвь, нъ изволением и вѣрою по Христѣ положил еси душю. Поразили бо тя быша и на удеса расѣкли, нъ съхрани тя от тѣх Исус, его же ты храняще тѣло, не убоявъся гнѣва жидовьска, ни прещения жречьска, ни напрасно убивающих войн не устрашися, не пожали си по мнозѣмь богатьствѣ, не родив ни о своемь животѣ, чая тридневнаго въскресения. Нъ паче всѣх святых подвизалъся еси, богоблаженый Иосифе, и паче всѣх имаши дерзновение к Христу, к нему же молися и о нас, хвалящих тя, и чтущих твою с мюроносицами памят, и твой украшающим праздьник.

Подажь, святе, всѣм нам твою помощь, буди покръв граду нашему от всякого зла, подавая князю на противныя побѣду и заступая его от всѣх видимых и невидимых враг, мир же глубок, и съдравие телеси, купно же и души его проси спасения. И нас избави от всякоя нужа, и печали, и бѣды, и всѣх лютых напастий

и многых грѣхов отпуст испроси своими к богу молитвами, да избавить ны от бесконьчьныя муки и причастьникы створить будущая жизни благодатию и человѣколюбиемь господа и бога и спаса нашего Исуса Христа; ему же слава с отцемь и с пресвятымь и благымь и животворящимь духомь, нынѣ и присно[1] и в вѣкы.

СЛОВО
НА ВЪЗНЕСЕНИЕ ГОСПОДНЕ, В ЧЕТВЬРТОК 7-й НЕДѢЛИ ПО ПАСЦѢ, ОТ ПРОРОЧЬСКЫХ УКАЗАНИЙ И О ВЪСКРЕШЕНИИ ВСЕРОДЬНА АДАМА ИЗ АДА

Приди ныня духомь священый пророче Захарие, начаток слову дая нам от своих прорицаний о възнесении на небеса господа бога и спаса нашего Исуса Христа. Не бо притчею[2], но явѣ показал еси нам, глаголя: «се бог нашь грядеть в славѣ, от брани опълчения своего, и вси святии его с нимь, и станѣта нозѣ его на горѣ Елеоньстей, прямо Иерусалиму на въсток». Хощем бо и прочее от тебе увѣдати; а о брани бывъший на обьщаго врага дияволя, от Исаия Серафимьскаго видьца разумѣем. Сам бо господь наш Исус Христос един въпълчися на вся бѣсовьскыя силы, и власти тьмныя испроверже: попрах бо я[3], рече, в ярости моей, и истлих я в гнѣвѣ моемь, и вся ризы моя окръвавих побѣженьем; снидох и до скровищь плѣньник моих, и вся избавих крѣпостию мышца моея, и рѣк: не людие си суть и чада моя?

Си вся о страсти господни и о съшьствии его в ад речена быша. Тамо бо побѣди власти тьмныя крестом, и изведе всеродьна Адама с всѣми отечьствии язык. Люди же наричеть вся языкы, грѣх своих ради съведеныя в ад, а чада наричеть, иже в законѣ кончашася. Нъ на вся въцарилъса бѣ грѣх властию смьртьною, от самаго Адама даже и до Христа: низъвед в преисподьних ада посади, окованы нищетою и желѣзом, безаконий бо ради своих смѣришася. Нъ скрушив врата адова, Христос от бѣд их избави я, и узы их претържe, изъведе я ис тьмы и сѣни смьртьныя, а за четыридесяте дни сия раздѣлили есть користь радости своея: «радуйте бо ся, рече, с мною, яко обрѣтох изгыбъшюю драгму», сирѣчь душа всѣх чаловѣк по отечьствием язык, яже в разная мѣста своих обителий въведе, овы в рай с разбойникомь, а другыя с Адамомь в пищьный едем, ины же с Аврамомь в вѣчныя жизни пребывания; и всѣх же язык душа в своемь свѣтѣ на водах покойных усели. По всѣх бо в тѣлеси падъших прельстию змия, тою же плътию Исус пострада, а по дѣлом комуждо в послѣдьний день въздасть, егда придеть судить всему миру. Си же от ангел к

[1] заўсёды. [2] алегарычнае апавяданне павучальнага характару. [3] іх.

апостолом на Елеоньстей речена быша: мужи бо, рѣша, галилейстии, что стоите зряще на небо? Тъй пакы придеть в славѣ своего божества судит всему миру, и въздасть комуждо по дѣлом его. Святыя же пророкы и преподобныя праведникы с собою на небеса в святый въводит град, их же влаз от богодъхновеньных скажем книг. Мы бо слову нѣсм творци, нъ пророчьскых и апостольскых въслѣдующе глагол, иже послушьствоваша о бозѣ живѣ, им же дух святый въписати тако повелѣ: «вѣрующим на спасение, а невѣрующим на погыбель».

Пойдем же и нынѣ, братие, на гору Елеоньскую умомь, и узрим мысльно вся преславьная, створивъшаяся на ней; на ту бо гору сам Христос бог наш днесь пришел есть, и всѣх святых чинове тамо събрашася: праотечьстии събори, патриаршьское множьство, пророчьстии пълци, апостольстии ликове, и вѣрных тълпы, с седмьдесятьными Христовы ученикы, о них же рече Павел: «болѣ пяти сот братия явися господь». Си же, глаголеть, бывъшая на горѣ Елеоньстей, пред ними же възнесеся господь; а их же възведе на небеса Христос в горний Иерусалим, слыши Матфея глаголюща о них: «и многа тѣлеса почивших святых въсташа, и внидоша по въскресении в святый град, сирѣчь [1] в небесный Сион. Видьць же сим бысть Павьл, егда до третияго въсхыщен быст небесе».

Нъ си оставльше, о възнесении Христовѣ побесѣдуим, и яже быша но горѣ Елеоньстей. Тамо бо ангельскыя силы и архангельская воиньства: ови облакы крилы вѣтрьними приносять на възятие от земля Христа бога нашего, друзии же престол херовимьскый готовять; бог отець ждеть, его же преже имѣ в ядрѣх с собою, дух же святый велить всѣм ангелом его: «възмѣте врата небесная, да вънидеть царь славы». Небеса веселяться, своя украшающе свѣтила, да благословяться от своего творца, с плътию сквозѣ тѣх врата на облацѣх възносима; земля радуеться, видящи на себе бога явьствьно ходяща, и вся тварь красуеться, от Елеоньскыя горы просвѣщаема, яко на той ангели с святыми апостолы, по повелѣнию бога отца съвъкупишася, ожидающе сыновьня пришествия.

Тѣмь сий праздьник паче инѣх чьстьнѣй бысть нам, и си гора святѣйши есть Синайскыя горы. На ону бо невидимо съниде, а на сей явьствьно ся показа; на Синайскую бо сошьд, вся устрашаше, зане [2] гора вся горяще огньмь, молния же и громи приступающая к горѣ умьрщвяху, тъчью [3] с единѣм Моисѣемь бог бесѣдоваше; а на Елеоньскую с тьмами святых въшьд Христос, вся освящаеть, и вся утѣшаеть. Свьтить бо ся Елеон яко солнце, святых чины с Христосъмь на собѣ имѣя, и за оны громы и мълния пророчьстии слышатся гласи, яже радостьно ликъствують глаголюще: «Възнесися силою твоею, боже, поем и въспоем силы твоя». Ангели вся

---

[1] гэта значыць. [2] бо, таму што. [3] толькі.

поущають глаголюще: «въскликнѣте богу вся земля, пойте же имени его»; патриарси начинають пѣснь: «Се бог нашь възноситься, смирив обоя в едино, и съвъкупив земныя с небесными»; преподобнии възглашають: «Вознесися на небеса, боже, по всей земли слава твоя»; праведници велегласують: «Възнесися судяй земли, да и мы в свѣтѣ лица твоего, господи, пойдем»; Давыд же, акы старѣйшина ликов, уяшняя пѣсненые гласы, глаголеть: «Вси языци въсплещѣте руками, въскликнѣте богу гласомь радости, да възидеть бог в въскликновении и господь в гласѣ трубьнѣ»; всѣх же глас оконьчеваеть Павьл, глаголя: «Кто възиде на небеса, Христа съвести? Кто ли сълезе в бездьну, Христа възвести? Нъ тъ есть сшедый, и пакы вьшедый, превыше всѣх небес». Туже бѣ и языческая церквы, уневѣстивъшияся Христу, и того ныня възносима на небеса зрящи скърбить, и стонющи от сердца с Соломономь въпиеть: «Уязвена есмь аз любовию твоею, женише небесный, не трудихъся в слѣд тебе, и дни человѣка не възлюбих». И акы проводящи любимаго въпиеть: «Да цѣлуеть мя от лъбзания уст его»; с нею же и апостольскый лик, зряще на своего учителя и господа, акы чада церковьная, жалостьно глаголаху: «Владыко! Не остави нас сир[1], их же волею възлюбил еси яко милостив, нъ посъли, яко же обѣщал еси нам, твой пресвятый дух».

К ним же отвѣща Исус, милостию утѣшая: «Сядѣте в Иерусалимѣ, аз бо въсхожю к отцю моему и богу вашему и посълю, яко обѣщах вам, иного параклита, духа моего и отча». И въздвиг руцѣ, благослови я. И се рек, възношашеся на небо, и ти поклонишася ему, и облак свѣтьл подъят и от очию их: възиде бо, рече, на херовим, и летѣ на крилу вѣтрьнюю. Имѣяшеть же с собою господь и душа человѣческы, яже вънесе на небеса в дар своему отцю, их же в горним градѣ усели.

Си же от Иеремия разумѣй глаголюща: «Душа, яже враг в преисподьняя съведе, тыя же господь на небеса възведе», рек: «Въстанѣте, възидем в вышний Сион, се же есть небесны Иерусалим».

Преди же течаху ангельскыя силы, страхомь и радостию, отврѣсти хотяще, врата небесная; нъ вышьнии вратьници възбраняху, въпиюще: «Си врата господня, да никто же земных суду проходить, нам бо положи бог яже не мимо идуть»; ныня же дивимъся, зряще человѣка на херовимьстѣмь престолѣ сѣдяща, и преже серафим тъщащася врата си проити. Ангели же повѣдаху сына божия силу и сан, человѣчьскым обложена тѣлесемь, и не пререковати божии воли, вся мудростию творящому: сниде бо, рѣша, на землю, никому же не чювъшю, и се рабий нося образ въсходить; они же рѣша: «Не будем покори, аще не услышим слова божия». Тъгда възгласи Христос: «Отвьрзѣте мнѣ врата правьды, и вьшьд в ня възвѣщю отцю моему, яже на земли сдѣях

---

[1] сіратамі.

и пострадах». И познавъше глас господень вся силы небесныя падъше поклонишася, глаголюще: «Аще не видѣхом, владыко, тебе сходяща, се поклоняем ти ся въсходящю в славѣ». И дух святый на срѣтение ишьд, въводить равьна собѣ сына божия, и почесть творя глаголеть: «и да поклоняться ему вси ангели божии». Сам же бог отець възгласи к грядущему в плъти: «Сын мой еси ты, сяди одесную[1] мене, се престол твой, боже, а вѣкы вѣку; твоя суть небеса и твоя есть земля, и конець ея ты основа». И посадив отець сына на престолѣ, и своею вѣнча его десницею, въспѣвающем сице серафимом: «Положил еси на главѣ его вѣнец от камения драгаго, славою и честью вѣнчал еси его, славу и вельлѣпоту възложил еси нань». Посемь съвьршаеть помазаниемь божия существа, яко же Давыд послушьствуеть: «сего ради помаза тя, боже, бог твой олѣемь радости паче причастьник твоих». Да поистинѣ сий праздник пълн есть радости и веселия: радость на небесѣх вознесъшюся Христу к отцю, и на земли веселие всей твари обновльшися от истълѣния.

Тѣм же и мы, братие, придѣте възрадуимъся господеви, въшьдъшему на небо небесное на въстокы, сѣдящему одесную отца поклонимъся, приимъшему всяку власть на небеси и на земли помолимъся, царьствующому с отцемь принесем вѣру яко дары, не явимъся пред нимъ тыщи в день праздьника, да приемем божию благодать. Днесь бо своя Христос всѣм раздаваеть дары: даеть отцю принесеную имь в жертву плъть, посылаеть апостолом святый дух, въводить душа святых пророк в небесное царство, раздѣляеть своим угодником горняго града обители, отверзаеть праведником рай, вѣнчаеть страдавъшая зань мученикы, посылаеть страстотерпцем чюдес благодать, даеть святителем душеполезная прошения, отпущаеть грѣшником, прегрѣшения, милуеть вся творящая волю его и хранящая заповѣди его, посылаеть благовѣрным князем нашим съдравие тѣлесем и душам спасение и врагом одоление, утвьржаеть церкви, обогощаеть церковьникы, честьны творить служащая ему иерея и дияконы, освящаеть манастырѣ, прославляеть игумены, укрѣпляеть на търпѣние мнихы, благословляеть вся крестьяны: малыя с великыми, нищая с богатыми, рабы с свободными, старьцѣ с уношами, и женимыя с дѣвицями, матери с младенци, сироты с вдовицами.

Придем и мы, братие, в святую церковь; възвеличим Христа бога нашего, давъшаго ны живот; прославим и по сих обѣщавъшаго небесное царство; вознесем имя его въкупѣ, да послеть и нам пресвятый свой дух; того бо есмы раби, и тому славу, чьсть и покланяние въсылаем, с отцемь и с пресвятымь, благыимь и животворящимь духомь, ныня и присно и в вѣки вѣком, аминь.

---

[1] правы бок.

КИРИЛА МНИХА ПРИТЧА О ЧЕЛОВѢЧСТѢЙ ДУШИ И О ТЕЛЕСИ, И О ПРЕСТУПЛЕНИИ БОЖИЯ ЗАПОВѢДИ, И О ВОСКРЕСЕНИИ ТЕЛЕСЕ ЧЕЛОВѢЧА, И О БУДУЩЕМЬ СУДѢ, И О МУЦѢ.

Господи, благослови, отче!

Добро убо, братье, и зѣло полезно, еже разумѣвати нам божественых писаний учение; се и душю цѣломудрену стваряеть, и к смирению прилагаеть ум, и сердце на реть [1] добродѣтели извоостряеть, и всего благодарьствена человѣка стваряеть, и на небеса ко владычним обѣщанием мысль приводить, и к духовным трудом тѣло укрѣпляеть, и приобидѣние сего настоящаго жития, и славы и богатьства творить, и всея житиския свѣта сего печали отводить. Того ради молю вы [2], потщитеся прилѣжно почитати святыя книги, да ся божиих насытивше словес и будущаго вѣка неизреченных благ желание стяжите: она бо аще и невидима суть, но вѣчна и конца неимуща, тверда же и недвижима. Да не просто претецѣмь языком пишемая глаголюще, но с расмотрением внемлюще, потщимся дѣлом створити я. Сладко бо медвеный сот и добро сахар, обоего же добрѣе книгий разум: сия убо суть скровища вѣчныя жизни. Аще бо сде кто обрѣл бы земное скровище, ти не бы на все дерзнул, но един точью честный камень взял бы, — уже бес печали питаеться, яко до конца богатьство имый. Тако обрѣтый божественых книг скровище, пророческых же и псаломьскых же и апостольских и самого спаса Христа спасеных словес истиньный с рассужениемь разум, — уже не собѣ единому быст на спасение, но и инѣмь многим послушающим его. Сему случается еуаггельская [3] притча глаголющи: всяк книжник научися царствию небесному подобен есть мужу домовиту, иже износит от скровищь своих ветхая и новая; аще ли тщеславиемь сказаеть болшим угажая, а многи меншая презрить, буестью крыя господню мнасу, недадый жизньным торжником, да удвоить царьское сребро, еже суть человѣчьскыя душа, и видѣв господь горды его ум, возметь свой от него талант; сам бо прозоривым противится, смиреным же даеть благодать. Аще бо мира сего властели и в житиских тружающеися вещех человѣци прилѣжно требують книжнаго поучения, колма паче нам подобаеть учитися в них и всѣм сердцем взискати их, свидѣния словес божиих, о спасени душь наших писаных. Но тружается мой мутны ум, худ разум имѣя, немогый порядних словес по чину глаголати, но яки слѣп стрѣлець смѣху бываеть, не могы намѣренаго улучити [4]. Но не буди нам особь подвигнути ненаказан язык, но от божественых вземлюще писаний, со многою боязнью еуаггельскых касаемся бесѣдовати словес, приводнѣ господню притчю сказающе, юже Матфѣй церкви предасть.

З а ч а л о. Рече господь: «Человѣк нѣкто домовит бѣаше, иже

---

[1] заўзятасць, старанне. [2] вас. [3] евангельская. [4] забіць з лука.

насади виноград, и остѣни [1] его оплотом, и ископа точило [2], и остави вход, и створи врата, но не затвори входа». И отходя в дом свой, — «Кого, рече, оставлю стража моему винограду? Аще оставлю от служащих ми раб, то свѣдуще [3] мою кротость, истеряють благая моя. Но сице створю: приставлю ко вратом хромца и с ним слепца. Да аще кто от враг моих въсхощеть окрасти мой виноград, то хромець убо видить, слѣпець же чюеть. Аще ли от сею [4] всхощеть внити кто в виноград, хромець убо не имать ногу доити внутрених, слѣпець же аще поидеть, то заблудив в пропастех, убьется». И посадив я у врат; дасть има власть на всѣх внѣшних; пищю же и одѣнья нетрудну съготова; — «Точью, рече, внутрениих без моего не коснитеся повелѣнья». И тако отиде, повѣдѣв има свой по времени приход и тогда мьзду стражбы ради обѣщав има взяти, попрѣти [5] же и [6] мучениемь, аще его преступита заповѣдь. Си же до зде оставлеше, пакы въсприимем еуаггельское слово, плод устен на умнѣй тряпезѣ вашего ока предлагающе.

Отвѣт. Человѣк домовит — бог всевидець и вседержитель, створивы вся словом, видимая же и невидимая. Домовит же ся именуеть, — яко ни един дом имать, по писанию. Глаголеть бо пророк: «Твоя суть небеса и твоя есть земля; вселеная и конець ея ты основа». И паки: «Небо ми престол, а земля подножие ногама моима». Моисий же пол вод под твердию сказуеть, а Давыд превыши небес воду повѣдуеть. Но смотри в писания, разумѣй: вездѣ сы домы божиа, не токмо в твари, но и в человѣцѣх. Вселю бо ся, рече, в ня. Яко же и быст: сниде бо и вселися в плоть человѣчю и взнесе ю [7] от земля на небеса, — да престол есть божий человѣча плот; на вышнемь же небеси престол его стоить. А еже насади виноград — рай глаголеть: того бо то есть дѣло. Пишеть бо ся: «И насади бог рай в едемѣ». А иже остѣни его, рече, оплотом — своимь страхом. Страхом бо его, рече пророк, движется земля, рассѣдается камение, животная трепещють, горы курятся, свѣтила раболѣпно служать, облаци и вздушная тварь повелѣная творять. Стѣна бо — законречется. Закон же всему заповѣдь божия есть; Предѣл бо, рече, положи и, его же не преидуть, ни обратятся. Остави же вход — сирѣчь свидѣния разум: вся бо тварь не преступаеть божия повелѣния; Вся бо, рече, от тебе чають: даси им пищю в время. Пища же не брашно едино речеться, но слово божие, имь же питается тварь. Глаголеть бо Моисѣй: «Не о хлѣбѣ едином жив будеть человѣк, но о всяком глаголѣ, исходящимь из уст божии». Незатвореная же врата — дивныя божия твари устроение и над тѣми божия существа познанье. «От твари бо, рече, творца познай и разумѣй: не качьство, но величьство и силу, славу же и благодать, юже творить собою угажая всѣм вышним и нижним, видимым и невидимым». Аще бо и нарицаеться Христос человѣком, то не образом, но притчею: ни единого бо подобья имѣеть человѣк божия. Не сумнить бо ся писание и ангелы человѣ-

---

[1] загарадзіў. [2] крыніцу. [3] ведаючы. [4] ад гэтых. [5] забараніў, прыгразіў. [6] іх. [7] яе.

кы нарицати, — но словомь, а не подобиемь. Аще бо блазнятся етери[1], слышаще Моисѣя глаголюща: «Рече бог: Створим человѣка по образу нашему и подобью» — и прилагають к бесплотному тѣло, не имуще стройна разума, и есть си ересь и донынѣ человѣкообразно глаголющим бога, иже никако же описается, ни мѣры качьству имать.

Но си оставль, о первѣмь възглаголю. И отходя в свой дом,— «Кого, рече, оставлю стрещи труда моего?» Сия совпрашания— отца и сына и святаго духа не о твари, но о владущим тварью, сирѣчь о владыцѣ, ему же въсхотѣ предати землю и всяко дыхание поработити; не ангелом бо покори вселеную и прокая. «Оставлю, рече, у врат хромца и с нимь слѣпца». Что же есть хромець и слѣпець? Хромець есть тѣло человѣче, а слѣпець есть душа. Преже бог созда тѣло Адамле безъдушно, потом же душю. По создании бо тѣла, глаголеть писание: «И дуну на лице его дух животен». Тѣм же тѣло без душа хромо есть и не наречеться человѣк, но труп. Смотри сдѣ и разумѣй от бытийскых книг. Створи бог тѣло внѣ рая и внесе е в едем, а не в рай. Едем жеречется — пища. Яко се кто бы на пир зовый преже уготоваеть обильну пищю, ти потом приведеть званаго, — тако и бог преже уготоваеть ему жилище едем, а не рай. Рай бо мѣсто есть свято, яко же церкви олтарь. Церквы бо всѣм входна. Та бо ны есть мати, поражающи вся крещениемь и питающи живущая в ней нетрудно, одѣвающи же и веселящи вся вселшаяся в ню. Глаголеть бо пророк: «Се работающии церкви ясти имуть и насытятся». И пакы: «О, чада церковная, съсущеи от сесцю ея тук и масть, помажете веселиемь главы своя». И Давыд: «Упиються, рече, от обилья дому твоего и потоком пищи твоея напоиши я». И паки о одежи священьник и оболчении мних: «Иерѣи твои, господи, облекуться в правду» и прочая. Мниху же: «Соодѣл мя еси нужныя и нелѣпыя одежа и оболк мя в спасение и препоясал мя еси веселиемь. Въспойте же, рече, господеви пѣснь нову, — хваления в церквах преподобными его». И се явѣ есть: от клиросник епископа и от манастыря мних. Вижь, яко епископия и манастырь — едем есть, сирѣчь нетрудная жизнь; олтарь же свят, сирѣчь едемьскы рай, — неудобь въходим, аще и врата незаключена имать. Тако бѣ посажен хромець с слѣпцемь у врат стрещи внутрених, яко же приставлени суть патриарси, архиепископи, архимандрити межю церковью и олтаремь стрещи святых таин от враг Христов, сирѣчь от еретик и зловѣрных искусник, нечестивых грѣхолюбець, иновѣрных скверник. Послушайте же со вниманиемь, да по ряду бесѣду скажемь, и вы со вниманиемь смотрите. Аще бо и мутен имею ум и язык груб, но ваших надѣяйся молитвах, прошю дара слову. Аще и недостоин есмь о сих глаголати, но ползы ради послушающих пишем. Аще ли кто зла слуха имать, то не ищеть что бы ему на ползу обрѣсти, но зазираеть, чимь же бы нас потязал и укарял.

---

[1] іншыя, якія, некаторыя.

Сѣдящема же има етеро время, рече слѣпець к хромцю: «Что убо благоухание се изутрь врат помѣтаеть мя?» Отвѣща хромець: «Многа благая наю господина внутрь суть, их же вкушения — неизреченна сладость. Но понеже премудр есть наю господин,— посади тебе здѣ слѣпа, мене же хромого и не можевѣ никако же тѣх насытитися благынь». Отвѣща глагола слѣпець: «То почто сего давно нѣси ми повѣдал, да быховѣ не жадали, но к сим даным нам ■ область и она особь въсхытивѣ! Аще бо аз слѣп есмь, но имам нози и силен есмь: моги носити тебе же и бремя». Вижь, душевное бремя грѣх; того ради глаголеть пророк: «Яко бремя тяшко отягтѣся на мнѣ». Рече же слѣпець: «Возми убо кошь и всяди на мя. И аз тя ношю, ты же показай ми путь, и вся благая господина наю обьемлевѣ; не мню бо, яко придеть сѣмо наю господин». Се помышления суть ищющих не о бозѣ свѣта сего санов и о телеси токмо пекущихся, ни чающих отвѣта о дѣлѣх въздати, но акы суетну пару свою душю в вѣтр полагающем. Того ради глаголеть Исайя: «Зависть приимуть люди ненаказаныя»; завидим мы, грѣшнии, чьсти и славѣ правѣдных, а не преже творим дѣлес их. «Аще ли, рече, придеть наю господин сѣмо [1], укрыеться от него наю [2] дѣло. Аще бо мене въспросить о тадбѣ [3], аз рку: ты вѣси, господине, яко слѣп есмь. Аще ли тебе въспросить, ты рци: Хром есмь и не могу доити, и тако премудруевѣ наю господина и приимевѣ мьзду наю стражбы». Въсѣд же хромець на слѣпца и дошедша окрадоста вся внутрьняя господина своего благая.

То не воюйте, братье, на мою грубость, нелѣп образ писания поставляющи ми. Яко же бо и по ногу вязяши птицѣ нѣст мощно на аиерьскую [4] възлетѣти высоту, тако и мнѣ в телесных вязящю похотех, невозможно о духовных бесѣдовати: не сольнуть бо ся грѣшнича словеса, не имуща благодати святаго духа. Обаче на предъреченая възратимся, разрѣшающе притча соуз.

Сѣдящема же има, рече, долго время. Что есть долго время?— Бестрашие божия заповѣди и о телеси печение, нерожение же о своей души. Никто же бо страх божий имѣя, в плотьскых прельститься; никто же правовѣрен, чрес закон священьскаго ищеть взяти сана; никто же смерти чая и по смерти пакы въскресения,— тѣ ■ злых пребывають дѣлѣх. Но паки то же реку разума дѣля. Рече слѣпець к хромцю: «Что убо благоухание изутрь помѣтает мя?» и прочая. Се надмение Адамова высокомыслья, яко всѣми обладая земными, животными, морем же и в немь сущею тварью, в едемѣ благих насыщаяся, преже освящения на святая дерзнув, из едема бо вниде в рай. Сего ради писание глаголеть: «Изгна бог Адама из рая и осуди его дѣлати землю, от нея же взят быст». Вижь, яко не тамо повелѣно ему бѣ жити, отнелѣ же его изгна. Тако бо вниде, яко же се церковник недостоин ерѣйства и уталив грѣх свой, не брег же о божии законѣ, но имене дѣля высока и славна житья на епископскый взиде сыан. Слогы подобны.

---

[1] хутка, у дадзены момант. [2] наша. [3] пакражы. [4] паветраную.

Того ради смертью Адама осуди, понеже коснуся древа разумѣния добра и зла. Древо бо разумѣния добра и зла — есть разумны грѣх и волное богоугодья дѣлатель. Пишеть бо ся: «Горѣ в разумѣ согрѣшающим!» Сего ради погубив дуновениемь духа животнаго, его же въдхну бог на лице его, еже есть несвершен дар священия. Пишеть бо ся: «И дуну на лице его дух животен». Тако бо и Христос дунув на лице апостолом: «Приимѣте, рече, дух святы— несвершен дар, точью обѣт священия»; ждати бо им повелѣ самого святаго духа. «Иже пришед, рече, до конца освятить вы». Сице и святители святять падьяки и четции и дьяконы — несвершен дар, но обѣть священия, да ся приготоваюnть на свершеное святительство. Ничто же бо богови тако любо, яко же не възноситися в санѣх, и ничто же тако не мерзить ему, яко же самомнимая величава гордость о взятии сана не о бозѣ. Смотри же оного слѣпца с хромцемь, како преобидѣста господина своего заповѣдь и прещение: взем бо хромца и бремя понесе, и дошед внутрених, приближися к древу, вкуси плода, и се добро зѣло, и тако окрадоста, их же повелено има стрещи.

Привод. Того древа вкуси Каин; не сый священый на священьчьский дерзну чин, поревнова священному Авелю, его же уби завистью. Того древа вкусиша сынове Корѣови, иже с Дафаном и Авироном; взем бо кадилницю и поидоша в скинию [1] неосвящении суще, и пожре я земля. Того древа вкуси Или жрець, иже вѣдый своя сына безаконьствующа во иерѣйствѣ, не отлучи ею священьства. Того древа вкусиша еретици, иже злохитрьемь аки вѣдуще душевный путь заблудиша и не приимше покаяния погибоша. Но сия ократив, на первое возвратимся сказание. Аще и отнемогл есть моего глагола уд [2], но пророк взущаеть мя, тако же глаголя: «Утрудихся вопия, измолче ми гортань».

Обличение грѣх. Слышав же господин, яко окраден есть виноград его, повелѣ изринути от врат хромца и изгнати от стражбы слѣпца.

Разумѣйте же нынѣ, безумнии в людех сановници, буии [3] во иерѣех! Когда умудритеся? Навсажи ухо не слышит ли и создавы око не смотрит ли! Наказая языкы не обличит ли! Учай человѣка разуму не уразумѣет ли нашего грѣхопадения! Господь бо свѣсть злохитрых помышленья, яко суть лестна, и тъ измѣтаеть неправедныя из власти, изгонить нечестивыя от жертвеника. Никий же бо сан мира сего от муки избавить преступающих божия заповѣдии. Но молю вашю любовь, со вниманиемь пишемых смотрите и яже слышите разумѣйте. Повелѣ бог изринути из рая Адама, понеже неповелѣнаго ему коснулся, сирѣчь преже велѣния вниде в мѣсто святое. И усели его противу райстѣй пищи, — «еда како, рече, простре руку и возметь от древа породнаго и жив будеть в вѣки», сирѣчь некли помянеться и смирився покается, о них же согрѣши. Оле многое владычне человѣколюбье! И казнить ны и милуеть,

---

[1] шацёр, засень. [2] член. [3] смелыя, адважныя.

грѣха ради озлобляет ны и паки покаянья ради приемлеть; не хощеть бо смерти грѣшнича, но обратитися велить и живу ему быти. Что есть древо животное? — Смиреномудрие, ему же корень исповѣданье. «Исповѣмь бо, рече, на мя безаконье мое, и ты отпустил еси нечестье сердца моего». Того корене стебло — благовѣрье «Вѣра бо твоя, рече, спасет тя»; все бо вѣрующему даеться. Того стебла многи и различны вѣтви — «мнози бо, рече, образи покаяния: слезы, пост, молитва чиста, милостыни, смирение, вздыхания» и прокая. Тѣх вѣтвий добродѣтелий плод: любы, послушанье, покорение, нищелюбье — мнози бо суть путье спасения. Вижь, яко не в раи бѣ животное древо, ни в едемѣ, но во оземьствии, рекше отлучении сана. Изрину паки и Каина, въпросив его убийства братня, и по обличении показа ему животное древо, рек сице: «Будий стоня и трясайся», сирѣчь покайся о злобѣ, о зависти, о льсти, о убийствѣ, о лжи, смирися, постися, бди, на земли лежи. Но понеже сего не створи, но изиде от лица божия — недальствомь земля, но неимѣньем страха божия при свои души. Благым дѣлом не сущим в нас, ни покаянию о грѣсѣх, в коем си сану будем, далече бога есмы. Близь бо господь скрушеных сердцемь; смиреныя духомь спасеть, волю боящихся его створить. Лице же господне на творящая злая: потребити от земля память их. Сице и Павел изринул от святаго жертвеника Уменѣя и Филита и съблудившая в Коринфи священникы и оземьствова я противу святу олтарю, сирѣчь постави я с клирики, рек: «Имѣйте таковыя на студ, но утвердите к ним любовь, да не погрязнуть злою печалью, но да ся покають и живи будуть». Не всхотѣ сего древа животнаго вкусити Александро ковачь, о нем же рече Павел: « Да вздасть ему господь в день судный по злобѣ его». Не вкуси того древа Трефис ефесин и Николае. Быв от семи дьякон, иже отвергъся Христа и быв кумирожрець в Селуни, а он предаяше мучителем крестьяны, о нею же пишеть Иоан, глаголя: «От нас изидоша и быша на ны». Того породнаго не приимше еретици; прокляти быша и умроша душевною смертью, не разумѣша бо пророка глаголюща: «Вкусите и видите, яко благ господь». Нѣст бо грѣха, иже сдолѣеть божии милости. Точью не отчаим себе, яко Июда; ни невѣруим телесному въскресению, аки садукѣи, — но покаяньем толцѣмь в божия двери, дондѣже отверзеть нам райская врата. Не лож бо рекы господь: «Толцѣте, отверзется вам; ищѣте и обрящете; просите и дасться вам». Но да не предложениемь словес умножю писанье и зѣло предолжю бесѣду, но на предъреченая възвратимъся.

Видѣв же он человѣк свой окраден виноград, въсхотѣ отлучити слѣпца от хромца, — повелѣ первое привести слѣпца, да его опытаеть, кто есть преслушал заповѣдь его и присягл к невходьным бес повелѣния его. Ничто же бо възможет божия таитися ока, и никто же нас тако свѣсть себе, яко же бог всѣх нас свѣсть.

Повелѣ разлучити бог душю от тѣла. Словом бо божиим исходить от тѣла душа: «и отимеши бо, рече, дух их и ищезнуть и в персть свою възвратятся». Да егда видиши тѣло погребено в земли,

не мни ту суща и душа: не от земля бо есть душа, ни в землю входить. Но аще и святых видиши чюдотворныя мощи, не ту их твори душа, но божию разумѣй благодать, тако прославляющю своя угодники: «Славящая бо мя, рече, прославлю». Повелѣ привести слѣпца: по ищезновении от тѣла душа всякого человѣка пред бог приходить с приставленым к ней ангелом, вѣрнаго же и невѣрнаго, сущаго в законѣ и всякого безаконника. Господь бо, рече, испытаеть праведнаго и нечестиваго; вси бо роди язык от единоя быша крове рожении и рассѣяшася жити по лицю всея земля, им же бог створи себе благотворити, дая дождь с небеси и времяна обильная: «Сияеть бо, рече, солнце свое на добрыя и злыя» — и прокая. Но никто же о глаголѣх сих да не зазрить ми, — но испытайте писания и обрящете мя от божиих вземлюща книг. Пишеть бо Моисий: «Постави предѣлы языком по числу ангел божии». Иеремѣя же: «Един есть, рече, господь всѣх, иже под небесемь язык; аще бо остави я в своей когождо прельсти, но душа ихь пред нимь явиться, и тъ судить по дѣлом их». Павел же: «Что бо мнѣ, рече, внѣшним судити, но утреним и вы судите, а внѣшним бог судить». Утрьни глаголеть в законѣ, а внѣшныя — безаконнии языкы. Слышати бо подобаеть божие имя нынѣ разлучающимся от телес душам, да и в послѣдни день въскресше с телесы неблазньно поклоняться богови, а не им же ныня работаша прельщени бѣсом, по апостолу глаголюща: «И тогда увидить всяко око, и всяк язык поклониться, исповѣдая, яко господь Исус Христос в славѣ бога отца един». Но си вся учившеися вѣдять, — аз же о слѣпцѣ початую бесѣду противу силѣ по въмѣщению ума въкратцѣ скажю, аще и поимы творящих ми дозрю; вѣдѣ бо, яко не суть от премудрости, но от грубости сия сказания. Но обаче на основании пророчестѣ и апостольстѣ зижем, имуще уголника самого Христа.

Приведену же бывъшю слѣпцю, быст опытание. — «Не добра ли тя, рече, стража створих моему винограду! То почто его еси окрал?» Отвѣща ему слѣпець: «Господи, ты вѣси, яко аз слѣп есмь и не вижю без водящаго мя камо[1] ити и не вѣдѣ ни единого мѣста, аще и хотѣл бых. Ни чюх же никого же минующа мене враты, да бых крѣпко в слѣд его въпил. Но мню, господи, яко хромець есть крал». Вижь ложное нынѣ спирание души пред богом и клеветание на тѣло.

Сице же есть душевъны глагол: «Господи, аз дух есмь. Да ни ясти ни пити хотѣл есмь, ни чьсти, ни славы земныи искал есмь, ни телесное не разумѣх похоти, ни дьяволи створих воли, — но та вся тѣло есть створило».

Тогда повелѣ господин блюсти слѣпца во укромнѣ мѣстѣ, идеже сам вѣсть, дондѣже придеть сам к винограду и призоветь хромца, и тогда судить обѣма.

Того ради до второго пришествия Христова нѣст суда ни мучения всякой души человѣчи, вѣрнаго и невѣрнаго. Вѣруйте же в

[1] куды.

правду въскресению человѣчьских телес. Послеши бо, рече, дух свой, и съзижються, и обновиши лице земли. В Иезекили бо нам въскресения надежю показал есть. «Прорци, рек, сыне человѣчьск, на мертвыя сия кости, да будуть на них телеса и опнется на них кожа, да придет дух от четырь вѣтр и внидеть в мертвыя си, да оживуть». Се же все сам творець дѣйствуеть, не инако чина превращая, но инако исконьное дѣло свое понавляя. Преже бо созда тѣло Адамле, ти потом вдуну душю. Тако во утробѣ женьстѣй: перво от сѣмени зижеть тѣло, по пяти мѣсяць творить душю. Во крещении же первое поражаеть водою, потом же обнавляеть духом от тлѣнья грѣховьнаго. Тако и в послѣдни день: первое обновить землю и сбереть персть человѣчю и съзижеть всѣх нас телеса в мегновеньи ока, потом душа наша в свою когождо внидуть храмину, — по Павлю, глаголющю, яко сам господь в гласѣ архангеловѣ, в трубѣ божии сниде с небеси, и мертви о Христе въскреснуть преже, потом же и мы живии. Кто суть мертвии? Вси языци, не бывъше под божиим закономь, ни приимше крещенья: «Елико бо, рече, безаконьно съгрѣшиша, безаконьно погибнуть». Живыя же крестьяны нарицаеть. Виж всѣх человѣк телесем въскреснути и вѣруим Павлову послушеству, словесем господним глаголющем: «иже ли не створить искони богом создана человѣка, то не разумѣеть и крещением в живот порожена, тѣм же и не чаеть послѣдняго с телесы въскресения въстающим всѣм человѣком в бесконечны живот — овѣм ■ честь и славу, овѣм в студ и в муку». Но да и прокое речем.

Егда приде господин взяти плод от винограда и видѣв его окрадена, и призва хромца и совъкупи с слѣпцемь, и начаста сама ся обличати. Хромець глаголаше слѣпцю: «Аще не бы ти мене носил, ни како же аз могл бых тамо доити, понеже хром есмь». Слѣпець же глаголаше: «Аще не бы ты мнѣ пути казал, не бых тамо аз доити могл». Тогда господин сѣд на судьнѣм столѣ и начат има судити. И рече: «Яко же еста крала, тако да сядьть хромець на слѣпца». Всѣдшю же хромцю, повелѣ пред всѣми своими рабы немилостивно казнити в кромѣшней [1] мученья темницѣ.

Разумѣйте же, братье, сея притча сказание. Человѣк есть домовит — бог отец, всячьскых творець. Его же сын добра рода — господь наш Исус Христос. А виноград — землю и мир нарицаеть. Оплот же — закон божий и заповѣди. Слугы же сущая с нимь — ангели глаголеть. Хромець же есть — тѣло человѣче. Слѣпца же душю его мѣнить. А иже я посади у врат — человѣку бо предаеть бог ■ область всю землю, дав ему закон и заповѣди. Преступившю же человѣку повелѣние божие и того ради смертью осужену бывшю, первое душа к богу приводится и спирается глаголющи: «Не аз, но тѣло есть створило». И того ради нѣст мучения душам до второго пришествия, но блюдомы суть, иде же бог вѣсть. Егда же придеть обновити землю и въскресити вся умершая, яко же

---

[1] пякельнай.

сам бог преже глагола, тогда вси сущи в гробѣх услышать глас сына божия и оживуть, изидуть створше благая въскресение живота, а створши злая — въскрешение суда. Тогда бо души наши в телеса внидуть и приимуть въздание кождо по своим дѣлом — праведници в вѣчную жизнь, а грѣшници в бесконечную смертную муку. Ими же согрѣшить кто, тѣмь и мучен будеть.

Сице же и мнѣ о сих сказавшю не от умышленья, но от святых книг. Да нѣст се мое слово, но бесѣда; нѣсмь бо учитель, яко же они церковни и священнии мужи [1].

---

[1] Гэта прытча Кірыла Тураўскага была напісана каля 1160—1162 гг. і накіравана супроць двух пэўных гістарычных асоб, менавіта: Фёдара, епіскапа Растоўскага і яго гаспадара князя Андрэя Багалюбскага. (Гл. артыкул праф. І. П. Яроміна, «Притча о слепце и хромце в древнерусской письменности», змешчаны ў «Известиях отделения русского языка и словесности Академии наук», т. XXX, 1925, стр. 340—348.)

СЛОВА АБ ПАЛКУ ІГАРАВЫМ

Слова аб палку Ігаравым з'яўляецца агульным помнікам усіх трох братніх усходнеславянскіх літаратур: рускай, украінскай і беларускай, вытокам развіцця якіх была ў свой час Кіеўская Русь.

У 1185 г. ноўгарад-северскі князь Ігар Святаславіч сумесна з сваім братам Усеваладам, князем трубчэўскім, сынам Уладзімірам, князем пуціўльскім, і пляменнікам Святаславам Алегавічам, князем рыльскім, выступілі супроць качэўнікаў полаўцаў і былі разгромлены апошнімі ў прыдонскіх стэпах у тым жа годзе. Гэта гістарычная падзея і паслужыла непасрэднай прычынай для напісання «Слова», якое, па трапнаму выражэнню К. Маркса, прагучала ў той час «заклікам рускіх князёў да яднання якраз перад нашэсцем манголаў»[1].

Вуснамі невядомага аўтара «Слова аб палку Ігаравым» апявала агульнанародныя інтарэсы Кіеўскай Русі ў такі драматычна напружаны час, калі дзяржаўныя асновы Кіеўскай Русі раз'ядаліся частымі феадальнымі міжусобіцамі, а барацьба рускага народа за сваю незалежнасць набывала востры характар і патрабавала безадкладных намаганняў усіх рускіх князёў для арганізацыі адпору ворагу. У гэтым і заключаецца неперасягнутая каштоўнасць «Слова» як помніка літаратуры і грамадска-палітычнай думкі Кіеўскай Русі. Палымяны заклік аўтара «Слова» выступіць супроць полаўцаў «за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святъславлича» сведчыць не толькі аб вялікай ідэйна-палітычнай накіраванасці твора, але і аб тым высокім усведамленні патрыятычнага абавязку, якім кіраваўся сам аўтар пры напісанні «Слова».

Час напісання твора невядомы. Але зварот аўтара да рада князёў, менавіта да галіцкага князя Яраслава Асмамысла, які памёр у 1187 г., і да Усевалада Юр'евіча «Большое гнездо» (пам. у 1212 г.) як да жывых сучаснікаў падзей, апісаных у «Слове», дае падставу меркаваць, што твор гэты напісаны быў не пазней канца 1187 або пачатку 1188 гг.

Першыя звесткі аб «Слове» сталі вядомы ў канцы XVIII ст., калі аматар рускай старыны граф А. І. Мусін-Пушкін у 90-х гадах XVIII ст. адшукаў тэкст «Слова» ў рукапісным зборніку XVI ст., які належаў бібліятэцы Яраслаўскага спасаўскага манастыра. З гэтага спіска А. І. Мусін-Пушкін сумесна з Н. Н. Бантыш-Каменскім і А. Ф. Маліноўскім зрабілі ў хуткім часе копію «Слова» для царыцы Екацярыны II, а ў 1800 г. зрабілі публікацыю тэксту пад загалоўкам «Ироическая пѣснь о походѣ на половцов удѣльнаго князя Новагорода-Сѣверскаго Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходѣ XII столѣтия с переложением на употребляемое нынѣ нарѣчие». У час маскоўскага пажару, у 1812 г., зборнік А. І. Мусіна-Пушкіна згарэў разам з большасцю экземпляраў першага выдання «Слова». Такім чынам, у якасці першакрыніцы пры вывучэнні «Слова» засталіся толькі яго першае выданне і архіўная екацярынінская копія «Слова».

---

[1] К. Маркс. Сочинения, т. XXII, стр. 122.

За вялікі прамежак часу, які аддзяліў арыгінал «Слова» ад яго спіска XVI ст., перапісчыкі «Слова» ўнеслі ў яго тэкст нямала скажэнняў і блытаніны. Перапісчыку XVI ст. многае ў тэксце помніка магло быць незразумелым і далёкім ад яго інтарэсаў, таму ён мала ўдзяляў увагі дакладнаму напісанню незразумелых для яго месц тэксту, з якога рабіў спіс. Але не ўсе цёмныя месцы гэтага твора з'яўляюцца спадчынай яго перапісчыкаў. Безумоўна, некаторыя з гэтых цёмных месц, над высвятленнем якіх ужо на працягу многіх дзесяткаў год працуюць вучоныя каментатары «Слова», трэба лічыць памылкамі першавыдаўцоў тэксту. Памылкі іх тлумачацца зачаткавым станам развіцця палеаграфічных ведаў у той час. Частка цёмных месц тэксту агульнымі намаганнямі вучоных растлумачана і прынята навукай. Астатнія ж папраўкі тэксту патрабуюць яшчэ больш грунтоўнай і ўсебаковай аргументацыі.

Высокапаэтычны тэкст «Слова» яшчэ ў XIX ст. пачаў падвяргацца літаратурным перакладам на сучасную мову. Многа было зроблена спроб перакласці «Слова» вершамі. Гэтага роду захапленне «Словам» працягваецца яшчэ і ў наш час. «Слова» перакладзена ўжо на многія мовы народаў Савецкага Саюза і на мовы рада зарубежных дзяржаў. Перакладзена «Слова» і на беларускую мову ў двух варыянтах народным паэтам рэспублікі Янкам Купалам. Першы празаічны пераклад «Слова», які больш дакладна перадае тэкст арыгінала, Купала зрабіў у 1919 г., ■ ў 1921 г. паўтарыў пераклад «Слова» вершамі.

Змешчаны ў хрэстаматыі тэкст «Слова аб палку Ігаравым» друкуецца па выданню акадэміка АН УССР Н. К. Гудзія (гл. Слово о полку Игореве, М., 1955). Паралельна гэтаму тэксту змяшчаецца празаічны пераклад «Слова», зроблены Я. Купалам (гл. Я. Купала. Збор твораў, т. 5, Мінск, 1954, стар. 187—197). Адхіленнем у гэтай правай калонцы тэксту з'яўляецца перастаноўка абзаца: «Тады азірнуўся на светлае сонца Ігар»... да абзаца: «О Баяне, часінаў старых салавейча». Перастаноўка гэтага месца перакладу абумоўлена была аргументаванай перастаноўкай адпаведнага месца ў тэксце арыгінала, аб якой Купалу ў свой час не было вядома.

СЛОВО О ПЛЪКУ ИГОРЕВѢ, ИГОРЯ СЫНА СВЯТЪСЛАВЛЯ, ВНУКА ОЛЬГОВА

Не лѣпо ли ны бяшет, братие, начяти старыми словесы трудных повѣстий [1] о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича? Начати же ся тъй пѣсни по былинамь сего времени, а не по замышлению Бояню. Боян бо вѣщий [2], аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслию по древу, сѣрым вълком по земли, шизым орлом под облакы. Помняшеть бо, рече [3], първых времен усобицѣ. Тогда пущашеть 10 соколовь

СЛОВА АБ ПАЛКУ ІГАРАВЫМ, ІГАРА, СЫНА СВЯТАСЛАЎЛЕВА, УНУКА АЛЕГАВА

Ці не лепей было б, каб нам, брацця, пачаць старадаўнымі словы тужліву аповесць аб паходзе Ігаравым, Ігара Святаслаўліча?

Дый пачаціся песні той сягачасным ладам, а не складам Баянавым. Баян бо чарадзейны, калі каму песню хацеў утварыці, то расцякаўся мысляй па дзераву, воўкам шэрым па полі, арлом сізым пад воблакі.

Помнячы бо, скажам, даўных часоў разруху, выпуш-

[1] сумныя аповесці. [2] мудры. [3] як кажуць.

на стадо лебедѣй: который дотечаше[1], та преди[2] пѣснь пояше старому Ярославу[3], храброму Мстиславу[4], иже зарѣза Редедю пред пълкы касожьскыми, красному Романови Святъславличю[5].

Боян же, братие, не 10 соколовь на стадо лебедѣй пущаше, нъ своя вѣщиа пръсты на живая струны въскладаше; они же сами князем славу рокотаху.

Почнем же, братие, повѣсть сию от стараго Владимера[6] до нынѣшняго Игоря, иже истягну[7] умь крѣпостию своею и поостри сердца своего мужеством; наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы на землю Половѣцькую за землю Руськую.

О Бояне, соловию стараго времени! Абы ты сиа плъкы ущекотал[8], скача, славию, по мыслену древу, летая умом под облакы, свивая славы оба полы[9] сего времени, рища в тропу Трояню[10] чрес поля на горы.

Пѣти было пѣснь Игореви, того внуку: «Не буря соколы занесе чрез поля широкая, галици стады бѣжать к Дону великому». Чи ли въспѣти было, вѣщей Бояне, Велесовь[11] внуче: «Комони ржуть за Су-

чаў 10 сокалаў на лебедзяў стада, а якую з іх дагоніваў сокал, тая першая песню пяяла старому Яраславу, ці хоробраму Мсціславу, што зарэзаў Радзедзю, перад войскам касожынскім, або краснаму Раману Святаслаўлічу.

Але, брацця, Баян жа не сокалаў дзесяць пускаў на лябяжае стада,— ён свае чарадзіўныя пальцы на струны жывыя ўскладываў, а тыя самі князям славу галосілі.

Дык пачанем жа гэтую, брацця, аповесць ад старага Уладзімера да Ігара сягачаснага, што скаваў розум сілай сваёй і навастрыў сваё мужнасцю сэрца; напоўніўся духу барацьбянага і павёў свае войска адважнае на землі Палавецкія за Рускія землі.

О Баяне, часінаў старых салавейча! Апяяў бы ты гэты паход, імкнучы салоўкай па дрэву выдумнаму, духам сягаючы воблакаў, славай звіваючы гэтага часу абедзве паловы, Траянавы сочачы след, цераз поле на горы.

Песню спяяў бы тады для Ігара, унука таго: «Не сокалаў бура занесла праз поле шырокае, галіцаў стады каціліся к Дону вялікаму»... Або апяяці было, чарадзейны Баяне, Велеса ўнуча: «Коні іржуць за

---

[1] дагоніць. [2] наперад, першая. [3] Яраслаў Уладзіміравіч (Мудры) — вялікі князь кіеўскі (1019 — 1054). [4] брат Яраслава — князь тмутараканскі і чарнігаўскі (пам. у 1036 г.). Пра яго перамогу над Радзедзяю апавядае «Повесть временных лет» (1022 г.). [5] унук Яраслава Мудрага—князь тмутараканскі (пам. у 1079 г.). [6] Уладзімір Святаславіч — вялікі князь кіеўскі з 908 г. [7] змацніў. [8] абычабятаў, праспяваў як салавей, услявіў. [9] абедзве палавіны. [10] «тропа Трояня» — мабыць шлях рымскага імператара Траяна (параўнай «траянавы валы» на Украіне і ў Румыніі). Асоба Траяна была абагатворана ў Рыме. З імем Траяна звязвалася і ўяўленне аб славянскім бажастве. Некаторыя даследчыкі «Слова» (Ціханраваў) спрабавалі растлумачыць гэтае месца такім чынам, што слова «Троян» памылкова пастаўлена замест слова «Боян». [11] Велес, або Волас — язычаскі бог жывёлагадоўлі, дастатку ва ўсходніх славян.

лою [1], звенить слава в Кыевѣ. Трубы трубять в Новѣградѣ, стоять стязи в Путивлѣ».

Игорь ждет мила брата Всеволода. И рече ему буй тур [2] Всеволод: «Один брат, один свѣт свѣтлый ты, Игорю; оба есвѣ Святъславличя! Сѣдлай, брате, свои бързыи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди. А мои ти куряни свѣдоми къмети [3]; под трубами повити, под шеломы възлелѣяны, конець копия въскръмлени; пути имь вѣдоми, яругы [4] имь знаеми, луци у них напряжени, тули [5] отворени, сабли изъострени; сами скачють, акы сѣрыи влъци в полѣ, ищучи себѣ чти [6], а князю славѣ».

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ от него тьмою вся своя воя [7] прикрыты. И рече Игорь к дружинѣ своей: «Братие и дружино! Луце ж бы потяту [8] быти, неже полонену быти. А всядем, братие, на свои бръзыя комони, да позрим синего Дону».

Спала князю умь похоти [9], и жалость ему знамение заступи искусити Дону великаго [10]. «Хощу бо, — рече, — копие приломити конець поля Половецкаго с вами, русици; хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону».

Тогда въступи Игорь князь в злат стремень и поѣха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше; нощь,

Сулаю, слава звініць у Кіеве, трубы трубяць у Ноўгарадзе, стаяць сцягі ў Пуціўле».

Жджэ Ігар мілага брата Усевалада. І скажа яму буй тур Усевалад: «Адзін брат, адзін свет светлы ты, мой Ігару! Абодва з табой Святаслаўлевы дзеці. Сядлай, браце, быстрыя коні свае, а мае для цябе нагатове ўжо асядланы ўперад ля Курска. А куршчане мае табе ведамы кметы: пад гудамі трубаў радзіліся, пад шоламамі ўзгадаваліся, канцом дзіды ўскормлены; ім шляхі вядомы, ім рыцьвы знаёмы, лукі ў іх нацягнуты, сто стрэл нарыхтована, шаблі навостраны, самі яны імчацца, як шэрыя ваўкі па полі, шукаючы чэсці сабе, а князю славы».

Тады азірнуўся на светлае сонца Ігар і бачыць пакрытымі цемрай ад сонца ўсіх сваіх вояў. І скажа Ігар тут дружыне сваёй: «О, брацця й дружына! Лепей жа быці пацятаму, чым быці ў палоне. Пасядзем жа, брацця, на быстрыя коні свае зірнуці на Дон сінявокі».

На вум князю ўспала жаданне, не гледзячы з неба варожбаў, паспытываць Дона вялікага. «Хачу бо, кажа, дзіду заламаці аб поля канец Палавецкага; з вамі, русіны, хачу сваю голаў злажыці або напіціся шоламам Дона».

Тады князь Ігар уступіў у залатыя страмёны й паехаў па чыстаму полю. Сонца яму цемнатой заступіла дарогу: ноч,

---

[1] прыток р. Дняпра. [2] заўзяты, адважны. [3] выпрабаваныя ваякі. [4] аўрагі, равы. [5] падсумак для стрэл (калчан). [6] гонару. [7] дружыннікі. [8] пасечанаму. [9] усплыло князю на думку жаданне. [10] імкненне дасягнуць вялікага Дону засланілася яму прыкметай.

стонущи ему грозою, птичь убуди; свист звѣрин въста; збися Див [1], кличет връху древа: велит послушати земли незнаемѣ — Влъзѣ, и Поморию, и Посулию, и Сурожу [2], и Корсуню [3]; и тебѣ, тьмутороканьскый блъван [4]!

А половци неготовами [5] дорогами побѣгоша к Дону великому: крычат тѣлѣгы полунощы, рци — лебеди роспужени.

Игорь к Дону вои ведет. Уже бо бѣды его пасет птиць по · дубию [6], влъци грозу въсрожать [7] по яругам; орли клектом на кости звѣри зовут; лисици брешут на чрълёныя [8] щиты.

О Руская земле, уже за шеломянем [9] еси!

Длъго ночь мрькнет. Заря-свѣт запала [10]. Мъгла поля покрыла. Щекот славий успе; говор галичь убудися [11]. Русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а князю славы.

С зарания в пятък потопташа поганыя плъкы половецкыя и, рассушясь [12] стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвкы половецкыя, а с ними злато, и поволокы [13], и драгыя оксамиты. Орьтмами [14], и япончицами [15], и кожухы начашя

стогнучы грозьбы яму, разбудзіла птушшо, а выццё звярынае ў стады іх збіла; Дзіў кліча паверх лесу, слухаць наказвае зямлі незнаёмай — Волзе, і Памор'ю, і Пасулью, і Суражу, і Карсуню, і табе, тмутараканскі балване!

А полаўцы нецярэбленымі шляхамі к Дону пабеглі вялікаму; толькі калёсы скрыпяць іх апоўначы, маўляў тыя лебедзі спуджаны.

Ігар к Дону войска вядзе. А ўжо бяда яго пасець птаха па дзераву; ваўкі па ярах нядобрае варожаць; арлы клекатам звяр'ё завуць косці збіраць; лісіцы брэшуць на шчыты бліскучыя.

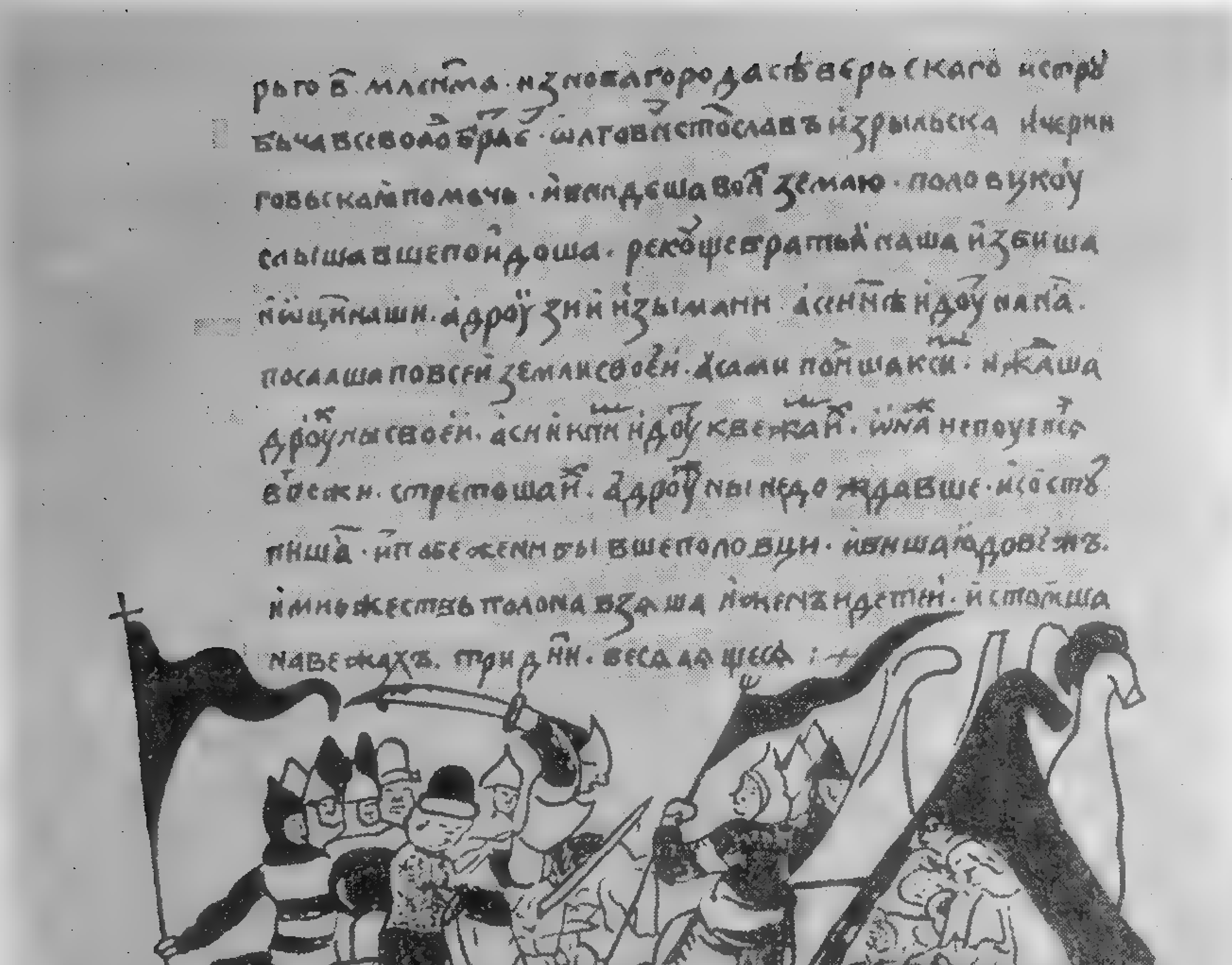
О зямля Руская, ты ўжо за рубеж перасягнула!

Доўга ноч танула ў мроку. Зараніца досвіт набліжала; імгла поле засланіла; заснуў свергат салавейчы; гоман галічы ўзбудзіўся. Русіны поле шырокае загарадзілі шчытамі бліскучымі, шукаючы чэсці сабе, а князю славы.

Спазаранку ў пятніцу, патаптаўшы паганае войска палавецкае і рассыпаўшыся стрэламі па полі, паімчалі прыгожых дзяўчат палавецкіх, а з імі золата і папоны, і аксаміты дарагія; плашчамі, апоньчамі і кажухамі ды ўся-

---

[1] міфічная птушка, сустрэча з якой азначала трапіць у бяду. [2] цяпер г. Судак у Крыму. [3] старажытны г. Херсанес. [4] статуя. Каля Тмутаракані, на Таманскім паўвостраве, стаялі дзве вялізныя статуі, збудаваныя язычаскім багам Санергу і Астарці за 300 год да н. э. Напэўна, яны і меліся на ўвазе аўтарам «Слова». Другое тлумачэнне — гэта пагранічны слуп, або камень. [5] непратаптанымі, непраложанымі. [6] Гэта цёмнае месца ў «Слове». У тэксце Мусіна-Пушкіна і ў архіўнай копіі гэта слова чытаецца «подобию». Па сэнсу пераклад такі: «птушкі з дрэваў падпільноўваюць яго бяду». [7] падымаюць. [8] чырвоныя. [9] за ўзгоркам, за гарызонтам. [10] запалала. [11] разбудзіўся, раздаўся. [12] рассыпаўшыся. [13] каштоўная тканіна. [14] пакрывала, засцілка. [15] накідка, плашч.



Перамога Ігара над полаўцамі.

мосты мостити по болотом и грязивым мѣстом, и всякыми узорочьи [1] половѣцкыми.

Чрьлен стяг, бѣла хорюговь, чрьлена чолка [2], сребрено стружие [3] — храброму Святъславличю!

Дремлет в полѣ Ольгово хороброе гнѣздо [4]. Далече залетѣло! Не было оно обидѣ порождено ни соколу ни кречету, ни тебѣ, чръный ворон, поганый половчине!

Гзак [5] бѣжит сѣрым влъком; Кончак [6] ему слѣд править к Дону великому.

Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣт повѣдают. Чръныя тучя с моря идут, хотят прикрыти 4 солнца [7], а в них трепещуть синии млънии. Быти грому великому! Итти дождю стрѣлами с Дону великаго! Ту ся копием приламати, ту ся саблям потручяти [8] о шеломы половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ [9], у Дону великаго.

О Руская землѣ, уже за шеломянем еси!

Се вѣтри, Стрибожи [10] внуци, вѣют с моря стрѣлами на храбрыя плъкы Игоревы. Земля тутнет [11], рѣкы мутно текуть, пороси [12] поля прикрывают, стязи глаголют. Половци идуть от Дона, и от моря, и от всѣх стран рускыя плъкы оступиша [13]. Дѣти бѣсови кли-

лякімі палавецкімі тканінамі ўзорнымі пачалі масты масціць па балотах і гразкіх мясцах.

Сцяг чырвоны, харугвя белая, чырвоны бунчук, сярэбраная дзіда — Святаслаўлічу Храбраму!

Дрэмле ў полі Алегава гняздо харобрае. Далёка заляцела! Не было яно зроджана ў крыўду ні сокалу, ні крэчату, ні табе чорны гругане, паганы палаўчаніне!

Гза бяжыць шэрым воўкам, Канчак яму знача след к Дону вялікаму.

На другі дзень вельмі рана крывавыя зоры світ узнімаюць, чорныя хмары з мора ідуць, хочуць прыкрыці два сонцы, а ў хмарах маланкі мігаюцца сінія.

Быці вялікаму грому! Ісці дажджу стрэламі з Дона вялікага! Тут паламаціся дзідам, тут пашчарбаціцца шаблям аб шоламы палавецкія на рэчцы Каяле, ля Дона вялікага.

О Руская зямля, ты ўжо за рубеж перасягнула!

Вось ветры, Стрыбожыя ўнукі, павеялі стрэламі з мора на храбрае войска Ігарава. Дудніць зямля; рэкі мутна цякуць; порасль пакрывае поле; сцягі гамоняць.

Ідуць полаўцы ад Дона і ад мора, і ад усіх старон рускае войска абступілі. Дзеці нячысцікавы клікам поле перагара-

---

[1] каштоўная рэч. [2] бунчук. [3] дрэўка сцяга. [4] северскія князі, удзельнікі паходу родзічы князя Алега Святаславіча. [5] і [6] палавецкія ханы. [7] 4-х князёў, якія ўдзельнічалі ў паходзе на полаўцаў. [8] пастукаць, пабіць. [9] магчыма ад слова «каяти», г. зн. праклінаць. Паводле іншых, гэта рэчка Калміус. [10] язычаскі бог вятроў. [11] стогне, гудзе. [12] порах, парахавы дым, пыл. [13] акружылі, абступілі.

ком поля прегородиша, а храбрии русици преградиша чрълеными щиты.

Яр тур Всеволодѣ! Стоиши на борони, прыщеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными [1]. Камо [2], тур, поскочяше, своим златым шеломом посвѣчивая, тамо лежат поганыя головы половецкыя; поскепаны саблями калеными шеломы оварьскыя [3] от тебе, яр туре Всеволоде.

Кая рана дорога, братие, забыв чти и живота [4], и града Чрънигова отня [5] злата стола, и своя милыя хоти [6], красныя Глѣбовны [7], свычая и обычая?

Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля, были плъци Олговы, Ольга Святъславличя. Тъй бо Олег мечем крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше. Ступает в злат стремень в градѣ Тьмутороканѣ; той же [8] звон слыша давный великый Ярославль [8] сын Всеволод [8], а Владимир по вся утра уши закладаше в Черниговѣ. Бориса же Вячеславлича слава на суд приведе и на Канину зелену паполому постла за обиду Олгову храбра и млада князя [9].

дзілі, а русіны храбрыя загарадзілі яго шчытамі чырвонымі.

Яр тур Усеваладзе! Стаіш у барацьбе й засыпаеш ты вояў варожых стрэламі, грыміш ты аб шоламы мячамі сталёвымі. Дзе толькі даскочыш, сваім залатым, тур, свецячы шоламам, ляжаць там паганыя галовы палавецкія. Пашчапаны гартоўнымі шаблямі й шоламы аварскія ад цябе, яр тур Усеваладзе!

Якая цана ранам, брацця, таму, хто забыўся пачоту й жыцця, й Чарнігава горада, забыўся на бацькаўскі столпасад залаты, на сваю мілую пяшчоту, ясную Глебаўну, на звычай і абычай!

Былі вякі Траянавы, праміnуліся леты Яраслаўля. Былі паходы Алегавы, Алега Святаслаўліча: той бо Алег мечам разруху каваў і стрэлы сеяў па зямлі. Ступае са звонам у стрэмя злачонае ў горадзе Тмутаракані, той звон даўны чуе вялікі Яраслаўлін сын Усевалад, а Уладзімір кожну раніцу затыкаў вушы ў Чарнігаве. Барыса ж Вячаслаўліча нядобрая слава на суд прывязала на апошні, і ў зялёным заціннні каяльным божую пасцель паслала за крыўду Алегаву, маладога і храбрага князя.

---

[1] булатнымі. [2] куды. [3] авары—каўказскі народ. [4] гонару і жыцця. [5] бацько ўскага [6] жонку. [7] Вольга Глебаўна — жонка Усевалада. [8] У тэксце Мусіна-Пушкіна і ў архіўнай копіі замест «той же» — «тоже», замест «Ярославль» — «Ярославь», замест «Всеволод» — «Всеволожь». [9] Гаворачы аб смерці маладога князя, аўтар «Слова», напэўна, меў на ўвазе смерць князя Барыса Вячаславіча, які загінуў у баі на Няжацінай Ніве каля Чарнігава ў 1078 г. Князь Барыс у той час разам з Алегам Святаславічам, дзедам Ігара, вёў барацьбу супроць Усевалада Яраславіча, падтрыманага братам, вялікім князем Ізяславам, сынам Уладзімірам Манамахам і пляменнікам Яраполкам.

С тоя же Каялы Святоплък повелѣ яти отца своего междю угорьскими иноходьцы ко святѣй Софии к Киеву[2].

Тогда при Олзѣ Гориславличи[3] сѣяшется и растяшеть усобицами; погибашеть жизнь Даждьбожа внука[4]; в княжих крамолах вѣци человѣкомь скратишась. Тогда по Руской земли рѣтко[5] ратаевѣ кикахуть[6], нъ часто врани граяхуть, трупиа себѣ дѣляче; а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедие[7]. То было в ты рати и в ты плъкы, а сицей рати не слышано.

С зараниа до вечера, с вечера до свѣта летят стрѣлы каленыя, гримлют сабли о шеломы, трещат копиа харалужныя в полѣ незнаемѣ, среди земли Половецкыи. Чрьна земля под копыты костьми была посѣяна, а кровию польяна; тугою взыдоша по Руской земли.

Что ми шумить, что ми звенить далече[8] рано пред зорями? Игорь плъкы заворочает: жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другый; третьяго дни к полуднию падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы. Ту кроваваго вина недоста; ту пир

З таей жа Каял-ракі Яраполк[1] палялееў між угорскімі інаходамі бацьку свайго да Сафіі святое да Кіева.

Тады пры Алегу Гарыслаўлічу рассяваліся й раслі міжусобіцы. Гібнула жыццё Дажджбожага ўнука; у калатнінах князевых людзі свой век скарачалі.

Тады на Рускай зямлі рэдка пяяў аратай, але вараннё пакрумквала часта, дзелячы труп'ё між сабою, а галіцы гоман заводзілі свой, на ежу ляцеці збіраючыся.

Было гэта ў бітвы і ў тыя паходы, а гэтакіх бітваў і слухам не чулі!

Ад рання да вечара, ад вечара да світу лятуць стрэлы гартоўныя, грымяць шаблі аб шоламы, трашчаць дзіды сталёвыя ў полі незнаёмым, сярод зямлі Палавецкае. Чорная зямля пад капытамі касцьмі была пасеяна, а крывёю палітая, — туга абышла па Рускай зямлі.

Што там шуміць? Што там звініць далёка рана перад зарою? Ігар палкі заварочвае: жаль бо яму міла брата Усевалада.

Біліся дзень, біліся другі, трэцяга дня к палудню рухнулі сцягі Ігаравы. Тут два браты разлучыліся на беразе быстрай Каялы. Тут віна крывавага не хапіла, тут баль да-

---

[1] Я. Купала пераблытаў імёны. [2] Некаторыя даследчыкі «Слова» тлумачаць, што тут не ясна выражана думка аб перавозе ў Кіеў забітага на Няжацінай Ніве (1078 г.) вялікага князя кіеўскага Ізяслава Яраславіча. Іншыя сцвярджаюць, што размова ідзе аб тым, як вялікі князь кіеўскі Святаполк Ізяславіч прывёз у Кіеў забітага пад Пераяславам у 1097 г. цела свайго цесця, палавецкага хана Тугаркана. [3] князя Алега Святаславіча аўтар «Слова» называе «Гориславичем». [4] унуку бога сонца. Гэты эпітэт аўтар надае рускаму народу. [5] рэдка. [6] аратыя пераклікаліся. [7] на здабычу. [8] У тэксце Мусіна-Пушкіна «давечя», у архіўнай копіі «давеча».

докончаша храбрии русичи; сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую. Ничить[1] трава жалощами, а древо с тугою к земли преклонилось.

кончылі храбрыя русіны: сватоў напаілі, а самі палеглі за Рускую зямлю.

Нікне трава ад жаласці, а дзерава пад тугою к зямлі прыхілілася.

Паражэнне рускіх князёў у бітве з полаўцамі.

Ужо бо, братие, не веселая година въстала; уже пустыни силу прикрыла! Въстала обида в силах Дажьбожа внука, вступила дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крылы на синѣм море; у Дону плещучи, упуди[2] жирня времена[3].

Усобица князем на поганыя погыбе[4], рекоста бо брат брату: «Се мое, а то мое же».

Ужо вось, брацця, невясёлая гадзіна наступіла, ужо пустыня сілу прыкрыла. Крыўда паўстала ў сілах Дажджбожага ўнука, дзевай узышла на зямлю Траянаву, успляснула крыллем лябяжым на сінім моры, а, плюскаючы ў Доне, спудзіла часіны шчаслівыя.

Князевы міжусобіцы — згуба для нас ад паганых. Казаць стаў брат брату: «гэта маё і тое ж маё!»

[1] нікне, схілілася. [2] прагнала. [3] багатыя часы, часы дастатку. [4] барацьба князёў супроць паганых спынілася.

И начяша князи про малое «се великое» млъвити, а сами на себѣ крамолу ковати; а погании съ всѣх стран прихождаху с побѣдами на землю Рускую.

О, далече зайде сокол, птиць бья к морю! А Игорева храбраго плъку не крѣсити [1]. За ним кликну Карна и Жля [2], поскочи по Руской земли, смагу людем мычючи в пламянѣ розѣ [3]. Жены руския въсплакашась, аркучи: «Уже нам своих милых лад [4] ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати».

А въстона бо, братие, Киев тугою, а Чернигов напастьми. Тоска разлияся по Руской земли; печаль жирна тече средь земли Рускыи. А князи сами на себе крамолу коваху, а погании сами побѣдами нарищуще [5] на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ [6] от двора.

Тии бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволод, уже лжу [7] убудиста, которую то бяше успил отец их Святъслав грозный [8], великый киевскый: грозою бяшеть притрепал [9] своими сильными плъкы и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую, притопта хлъми и яругы, взмути рѣки и озеры, иссуши потоки и болота.

І пачалі князі аб малым «гэта вялікае» казаці і самі на сябе загубства каваці. А паганцы з усіх старон набягалі з перамогай на Рускую зямлю.

О! Далёка сокал заляцеў, птушак збіваючы, — к мору!

А Ігараву храбраму войску не ўваскроснуці. Па ім загаласіла Карына, і Жэля панеслася па Рускай зямлі, наводзячы смагу людзям у полымі рогу. Заплакалі жоны рускія, галосячы: «Ужо нам сваіх мужоў мілых ні мысляй памысліць, ні думай падумаць, ні вочмі сваймі азіраці, а золата й срэбра таго й пагатове не бачыць ніколі!»

І застагнаў жа, брацця, Кіеў тугою, а Чарнігаў напасцямі! Нуда разлілася на Рускай зямлі; няўцешная жальба пацякла сярод Рускай зямлі. А князі сабе самі праступства кавалі, а паганыя самі адны, з перамогамі наваліўшыся на Рускую зямлю, дань вымагалі па белцы з двара.

Тыя бо два храбрыя Святаслаўлічы, Ігар і Усевалад, ужо няпраўду збудзілі, якую тут прыспаў быў іх бацька, Святаслаў грозны, вялікі кіеўскі. Быў ён гразою: верх браў сваім войскам магутным і мячамі сталёвымі. Наступіўшы на зямлю Палавецкую, патаптаў узгор'і і долы; замуціў і азёры і рэкі; засушыў балоты й крыніцы.

---

[1] не ўваскрэсіць. [2] «Карна» і «Жля», напэўна, увасабляюць паняцце плачу і жальбы. («Карити» — г. зн. плакаць па памёршаму.) [3] раскідаючы агонь у палымяным рагу. Даследчыкі «Слова» зближаюць гэта месца з паказаннямі летапісу пра «жывы агонь» у трубах, або сіфонах, якія ўжываліся грэкамі і полаўцамі ў час вайны. [4] мужоў. [5] набягаючы. [6] па вавёрцы. [7] інтрыгу, вайну. [8] Святаслаў Усеваладавіч, вялікі князь кіеўскі (1176—1194), незадоўга да апісаных у «Слове» падзей, у 1184 г. у саюзе з некаторымі князямі разграміў полаўцаў, захапіў вялікую здабычу і ўзяў у палон хана Кабяка. [9] разбіў, разграміў.

А поганаго Кобяка из луку моря, от желѣзных великих плъков половецких, яко вихр, выторже: и падеся Кобяк в градѣ Киевѣ, в гридницѣ Святъславли. Ту нѣмци и венедици, ту греци и морава [1] поют славу Святъславлю, кають [2] князя Игоря, иже погрузи жир [3] во днѣ Каялы, рѣкы половецкия, рускаго злата насыпаша ту. Игорь князь высѣдѣ из сѣдла злата а в сѣдло кощиево [4]. Уныша бо градом забралы [5], а веселие пониче.

А Святъславь мутен сон видѣ в Киевѣ на горах. «Си ночь с вечера одѣвахуть [6] мя, — рече, — чръною паполомою [7] на кровати тисовѣ [8], чръпахуть ми синее вино с трудомь [9] смѣшено; сыпахуть ми тъщими тулы [10] поганых тлъковин [11] великый женчюг [12] на лоно и нѣговахуть мя. Уже дъска без кнѣса [13] в моем теремѣ златовръсѣм. Всю нощь с вечера бусови [14] врани възграяху у Плѣсньска [15] на болони [16], бѣша дебрьски сани и несоша е к синему морю» [16].

А паганага Кабяка з узлучыны морскай, ад жалезных вялікіх палкоў палавецкіх, як віхрышча выхапіў. І зваліўся Кабяк у горадзе Кіеве, у замку Святаслаўлевым.

Тут немцы і венедыйцы, тут грэкі і маравы пяюць славу Святаслаўлю, выдумляюць на князя Ігара, што патапіў багацце на донні Каялы, ракі палавецкай, насыпаўшы рускага золата там. Там Ігар князь ссядаў з залатога сядла і садзіўся ў сядло нявольніка.

Занылі сцены гарадоў, завяла вясёласць.

А Святаслаў сумны сон сніў у Кіеве на горах у гэтую ноч. «З вечара адзявалі мяне, кажа, у чорную пасцілку на цясовай кравапі; чэрпалі мне сіняе віно, змешанае з зеллем; сыпалі мне з пустых калчанаў паганых полаўцаў буйныя пэрлы на грудзі, ды песцяць мяне. Ужо дошкі без скрэпаў на маіх залатаверхіх харомах. Усю ноч з вечара дзікае груганнё гракала; пабыло каля Плеснеску на балоні, каля нетраў Кісані, і к сіняму мору нягслося».

---

[1] Разважаючы аб гэтых народах, аўтар «Слова» адзначае культурны свет таго часу і паказвае, дзе была распаўсюджана слава аб пераможным паходзе кіеўскіх князёў. [2] дакараюць, а магчыма, шкадуюць. [3] багацце. [4] рабскае. [5] гарадскія сцены. [6] У тэксце Мусіна-Пушкіна «одѣвахъте», а ў архіўнай копіі «одѣвах те». [7] пакрывалам. [8] кедравая. [9] з горам, з ліхам, з бядою. [10] пустымі падсумкамі. [11] іншаземцаў, трэба меркаваць, полаўцаў. [12] перламутр. Бачыць у ва сне перламутр, паводле візантыйскіх і старарускіх павер'яў — адзнака будучых слёз. [13] бэлька, на якую ставяцца кроквы для даху. [14] шызыя, сівыя. [15] мясцовасць у Галіччыне. [16] Адно з цёмных месц у тэксце «Слова». Сучасныя даследчыкі «Слова» тлумачаць яго так: «Усю ноч сівыя груганы каркалі ў Плеснеску на ўзбярэжжы; былі лясныя змеі («дебрьски сани»), і панясло іх да сіняга мора». Перакладчык Шторм прапануе такое тлумачэнне: «былі смертныя сані, і няслі іх да сіняга мора». Такое тлумачэнне Шторм робіць ад слова «дебрь», якое, на яго думку, азначае, «даліна, роў, магіла, яма» і «сані», якія ўжываліся на княжаскім пахаванні. Выраз «к синему морю» паказвае на глыбокую старажытнасць звычая. Сані, на якіх вазілі нябожчыка, былі тады падобныя да чаўна, бо па старому звычаю нябожчыка спускалі ў рэчку або ў мора на чаўне.

И ркоша бояре князю: «Уже, княже, туга умь полонила: се бо два сокола [1] слѣтѣста с отня стола злата поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомь Дону. Уже соколома крильца припѣшали [2] поганых саблями, а самаю опуташа [3] в путины желѣзны. Темно бо бѣ в 3-й день: два солнца помѣркоста; оба багряная [4] стлъпа погасоста и с нима молодая мѣсяца, Олег и Святъслав [5] тьмою ся поволокоста, и в морѣ погрузиста, и великое буйство подаста хинови [6]. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣт покрыла; по Руской земли прострошася половци, акы пардуже [7] гнѣздо. Уже снесеся хула на хвалу [8]; уже тресну нужда на волю [9]; уже връжеся Див на землю. Се бо готския [10] красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю, звоня рускым златом; поют время Бусово [11], лелѣют месть Шароканю [12]. А мы уже, дружина, жадни веселия» [13].

Тогда великий Святъслав изрони злато слово съ слезами смѣшено, и рече: «О, моя сы-

І сказалі баяры князю: «Ужо, княжа, туга розум твой замуціла: гэта вось два сокалы зляцелі з бацькавага залатога пасада, каб горад Тмутаракань пашукаці або напіціся шоламам Дона. І ўжо сокалам крыллі падсечаны шаблямі погані, а саміх іх павуцінай жалезнай апуталі. Цёмна было ўжо на трэці дзень: два сонцы патухлі, абодва чырвоныя згаслі слупы, а з імі і месяцы два маладыя. Алег і Святаслаў завалакліся цямрыцай і ў моры яны патанулі, і гордасці хану дадалі вялікай. На рэчцы на Каяле святло цьма пакрыла; па Рускай зямлі, як рысяў племя, распасцерліся палаўцы. Ужо ўзнялася над хвалай пахула, ужо ўссела насілле над воляй і ўжо ўрэзаўся Дзіў на зямлю. Вось бо гоцкія красныя дзевы запелі на беразе сіняга мора, золатам звонячы рускім: пяюць яны Бусавы часы, і помству лялеюць Шараканаву... А мы ўжо, дружына твая, не знаем вясёласці».

Тады вялікі Святаслаў абазваўся слаўцом залатым, са слязамі змешаным, і сказаў:

---

[1] менавіта Ігар і Усевалад. [2] падрэзалі; дакладней, зрабілі пешымі. [3] У тэксце Мусіна-Пушкіна: «опустоша». [4] ярка-чырвоны. [5] маладыя князі, удзельнікі паходу. Але, як вядома, іх імёны: Уладзімір, сын Ігара, і Святаслаў, пляменнік Ігара. У гэтым тэксце або памылка, або намёк на пляменніка і не дарослага яшчэ сына Ігара Алега, які мог быць у паходзе. Або, нарэшце, намёк на двух меншых сыноў Ігара: Алега і Святаслава. [6] зборнае імя для азначэння «паганых бусурман». [7] барсава. [8] ужо ганьба перамагла славу. [9] ужо прымус ударыў па свабодзе. [10] Аўтар «Слова» мае на ўвазе астаткі готаў, якія ў другім стагоддзі н. э. аселі на ўзбярэжжы Чорнага і Азоўскага мораў і жылі там аж да XVII ст. Паражэнне рускіх выклікала ў готаў радасць, таму што яно давала гоцкім купцам магчымасць разбагацець на гандлі нявольнікамі. [11] Цёмнае месца ў тэксце «Слова». Бус — або адзін з вядомых сваімі перамогамі палавецкіх ханаў, або, паводле іншых меркаванняў, замучаны ў IV ст. н. э. прыморскімі готамі цар антаў-славян, імя яго было Бооз. [12] Шарукань — палавецкі хан, які не адзін раз цярпеў паражэнне ад рускіх князёў канца XI і пачатку XII ст. ст. [13] ніякага вясёлля.

новча[1], Игорю и Всеволоде! Рано еста нача Половецкую землю мечи цвѣлити[2], а себѣ славы искати; нъ нечестно[3] одолѣсте, нечестно бо кровь поганую пролиясте. Ваю храбрая сердца в жестоцем харалузѣ скована, а в буести закалена. Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ! А уже не вижду власти сильнаго и богатаго и многовоя брата моего Ярослава[4] с черниговьскими былями[5], с могуты[6] и с татраны, и с шельбиры, и с топчакы, и с ревугы, и с ольберы[7]: тии бо бес щитовь с засапожникы[8] кликом плъкы побѣждают, звонячи в прадѣднюю славу. Нъ рекосте: «Мужаимѣся сами: преднюю славу сами похитим, а заднюю си сами подѣлим!»

А чи диво ся, братие, стару помолодити? Коли сокол в мытех бывает[9], высоко птиц възбивает; не даст гнѣзда своего в обиду. Нъ се зло: княже ми не пособие. На ниче[10] ся годины обратиша».

Се у Рим[11] кричат под саблями половецкыми, а Володимир под ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову!

Великый княже Всеволоде![12] Не мыслию ти прелетѣти изда-

«О мае сыноўцы, Ігару і Усеваладзе! Рана пачалі вы зямлю Палавецкую рэзаць мячамі, а славы шукаці сабе. Але не з чэсцяю ўходалі, бо не з чэсцяй паганскую кроў пралілі. Вашы адважныя сэрцы ў сталі нязломнай закованы і згартованы адвагай. Дый што вы стварылі маёй сярэбранай сівізне! Не даждаліся вы сільнага й багатага брата майго Яраслава з яго многавоямі, з чарнігаўскімі ваякамі — з магутамі і з татранамі, і з шальберамі, і з тапчакамі, і з рэвугамі, і з альберамі. Яны ж, бывала, без шчытоў, з захаляўнымі нажамі, клікам палкі пабяджаюць, звонячы прадзедняй славай. Але вы сказалі: «Храбрымося самі! Самі пярэднюю славу захопім і з задняю самі падзелімся.

А ці ж дзіва тут, брацця, і старому памаладзеці? Калі сокал у гадах, высока ўзбівае ён птушак, свайго не папусціць у крыўды гнязда! Але ў тым гора, што князі ўжо мне ў непадмогу. У нішто абярнуліся тыя часіны! Вось у Рымаве крычаць пад шаблямі палавецкімі, а Уладзімір пад ранамі. Туга і нудота Глебаву сыну!»

Княжа вялікі, Усеваладзе! Ці не мысляй табе б прыляце-

---

[1] пляменнікі. Святаслаў — дваюрадны брат Ігара і Усевалада — звяртаецца да іх як старэйшы ў родзе. [2] тузаць, прымушаць плакаць. [3] без славы, без гонару. [4] Яраслаў Уладзіміравіч, князь чарнігаўскі (пам. у 1198 г.). [5] вяльможамі. [6] ваяводамі. [7] «татраны, шельбиры, топчаки, ревуги, ольберы» — назвы плямён, якія служылі ў войску чарнігаўскіх князёў. [8] падобныя да кінжалаў нажы; воіны насілі іх за халявамі сваіх ботаў. [9] «в мытех бывает» — ліняе. [10] на нішто. [11] г. Рымаў, які быў зруйнаваны полаўцамі пасля няўдалага паходу Ігара. Незадоўга пасля заняцця Рымава, у баю з полаўцамі быў цяжка паранены князь пераяслаўскі Уладзімір Глебавіч, які памёр у 1187 г. [12] Усевалад III Юр'евіч «Большое гнездо» (памёр у 1212 г.) быў вядомы сваёй сілай і багаццем. Ён за некалькі год да падзей, апісваемых у «Слове», зрабіў удалы паход супроць волжскіх балгар.

леча, отня злата стола поблюсти? Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Дон шеломы выльяти! Аже бы ты был, то была бы чага [1] по ногатѣ [2], а кощей [3] по резанѣ [4]. Ты бо можеши посуху живыми шереширы [5] стрѣляти, удалыми сыны Глѣбовы [6].

Ты, буй Рюриче, и Давыде! [7] Не ваю ли вои злачеными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкают, акы тури, ранены саблями калеными на полѣ незнаемѣ? Вступита, господина, в злата стремена за обиду сего времени, за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святъславлича!

Галичкы Осмомыслѣ Ярославе! [8] Высоко сѣдиши на своем златокованнѣм столѣ, подпер горы Угорскыи [9] своими желѣзными плъки, заступив королеви [10] путь, затворив Дунаю ворота, меча бремены [11] чрез облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землям текут; отворяеши Киеву врата; стрѣляеши с отня злата стола солтани за землями [12]. Стрѣляй, господине, Кончака, поганаго кощея, за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святъславлича!

А ты, буй Романе, и Мстисла-

ці, каб бацькаў пасад убярэгчы! Ты бо можаш распырскаці вёсламі Волгу, а шоламам вычарпаць Дон. Каб ты быў, то была бы па нагаце нявольніца, а па рэзане нявольнік. Ты бо можаш насуха жывымі страляць самастрэламі, удалымі Глеба сынамі.

Ты буй Рурыча й Давыдзе! Ці ж не вашыя гэта ў крыві пазалачоныя шоламы плавалі? Ці ж не ваша дружына адважная рыкае, як туры, гартоўнымі ранена шаблямі ў полі незнаёмым? Уступіце, сябры, у залатыя страмёны за крыўду гэтага часу, за Рускую зямлю, за раны Ігаравы, смелага Святаслаўліча!

Галіцкі Асмамысле Яраслаўле! Высока сядзіш ты на пасадзе сваім златакованым; падпёр угорскія горы сваімі палкамі жалезнымі, шлях заступіў каралю, зачыніў Дунаю вароты, шыбаючы бярэмі цераз воблакі, да Дуная суды судзячы. Грозьбы твае па землях цякуць; адчыняеш Кіеву вароты; страляеш з бацькавага пасада залатога султанаў па-за землямі. Страляй, княжа, Канчака, паганага раба, за Рускую зямлю, за раны Ігаравы, адважнага Святаслаўліча!

А ты, буй Рамане і Мсціслаў-

---

[1] рабыня, нявольніца. [2] дробная манета. 20 нагат адпавядала адной грыўне [3] раб, нявольнік. [4] дробная манета. Адной грыўне адпавядала 50 рэзан. [5] кап'ё [6] дзеці князя Глеба Расціславіча — разанскія князі — прымалі ўдзел у паходзе Усевалада. За гэты паход яны набылі ад Усевалада свае маёмасныя ўдзелы. [7] Рурык, князь перамышльскі, і Давыд, князь смаленскі, — Расціславічы; прымалі ўдзел у крывавым баі з полаўцамі на р. Арэлі ў 1183 г. [8] галіцкі князь Яраслаў Уладзіміравіч (пам. у 1187 г.) быў адным з найбольш магутных князёў таго часу і даводзіўся цесцем князю Ігару, герою «Слова». Асмамысл, паводле меркаванняў Пацябні, — гэта такі чалавек, які мае адначасова восем думак, восем турбот адразу. [9] Карпацкія горы. [10] каралю венгерскаму. [11] цяжкасці. У тэксце Мусіна-Пушкіна і ў архіўнай копіі «Слова» тут стаіць слова «времены». [12] «солтани за землями» азначае «турэцкіх султанаў за далёкімі землямі».

ве![1] Храбрая мысль носит ваш[2] ум на дѣло! Высоко плаваеши на дѣло в буести[3], яко сокол на вѣтрех ширяяся, хотя птицю в буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзныи папорзи[4] под шеломы латинскими. Тѣми тресну земля и многи страны: Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци[5] сулици[6] своя повръгоша, а главы своя подклониша под тыи мечи харалужныи. Нъ уже, княже, Игорю утръпѣ[7] солнцю свѣт, а древо не бологом[8] листвие срони! По Рси и по Сули гради подѣлиша[9]; а Игорева храбраго плъку на крѣсити. Дон ти, княже, кличет и зоветь князи на побѣду. Олговичи[10], храбрыи князи, доспѣли на брань.

Инъгварь и Всеволод и вси три Мстиславичи[11], не худа гнѣзда шестокрилци![12] Не побѣдными жребии собѣ власти расхытисте! Кое[13] ваши златыи шеломы и сулицы ляцкии и щиты? Загородите полю[14] ворота своими острыми стрѣлами за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святъславлича!

Уже бо Сула не течет сребреными струями к граду Переяславлю, и Двина болотом течет оным грозным полочаном

ле! Храбрая мысль носіць розум ваш на дзела. Высока плывіцё на дзела, з адвагай, як сокал на ветрах лунаючы, хочачы сходаці птаха ў бітве. Ёсць бо ў вас жалезныя наперснікі пад шоламамі лацінскімі. Ад іх затрасліся ўжо землі і шмат якіх краеў: Хінова, Літва, Дарамела, яцвягі і полаўцы, кінуўшы дзіды свае й голавы свае нахіланіўшы пад тыя стальныя мячы.

Але ўжо, княжа Ігару, аслабела сонца святло, а дзерава лісць не на добрае скінула! Па Росі і Суле гарады падзялілі, а Ігарава храбрага войска не ўваскрасіці. Дон цябе, княжа, кліча і іншых князёў заве на пабеду.

Алегавічы, храбрыя князі, утаміліся ў барацьбе.

Інгвар і Усевалад і ўсе тры Мсціслаўлічы — не благога гнязда птахі шасцікрылыя! Не жэрабем пабедным сабе ўладу прыдбалі! Што ж вашы шоламы залатыя і ляцкія шчыты? Загарадзіце полю вароты сваймі вострымі стрэламі за зямлю Рускую, за раны Ігаравы, буйнага Святаслаўліча!

Ужо бо Сула не цячэ ручаямі срабрыстымі к гораду Пераяслаўлю, ужо Дзвіна балотам цячэ к тым грозным па-

---

[1] Раман Мсціславіч, князь уладзімір-валынскі (пам. у 1205 г.), Мсціслаў Яраславіч, князь луцкі (пам. у 1206 г.). [2] У тэксце Мусіна-Пушкіна і ў архіўнай копіі «васъ». [3] у ярасці. [4] нагруднікі, панцыры. [5] плямёны, з якімі ваяваў Раман Мсціславіч. [6] коп'і. [7] пахмурыўся, паслабеў. [8] не на добрае. [9] ворагі падзялілі гарады. [10] Алегавічы: Святаслаў, Ігар і Усевалад і сыны Святаслава, Алег і Уладзімір, якіх ён паслаў да Пасем'я абараняць Русь ад полаўцаў. [11] Паводле большасці даследчыкаў «Слова», маюцца на ўвазе тры сыны Яраслава Луцкага: Інгвар, Усевалад і Мсціслаў, якія тут называюцца Мсціславічамі па імю свайго прадзеда Мсціслава Уладзіміравіча (пам. у 1132 г.). А магчыма, маюцца на ўвазе тыя самыя Інгвар, Усевалад, Мсціслаў і іх дваюрадныя браты: Раман, Усевалад і Святаслаў Мсціславічы. [12] у 3-х князёў-сокалаў 6 крыл. [13] дзе. [14] стэпу, адкуль ішлі качэўнікі.

под кликом поганых. Един же Изяслав, сын Васильков [1], позвони своими острыми мечи о шеломы литовския, притрепа [2] славу дѣду своему Всеславу, а сам под чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепан литовскыми мечи, и с хоти ю на кровать и рек [3]: «Дружину твою, княже, птиць крилы приодѣ, а звѣри кровь полизаша». Не бысть ту брата Брячяслава [4], ни другаго Всеслава [5]: един же изрони жемчюжну душу из храбра тѣла чрес злато ожерелие [6]. Унылы голоси, пониче веселие, трубы трубят городеньскии. Ярославе [7] и вси внуци Всеславли! Уже понизить стязи свои, вонзить свои мечи вережени [8]; уже бо выскочисте из дѣдней славѣ. Вы бо своими крамолами начясте наводити поганыя плъкы на землю Рускую, на жизнь [9] Всеславлю; которою [10] бо бѣше насилие от земли Половецкыи!

На седьмом вѣцѣ [11] Трояни връже Всеслав [12] жребий о дѣвицю себѣ любу [13].

лачанам, пад воклік паганых. Адзін толькі Ізяслаў, сын Васількавы, пазваніў сваймі вострымі мячамі аб шоламы літоўскія. Перабіў славу дзеду свайму Усяславу, а сам пад чырвонымі шчытамі на крывавай траве, пабіты літоўскімі мячамі, з Хоціем лёг, а той кажа: «Дружыну тваю, княжа, птахі крыллем апранулі, а звяры кроў палізалі».

Не было тут брата Брачыслава, ні другога Усевалада; адзін ён выпусціў жамчужную душу з храбрага цела цераз залатое ажарэлле.

Занылі песні, зачахла вясёласць, трубяць трубы гарадзенскія.

Яраслаўле і ўсе ўнукі Усеслаўлевы! Апусціце ўжо сцягі свае! Пахавайце мячы свае пашчарбаныя! Вы бо сваімі нязгодамі пачалі наводзіць паганых на Рускую зямлю, на надзел Усяслава, ад чаго і насілле пайшло ад зямлі Палавецкай.

У сёмы Траянавы век жэрабя кінуў Усяслаў аб дзяўчыне мілай сабе.

---

[1] Ізяслаў, сын Васількаў, князь полацкі і гродзенскі, патомак Усяслава князя полацкага. Але летапіс такога князя не адзначае. [2] пабіў, перасек. [3] «и с хоти ю на кроватъ, и рек» — цёмнае месца ў тэксце «Слова». Ні адна папраўка каментатараў «Слова» да гэтага месца не здаецца пераканаўчай. [4] Брачыслаў Васількавіч, князь ізяслаўскі і віцебскі. [5] аўтар «Слова» мае на ўвазе Усяслава Васількавіча, князя віцебскага, а пазней полацкага, «другий» таму, што вышэй намякалася на яго дзеда, Усяслава Брачыславіча. [6] залатая грыўна, якую насілі на шыі знатныя асобы як адзнаку сваёй знатнасці. [7] мабыць падразумяваецца Яраслаў Усеваладавіч, князь чарнігаўскі, які памёр у 1198 г. [8] пашкоджаныя. [9] багацце, дабро. [10] нязгодаю, супярэчнасцямі. [11] умоўны эпічны лік, што азначаў даўнасць. [12] Усяслаў Брачыславіч (пам. у 1101 г.), князь полацкі, праўнук Уладзіміра І Святаславіча і Рагнеды. Далей ідзе намёк на прыгоды Усяслава, які ўпарта ваяваў з унукамі Яраслава Мудрага, намёк на захоп Ноўгарада, на паражэнне, якое ён атрымаў на р. Нямізе ад Ізяслава і Усевалада Яраславічаў, на захоп кіеўскага прастола, на сустрэчу са сваімі праціўнікамі пад Белгарадам і на пабег да ўсходу сонца ў Полацк. [13] здабыча нявесты сімвалізуе тут здабычу горада, у дадзеным выпадку Кіева або Ноўгарада, якія Усяслаў захопліваў, але не здолеў там доўга пратрымацца.

Тъй клюками [1] подпръся о кони [2] и скочи к граду Кыеву и дотчеся стружием [3] злата стола киевскаго; скочи от них лютым звѣрем в плъночи из Бѣлаграда, обѣсися [4] синѣ мьглѣ; утръ же вознзи стрикусы [5], отвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу, скочи влъком до Немиги с Дудуток [6].

На Немизѣ снопы стелют головами, молотят чепи харалужными, на тоцѣ живот кладут, вѣют душу от тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологом бяхуть посѣяни, посѣяни костьми руских сынов. Всеслав князь людем судяше, князем грады рядяше, а сам в ночь влъком рыскаше: из Кыева дорискаше до кур [7] Тмутороканя, великому Хръсови [8] влъком путь прерыскаше. Тому в Полотскѣ позвониша заутренюю рано у святыя Софеи в колоколы, а он в Кыевѣ звон слыша. Аще и вѣща душа в дръзѣ [9] тѣлѣ, нъ часто бѣды страдаше.

Тому вѣщей Боян и пръвое припѣвку, смысленый [10], рече: «Ни хытру, ни горазду [11], ни птицю горазду суда божиа не минути».

О, стонати Руской земли, помянувше пръвую годину и пръвых князей! Того стараго Владимира [12] нельзѣ бѣ пригвоздити к горам киевским: сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзии Давидовы [13];

Падпёршыся клюкамі, ён на кані паімчаўся да горада Кіева і даткнуўся дзідай да кіеўскага залатога пасада. Ад іх скочыў зверам дзікім. Апоўначы з Белгарада ахутаўся сіняй імглою, а на раніцу, узняўшыся, браму стракалам адчыніў Ноўгараду, разбіў Яраслаўлеву славу і скочыў ваўком да Нямігі з Дудутак.

На Нямізе снапы сцелюць галовамі, малоцяць цапамі сталёвымі, жыццё кладуць на таку, душу веюць ад цела. Нямігі крывавыя берагі не дабром былі засеяны, засеяны былі касцямі сыноў рускіх.

Усяслаў князь людзям суд судзіў, гарадамі князёў надзяляў, а сам поначы воўкам гуляў. З Кіева да пятухоў дасцігаў Тмутаракані; вялікаму Хорсу ваўком шлях перабягаў. Таму ў Полацку рана званы пазванілі к заўтрані ў Сафіі святой, а ён у Кіеве звон чуе. Хоць і вешчая душа ў дзёрзкім целе была, але часта бяды нацярпеўся.

Яму першаму вешчы Баян і прыпеўку зламыў дасціпную: «Ні хітраму, ні быстраму, ні шпаркаму птаху не мінуці божага суда».

О! Стагнаці Рускай зямлі, успомніўшы быўшу часіну і быўшых князёў!

Старога таго Уладзіміра немагчыма было прыкаваці да кіеўскіх гораў! Цяпер бо яго сцягі сталі — адны Рурыкавы,

---

[1] хітрасцю. [2] сеў на каня. [3] жазлом або скіпетрам, які з'яўляўся адзнакай вялікакняжацкай годнасці. [4] ахутаўся. [5] раніцай ударыў сякерамі. У тэксце Мусіна-Пушкіна і ў архіўнай копіі «Слова»: «утръ же возни стрикусы». [6] мястэчка каля Ноўгарада. [7] да пеўняў. [8] богу сонца. [9] у храбрым. [10] мудры. [11] разумнаму. [12] князя Уладзіміра, які памёр у 1015 г. [13] зноў намёк на княжаскія раздоры.

нъ розно ся[1] им хоботы[2] пашут, копиа поют[3].

На Дунаи[4] Ярославнын глас ся[5] слышит; зегзицею[6] незнаема[7] рано кычеть[8]. «Полечю, — рече, — зегзицею по Дунаеви, омочю бебрян[9] рукав в Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣм[10] его тѣлѣ!»

Ярославна рано плачет в Путивлѣ на забралѣ, аркучи[11]: «О, вѣтрѣ, вѣтрило! Чему, господине, насильно вѣеши? Чему мычеши хиновьскыя стрѣлкы на своею нетрудною крылцю[12] на моея лады вои? Мало ли ти бяшет горѣ[13] под облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему, господине, мое веселие по ковылию развѣя?» Ярославна рано плачет Путивлю городу на забороле, аркучи: «О Днепре Славутицю![14] Ты пробил еси каменныя горы[15] сквозѣ землю Половецкую; ты лелѣял еси на себѣ Святославли насады[16] до плъку Кобякова[17]; възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, абых не слала к нему слез на море рано». Ярославна рано плачет в Путивлѣ на забралѣ, аркучи: «Свѣтлое и тресвѣтлое слънце! Всѣм тепло и красно еси! Чему, господине, простре горячюю свою лучю на ладѣ вои, в полѣ безводнѣ жаждею

а другія — Давыдавы, але хобаты іх паасобку калышуцца.

Пяюць дзіды на Дунаі. Яраслаўны голас чуецца. Беспрыпыннаю зязюляй ранымрана галосіць: «Паляту, кажа так, па Дунаю зязюляй, абмачу рукаво бабровае ў Каяле рацэ, абатру князю раны яго на магутным на целе яго».

Яраслаўна зрання плача ў Пуціўлі на сцяне, наракаючы: «О вецер, вятрыска! Чаму ты насільна так вееш? Чаму імчыш ханскія стрэлы на лёганькім крыллі сваім ды на вояў мужа майго? Ці ж веяць мала табе ўгары пад аблокі, лялеючы ў моры сінім караблі? Чаму ты вясёласць маю па кавылі развеяў?»

Яраслаўна зрання плача ў Пуціўлі горадзе на сцяне, наракаючы: «О Днепру Славуцічу! Горы каменныя ты перасек скрозь зямлі Палавецкае; чоўны лялееў ты на сабе Святаслаўлевы к войску Кабякаву. Прылялей жа й мужа майго да мяне, каб рана я слёз не ссылала на мора к яму!»

Яраслаўна зрання плача ў Пуціўлі на сцяне, наракаючы: «О светлае сонца, прасветлае! Усім ты нясеш і цяпло і красу. Нашто ж нанясло ты свой промень гарачы на вояў тых мужа майго? Па полі бязвод-

---

[1] У тэксце Мусіна-Пушкіна і ў архіўнай копіі «Слова» гэта месца чытаецца: «рози нося». [2] бунчукі. [3] У тэксце Мусіна-Пушкіна і ў архіўнай копіі чытаецца: «копіа поют на Дунаи». [4] «На Дунаи» — звычайны эпічны зварот ужыты для азначэння месца, дзе адбываецца дзеянне. [5] У тэксце Мусіна-Пушкіна «ся» адсутнічае. [6] зязюляю. [7] У тэксце Мусіна-Пушкіна і ў архіўнай копіі «Слова» «незнаемь». [8] кукуе. [9] бабровы. [10] магутным. [11] галосячы. [12] на лёгкіх крылах. [13] угоры. У тэксце Мусіна-Пушкіна і ў архіўнай копіі «Слова»: «гор». [14] старая назва Дняпра. [15] гутарка ідзе пра дняпроўскія парогі. [16] судны, чаўны. [17] намёк на шчаслівы паход князя Святаслава супроць полаўцаў у 1184 г.

им лучи съпряже, тугою им тули затче?»[1]

Прысну[2] море полунощи; идут сморци[3] мьглами. Игореви князю бог путь кажет из земли Половецкой на землю Рускую к отню злату столу.

Погасоша вечеру зари. Игорь спит. Игорь бдит. Игорь мыслию поля мѣрит от великаго Дону до малаго Донца.

Комонь в полуночи Овлур[4] свисну за рѣкою; велит князю разумѣти. Князю Игорю не быть![5] Кликну; стукну земля, въшумѣ трава, вежи[6] ся половецкии подвизашася.

А Игорь князь поскочи горнастаем к тростию и бѣлым гоголем на воду. Въвръже ся на бръз комонь и скочи с него бусым[7] влъком, и потече к лугу Донца, и полетѣ соколом под мьглами, избивая гуси и лебеди завтроку, и обѣду, и ужинѣ.

Коли Игорь соколом полетѣ, тогда Влур влъком потече, труся собою студеную росу: претръгоста[8] бо своя бръзая комоня.

Донец рече: «Княже Игорю! Не мало ти величия, а Кончаку нелюбия, а Руской земли веселиа!»

Игорь рече: «О Донче! Не мало ти величия, лелѣявшу князя на влънах, стлавшу ему

ным ім смагаю лукі звяло, а ўтулы тугой ім заткала!»

Прыснула мора з поўначы, смерчы імглямі ідуць. Князю Ігару бог знача дарогу з зямлі Палавецкай на Рускую зямлю дзе бацькаў пасад яго жджэ.

Патухла вячэрняя зорка. Ігар спіць, Ігар вока не зводзіць. Ігар думкаю мерае поле ад Дона вялікага к малому Данцу.

Апоўначы свіснуў Аўлур за ракою каню, разумеці загадвае князю. А князя Ігара няма! Клікнуў — дрыгнула зямля, зашумела трава, палавецкія вежы ўспужаліся.

А князь Ігар к трыснягу гарнастаем панёсся і гогалем белым паймчаўся к вадзе. На быстрага рынуў каня, саскочыў з яго босым воўкам, к логу Данца пакаціўся й паляцеў сокалам пад імгламі, забіваючы гусі і лебедзі к снеданню, полудню й вячэры.

Як Ігар паляцеў сокалам, тады воўкам Аўлур пакаціўся, абіваючы росы сабою сцюдзёныя: падарвалі бо коней сваіх быстраногіх.

І кажа рака Данец: «Княжа Ігару! Не мала вялічча табе, Канчаку дакукі, а радасці Рускай зямлі!»

А князь Ігар кажа: «О Доньча! Не мала вялічча табе, што лялеяў ты князя на хвалях і

---

[1] у стэпе бязводным смагаю лукі ім спрэгла, тугою ім калчаны заткнула, г. зн. воіны ад смагі не могуць страляць. [2] усхвалявалася, забурліла. [3] смерчы. [4] палаўчанін, які садзейнічаў пабегу князя Ігара з палавецкага палону і сам уцякаў разам з ім. У летапісу гэты палаўчанін называецца Лаворам. [5] Няма князя Ігара! [6] шатры, палаткі. [7] сівым, шэрым. У тэксце Мусіна-Пушкіна і ў архіўнай копіі «Слова» стаіць: «босым». Я. Купала таму ў сваім перакладзе і ўжыў такі выраз: «босым воўкам» замест патрэбнага выразу: «шэрым воўкам». [8] надарваў, перагнаў каня быстраю яздою.

зелѣну траву на своих сребреных брезѣх, одѣвавшу его теплыми мьглами под сѣнию [1] зелѣну древу; стрежаше его гоголем на водѣ, чайцами на струях, чрьнядьми [2] на ветрѣх! [3] Не тако ли, рече, рѣка Стугна: худу струю имѣя, пожръши чужи ручьи и стругы [4], рострепа к усту [5], уношу князю Ростиславу [6] затвори Днѣпрь темнѣ березѣ. Плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславѣ. Уныша цвѣты жалобою, и древо с тугою к земли прѣклонилося».

А не сорокы встрокоташа [7]: на слѣду Игоревѣ ѣздит Гзак с Кончаком. Тогда врани не граахуть [8], галици помлъкоша, сорокы не троскоташа, по лозию [9] ползаша только; дятлове тектом [10] путь к рѣцѣ кажут, соловии веселыми пѣсньми свѣт повѣдают.

Млъвит Гзак Кончакови: «Аже сокол [11] к гнѣзду летит, соколича [12] рострѣляевѣ своими злачеными стрѣлами».

Рече Кончак ко Гзѣ: «Аже сокол к гнѣзду летит а вѣ соколца опутаевѣ красною дѣвицею» [13].

И рече Гзак к Кончакови: «Аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будет сокольца, ни нама красны дѣвице, то

зялёную траву яму падсцілаў на сваіх берагах срэбраных, адзяваючы цёплымі ймглами яго пад ценем зялёнага дзерава, і сцярог на вадзе яго гогалем, чайкамі на ручаях, чарнедзямі на ветрах. Не такая, кажа, рака Стугна. Маючы вузкі працёк, праглынуўшы чужыя ручаі й распасцёршы хвалі к утоку, князю Расціславу маладому берагам цемным Дняпро зачыніла. Плачацца маці Расціслаўля па сваім маладым князю Расціслаўлю. Кветкі жальбою занылі, а дрэва з тугою к зямлі накланілася».

Не сарокі так застракаталі: гэта едзе Ігаравым следам Гза з Канчаком. І тады груганы не закрумкалі, галкі замоўклі, сарокі не стракаталі, па лозах паўзлі толькі. А дзятлы тукатам к рэчцы шлях паказваюць, салавейкі вясёлымі песнямі раніцу згадваюць.

І гаворыць Гза Канчаку: «Калі сокал ляціць да гнязда, мы застрэлім саколіча стрэламі сваймі залатымі!»

А Канчак Гзе адказвае: «Калі сокал ляціць да гнязда, мы сакольца апутаем краснаю дзевай!»

А Гза кажа Канчаку: «Калі мы яго дзеваю краснай апутаем, мець не будзема мы ні саколіча, ані краснае дзевы, ды

---

[1] шатром. [2] чорная чубатая качка. [3] у выразе: «чайцами на струях, чрьнядьми на ветрѣх» Пацябня прапанаваў у свой час зрабіць перастаноўку: «чрьнядьми на струях, чайцами на ветрѣх», бо плавае па вадзе чэрнядзь — качка, а чайка, лятаючы над вадою, толькі датыкаецца крылом да паверхні вады. [4] прытокі. [5] пашыраная к вусцю. [6] Малады князь Расціслаў Усеваладавіч утапіўся ў 1093 г., калі ратаваўся ад палавецкай пагоні. [7] застракаталі. [8] не каркалі. [9] па галінках. [10] стукам. [11] менавіта, князь Ігар. [12] Уладзімір, сын князя Ігара. [13] Параўнай гэта месца «Слова» з Іпатаўскім летапісам, дзе паведамляецца: «Тогда же приде Володимѣрь ис Половѣць с Коньчаковною, и створи свадьбу Игорь сынови своему и вѣнча его и с дѣтятемь» (стар. 659).

почнут наю птици бити в полѣ Половецком».

Рек Боян и ходы на Святъславля пѣснатворца стараго времени Ярославля, Ольгова коганя хоти [1]: «Тяжко ти головы кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы», Руской земли без Игоря. Солнце свѣтится на небесѣ, Игорь князь в Руской земли. Дѣвици поют на Дунаи, вьются голоси чрез море до Киева. Игорь ѣдет по Боричеву [2] к святѣй богородици Пирогощей [3]. Страны ради, гради весели.

Пѣвше пѣснь старым князем, а потом молодым пѣти. Слава Игорю Святъславличю [4], буйтуру Всеволоду [5], Владимиру Игоревичу! Здрави князи и дружина, побарая за христьяны на поганыя плъки! Князем слава а [6] дружинѣ. Аминь.

пачнуць нас тады біці птахі ў полі Палавецкім!»

І сказаў Баян аб днях Святаслаўлевых, Баян-песнятворац далёкага часу, Яраслаўлева, Алегава: «Княжа! Хоць і цяжка табе, галаве, без плячэй, але трудна табе, целу, без галавы!»

Так і Рускай зямлі без Ігара. Сонца свеціцца на небе, Ігар князь — на Рускай зямлі. Пяюць дзевы на Дунаі, галасы плывуць праз мора і да Кіева. Ігар едзе па Барычаву да святое багародзіцы Пірагошчай. Рады староны, весялы гарады.

Спяяўшы песню старым князям, а пасля маладым пяяці: «Слава Ігару Святаслаўлічу, буй туру Усеваладу, Уладзіміру Ігаравічу! Здароўя князям і дружыне, выступаючым за хрысціян на войска паганых! Слава князям і дружыне!» Амінь.

---

[1] Сапсаванае месца ў тэксце «Слова». Многія спробы растлумачыць яго не далі яшчэ станоўчага выніку. [2] па Барычаву тракту, бальшаку. [3] царква, заснаваная князем Мсціславам у 1131 г. і названа так па той прычыне, што ў ёй знаходзілася «пирогощая» (г. зн. баштавая) ікона багародзіцы, якую прывезлі з Канстанцінопаля. [4] У тэксце Мусіна-Пушкіна: «Святаславлича», а ў архіўнай копіі: «Святаславличь». [5] У тэксце Мусіна-Пушкіна: «Всеволодѣ», а ў архіўнай копіі: «Всеволоде». [6] і.

ЖЫЦІЙНАЯ ЛІТАРАТУРА

Жанр жыція як жанр царкоўна-дыдактычнай літаратуры ўзнік у старажытныя часы і ўжо ў перыяд Кіеўскай Русі быў прадстаўлен вялікай колькасцю як перакладных, так і арыгінальных твораў, якія ўзніклі пад непасрэдным уплывам тагачаснай палітычнай рэчаіснасці. Жыццё было адным з папулярных жанраў старажытнай літаратуры. Гэтым і тлумачыцца наяўнасць вялікай колькасці дайшоўшых да нас твораў гэтага жанра.

Жыційная літаратура бурна развівалася і тады, калі Кіеўская Русь распалася на рад самастойных феадальных княстваў. Не выпадкова, што жыційная літаратура атрымала шырокае распаўсюджанне ва ўсіх княствах, якія раней уваходзілі ў склад Кіеўскай Русі, у тым ліку і на тэрыторыі княстваў сучаснай Беларусі.

На тэрыторыі Беларусі XIV—XVII ст. ст. апрача перакладной і агульнарускай жыційнай літаратуры, атрыманай у спадчыну ад Кіеўскай Русі, узнікалі і бытавалі жыціі, напісаныя на мясцовым матэрыяле. Аб колькасці твораў жыційнай літаратуры, якія былі распаўсюджаны ў Беларусі таго часу, сведчаць дайшоўшыя да нас розныя зборнікі жыцій [1]. У гэтых зборніках большай часткай змешчаны жыціі, якія прадстаўляюць сабою толькі спісы старажытна-рускіх арыгіналаў з адметнымі рысамі беларусізмаў у арфаграфіі і лексіцы. Але сярод іх сустракаюцца і арыгінальныя жыціі і такія жыціі, якія так пераапрацаваны на беларускай глебе, што ўяўляюць сабою зусім новую, адметную ад арыгінала, беларускую рэдакцыю. Прыкладам такой творчай перапрацоўкі аднаго з найбольш папулярных у старажытнасці жыцій з'яўляецца жыціе **Аляксея, чалавека божага,** якое пададзена ў хрэстаматыі ў раздзеле перакладной літаратуры. З арыгінальных жыцій, якія ўзніклі на тэрыторыі Беларусі і прысвечаны апісанню жыцця і дзейнасці пэўных гістарычных асоб тагачаснай Беларусі, у гэтым раздзеле хрэстаматыі падаюцца жыціе **Ефрасінні Полацкай** і ўрыўкі з тэксту жыція **Аўраамія Смаленскага**.

ЖЫЦІЕ ЕФРАСІННІ ПОЛАЦКАЙ

Жыціе Ефрасінні Полацкай, як і рад іншых жыцій, было папулярным жыціем яшчэ ў перыяд Кіеўскай Русі. Захавалася яно да нашага часу ў некалькіх спісках. Самы старэйшы з вядомых нам спіскаў гэтага жыція адносіцца да XIV ст.

Жыціе Ефрасінні Полацкай — адно з нямногіх жыцій агульнарускага перыяду ў літаратуры, у якім падаецца вобраз жанчыны-падзвіжніцы. Толькі пазней, пачынаючы ўжо з XVI ст., складальнікі жыцій пачынаюць усё часцей

---

[1] Е. Ф. Карский. Белорусы, т. III, выд. 2, стар. 43—45.

і часцей уводзіць вобраз жанчыны ў гэты жанр літаратуры. Да гэтага ж часу гісторыі літаратуры вядомы толькі тры жыціі, якія прысвечаны жанчынам: жыціе Вольгі, княгіні кіеўскай, жыціе Ефрасінні Суздальскай і жыціе Ефрасінні Полацкай.

Ефрасіння Полацкая з'яўлялася адной з наследніц полацкай княжацкай дынастыі: яна даводзілася ўнучкай славутаму полацкаму князю Усяславу Брачыславічу, аб якім упамінаецца ў «Слове аб палку Ігаравым». Бацька яе, Святаслаў-Георгій, быў меншым з сямі сыноў Усяслава Брачыславіча. У юнацтве Ефрасіння, не жадаючы выходзіць замуж, пастрыглася ў манастыр і з дазволу полацкага епіскапа пасялілася ў келлі Сафійскага сабора, дзе вяла пустэльніцкі вобраз жыцця. Там яна займалася перапіскай богаслужбовых кніг. Пазней заснавала свой жаночы манастыр, у які пастрыглася яе меншая родная сястра Градыслава і дваюрадная сястра Звяніслава. Ефрасіння, будучы ігуменняю манастыра, пабудавала на ўласныя сродкі дзве каменныя царквы: царкву Спаса, у пабудове якой ёй дапамагаў сродкамі яе бацька, і царкву Богамацеры. Абедзве царквы былі багата аздоблены. Тут, у царкве Спаса, яна палажыла дарагі напрыстольны крыж, зроблены з золата, срэбра і інкруставаны жэмчугам, а для другой царквы выпісала з Усходу славутую Эфескую ікону божай мацеры. Пад канец свайго жыцця яна адправілася ў падарожжа ў Іерусалім, дзе і памерла 23 мая 1173 г. Там, у Іерусаліме, згодна з яе жаданнем, яна была пахавана ў манастыры прападобнага Феадосія. Пазней, калі ў 1187 г. Саладзін рыхтаваўся захапіць Іерусалім, яе мошчы былі перанесены ў Кіеўскія пячоры, а ў пачатку XX ст. іх перавезлі ў Полацк.

Час напісання жыція Ефрасінні Полацкай дакладна вызначыць немагчыма, але жывасць апавядання, шматлікасць біяграфічных рысаў і наяўнасць вялікай колькасці славянізмаў у мове старэйшага з дайшоўшых да нас спіскаў гэтага жыція даюць падставу меркаваць, што ў пісца гэтага спіска ў якасці першакрыніцы, з якой ён спісаў тэкст жыція, было жыціе больш старэйшае па часу свайго напісання. Гэта меркаванне падмацоўваецца і наяўнасцю ў старэйшым з вядомых нам спіскаў такіх незразумелых месц, якія можна растлумачыць толькі тым, што перапісчык жыція няўважліва капіраваў арыгінал, з якога рабіў свой спіс.

Змешчанае ў хрэстаматыі жыціе Ефрасінні Полацкай друкуецца ўпершыню па рукапіснаму спіску XIV ст. Ленінградскай публічнай бібліятэкі імя Салтыкова-Шчадрына (гл. Погодин, 869, Сборник, лл. 318об. — 332).

Месяца майя в 23 день

ЖИТИЕ БЛАЖЕНЫЯ ЕУФРОСИНИИ, ИГУМЕНИИ ВСЕДРЪЖИТЕЛЯ СВЯТАГО СПАСА ВО ГРАДѢ В ПОЛОДСЦѢ.

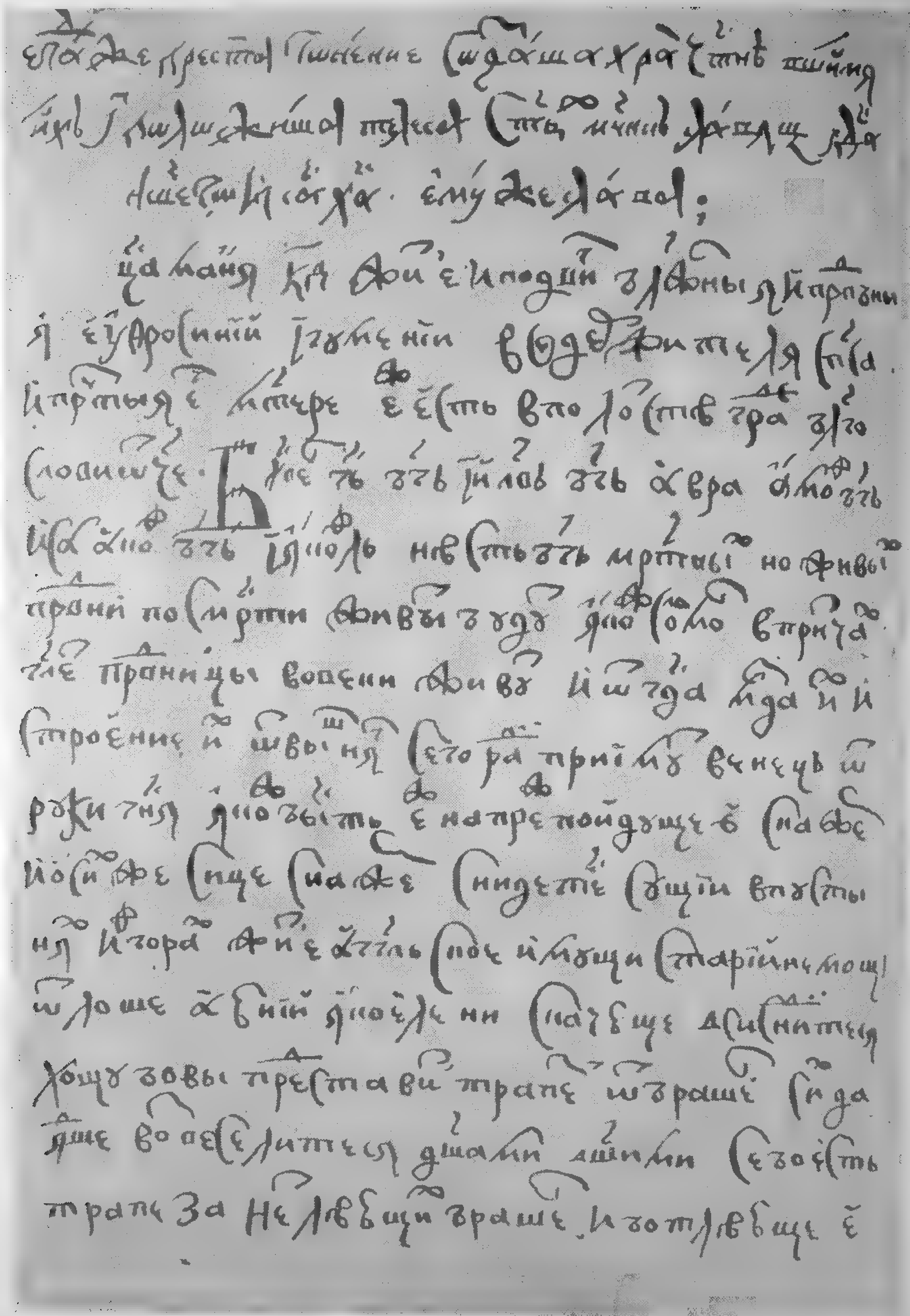
Господи, благослови!

Благословен господь бог Израилев, бог Аврамов, бог Исаков, бог Ияковль. Нѣсть бог мертвых, но живых.

Праведнии бо по смерти живи суть, яко же Соломан [1] во притчах глаголеть: «Праведници в вѣки живуть; от господа мзда их и строение от вышняго. Сего ради приимут венець из рукы господня».

Яко же и бысть, еже напред идущее скажем, о сих же сице [2] скажем. Снидѣтеся сущии в пустынях и в горах, житие ангелское имуще, старии немощь отложивше, а юнии, яко елени скачюще! Снидитеся вси: хощу бо вам представити трапезу от брашен [3] сих, да, ядше, возвеселимся душами вашими! Се бо есть трапезѣ за

[1] мудры ізраільскі цар. [2] так. [3] мучная страва. Тут ужыта ў сэнсе «духоўная ежа».



Першая старонка рукапісу жыція Ефрасінні Полацкай па спіску XVII ст.

нетлѣющих брашен, иж гортань наслажають и чрево насыщають, а си душа веселящися, а ум укрѣпляющи на подвигы добрых дѣл. Сиа бо ядиаще кто — насытится, не вжадает во вѣкы, яже реченно в писании: «Не заморить господь гладом душа праведных».

Мы же напред лѣжащее возвратимся. О нем же начахом повесть сию. Вы же послушайте блазии[1], или князи или бояри, церковници, вы, честнии собори святых, сущих в монастырѣх, и простии людие. Снидитеся на новое слышание! Послушайте прилѣжно! Отвръзше ушеса своя и умякчивши нивы сердец ваших, приймете мно(го) спасенаго житя и послушайте жены сея преподобныя святыя подвигы и труды и любовь яже к богу. Иже предпоидуще скажем, како родися, или от ких родитель, или како воспитася, или како возрасте, в кою ли мѣру потече[2] вослѣд жениха своего Христа, и о той инде[3] скажем, а о сих сице есть по ряду.

Бысть князь в Полотсцѣ градѣ именем Всеслав[4]. И тъй имѣяше сыны многы. И бѣаше у него сын именем Георгий[5]. От него же родися си блаженая отроковица. Родителя же ея возрадоваста ся о рожествѣ[6] ея со всѣм домом своим. По днѣх тѣх повелѣста ю[7] крестити. Крестиша ю во имя отца и сына и святого духа. И питома бѣаше доилицею[8] своею, день от дни растяше. Отроковица, тѣло млеком питаемо, растяше, а душа святого духа наполняшеся.

(С)лучи[9] же ся девици деснаго[10] естества плод милостивый и толми[11] бысть любящи учение. Вѣсти же разшедшися по всѣм градом о мудрости ея, и о блазем учении ея, и о телѣснѣй твари[12] ея, бяше бо лѣпа лицем. Красота же ея многыи славныи ея князь на любовь приведе ко отцу ея, яко же пояти[13] ю невѣсту за сын свои. И всѣм, часто присылающим ся за сын свои ко отцу ея, отець же отвѣщеваше к ним: «Воля господня да будеть!»

Един же, преодолѣваше славным своим княжением и богатеством, присла ко отцу ея и спроси дщерь его за сын свой.

И пришедши ей возраст, и бысть 12 лѣт. И видѣв отець ея нача глаголяти княгинѣ своей: «Нама[14] уже лѣпо дати за Предислава князя»[15]. Она же глагола ему тако: «Бог хощеть и твоя, княже, воля тако будеть».

Тогда слышавши Предислава — тако бо бяше ей наречено имя родителема своима преже святого крещениа — расмышляша же в себѣ, глаголющи: «Паче же реку от святого духа...» Наполнишись мысли ея и рече в себѣ: «Воли како се будеть, оже отець мой мыслить причтати мя мужеви[16], то аще[17] тако будеть, то печаль мира сего не гоньзнути[18] ни како же лзѣ»[19]. Пакы в себѣ рече: «Но что успѣша[20] при нас бывшии родове наши? И женишася, и посягоша[21], и княжиша, но не вѣчноваша. И житие их мимо тече.

---

[1] добрыя. [2] рушылася. [3] у іншым месцы. [4] полацкі князь да 1101 г. Аб ім гаворыцца ў «Слове аб палку Ігаравым», што ён «сам в ночь влъком рыскаше», дамагаўся Кіева і адкрываў вароты Ноўгарада. [5] яго сын з язычаскім імем Святаслаў. [6] нараджэнню. [7] яе. [8] карміцелька. [9] у рукапісе слова «лучи» — «здарылася». [10] правага, справядлівага. [11] так. [12] краса. [13] узяць. [14] нам. [15] лепш нам аддаць Прадыславу замуж за князя. [16] аддаць замуж. [17] калі. [18] пазбавіцца. [19] магчыма. [20] дасягнулі. [21] выходзіць замуж.

Слава их погыбе, яко прах, и хужьши паучины. А иже прежнии жены, веземше мужескую крѣпость и поидоша вослѣд жениха своего Христа, предаша телѣса своя на раны и главы своя мечеви. А другыя паче желѣзу выя [1] своя не преклониша, но духовным мечем отсѣкоша от себѣ плотскиа сласти, и предаша телѣса своя на пост и на бдѣние [2], и колѣнное поклоняние, и на земли легание; то ти [3] суть памятни на земли. А имена их написана суть на небѣсех и тако со ангелы безпрестани славять бога. А си [4] слава есть прах и пепел, яко дым разыйдется, яко пара водная погыбает».

И тако ей помышляющи в сердцы своем, а ум ея болѣ на божию любовь подвизашеся [5]. И единою положись на сердци ея таково помышление, рече бо в себѣ: «Не се ли бы лучеши [6] всего житиа сего было, да бых ся постригла в черници [7]? И была бых подигуменьею [8], повинующися сестрам и учащися, како страх божий утвердити во сердцы своем, и како течение скончяти» [9]. И се на умѣ положивши, иде в монастырь, утаившися отца и матери и всѣх домашних.

В та же лѣта бяша кня(г)ини Романова [10] черница. И прииде к той, просящи ангельскаго образа приати и причтати [11] ся ту сущим черноризицам и быти под игом Христовым. Видѣвши же она, блаженая, уность [12] ея и возраст цвѣтущи от нея, и не хотящи острищи ея, и смятеся [13], и нача тѣлом утѣрпати [14], и сердцем ужасатись, и лицѣ на землю преклонивше на долг час ничющи [15]. Восклонившися и възрѣвши на уность ея, и воздохнувши, и прослезившися, глагола к ней: «Чадо мое! Како могу се сотворити? Отець твой, увѣдав, со всяцѣм гнѣвом возложить вред на голову мою. А еще юна еси возрастом. Не можеши понести тяготы мнишескаго [16] житиа. И како можеши оставити княжение и славу мира сего?»

Отвѣщавши же блаженая отроковица и рече ей: «Боже и мати [17]! Вся видимая мира сего и красная суть и славна, но воскорѣ минует, яко сон, яко цвѣт увѣдает. Вѣчная же и невидимая во вѣкы пребываають, яко же писание глаголеть: «Ни око видѣ, ни ухо слыша, ни на сердце человѣку не взыдѣ, яже бог уготова любящим его». Или отца моего ради нехощеши мя острищи? Не бойся, госпоже моя, того. Но бойся господа, владеющего всею тварию, и не отлучи мене ангельскаго образа!»

Она же, блаженая княгини, удивившися разуму отроковица и любви яже к богу, повелѣ волѣ ея быти. И огласив ю ерѣи [18]. И остриже ю. И нарече имя ей Ефросиния. И облече ю в черныя ризы [19]. И благослови ю игумениа благословением святых отець. И рече ей: «Буди, чадо, послѣдствующи [20] преже тебѣ бывших жен,

---

[1] шыя. [2] бяссонныя ночы. [3] тыя. [4] гэта. [5] схіляўся. [6] лепей. [7] манашка. [8] намесніца ігуменні. [9] закончыць жыццё. [10] жонка яе дзядзькі Рамана Усяславіча, памёршага ў 1116 г., была ў той час ігуменняю манастыра. [11] залічыць. [12] юнацтва. [13] разгубілася. [14] слабець, пакутаваць. [15] схіляць твар да падлогі. [16] манашскага. [17] па другому спіску жыція гэта месца чытаецца: «Госпоже и мати». [18] манастырскаму папу. [19] адзенне. [20] паслядоўніцай, дастойнай прыкладу.

рекше[1] Февронии[2] и Еупраксии[3] и иных множество, яже Христа ради пострадаша! Господь бог даст ти[4] силу и побѣду на супротивника[5] нашего дьявола». И то рекши, отпусти ю в келию свою.

И увѣдав отець еа, скоро шед в монастырь. Жалостно терзаше власы главы своея и любѣзнѣ целоваше ю, глаголя: «Горѣ мнѣ, чадо мое! По что се сотворила еси, печаль души моей принесе? По что ми[6] преже сего мысли своея не явила еси? Лютѣ мнѣ, чадо мое сладкое, жалости сердца моего! О горѣ мнѣ, чадо мое милое! Како гоньзнеть доброта твоя вражие пронырьство? Уже достоит ми плакатися острупленою душею ко господу богу моему, да внидеши в черътог царства его!»

Жалость же бысть всѣм в дому его о ней. Преподобная же Еуфросинья сего всего не брежаше[7] жалости отца своего. Но, яко добрый Храбор, вооружившися на супротивника своего, диавола, пребываше в монастыри, и повинующись игумении и сестрам всѣм, и вся преспѣвающи постом, молитвами и бдѣнием нощным. И оттолѣ начат подвижнѣйши быти, собирающи благыя мысли в сердци своем, яко пчела сот.

Иже пребывши нѣколико врѣмя в монастыри, и потом испроси тогда сущаго епископа, нарѣцаемаго Ильи, правящаго[8] стол святыя Софѣи в Полотстѣ, дабы ей повѣлел ту пребыти — во церкви святыя Софии и каменныя, в голубници. И повелѣ ей да пребывает. И ту, въшедши, нача подвижнѣйши подвиг постническы восприимати. И нача книгы писати своими руками. И наем емлюще требующим даяше.

Пребывающи ту нѣколико врѣмя, во ину убо нощь возлещи хотящи отпочити от многаго стояниа яже к богу в молитвах, и видѣ видѣние. Поим[9] ю ангел и ведѣ ю, идѣ же бѣ церкви святого Спаса мѣтохиа[10] святѣй Софѣи, яже зовется Селцѣ от людий. И ту показа ей ангел господень, и глаголя Еуфросинии: «Ту ти подобает быти!» Она же убо удившися. И дивляшеся в себѣ глаголющи: «Что се хощет ми быти!» Тои ж нощи видѣ дважды и трижды. Возбудившися от ѕна, и страхом славословящи бога и глаголющи: «Слава тебѣ, боже нашь! Слава тебѣ, сподобивый[11] мя во днешний день видѣти ангельское лицѣ святое!» И потом нача псалом глаголяти: «Готово сердце мое, боже! Готово сердце мое! И пакы к тебѣ привергохся[12] от утробы матери моея, бог мой еси ты! Яко восхотѣ, тако и сотвори на мнѣ, рабѣ твоей».

И кончявши еи утреняя[13], явися епископу Ильи. Той же ангел, глаголя: «Введи рабу божию Еуфросинию в церковь святому Спасу, на рекомое Селцѣ! Мѣсто бо то святое есть. Яко достойна есть царствию небесному, и, яко миро добровонно, молитва ея восходит

---

[1] менавіта. [2] Фяўронля, жонка мурамскага князя Пятра, выдзялялася, паводле аповесці, сваёю мудрасцю і набожнасцю. [3] Яўпраксія — жонка разанскага князя Фёдара Юр'евіча, забітага Батыем у 1236 г. [4] табе. [5] ворага. [6] мне. [7] не звярнула ўвагі. [8] назначанага кіраваць. [9] узяў. [10] месца, на якім знаходзілася раней царква. [11] удастоіў. [12] прыхілілася. [13] Давальны самастойны: «калі яна закончыла ранішнюю малітву».

к богу. Яко венець на главѣ церквѣ, тако почивает дух святый на ней. Яко солнце сиает по всей земли, тако и житие ея сиает пред ангелы божиими».

И въстав епископ въскорѣ страхом и трепетом обдержим. Иприиде же к ней. Еуфросиниа же, видѣвши епископа, и поклонися ему, глаголящи: «Благослови, владыко святы!» Он же глагола: «Бог да благословит тя, чадо, и дасть ти тръпѣние и силу на всѣх вразѣх, видѣмых и невидѣмых». Она же, поклонившися, рече: «Аминь. Буди мнѣ по глаголу, владыко, твоему святый».

Сѣдоста отвръзже блаженый архиепископ уста своя, нача бѣсѣдовати к ней о спасении души. Блаженая ж Еуфросиниа приимаше словеса его, яко сѣмена в житницу душа своея, ово 30, ово 60, ово 100. Много же бѣсѣдоваста с нею, и се прочее рече еи души: «Хощу ти прорещи слово, ты ж с любовию приимай!»

Она же рече рада: «Отче преподобный, прииму слово твое, яко дар многоцѣнный!» Глаголет ей епископ: «Вѣдаеши, чадо, се церковь есть соборная, идѣ же сѣдиши? Ту вси человеци собираются. А тебѣ, чадо, не лѣпо было зде пребывати! То се есть церковца святого Спаса в Сельце, идѣ же братиа наша лежать, преже нас бывшая епископи. Негли [1] бог посѣтить молитвами их и твоим трудом возградить мѣсто велико!»

Еуфросиниа же, слышавши то от епископа, яко тако ей изглаголал, и возрадовася душею и возвеселися сердцем. И явлению ангелову вѣру приимши, еже видѣ и слыша от него, и глагола епископу: «Бог да ми поспѣшит, отче, молитвами твоими святыми!»

Призва же епископ князя Бориса [2], стрыя [3] ея, и отца ея Георгиа, и преподобную Ефросинию, и силныя честныя мужа и постави. А сам на себя послухи [4] рече: «Се отдаю мѣсто святого Спаса Еуфросинии при вас. Да по моем животѣ никто же да не посудить [5] моего даниа». И се слышавше князя оба и боярѣ от епископа и поклониста ся ему, глаголюще тако: «Ей! Владыко святый! Се ти есть бог положил на сердци твоем, иже еси сицѣ смыслил отроковицѣ сей и попечение о ней». Еуфросинии же рекоша: «А ты иди послушай епископа! Еже ти велить, тако сотвори. Той есть отец всѣм нам. Нам подобает того послушати». Еуфросиниа, яже слышавши и возрѣвши на ня осклабленым [6] лицѣм, рече им рада: «Иду. Яко бог повелит ми, тако и будеть. Воля господня да будеть о мнѣ!»

Князи же и бояри, слышавши от преподобныя Еуфросинии глагол сы, возрадовашася. Приимши благословение от епископа, и поклонившеся преподобной Еуфросинии, и цѣловавше ю любезным цѣлованием, и ехаша в домы своя.

Еуфросиниа же, поклонившися святѣй Софѣи и благословившися от епископа, и той нощи воставши и поимше с собою едину черницу, и прииде на мѣсто, зовемое Сельце, иже есть церковца святаго

---

[1] няхай. [2] Барыс Усяславіч — полацкі князь з 1119 да 1128 гг. [3] дзядзьку. [4] падпарадкаванне. [5] не адменіць. [6] лагодным.

Спаса. И влѣзши ей в церковь, и поклонившися, и возгласи сице: «Ты, господи, заповѣда своим апостолом, рек: «Не носите с собою ничто же, токмо жезл един!» Аз [1] же твоему словеси послѣдствующи изыдох на мѣсто се ничто же имущи носящи, но точию [2] твое слово в себѣ имущи, еже рѣщи,— господи, помилуй! И еще же за все имѣние имѣю книги сея. Ими же утѣшает ми ся душа и сердце веселится. Лише [3] же сих триех хлѣбов, не имѣю ничто же, но токмо тебѣ, помощника и заступника и кормителя. Ты бо еси: отець убогым, нагим одѣяние, обидѣмым помощник, ненадѣющимся надѣяние. И буди имя твое благословено на рабѣ твоей Ефросинии отнынѣ и до вѣка! Аминь».

И так рѣкши, нача подвижнѣйши быти на молитву яже к богу. И ту ей пребывающи неколико врѣмя. Тогда посла ко отцу своему, глаголющи: «Пусти ко мнѣ сестру Городиславу, и — тако бо ю бѣста нарѣкла родителя — да научится грамотѣ». Он же посла к ней. Еуфросиния же со прилѣжанием учаше о спасении души, а она с прилѣжанием учашесь и приимаше, яко нива плодовита, умякчивши сердце свое. И глаголаше: «Господь бог устроит ми на спасение души моей, и твоими, госпоже, святыми молитвами!» И се ей рѣкши, преподобная же Еуфросиниа, введши ю в церковцю, и повелѣ ю ерѣеви, огласивши, облещи в черныя ризы, и нарече имя ей Еудоксѣя.

И по малѣх днех присла отець к ней: «И уже сестру свою Городиславу пусти ко мнѣ». Она же рече: «Еще не извыче [4] всей грамотѣ». И увѣда же отець ея, яко, утаившися его, остриже ю. И узьярився на преподобную Ефросинию, сердцем горя. И приеха к монастырю, глаголя: «Чадо мое милое, что се сотворила еси? Приложи сѣтование к сѣтованию души моей, и печаль к печали». Се ему глаголющю от горѣсти сердца своего, рѣками слезы точащу часто изливая от очию своею. Любезно държа Евдокѣю рече: «Чадо мое, на се ли вас я родих? Или на се ли вас я милостиво спитала? [5] Ужели вам брак уготовах уже чертогы [6] брачныя, порта [7] ваю [8] на сѣтованию положих себѣ? Чадо мое милое! Что ми воздастѣ в радости мѣсто горкиа печали, наполниста сердце мое?»

И вси бояре его, слышавше жалость князя своего, и плакахуся горко о напрасней печали князя их.

Блаженая же Ефросиниа отвѣщаваше отцу своему: «Что ради печалуешися нама? Имаевѣ бо печалника и помощника единого бога».

Отець же ея малу утѣху приим от преподобныя Еуфросинии и ѣха в дом свой. Еудокѣя же пребываше в монастыри, повинующися сестрѣ своей. Блаженая же Ефросиниа трудом [9] многым молящись к богу о мѣстѣ том, дабы бог устроил ей сенѣ [10].

Колико врѣмя бѣяше, княжна Борисовна, именем Звенислава, пришедши единою от дни и принесе всю свою утварь златую и порты

---

[1] я. [2] толькі. [3] апрача. [4] не вывучыла. [5] узгадаваў. [6] палацы. [7] дарагія ўбранні. [8] вашы. [9] стараннем. [10] прытулак.

многоцѣнныя в монастырь ко Еуфросинии и рече: «О госпоже и сестро! Вся красная мира сего ни во что ж ми ся мнит. Се дасть святому Спасу, а сама хощу поклонити главу под иго Христово».

Она же прият ю с радостию и повелѣ ерѣеви острищи ю и нарече имя ей Еупраксия [1]. И тако начаста пребывати в монастырѣ во едину мысль, яже к богу в молитвах. И тако бяше видѣти, яко едина душа во двою телѣсу. И потом блаженая Ефросиниа заложи церковь камену святого Спаса [2]. От начатка и [3] устроена за 30 недель.

Не хощу вам, братие, чад сказати. Бѣ муж Иоан, приставник над дѣлатели церковными. К нему же многажды прихожаше, глагола: «Свитающи дни [4], — глаголя, — Иоане, востани поиди на дело вседръжителю Спасу!» И во един от дний востав, Иоан прииде ко блаженой Ефросинии и рече: «Ты ли, госпоже, присылаеши и понужаеши мя на дѣло?» Она же рече: «Ни». И пакы размысливши премудрая жена и рече ему: «Аще не аз тя возбужаю, а кто тя взывает на таково дѣло, того послуша, и прилѣжно со тщанием».

Пакы другое чадо скажю вам, добри послушници. Уже сконча́ннѣ бывшим плитом. Нѣчем бяше вѣрха окончати. И поискавше не обрѣтоша ничто же. Печалующесь о том вздыхающе, и рече: «Слава тебѣ, владыко человеколюбче! Дарова нам болшая, дай нам и меншая, им же свершается церковь твоя!» И так ей помолившися, заутра же построению божию, обрѣтоша плиты в пещи. И в том дни совершися церковь. И крест поставиша. Преподобная же Еуфросиния, видѣвши церковь совръшеную, возрадавася душею. И бысть священие и велиа [5] радость всѣм крестьяном. И собрашась князи и силнии мужи [6], черноризици и черноризци, и простие людие. И бысть радость велиа. И празноваша дни мнози. И разидошась кождо во свояси.

Видѣвши же, яко исполни бог желание сердца ея, и вшедши в церковь, паде на земли ниць. И воздохнувши от сердца и от глубины душа и лице свое омочивши слезами, нача глаголати: «Ты, господи сердцевидче, благодетелю, боже, благы и милостивый! Господи, зри на храм свой, яже создах во имя твое! Яко же Соломон рече: «Вышний нерукотворенах церквах живет». Ты, господи, призри на мя, недостойную рабу твою Ефросинию, и на рабы твоя сиа, яже собрах во имя твое! Да приимеши иго твое легкое на выя своя и пуйдуть во слѣд тебѣ! И сотвори аз овца двора твоего! Буди им пастырь и дверник! Да ни един от них не будеть восхищен [7] волком губителя дьявола! Буди им, господи, оружие и забрало [8]. Да не приидеть нань злой, ни рана не преступить к телесама нашима! Не погуби нас з безаконий нашими, на тя бо упование положих, яко ты еси бог, знающим тя, и тебѣ хвалу всылаю до последняго моего издыханиа во вѣкы. Аминь».

---

[1] Гэта імя даецца па рукапісу XVII ст. У рукапісу XIV ст. яно чытаецца: «Еудоксѣя». [2] Царква пабудавана каля 1160 г. На пабудову гэтай царквы ахвяравау сродкі і бацька Ефрасінні Полацкай, у сувязі з гэтым і царква гэта пазней стала называцца Спас-Юр'еўскай. [3] яго. [4] наступнымі днямі. [5] вялікая. [6] баяры. [7] выкрадзен. [8] абарона.

Сестрѣ же учаще сицѣ, глаголющи: «Се собрах вы, яко кокошь [1] птенца, под крылѣ свои и в паствину свою, яко овца. Да пасетеся в заповедѣх божиих! Да и аз веселым сердцем подвизаюся учити вас, видящи плоды ваша трудныя и толико дождь проливаю к вам, а нивы ваша во едину мѣру стоят нерастуще, ни поступающѣ горѣ. А год приспѣвает свѣршению, и лопата на гумнѣ лежить. Но боюся, егда будеть плен [2] в вас. И предани будете огню негасимому. Подщитеся, чада моя, убѣжати того всего! Но сотворите ся пшеница и смелитесь в жерновах смирением, молитвами и постом, да хлѣб чист принесете ся на трапезу Христову».

Сице же ей учащи всегда, беспрестани, яко чадолюбивая дѣтем своим, любовь показующи.

Мы ж, братие, напред лѣжащее возвратимся. Выдѣвши же преподобная Еуфросиниа монастырь свой украшен, всего блага исполнен, и умысли создати вторую церковь каменую же святѣй богородици [3]. И тую совершивши, иконома украсив и освятивши, дасть ю мнихом. И бысть монастырь велик.

И видѣвши устроена два монастыря превелика зѣло и преборгата, и рече в себѣ: «Слава тобѣ, боже! Слава тобѣ, владыко! Благодарю тя, вышний! Что есми восхотѣла, то ми еси дал. Скончал еси желание сердца моего, господи». И рече: «Помилуй мя, господи, даруй прошение мое да конца: да бых видѣла пречистую богородицу Одигитрие в сей церкви!»

И посла слугу своего Михаила в Царьград ко царю, нарицаемому Мануилу [4], и к патриарху Луцѣ [5] с дары многоцѣнными, просящи от него святѣй богородици, еже бѣ евангелист Лука написал 3 иконы еще при животѣ святѣй богородици и постави: едину во Иерусалимѣ, другую во Цариграде, а третюю во Ефесѣ. Она же со тщанием прошаше Ефѣскиа святѣй богородици. Видѣвши же царь любов яе посла ефесеном 100 оружник своих и принесе святую богородицу в Царьград. Патриарх Лука собра епископы и соборы вся во святую Софию и благослови ю, и дасть ю слузѣ преподобныя Еуфросинии. Ю же с радостию приат и принесе госпоже своей Еуфросинии. Она ж, внесше в церковь святѣй богородици и постави ю [6]. И воздевши руцѣ, и рече: «Слава ти, господи! Слава тебѣ, еще реку! Слава тобѣ, владыко, сподобивый мя видѣти во днешний день образ пречистыя матери твоея!» И се рекши, украси ю златом и камением многоцѣнным. И устави вся во вторник носити по святым церквам.

И украсивши всю землю Полодцую (с)воим монастырем, и ви-

---

[1] кваКтуха. [2] пустазелле. [3] Гэта царква была пабудавана там, дзе цяпер знаходзіцца лацінскі могільнік. З 1581 г. царква разам з праваслаўнымі манастырамі была перададзена польскім каралём Стафанам Баторыем полацкім езуітам. [4] Мануіл Комнін — візантыйскі імператар з 1143 да 1180 гг., быў унукам імператара Аляксея Комніна (1081—1118), які быў жанаты з цёткай Ефрасінні Полацкай. [5] Лука Хрысаверг. [6] Гэта ікона пазней, у 1239 г. была перанесена дачкою полацкага князя Брачыслава ў Тарапецкую саборную царкву, у якой княгіня вянчалася з Аляксандрам Неўскім.

дѣвши яко просвѣти бог монастырь ея, вожделѣвши, рече: «Дабы ми доити град Иерусалима, поклонитися гробу твоему, господи, и всѣм святым мѣстом и цѣловати и тамо живот свой скончати! Видѣвши же стадо божественых овец совокупленых множество и радовашеся им, яко своему спасению».

На всяк же день учаше сестры своа: старыя же учаше тръпѣнию и воздръжанию, юныя же учаше чистотѣ душевней и бестрастию телесному, говѣнию образному, ступанию кротку, гласу смирену, слову благочестну, ядению и питию безмолвну, при старѣйших молчати, мудрѣйших послушати, ко старѣйшим покорѣнием, к точным [1] и меншим любовь без лицѣмериа, мало вѣщати, а много разумѣти.

Дан бяше таков дар Еуфросинии от бога: аще кто ея вопрошаше о которой вѣщи, она же ему разрѣшаше чему есть быти. А кто ея послушаше, тот добро послушаше; ни хотяше бо видѣти никого же которающася [2]: ни князя со князем, ни бояри с боярином, ни служанина служанином, — но всѣх хотяше имѣти, яко едину душю.

И посла по всей братии своей, повѣдающи им мысль свою, оже восхотѣ итить во Иерусалим. Они ж, слышавше вѣсть сию, с жалостию многою сьѣхашась от всюду ко блаженой Еуфросинии, и моляхуть ея со слезами, дабы их не оставила сиры [3]. Она же их утѣшаше благым своим смыслом, яко мати дѣти своя любяще.

И любим ей брат, нарѣцаемый Вечеслав, и приѣха к сестрѣ своей Ефросинии со княгинею и з детьми своими, пришед поклонись ей и рече: «Госпоже моя! Мати и сестро! Что оставляеши мя, правителю души моей, свѣте очию моею!?» Горко ему плачющуся, блаженая же Ефросиниа повелѣ ему итить идѣ же обитал, дѣти же его повелѣ оставити сестре своей Евдокѣи.

Дан бысть дар блаженой Ефросинии от бога: аще кого узрит очима своима, то разумѣваше в коем человецѣ сосуд избран хощеть быти богови.

Тогда же блаженая Ефросиниа, видѣвши братанѣ [4] свои, и рече има: «Хощу ваю [5] обручити жениху бесмертному и вовѣсти ваю в черътог царства небеснаго». Онѣма же послушающима усладися душа ею, паче сота медвена, словесем преблаженая Ефросини. И падосте на ногу ея, и глаголаста к ней: «Воля господня да будет, и твоя, госпоже, святая молитва! Да яко хощеши и створи нама, госпоже!» Преподобная же Ефросиниа с радостию и с поспѣшением призва брата своего и рече ему: «Аз хощу пострищи Кираанну и Ольгу». Тако бѣста нарѣкла родителя. Смятежеся отець ею о словеси сем и рече: «Госпоже моя! Что ми хощеши сотворити? Два плача прилагаеши души моей: плача ся отхода твоего и сѣтуя чаду дѣля своею». Мати же ея жалостию терзашеся.

Блаженая же Ефросиниа, пославши, призва епископа, тогда стол правящаго святѣй Софии, нарицаемаго Деонисиа. И введше

---

[1] к роўным. [2] у стане варожасці. [3] сіратамі. [4] пляменніц. [5] вас.

в церковь и нарече Кирѣаннѣ — Агафия, а Ольгу — Еуфимя. И благослови ю благословением святых отець. Сама же блаженая Ефросиниа, положивши великий наряд свой обѣма манастырема со братиею и с сестрами, и дасть дръжати и урядити сестрѣ своей Евдокѣи оба манастыря.

Сама же блажена, поклонившися у святого Спаса и у святыя богородица, и рече: «Ты, господи-сердцевидче! Се оставляю дом твой и не затворен никому же. И ты, господи, не затвори от нас твоего царствиа!»

И тако поиде во Иерусалим, поимше с собою брата своего Давыда [1] и сестру свою Евпраксѣю. Вся же братиа ея плакахуся горко отхода ради госпожа своея. И вси гражане выидоша проводити ю. Старии же плакахуся, яко дщери, рекуще: «Увы нам, вожю старости нашея, просвѣщение души нашей!» Юнии же глаголяху: «Камо заходиши свѣте очию нашею? Кто нашю юность восхластить воздержание юности нашея? Не оставляй нас сирых! Но в молитвах своих не забывай нас яже к богу!» Она же, поцѣловавши всѣх и благослави, и возрѣвши на небо, и рече: «Ты, господи-сердцевидче, ходивый со Аврамом, иди с нами, с рабы твоими, со Ефросиниею и со Давыдом и со Евпраксѣею!» И тако поидоша вси сущии с нею.

О дивное чюдо! Не бывавши нигдѣ же: ни в коей странѣ, ни во граде, ни в селѣ, нынѣ же, вземши мужескую крѣпость и премину вся грады и власти, приимающи от всѣх князей честь велику! И тако прешедши вся страны. И стрете ю царь, идый на угры [2]. И с великою честью посла ю в Царьград.

Она же, пришедши, поклонися святым церквам, и ту сущей великой церкви святой Софии, поклонившися и благословившися от патриарха. И купи различныя фимяны и кацию [3] злату. И поклонившися церкви, иде во Иерусалим.

И посла слугу своего Михаила тогда сущему патриарху, глаголящи: «Владыко святый! Сотвори милость на мнѣ! Повели, да отвръзутся врата Христова!» Он же по вопрошению ея быти и отворити повелѣ. И пришедши ко вратом, паде на землю, глаголющи: «Господи, Исусе Христе! Не вмени сего во грѣх, занеже [4] изволих по стопам твоим ходити!»

И внидох во святый град. И иде ко гробу господню. И пришедши поклонися и цѣлова гроб господень. И сущии с нею цѣловаша. И покадивши гроб господень златою кацѣею и многоразличными фимианы, и изыде. Обитá во святѣй богородици в руском монастыри. Во утрие день [5] иде второе ко гробу господню. Тако ж сотвори, поклонившись и цѣловавши и покадивши, изыде. И во 3 день то ж сотвори, давши злата много, и поставивши кацѣю

---

[1] Давыд, які суправаджаў Ефрасінню ў Іерусалім, даводзіўся ёй не братам, а дзядзькам. З Усходам ён ужо быў добра знаёмы: з 1130 да 1140 гг. ён знаходзіўся там у ссылцы сумесна з Расціславам і Святаславам, бацькам Ефрасінні. Туды іх саслаў вялікі князь кіеўскі Мсціслаў за іх адмову выступіць супроць полаўцаў. [2] венгры. [3] лампаду, кадзіла. [4] таму што. [5] на другі дзень.

злату на гробѣ и много различныя фимианы. И ставши у гроба господня, и воздѣвши руцѣ на небо, и воздохнувши из глубины сердца, глаголящи: «Господи, Исусе Христе, сыне божий и рожейся от присно девы Мариа! Спасениа ради нашего рекл еси: «просите и приимете». Аз грѣшная его просих и получих от тебѣ, владыко. Се же еще прошю от тебѣ, владыко, господи, милостиве: да скончаю мѣсто прошениа моего, приими дух мой от мене во святом градѣ твоем Иерусалимѣ, и пресели мя в вышний град твой во Иерусалим, и покой мя на лонѣ Авраама патриарха со всѣми угожешими! Аминь». И сице ей глаголавши, изыде во иже реченную церковь святыя богородица, игдѣ бѣ обитала.

Ту же посѣщением божиим в недуг впаде: нача болѣти. И лежащи на ложи своем глаголаще: «Слава тобѣ, владыко! Яко восхотѣ и сотвори на мнѣ, рабѣ твоей!» Тоя же ради болѣзни не может ити на Иордан, иде брат ея Давыд и сестра ея Евпраксѣя и сущии с нею. Она же лежащи на ложи, хвалящи бога глаголющи: «Господи, призри на рабу твою, Еуфросинию, и помилуй мя!» И приидоша бывшии на Иорданѣ, и принесоша воды от Иордана. Она же с радостию, воставши и пивши, и облиася по всему тѣлу своему, возлеже на ложи и рече: «Благословен господь бог, просвѣщая всякаго человѣка, грядущаго в мир! Тебѣ молю, человеколюбивому богу, ревнующи Петрову покаянию, во отверьжении отчая в себѣ плакась горко. Господи, прими того покаяние! Приими мене, недостойную рабу твою, Ефросинию, молящуся на супротивника моего дьявола! Да не возглаголет ми ничто же на страшнѣм судѣ твоем пред тобою, господи, злый раб, воступих ногама своима на змиеву его голову! И супротивихся окаяннѣи, его дерзости, надѣющись на твое человеколюбие, господи!»

И услыша бог молитву ея. И посла ангела своего. И глагола к ней: «О, блажена ты в женах, и благославен труд твой! И се уже отврьзоша ти двери породныя. И вси ангели собрашась дрьжаще свѣща, чающѣ твоего срѣтениа; а дар, его же просиши у бога, дасть ти ся». И се рек ангел к ней, отиде от нея.

Блаженая Ефросиниа возрадовась душею и скоро посла в лавру, глаголющи: «Се уже приспѣ ми время; да уже мя бог покоить. Приимите мя, да бых легла во церкви святаго Савы!»

Они же отвѣщаша к ней ту сущии черньци: «Имѣем запрещение от святого Савы, оже жены не приимати никоея же. На се ти есть монастырь Святая богородица общий. В нем же лежать о жены святыя милости святого Савы, милости святого Феодосиа, милости святых безмездника Козмы и Дамяна, именем Феодотиа и инии мнозии святии. Ту и тебѣ подобает лещи».

Приѣхав посол ея и возвѣсти преподобной Еуфросинии. Она же всѣм тѣм похвали бога и, пославши, купи себѣ гроб в комарѣ святыя богородица, и лежа дней 24. И познась при скончании и рече: «Призовите ми прозвитера, да ми дасть причащение. Уже бо звата и близ предстоить. Ждый повелениа владычня». И приде прозвитер, нося причастие. Она же, воставши и поклонися трижды и при-

имши пречистое тѣло, тако возлѣже. И предасть душю свою в руцѣ бога жива месяца мая в 24 день, и иде в покой небесный.

Ким убо языком достоить нам похвалити, братие, свѣтозарную память преблаженныя невѣсты Христовы — Ефросинии?! Бяше бо помощьница обидемым, скръбящим утѣшѣнием, нагим одѣяние, больным посѣщение, просторищѣ всѣм. Всяка бысть Ефросиниа, убо сердце свое напокаяше божия премудрости. Еуфросиниа—неувѣдающий цвѣт райскаго сада! Еуфросиниа — небопарный орел, попаривши от Запада и до Востока, яко луна солнечная, просвѣтивши всю землю полоцкую! Тѣм же, братие, хвалится Селун Дмитрием, а Вышегород мученики [1]. А мы же хвалим блажен еси ты граде Полоцкий, таковую лѣторасль возрастивый, — преподобную Еуфросинию! Блажени людие, живущии в нем! Блажени родители твои! Блажена утроба, от нея же изыде преподобная Еуфросиниа! Блажено рожество ея! Блажено воспитание ея! Блажен возраст твой, Еуфросиние достохвалная! Блажен труд твой и подвизи яже к богу! Блажен монастырь твой! Блажени людие, живущии в монастырѣ святого Спаса и святыя богородица! Блажени людие, живущии в тебѣ, преблаженая невѣсто Христа, бога нашего! Молися к богу о стадѣ своем, иже еси совокупила ко господу, яко тому подобает всяка слава и честь и поклонение отцу и сыну и святому духу и нынѣ и присно.

[1] Па спіску XVII в. гэта месца чытаецца: «а Вышегород мучениками Борисом и Глѣбом».

ЖЫЦІЕ АЎРААМІЯ СМАЛЕНСКАГА

Аўраамій Смаленскі (мірское імя Афанасій) — ігумен аднаго з смаленскіх манастыроў — быў для свайго часу буйным дзеячом царкоўна-грамадскага жыцця г. Смаленска канца XII пачатку XIII ст.ст. Здольны ад прыроды, валявы па свайму характару, Аўраамій у юнацтве рашыў стаць манахам і прысвяціць усё сваё жыццё кніжнай справе. З гэтай мэтай ён згрупаваў вакол сябе ў Селішчынскім манастыры групу кніжнікаў і сваю манастырскую келлю ператварыў у рукапісную «друкарню». Актыўная дзейнасць Аўраамія, яго поспехі і павага, якой ён карыстаўся сярод сваіх аднадумцаў, хутка выклікалі зайздрасць, абурэнне і гнеў з боку найбольш уплывовых асоб у грамадскім жыцці горада. Барацьба Аўраамія з праціўнікамі яго дзейнасці прынесла яму нямала непрыемнасцей, ганенняў, здзекаў і пакут, пакуль ён не дабіўся ўсеагульнага прызнання ў Смаленску. Жыццё і дзейнасць Аўраамія Смаленскага падрабязна апісаны ў жыцці, якое пасля яго смерці склаў каля 1240 г. адзін з бліжэйшых паплечнікаў Аўраамія манах Яфрэм.

Жыціе Аўраамія Смаленскага дайшло да нас у мностве пазнейшых спіскаў, самыя ранейшыя з якіх адносяцца да пачатку XVI ст. Складзенае па свежых слядах, жыціе Аўраамія Смаленскага раскрывае перад намі цікавыя старонкі не толькі з жыцця і дзейнасці самога Аўраамія, але і многія з бакоў грамадскага жыцця горада, які адыграў у свой час не малую ролю ў гісторыі Беларусі, як адзін з буйнейшых культурных цэнтраў эпохі Кіеўскай Русі.

Змешчаныя ў хрэстаматыі ўрыўкі жыція Аўраамія Смаленскага падаюцца паводле выдання С. П. Разанава: «Жития преподобного Авраамія Смоленского», Спб., 1912, стар. 1—20 (гл. серыю «Памятники древнерусской литературы», вып. I, изд. ОРЯС Императорской Академии Наук).

Мѣсяца того же августа 21 день

ЖИТИЕ И ТЕРПѢНИЕ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО АВРАМЬЯ, ПРОСВѢТИВШАГОСЯ В ТЕРПѢНЬИ МНОЗЕ, НОВАГО ЧЮДОТВОРЦА В СВЯТЫЯ ГРАДА СМОЛЕНЬСКА

Господи, благослови!

... молю ти ся, господи Исусе Христе, сыне божий, молитвами пресвятыя и пречистыа дѣвы матере и всѣх небесных сил и всѣх святых молбами, и дай же ми разум просвѣщен божиею благодатью, подаждь мнѣ, худому и грѣшнѣйшу паче всѣх, свѣтлый подвиг житиа и терпѣниа начати, еже

о житьи блаженаго Аврамиа, бывшаго игумена монастыря сего святыя владычица нашея богородица, его же день успениа[1] нынѣ празднующи память чтем. Се же, братия, въспоминающу житие преподобнаго и не сущу написану, печалью по вся дни обдержим бых и моляхся богу: «Господи, сподоби мя вся по ряду писати о житьи богоноснаго отца нашего Авраамиа», да по нас сущии черноризци, приемше наказание и почитающе ти видѣша мужа доблѣсть, въсхвалят бога и, угодника его прославляющи, и на прочии подвиг укрѣпяться, паче же в странѣ сей, яко там мужь явися, угодник божий.

... Бѣ бо сей блаженый Авраамей от вѣрну родителю рождься, бѣста и та в законѣ господни добрѣ живуща благочестно. Бѣ же отець его всѣми чтим и любим, от князя честь приемля, бѣ бо воистину от всѣх опознан[2], яко и правдою украшен и многым в бѣдах помогая, милостив и тих к всѣм, к молитвѣ, ко церквам прилежа. Тако же и мати его всѣм благочестием украшена. Та же не яко не плоды бѣста: «двѣманадесять дщерем от нею рождьшимся, и не бѣ има отрачате[3]. И се бысть има от божиа строениа. Многым желанием моляста бога подати има отроча, многы же обѣты и милостыня церквам и монастырем даюша, — и послуша ею бог и дасть има отроча. ... И свершившим же ся днем рождению, родиста блаженаго дѣтища, таче[4] и осмый день принесоста к святителю божью, яко же обычай есть християном, имя дѣтищу нарещи. Прозвитер[5] же, видѣв дѣтища, сердечныма очима и благодатью божьею прозряше о нем, яко хощеть измлада богу датися. Таче минуша 40 дни дѣтищу, крещением освятиша и[6]. Отрочя же ростяше и кормимо родителема своима, и благодать божиа бѣ с ним и дух божий измлада в онь[7] вселися.

И егда же бѣ отрочатем Христовою благодатью и возраст смысла пришедшу, родителя же его даста и[6] книгам учити. Не бо унывааше, яко и прочая дѣти, но скорым прилежанием извыче, к сему же на игры с инѣми не исхожааше, но на божественое и на церковное пѣние и почитание преже инѣх притекая, яко о сем родителема радоватися, а инѣм чюдитися таковому дѣтища разуму. Господня бо бѣ благодать на нем, просвѣщающи разум его и наставляющи на путь заповѣдей Христовых.

Егда же в болший възраст прииде, всею телесною красотою и добротою яко свѣт сияше, родителема же его к браку принужающим, но тъй сам не въсхотѣ, но паче поучив ею и наказав презрѣти и възненавидѣти житейскую сию славу, прелесть мира сего, и въсприяти мнишеский чин.

Тѣма же отшедшима житиа сего к богу, он же повелику обрадовася и дасть богу славу, тако изволшему; богатьство же, яже остависта родителя его, убогым раздаде, вдовицам и сиротам и черноризцем все, боюся и како бы бес печали всѣх земных отъити и наставити мысль свою к богу и утвержая и учася господню

---

[1] дзень смерці. [2] паважаны. [3] сына. [4] і, потым. [5] поп. [6] яго. [7] яго.

словеси, глаголющему: «и аще кто не възметь креста своего, не поидеть въслѣд мене, нѣсть мнѣ подобен». Богодухновенныя же книгы и святых житиа почитая и како бы их житиа и труды и подвиг въсприяти, изменися свѣтлых риз и в худыя ся облече и хожааше яко един от нищих и на уродство ся преложь и расмотряя и прося и моляся богу, како бы спастися и в кое мѣсто приити.

И утаився всѣх, богу настовляющу, отшед от града дале 5 поприщь, острижеся, яко же мнози вѣдят святые богородици монастырь, къ въстоку, Селище нарицають. И бысть оттолѣ по благодати Христовѣ болий на подвиг и на вся труды подвизаяся и мыслью въспоминая святаго града Иерусалима и гроб господень и вся честная мѣста, яже избавитель бог и спас всего мира иде же страсть приял нашего ради спасениа, и вся честная мѣста и преподобных отець пустыня, иде же суть подвиг и труд свершивше: дивнаго началника всѣм и восиявшаго ангелом равна, великаго меню Антониа, бывшаго крѣпка, храбра и побѣдившаго силою крестною духы неприязненыя Илариона, бывъшаго ученика его, по нем свѣтлаго в постьницѣх чюдотворца Еуфимья, иже по сих Саву и Феодосья архимандрита и старейша всѣх наставника черноризцем, сущим окрест Иерусалима. Из всѣх любя часто почитати учение преподобнаго Ефрѣма и великаго вселеныя учителя Иоанна Златоустаго и Феодосия Печерьскаго, бывшаго архимандрита всеа Руси, и вся же святых богодухновенных книг житиа их и словеса проходя и внимая, почиташе день и нощь, беспрестани богу моляся и поклоняяся и просвѣщая свою душю и помысл и кормим словом божиим, яко дѣлолюбивая пчела, вся цвѣты облѣтаюши и сладкую собѣ пищу приносящи и готовящи, тако же и вся от всѣх избирая и списая ово своею рукою, ово многыми писци, да яко же пастух добрый, вся свѣдый паствы и когда на коей пажити ему пасти стадо, а не яко же невѣжа, невѣдый паствы, да овогда[1] гладом, иногда же по горам разыдуться, блудяще, а инии от звѣрей снѣдени будуть. Тако всѣм есть вѣдомо невѣжам, взимающим сан священьства. Тако же и корабленик и хитрии кормници, вѣдуще путь и пристанище их, милости ожидающе от бога и подобна[2] вѣтра, а не противу бури и волнам морьским, но с божиею помощью како ити нареченнаго града бес пакости и потопления. Аще ли в град далний хотяще поити, тъ вѣдущих просим, егда суть пути различнии и мѣста сущих разбойник, того всего боимся и молим бога, дабы без всякоя бѣды доити...

Пребысть же блаженый Авраамий в прежереченнѣм монастыри в трудѣ и в бдѣнии и в алкании[3] день и нощь, яко же и самому игумену, зрящу добраго житья, радоватися и всей братьи славити бога и мнозем от мира притекати от него утѣшениа приимати от святых книг. И бѣ в всем повинуяся игумену и послушание имѣа к всей братьи и любовь и смирение имый и бога ради покоряяся всѣм. Искусив же его игумен, яко в всем повинуется ему и послушаеть и —

---

[1] іншы раз. [2] спадарожнага. [3] у галаданні.

бѣ бо и сам игумен хитр божественым книгам и вся свѣдый, и никто же смѣя пред ним от книг глаголати, — и принуди же блаженаго Авраамиа прияти священический сан: и поставлену ему бывшу дьяконом и потом иерѣем, при княженьи великаго и христолюбоваго князя Мьстислава Смоленьскаго и всея Рускыа.

Прием же блаженый священный сан, болшее смирение приат, яко таку благодать Христос ему дарова; божественую же литургию, с всяцѣм тщанием, иже за всего мира Христос повелѣ приносити, ни единого же дне не остави, яко же мнози вѣдять его бывша и до самое смерти и не оставившаго церковная правила и божественая литургиа и своего подвига.

Нищету же и наготу и укорениа же от диявола и тугу и искушение от игумена и от всее братьи и от раб — кто может исповѣдати? Яко же ему самому глаголати: «бых, 5 лѣт искушениа терьпя, поносим, бесчествуем, яко злодий». Яко же не терпя его и видя себе диавол побежена от святаго, и воздвиже нань сию крамолу своими совѣты, хотя и оттоле прогнати; яко же и бысть. Видя бо диавол, яко мнози от града приходять и учением духовным его множатся, от многых грѣх на покояние приходять, аще ли и сице рѣчем: богу хотящу, яко нѣсть лѣпо свѣтилнику во тмѣ сияти и укрытися граду, выше горы сущу. Пишеть бо о великом свѣтитѣли и учители всего мира, о Златоустѣм Иоанѣ, яко егда отъиде в пустыню и пребысть нѣколко врѣмя в пустыни, яко многым трудом и въздержанием и алканием прият врѣд и нужу от тѣла, яко же бысть и се ему от божиа промысла, да не учитель далече града будеть, оттолѣ выиде в град, уча и наказуя на страх господень. И сице же и сему бысть от дияволя научениа, ибо нѣции от ерѣй, друзии от черноризець како бы нань въстати, овии же от града потязати[1] и укорити исходяще, друзии спиру[2] творяще, яко ничто же свѣдуща противу нас глаголааху, и тако посрамлени с студом отхожааху. И пакы не преставааху, крамолы нань въздвизающе в градѣ и везде, глаголюще: «се уже весь град к собѣ обратил есть».

Есть бо, о братие, о семь приложити слово на утѣшение вам: тако бо бѣ благодатью Христовою утѣшая приходящаа и плѣняя их душа и смысл их, дабы възможно и неотходящу быти, яко же и сему мнози суть послуси, яко же и самому игумену не стерпѣти, многыя к нему видя притекающаа, и не хотя того, его отлучи и глаголаше: «аз за тя отвѣщаю у бога, ты же престани уча», и много озлоблениа нань взложи.

И оттолѣ вниде в град и пребысть в едином монастыри у Честьнаго Креста. И ту начаша болѣ приходити и учение его множайшее быти, а враг сѣтоваашеся, а господь бог раба своего прославляаше и съблюдааше на всяко время, благодать и силу подавая рабу своему. И пребысть мало время и от мног приемля утѣшение, подавааху ему на потребу и лише потребы, и потом скоро раз-

---

[1] абвінавачваць, зневажаць. [2] хваляванне.

даваше вдовицам и нищим, а сам еже с потрѣбу собѣ приимаше. Украси же церковь иконами и завѣсами и свѣщами, и мнози начаша от града приходити и послушати церковнаго пѣниа и почитаниа божественых книг, бѣ бо блаженый хитр почитати, дасть бо ся ему благодать божиа не токмо почитати, но протолковати, яже мнозѣм несвѣдущим и от него сказаная всѣм разумѣти и слышащим, и сему изъуст и памятью сказая, яко же ничто же ся его не утаить божественых писаний, яко же умлъкнуша уста его к всѣм, к малым же и к великым, рабом же и свободным и рукодѣльным, тѣм же ово на молитву, ово на церковное пѣние, ово на утѣшение притекающим, яко и в нощи мало сна приимати, но колѣнное поклоняние и слезы многы от очью безъщука[1] излияв и в перси биа и кричанием богу припадая помиловати люди своя, отвратити гнѣв свой и послати милость свою и належащих бѣд избавити ны и мир и тишину подати молитвами пречистыя дѣвы и всѣх святых. Написа же двѣ иконѣ: едину страшный суд втораго пришествиа, а другую — испытание въздушных мытарьств, их же всѣм нѣсть избѣжати, яко же великый Иоан Златоуст учит...

И бѣ блаженый с въздержанием от многаго пития, пьянства же отинудь ненавидя, ризы же по смирению любя, драгых велми бѣгая и смирение присно имѣа, на трапезы же и на пиры отинудь не исходя, многых ради зазираний[2], яже бываюць от мѣста избирающих, и инѣх ради многых, яже бываюць от многаго ради пьяньства и бѣды, и того ради сего убѣгааше. Образ же блаженаго и тѣло удручено бяше, и кости его и състави яко мощи исчести, и свѣтлость лица его блѣд имуще от великаго труда и въздержания и бдѣния, от мног глагол, яже тружаашеся, поя и почитая и молитву приносяк богу. И к божественому егда приступаше жертвенику на божественое приношение от господа прѣданую апостолом на вечери, и апостолы нам оного завѣта и оставление грѣхов, с благобоязньством и с вниманием; отинудь запрещаше же в церкви не глаголати, паче же на литургии, и заповѣдая и уча, всю имѣти веля мысль и с душею тогда к богу стройно же, по чину, лѣпо.

Егда устраяшеся и священчьскый сан, образ же и подобье на Великого Василья: черну браду таку имѣя, плешиву развѣ имѣя главу. Но не зазрите ми, братье, моей грубости, не лжа бо си глаголю, или какою хытростью или мудростью, но многых ради, иже его не видѣша и не слышаша, и въспоминаю господа, глаголюща: «Рабе лѣнивый и лукавый, подобааше ти дати сребро мое купцем, да аз бых на них взял с лихвою!» Тем, бояся сего осуждениа, сия написаю, да сего послушавше, прославим бога, давшего сию благодать и помощь граду Смоленьску, блаженаго Авраамья...

Видя же себе сотона побѣжена Христовою силою от святаго, яко являашеся ему овогда в нощи, овогда в день, устрашая и прѣтя, яко огнь освѣщаа и в нощи, яко мнозѣм еще не спящим с ним, да овогда стужая, ово являяся в мнозех мечтаниих, яко и до стропа,

---

[1] пастаянна. [2] ран, мучэнняў.

и пакы яко лев нападая, яко звѣрие лютии устрашающе, другое яко воини нападающе и сѣкуще, иногда и с одра и смешуще. А егда от сна въстаяше блаженый, по малу сна укусив от злых окаянных бѣсовьскых мечтов, и в день болѣ ему о семь стужающе, тѣм же ово собою, ово в жены бестудныя прѣображающеся, то же, яко о великом Антонии пишется. Видя господь силу неприязнину и его злобу на ны, не попусти вся воли его... И сими блаженаго всѣми искусив сатана и не одолѣв, богу помогающу, и ту крамолу нань въздвиже, яко же и при господи бысть...

И вшед сотона в сердце бесчинных, въздвиже нань: и начаша овии клеветати епископу, инии жу хулити и досажати, овии еретика нарицати, а инии глаголаху нань — глубинныя [1] книги почитаеть, инии же к женам прикладающе, попове же зиающе [2] и глаголяще: «уже наши дети вся обратил есть», друзии же пророком нарицающе и ина же многа нань вѣщания глаголюще, их же блаженый чюжь; истинною реку тако, никто же аще бы не глаголя на блаженаго Авраамиа в граде, но диавол о сем радоваашеся, а блаженый все, радуяся, терпяше о господи. Събраша же ся вси от мала и до велика весь град нань, инии глаголють заточити, а инии к стѣнѣ ту пригвоздити и зажещи, а друзии потопити и, проведше въсквозѣ град. Всѣм же собравшимся на двор владычень, игуменом же и попом и черньцем, князем и боляром, диакони и вси церковници, внегда послаша по блаженаго, уже всѣм собравшимся, посланыя же слугы, емше, яко злодѣа влачяху, овии ругахуся ему, инии же насмихаахуся ему и бесчинная словеса кыдающе, и весь град и по торгу и по улицам — вездѣ полна народа, и мужи же глаголю, и жены и дѣти, и бѣ позор тяжек видѣти. Блаженый же бѣ яко птица ят руками, не умѣа, что глаголати или что отвѣщати, но едино упование имѣа к богу и к нему моляся от такоя избавитися печали и в собѣ въспоминая страсть господа нашего Исуса Христа, яко вся си претерпѣ нашего ради спасениа, и за них моляся: «Господи, не постави им грѣха и не попусти на раба твоего предатися в руцѣ их, но укроти и запрѣти, яко же пред ученикы на мори вѣтру повелѣ умолкнути». Яко же и бысть. Князю бо и властелем умягъчи бог сердце; игуменом же и ереом, аще бы мощно, жива его пожрети.

Ведому же ему на снем [3], явися господь в то время преподобному Луцѣ Прусину у церькви честнаго архангела Михаила. Стоящу ему на молитвѣ в 9 час, и глас бысть ему, глаголющь, яко «се возводять блаженаго моего угодника на снем с двѣма ученикома, истязати хотять, ты же о немь никако же съблазнися».

И глаголаше блаженый Лука на снимающихся на блаженаго Авраамия и на уничижающих его: «много бо бес правды хулящей и уничижають, но да быша грѣси его на мнѣ были! И вы слышасте, яко хотѣша сътворити преже сего не имуще страха божия и тации

---

[1] адхіленыя. [2] абражаючы. [3] расправа, зборышча.

же безумнии и епископ и како хотѣша бес правды убити и[1]. Иже и еще пророк зол и хула и клятва зла и гнѣв божий и за 30 лет пребысть и еще вы прибудеть, аще ся того не покаете»...

Приведену же бывшу блаженому на суд, ничьто же нань вины не обрѣтающим, но бещину попом, яко волом, рыкающим, тако же и игуменом, князю же и велможам, не обрѣтающим такыя вины, но изискавше все, нѣсть неправды никоея же, но все лжуть, тогда яко единѣми усты: «неповинны да будем, владыко, рекуще к всѣм, еже таку нань крамолу въздвигнули есте, и неповинни есмы, иже нань глаголетѣ или что съвѣщаете како любо безаконно убийство!» И глаголюще: «благослови, отче, и прости, Аврамие!» И тако отъидоша в свояси.

Видѣвше же сия тако отъидоша и яко нѣсть им конца, в чем осудити и, и рѣша от епископа на се приготованным крѣпко стрѣщи и[1] и блюсти и[1] и ина два от ученик его, иже преподобному служаще добрѣ. Наутрия же събравшимся, игумени и ереи, и вины, яже преже глаголааху, укоривше, озлобивше, възложиша нань. И от того времене пакы вниде в монастырь, идѣ же бѣ преже остриглъся блаженый, яко не приемшу ему никоего зла. Се же от сего времене много зла пребысть...

... сбысться проповѣдь святую апостолу на крамольствовавших и на отгнавших святаго, да ови от епискуп напрасную смерть приимаху, иным же прыщые синиа по ногам бывааху, просѣдающеся, иному напрасен огнь, свыше сшед, руцѣ и нозѣ усуши, иному же нога обѣтрися и нача гнити и претираемѣи еи, яко от тоя и другой тот же врѣд прияти, и в три лѣта едва душю испусти, иному же язык яко затыка в устѣх бяше и в доску вписав, глаголаше свой грѣх, яко на святаго Иоана Златаустаго хулу глаголах; Евдоксию же лютый недуг порази, лоном бо еи кровь грядяше и потом бысть смрад и черви породи, и тако горкою смертию живот свой злѣ скончa. Ибо видѣти гнѣв божий, напрасно на них находяй и многым мукам и смертем предая тяжко... Скоро на сих бысть, да овии от игумен, инии же от попов напрасную смерть приимаху, яко вѣдущеи бывше в сонмѣ на блажѣнаго тужааху и припадааху ему на ногу, прощениа просяще, а не бывше на сонмѣ радовааxуся. ... Бывшу же бездождью велику в градѣ, яко иссыхати земли и садом и нивам и всему плоду земленому, яко нѣ за колко бысть время всѣм тужащим, и молящим бога, и сам епископ, блаженый Игнатий с честным крилосом и с богобоязнивыми игумены и ереи и дьяконы и черноризци и с всѣм градом, мужи и женами и весь младый възраст, вкупѣ весь град, окрест ходяше с честным крестом и с иконою дръжащею господа и с честными святых мощьми, и с великым умилением и с слезами помиловати люди своя и послати милость свою на землю и отвратити гнѣв свой: «пусти, господи, дождь, одожди лице земли, молимся, святый». И кончавшим пост, крестом и святых мощьми воду освятивше, и отъидошо кождо

[1] яго.

въсвояси. И не бысть дождя на землю. И быша в печали велицѣ. Се же бысть от божия промышления. И хотя бог блаженаго Авраамиа объявити, нѣкоему помянути възложи на сердце бог, сущу иерею, яко, шед, помяну христолюбивому епископу Игнатию яже о блаженѣм Авраамии, глаголя сице: «Вси молихомся, не послуша нас бог. Кая вина така, яже на преподобнаго Авраамиа, яко лишен бысть божественыя литургиа? Егда и того ради бысть от бога казнь си?»

Тогда блаженый Игнатий въскорѣ посла по блаженаго Аврамия, и призвав и испытав, яко все лжа и оглаголание по зависти и злобѣ дияволи бысть, и прости и, глаголя: «и благослови, честный отче, за невѣдѣние мое се ти сътворих, и весь град благослови и прости послушавших лживых клеветник и оглаголник. И благослови пакы пречистую и честную литургию съвершати, и моли бога о градѣ и о всѣх людех, да помилуеть господь и подасть богатно дождь свой на земьлю».

И глагола блаженый к святителю: «Кто есмь аз грѣшный, да сице повѣлеваеши выше силы моея?» Но глагола: «Воля божиа, да будеть о всѣх нас! И ты преже о нас помолися, честный о святителю, о своем ти богопорученѣм избраннѣм святем стадѣ словесных овець».

Отшедше же блаженому и молящуся богу и глаголющю: «Услыши, боже, и спаси, владыко вседеръжителю, молитвами твоего святителя и всѣх иерей твоих и всѣх людий твоих, и отврати гнѣв твой от раб твоих и помилуй град сѣй и вся люди твоя и приими милостиве всѣх въздыхание и с слезами молящих ти ся и пусти и одожди, напои лице земли, человѣкы и скоты възъвесели. Господи, услыши и помилуй!»

Еще преподобному не дошедшу своея кѣлия, одожди бог на землю дождь, яко славити бога всъм и глаголати: «Слава тебѣ, господи, яко скоро послуша своего раба!» И бысть много радость в градѣ. И оттолѣ начаша притѣкати в градѣ и вси глаголати, яко «Помилова бог, избави ны от всѣх бѣд твоими, господи отче, молитвами». И отселѣ болѣ просвѣтися по благодати Христовѣ...

По мнозѣ же времени ... епископ божиею волею тогда, призва единаго от своего честнаго крилоса перьваго от старѣйших протопопу, именем Георгий, глагола к нему о блаженѣм Авраамии, помянув, яко далече ему сущу града, скорбь ему велья, да призоветь и скоро. Скоро же блаженый прииде, по повѣлению епископа, и вшед сътвори поклонение, глаголя: «Благослови, владыко святый, раба твоего». Призва блаженаго Авраамиа епископ, утѣшая, глаголаше: «Како, отче, о господи пребываеши?» Оному же рекшу: «Ей, владыко святый, истинною молитвами твоими добре», и рече к нему епископ: «Хощу дати ти благословение, аще е приимеши». Отвещав блаженый, глаголаше: «Честно есть благословение яже нъ и дар». И глагола к нему епископ: «Се благословение: поручаю ти и даю пресвятые богородици дом; поиди, похваляя бога и славя,

и моли о всѣх». Блаженый же радоваашеся и хваляше бога, таку даровавшаго благодать рабу своему молитвами святыя богородица...

И оттолѣ нача пребывати в первѣм подвизѣ и всѣм же притекающим с радостию великою, ибо велиа благодать божиа на градѣ, вся и веселящи и хранящи, избавляющи, тишину же и мир и всѣх благых на многа лѣта подающи, и еще не оскудѣти имать молитвами святыя богородица и преподобнаго ради Авраамия и всѣх святых его. И оттолѣ прослави и господь болѣ, занеже злѣ блаженаго оскорбивше обращатися начаша и приподати на ногу, просяще прощениа. Иже всѣми ненавидим быв, всѣми любим бысть, да иже преже бояхуся приити, то убо не боящеся, но радующеся приходяху, не точью гражане едини приходяху, но с женами и с дѣтьми, но и от князь и от вельможь, работнии же и свободнии притекааху, вси своя грѣхы к нему исповѣдающи, и тако отхожааху, в домы своа радующеся...

Пребысть же блаженый в таковѣм подвизании вся дни лѣт живота своего, о сем бдя и моляся с въздыханием, многы же научив и наказав пребывати в добрѣм трудѣ, и бдѣнии же и в молитве, в терпѣнии же и смирении, в милостыни же и в любви, и сице утверди вся с слезами многами сих не забывати николи же и глаголаше: «И мене смиренаго не забывайте в молитвах ваших, молящися владыцѣ и богу и пресвятѣй его матери с всѣми святыми его». И потом болѣзни на блаженаго нашедши, и тако преставися, предав блаженую и святую свою душю господеви, его же желааше и получи, царьство небесное. И пребысть блаженый Авраамий подвизаяся лѣт 50, подвизаяся от уности до конца живота своего о Христѣ Исусѣ господѣ нашем, ему же слава и дръжава с отцем и святым духом нынѣ и присно в вся бесконечныя вѣкы. Аминь.

АПОВЕСЦЬ
АБ МЕРКУРЫЮ СМАЛЕНСКІМ

Аповесць аб Меркурыю Смаленскім дайшла да нашага часу ў 37 рукапісных спісках [1], самыя старэйшыя з якіх адносяцца да XVI ст.

Гэта аповесць узнікла на аснове вуснага народнага падання, вытокам для якога паслужыла ў свой час значная, але не адлюстраваная ў старэйшай летапіснай літаратуры, гістарычная падзея, звязаная з гор. Смаленскам. Пазней, калі невядомая для нас падзея поўнасцю растварылася ў творчай фантазіі народа, паданне аб Меркурыю Смаленскім сталі адносіць да часоў татарскага нашэсця. З цягам часу вуснае паданне падверглася літаратурнай апрацоўцы з боку старажытных кніжнікаў. Па меркаванню некаторых даследчыкаў аповесці, такіх апрацовак вуснага падання аб Меркурыю Смаленскім адначасова ўзнікла дзве: адна з іх больш дакладна перадавала паданне, другая ж, пашыраная, — праслаўляла Меркурыя ў такім напрамку, што яго вобраз пад пяром пісца пастунова ператвараўся ў святога мучаніка і, такім чынам, з воін-

[1] Пералік гэтых рукапісных спіскаў глядзі: Л. Т. Белецкий. Литературная история повести о Меркурии Смоленском, Петроград, 1922, стар. 50—53, у зб. ОРЯС Российской АН, т. XCIX, № 8.

скай аповесці стваралася жыціе. У далейшым гэтае жыціе неаднаразова відазмянялася і ўрэшце ўзнікалі новыя рэдакцыі і спісы пераробак. Такіх жыційных рэдакцый аповесці аб Меркурыю Смаленскім вядома чатыры.

Тэкст аповесці аб Меркурыю Смаленскім пададзен паводле Жулёўскага рукапіснага спіска 1665 г., які цяпер знаходзіцца на захаванні ў Дзяржаўным гістарычным музеі ў Маскве. (Гл. зб. Маскоўскай сінадальнай бібл. № 908, лл. 218—223.) Гэты спіс аповесці бліжэй за ўсе спіскі аповесці аб Меркурыю Смаленскім стаіць да народнага падання аб ім.

СЛОВО О МЕРКУРИИ СМОЛЕНСКОМ

Бѣ убо нѣкто человѣк млад верстою[1], именем Меркурий, во граде Смоленске. Благочестив сый[2] и заповедех господних, поучаяся день и нощь цвѣтый преподобным житием, постом и молитвою сияя, бо яко звѣзда богоявленна посредѣ всего мира, бяше бо умилен душею и слезен, часто прихождаше ко кресту господню молитися за мир, зовомый Петровскаго ста. Бѣ бо тогда злочестивый царь Батый пленил Рускую землю, безвинную кров пролия, аки воду силну, и християн умучи.

И пришед той цар с великою ратию на богоспасаемый град Смоленск. И ста от града за 30 поприщ, и многи святыя церкви пожже, и християн поби, и твердо вооружашеся на град той.

Людие же бяху в велицей скорбѣ, неисходно пребывающе в соборной церкви пречистыя богородицы, умилно вопиюще с плачем великим и со многими слезами ко всемогущему богу и пречистей его богоматере и ко всѣм святым, еже сохранитися граду тому от всякого зла. Се же бысть нѣкое смотрение божие ко гражаном,— внѣ града бысть близ за Непр[3] рекою и Печерстем монастыри, — преславно явись пречистая богородица понамарю[4] тоя церкви и рече: «О человѣче божий, скоро изыди ко оному кресту, идѣ же молится угодник мой Меркурей, и рцы[5] ему: зовет тя божия мати!»

Он же шед тамо[6] и обрѣте его у креста молящася богови и возва его именем: «Меркурие!» Он же рече: «Что ти есть[7], господине мой!» И глагола ему: «Иди скоро, брате, зовет тя божия мати в Печерскую церков».

Паки[8] же вшед богомудрый во святую церков и видѣ пречистую богородицу, на злате престоле сѣдяща, Христа в нѣдрех имуща, обстоима ангельскими вои. Он же паде пред ногама ея, поклонися с великим умилением, ужасен бысть. Востави же его от земля пречистая мати божия и рече ему: «Чадо[9] Меркурие, избранниче мой! Посылаю тя, иди скоро, сотвори отмщение крови християнския; шед, побѣди злочестиваго царя Батыя, все войско его. Потом приидет ти[10] человѣк, красен лицем. Вдай же ему в руцѣ все оружие свое и усечет ти главу. Ты же ю[11] возми в руку свою и прииди во свой град и тамо приимеши кончину. И положено будет твое тѣло в моей церкви».

Он же зѣло[12] о том востужи и восплака, и глагола: «О пречи-

---

[1] узростам, гадамі. [2] гэты. [3] Дняпро. [4] царкоўны сторож. [5] скажы. [6] туды. [7] што табе трэба. [8] зноў, калі. [9] дзіця. [10] табе. [11] яе. [12] вельмі.

стая, госпоже богородице, мати Христа, бога нашего! Како аз[1], окаянный и худый, непотребный раб твой, на толикое дѣло твое силен быти, и недостало ли ти небесныя силы, владычице, побѣдити злочестиваго царя?» И взем благословение от нея, и весь вооружен бысть, и отпущен поклонився до земля, и изыде из церкви. И обрѣте ту прехрабра коня стояща и возсѣд нань[2] и исшед из града. И дошед полки злочестиваго царя. Божиею помощию и пречистыя богородицы побивая враги, собирая християн пленных и отпущая во град свой, прехрабро скакаше по полком, яко орел по воздуху лѣтая.

Злочестивый же царь, вѣдѣв[3] таково побѣждение людей своих, велиим страхом и ужасом одержим бысть, и скоро отбѣжа града того без успѣха в мале дружине. И пришед во Угры[4] и тамо злочестивый Стефаном царем убиен бысть.

Таже[5] предста Меркурию прекрасен воин. Он же поклонися ему и вда все оружие свое, и преклонь главу свою, и усечен бысть. И тако блаженный взем главу свою в руку свою, а в другую руку коня своего, и пришед во град свой безглавен. Людие же, видѣвше тако, удивляющеся божию строению. И дошед врат Мологинских. Ту же вышла по воду нѣкая дѣвица, и зря святаго без главы идуща, и начат святаго нелѣпо бранити. Он же в тѣх вратех возлеже и предаст честне душю свою господеви. Конь же той невидим бысть от него.

Того же града архиепископ пришед со кресты со множеством народа, хотя взяти честное тѣло святаго, и не вдася им святый. Тогда бысть велий плачь в людех и рыдание, что не восхотѣ поднятися святый. Таже бысть архиепископ в велице недоумѣнии, моляся богови о том. И се глас бысть к нему, глаголя: «О слуго господень! О сем не скорби. Кто посла на побѣду, той и погребе его! Святому же ту лежащу 3 дни непогребену».

Архиепископ же той всю нощь без сна пребываша, моляся богови, да явит ему бог тайну сию. И зря во оконце свое опасно прямо соборныя церкве, се же видит ясно: и велицей свѣтлости аки в солнечной зари, исшедши ис церкви пречистая богородица со архистратиги господни Михаилом и Гавриилом. И дошедше мѣста того, идѣ же лежаше тѣло святаго, взем же пречистая богородица в полу свою честно тѣло святаго, и принесше во свою соборную церков, и положи на мѣсте своем во гробе, идѣ же есть и до нынѣ всѣми видим бысть, содѣвая чюдеса в славу Христу, богу нашему, благоухая яко кипарис.

Архиепископ же, ко утренней вшед в церков, виде чюдо преславно — святаго лежаща на своем мѣсте почивающа. Таже стекшеся людие, и видивше чюдо то, и прославиша бога.

---

[1] я. [2] на яго. [3] калі даведаўся. [4] Карпаты, а магчыма Венгрыя. [5] там жа.

БЕЛАРУСКІЯ ЛЕТАПІСЫ

Першапачатковы летапіс Кіеўскай Русі аказаў моцны ўплыў на развіццё ўсіх пазнейшых летапісаў, у тым ліку і беларускіх, якія ў навуковай літаратуры называюцца заходнерускімі, або па назве княства, у якім яны пісаліся, літоўскімі летапісамі.

Беларускія летапісы, як і іншыя пазнейшыя летапісы, з'яўляюцца тымі літаратурнымі парасткамі, якія выраслі на базе агульнарускага першапачаткова летапісу. Ён ім служыў не толькі ўзорам, але і крыніцай першапачатковых вестак, якія перапісваліся пісцамі часам поўнасцю, часам са значнымі скарачэннямі, а ў некаторых выпадках дапаўняліся матэрыяламі мясцовых лягенд і паданняў. Асабліва гэта датычыцца некаторых спісаў беларускіх летапісаў поўнага зводу, у якіх дагістарычныя звесткі казачнага характару пададзены з пэўнай тэндэнцыяй мясцовага патрыятызму.

Наколькі летапісы, як адзін з відаў тагачаснай свецкай літаратуры, былі папулярны ў Беларусі сведчыць далёка няпоўны для свайго часу пералік летапісных спісаў, якія захаваліся да нашага часу і выдадзены ў 1907 г. Археаграфічнай камісіяй у XVII томе Поўнага збору рускіх летапісаў. Па гэтаму выданню можна меркаваць, што ў старажытнай Беларусі бадай кожны культурны феадальны цэнтр вёў свой уласны летапіс.

Адным з самых старэйшых беларускіх летапісаў з'яўляецца летапісны зборнік, вядомы ў літаратуры пад назвай «Летапіс Аўраамкі», які быў напісаны смаленскім манахам Аўраамам па волі мясцовага епіскапа Іосіфа ў 1495 г. у часы княжэння вялікага князя літоўскага, а пазней польскага караля Аляксандра Казіміравіча (1492—1506). Як і іншыя летапісы, летапіс Аўраамкі — твор многажанравы. Побач з гістарычнымі запісамі тут нярэдка сустракаюцца апавяданні тыпу воінскай аповесці (напр. «О побоищи на Овожи князю с татары», «О Мамаи» і інш.), прасякнутыя патрыятычным пафасам барацьбы супроць татарскай навалы і ідэяй агульнарускага адзінства. Летапісец асуджае княжацкія міжусобіцы і падкрэслівае свае сімпатыі да Масквы, як да цэнтра, вакол якога павінны групавацца ўсе старажытнарускія землі. Вось чаму паводзіны разанскага княза Алега і літоўскага князя Ягайлы Альгердавіча, стаўшых памочнікамі Мамая, выклікаюць у летапісца гнеўнае абурэнне і з'едлівыя характарыстыкі.

Усе дайшоўшыя да нашага часу беларускія летапісы прадстаўляюць сабою або кароткі тып летапісаў, або пашыраны поўны звод, складанне якога трэба аднесці да другой палавіны XVI ст.[1].

Ніжэй пададзеныя ўрыўкі з тэкстаў беларускіх летапісаў друкуюцца па выданню «Полное собрание русских летописей», том XVI, СПб., 1889, т. XVII, СПб., 1907. З тома XVI падаюцца ўрыўкі з «Летапісу Аўраамкі» слупкі 65, 75—76, 105—107, 120—130, а з тома XVII урыўкі з «Супральскага спісу» слупкі 67—69, 71—81, з «Спісу графа Рачынскага» слупкі 295—310.

---

[1] Падрабязна па гэтаму пытанню сказана ў Е. Ф. Карскага (гл. Белорусы, т. III, вып. 2, Петраград, 1921, стар. 94—107).

Щолкановщина[a]

Того же лѣта (1327) приѣха посол силен из орды, именемь Щолкан, с множествомь тотар на Тфѣрь, и великое нача насилие творити, а князя Александра[1] и его братью побити хотяще, а Щолкан хотѣ сѣсти на княженьи в Тфѣри, а своих князей тотарьскых хотяше посажати по рускым городом, а хрестьян хотя привести в бесерменьскую[2] вѣру. Князь Александр созва тфѣрици, и поиде на Щолкана, рек тако: «Не аз почал избивати, но он; и да будеть оместник[3] бог крови отца моего Михаила и брата моего Дмитрия, зане пролья кровь праведную, егда и мнѣ тоже сътворить?» И поидоша на них. Они же слышавше князя Александра на ся ратью, и изыидоша противу им, и съступишася восходящу же солнцю и бишася чрес весь день и уже к вечеру. И одолѣ князь Александр, а Щолкан побѣже на сѣни; и князь Александр повелѣ зажещи отца своего двор Михаилов, и ту згорѣ Щолкан с дружиною своею; и побѣдиша их на Успение святыя богородица, а гость их Хопылъскый всь иссѣкоша. Того лѣта поиде Иван Даниловичь[4] в орду. А на зиму приидоша на Русь 5 темниковь[5], а с ними князь Иван Даниловичь и плѣниша град Тфѣрь, и всей земли много зла сътвориша, а князь Александр бѣжа в Псков.

О пьсковицах лъживых[6]

Прислаша псковици к Новугороду с поклоном, глаголюще тако: «Идеть на нас рать нѣмѣчкая дополна ко Пскову, чтобы есте поборонилѣ нас от нѣмець». И новгородци же, не умедливше нимала, поидоша в великую пятьницю, а инии в великую суботу, а гридници вси попечатав; и яко быша на Мелетовѣ, и прислаша псковици к новгородцам: «Вам, господѣ своей, кланяемся, рати к нам нѣту»; новгородци же възвратишася в Новъгород.

Потом же и псковици, отвергьшеся Новагорода и великого князя руского, послаша послы в Видбеск ко князю Олгерду Гидимовичю помощи просити, а на Новьгород лжу въскладывая: «Братьа наши новгородчи не помогають нам, помози нам господине, в се время». Князь Олгерд приа челобитье плесковьское, и посла к нимь наперед себе воеводу своего князя Юрья Витовтовича, а сам, с братом своим с Кѣстутьем и с мужи своими с литовникы, приде в по-

---

[a] Тэкст пададзен па «Летапісу Аўраамкі» (гл. ПСРЛ, т. XVI, слупок 65). [1] Аляксандр Міхайлавіч быў сынам вялікага князя Міхаіла Яраславіча, князя цверскага; калі быў выгнаны з Цьверы Іванам Калітой, то пры падтрымцы Літвы княжыў 10 год у Пскове. Пасля паездкі ў арду ў 1330 г. зноў княжыў у Цьверы, а ў 1340 г. разам з сваім сынам Фёдарам быў забіты ў ардзе татарскім ханам Азбякам. [2] мусульманскую. [3] мсціўца, а магчыма «сведка». [4] Іван Данілавіч Каліта— вялікі князь маскоўскі, пам. у 1340 г. [5] тысяцкіх, г. зн. камандзіраў вялікіх войск («тьмы»). [6] Гл. ПСРЛ, т. XVI, слупкі 75—76.

мощь плесковицам, и приведе с собою сына своего Андрѣя, тако бяше имя ему молитовное, а еще бяше не крещен.

И Олгерд посла Юрья Витовтовича к Новугородку языка добывати, он же подъимя пьсковиць охвочих людий, поѣхаша на сумежье[1]; и стрѣтошася великою ратью нѣмѣчкою, оже они идуть на стоянье кы Изборьску, и убиша нѣмци изборян и плесковиць 60 мужь на Мекужичком полѣ, у Мекужици рѣкѣ, а Юрьи прибѣжа в Избореск в малѣ дружинѣ. И наутриа же придоша нѣмци к Изборску граду с силою великою, и с порокы и с многым замышлением, и обступиша град, хотяще расхытити дом святого Николѣ. А Олгерд и Кестутий повелѣша своим литовником, и видьбляном и плесковицам бродитися за Великую рѣку, а не вѣдающе под Изборском рати; и они перебродившеся сташа станы на Комнѣ. А Олгерд посла своих людий в сторожу[2] пред полком, а они ѣхавше язык изымаша за Комном и приведоша ко Олгерду; и он повѣда силу велику нѣмѣчкую и рать стои под Изборьском. И повелѣ Олгерд и Кестутѣй своей литвѣ опять перебродитися за Вѣликую рѣку в Плесков, тако же и пьсковичи перебродишася с ним, блюдуще своих дѣтей от литвы; а Олгерд и Кестутѣй взади своими литовникы и с плесковици, в малѣ дружинѣ, и поѣхаша в Грамотское болото, и начаша перепытывати нѣмѣчкой рати. А Любко князь, сын Воинев, полотчкого князя, сам друг отъѣхавши от Олгерда, и въѣхаша в сторожевый полк нѣмѣчкой рати, не вѣдущу ему, и убиша его самого друга; и бы Олгерду и Кестутью и иным князем скорбь и печаль по Любкѣ князѣ.

А в то время притужно бяше велми Изборску, и прислаша изборяне гонець в Псков с многою тугою и печалью; Олгерд же и Кейстутей с своими литовчици отрекошася поити противу силѣ нѣмѣчкой, а пьсковицам единым не мощно бяше пособити изборяном. И стояша нѣмци под Изборском 10 дний, и воду отъяша от изборян; помощью же святыя троица и молитвами святого Николѣ, отъидоша прочь, пожегше и порокы и вčь запас свой, не вѣдающе, что ниту в Изборьскѣ воды; нъ бог храняше град и люди сущая в нем, а поганым вложи в сердце обратитися на бѣг.

Тогда псковици много томиша Олгерда, крестити его хотяще и на княженье посадити в Пьсковѣ; он же отречеся креститися и княженья Пьсковъского; и крестиша сына его Андрѣя в зборнѣй церкви, и посадиша его псковици у себе на княженьи. А Олгерд и брат его Кестутей поѣхаша с своими князи и с своею силою в Литовьскую землю, а помощи никоеже не учинивше пьсковицам, толко около Пскова хлѣб, сѣно истравиша; и видѣвше пьсковици, что помощи им нѣсть от Литвы, и положиша упованье на бога, и на святую богородицю, и на Всеволожу молитву и на Тимофѣеву, и добиша челом Новугороду и смиришася. Того же лѣта (1342) пьсковици биша нѣмець, угонивше под ихь городком под Новым на рубижи, и избиша их 300.

---

[1] на граніцу. [2] у разведку.

О побоищи на Овожи князю с тотары[a]

В лѣто 6887 (1379) ...Ордыньский князь, Мамай поганый, послал Бичига[1] ратью на Дмитриа, князя московьского, князь Дмитрий с своими вои[2] поиде противу их, переѣхав за Оку, вниде в земьлю Рязаньскую; и стрѣтошася с татары у рѣкѣ у Воожѣ, и стояху промежи собою рѣку Овожу имуще. Не по мнозѣх же днех тотарове переехавше на ту сторону, и ударивше в конѣ свои и въскочиша борзѣ, кликнуша гласы своими, и тъкнуша на наших, и удари на них с одину сторону Тимофѣй околницѣй, а с другую сторону удари на них князь Данило Проньскый, а князь великый удари в лице; тотарове же в том часѣ повернуша и, поверьгъше оружья своя, побѣгоша за рѣку за Овожу, и наши пошли за ними, сѣкуще и колюще их, и избиша их множество, инии в рѣцѣ истопоша. А се имена избитых князей: Хазибѣй, Каверта, Карабалук, Кострок, Бигичка.

По сѣх приспѣ вечер и заиде солнце, и смеркнеся свѣт, и наста нощь, и бысть тма, и нельзѣ бяше гнатися за ними за Оку рѣку; и наутриа бысть мьгла велика велми, а тотарове такы побѣгоша еще с вечера, и вьсю нощь бѣжаша.

Князь же Дмитрий назавьтрѣе перед обидом поиде за ними слѣдом их, и позьнаша их убѣжавше далече, обрѣтоша в полѣ дворы их повѣржены, и шатры, и вежи их, и алачюгы и телѣгы их, а в них товар бесчислен, все пометано, а самѣх не обрѣтоша; бяху бо побѣжали ко ордѣ. Изымаша же на той войнѣ пока нѣкоего от орды пришедьша Иванова Васильевича, и обрѣтоша у него злых зелѣй лютых мѣшок; и испрошавше его и много истязавше, рассудивше, послаша его на заточенье на Лаче озеро, иде же бѣ Данил заточен.

Князь же Дмитрий възвратися оттуду на Москву с побѣдою и користью. Тогда убьен бысть Дмитрий Манастырев да Назар Данилов Кусакова.

Се побоище прилучися[3] мѣсяца августа в 11, в среду, при вечерѣ; и поможе бог князю Дмитрию, и одолѣ ратным, и побѣди врагы своя, и прогна поганых тотар. И посрамлени быша погании половци, и възратишася с студом без успѣха, нечтивии измальтяне, побѣгоша гонимѣ гнѣвомь божьим, и прибѣгоша в орду ко своему царю, паче же к пославшуму я[4] Мамаю, понеже царь их, иже в то время имѣяхуть его у себе, не владяше, ничто же сътворити пред Мамаем, но вьсяко старѣшиньство съдержаше Мамай и всими владѣяше в ордѣ.

Видивше же Мамай изнеможение своея дружины, прибѣгших к нему, а иныя избиты князи и велможи и дружина его, и многы воя своя побѣжены, и разгнѣвася зѣло и възьярися злобою; тоя же осени събра остаточьную свою силу, поиде ратью изгоном на Рязаньскую землю.

---

[a]ПСРЛ, т. XVI, слупкі 105—107. [1] ардынскі царэвіч. [2] войскамі. [3] адбылося. [4] іх.

Князь же Олег не приготовися, не ста противу их на бой, но выбѣжа из своеа земля, а град свой остави, и перебѣже за Оку; татарове же пришедше, и взяша Переяславль Рязаньский и огнемь пожгоша, и волости и села повоеваша, людий много посѣкоша, а иных в полон поведоша, и возвратишася в землю свою, много зла створьше хрестьяном. Тогда же ходил князь Володимер и Ондрѣй Олгердовичь на Литву.

О взятьи Москви Тахтамышем, о прихожении и о пленении царя Тахтамыша на Руськую земьлю[a]

Бысть нѣкое проявление, по мьноги нощи являшеся тако: овогда в вечерней зари, овогда в утреней, тоже многажды бываше. Се же знаменье проявлеше злое пришествие Тахтамышово на Рускую землю, и горкое поганых татар нахожение на хрестьяны, яко же и бысть гнѣвомь божиимь, за умножение грѣхов наших.

Бысть в 3-ее лѣто царства Тахтамышева[1], царствующу ему во ордѣ и в Сараи, и того лѣта царь Тахтамышь посла слугы своя в град, нарицаемый Болгары, иже есть на Волзѣ, и повелѣ торговци рускыя и гости хрестьяньскиа грабити и имати[2] самых, а товар и суды отъимати и провадити к собѣ на перевоз; а сам потщася сь яростию, събрав воя многы, и подвижеся к Волзѣ с всею силою своею, и перевезеся на сю сторону Волзѣ с всѣми своими князми, и с безбожными вои с татарьскыми полкы, и поиде изгоном на великого князя Дмитриа Ивановича и на всю Рускую землю; ведяше же рать внезапу без вѣсти, умѣниемь, тацѣм[3] же злохитрием, не дающи вѣсти преже себе, да не услышано будеть на Руси стремление его.

И то слышав князь Дмитрий Костянтиновичь, князь суздальскый, посла к царю Тахтамышу два сына своя, Василиа да Сѣмена; они же пришедше на обрѣтоша его, бяше бо идый борзо на хрестьяны, и гнаша в слѣд его нѣколико дний, и переяша дорогу его на мѣстѣ наричаемѣмь Сернацѣ, и поидоша по дорозѣ его с тщанием, и постигоша его близ предѣл Рязаньскыа земля.

А князь Олег рязаньскый стрѣти царя Тахтамыша преже, даже не вниде в землю Рязаньскую и бив ему челом бысть ему помощник на побѣду Руси, нъ и спослѣшник на побѣду хрестьяном, и ина нѣкая словеса изнесе о том, како плѣнити землю Рускую, и како без труда взяти каменый град Москву, и како побѣдити и добыти князя Дмитриа; еще же к тому обведе царя около всей своей вътчины Рязаньския земли, хотяше бо добра не нам, но своему княженью помагаше.

А в то время поздо нѣкако сице егда прииде вѣсть князю великому, възвѣщающи рать татарьскую; аще бо и не хотяше Тахта-

---

[a]Гл. ПСРЛ, т. XVI, слупкі 120—130. [1] у 1382 г. [2] паланіць. [3] злодзеем.

мышь, дабы кто вѣсть принесл на Рускую землю о его приходѣ, того бо ради вси гости рускиа поимани быша и удержани, дабы не было вѣсти на Руси, но обаче суть нѣцыи доброхоты на предѣлѣх ордыньских на то устроени, поборници суще земли Руской и великому князю. Слышав же князь великый таковую вѣсть, како идеть на нь[1] сам царь в множествѣ силы своея, и се нача сбирати воя и съвокупляти полкы своя, и выѣха из града, хотя поити противу татар; и ту начаша думати князь Дмитрий с прочими князьми рускыми, и воеводами, и с думцами, и с велможами и с бояры старѣйшими, и всяческы гадавши, и обрѣтеся разность в князех и не хотяху пособляти друг другу, и не изволися пособляти брат брату. Не помянуша пророка, глаголюща: «Се коль добро и коль красно, еже жити братьи вкупѣ!» И другому присно[2] помнимому рекшу: «Друг другу пособляя и брат брату помагая яко град тверд».

Бывшу промежу ими неединачьству и неимовѣрьству, и то познавь и разумѣв и расмотрив князь Дмитрий, бысть в недоумѣнии и в размышлении велицѣ, и убояся стати в лице противу самого царя, но поѣха в свой град Переяславль, и оттуду мимо Ростов, и пакы, реку, вборзѣ[3] на Кострому.

А Куприан митрополит приѣха на Москву. А в градѣ Москвѣ бысть мятежь велик зѣло, бяху бо людье смущени, яко овца не имущи пастуха, гражаньстѣи бо людье възмутишася и въсколѣбаша яко пьяни: ови же сѣдѣти хотяще, в градѣ затворившееся, а друзии бѣжати хотяще, бывши промежи их распрѣ велицѣ, инѣи же с рухлом в градѣ вмѣщахуся, друзии же из града бѣжаху ограблени суще; и позвониша во вся колоколы, и створиша вѣче, и въсташа вѣчем народ мятежници, недобрии человѣчи, людье крамолници: хотящих изыити из града не токмо не пущаху изыти, но грабяху, ни самого митрополита не постыдѣшася, ни бояр нарочитых не устрашишася, ниже усрамляху сѣдин старець многолѣтных, но на вся огрозишася, ставше на всѣхь вратѣхь градных сверху камениемь бияху, не пущающе вылѣсти из града, а долѣ на земли с рогатынями и с обнаженым оружием стояху, и ограбливаху до наготы.

Граду же единако в мятежи сущу смущающуся, акы в бурѣ велицѣ, ни откуду же утѣшениа обрѣтающе, но паче пущи и болшаго зла ожидаху; сим же тако бывающим, и потом приѣха к ним в город нѣкоторый князь литовьскый именем Остѣй, внук Ольгердов, и тъ[4] окроти[5] народи и мятежь градный уставив, затворися с ними в град в осадѣ со множеством народа, с тѣми, елико[6] осталося гражан, и елико бѣжан сбѣглося с волости, и елико от иных градов и стран приключилося в то время бояре, и сурожани, и сукоиникы, и процѣи купци, архимандриты, игумены, протопопы, и прозвитеры, и дияконы, и черньци, и черници, и всяк възраст мужьска полу и женьска и с мьладенци.

Князь же Олег обведе царя около своей земли, и указа ему

---

[1] на яго. [2] заўсёды. [3] хутка. [4] той. [5] супакоіў. [6] колькі.

вся броды сущая на Окѣ на рѣкѣ. Царь же прешед Оку рѣку, преже всѣх възя город Серпухов и огнем пожже и[1]. Оттуду тако же поиде к Москвѣ, устремився, и духа ратнаго наполнився, волости и села жгущи и воюющи их, а народ хрестьянскый сѣкущи и всяческы убивающи, а прочая люди в полон емлющи.

О Москвѣ. И пакы[2] прииде царь Тахтамышь ратью к Москвѣ со всею своею силою тотарьскою, мѣсяца августа 23, и приидоша не вси полци к граду; и начаша кличюще въпрашивати: «Есть ли князь Дмитрий в Москвѣ?» Они же с града с заборол отвѣщавше, рекоша им: «Нѣту».

Татарове же отступиша недалече, и начаша ѣздити около града, обзирающе и расматряюще приступы, и рвы, и врата, и забралы, и стрѣлницѣ, и пакы стояху зряще на град.

А тогда в градѣ внутрь всюду добрыи люди моляхуся богу день и нощь, предстояще посту и молитвѣ, ожидающе смерти, готовляхуся с покаянием и с причастием и с слезами. Нѣции же недобрии человѣци начаша обходити по двором, износяще ис погребов меды господьскыя, и съсуды серебреныя и стъкланица драгиа, и до пьяна упивахуся, а к шатанию дерзость прилагаху, глаголюще: «Не устрашимся поганых нахожениа татарьскаго, се лико тверд град имуще, еже стѣны камены и врата желѣзна; не терпять бо тии стояти под градом нашим долго, сугубь страх имуще, изнутрь града боицѣ, а внѣуду[3] града князей наших съвокупляемых устремления блюдутся».

И пакы възлазяще на град, пиани суще, шатахуся, ругающеся татаромь, образомь бестудным досажающе и нѣкаа словеса износяще, исполнь укоризны и хули, кыдаху на ня, мнѣвше бо их толико тои есть силы татарьскыя. Татарове же к нимь прямо на град голими саблями своими машуще, образом аки тинаху, накивающе издалеча. И в той день к вечеру тии полци отступиша от града, и наутриа царь приступи с всею силою своею и с полкы своими под город, гражанѣ же узрѣвше силу велику и убояшася зѣло. Татаровѣ же тако и поидоша ко граду, гражани же пустиша на них по стрѣлѣ, и они паче пустѣша на них по своей стрѣлѣ, и пак они прилѣжно стрѣляша своими стрѣлами, и идяху стрѣлы их акы дождь велик и умножен зѣло, не дадуще ни прозрити, и мнозѣ на градѣ стояще на забралѣх падахуся, одоляху бо татарьскыа стрѣлы паче, неже градскыя: бяху бо у них стрѣльци горазднии велми, ови от них стояще стрѣляху, а друзии скоро рищуще, изучени суще, а инии на конѣх борзо гоняще на обѣ руцѣ, и пакы наперед и назад, скорополучно стрѣляху, без погрѣха: а друзии от них створше лѣствицѣ и присланяюще лѣзоша на стѣну; гражани же воду в котьлѣх варяще, кипятню, льяху на ня вар, ти тако възбраняхуть им. Отшедшим же им и пакѣ инѣмь приступльшим, и тако по три дни биахуся промежи собою, превъзмагающеся.

Егда бо татарове приступаху к граду, и се пакы близ присту-

---

[1] яго. [2] зноў. [3] знадворку.

пающе ко стѣнам градскым, тогда гражани стрежаху град, супротивляющеся им и възбраняюще, ови стрѣлами стрѣляху с забрал, ови же камениемь шибаху на ня, друзии же тюфякы пущающе на них, а инѣи самострѣлы напрязающе пружаху и порокы, есть же ниции, яко и самыя ты пушкы пущаху. В них же бѣ нѣкто един гражанин москвитин суконник, именем Адам, иже бѣ над враты Фролълаврьскыми, примѣтив и знаменав на единаго татарина нарочита и славна, иже бѣ нѣкоего князя ордыньскаго сын, и напряг стрѣлу самострѣлну, и спусти, и уязви его в сердце и вскорѣ съмерть ему нанесе. Се же бысть велика язва всѣмь тотаромь, и яко и самому царю стужити о семь.

Симь же тако бывающимь, царь же стояв у града 3 дни, а на четвертый день оболсти князя их Остѣя лживыми словесы и лживым миром, и възва его из града вон и уби его пред враты града, а ратем своимь всѣмь повелѣ приступити к граду с вси стороны. Какова же бысть облесть Остѣю и сущим гражаном всѣм в осадѣ: понеже царю стоящу 3 дни у града Москвы, а на четверты день заутра, в полъобѣда, по повелѣнию цареву, приѣхаша татарове нарочитыи, болшии князи ордыньскыи и рядчи его, с ними же и два князя суздальскыи, Василий да Сѣмен, сынове князя Дмитриа Суздальскаго. И пришедше под город, и приближившеся близ стѣн градскых по опасу, и начаша глаголати к народу сущему на стѣнах: «Царь вас, своих людий, хощеть жаловати, понеже неповинни есте и нѣсте достойни смерти; не на вас бо воюя прииде, но на князя на Дмитриа ратуя царь прииде, ополчився, вы же достойни есте милованиа, иного же ничто не требуеть царь от вас, развѣи токмо изыидѣте противу царя в срѣтение ему с честью и з дары, купно и с своим княземь; хощеть бо видѣти град сей, и в него внити и в немь побывати, а вам даровати мир и любов свою, а вы ему врата градная отворите». Тако же и князи Нижнего Новагорода глаголаху: «Имѣте вѣру нам, мы есме ваши князи хрестьяньскыя, вам на том правду даем».

Народи же градьстии вѣру яша словесем их, си помыслиша и прельстишася, омрачи бо их и ослѣпи бо я прелесть татарьская и омрачи, а гроза бессѣрьмьнская, не познаша, ни помянуша глаголющаго: «Не всякому духу вѣру имете». И отвориша вратя градная, и изыдоша с кресты и с князем и с дары многыми противу царя, тако же архимандриты и игумены и попове в ризах, а по них боярѣ и болшии мужи,и потомь народ и чьрныи люди. И в том часѣ поча тотарове сѣчи направно, по ряду: и преже всѣх убьен бысть князь их Остѣй пред градом, и потом начаша сѣчи игуменов и попов, аще и в ризах с кресты, и чорных людий, и ту бяше видѣти святыа иконы повѣржены и на земли лежаща, и кресты честныя бес чести небрегомы, и ногами топчемы, обоиманы же и одраны. Татаровѣ же такы поидоша в град, сѣкуще, а инии же по лѣствицам на град взыидоша, никому же бранящу забрал, не сущу никому же на стѣнах и не сущу избавляющому, ни спасающому. И бысть внутрь града сѣча велика, и внѣуду тако же

сѣча, толико же сѣчаху, доньдоже[1] руцѣ их и плеща их измолкоша, и сила изнеможе, саблѣ их не имуть, и острѣя их притупишася.

Людие же хрестьяньстии, сущии тогда в градѣ, бѣгающе по улицам сѣмо и овамо, и скоро рищуще толпами, в перси бьюще, вопиюще и глаголюще: «Нѣсть гдѣ избавление обрѣсти, и нѣсть где смерти избыти, и нѣсть где остриа меча укритися, и оскудѣ князь и воевода и все воинъство их потребися, и оружиа их до конца исчезоша». Инии же в церквах каменых затворишася, нъ и тамо не избыша, безбожныя бо силою двери церковныя разбиша, и тѣхь мечи исѣкоша. Вездѣ же крикь, и вопль великь и плачь бысть, яко не слышати другу друга вопиюща, множеством народ кричаща, они же хрестьян изводяще из церкви, лупяще и обнажающе сѣцаху. А церковь съборную разграбиша, олтаря и святыя мѣста попраша, и кресты честныя и иконы окованыя одраша, украшеныя сребром и златом и камением драгым, и пелены сажeныа жемчюгом с златом и каменьем оборваша, а святыя иконы попраша, и съсуды церковныя златокованыя и сребреныя многоцѣнныя поимаша; и книг множество с всѣх град и с сел, в съборных церквах до стропа házетано, съхраненья ради испроважено, то все без вѣсти сътвориша.

Что же изречемь о казнѣ князя великаго, яко и тоя многоцѣнное скровище скоро истощися, и велехвалное богатьство и богатотворное имѣние быстрообразно разнесено бысть? Придем же в сказание и прочих и многых бояр старѣйших, их же казны многовременьством събираемы и благодѣньством наполнены, и хранилища их исполнь богатьством имѣниа многоцѣннаго и неизочтеннаго, то все единѣм часом пограблено. И пакы другиа суща купца в градѣ, иже суть богатии людие, храмины их наполнены всякого добра различнаго, тая же вся часом пограбиша и расхитиша. И многы монастыря разориша, и многы церкви раздрушиша, и в святых церквах убийство сдѣяша, и в святых олтарех кровопролитие створиша окаяннѣи, и святая мѣста оскверниша, яко же пророк Давид глаголаше: «Боже! Придоша язычи в достояние твое, оскверниша церков святую твою; положиша Иерусалима яко овощное хранилище, положиша и трупья рабь твоих в брашно птицам небесным и плоти преподобных твоих звѣрем земным, прольяша кровь их яко и воду, окрест Иерусалима, не бѣ погребая их; и дѣвица их неосѣтовани быша, и вдовица их не оплакани быша, священници их оружием падоша».

Была бо тогда сѣча зла зѣло, и много множество паде трупья Руси, от поганых тотар избьеных, многых мертвых лежаху телеса мужей, жен, нагы и непокровены. У ту убьен бысть Симеон, архимандрит Спасовьскый, а другый архиманьдрит Ияков, и инии мнози игумены, и попове, и диакони, и крилошани, и четци, и пѣвцѣ, и черньци, и простци, от унаго и до старца, мужьска полу и жень-

---

[1] да таго часу, пакуль.

ска, тии вси посѣчени быша; а инии в огни изгорѣша, а инии в водѣ истопоша, а друзии от них множаи в полонь поведени быша, в работу поганьскую и в страну татарскую пленени быша.

И бяше видѣти тогда плачь, и ридание, и вопль мног, и слезы неисчетныя, крикь неутолимый, рыдание многое, охание и сѣтование, печаль горкая, скорбь неутѣшимая, нужа ужасная, горесть смертная, страх и трепеть, ужас и дряхлование, бесчестие, поругание, смѣх врагом, укор, студ и срамота, поношение и уничижение. И сия вся приключишася хрестьяном от поганих, грѣх ради наших.

И тако злѣ, скоро взяша Москву, мѣсяца августа 26 день, память святого мученика Андрѣяна и Натальи, в 7 час дни, по обѣдѣ, товар же и всякая имѣния пограбиша, и град огнемь зажгоша и огню предаша, а люди мечьному пресѣчению предаша. И бысть оттолѣ огнь, а отселѣ мечь, ови от огня бѣжаще мечемь умроша, а друзии от меча бѣжаще в огни сгорѣща. И бысть им четверообразная пагуба: первое от меча, второе от огня, третее от воды, четвертое в пленение поведени быша.

Бысть же преже того видѣти было Москва град великь зѣло, град чюден, град многочеловѣчен, в нем же множество людий, в нем же множество господства, в немь же множество бысть всяких узоричий; и пакы в полъдень измѣнися видѣние его, егда взят бысть, и посѣчен и пожжен. И нѣчего его видѣти, развѣи токмо земля и персть, прах и попел, и трупья мертвых многа лежаща, и святыя церкви стояща разорени, акы же осиротѣвши и акы овдовѣвши; плачетца церкви о чадѣх церковных, паче же о избьеных, яко матерь о чадѣх плачющюся.

О чада церковная, о страстотерпци избьении, иже нужную кончину подъясте и иже нужную смерть приясте от огня и меча! И от поганых насильства церкви стоять, не имущи красоты, ни лѣпоты. Где красота церковная? Понеже престала служба церковная, ею же многа у господа просим; престала литургиа святая; престала же и святая просфура, приношение, еже на святом жертовницѣ; престала молитва заутреняя и вечерьняя; преста глас псалму по всему граду и умолкоша пѣсни. Увы, мнѣ страшьно се слышати, страшнѣе того было видѣти! Грѣсѣ же наши то нам сътворилѣ.

Где благочесть и благостроение церковное? Гдѣ четци и пѣвци? Гдѣ крилосници церковнии? Гдѣ суть иереи священници, служившии богу день и нощь? Вси лежать, вси поснуша, вси посѣчени быша, и избьени быша, и усѣчениемь меча умроша. Нѣсть позвонения в колоколы, ни в било. Нѣсть зовущаго ни текущаго. Не слышати в церкви гласа поющих, ни слышати славословия, ни славословьления. Не бысть по церквамь стихословиа и благодарениа. Во истину суета человѣческаа, и бысть всуе мятежь человѣческый.

Сице же бысть конець московьскому пленению. Не токмо же едина Москва взята бысть тогда, но и прочии грады и страны пленени быша Тахтамышемь царемь.

Князь же великы с княгынею пребысть на Костромѣ и с дѣтьми,

а брат его Володимер на Волокѣ, а мати Володимерова и княгини в Торъжьку, а Герасим, владыка коломеньскы, в Новѣгородѣ.

Кто нас, братье, о семь не устрашится, видя таковое смущение Руской земли? Яко же господь глагола пророком: «Аще хощете, послушаете мене, благая земная снѣсте, и положу страхь вашь на вразѣх ваших; аще ли не послушаете мене, то побѣгнете никым же гоними; послю на вы страх и ужас, и побѣгнеть вас от пяти 100, а от ста тысяща». Елма же царь распусти силу татарскую по Руской земли воевати великое княженье Руское, ови шедше к Володимерю, много людий посѣкоша и в полон поведоша, а инии полци ходиша к Звѣнигороду и к Юрьеву, а инии к Волоку и к Мужайску, а инии к Дмитрову, а иную рать посла в град Переяславль, они же его взяша и огнемь пожгоша, а пераяславци выбѣгоша вон из града, а град повѣргше, по озеру в судех, тамо избыша. Татарове же многы града поимаша, и волости повоеваша и пожгоша, а манастыри пограбиша, а хрестьян посѣкоша, а иных в полон поведоша, и много зла Руской земли сътвориша.

Князь же Володимир Ондрѣевичь стояше ополчився близ Волока, събрав силу около себе. И нѣции от тотар не вѣдуще его, ни знающе, ѣхаша на нь, он же, о бозѣ окрѣпився, удари на них, и тако божьею милостию овых убил, а иных живых поимал, а инии побѣгоша и прибѣгоша к царю, и повѣдаша царю бывшее. Он же от того побѣдився, и оттолѣ начат помалу отступати. Идущу же ему от Москвы, и оттолѣ отступиша рать к Коломнѣ, и тии шедше взяша град Коломну и отъидоша. Царь же перевезеся за рѣку за Оку, и взя землю Рязаньскую и огнем пожьже, и люди посѣче, а инии разбѣгошася, а полона поведе в орду бесчисленое множество.

Князь же Олег Рязяньскый то видив побѣже. Царь же ко ордѣ идущи от Рязани, отпусти посольством посла своего Шихмата, шурина своего, к князю Дмитрию Суздальскому, с его сыном, с княземь Сѣменомь, а другаго сына его, князя Василья, поят с собою во орду.

Отшедшим же тотаром, и потом не по мнозѣх днех князь великый Дмитрий и брат его Володимир, койждо с своими бояры и старѣйшими, въѣхаша в свою вътчину в град Москву, и видѣша град взят, и плѣнен и огнем пожжен, и святыя церкви разорены, а людий побитых, трупиа мертвых бес числа лежащих; и о семь съжалиша си зѣло, и яко и расплакатися им с слезами.

Кто бо не плачеться таковыя погыбели градскиа? Кто ли не жалуеть толико народа людий? Кто ли не жалуеть? Кто ли не потужить о селици множествѣ хрестьян? Кто не сѣтуеть сицеваго плѣнениа и съкрушениа?

И повелѣша телеса мертвы хоронити, и дающе от 40 мертвець по полътинѣ, а от ста по рублю; и съчтоша, всего того дано бысть от погрѣбания мертвых 500 рубльв. А опрочѣ того елико сдѣяша татарове напасти Руси, убытька княженью великому, елико протора сътвориша своим ратным нахожениемь, колико градов плѣ-

ниша, колико злата и сребра взяша, и всякого товара и всякого узорочья, а землю пусту створиша и волости повоеваша и пожгоша, колико хрестьян в полон поведоша, колико хрестьян мечемь иссѣкоша, аще бы мощно тѣ вси убѣткѣ исчести, числа не можеть.

Не по мнозѣх же днех князь великий Дмитрий посла свою рать на Олга Рязаньскаго. Олег же не в мнозѣ дружинѣ одва убѣжа, а землю его до остатка взяша и пусту сътвориша, пущи ему бысть тотарьскиа рати. Тогда же бывшу митрополиту Киприяну на Тфѣри, тамо избывшу ему ратнаго нахоженья, и приѣха на Москву, октября в 7.

Той же осени к князю Дмитрию на Москву приѣзди посол от царя Тахтамыша Карачь о миру. И потом князь повелѣ хрестьяном ставити дворы и грады създидати. Того же лѣта свершиша церков камену свято Рожество, на полѣ. В то же лѣто приѣха в Новъгород владыка суздальский.

[Аб паўстанні ў г. Смаленску[a]]

В лѣт 6948 (1440) сотворися зло велико в Литвѣ: убиень быс князь велики Жикгимонт в Литви во граде Троцех, во вербную, нед(е)лю перед обедомь и быс метежь велик в Литовьской земли.

А в то врѣмя в Смоленску держал воеводство от Жикгимонта пан Андрей Сакович. И поча приводити ко целованию смолнянь, что ж князи литовъски и паны вся земля Литовъская кого посадять на Вильни, на великомь княжении, и вамь от Литовьской земли не отступати и великого князя литовъского, а ко иному не приступати, а мене вамь в себе держати воеводою во себе, доколе сядеть на Вилни князь великый.

И владыка смоленский Семион[1], и князи, и бояре, и местичи и черныя люди целовали пана Андрѣя на всемь томь: Вилни не отступати и пана Андрѣя держати в себе честно воеводою на Смоленску.

И по велице дни, на святой недели в среду, здумаша смолняне, черныя люди: кузнеци, кожемяки, перешевники, мясьники, котельники пана Андрѣя согнати силою с города; а целование переступили. И нарядилися во изброи и со лукцами, и со стрелами, и с косами, и зь секѣрами, и зазвонили в колокол.

Пан же Андрѣй почал ся радити со бояри смоленскими, и бояре ему молвили: «Вели, пане, дворяномь своимь убиратися у зброи, а мы и с тобою. Чи лепшей датися имь в руки?» И поидоша с копи противу их[2] на конех.

И бысь имь ступь[3]. У Бориса и Глѣба[4] во городе избиша много черных людей копии до смерти, а инии ранены живы остали. И побегоша черныа люди от пана Ондрея. И той нощи выеха пан Андрей из города со женою, и бояре смоленскыи с нимь.

---

[a] Гл. ПСРЛ, т. XVII, слупкі 67—69. [1] смаленскі епіскап таго часу. [2] рамеснікаў. [3] бой, бітва. [4] назва царквы.

И после того быс метежь великь. Во Смоленску изымаше смолняне Петрыку, маршалка смоленского, и утопиша его во Днепрѣ, и посадиша собѣ воеводу в Смоленску князя Андрѣя Дмитриевичь Дорогобужьского.

Рада же литовъская, великого княжения князи и панове, и вся земля дорадивъшися и взяша из ляхов Казимера королевича на великое княжение Литовское. И посадиша его со честию на стольнечьномь град на Вилне и на всей Руской земли.

И в то время приде князь Юри Лыньгвеневичь из Новагорода в Литву, и князь великий Казимир, королевичь, дал ему отчину его Мстиславлю. Бояре же смоленскыи приехали к нему из Литвы ко Смоленску. И черьны люди не пустиша их у город. Они же розьѣхалися по своемь селомь. И затымь быс брань велика межи бояр и черных людей. И, бояся бояр, черныя люди призваша к собѣ оспадарем князя Юря Лигвенивича. И посла князь Юрьи поимати бояр, и поимаша бояр, и поковаша их. Имѣние их подаваша бояремь своимь.

И той же осени, на Филиповы запуски, приде войско литовское ко Смоленску, и сътояша полтрети недели, посады и церкви и монастыри пожьгоша, а людей много множество посекоша, а живых в полон поведоша. И много зла сотворися. И поидоша прочь.

ЛѢТОПИСЕЦЬ ВЕЛИКЫХ КНЯЗЕЙ ЛИТОВЪСКЫХ

Великого князя Кедмина литовъского было сынов 7: стареши Монвид, потомь Наримонт, Олигоръд, королев отець [1], потомь Евнутей, потомь Кестути, отець великого князя Витовта, потомь Корият, седмый Люборт. Монвиду даль отець Корачев да Слонимь, Наримонту Пинеск, Олгирду, королеву отцу, Крево, да к тому князь витебскый, сынов не держаль, принял его к дотьце Витебъскь взяти, Евнутия осадиль во Вильни, на великом княжени, а Кестутию Троки, Корьяту Новъгородок, а Люборта принял володимеръскый князь к дотьце во Володимер и в Луцеськ и во въсю землю Волыньскую.

Олгирд, королев отець, а великого князя отець Кестути были во великой любви и милости и в ласце. Князь велики Евнутей во болшенсьтве будя не полюбился има. И смовили межи собою братия, князь велики Олгирд и князь велики Кестучи, как бы его оттоле высадити, а некоторому бы межи их сести. И, смолвилши межи собою, рок учинили, которого бы дни к Вилни пригнати, засести город под братомь, великимь княземь Евнутиемь. А князь велики Ольгирд к Вилни из Витебьска не поспел к тому року, а князь велики Кестутей пригнал ко городу Вилни и вогна в город. И князь велики Евнутей выскотив убежить во гуры, тамо озябеть в ноги. Немше его привезли ко брату его ко князю великому Кесту-

---

[1] Бацька польскага караля Ягайлы (1377—1392).

тию. Он же жда брата своего, старшего великого князя Олигирда, посадити его за сторожею, а противу брата своего великого князя Олигорда послал гонца, что иже во Вилни сель, а брата князя великого Евнутия инял. Стретиль гонець во Креве, и князь велики Олъгирдь борздо поспешить ко брату своему великому князю Кестутию. И князь великый, князь Кестути, рече брату своему великому князю Олигрду: «Тобѣ подобаеть княземь великимь быти во Вилнѣ. Ты стареши брать, а я с тобою за одно живу». И посади его на великомь княжени Вилни, а Евнутию даль Ижеславль.

Летапісцы.

А докончають межи себе князь Кестутей велики и велики князь Олгирд, што братии всей послушну быти князя великого Олгирда, или которыи волости то собѣ розьделили, а то собѣ докончають, что придобудуть град ли или волости, да то делити на полы. А быти имь до живота в любъви, во великой милости. А правду межи себе на томь дали: не мыслити лихомь никому же на никого ж. Тако же были и до живота своего в той правде.

Сынов же было у великого князя Олгирда 12, а в князя великого Кестутия сынов 6 было. А межи всих сынов любили: князь Олгирд князя великого Ягаила, и князь велики Кестути полюбиль князя великого Витовта. И нарекли при своих животех их, што имь быти на их мѣстех на великих княжених. Они пакь князь велики Витовт такъже во великой дружьбѣ были при отцех своих.

Потомь пакь князь велики Олгирдь умре и князь велики Кестути не остави брата своего великого князя Олгирда, как до его живота

в одинотьстве с нимь были. Почнеть держати княземь великим во Вилни сына его, князя великого Ягаила. И почнеть пакь приезьдити ко старымь думамь, какь ко брату приѣзьчиваль ко старейшему.

Некто пакь был у великого князя Олгирда паробокь, неволны холоп, звали его Воидоломь. Первое был пекаромь, потом вставили его постелю слати и воду давати собѣ пити, и потомь пакь полюбильса быль ему, даль был ему Лиду держати и повель был его в добрых. Потомь по животе [1] великого князя Олигирда двѣ ли лѣте минуло, князь велики Ягайло поведеть его велми во высоких и дасть за него сестру свою родную княжьню Марию, што потомь была за княземь Давыдомь. Князю великому Кестутию велми нелюбость учиниль и жалость, што братанну [2] его, а свою сестру за холопа даль. И быль тоть Воидило у великой моци у великого князя Ягайла. Почаль со немьци собе соймы чинити и записыватися грамотами противу великого князя Кестутия.

Некто пан быль остродски кунтор, звали его Гунстыномь. Тот был кмотр [3] великому князю Кестутию: крестиль княгиню Янушевую, дщерь его. Тоть поведаль князю великому Кестутию: «И ты того не вѣдаешь, как князь великий Ягайло посылаеть к вамь часто Воидила, и уже записался с нами какь тебе изьбавити своих месть, а ему бы ся достало и со сестрою великого князя Ягаила твои мѣста».

Князь велики Кестутей вѣда, што князь велики Витовт гораздо живеть со князем великимь Ягайломь, и почнеть жаловатися сыну своему, великому князю Витовту: «Ты с нимь гораздь живешь, онь вже записаль ся на нас со немьци». Князь велики Витовът рече отцу своему: «Не веруй тому, ачь того неть, заньже со мною гораздо живеть, ачей бы мне явил».

Потомь пакь учинилося великое знамение. Князь великий Ягайло даль был Полтескь брату своему Скиригаилу, и они его не приняли. И князь великий Ягайло послеть рать свою всю литовскую и рускую со братомь своим князем Скригаилем и к Полоцьку, и оступять город. И князь велики Кестути опять начнет сыну своему, великому князю Витовту, жаловатися и проплакивая на князя Ягайла: «За и [4], Воидила, сестру даль, мою братанну, а из немець ми явлено, что немьци записалися на нас. А се пак третее: с кимь мы ся воюемь? — С немьци! Они с ними Полоцька добывають. Уже то проявилося, што они на нас полно стали с немьци». И князь велики Витовт отвечаеть отцю своему, великому князю Кестутию: «Еще того не доверяю гораздь». А рекл то князь великый Витовть, а сам поѣхал к городу Дорогичину. Князь пакь великы Кестутей собрався своею моцию и вженеть [5] во город во Вилню, иметь [6] князя великого Ягаила и со братиею и с матерью, и грамоты и [7] надеть, што з немьци записался, и ко сыну своему гонца послеть к великому князю Витовту к Дорогичину, што такая дѣла сталася. И гонець тоть наидеть князя великого в Городне: он вже до Го-

---

[1] пасля смерці. [2] пляменніцу, дачку брата. [3] кум. [4] яго. [5] уварваўся, заняў. [6] захапіў. [7] яго.

родна приѣхал з Дорогичина. А князь великы Витовъть за одинь день приженеть из Городна ко отцю своему Кестутию. Он же рече сыну своему, князю великому Витовту: «Ты мнѣ не вѣрил, а се тые грамоты. Записалися были на нас, но бог нас остерегл. Но я князю великому Ягаилу ничего не вчинил: не рушив есмо ни скарбов его, ни стад, а сами у мене не внятстве[1] ходять, толко за малою сторожею. А отчину его Видбескъ и Крево и вся мѣста, што отець его держал, то все даю ему. Ни у во что их не вступаюся. А то вчинил есми, стерега своеи головы, почюв што на мене лихо мыслить».

И князь великый Ягаило великому Витовту и дяди своему великому князю Кестутию (дал правду), што николи противу его не стояти, а вьсе у воли его быти во всемь. Князь великый Кестути отпусти его со матирию, и со братию, и со скарбы, и со всимь его. И князь великый Ягайло поиде Креиву. Князь великы Витовт проводить его до Креива. И князь великый Ягаило, поидеть ис Крева ко Витебску. А какь сяде князь великый во Вилни Кестутей, пошлеть 2 человекы к Полоцьку: одного у рать, а другого к городу. И полочане возрадовалися, кликнули на рать и люди ратьни отступили от Скиригаила, и пошли к Вилни к великому князю Кестутию. А князь Скиригаило пошель у немьци, у лифянты с малыми слугами.

И князь пакь великый Кестутей поидеть ко Сверскому Новгородку на князя Корбутия, а сына своего, князя великого Витовта, оставил в Литве. А идя ко Сиверскому Новугородку, велить Воидила обесити, а князю великому Иягаилу с Витебска поити ж было с нимь. То пакь великый Ягаило правду на борзде загубиль, тамь не пошель, а наговорил местить виленских и Ганулеву чад, и засели Вилну. А князь великий в то врѣмя Витовт во Троцех быль. И князь великий Ягаило из Витепска со всими прижинеть к Вилни. И князь великы Витовт пошлеть ко Сиверскому Новгородку, ко отцю своему, с тою вестию. А немци пакь прускии, услышавши тая дѣла, и маршалко прускый поидеть ратию к великому князю Ягаилу велми на борзде. А как услышав то князь великы Витовть, что пруски немьци к Вилни и к Трокомь идуть, а князь великый Ягайло из Вилни ко Трокомь же идеть ратию сниматис с нимци, он поидеть ко Городну и со Троковь со матерьею.

А как приступили ко Трокомь князь великый Ягаило, и Трокы дадутся ему.

И князь великый Кестутей к Городну идеть к сыну своему. Туго наидеть и жену свою и пошлеть еи ко Берестию, надияся на князя Януша Мазовского, зятя своего, а самь поидеть во Жемоить, а сына, князя великого Витовта, оставить в Городне.

Князь пакь Янушь, зять его, забыв добра, приде князю великому Ягаилу. И се перъво лихвянты рать на помощь приходили князю Скиригаилу к Полоцьку, а потомь с маршалкомь пруская рать к Трокомь приходила, а то вже в третие лихвянская рать и с нимь

[1] не ў няволі.

же приходила. То уже знакы тые вышли, што с нимь заодно стояли противу великого князя Кестутия.

И выступить на бой князь великы Кестутей со сыномь своимь князем великимь Витовтомь противу великого князя Ягаила. И какь не шошедшимься денькомь за три или за четыры стреления, приженуть[1] князи и бояре от князя великого Ягаила до князя великого рати Кестутееви. Почнуть пытати великого князя Витовта, што быхомь поговорили с нимь. Почнуть говорити великому князю Витовъту: «Князь великый Ягаило посламь нас к тобѣ, штобы еси уедьнал нас со отцемь своим, што быхомь держали свое, а вы бы свое, а бою бы межи нас не было, а крови пролития не вчинилося. Ты бы приѣхал ко брату своему князю великому Ягаилу, а мы правду даемь, штобы тобѣ чисто отъехати в рать свою, ачей бы межи вас быль добрый конець».

Князь великый Витовт отвещаль: «Правду у вас беру, штобы тако же князь Скиригаило семо приѣхаль, а тако же бы правду даль, и я выеду». И они послали ко князю Скиригаилу. И князь Скиригаило такожь правду дал великому князю Витовту, какь и оны. Князь велики Витовт поѣхаль к великому князю Ягаилу и к его рати, а полкове стоять, межи собою не починають ничего.

И князь великый Ягаило почнеть просити великого князя Витовта, штобы еси межи нас уеднал и кровопролития бы не было. И князь великый Витовть правду взяль в него, у князя великого Ягаила, за отца своего, што отцю его великому князю Кестутию съехався и опять чисто розьѣхатися. А еще рече князь великый Витовть князю великому Ягаилу: «Еще, брате, пошли Скригаила, штобы онь а и я а въчинили быхомь правду отцю своему, иже бы ему чисто приходити и опять отѣхати в рать, а князь бы Скригаило от тебе дал правду».

И князь велики Витовт со князем Скригалом придуть ко отцу своему, ко князю великому Кестутию, в рать и дасть правду отцю своему от князя великого Ягаила. И князь Скиригаило правъду дасть от великого князя Ягаила и от себе. И князь великый Витовт со отцем своимь великимь княземь Кестутиемь обадва поѣде в рать ко Ягаилу, надияся на тыи правды.

Князь же великый Ягаило переступил[2], молвить: «Поѣдь кь Вилни, тамо докончаемь». А в томь ничего не починавши (рати. — *А. К.*) остали. И какь к Вилни поѣхали, князя великого Кестутия, дяду своего, оковав, ко Креву послали и всадили во вежю, а князя великого оставили Витовъта еще во Вилни. И тамо во Креиве пятой нощи князя великого Кестутия удавили каморникы князя великого Ягайлавы, Прокша, што воду давал ему, а были ины — Мостев брат а Кучюк а Лисица Жибентяй. Таков конець стался князю великому Кестутию.

По смерти пакь князя великого Кестутия, пошлеть князь великый Ягаило князя великого Витовта во Креиво же и со женою,

[1] хутка прыехалі. [2] здрадзіў.

и велить его твердо стерети во комьнате; помщая Воидила, дву велѣли на колесе розбити: одного Видимонта, дядю матки князя великого Витовта, отчня брата матки его, што держал Уляну, потом пакь была за Монвидомь. А иных бояр много постинал [1], помщая того Воидила. Князь пакь великый Витовт седель во Креиве за твердою сторожею в комьнате. А жонце двѣ ходили покладывати княгиню в комнату, положив да вон поидуть, а сторожи около. То пакь великия княгини, слышавъши от людей, иметь ли князь великый Витовът должей седѣти, ачей также изгадають как и над отцем. И пригодило ему такь, как поидуть жонки покладати, но бы ему одной жонъки всклати порты да выити вон со другою жонкою, а той жонцѣ остати бы в него. И он наредивъся в одной жонкы порты да за дрогою вышель, да испустится из города: утечеть во Немьци. У Пруси сущю же ему в нимцах в Марине городѣ в мистра, и приѣхаша к нему многи князи и бояре литовъскыи. Он же нача воевати с помочью немецькою литовскую землю.

А князю великому сущю Ягаилу со матерью своею великою княгинию Уляною во Витебьску, а брат его князь Скиригаило в Литовской земли у Троцехь. А великому князю (часто воющи Литовъскую землю, а великому князю) Ягаилу и Скиригаилу невозможьно вже стати противу его, занже бо у него сила велика собралася. Тогда князь велики Ягаило перезвав его со немець и даль ему Луческь со всею Волыньскою землею, а в Литовъской земли — отчину его.

Короля Казимира [2] в животе не стало. Сынов в него не было, толко одна дочка именемь Ядвига. И начаша ляхове слати с Кракова ко князю великому Ягаилу, дабы приняль крещения старого Рима и понял бы [3] в них королевну именемь Ядвигу собѣ женою и стал бы в них кролемь, во Кракове, на всей земли Лядской. Он же князь великый Ягаило змовилися из своею материю, и с великою княгинию Ульяною, и со братиею своею, и со всими князи и бояре Литовския земли и поѣхав Кракову в Лядскую землю. Тамо же самь крестися и братия его и князи и бояре Литовския земли. И поняль [4] за себе кролевну Ядвигу, и коруновань быстъ того королевства короною. И оттоле начаша крестити Литву в латынскую вѣру. И присла арцибискупа к Вилни в Литовскую землю, и тогда начаша костелы ставити по всей Литовъской земли.

Той же зимы будущи королю во Кракове со всими князьми литовскыми и бояре литовськими, князь Андрѣй Полоцькый приде с немьци, лифянты и со всею латыною на литовску землю. И повоевал, пожьже много мѣсть и сел, градом же Литовския земли ничего не вспѣи и пакь возовратися во свояси.

Той же зимы князь Свецьслав Смоленскый совет сотвори со князем Андрѣемь Полоцькымь. Он в Литву, а князь Светислав ко Орши. На миру много зла сотвориша хрстянемь нечеловѣческы

---

[1] пасек. [2] Казімір Вялікі — кароль польскі (1333—1370). [3] узяў бы за сябе, ажаніўся. [4] Шлюб Ядвігі з Ягайлам адбыўся ў 1386 г. У гісторыю гэта дата ўвайшла пад назвай «Крэўская унія».

и нихрестиянскыи, мучиша хрстянь, иже ни в поганых ратех то не слышах таковых мукь. Мучаще хрстянь, сбираху и запираху во изьбах и зажигаху, а другии велики храмы очепы подимаху и плѣнниковь под стены кладаху главами и зажигаху, а иныя жены и дѣти на коле тыкаху. А иных мукь над христяны, их же скаредно [1], не писахомь, яко же ни Онтиох Сирский, ни Улъян законопреступьный тех мукь не сотвори над хрестяны. Граду же Орши ничего не вспѣша и пакы возовритися во свояси.

Той же зимы во великое говение нача Свѣтослав думати со смоленъскыми бояри на хрестянское кровопролитие. Яко свѣрипие звѣрие, аки не хрестяне, поиде ко городу Мстиславлу и сташа у града Мстиславля. И нача добывати и порокы бити град, а в землю и [2] Мстиславскую вои пусти и много пролития крови хрестянскыя. То же быс богу мерзко зрѣти зовущимься хрестянемь, а братию свою хрестянь, не человеческы, ни христянскы мучаху.

Князь же велики Скиригаило, князь великый Витовът, приехавши з Ляхов от брата своего короля, слышав, яко князь Святослав Смоленскы преже быс под Витебском, а потом к Орши приходил, а под Мстиславлемь стоить, град порокы биеть; и сожалився князь великый Скиригаило, поиде со братию своею со великымь княземь Витовтомь, и Костентиномь, и с Корбутомь и со Семеномь Лынгвенемь. И поменуша слово божие, еже рече: «В ню же мѣру человекь мерить, отмирится ему, а что посееть, то и пожьнеть». «Мы, — рекоша — никоего зла ему не сотворихомь, а онь с нами в докончани буда переступив крестное цѣлование, и до кончание нашю землю воюеть и кровь хрестяньскую проливаеть. Мы же идемь на него, надѣемься на бога и на хрестянскую силу». И придоша ко граду Мстиславлю.

А князю Святославу стоявши у города и бивши порокы град и Мьстиславль на страсной недели, в пятьницю, яко услышав князь Святослав, яко идеть на него князь Скиригаило и со братиею, он же исполчи воя своя и поиде противу имь. Яко иступишася полци, бог же по Давыда пророка слову сотвори, еже рече: «Обратися болезнь на главу его и на верхь его неправда снидеть», и пакы: «ров изрыв ископа и впадеся в него, еже сотвориль». Бог поможе великому князю Витовту, а князь Святослав устремися на бѣг и з своими князьми и со бояри смоленскыми и своими ратьми. Божиею силою ту не мало чюдо сотворися. Избито бысть вои много множество, князей и бояр, но и самого князя великого Святослава убиша. Сына же его князя Юря князь великы Скиригаило исцелив его от ран и привезе его ко городу к Смоленску и к матери его, великой княгини Святославли. И посади его на великомь княжени Смоленскомь, занже бысть за княземь Юремь дщи старшей сестры Скиригаилевы.

Отшедши от города Смоленского, князь великый Скиригаило и поиде во свою землю Литовскую и нача княжити во Троцех, а во

---

[1] агідна, брыдка. [2] іх.

Вилню послал король старосту своего лядского. А князю великому Витовту, тогды држащю Лучеськ и всю землю Волынскую, а в Литовской земли отчину свою, и бысть ему нужьно, ижь чего преже не бывало в Литовской земли, сторонамь владѣющьмь великимь княжениемь. Тогда совѣт сотвори со многими князьми и бояры литовскими. Тогда бо Скиригаилу отехавши к Полоцьку, князь велики Витовт приде к Вилни, хотя засести, а княгиня великая бѣ Анна тогьда у Городне.

Вилневци же тогда не вдашася ему, зане бѣ тогда правду дали королу Скиригаилу. Он же тогда не возма Вилни и поиде к мистру и зь своею княгинею, и со своими князьми и со многими боярми. Оттоле нача воевати Литовскую землю с немецькою помочю и уже взяль был Литовскои земли по Велию реку, а и Полътескь вдася ему. И узриль корол и князь великый Скиригаило, яко вже невозьможьно удержати земли Литовъскыя пред великимь княземь Витовтом и с немецькими силами, поиде к Вилни. И стрете его Скиригаило со братомь своим Вигонтомь и с литовскими вои на реце на Вели у городка, на мѣсте нарицаемѣ Веищушкы. И ступивъшимься полком, и бог поможе великому князю Витовту. И побежени быша литовъски вои, и устремишася на бег и побито быс много их. Иных князей и бояр в нятьство[1] поимали: князя Семена Евнутеевича, князя Глѣба Свѣтославовича Смоленского, князя Глеба Костентиновичь, князя Ивана Тету, Лва Плакьсича, иных князей изымано быс много. И поиде князь великый Витовт таки к городу Вилни со своими воими, и оступять город Вилню. И нача добывати Кривого города, пушками бити, и взя город Кривый. Тогда же немьци убиша князя Скиригаила Олгирдовичь на лядской заставе на высоком городе тогда сущи, и не пустиша во град князя Коргаила. Князь же великый Витовт возма Кривы город и земли извоевал, пакы возвратися в Немьци.

Того же лѣта к великому Витовту в Немьци, в Маръинь город, придоша послы изь города Москвы от великого князя Василия Дмитриевича, прося дьщери князя Витовтовы за великого князя Василия Дмитриевича. Князь великый Витовт дасть дщер свою княжьню Софию, отпусти ея из Марина города, а с нею посла князя Ивана Олигимонтовича из град Данска. И поидоша во карабли за море, и придоша к граду Пскову, они же великы чти воздаша имь и проводиша их со честию до град Москвы к великому Василию Дмитриевичь. Князь же великый Василей посла противу ему со честию братию свою князя Володимера Андрѣевича и князя Андрѣя Дмитриевича, иных князей и бояр много.

На весну князь великый Витовът иде и взя землю Подолскую. А князю Володимеру Олгирдовичю, тогда бывши в Киеве, и не всхоте покоры учинити и челомь ударити великому князю Витовту. Той же весны князь велики Витовт поиде взя град Житомир и Вручий. И приѣха к нему князь Володимѣр. Того жь лѣта на

---

[1] у палон, у няволю.

осень князь великий Витовт выведе его ис Киева и дасть ему Копыл, а на Киеве посади князя Скиригаила. Самь же князь великый Витовт поиде на Подольскую землю, а князю Скиригаилу повели ити ис Киева ко Черъкасомь и ко Звенигороду. Князь же Скиригаило божиею помощию великого князя Витовта повелениемь взя Черкасы и Звинигород и возовратися пакы ко Киеву.

Ту же паки княжящи ему в Киевѣ, быс же нехто Фома чернець Изуфов, держа намѣснитство от митрополита у святой Софеи на митрополичиемь дворе. Посхотевшю же князю Скиригаилу ехати за Днепро в ловы, той же прежереченый Фома нача звати его на пир на митрополичи двор. Князю же Скиригаилу сущю у него на пиру, — азь же того не свѣмь, занже бѣх тогды млад, но нецеи глаголють, — иже бы тот Фома дал князю Скиригаилу зелие травное пити. И с того пиру князь Скиригаило такь поѣхаль за Днепр к Милолавичемь и тамо разболися канонь канона Крещения, в суботу въеха в город во Киев болен. Болев 7 дней, преставися в среду. И понесося на главах его священници, поюще пѣсни отходные, съ свещами из града Киева ко свети богородици Печерской, и положень быс чюдный князь Скиригаило добрый, наречены во святомь крещени Иоан, подле гроба святого Федосия Печеръского.

Князь же велики Витовт услышав, ижь князь Скиригаило преставися, и посла князя Ивана Олъгимонтовичь ко Киеву и да ему держати Киев. Мы же над предреченое возвратимься.

Какь выеде из Немець князь велики Витовт на великое княжение, такь отпусти нятъца своего князя Глѣба Святославича ко Смоленску на великое княжение, а князю Юрью Святославичю вда город Рославль. Князю Глѣбу седящи во Смоленсте и нача не в послушани быти великому князю Витовъту. Князь же великый Витовт послы своя слаша о справлении, онь же не всхоте исправитися. Тогда князь велики Витовт поиде со всими силами ко городу Смоленску, тако вдасть ему Глѣб и з градомь Смоленскымь. Князь же великы Витовт вда град Смоленеск держати князю Манту и Василию Бореиковичю, а князю Глѣбу вдасть город Полоны. Самь же князь великы Витовът возовратися в Литовскую землю. На ту же зиму посла князя Семена Лынгвена со многими ратьми и смоленьскыми ратми на князя Олга Резанского. И сплениша многое множество Резанскыа земли, и возвратишася с побѣдою во свояси. Тогда же бѣ зима велми студена.

Той же зимы на весну приѣхал князь же великый Василей Дмитреевичь московскый ко чьщю своему великому князю Витовту во Смоленескь во великое говѣние. И учти князя великого Витовта многими дарми: чепьми золотыми, и поясы золотыми, и соболми, камками, и суды златыми, и бахматы [1]. И князь же великый Витовт зятя своего великого князя учти и удари разьличьными дарми: сажеными порты [2], и дорогими оксамиты, и многоценными камъками, и гиншьты во седлех золотых снастех, чюду достойных, и отпусьти ко граду Москве с великою честию, а самь поѣде к Литви...

[1] маларослы быстраходны конь. [2] упрыгожанае каштоўнымі каменнямі адзенне.

[Аб паходжанні Літоўскага княства]

Сталося ест воплощене божого от духа святого з благословенное девицы чыстое Марѣи от початку створеня свѣта лѣта пяттисечного пятьсотного двадцать шостого.

Одного часу панство Рымское было под цэсаром Августом, который же не толко одному Рыму, ино и всему свѣту пановал. Яко ж вышэй писано, иж часу цэсарства Августова сын божый воплотился, а часу Тивирѣя, цэсара второго по Августе, на кресте волную муку прынял для збавеня и откупенья роду человѣческого. За которого ж, Тивирѣя вси рѣчы и пророчества пополнившы, по встани з мертвых вступил на небо и сѣл на правицы в бога отца, отколе ж дня судного мает прыити судити жывых и мертвых и отдати кождому водле заслуги его.

По смерти Тивирѣя цэсара был цэсарэм Гаиос, а по Гаиосе — Клавдѣй, а по Клавдѣи царствовал сын его Нерон. Который же Нерон был пан окрутный [1] а невъставичный [2], иж властную матку свою и доктора своего навышшого Сэноку бэз кождое прычыны ку смерти прыправил и колко раз казал место Рымское запаливать, а ни для чого иншого, толко для того, иж бы ся тому дивовал а потеху мѣл. А княжатом и паном рымским, шляхте и всему посполству крывды и втиски великие чынил, для чого ж всякий подданый его для великого окрутенства и невставичности его не был нихто пэвэн, а ни безпечон не толко имѣней, албо скарбов, але и здоровя своего. А так многие, опускаючы имѣнья и скарбы свое втекалися до розмаитых земль, наслядуючы справедливого упокою.

Где ж одно княжа рымское именем Палемон, который же цару Нерону был кревный, забрался з жоною, и з дѣтми своими, и с поддаными, и скарбы своими, с которым жо княжатем пятьсот шляхты, также з жонами, и з дѣтми и з многими силами, и взявшы з собою одного остронома, который ся знал по звѣздах, и пошли у кораблех морем по заходу солнъца, хотечи собѣ знаити на земли мѣстцэ слушное, гдѣ бы ся мели поселити а мешкати [3] с покоем. А с тыми шляхты чотыры рожаи навышшые: имены именем с Китаврус Довспрунъкг, а с Колюмнов Прешпор, а з Руси Ульянус, а з Рож Екътор. А так оные люди не малый час по мору ходили. И прышли Межиземского мора, и дошли до реки до Шума. И тою рекою Шумою в море окиян. И морем окияном дошли до реки устья, где Немон упадываеть у море окиян. И потом пошли рекою Немном уверх, оли ж у море малое, которое называется море Немновое. А для тое прычыны тое море Немъновое называется, иж в тое море Немон упадываеть дванадцатма устьи, а кождое зоветься особным именем, межи которыми ж устьи одно зовется Кгилья. И пошли тым устьем уверъх, и дошли цэлого Немна, гдѣ вже он сам увесь у в одном мѣстцу течеть. И верх Немна дошли до реки

---

[1] бязлітасны, люты, жорсткі. [2] непастаянны характарам. [3] жыць.

Дубисы. Яко же вшедъшы в тую реку Дубису, и нашли над нею горы высокие, и ровнины великие, и дубровы роскошные и розмаитых объфитосцей [1] наполнено у звѣрех розного рожаю, то ест, напервей: туров, зубрев, лосей, оленей, сарн, рысей, куниц, лисиц, бѣлок, горностаев и иных розмаитых рожаев. И тэж у реках великую офитость рыб непосполитых [2], иж не толко тые рыбы, которые ся в тых реках плодять, але множество рыб розмаитых а дивных приходят з мора, за тою прычыною, иж недалеко устье Немновое, гдѣ Немон у море впадываеть. Над которыми ж реками: над Дубосою и над Немном и над Юрою там ся поселили и почали розмножыватися. И оное мешкане их над тыми реками вельми ся им подобало. И назвали тую землю Жомоить.

О княжати Палемоне и о трех сынох его

Князь Палемон вродил трех сынов: старшый Борк, а другий Кунас, а третий Спэра. Старшый же сын Борк вчынил город на рецэ Юре и зложоно имя того княжати поспол з рекою: имя рецэ Юра, а княжати Борк, и назвал тот замок Юръборк. А середний сын Кунас прышол на устье реки Невяжы, гдѣ она впадывает у Немон. И тут учынил город, и назвал его именем своим — Куносов город. А третий сын Спэра пошол далей у пущу ко всходу слонца, и перешедъшы реку Невяжу и реку Святую и третюю реку Шырвинту, знашол озеро луками и розмаитым деревом украшено, где ж злюбившы и над тым озером поселилъся. И тое озеро именем своим назвал Спэра. И пановал многие лѣта. И был вельми ласкав подданым своим. И потом умер бэс плоду. И подданые его, милуючы его, и подле рымского обычаю вчынили собѣ балъвана и назвали его Спэра, на память его.

И потом оные люди, мешкаючы около него, и почали ему оферы чынити и за бога его мѣти. И потом, коли тот балван сказилъся, и они тое озеро и мѣстцо хвалили и мѣли за бога, и по нем межы собою господара не мели и мешкали без пана.

По малых же часех умреть брат его, который мешкал на Юрборъку, не маючы детей. И брат его Кунос озмет и тую часть брата своего Борка и город Юръборк и в той части его будет пановати. И оное княже Кунос мѣл двух сынов; одного Кернуса, а другого Кгинбунта. И пануючы ему в земли Жомоитской почалъся множыти и розшырати и выходити на реку Велю в землю Завельскую. И перешодъшы реку Святую вышей, и нашол мѣсто вельми хороше. И сподобалося ему тое мѣстцо вельми. Тогды он там поселил сына своего Кернуса. И назвалося тое местцо по Кернусе — Керново. А потом Кунус умре. И по нем почнеть сын его Кернус пановати на всей земли Завельской по границу Латыгольскую и по Завельский Брасълавль, оли ж по реку Двину, а брат его Кгинбунт — на Юрборъку и на Кунусове и на всей земли Жомоитской.

---

[1] мноства багацця. [2] незвычайных, цудоўных, выдатных.

А в тот час, гдѣ Кернус пановал на Завельской стороне, люди его тые, што за Велею осѣли, игривали на трубах дубасных. И прозвал тот Керънус берег своим языком властным по латыни — литус, — где ся люди его множат. А трубы, што на них играют — туба. И дал имя тым людем своим языком по латине, зложывшы берег с трубою, — литусба. И простые люди не вмели звати по латине и почали звати Литвою. И от того часу почали звати панство Литовское и множытися от Жомоити.

И князь великий Кернус пановал на Литве, а княз Кгинбунт на Жомоити. И не малый час пановали. И жыли межы собою вов покои. И князь Кернус не мѣл сынов, толко одну дочку именем Пояту. И будучы он у старости своей и, не хотечы панства своего от дочки своее отдалити, и прынял до неи и зятем своим его вчынил собѣ с Китавруса именем своим Кируса, сына Довпрункгова з Дявильтова. И сам умер. А по нем начне княжыти на земли Литовской тот зять его с Китаврус—Кгирус. А Кгинъбунт, пануючы на Жомоити, и умер, а сына своего Монтвила зоставить на князьстве Жомоитском.

И Монтвил много лѣт княжыл на Жомоити и мѣл двух сынов: одного Немоноса, а другого Скиръмонта. А в иншых тых жэ называ Викента и Ердвила.

И часу панованья Монтвилова повстал цар Батый и пошол на Рускую землю, и всю Рускую землю звоевал и князей руских постинал, а иншых у полон повел, и столец всее Руское земли город Киев зъжог и пуст учынил. А князь великий киевский Дмитр, боечыся великое силы и моцы его, збѣг с Киева до города Чернигова. И потом довѣдалъся, што город Киев сожжон и вся земля Руская спустошона. И слышал, иж мужыки мешъкают без господара, а зовутся Davidчане. И он собравшыся з людми своими и пошол ко Друцку, и землю Друцкую посѣл, и город Друческ зарубил, и назвалъся великим князем Друцким. И в тот час доведался великий князь Монтвил Жомоитский, иж Руская земля спустошона и князи руские розогнаны. И он, давшы воиско сыну своему Еръдивилу, и послал з ним панов своих радъных, наперъвей с Колюмнов Трумъпя, а другого с Уръсинов именем Эйкъшыса, а третего з Рож именем Кгровжыса. И зашли за реку Велю, и потом перешли реку Немон. И нашли в чотырох милях от реки Немна гору Красну, и сподобалося им и вчынили на ней город, и назвали его Новгородок. И вчынил собѣ княз великий в нем столец, и назвался великим князем Новгородским. И пошедшы з Новагородка и зарубил город Городно. И потом пошол до Берестья, и нашол Берестѣи и Дорогичын и Мельник от Батыя спустошоны и покажены. И он тые городы зарубил и почал на их княжыти. А потом умер княз великий Монтвил Жомоитский.

По нем сѣл на великом княженьи Жомоитском Викент, а другий вышереченый сын его Ердвил почнеть мешкати и пановати на Новегородцы и на тых вышей реченых городех. И подавал паном

своим, которые з ним вышли островы и пущы. Грумпю дал остров коло реки Ошмены, которое тепер зоветься Ошмена, и все прылежачое к Ошмене, што тепер князи и панове в повете Ошменском держать. А Эйкъшневи дал остров, который по нем назван ест Эйшышки, и все прылежачое к повѣту Эйшышскому. А Кгровжу дал остров, который его именем назван ест Кгровжышки, и увесь повѣт Кгровъжыский. И с Трумпя народился Кгаштолт, а з Эйкъша народился Довоина, а з Кгровжа народился Монъвид, а потом умер.

Пануючы великому князю Викенту в Жомоитской земли, а Ердивилу у Новегородцэ и в ыншых городех. Потом умер князь великий Викен. И по нем начнеть княжыти Жывинбут, с Китаврусу, князь литовский, обема тыми княжаньи: Литвою и Жомоитью. А Ердивил на Новегородцэ и на всих тых городех руских. И много лѣт княжывшы Ердивил на тых городех и умер. И по нем почал сын его княжыти Мингаило.

По смерти пак отца своего княз великий Мингаило, собравшы воиско свое, и поидеть на город Полтэск и на мужы Полочане, которые вѣчем справовалися, як Великий Новгород и Псков. И напервей прышли к городу их реченому Городъцу. И мужы полочане, собравшыся с полъки своими и стрѣтили их под Городцом. И великии бои и сѣчу межы собою мѣли. И поможеть бог великому князю Минкгаилу. И побил мужей Полочан на голову, и город их зъжог на имя Городец. И город Полтэск возметь и зостал великим князем полоцким. И будучы ему великим князем новгородским и полоцким пановал много лѣт и вмер. И оставил по собѣ двух сынов своих: одного Скирмонта, а другога Кгинвила. И Скирмонт почнеть княжыти на Новегородъцы, а Кгинвил на Полоцку.

И поиметь Кгинвил дочку у великого князя тверского у Борыса именем Марю, для которое ся окрестил у рускую вѣру и дали ему имя Борыс. И мѣл с нею сына именем Рогволода, которого назвал руским именем Василей. И тот Кгинъвил, реченый Борыс, вчынил город на имя свое на рецэ Березыни, и назвал его Борысов. И будучы ему русином был велми набожон. И вчынил цэрков каменую в Полоцку святое Софѣи, а другую святого Спаса — девичый манастыр у верх реки Полоты, от города у полумилю, а третюю цэрков-манастыр на Бельчыцы святого Борыса и Глѣба.

И пануючы ему в Полоцку был ласкав на подданые свои. И дал им волность вѣчем ся судити и в звон звонити, и потому ся справовати як у Великом Новегороде и Пъскове. И што князь Борыс мѣл с тою жоною сына Рогволода, нареченого Василя. И по нем почнеть княжыти сын его Василей у Полоцку. А сам умер.

И князь Василей, княжечы на Полоцку, мѣл сына Глѣба, а дочку Парасковѣю. И тая Парасковѣя обецалася дѣвство свое заховати в цэлости до жывота своего. И пострыглася в черницы у светого Спаса, у манастыры над Полотою, и мешкала там сем

лѣт, богу служечы и книги пишучы на цэрков. А потом забралася до Рыма и в Рыме, мешкаючы, богу служыла пилне. И мешкала колко год и осветилася, которую называют санкта Прекседыс, а по рускии Паросковѣя, которой же в Рыме и костел збудован на имя ее святое, там жэ ее и положыли. А брат ее, князь Глѣб Полоцкий, у молодых лѣтех своих, кнежывшы у Полоцку немного лѣт, и вмер. И положон ест у Полоцку у святое Софѣи со отцэм своим у в одном гробе. А полочане почали потому справоватися, як у Великом Новгороде и в Пъскове, а пана над собою не мѣли.

Скирмонту ж княжечы на Новегородцы. И князь Мъстислав луцкий и пинский почнет вальку[1] с князем Скирмонтом, хотечы его выгнати з отъчызны своее: з Берестя, а з Мельника, и з Городна, и з Новагородка. И Скирмонт пошлет послов своих до великого князя литовского, што вышол с Китавруса до Жывинбута, просечы его, абы помоч дал ему напротивко Руси. И князь великий литовский Жывинбут пошлеть ему на помоч сына своего старшого, Куковоитя, со всими силами своими литовскими и жомоитскими. И поидет князь великий Скирмонт с Куковотем и со всими силами на противку Мъстислава, князя луцкого и пинского. И на сей стороне реки Ясельды поразит князь Скирмонт князя луцкого и пинского на голову и всю раду рускую, толко князь Мстислав в малой дружыне ледве сам утек у город Луцко. А князь великий Скирмонт возметь город Пинск и город Туров. И заплакала Рус великим плачом, иж так окрутне[2] вси побиты от бэзбожное Литвы.

И князь великий Скирмонт сына великого князя литовского Жывинбутова Куковотя честовавшы и даровавшы безчысленое множество золота и серебра и боръздыми конми и отпустил почстиве до отца его, до великого князя Жывинбута литовского.

И коли Куковот прыидеть до отца своего Жывинбута, и не много пры отцы своем побывшы, и потом князь великий Жывинбут литовский и жомоитский умер. Тогды сын его Куковот сѣл на великом кнежени Литовском и Жомоитском.

Будучы пак в тот час царем Завольским именем Булаклай и прыслал послов своих до великого князя Скирмонта, штобы ему выходы его давал и баскаки его ховал по тым городом по тому, як с тых городов хожывали за предков яго князей руских. И князь великий Скирмонт под тое поддатися не хотѣл, и тым послом его носы, губы и ушы урѣзати казал, и до него отпустил.

И тот цар на лѣто собравшыся з многими силами своими и оръдами татарскими и пошол на Рускую землю. И много зла Руской земли учынил.

А князь великий Скирмонт, собравшы вси войска свои, и подкал его на границы своей у Койдонове, и поразил того цара и всю рать татарскую побил и самого цара убил. И з звитяжством ве-

---

[1] бой. [2] жорстка, бесчалавечна.

ликим пошол на Рускую землю. И взял город Мозырь, Чернигов и Стародуб и Корачев. И со всими в цэлости, звитяжство одержавшы, вернулъся назад. И мѣл князь великий Скиръмнт трех сынов: старшый Тронята, другий Люборт, третий Писимонт.

Князь великий Скирмонт у великой старости своей умер, и сын его Люборт сядет на Корачеве и назовется князь Корачевский, а Писимонт на Турове сядет, а Тронята на Новегородцэ. И пановали на тых городех много лѣт.

В тых лѣтех мати князя великого литовского и жомоитского Куковотева Поята умерла у великой старости своей. И князь великий Куковоит, милуючы матку свою, и вчынил балвана на образ ее, чынечы ей паметку. И поставил того балвана именем матки своее Поятьі вышей озера Жослии, который же образ хвалили и за бога его мели. А потом тот балван зъгнил, и на том мѣстцы липы выросли. И тые липы хвалили и за бога их мѣли во имя тое Поятьі оли ж и до сего дня. А за тым князь великий литовский и жомоитский Куковоит, милуючы подъданых своих, и сам умер.

И зоставил по собѣ сына на великом кнежени Литовском и Жомоитском именем Утенуса, который же сын, милуючы отца своего великого князя Куковоита, и вчынил балъвана на память отца своего. И поставил его на горе одной над рекою Святою, недалеко Дявилтова, которого ж хвалили и за бога мели. А потом тот балван згнил, и там гай вырос. И люди тым хвалили, и прозвали его именем пана своего Куковоита.

Троняте пануючы на Новегородцэ. И в тот час цар Завольский Курдас повстал з многими силами татарскими на Руские земли. И князь Тронята зберется з братею своею: с князем Писимонтом Туровским а с князем Любортом Карачевским и со всими силами, и к тому обослалъся с князми рускими: с князем Семеном Михаиловичом Друцким, и с князем Давыдом Мъстиславовичом Луцким и Светославом Киевским. И собравшыся с одного и пошли против цара Курдаса и всее рати его Завольское. И поткалися с ним за Мозырем на рецэ Окуневъцы, и вдарылися в полки межы собою, и вчынили бой вельми великий от пораня оли ж до вечора. И поможеть бог великому князю Тронэте и князем руским. Цара Курдыса и все войско на голово побили. Ледве сам цар у малой дружыне втек. И в том бою убили двух братов князя Тронятиных: князя Писимонта Туровского, а князя Люборта Корачевъского, а князя Семена, сына князя друцкого Михаила, а князя Давыдова, сына Луцъкого Андрея. И иных бояр много побили. И князь великий Тронята звитяжство одержавшы и добытку великого, золота, и серебра, и каменя и жэмъчугу, и шат[1] дорогих набравшы, и пошол у свою землю. А князи руские также у свои городы пошли.

И пануючы князю Троняте не мало лѣт, потом умер. И зоста-

[1] адзенне.

вил сына по собе на великом княжени Новгородском Олькгимонта. И княжыв Олькгимонт не мало, потом умер, и зоставил по собѣ сына именем Рынкголта на великом княжени Новъгородском.

И княжычы Рынкголту не мало лѣт на Новегородцы и на иншых городех руских. И вчынять змову межы собою князи руские почати вальку против великого князя Рынкгольта, и хотечы его согнати з отчызны своее городов руских, напервэй Светослав Киевский, а Лев Володымеръский и Дмитрей Друцкий. И собравшыся вси тры полки и пошли против великого князя Рынкгольта. И взяли тые руские князи татар на помоч собѣ от цара Заволского неколко тисеч татар. И князь великий Рынкгольт потъкал их на рецэ Немне на Могильной. И вчынил з ними бой вельми великий, и билися межы собою велми крѣпко, почоншы от пораня оли ж до вечера. И поможе бог великому князю Рынкголту, иж князей руских и всю силу их и орду татарскую на голову побил и сам, звитяжство одержавшы, з великим весэльем и добытком золота и серебра, и з великим набытем скарбов, и прышол к своим городом. И прышедшы до Новагородка, рознемогъся и вмер без плоду. Тут ся доконал род княжати рымского Палемона.

А иные поведают, рекучы, бы тот Рынкголт, прышедшы з оного побоища до Новагородка и был у Новегородцы, и якобы мѣл уродити трех сынов и зоставит по собѣ на великом княжени Новгородъском именем Воишвилака, ино[1] далей о том Воишвилаку не пишеть.

О княжати Литовском Швинъторозе, сыне Утенусове

По смерти Рынкголтове панове, жалуючы господара своего прырожоного, и взяли собѣ господарем великого князя литовъского и жомоитского, сына Утенусова с Китаврусу, Швинъторого. И мало княжывшы Швинторогу на Новгородъцы и на руских городех. И отец его, князь великий литовский и жомоитский, Утенус умер. И сын его Швинъторог по смерти отца своего начнет княжыти на великом княжени Литовском и Жомоитском, и Новгородском и Руском. И вродил Швинторог сына Скирымонта. И оберет собѣ великий князь Швинторог мѣстцо на пущы велми хорошо, подле реки Вельи, гдѣ река Вилня упадывает у Велю. И просил сына своего Скирымонта, абы на том местцу было жъглищо вчынено, гдѣ бы его мертвого сожгли. И прыказал сыну своему, жебы по смерти его на том мѣстцу, гдѣ бы его зъжог, всих князей литовских и знаменитых бояр сожъжено было, и штобы вже нигдѣ инъде тѣла мертвых не были зъжены толко там, бо и перед тым жыгали тѣла мертвых на том мѣстцу, хто гдѣ умреть. И прыказавшы тые слова сыну своему Скирымонту, князь великий Швинъторог и вмер.

---

[1] толькі.

О великом князе Скирымонте

Великий князь Скирымонт зостал по отцы своем на великом князстве Литовском, Жомоитском и Руском и, подлуг прыказаня отца своего, на том мѣстцы на усти реки Вилни, гдѣ у Велью упадываеть, вчынил жъглищо. И там тѣло отца своего зъжог и коня его, на котором еждчывал, и шату его, которую ношывал, и милосника его, на которого он был ласкав, и сокола и хорта его зъжог. И от тых часов князи великие литовские тѣла их на том мѣстцу жыгали. И для того тое мѣстцо от тых часов прозвано Швинторога, на имя того великого князя.

И коли которого князя великого литовского, албо пана сожжено было тѣло, тогды пры них кладывали ногъти рыси, албо медвежи, для того, иж вѣру тую мели, якобы судный день мѣл быти. И так знаменали собѣ, иж бы бог мѣл прыити и седѣти на горѣ высокой и судити жывых и мертвых, на которую ж гору трудно будеть узыйти бэз тых ногътей рысих, албо медвежых. И для того тые ногти подле их кладывали, на которых мѣли на тую гору лѣзти и на суд до бога ити. А так ачколвек [1] поганы были, а въжды потом себе знаменали и в бога одного вѣрыли, иж судный день мѣл быти. И вѣрыли з мертвых въстаню и одного бога, которы мѣл судити жывых и мертвых.

О мужах латыголъских як прышли у Жомоить

Пануючы великому князю Скирымонту, и собралися мужы латыголове, которые седели над берегом морским, окияном, морем и прышли в землю Жомоитскую, и шкоды многие почынили, и кровопролитья в людех Жомоитских от них много стало. И князь Скирмонт собравшыся з силами своими и поидеть на них в землю их. И их самых выстинал, а иншых у полон вывел, и землю их пусту вчынил.

И в тот час, по выеханю князя великого Скирмонта з земли Латыгольское, прышли нѣмцы з за моря до тое ж земли Латыгольское и тую землю засели. И панове той Латыголе зостали и назвалися Ифлянты. И потом много лѣт пановал великий князь Скирмонт и зоставил двух сынов: Трабуса а Коликгина. И Трабус почнет кнежыти на земли Жомоитской, а Коликгин на земли Литовской и Руской. И кнежыл много лѣт и вмер. И почнеть по нем кнежыти сын его Роман. И по малом часе умре князь великий жомоитский Трабус, дядко князя Романов.

И по нем почнет кнежыти князь великий Роман на земли Жомоитъской и Литовской и Руской. И Роман мѣл пяти сынов: старший был Нарымонт, другий Довмонт, третий Гольша, четвертый Кгедрус, пятый Троииден.

---

[1] хоць, нягледзячы на тое што.

О пяти сынех Романовых

По смерти великого князя Романа почнет кнежыти его сын старшый Нарымонт. И вчынил город Кернов, и знесеть столец свой з Новагородка до Кернова, и почнеть кнежыти и назовется великий князь литовский и новгородский и жомоитский.

А брат его Довмонт седит на отчызне своей на Утене, и назовется князем Утенским. А третий брат его Кгедрус зарубил город и назовет его именем своим — Кгедроити и прозоветься князем Кгедроитьским. А четвертый брат его Гольша, передшы (так!) реку Велю, и нашол гору красную межы горами над рекою Вилнею у мили от устья реки Вельи, гдѣ упадывает в реку Велю против Раконтишок, и вчынил город и назоветь его именем своим Гольшане.

И не много бывшы там. И ездечы оттоль у ловы у пущу за десеть миль от того города своего и найдет гору красную, и ровъвинами великими объляглую, и обфитостями [1] наполъненую. И сподобалося ему там, и он там поселилъся и на той горе учынил город над рѣчкою Кораблем. И перенесеться оттоле и там почнеть кнежыти и назоветься князем Гольшанским.

А пятый брат Троииден мешкал пры брате своем великом князи Нарымонъте. И довѣдался князь великий Нарымонт, што ж князи Ятвезъские померли, а люди их мешкают без господара. И князь Нарымонт поидеть на них. И они не противечыся поддалися и поклонилися ему. А так он, оставшы им господарем и вземшы их, дал брату своему Троииденю за вдѣл. И князь великий Троииден наидеть гору красную над рекою Бебрею. И сподобалося ему там вельми и зарубил город и назоветь его Раигород, и прозоветься князем Ятвезским и Доиновъским.

И будучы ему там на кнежени великие валъки чынил з Ляхи, и з Русью и з Мазовшаны, и завжды зыскивал [2] и над землями их силные окрутенства [3] чынил, што нижей описуеть у руской кроиницэ [4], иж горъшый был тым землям и окрутнейшый на них, нижли Антиох Сирский и Ирод Иерусалимский и Нерон Рымский, што так был окрутный и валечный [5].

Князь же великий Нарымонт поиметь жону у ифлянтского реченого Флядры дочку его, и брат его Довъмонт у того ж Флядры другую дочку его. И, не малый час жывучы, рознеможется жона князя Домонътова Утенского и вмерла. И князь великий Нарымонт, слышавшы смерть невѣстки своее, жаловал вельми и, будучы сам немоцон, и послал жону свою до брата своего Довмонъта, жалуючы жалости его. И коли прыехала жона Нарымонтова до Утены, жалуючы девера [6] своего князя Довъмонта, и князь Довмонт, видевшы невѣстку свою, возрадовался вельми а рекл так: «Мнѣ было

---

[1] багаццямі. [2] перамагаў. [3] лютасць, жорсткасць. [4] хронiцы, летапiсу. [5] храбры, мужны, адважны. [6] брат мужа.

жоны искати, а се мнѣ бог жону дал». И понял ее за себе. И в том стала великая брань и ростыржъка межы братею: великим князем Нарымонтом и князем Довъмонтом.

И князь великий Нарымонт, видечы жалост свою великую, иж брат его жону его за себе гвалтом взял, и обослал братю свою: князя Ќгедроитя, и князя Гольшу, и князя Троииденя, и тестя своего Флядра Ифлянтского. И собравшыся з братею и со всими людми своими, и потягнул на брата своего князя Довмонъта, и обогнал его у городе его Утене. И порозумел князь Довмонт, што ся не мог ему оборонити, и просил горожан своих, абы ему не подали города, поколь бы он прошол войско Нарымунтово. И сам спустилъся з города. И прошодшы войско Нарымунтово, и побежыт. И прыидет к городу Пъскову. Ино мужы пъсковские, видечы его мужа добра, и честна и розумна, и взяли его собѣ господарэм и назвали его великим князем Пъсковским.

А Нарымунт, узявшы город Утену и жону свою, и княжыл на Ќернове и на Новегородцы и на Жомоити. А Довъмонт на Пъскове. И обадва не малый час кнежыли.

Троиидень пак поиметь жону у княжати Мазовэцкого, дочку его. И мѣл з нею сына реченаго Рымонта. И коли сын его Рымонт доростал лѣт своих, и отец его Троиидень дал его для науки языка руского до Льва Мъстиславича, который заложыл город во имя свое — Львов. И мешкаючы Рымонту у князя Льва, и навчылся языка руского. И сподобалося ему вѣра хрестиянская и окрестилъся. И врозумѣл, иж тот свѣт ничого не есть. И опустившы свѣт, и пострыгъся в чернъцы, и названо имя ему Василий, а прозвищом Лаврыш. И будучы ему в чернъцох, прышол до дядка своего Нарымонса и просил его, абы ему дал в Новогородском повѣте мѣстцо на пущы подле реки Немна, гдѣ бы собѣ манастыр збудовати мѣл. И он ему допустил. И он собѣ там манастыр збудовал. И поставил напервей церъков святого Воскресенья. И оттоле прозвано Лаврышов манастыр. И будучы ему у манастыры, дядко его умреть. И панове литовские и жомоитские взяли собѣ великим князем Троиденя. И пануючы великому князю Троиденю, и князь великий Довмонт, пришодъшы зо Пъскова, возметь город Полътэск и почнеть княжыти на Пъскове и на Полоцку. И жаль ему было того велми, иж брат меншый осѣл панство у Литве. И почал о том мыслити, як бы его мѣл о смерть прыправити. А в тых часех пануючы Троиденю, умерли ему обадва браты: князь Гольша а князь Ќгедрус. А з оное вышейписаное вазни [1] князь великий Довмонт направил шесть мужыков на брата своего Троиденя забити, яко ж он шол безпечне собѣ з лазни в Новгородку. И тые мужыки его зрадне забили. И сам Довмонт, собравшыся з людми своими пъсковскими и полоцкими, и потягнул до Литвы, хотечы быти князем литовским и жомоитским.

И реченый чернец Лаврыш, по литовскии зовемый Лаврымонт,

---

[1] сваркі, разладу, варожасці.

а по рускии Василей, и жалуючы смерти великого князя Троиденя, отца своего, и оставившы чын чернеческий, и прышол до панов. И собравшыся со всякими силами своими литовскими, и потягнул противко Довмонта, хотечы помстити кров отца своего. И направившыся с полъки своими, и потъкалися з Довмонтом над озером. И коли зышлися полки с обу сторон, и был межы ними бой и сѣча великая, с поранку оли ж до вечера. И поможет бог Лаврышу, и все войско дядка своего Довмонта на голову поразил и самого его убил, и город Полтэск взял. И вернувшыся назад к стольцу отца своего до Кернова. И рек паном: «Коли мнѣ бог дал помстити кров отца своего, я свѣта того отрекаюся. Взял есми на себе чорную рызу, а господарства я не хочу. Возмите собѣ господарем, кого воля ваша будеть. А вед же я ражу вам ачъколвек ест братя моя Гольшын сын Олькгимонт, а Кгедрусов сын Кгинвил, ино еще они малы суть, не годяться на панство, бо дядко мой Нарымонт, коли сѣл на великом князстве Литовском, гэрб свой Китаврус зоставил брати своей, а собѣ вдѣлал герб чоловека на кони з мечом. А то знаменуючы через тот герб пана дорослого лѣт, хто бы мог боронити мечом отчызны своее. А про то оберыте собѣ господара доброго, хто бы мѣл боронити того панства великого князства Литовского. И так ми ся видить, иж бы и к тому был годный Витеня, который был маршалъком у в отца моего».

И панове не хотели переступити рады а воли господара своего, прырожоного сына великого князя Троиденева. Вчынили так, видечы мужа мудрого а годного Витеня, который был з рожаю а с поколенья с Колюмнов, з ымѣня деръжачого в Жомоити, реченого Аиракгола. Взяли его собе великим князем литовским и жомоитским, бо князь великий Троидень, будучы в Жомоити, ехал через имѣнье его Аиракголу и узрел оного Витеню еще малым младенцом, и вбачыл оное дитя обличем велми хорошо и възросту цудного, играючы з дѣтми малыми, и взял его к собѣ. И был у него коморником. И будучы в него в коморе, кождую реч цудне а радне панскую ховал и справовал. А так он, бачечы цноту его и доброе заховане, вчынил его в себе маршалъком. И был в него милосником и всяким справцою. А за тым, по смерти его, взяли его на великое князство Литовъское. Тут ся доконал род с Китаврусов, а начало великое княжэнье Витенево, род великих князей литовских с поколеня а з роду с Колюмнов.

О великом князи Витене

Будучы великому князю Витеню на великом князстве Литовском, Жомоитском и Руском, и пановал много лѣт оли ж до старости своее во в покою. И родился ему сын Кгидимин. А потом умер князь великий Витеня. А после его сѣл на великом княжени Литовском, Жомоитском и Руском вышереченый сын его Кгидимин.

О ПОБОИЩИ МАМАЯ, ЦАРЯ ТАТАРСКОГО, ОТ КНЯЗЯ ВЛАДИМЕРСКОГО И МОСКОВСКОГО ДИМИТРИЯ

Славутая перамога над татарамі 8 верасня 1380 г. на Куліковым полі, якая мела вялікае гістарычнае значэнне для Русі, вельмі хутка знайшла сваё адлюстраванне ў тагачаснай літаратуры. Па свежых слядах гістарычных падзей быў напісан цэлы рад твораў з праслаўленнем вялікага князя маскоўскага Дзмітрыя Іванавіча, які сваёй перамогай над Мамаем палажыў пачатак вызвалення рускіх земляў ад амаль 150-гадовага татарскага панавання. Самымі старэйшымі літаратурнымі запісамі аб гэтых падзеях з'яўляюцца шматлікія летапісныя апавяданні і аповесці. Прыкладам іх у нашай літаратуры можа служыць аповесць «Нашэсце Мамая» з так званага «Летапісу Аўраамкі». Пазней, з цягам часу, на базе летапіснага матэрыялу, фактычных звестак і вусных паданняў аб Кулікоўскай бітве ўзнікалі і распаўсюджваліся на працягу трох стагоддзяў у розных рэдакцыях і спісках новыя больш пашыраныя літаратурныя апрацоўкі аповесці. Адной з такіх тыповых літаратурных апрацовак пазнейшага часу з'яўляецца беларускі тэкст воінскай аповесці «Аб пабоішчы Мамая».

У параўнанні з рускімі аповесцямі на гэту тэму беларускі тэкст «Аб пабоішчы Мамая» выдзяляецца сваёй сціслацю, яснасцю і паслядоўнасцю. Тут спачатку пададзены кароткія звесткі аб татарскіх ханах, якія перапісчык, напэўна, запазычыў з польскіх хронік, бо ні ў адным з рускіх тэкстаў гэтага раздзела аповесці няма, а потым размова ідзе аб здрадзе агульнарускім інтарэсам князя Алега Разанскага, які сумесна з вялікім князем літоўскім стаў саюзнікам Мамая ў барацьбе супроць вялікага князя маскоўскага Дзмітрыя Іванавіча, празванага пазней Данскім. Пасля гэтага аўтар расказвае падрабязна аб тых дыпламатычных захадах князя Дзмітрыя Іванавіча, якімі ён імкнуўся стрымаць Мамая ад нашэсця на зямлю Рускую, аб яго падрыхтоўцы да бою, аб яго саюзніках, аб настроі рускіх перад боем, аб новай тактыцы вядзення бою і выніках перамогі. Тэкст аповесці падзелен на 12 раздзелаў, да кожнага з якіх пададзен сціслы, але выразны, адпаведны зместу загаловак. У мэтах найбольшай драматызацыі падзей і лепшай акцэнтацыі адзінства рускага і беларускага народаў аўтар паграшыў гістарычнай праўдай: замест літоўскага саюзніка Мамая вялікага князя Ягайлы ён падставіў яго бацьку Альгерда (1345—1377). Пры такой замене літоўскія князі Андрэй Полацкі і Дзмітрый Бранскі Альгердавічы, выступаючы сумесна з маскоўскім князем на Мамая, у імя справядлівасці паўстаюць не супроць брата, як гэта было на

самай справе, а супроць бацькі. Праўда, сваё палітычнае адзінства з маскоўскім князем яны тлумачаць толькі адзінствам праваслаўнага веравызнання.

Калі ўзнікла беларуская рэдакцыя гэтай цудоўнай патрыятычнай аповесці, дакладна вызначыць немагчыма. Да нас дайшоў толькі адзін яе спісак канца XVII ст. Па гэтаму рукапісу, які зараз захоўваецца ў рукапісным аддзеле Ленінградскай публічнай бібліятэкі імя Салтыкова-Шчадрына, і пададзен ніжэй поўны тэкст аповесці (гл. Погодин 1569, лл. 33—70 об.).

ГЛАВА 1

Повѣсть о царех татарских, як довго над Русью пановали по пришествии Мамаевом в рускую землю на великого князя Димитрия

Батиий, царь татарский, яко повоевал всю землю рускую, польскую, венгерскую, пришовши в шести соть тысячах татар року 6745, которую орду татарскую Золотою званно. От того часу през лѣт полтараста князи руские татаром голдовали [1], и цари татарскии, един по другом наступуючи, своих баскасковь, албо атамановь, то есть старост, над Русью постановляли, которыи, седячи в Руси, дань от Руси выбирали, судии судили и як хотѣли росказовали. От царей теж татарских и князи рускии стоновляны бывали, ажь року 6889 князи рускии, особливе Семион Иванович, князь Тверский, и Димитрей Ивановичь Семечин, великий князь Владимерский и Московский, своим мужеством и храбростовм татаров до конца побивши досконале зкинули з шии своей ярмо татарское и в першую пришли волность руского панованья.

Таким способом року 6865 Занабек, царь великий татарский, сын Азбековь, внук Батѣевь в Заволской, в Перекопской и Крымской ордѣ царьствовал, братовь своихь для лакомства пünованя позабивал и в руских панствах зневолных мочь свою широко розширал. Той заставил на царствѣ сына Бердебека, который также дватцать родных своих братовь позабивал, абы ему в панствѣ не перешкожали, але и сам ледве двѣ лѣти на царствѣ бывши, умерл. Сына тежь его Аскулпа, един мѣсяць царствовавшого, Нар, другий царик, забил. Нара зась в рок потым Хидир забил. Року 6868. Хидира, сын его власный, замордовал [2]. Але и той на царствѣ татарском, зле набытом, ледве седмь дний выбывши, от царя Темника Мамая был выгнанный и забитый року 6869.

Той безбожный царь Мамай, роспытавши у своих совѣтников о Батѣи, як землю рускую повоевал, князей позабивал, горады попустошил и под свою владзу подбил, сам той Мамай еще барзѣй научень от диявола, умыслил поити на рускую землю, мовячи: ижь я всю землю рускую борзѣй, нижь Батий, стустошу, толко якии лѣпшии и милшии городы себѣ оставлю, в которых буду зь своими татарами жити; не знаючи, злочестивый, же то все рука божия

[1] былі ў залежнасці. [2] забіў, закатаваў.

справуеть. О том зь своими нарядившися, собрал барзо великое войско татар, обѣцуючи им великии богатства рускии, перевезса через реку Волгу, не кажутчи своим и хлѣба пахати, але на руский хлѣб до сытости всѣм надѣятися. Дошол устия реки Воронежи, распустил свою облаву.

ГЛАВА 2

О змовѣ злой князя резанского Олега зь князем литовским Олгердом на князя московского Дмитрия и о поселствах их до царя татарского Мамая

Послышавши Олегь, князь резанский, ижь Мамай идеть на великого князя Дмитрия Ивановича московского Русь воевати и ночует на Воронежи, мало ума мѣючи, послал своего посла з великими подарками до Мамая, написавши такую грамоту: «Восточному царю волному Мамаю. Твой посадник Олегь резанский много тя молить. Слышах, господине, што хочешь ити на Русь, на своего служебника князя Дмитрия Ивановича московского, огрозитися ему хощеши. Нынѣ, всесвѣтлый царю, приспѣ время тебѣ: злата и богатства много наполнися земля Московская, а князь Дмитрий Ивановичь — великий християнин, егда услышить имя твое и гнѣвь твой, то отбежит в далняя стороны, албо в Новгород великий, албо на Двину. Золото московское многое и богатство все будеть вь твоихь рукахь, твоему войску на потребу. Мене зась, раба твоего, Олга Резанского, держава твоя нехай пощадит: я велми устрашу Русь и князя Дмитрия. И еще, царю, молю тя: обадва есмо твои слуги. И я великую обиду маю от того ж великого князя Дмитрия. И гды ему за свою обиду твоим царским именемь погрозилем, он того не дбает, и город Коломну за себе заграбил. Потом, царю, молю тя: дай мнѣ управу».

З тым писанем, выправивши Олегь своего посла к Мамаю, послал другого посла кь Олгерду, князю литовскому, з писмом таким: «Олегь, князь резанский, великому князю литовскому Олгерду радоватися. Вѣдаю, ижь давно мыслилесь князя московского Дмитрия зогнати, а самь землею московскою владѣти. Нынѣ приспѣль твой час великий бовѣм [1] царь Мамай идеть на него. Тепер пристанмо до царя Мамая, вѣдаю, же тобѣ даст царь Москву зь иншими городами, а мнѣ дасть Коломну, Володимер и Муромль, которыи городы суть моеѣ власти. Уже я послал своего посла кь царю Мамаю зь честью и дарами. Пошли и ты от себе своего кацѣя [2], написавши грамоту, якь сам знаешь».

Князь Олгердь, урадовавшися с того, подяковал князю резанскому. Сам з великими безчисленными дарами послал к Мамаю з таким писанем: «Великий князь Олгердь литовский царю Мамаю великому. Под твою милость прибегаем, присяжникь твой и много

---

[1] бо, таму што. [2] ганца, пасланца.

тя молить. Слышах, господине, што хочешь казнити своего служебника, московского князя Дмитрия. Того ради молю, царю, великую бовѣм пакость чинить твоему улуснику[1] князю резанскому Олгу, да и мнѣ покости дѣеть. Просим абадва, да придеть держава царьствия твоего на отоки[2] сия, и да приидет твое розсмотрение нашея грубости от московского князя Дмитрия».

З тым пославши, мыслили князи резанский и литовский, ижь князь Дмитрий утечеть, а мы с покоемь будем на его княжении сидѣти, и дарами утолимь Мамая, иж пойдем з руской земли спокойне. И дасть нам ярлык, албо привилей свой на княжение. Тыи сами не знали, што чинили, не помятаючи, же все есть в руках божиих, и кто под ким яму капаеть, той и сам в тую впадеть.

Князь зась Дмитрий ничего о той змовѣ на него князей не вѣдал. Царь Мамай принял пословь вдячне и дары. Прочитавши их писма и зразумѣвши рѣчь, частовал послов и отпустил. И кь князю резанскому и кь князю литовскому так отписал: «Дякую вам за дары, и што писалисте ко мнѣ о отчизнѣ руской, подарую вам, толко мнѣ присягните и з войсками своими мене споткайте, где можете. Я вашего на помочь войска не потребую, маю так войска много, которым Иерусалим давный и хотяй яко царство взялбым, толко вы зь своим войском огрозитеся князю Дмитрею при моей оборонѣ. Мнѣ, царю, з подобным царемь битися, а не з Дмитрием моим голдовником[3]. Досыть мнѣ, же мя, як царя, почтите. Ознаймѣте иншим своим князем: иду к ним с покоем.

ГЛАВА 3

Князь Дмитрий Иванович московский молится и раду чинить на Мамая з митрополитом и зь своими князи, о змовѣ тежь князей Олга и Олгерда и Мамаевом замыслѣ довѣдавшися, збирает своих князей, гетманов и войска

Взявши вѣдомость князь великий московский Дмитрий, ижь Мамай идет на него, ревнуючи Батию, зь гнѣвом барзо зафрасовалси. И ставши перед образом хрестным, над головою его стоянним, упал на колѣна и з плачем молился, жебы[4] господь богь грехи его простил и избавил землю рускую от безбожного Мамая. Помолившися, послал рихло[5] по брата своего Владимера Андрѣевича до Боровицы и по всѣхь князей и воевод своих. И гды приѣхал брат Владимерь и всѣ князи и воеводы к Москвѣ, взявши князь Дмитрий брата своего Владимера, пошол к преосвещенному митрополиту Киприяну, ознаймил ему о том, ижь безбожный Мамай идеть на нас.

Запытал его митрополить: «Чим, господине, его гнѣвь на себе подвигнулес, чого не далесь?»

---

[1] саюзніку. [2] граніцы. [3] залежным. [4] каб. [5] хутка.

Отповѣдил князь Дмитрий: «Все ведлугь[1] постановеня отцов наших и болше далем ему».

Рекль митрополит: «Жебы той безбожный не спустошил нашей земли, пошли ему дары и дарами его гнѣвь укроти. А если не схочеть, сам его богь укротит. Якь святый Василий великий учинил. Июлиану послал дары, а гды не принял, сам господь богь през мученика Меркулия его убил».

Теды князь Дмитрий, послухавши митрополита, выборного своего и разумного Захарию Тушишина послал зь многим золотом и срѣбром к Мамаю, придавши к нему двохь толмачовь[2].

Посланный Захария, гды пришол в Резань и довѣдался, ижь Олегь резанский и Олгердь литовский, змовившися на князя Дмитрия, поддалися Мамаю, послал зараз таемне кь своему князю Дмитрию, тое ознаймуючи. Што услышавши, князь Дмитрий розгнѣвался и зафрасованный[3], молился господу богу и просил, жебы его невинности сам он вышний помъстился. Помолившися, знову з братом своим пошол к митрополиту, ознаймил ему о змовѣ на его князя Олга резанского зь Олгердом литовским и, плачючи, рекл: «Согрешилем пред богом, але им ничого не есть винен: не беру ничего ничьего, своим естем доволен княжением».

Отповѣдил ему митрополит: «Даремная и несправедливая, ижь есть на тебе змова. Не фрасуйся. На бога в своей невинности надѣйся».

Теды князь Дмитрий, возвергьши на бога печаль свою, порадился зь своими князями и воеводами и послал на сторожу от Мамая крѣпких своих оружников: Радиона Ржевского, Иякова Андрѣева Волосатого, Василья Тупина и многих з ними рыцеровь. И казал им усердно стеречи и, под Орду подъежжаючи, языка добывати и правды Мамаевой мысли довѣдаватися. А сам князь Дмитрий Иванович по всей руской земли послал гонцовь зь своими грамотами, жебы всѣ готовы пришли до Коломны на Успение пресвятой богородицы на войну з Мамаем и з татарами. А поневаж[4] сторожи князя Дмитрия забавилися, послал еще на провѣдки Климента Полянина и Ивана Свесланика, казавши им скоро ворочатися. Тыи стрѣтили Василья Тупина, ведучого языка, который язык сказал князю Дмитрею, ижь Мамай, конечне, идеть на Дмитрия и на Русь, и якь з Мамаем зьедночился Олег, князь резанский, змовившися зь Олгердом литовским, и не спешить — ждеть осени.

Услышавши князь Дмитрий тую певную вѣсть, почал тѣшитися богом и рекль до брата своего и до всѣх князей и воевод, укрепляючи ихь: «Гнѣздо естесь мы великого князя Владимера киевского, который нась вывел зь тьмы безбожности и просветил правдивою вь истенного бога вѣрою. Ревнуймо ж ему! Биймося до смерти за вѣру святую правдивую з погаными татарами! Господь нам по-

---

[1] згодна, паводле. [2] перакладчыкаў. [3] сумны. [4] таму што, з той прычыны.

мощник. Не убоимься, что сотворить нам человекь! Хотяй кто нась за вѣру умреть зь святыми мучениками в небѣ венець прийметь».

Отповѣдил князь Владимер Андрѣевичь: «Брат стрѣнний и всѣ князи! Правдиве так есть, ижь за вѣру умираючии правдивую от бога заплату приимуть вѣчную. Готовы естесьмо всѣ на войну з татарами и головы свои за вѣру святую положити».

Тое услышавши, князь Дмитрий Иванович, ижь всѣ смѣло готовы на войну, барзо[1] утѣшился. И ведлугь его росказанья всѣ воиновь множество поспешили и пришли ко князю Дмитрею на Успение пресвятые богородицы, мовячи: «Дай нам, господи, течение совершити за твое святое имя!» Приѣхали теж тут же князи Белоозерскии с присторожными барзо великими войсками: князь Федор Семенович, князь Семен Михайлович, князь Андрѣй Скимъский, князь Глѣб Коргополский и Цынодовскии, также и Ярославскии пришли князи зь своими силами, князь Андрѣй Ярославский, князь Роман Проюрожский и князь Левь Курбьский, князь Дмитрей Ростовский и иншии князи. И собралися великия войска вь славном градѣ Москвѣ.

ГЛАВА 4

Князь Дмитрий приимаеть благословение от святого Сергия в манастырѣ живоначалныя троицы и пророчество о звитязствѣ[2] над татарами

Князь великий Дмитрей Иванович, взявши брата своего Владимера Андрѣевича и всѣхь преславныхь князей руских, пошол з ними к манастырю живоначалной троицы, кь преподобному отцу Сергию, и благословение взял от святые обители.

Просил князя преподобный Сергий, жебы послухал святой литоргии[3], был бовѣм день недѣлный августа 18 дня. По отпустѣ литоргии просил отець Сергий князя Дмитрея, жебы обѣдал у нихь. Князь отмовлялся, бо пришла вѣдомость, ижь поганыи уже зближаются. Отповѣдал ему старець: «Обѣд тобѣ на поспѣхь будеть. Еще тобѣ не готовь венець, а иншим многим венцы мученическии готуются». Послухавши, князь Дмитрей вкусил хлѣба, а святый Сергий тым часом казал воду святити з мощей святых мученик Фрола и Лавра, того дня святых мученик память была. И вьставши скоро от трапезы, преподобный Сергий покропил князя и все его воинство и дал великому князю кресть Христов — знамение на челѣ и рекл: «Господь да поможеть тобѣ на враги». И мовил ему тайно: «Маешь звитяжити врагов твоихь, сколко довлѣет твоему господьству».

Князь, подяковавши за благословение преподобному, рекл: «Дай мнѣ, отче, двох воиновь от твоего иноческого полку Пресвѣта и брата твоего Ослабля, то ты и сам поможешь нам». Сергий

---

[1] вельмі. [2] аб перамозе. [3] царкоўнае богаслужэнне.

преподобный зараз казал тым рицером свѣдомым наготоватися, и казал им вмѣсто прилбицы [1] схиму [2] зь крестами на головѣ носити, и отпустил ихь зь князем, мовячи: «Страждѣте, добрыи воины Христови». Подал тежь великому князю и всѣм з нимь мир и благословение.

Князь великий Дмитрий веселый пришол к Москве, сказал тое все преосвещенному митрополиту; и заказал ему митрополит, жебы того никому не сказал, што ему тайно рекл преподобный Сергий. А князь никому не сказал.

ГЛАВА 5

О выправѣ и выходѣ з Москвы князя Дмитрия на войну против царя татарского Мамая

Гды пришол августа вь дватцать седмый день на память преподобного Пимина, хотѣл великий князь Дмитрий пойти на безбожного Мамая. Пошол перше в церковь соборную пресвятой богородицы и, ставши пред образом Христовым, пригнувши руки до персей, молился, просячи Христа спаса, абы его грехов не помянул, судил обидящих и возбранил борющих его и дал побѣду на варваров, востающих на християн. Потом стал пред образом пресвятой богородицы, написанным от святого Луки, и молился, просячи, абы пресвятая богородица, яко заступница християном непостыдная, умолила сына своего и бога, жебы не дал осквернити храмовь своих святых и не погубил християн, але дал звитяжство християном над погаными. Оттоль пошол кь гробу святого чюдотворца Петра, митрополита Киевского. Просил и его, абы архиерея Христа спаса умолил, жебы его овца невредныи сохранил и отгнал и погубил волковь, безбожных варваров, хотячихь овца его поглотити.

Так скончавши молитвы, великий князь поклонился митрополиту. Митрополит зась [3] благословил князя, дал ему знакь побѣды — кресть святый, и отпустил. И послал митрополить священный соборь с крилошанами в Фроловскии ворота, в Костянтиновскии и в Николскии з крестами святыми и зь образами чюдотворными, абы всѣхь воиновь благословили на войну. Князь зась великий Димитрий пошол еще в церковь святого архистратига Михаила, где князи лежать. Там помолившися пред образом святого архистратига Михаила, воином скорого помощника, пришол кь гробом князей и рекл: «Прородители наши, истенныи вѣры святые православные поборницы, если маете дерзновение у бога, помолитеся за нас, потомков ваших, абы нам дал бог над погаными звитязство!»

По молитвѣ вышли з церкви. Княгиня Дмитриева Еудокия и княгиня Володимерова и иных княгинь много со слезами провожали своихь князей. Князь зась Димитрий тамо удержався от слезь, рекл своей княгини: «Жено, не плачь. Если богь за нами, кто на нас».

---

[1] замест шлема. [2] манашская шапка. [3] той час.

И так пожегнавши [1], всѣл на коня своего выборного, з ним и всѣ князи полетѣли з Москвы, якь бѣлыи соколы, нарядное войско. Князи теж Бѣлоозерскии особно зь своими полками стройно ѣхали. Князь великий Дмитрей отпустил брата своего Владимера на Брашево дорогою, бо не вместилося войско все едною дорогою, а сам пошол на Котел. Княгиня зась его зь снохою своею и зь иншими княгинями смотрѣли на поѣзд ихь, взышовши на свой высокий золотоверхий терем, и молилися, просячи своему князю от бога помочи на поганыхь татарь, жебы двох сыновь великого князя Дмитрия — Василия и Юрия не пустил вь сиротство.

Князь великий Димитрий взял зь собою десять мужей Сорожан, жебы обачили што будеть дѣятися и повѣдали потом в далних землях. И пошол великий князь Димитрий, за ним всѣ князи русскии з великим войском, аж стук стучить, гром гремить по ранней зорѣ от ихь поѣзду, якь вина пити весело спешатся. Князь Владимер Андрѣевичь Москву реку перевезся на красном перевозѣ в Боровицѣ. Князь великий Димитрий пришол вь суботу на Коломну, на память святого Моисея Мурина, августа. Тут же стрѣтили его многии воеводы з войсками на рецѣ Северской. Архиепископь з духовными и зь крестами стрѣтил в баштѣ [2] городовой и благословил великого князя и всѣхь з ним. Назавьтрее в недѣлю велѣл князь великий всѣм воеводам з войсками выѣхати и поле кь Девичю. И стало так великое войско на полях коломенскихь, аж очима зьглянути всего войска не можно было. И поставил великий князь над полками воевод. Себѣ в полкь принял князей Белоозерских. Правую руку себѣ учинил брата своего, князя Владимера Андрѣевича, дал ему Ярославских князей; а лѣвую руку себѣ учинил князя Глѣба Бранского. Передовым зась полк — Дмитрии Всеволож. Коломенского полку — Микула Василевич. Володимерский воевода — Юрьевский Тимофѣй Волуевичь. Костромский воевода — Иван Родионович Кувашия. Переяславский воевода — Андрѣевичь Серкизович. А у князя Владимера воеводы: Данило Велевут, Кононовичь Костянтинь, князь Федорь Елецкий, князь Юрьи Мещерский, князь Андрѣй Муромский.

ГЛАВА 6

О посланью сторожов от князя Димитрия, о фрасунку Олга Резанского, и Олгерда Литовского для походу на войну князя Димитрия и о пристью Олгердовичов князей на помочь князю Димитрию

Такь великий князь, спорядивши войско, казал перевозитися Оку реку и приказал всѣм крѣпко, жебы, идучи через землю Резанскую, ничого на волос не рушили. И сам, взявши благословение от архиепископа Коломенского, перевезся реку Оку. Оттоль пустил на трое сторожовь, жебы обачилися з татарскими

[1] развітаўшыся. [2] у вежы.

сторожами: Семена Мелика, Игнатия Крѣня, Фому Тину, Петра Юрьского, Карпа Алексина, Петра Чирикова и иных многих вѣдомцовь [1]. За ними и сам князь великий Дмитрий зь братом своим поспешал.

Послышавши Олегь, князь резанский, ижь великий князь Дмитрий московский з великими войсками идет против Мамая, почал боятися, из мѣстца на мѣсце переходити. Мыслиль послати до князя литовского Олгерда, лечь не могь, ижь дорога вся заступлена. Дивился отколь князю Дмитрею помочь и смѣлость повстати на Мамая и на нас двох князей. Сказали ему бояре его, ижь осмь дней уже, як мы слышали, же кулугер [2] именемь Сергий, вь отчинѣ его будучи прозорливый, вооружил его и дал ему на помочь двох калугеров своих. Рекл им Олегь: «Чему мнѣ давно не сказалисте? Пошол бымь к Мамаю, злочестивому царю, пупросил бым, жебы ничого не чинил злого. Бѣда мнѣ! Згубилем разум свой. И Олгердь, мудрѣйший от мене, не зрозумѣл пришлих [3] речей. Богь на нась обоихь поищеть нашей глупости. Великому князю боюся предатися, а до Мамая приставши, буду гонитель на вѣру православную и на братию, якь Светополка земля пожрет живаго. Молитва прозорливого Сергия князю Димитрию поможет. Так учиню: кому богь поможет, тому присягну».

Олгердь зась, зобрав литвы много, варягь и жмоди и пошол на помочь Мамаю. Пришовши Олгердь кь Одуеву, послышал, же великий князь Димитрий з великими войсками пошол на Мамая и тое, ижь Олегь, князь резанский, убоялся великого князя, стал, задержался у Одуева и рекл: «Ошукалемся, чюжого разуму слухаючи. Николи Литва не была учена князями резанскими. Тепер князь резанский Олегь и мене звюв з разуму и сам згинул. Тут тепер перебудмо, поколь почуемь звитязства князя московского».

В той же часъ сыны Олгердовы: Андрѣй, князь Полоцкий, и Димитрей, князь Бранский, будучи окрещены в православную вѣру през свою мачеху, княгиню Анну, за што отець ихь Олгердь поганин ненавидил, але богь любил, послышали, ижь великий фрасунок великому князю московскому и всему православному християнству от безбожного Мамая належить, и они фрасовалися. И послал князь Андрѣй кь брату своему меншему родному Дмитрию буквицу [4] малую, на которой тое было написано: «Вѣдаешь, брате, же нась откинул от себе отець нашь Олгердь для того, же принялисмо вѣру православную, але богъ нась приняль. Не жалуймо ж и до смерти подвизатися за вѣру святую. Пойдѣмо на помочь князю московскому Дмитрею и всему християнству против поганого царя Мамая».

Тое писмо прочитавши от брата своего, князь Дмитрий урадовался и з слезами рекл: «Дай нам, господи, доброе тебѣ угодное хотѣние совершити». Потом казал послу: «Мовте брату, ижь естемь готов з тобою ити з войском зколко маю». — Бо у них войска готовы были для дунайских татарь. — «Треба, — мовить, — нам ити на

---

[1] разведчыкаў. [2] манах. [3] будучых. [4] запіску, пасланне, грамату.

Сиверь кь Дону, где князь Дмитрий». И так утаѣмося тоею дорогою от отца».

Рыхло[1] теды обадва князи Олгердовичи, браты, пришли к Сѣверу и, знявшися, радосно привиталися, як Иосифь с Вениамином[2]. Оттоль з войском стройным зараз на Дон пришли, з которого ихь приходу великий князь Дмитрей Московский и зь братом своим, барзо радуючися, похвалил господа бога и, принявши ихь вдячне и чесно, великими ударовал дарами. И рекл имь: «Не для мене сте пришли ко мнѣ, але господь богь, любячи, послал вас к намь на помочь хрестиянству против поган, як Авраам Лоту[3], так вы нам. А через вась богь поможеть».

Зараз з тоею вестью послал великий князь к Москвѣ, к митрополиту, ознаймуючи, ижь Ольгердовичѣ, оставивши отца своего, пришли ему на помоч. З чого радуючися, митрополит зь слезами хвалил господа бога и приказал день и ноч за великого князя по церквах молити бога, набарзѣй[4] в Сергиевом манастырѣ. А княгиня Дмитриева Еудокия давала всякую милостиню, завше[5] до церкви ходила.

ГЛАВА 7

О взятю языка Мамаевого от сторожей князя Дмитрия, о радѣ его зь князями и ошукованю зь обоих сторон войск и о укреплении войск от князя Дмитрия и о молитвѣ его

Затым великий князь пришол на мѣстъце, названное Березуй, за двѣ албо за три мили Дону, сентябрия пятого дня. Там прибѣгли два его сторожи — Петрь Готский и Карпь Алексин, и привели языка значного от сыновных царя Мамая. Той язык сказал, ижь царь на Кузминѣ есть, дожидается к себѣ князей: Олга Резанского и Алгерда Литовского, а твоего прихода и споткания не сподѣвается. Олгь писал к нему, иж за три дни матеть быти на Дону. Спытал его великий князь о силѣ Мамаевой. Отповѣдил язык, ижь никто его войска не переличить, барзо великое. Почал думати великий князь зь своим братом и зь князями литовскими: если перевозитись за Дон, чили тут стояти.

Отповѣдили Алгердовичи: «Сего дня кажѣмо войску перевозитися за Дон, то никто не погадает назад, а о великом войску поганском не фрасуймося. Богь не в силѣ человѣческой, але в правдѣ благоволить. Ярослав, перевезшися реку, звитяжил Святополка; и прадѣд твой Александерь Невский, перевезшися реку, короля немецкого звитяжил. Ты, бога призываючи на помоч, тое ж чини. Если и помрем, у бога заплату приимем, тым и войско свое подкрепляй. Не бойся. Витязей маешь много добрых».

Казал теды князь великий войском своим за Дон перевозитися. Тым часом почали вѣстники прибѣгати, ознаймуючи, ижь близко

---

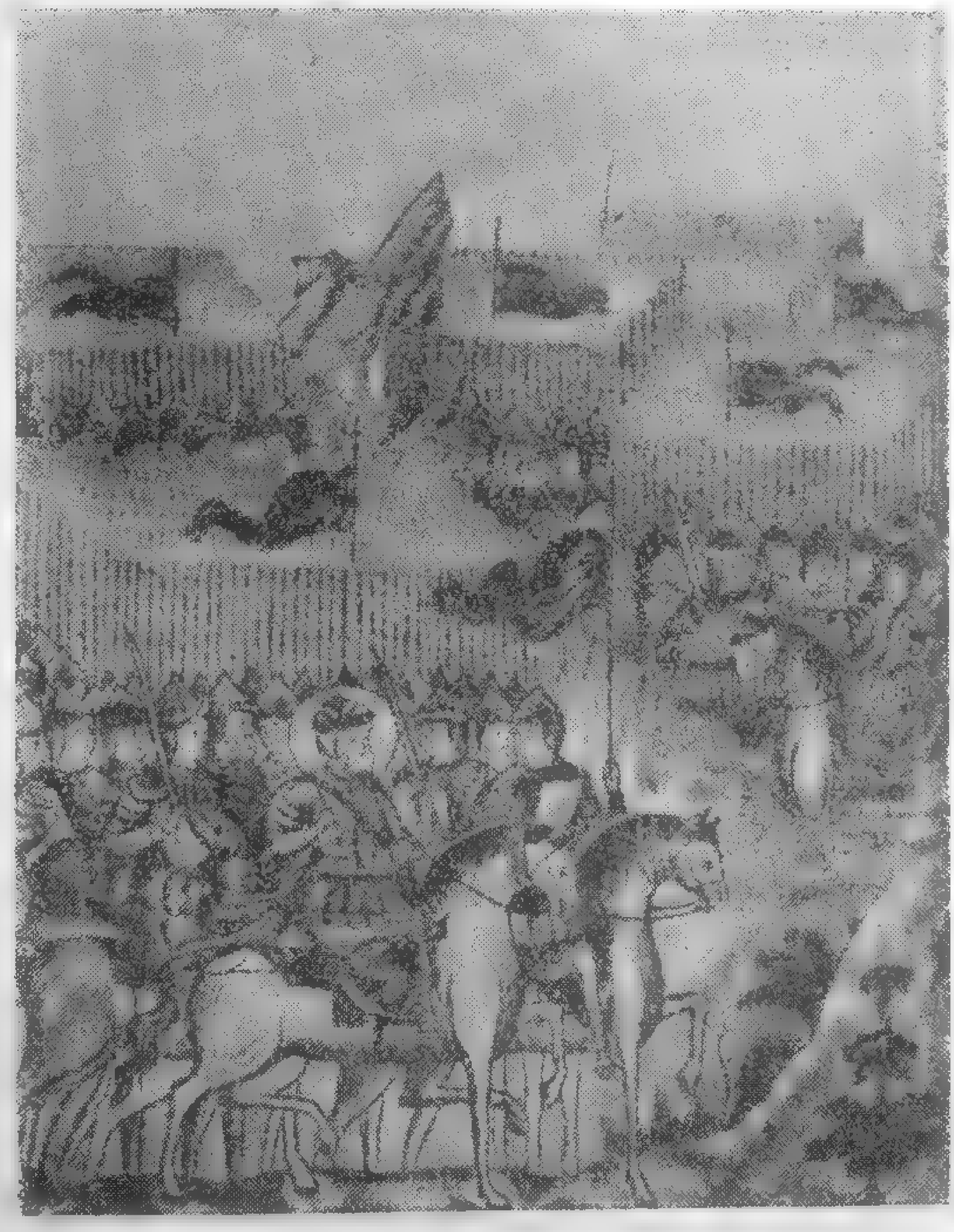
[1] хутка. [2] біблейскія персанажы. [3] таксама біблейскія персанажы. [4] асабліва. [5] заўсёды.

уже бѣгають татаре. Тут же почали збиратися волки стадами, выючи безпристанно, галки и орьлы от устья Дону, кричачи и ждучи битвы, лисицы, брешучи, и иншии звѣри, на кров чигаючи [1] и на трупы.

Старѣйшии воины руские радовалися, неприятелей близко чюючи, а молодшии и иншии унывали, видячи пред очима смерть, которых укрепляли старѣйшии за смерть дочасную, вѣчный живот прекладаючи и венцы небесныи, о которых Сергий преподобный предрекл.

Шестой годины на день пришол Семен Мелик зь своею дружиною, за которым гнали татарове ажь до полковь руских, которыи их отогнали.

Обачивши татарове множество полковь руских оповѣдили царю Мамаю, ижь князи руские ополчившися стоять при Дону. Царь з гнѣвомь крикнул: «Так, моя сила! Если сих не побию, якь маю вернутися вь свою землю!?» И казал всему войску своему справитися.



Дзмітрый Данскі перад войскам.

Меликь зась сказал великому князю, иж на Гусин бродь перешли уже за единоч, заутра придуть на Прадву. А ты, великий княже, сегодня справь войско, жебы не поспешили поганцы. Зараз теды великий князь Дмитрий Иванович з братом своим, князем Владимером Андрѣевичомь, и зь князями литовскими: Андрѣемь и Дмитриемь Олъгердовичами, почали справовати и шиковати [2] през годин шесть. Особливе з Литовскоѣ земли Дмитрий Боброк, родом з земли Волынской, барзо нарядне своих ушиковал и порядне. Князь великий зь братом своим и зь Алгердовичами и з иншими князями, взывшовши на высокое мѣсто, обачиль всѣ хоругвы войска християнского и все войско ихь рядне вь зъброях и в прилбицах, от золота свѣ-

---

[1] пільнуючы, чакаючы. [2] рыхтаваць, строіць войскі ў баявы парадак.

тящихся, и порядне уішикованое на войну охочих рицаров, и богу молячихся о побѣдѣ на враги, удивился и урадовался. Также и князи литовскии почудилися и рекли: «Подобно тое войско царя македонского войску. Так великое, якь пред нами не бывало!»

И зсѣдши, великий князь пал на колѣнах пред образом Христовым, написанном на хорогвѣ чарной болшого полку, и помолился, мовячи: «Владыко господи, призри на нас, рабовь твоих, кровию твоею искупленых! Обрати лице твое на нечестивых варварь и даж нам на них побѣду молитвами пресвятой богородицы и руского светителя Петра!»

По молитвѣ всѣл на коня и з князями ѣздити почал по полкахь, кождому сам мовячи: «Братия моя милая, сынове хрестиянстии! Приспѣл часъ вашего подвига. Мужайтеся! Станте крѣпко на неприятеля, который уже на рецѣ Непрадвѣ близко! Господь силен, во брани господь заступник нашь, богь Ияковль! Уповайте на бога. Мирь вам его з нами заутра!»

Обачюся тое мовивши, отпустил брата своего Владимера уверхь по Дону в дубраву, жебы его полкь утаился. Дал ему годных рыцеровь своего двора и отпустил тежь з ним свѣдомого своего воеводу Димитрия Волынского. На ночь Рождества пресвятой богородицы, ночи тогды свѣтлый, и теплота была.

ГЛАВА 8

О примѣтах слышанных и о видѣнии явленном, з которых звитязство князю Димитрею пророковано над Мамаем, и о молитвѣ великого князя

Димитрий Волынский взял самого толко великого князя. Выехал з ним в поле Куликово в ночи и рекл: «Спробую своей примѣты». И стал посредѣ обоих войск, руских и татарских, почал слухати на полк татарский обернувшися. Послышал стук велик, якь торгь, збираючися, албо город будуючися. Назадѣ их — волки, выючии грозно. По правой сторонѣ их — вороны, кричачии. И стался страх и крик великий пътатствь. Вороны, якь горы, летали против по рецѣ Непрадвѣ, а гуси и лебедѣ, крылми плещучи, незвычайную грозу позавали.

Рекл великий князь Волынцу: «Слышу, брате, великая гроза есть». Отповѣдил Волынець: «Призываюся, великий княже!»

Князь знову вернулся на полкь руский. «Што слышати?» — Спытал Волынець. «Што слышно? — Рекл князь. — Не слыхать ничого, толко видялем много зарей огненных, збираючихся». Рекль Волынець: «Огни — добрый знак. Призывай бога з вѣрою». И знову рекл: «Еще есть примѣта». И зсѣвши Волынец з коня, поникь на землю, приклонивь ухо правое и, долго лежавши, вьстал и поникь. Князь великий спытал его: «Што есть, брате?» Он не

хотѣл сказати, але примушен от князя сказал: «Едно есть тобѣ пожитечно [1], а другое скорбно. Слышалем землю, плачучюｃюся на двое: една сторона, якь нѣякая жона, плакала горко поганским голосомь сыновь своихь, а другая сторона, якь нѣякая панна, якь свирѣль, жалосно плачевным голосом. Зь тоеи примѣты я познаваю, ижь божиею силою и помочью святых мученик Бориса и Глѣба звитяжишь поганов, але будет многое падение войска християнского».

Услышавши тое, великий князь заплакал и рекль: «Нехай будуть звитязства господнии». Мовил Волынець: «Не кажи того никому, ни брату своему. Заутра кажи на конѣ сѣдати, милости бога и святых его и крестом — оружием непобѣдьмым огорожатися на противных».

Тоеи жь ночи нѣякий синглит, именемь Фома Кацѣй, поставлен сторожемь от великого князя на руначеру [2] Михайловѣ для мужества его, на крѣпкой сторожи от поган видел на высокости оболок, якь полки нѣякии от востоку, барзо от полуденной зась стороны пришли два младенцы свѣтлыи, маючи свѣчи и мечи острыи в руках, — которыи были мученики Борись и Глѣб, — и рекли полковником восточным поганским: «Кто вам казал потребляти нашу отчизну, которую нам господь даровал?» И почали их сѣчи младенцы мечами, и не един от них не избыл цѣлый. Назавтрее сказал тое видѣние самому князю. А князь заказал ему, жебы никому не повѣдал. Сам зась великий князь, поднесши руки и очи на небо, почал з плачем молитися: «Господи, молитвами святых мученикь Бориса и Глѣба, поможи мнѣ якь Моисею на Амалика, якь Ярославу на Святополка и якь прадѣду моему Александру не хвалящогося короля немецкого разорити его отчество! Поможи нам, християном, твоимь рабомь поганым, блюзнячих [3] тя!

Так помолившися поѣхал к полъком.

ГЛАВА 9

О поставлении от князя Дмитрия Михаила вмѣсто себе, о листѣ от святого Сергия, о охотѣ князевой на войну и о выеханю на герць [4] з татарином Пересвѣта чернца

В празникь Рождества пресвятой богородицы, третей годины на день справившися, почали обои войска трубити на войну. Рускии трубы гримѣли, а татарскии якь онемѣли. Еще не зышлися з собою, бо мъгла была, а великий князь Димитрий, ѣздячи на своемь выборном конѣ, укреплял свое войско и мовиль зь слезами: «Не страшѣтеся, за святые церкви и за вѣру християнскую и за отчизну милую голов своихь класти не щадѣте!»

Так укрѣпивши, подѣхал под свою чорную короговь и, зьсѣв-

[1] карысна. [2] незразумелае слова. Магчыма, трэба чытаць: «на реку на Черу»? [3] зневажаючых. [4] паядынак.

ши зь своего коня, зложил з себе царскую одежду, вызсѣл на иншого коня и вь иншую одежду одѣявся. А свою одежду вложил на своего любимаго Михаила Бренина и коня своего дал ему и свою корогов рыделю [1] казал над нимь возити, под которою той Михайло за своего князя был и забитый. А сам князь великий, вынявши зь запазухи свой кресть, в котором была часть животворящего древа, рекл: «В тебѣ, кресте святый, остатняя моя надѣя. Якь помоглесь Костянтину звитяжити враги християнския, так и нам поможи звитяжити поганого Мамая и его всю силу».

Того ж часу пришло писане от преподобного Сергия, в которомь тое написано: «Великому князю Димитрею Ивановичу и всѣм княземь руским и всему православному воинству мир и благословение!» Дал тежь посланець великому князю хлѣб пресвятые богородицы от игумена Сергия.

Тым всѣ писаниемь утѣшившися, потвердилися на войну. А великий князь, поцѣловавши посланца, взял хлѣб святый и рекл: «О великое имя пресвятыя троицы! Пресвятая богородица, помогай намь на противных молитвами преподобного Сергия и спаси нас!» И взявши свое копие и палицу свою желѣзную, сам вперед хотѣл скочити на погановь, але богатыри его руски удержали, мовячи: «Негодитъся тобѣ вперед битися, але особно смотрѣти, стоячи на битву, полку и уважати, гдѣ показатися. Коли ты гдѣ подѣнешся, што и по нас будеть? Мы готовы головы свои покладати, а ты по нась память будешь творити и впишешь вь книги на память потомным вѣком».

Князь, заплакавши, рекл: «В земной чести я естемь пред всѣми вами почтен. Нехай же вперед вась голову положу и вперед вась венець от Христа прииму; благая от господа принялем, злых не стерплю».

Затым передовыи полки почали сходитися з татарами. Первое полкь проводил Дмитрий Всеволожь и Володимерь, брат его. Правою рукою ишол Микула Васильевич з коломничами и зь иными князями.

А поганыи татаре ишли обоими руками, бо не было им где ростягнутися. А царь безбожный Мамай зь трома своими князями взышол на мѣстце смотрѣти кровопролития. Затым выехал з полку татарьского татарин, на имя Челебѣй, на герць, якь давный Голиадь. Того обачивши чернець Сергиевь Пересвѣт, з полку Владимера Всеволожа, рекль: «Сей татарин хочеть себѣ противного герцовника. Я з нимь хочю видитися и ударитися и восприяти венец царствия». Мѣл на своей прилбицы схиму зь крестомь. Потом рекль: «Простѣте мя и благословите. И ты, брате мой, прости и благослови и молися за мене». Рекли всѣ: «Богь тебе да простит и благословит и поможет тебѣ молитвами святого Сергия».

И так ударилися. Обадва, з коней попадавши, померли.

---

[1] рыцару, зброяносцу.

ГЛАВА 10

О войнѣ князя Димитрия и войск руских з войсками Мамаевыми, о раненню князя Дмитрия и о побитью войск руских от татарь и о звитязствѣ потомь славном през помочь брата князя Димитрия войск рускихь над татарами

Затым, крикнувши всѣ войска рускии: «С нами богь!» и знову: «Боже християнский, поможи нам на враги!», а татаре крикнули: «О господь Магаметь!» и зышовшися почали крѣпко битися. Зь обоих сторон лиеться кров богатырская под сѣдлами окованными, котятся прилбицы золотыи под ноги конскии, за прилбицами — и головы богатырскии, а татарскии вьдвое того падают на поли Куликовѣ, в тѣсном мѣсте межи Доном и Мечею. Льются рѣки кровавыи от множества побитыхь, шабли блискают, якь блискавица [1], а копии, якь гром, ломаючися трищать. От третей годины ажь до шестой билися. Там в три годины безчисленное множство строеня розумного божияго побито. От шестой зась годины почали татаре одолѣвати, а християне изнемогати: много храбрых богатырей руских, и молодыи зацное, побито. Многии сыны рускии конскими копытами татарскими потерты, и самаго князя великого Димитрия ранено, ажь нуждею, схилившися з коня, пошол з побоища. Един вѣрный самовидець от полку Владимера Андрѣевича повѣдал, ижь видел шостой годины над великим князем небо отворенное, з которого вышол облак, якь ранная заря, низко держачися. Той облакь — полнь рукь человѣческих; кождая рука держала оружие. Тыи руки спустилися над головы християнскии на оборону: уже бовѣмь отвсюль обышли татарове християн.

Обачивши з дубровы, в которой на засадцѣ сѣдѣл князь Владимерь Андрѣевич, ижь барзо много християн побито и звитяжають татаре, не могучи болше братий своих православных убиваня терпѣти, рекль Дмитрею Волынскому: «Што за корысть тут болше стояти! Наши до конца погибають. Даймо имь помочь, хотя и сами з ними головы положим!»

Рекль Волынский: «Бѣда, вижу, велика. Але еще не час нам ити, бо кто не в свой час починаеть што — шкоду относить. Потривай мало, а бога призывайте. В осмую годину будеть ласка божия и помочь християном».

Владимерь почал молитися, просячи господа бога о милосердие и о помочь на поганых. А в полку его сыны рускии плакали, видячи братий и друзей своих от татар барзо много погибаючих, и сами порывалися на их оборону, якь на чашу вина. Волынець им еще боронил, мовячи: «Пождѣте, будеть ваш час!»

---

[1] маланка.

Вь осмую теды годину дунув вѣтер полудневый ззаду ихь, тогды Волынець великим голосом крикнул: «Княже Владимере, пришол час!» И рекл: «Братия милая, дерзайте! Сила божия помогаеть намь»

Богатыри зась рускии вышли з дубровы и кинулися на татар, якь ясныи соколы на журавлевь. Татаре, обачивши знагла[1] много полковь руских, зьтривожилися, крикнувши, же Русь мудра: молодших вперед на нас выправили, а се самыи богатыри-рицери зсадскии идут. И почали татаре уступовати. А рускии полки ихь погнали помочью святых мученикь Бориса и Глѣба и сѣкли утекаючих поган. Татарове, утекаючи, волали: «Бѣда, бѣда тебѣ, нечестивый Мамаю!»

Рускии, бога призываючи, без числа татаров побивали, бо нѣльзя имь было от Руси утекати, же коней мели потомленых. А Мамай, видячи свою бѣду, почал призывати своих богов: Перуна, Савата, Ираклия, Гурга и великого своего помощника Махмета. Не маючи от них себѣ помочи, свою голову почал уносити, видячи новых людей руских, крѣпко сѣкучих татаров. Побѣгь зь четырма своими мужами. За ними погналися рускии воины, але ижь их не догнали, ижь кони Мамаевы добрыи были и непотомлены. А татаров побитыхь помощию святых мученикь Бориса и Глѣба, якь в видѣнии видел предреченный Фома Кацѣй, по обоих сторонах рѣки Непрадвы безчисленое множьство лежало. Мало их з Мамаем утекло.

ГЛАВА 11

О знайденю раненаго князя Димитрия и о радости великой звитязства над татарами

Такь рускии войска, звитяживши татар, вернулися кождый под свою корогов, а князь Владимерь Андрѣевичь стал под корогвою чорною и не нашол брата своего великого князя Димитрия Ивановича под его корогвою, толко князей Олгердовичовь, казал великую трубу трубити на радость. И за годину, не дождавшися брата, пытал у войску, кто бы видѣл албо слышал о великом князю.

Рекли князи литовскии: «Мы сподѣваемся, ижь жив гдесь, але ранен барзо». И инший рекл: «Я его видел пятой годины крѣпко з татарами биючого». Другий рекл: «Я после того видѣлем его зь четырма биючогося татарами, который барзо на него напирали». Потом един молодый навасилский князь Стефан повѣдѣл: «Я пред твоим, княже, приходом виделем великого князя, идучого пѣшого з побоища, барзо раненого, але не моглем ему помочи, бо за мною три татарины гналися».

[1] нечакана.

Рекль князь Владимер: «Пошукайте, братия! Кто знайдеть моего брата, великого князя, живого, той будет у нас первый честью». Скочили теды искати. И едны наѣхали Михаила Андрѣевича Бренника, вь одежды великого князя убитого. Другии наѣхали князя Феодора Семеновича Бѣлоозерского и розумѣли, ижь великий князь, бо был ему подобен. А два — Феодорь Саборь и Григорий Холопищев — на правую сторону к дубровѣ скочили и, мало зьѣхавши з побоища, наѣхали великого князя Димитрия велми раненаго, отдыхаючого под тѣнию березовою. И зпавши з коней, поклонилися ему. И зараз Сабор знову к войску скочил и сказал князю Владимеру: «Великий князь Дмитрей Иванович живь и царствуеть!»

З тоей новины всѣ князи и воеводы, урадовавшися, скочили зараз на конех и, прибѣгщи, упали на ногах его и мовили: «Радуйся, давный Ярославе! Радуйся, новый Александре, свѣтило земли Руской, звитяжцо врагов!»

Великий зась князь ледве промолвил: «Скажите, братия, што дѣется?» Рекль князь Владимерь: «Милостию божиею и пресвятыя богородицы и молитвами святых мученикь Бориса и Глѣба, сродниковь наших, так же святителя Петра и нашего вооружителя Сергия звитяжены суть враги наши, а мы цѣлы».

Урадовавшися великий князь рекл: «Сей день — его же сотвори господь бог — возрадуемъся и возвеличимъся вонь [1]. Хвалю тя, господи боже, и уповаю на тя вовѣки!»

ГЛАВА 12

*О поѣздѣ князя Димитрия межи трупами,
о личбѣ забитыхь и о похованю ихь,
о славном вьѣздѣ его в Москву и о погибели Мамаевой
и Олговой, и о соромотѣ Олгерда, князя литовского*

Потом всѣл на коня великий князь Димитрий, поѣхал на побоище, обачил много руских побитых, але четверако болшь поганых татаров лежачих. И рекль Волынцу: «Правдивая твоя примѣта. Годен естесь завше [2] быти воеводою».

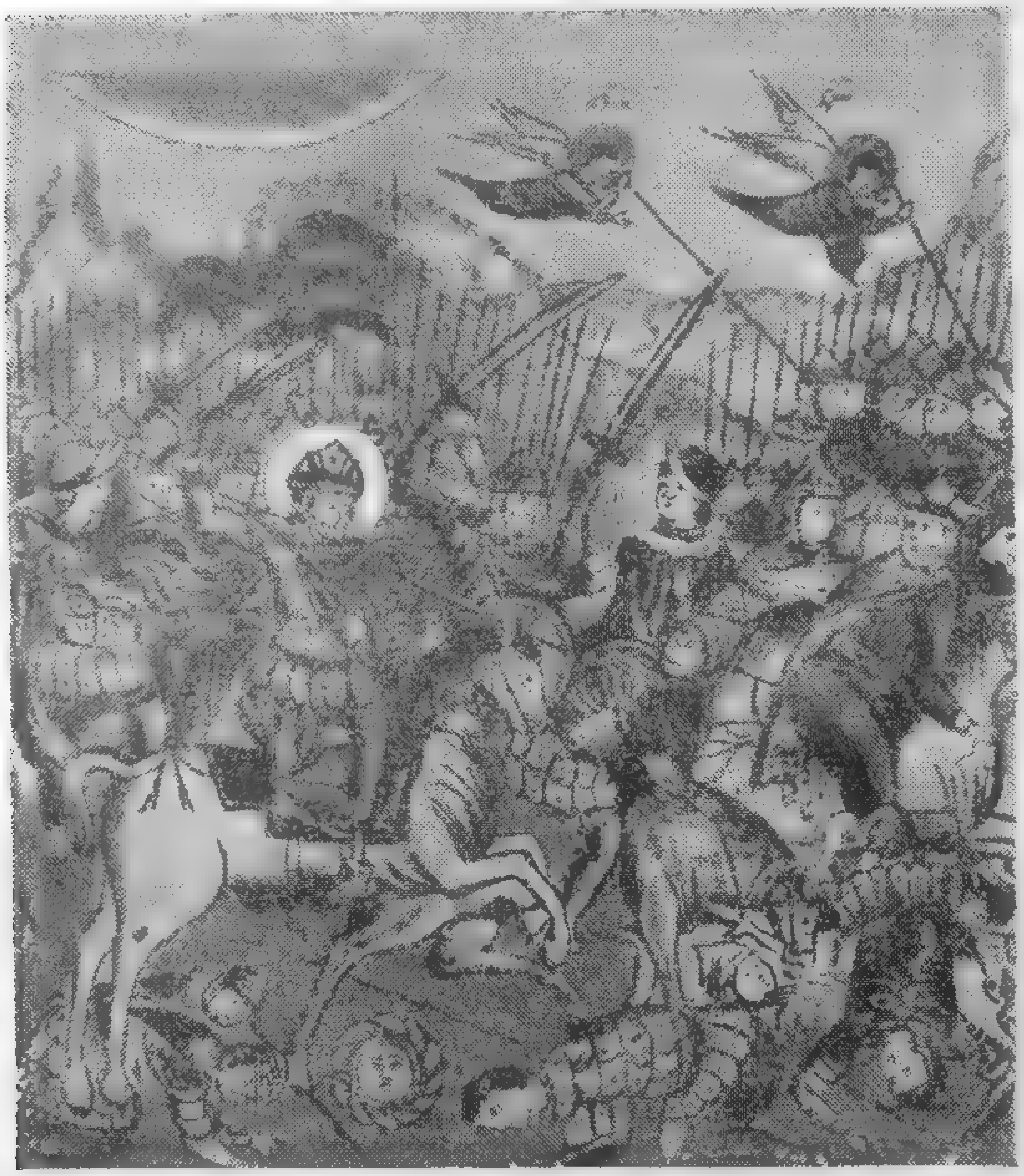
И почал великий князь зь князями и зь воеводами ѣздити по всемь побоищу. Наѣхаль мѣстъце, где лежали осмь князей забитых бѣлоозерскихь, один за другого положеных. Тут же близко лежить и Микула Васильевичь. Плакал над ними великий князь и мовил: «Братия моя, князи и сынове рускии! Если маете у бога дерзновение, пострадавши за вѣру Христову, помолитеся за насъ!» Далей ѣдучи наѣхал своего наперсника — Михаила Андрѣевича Бренника, подле его — сторожа Семена Мелика и Тимофѣя Волуевича убиенных. Заплакавши, рекл: «Любимая моя братия, кто так может за пана умерти, як любимый мой слуга Бренникь в моемь на-

---

[1] ім, гэтым днём. [2] заўсёды.

ряди вмѣсто мене, за мене поѣхавши, на смерть есть забитый?» Знову рекл: «О крѣпкий нашь сторожу Мелику! Нашеѣ целости стерегучи, за нас голову свою положилесь». Далей поѣхал, наѣхал чернца [1] Пересвѣта и подле его значного богатыря, албо рыцара, Григория Капустина. И рекль до своих: «Смотрѣте, братия, нашего починалника Пересвѣта, той бовѣмь звитяжил подобного себѣ рыцера татарина, от которого всѣмь было пити горкую чашу». Затым росказал князь великий трубѣти вь трубу выборную на собране войскь. И такое трубене собралися всѣ, звитязства пѣснь спѣваючи.

А гды собралися войски, ставши, великий князь з радостию почал мовити: «Князи руские, бояре мѣтныи, воеводы силныи и сынове всей земли Руской! Вам подобаеть так же служити и далей, а мнѣ з вашей службы тѣшитися. А скоро мене приведеть богь на мою столицу, буду всѣхь вась годными дары даровати. Теперь кождый своих похавайте, жебы тѣла християнскии не были на прокормь звѣремь и пьтахомь».



Перамога рускіх на Куліковым полі.

И стоял великий князь осмь дней за Доном, доколь порозбирали тѣла християнския от поганскихь и похоронили, а поганскии покинули звѣремь на покармь.

Потом рекл великий князь: «Зличѣте, колко у кого воевод». Отповѣдил Григорей Александровичь, московский бояринь, «У нас сорока боярь болших московских нѣт, а дватцати князей белоозерских и тринадцати бояровь, посадников новгородцких, и четыре десяти бояриновь серпуховскихь, дватцати бояринов переясловскихь, а дватцати пяти бояриновь костромских, тритцать пять бояринов владимерских. осмь бояриновь суздалских, чтыри десят бояринов муромскихь, тритцать бояринов ростовских, дватцать пять бояринов дмитровских, шездесят бояриновь зьвногородских, пятнатцать бояринов углицкихь. А всего войска дружины згинуло полтретья ста тысяч.

[1] манаха.

И помиловал богъ землю Рускую: осталося всей дружины войска сорокъ тысячей и пять».

Воздохнувши рекл: «Братия, князи, воеводы, бояре и всѣ рыцери и молодыи сынове рускии, межи Дономь и Днепром, на Куликовѣ полѣ, за землю Рускую и за вѣру християнскую побитыи! Простите нась, а вам да будеть вѣчная память и венець живота вѣчного!»

Тое вырекши, великий князь Дмитрий Ивановичь з позасталыми князями, з болярами, з воеводами и з войском всѣмь зь славным звитязством пошол на свою столицу к Москве.

Безбожный зась царь татарский, Мамай, з побоища побѣгши, прибѣг до городу, над моремь лежачого, Кафы. Там затаил имя свое, але познаный забитый зостал от фрягь. Зле живот скончил.

Услышавши тое все, Олгердь, князь литовский, иж великий князь Дмитрий звитяжил Мамая, вернулся с соромом великимь назадь, Олегь тежь, резанский князь, также, впавши вь фрасунок великий, зле свой животь скончил. Обратися болезнь его на главу его и впадеся вь яму, юже садѣла [1].

[1] якую сам капаў.

ХАДЖЭННЕ ДЗЯКА ІГНАЦІЯ СМАЛЬНЯНІНА Ў ЦАРГРАД І ІЕРУСАЛІМ

Традыцыйныя гандлёвыя і рэлігійныя сувязі рускіх земляў з краінамі Блізкага Усходу спрыялі развіццю так званай паломніцкай літаратуры, якая, дзякуючы сваім падрабязным звесткам аб жыцці, быце, звычаях і абрадах іншых народаў, карысталася выключнай папулярнасцю сярод шырокага кола грамадскасці. Вядомы быў гэты жанр і старажытнай беларускай літаратуры. Да нашага часу захаваўся цэлы рад рукапісных спіскаў з дарожных нататкаў смаленскага дзяка Ігнація, які ў 1389 г. суправаджаў мітрапаліта Пімена ў яго паездцы да царградскага патрыярха і па жаданню мітрапаліта вёў дзённік свайго падарожжа.

Біяграфічных звестак аб Ігнаціі Смальняніне не захавалася. Вядома толькі, што ён быў прыхільнікам мітрапаліта Пімена, якога не любіў вялікі князь маскоўскі Дзмітрый Іванавіч Данскі і таму быў супроць назначэння Пімена на маскоўскую мітраполію да таго часу, пакуль на ёй сядзеў мітрапалітам Кіпрыян. Дамагаючыся маскоўскай мітраполіі, Пімен вымушан быў тры разы (у 1379, 1384 і ў 1389 гг.) ездзіць да царградскага патрыярха за сваім назначэннем і зацверджаннем на гэтай высокай духоўнай пасадзе.

Ігнацій 16 год пражыў на чужыне: з 1389 г. да 1393 гг. знаходзіўся ў Царградзе, з 1393 да 1395 гг. жыў у Іерусаліме; у 1396 г. пераехаў на Афон і тут памёр каля 1405 г. Яго пяру прыпісваецца 8 артыкулаў, якія ўяўляюць сабой часткі не захаванага да нашага часу поўнага і грунтоўнага апісання падарожжа на Усход. Гэтымі часткамі з'яўляюцца: «Шлях ад Масквы да Царграда», «Апісанне Царграда», «Аповесць аб Амураце і бітва на Косавым полі», «Разлад паміж Іаанам IV і Мануілам II», «Хаджэнне ў Іерусалім», «Апісанне Салуня і Святой гары», «Кароткі летапіс». Аднак, адносна «Аповесці аб Амураце» С. В. Арсеньеў лічыць, і не без падставы, што аўтарам яе з'яўляецца Канстанцін Філосаф; аповесць была перанесена з Хранографа ў летапіс Ніканаўскага спіска, а там злілася з «Хаджэннем» Ігнація ў тым месцы, дзе Ігнацій падае звесткі, якія хадзілі ў яго час аб Амураце цару.

Тэкст «Хаджэння» Ігнація Смальняніна, як найбольш поўны, пададзен паводле выдання І. П. Сахарава (гл. Сказания Рускага народа, т. II, кн. 8, Спб., 1849, стар. 95—107). Розначытанні, якія ўдакладняюць даты або пашыраюць тэкст «Хаджэння», пададзены (і агавораны ў зносках) па выданню С. В. Арсеньева (гл. Православный Палестинский сборник, т. IV, вып. III, Спб., 1887, стар. 1—27).

[Шлях ад Масквы да Царграда]

В лѣто 6897 Пимин, митрополит всеа Руси [1], в третий поиде в Царьград к патриарху, а с ним Михаил, владыка смоленский, да Сергий, архимандрит Спасский, да старец его, и слуги, и протопоп, и протодьякон, и ины священники и дияконі.

Бысть же начало пути тому от града Москвы, мѣсяца апреля в 13 день, в великий вторник страстныя недѣли. Князь великий Дмитрий Иванович понегодоваше на митрополита о сем, яко без его совѣта пойде, бѣ бо и распря нѣкая промеж их. И сице [2] сотворися шествие. И повелѣ митрополит Пимен Михаилу, владыцѣ смоленскому, да Сергию, архимандриту Спасскому, и всѣ кождо, аще кто хощет, писати сего путешествования все, како поидоша, и гдѣ что случися, или кто возвратися или не возвратися вспять; мы же сия вся писахом. И сице поидохом от Москвы, яко же напреди писахом, и придохом на Коломну в субботу великую, а во святую недѣлю Пасхи поидохом к Рязани по рѣцѣ по Окѣ, и приспѣхом к Перевитку, и ту срѣте [3] нас Еремей, епископ рязанский, Гречин; а приближившимся нас ко граду Переславлю, срѣтоша нас сынове великаго князя Олега Ивановича Рязанскаго. И тѣм отшедшим от своего мѣста, и срѣте нас с великою любовию сам князь великий Олег Иванович и с дѣтьми своими и с бояры. И пришедшим нам ко граду Переславлю, и срѣтоша нас со кресты.

Пришедши митрополит в соборную церковь и молебная совершив, и пирова у великаго князя и честь многу прият; и сице безпрестани чествоваше нас со своим епископом Еремеем Гречином.

Таже исходящим нам оттуду, проводили нас сам князь великий Олег Иванович Рязанский и с дѣтьми своими, и со многою честию и с любовию.

Таж цѣловавшеся разлучихомся: он возвратися ко граду, мы ж поидохом напред; и отпусти с нами боярина своего Станислава с доволною дружиною, повелѣ нас проводити до реки до Дону с великим опасением, разбоя дѣля.

Проводиша же нас тогда епископа мнози: Феодор Ростовский и Ефросин Суздальский, Еремей Гречин, епископ рязанский, Исаакий, епископ черниговский, Данило, епископ звенигородский, и архимандриты, и игумены и иноцы [4].

Поидохом же от Переславля Рязанского в недѣлю Фомину, проводиша ж с нами и три струги да насад [5] на колесѣх. В четверток же приидохом к рѣцѣ к Дону и спустихом суды на рѣку на Дон. И во вторый день приидохом до Чюр-Михайловых, сице бо тамо тако нарыцаемо есть мѣсто, и ту утѣшение вземше о Христѣ, цѣлование сотворше и с радостию и с умилением проводиша нас епископи, и архимандриты, и игумени, и священницы, и иноцы и бояре великаго князя Олега Ивановича Рязанскаго, цѣловавшеся вси цѣлованием святым. И от того мѣста возратишася во свояси.

---

[1] па тэксту Арсеньева. [2] так, гэтак. [3] сустрэў. [4] манахі. [5] вялікая лодка.

Мы же в недѣлю святых мироносиц оттуду с Пименом митрополитом всѣ поидоша: Михаило, епископ смоленский, и Сергий, архимандрит Спасский, и протопопы, и диаконы, и священноиноцы, и слуги, влѣзше в суды, и поплыхом рѣкою Доном на низ.

Бысть же сие путное шествие печально и унывливо: бяше бо пустыня зѣло[1] всюду, не бѣ бо видѣти тамо ни что же, ни града, ни села; аще бо и бываша древле грады красны и нарочиты зѣло видѣнием, мѣста точию[2], пусто жь все и ненаселено; нигдѣ бо видѣти человѣка, точию пустыни велия и звѣрей множество; козы, лоси, волцы, лисицы, выдры, медьвѣди, бобры и птицы: орлы, гуси, лебеди, журавли и прочая, и бяше вся пустыни великия.

Во вторый же день рѣчнаго плавания минухом двѣ рѣцѣ: Мечу и Сосну; в третий же день проидохом Острую Луку, в четвертый же день проидохом Кривый Бор, в шестый же день приспѣхом до усть Воронежа рѣки.

На утрие ж в недѣлю, на память святаго чудотворца Николы, прииде к нам князь Юрий Елецкий с бояры своими и со многими людьми, посла бо к нему вѣстника князь великий Олег Иванович Рязанский; он же сотвори повелѣнное, и воздаде нам честь, и радость и утѣшение велие.

Оттуда ж приплыхом к Тихой Соснѣ и видѣхом столбы каменны бѣлы, дивно же и красно стоять рядом яко стози малы, бѣлы ж и свѣтлы зѣло над рѣкою над Сосною.

Таж минухом и Черленый Яр рѣку, и Битюк рѣку и Хопер рѣку. В недѣлю ж пятую по Самарянынѣ минухом плывуще рѣку Медвѣдицу, и Горы высокие рѣку, и Бѣлый Яр рѣку. В понедѣльник же плывуще минухом горы каменныя красныя; во вторник же Серьклию град минухом плывуще, не град же убо, но точию городище; таже и перевоз минухом, и тамо обрѣтохом первие татар много зѣло, яко ж лист и яко же песок. В среду же плывуще минухом Великую Луку и царев Сарыхозин улус[3] и тако оттуду нача нас страх обдержати, яко внидохом в землю татарскую, их же множество оба пола[4] Дона рѣки аки песок. В четверток же пловущем минухом Бек-Булатов улус. Стада ж татарския видѣхом толико множество, яко же ум превосходящ, овцы, козы, волы, верблюды, кони. Таже в пяток минухом Червленыя горы.

В недѣлю ж шестую Слѣпаго плывуще, минухом Акбугин улус. И ту многое множество татар, и всяких скот стады без числа много. От татар же никто же нас ни обиде, точию воспросиша ны[5] вездѣ; мы же отвѣщахом, и они слышавше, ничто же нам пакости творяху и млеко нам даяху. И сице с миром в тишинѣ плывахом. В понедѣльник же приидохом Бузук рѣку, в канунѣ Вознесеньева дни приспѣхом, плывуще до моря, града Азова: в недѣлю же седьмую святых отец вкладшеся в корабль на усть Дона рѣки под градом Азовым.

---

[1] вельмі, моцна. [2] толькі. [3] табар, пасяленне. [4] па абодвух берагах. [5] нас.

Тогда же бѣ во Азове живуще фрязове[1] и нѣмцы, владѣюще тѣм мѣстом, и отступихом в морѣ, и бысть в полунощи кораблю стоящу на якорех, и нѣцыи во градѣ оклеветаша нас фрязом, и догнаша нас фрязове в сандалцех, и наскакаше в корабль наш борзостию. И бысть топот велий на мосту корабля, и бывающаго, вси невѣдахом. И изшедше на мост[2] и видѣхом мятеж велий. И рече ми епископ: «Игнатий, что, брате, сице стоишь, ничто же печали имѣя?» И рече ми: «Сии бо фрязи от града Азова пришедше, нашего господина Пимена митрополита емше[3], сковаша, и Ивана протопопа, и Григория протодьякона, и Германа архидиякона, и Михаила дьяка: должни бо им суть; мы ж с ними без вины погибаем». Таже воспросихом старѣйшину фряз тѣх: «Что хотят и нам сотворить?» Он же отвѣща, глаголя: «Не бойтесь вы; что убо вашего есть, и вы своя вся возьмете».

Таже по малѣ умалени быша Пименом митрополитом, и довольну мзду вземше, всѣх нас отпустиша невредимых, и дню тамо мимошедшу, и сице во вторый день поидохом оттуду.

Тогда убо вѣтру добру и пособну бывшу, плыхом по морю в радости и в веселии велице; таже в третий день тяжек вѣтр в преки бяше, и прияхом истомление велие потопления ради корабленнаго, понеже[4] и сами корабленницы[5] не могуще стояти, избивахусь зѣло от вѣтра, и валяхусь яко же пьяни. И проидохом устье Азовскаго моря, и взыдохом на великое море; в шестый ж день, в субботу минухом Кафинский лимен и Сурож, и мимошествующим плавахом добрѣ четыре дни, недѣлю, понедѣльник, вторник и среду.

Таже в пятый день в четверток возвѣя вѣтр супротивен зѣло, и поведе нас по морю в лѣвую страну к Синопу граду и впадохом в лимен близ града Синопа. И нѣцыи из града Синопа излѣзше, посѣтиша нас и пищею и вином угостиша добрѣ, и тамо пребыхом два дни.

Таже возвѣя добрѣ и пакосен вѣтр, и поплыхом близ града; бяху ж тамо горы высоки зѣло, и половину убо тѣх гор закрывахусь, облацы преходяще по воздуху.

Таж оттуду мало пришедше сице под тѣми ж горами противу града Амастра заговѣхом к Петрову дни, и сице в ток пловуще, минухом Пандораклию. В среду же возвѣя вѣтр супротивен зѣло, и паки возвратихомся в Пандораклию, и пребыхом тамо в Пандораклии 15 дней, и ту есть церковь святаго Феодора Тирона, ту же и мучение его бысть, в ней же и гроб его.

Таже оттуду поидохом в сандалиях[6] ко Царюграду на рожество святаго Ивана Предотечи, и на утрие, в пяток минухом плывуще Диополь град, Дафнусий и Карфию град.

Таж пловуще приидохом во град Астравию и тамо пребыхом и пытающе вѣстей о Амуратѣ царѣ; бяше бо Амурат Турский пошел ратью на сербскаго царя Лазаря[7]. И бысть вѣсть: убиша бо

---

[1] французы. [2] на палубу. [3] захапіўшы. [4] бо. [5] матросы. [6] спецыяльныя лодкі. [7] Далей тэкст пададзен паводле выдання С. В. Арсеньева, які «Аповесць аб Амураце цару» лічыць прыпісанай Ігнацію Смальняніну.

на Суимѣ обою, и Амората и Лазаря [1]. Сице нам убо повѣдаша гражане, зане [2] бѣхом в турской державѣ, и мятеж бысть велий и смущение много в той стране. И убоявшеся мятежа, и отпусти Пимин митрополит чернца [3] Михаила ко Царюграду, а Михаил, епископ смоленский, мене Игнатия, а Сергий, архимандрит Спасский, своего чернца.

И поидохом от града Астравия в недѣлю перед Петровым днем, на утрие ж поидохом от Фили, и минухом Риву, и приидохом ко устью и минухом Фонарь. Вѣтру добру сущу вельми, приспѣхом в Царьград с радостию неизреченною. В понедѣльник же, канон Петрову дни, во время вечерни, приидоша к нам Русь, живущая тамо. И бысть обоим радость велия, и ту нощь пребыхом в кораблѣ.

[Апісанне Царграда]

На утрие ж, мѣсяца июня в 29 день, в самый праздник святых апостолов Петра и Павла, благодаряще господа бога, внидохом во град Константин.

Во утрие того же мѣсяца, в 30 день, поидохом к церкви святей Софии, еже есть премудрость божия, и дошедше великих врат, поклонихомся чудотворней иконѣ пречистыя богородицы, от нея же изыде глас Мариѣ Египецкой, егда же возбраняше ей божественная сила внити во святую церковь, иж во Иерусалимѣ на поклонение честнаго креста. И уразумѣвшу ей согрѣшения своя, и умилившуся о сем, и поручницу о себѣ пресвятую богородицу дающе, и сицевая ей словеса глаголюще, и абие [4] внезапу услыша глас, глаголющ ей издалече: «Аще Иордан прейдеши, добро покоище обрящеши». И сице мы поклонихомся той святей и честней иконѣ пречистыя богородицы, иже стоит внутрь церкви святыя Софии, и прочим святым иконам, и святым мощем целебным, и святыя раки [5] чудотворныя. И цѣловахом трапезу, на ней же полагают святыя страсти Христовы, и потом цѣловахом святаго Арсения патриарха и многих святых. Таже цѣловахом трапезу Авраамлю, на ней же угости Христа бога, в троицѣ явльшагося. Таже цѣловахом одр желѣзный, на нем же Христовы мученицы сжигаеми быша; и пребыхом все утро во церкви поклоняющеся и дивящесь чудесем святых, и величеству и красотѣ безмѣрней церковней. И отслушавше святую литургию и идохом из церкви на двор Константинов, и видѣхом тамо здание царское. Ту есть игрище царское, еже глаголется ипподром. И тамо стоит столб мѣдян, аки в три пряди свит, в верху роздѣлены быша тыя пряди и на коем же концѣ тѣх прядей по змиевѣ главѣ с камением и бисером утворены. В том же столпѣ заклепан яд змиев; бяху ж ту и инии столпи мнози каменны и мѣдяцы, и чудеса много, и много сия смотряхом, дивящесь.

Таже мѣсяца июля в 1 день, на память святых чудотворцев

---

[1] Далей ідзе тэкст па выданню Сахарава. [2] бо, таму што. [3] манаха. [4] зноў. дамавіна.

Козьмы и Домияна, поидохом в монастырь святаго Ивана, еже глаголется греческим языком Продром, руским же глаголется Предотеча, и ту поклонихомся и цѣловахом, и упокоиша нас добрѣ, тамо живущая Русь. Третий ж день того ж мѣсяца, в 2 день, на положение ризы пречистыя богородицы, идохом в Влахерну, и цѣловахом тамо святу раку, в ней же лежат ризы и пояс пречистыя богородицы.

Таже оттуду идохом ко апостолстей церкви, и поклонихомся, и цѣловахом со многим страхом и трепетом святый столп, к нему же привязан и биен бысть господь наш Иисус Христос во спасенней и в волней его страсти, и четыредесят совершенне приим ран, смертный являя отвѣт спасения ради нашего. Ту ж есть и Петра верховнаго камень, на нем же плакась горько о отвержении во время вольнаго страдания Христова.

Таже поклонихомся образу пресвятыя богородицы, иже явись святому старцу в пустынѣ.

Таже видѣхом тамо гроби царстии, и святаго и великаго и равноапостольнаго Константина царя, и великого Феодосия царя, и Феодосия малаго, и инии мнози.

Таж видѣхом в той же странѣ церковь малу, в ней же образ Спасов великий, от него же изыде глас прощения на одрѣ лежащему человеку, и вѣрою кающуся о своих грѣсѣх.

Таже видѣхом тамо в предѣлѣ святаго Спиридона епископа и Полиевкта, оба в тѣлѣ суть, многая чудеса истощающи, и мощи святаго Ивана Златоустаго, и мощи святаго Григория Богослова патриарха в каменных ковчезѣх запечатаны. В третий же день, того ж месяца июля, идохом ко святому Антонию патриарху, поклонихомся и благословение от него прияхом.

В четвертый ж день идохом поклонитися образу великаго архангела Михаила, иже явись отроку стрегущим скоты, и нашедшему у столпа онаго злата много, и вверженү ему бывшу от иноков онѣх в морѣ.

Таже в шестый день идохом ко пресвятей богородицѣ Одигитрии, еже русским глаголется языком: наставница, и поклонившесь, цѣловахом ю[1] со страхом и с трепетом, и взяхом поморизмо и помазахомся, и идохом в великий честный монастырь Пантократов, и цѣловахом святую доску господню, на ней же со креста снемше тѣло Христово положиша, и пречистыя слезы на том вообразишась; и тамо есть корчага в самородном камени содѣлана, в ней же Христос воду в вино претвори, и держат в ней нынѣ и всегда воду святых богоявлений.

Таже видѣхом тамо лежаща главы святых мученик Сергия и Вакха и Якова Перскаго. Таже в 8 день идохом и поклонихомся образу Христову, сотворшему чудо о купцѣ Феодорѣ.

По сем же[2] в 16 день мѣсяца июля прииде Михаил, владыко смоленский, от Пимена митрополита во Царьград.

---

[1] яе. [2] пасля гэтага.

По сем же в 24 день того же мѣсяца идохом в монастырь святаго и великаго Афанасия патриарха, ему же вдала посох на патрияршество богородица и цѣловахом мощи его в тѣлѣ, много исцѣления подавающе приходящим с вѣрою.

Таж идохом оттуду в Перивлепто монастырь, и цѣловахом тамо мощей много святых, и святаго священномученика Григория в тѣлѣ, много исцѣление изливающе всѣм с вѣрою приходящим; тамо ж есть и рука святаго Ивана Предотечи, крестителя господня.

Таже в 31 день июля ходихом вверху церкви святыя Софии и видехом 40 окон шейных, иж на верху церкви святыя Софии, и мѣрихом окно едино со столпом по двѣ сажени, и сих 40 окон в ширину имѣяху с столпом по двѣ сажени в шеѣ церковней. И сему много чудихомся, яко предивно и изрядно удобрено.

Таже мѣсяца августа в 1 день идохом в церковь при Константиновѣ дворѣ, еже глаголется Девяточинная церковь, в ней же суть столпии чуднѣ зѣло и недомысленни, зрѣти убо есть сущих при них человѣк всѣх приходящих, аки в зерцалѣ чисте видящих свои образи, и сему много дивихомся.

Таже оттуду идохом в скрай моря, идѣ же есть цѣлебный песок, и над ним церковь святый Спас, в ней же есть святый чудотворный образ господень, и святый равноапостольный Аверкий в тѣлѣ, знамения и чудеса много творя.

Таже мѣсяца августа в 2 день идохом в монастырь святаго Стефана первомученника, и поклонихомся и цѣловахом святыя мощи его.

Таже в пятый день того же мѣсяца идохом к Пичии и поклонихомся пречистой богородицѣ, и пихом святую воду цѣлебную и умыхомся ею. Таже в 8 день того же мѣсяца идохом в Перивлептов монастырь, и цѣловахом руку Предотечеву, и главу святаго Григория Богослова патриарха, и лоб святаго Стефана новаго, и икону господню, от нея же изыде глас царю Маврикию, в ней же вковано святых мощей много; и тамо есть потир топазион — камени многоцѣннаго, и иных святых мощей многое множество видѣхом.

Таже в 9 день мѣсяца августа идохом в Пантократорскую церковь, и в сосудохранительницѣ видѣхом святое евангелие, писано все златом рукою Феодосия, царя малаго; и тамо цѣловахом кровь господню, истекшую от ребр его в распятии на крестѣ.

Таже потом разболѣся преосвященный Пимен митрополитѣ, и преставися[1] мѣсяца сентября в 11 день в Халкидонѣ, и привезше тѣло его положиша внѣ Царяграда, на краю моря, против Галаты, во церкви Предотечевѣ.

Тогда же сущу[2] во Царѣградѣ и Киприяну, митрополиту киевскому, о исправлении престола русскаго пребывающу ему; сице же и Пимен митрополит, егда жив сый[3], о исправлении престола русскаго прииде ко Антонию патриарху в Царьград.

---

[1] памёр. [2] быўшаму. [3] гэты.

Бог же своими судьбами сице устрои: преставись Пимен митрополит, яко ж прежде писахом, и тако преосвященный Антоний патриарх благослави Киприяна митрополитом на Киев, и на всю Русь, и отпусти его с честию. И пойде оттуду мѣсяца октября в 1 день, а с ним Михаил, епископ смоленский, Иона, владыко волынский, еще ж с ним и два митрополита греческих, и Феодор, архимандрит Симоновский, духовный отец великаго князя.

Отшедшим же им, мало по отшествии их, прииде вѣстник, сице глаголя: «Истопе Русь на морѣ, точию един корабль с митрополиты спасен бысть, а иже со владыками корабль без вѣсти бысть; и нѣцыи глаголаху от них, яко истопоша; другие же глаголаху, яко от разбойник избиен суть; иние же глаголаху: от великих вѣтр сильне волнуеми и во Амастрию отнесени суть; иние ж глаголаху: в Дафнусии суть».

Таже по неколицѣх днѣх прииде грамота от Киприяна, митрополита всея Руссии, повѣдающе многие бѣды их морскаго плавания страшнаго пути случившагось им, и каково быша им грома, и трески, и молния, и от стражении волн морских бысть душа их при смерти, и от великих вѣтр и вихров развѣяны быша корабли их по морю, и не вѣдаху друг друга, гдѣ кто бысть.

Таж божию благодатию буря преста, и бысть тишина велия, и по малѣ собрахомся всѣ и спасены быхом, и к Бѣлуграду приплываше всѣ здравы божиею милостию и пречистыя его матери в Русию идохом.

Мы же прочет сия словеса, писанная в граматах к нам от Киприяна, митрополита всея Русии, слышавше радостни быхом зѣло, и на сорокоусты по Пименѣ митрополитѣ по церквам и по монастырям давахом, и святыя мѣста смотрихом, и много целебным гробам и чудотворным мощем поклоняхомся [1].

Мѣсяца декабря 17 видѣх гроб великаго пророка Даниила и поклоншесь целовахом. Ту есть церковь святыа богородица; та же чюдодѣйствует в пяток страшной преславно. Есть бо в ней икона святыа богородица, писание Луки евангелиста. В недѣлю перед рожеством Христовым видѣх в святой Софии, како рядят пещь святых 3-ю отрок, и служившу патриарху святую литургию честно во всем сану святительском. В 22 целовах мощи святыа Анастасиа и главу святаго Игнатия богоноснаго.

[Разлад паміж Іаанам IV і Мануілам II]

В лѣто 6898 (1390) Андроников [2] сын Калоан нача искати в Цариградѣ царства с турскою помощию. И приа грады и пирги [3], и прииде к Царюграду, близ святыа Пасхы на-

[1] Далей тэкст пададзен па выданню Арсеньева. [2] Андронік IV, сын Іаана II Калаяна Палеалога, быў візантыйскім імператарам з 1369 да 1373 гг. Сын Андроніка Іаан IV Калаян, які тут называецца, быў імператарам двойчы: з 14/IV 1390 да 17/IX 1390 гг. і з 4/XII 1398 да 13/IX 1402 гг. [3] крэпасці.

чаша битись, и в великий четверг прииде Мануил [1], старога царя сын Калоанов, от Лимноса, в катаргах, на помощь Царюграду. В великую суботу обличиша коромолников до пятидесяти, овых [2] ослѣпиша, а овѣм носы срѣзаша, и заздаша вся врата граду от поля, а оставиша едины врата близ Продрома, и повелѣша блюсти запас на два года.

Во 2-ю недѣлю Пасхы в среду о полунощи далнѣйшая люди отвориша врата граднаа Калоану Андрониковичу и пустиша его с греци, а без турков, и ничьто же зла не створиша. Мануил же в катаргах убѣже и с имѣнием в остров Лимнос (от Царяграда до Лимноса острова триста миль, а от Лимноса до святыя горы 60 миль) близ святые горы. Старый же царь Калоан затворися в своих полатах, а бояре их ускочиша в церковь святые Софии. Звон же бысть по всему граду, ратнии же освѣтиша весь град фонарми, ганяюще по всему граду, и на конех и пеши толпами голы, оружья держаще в руках своих, и стрѣлы готовы в луки положены, кличюще сице: «пола та ите Андронику, и весь народ, мужи и жены, и малыа дѣти». И отвѣщевають вси граждане, вопиюще: «пола та ите Андронику»; иде же сице не възъглаголють вскорѣ, ту навертывають ярость оружии.

И бѣ чюдно видѣти и слышати кипѣние граду. Овии со страхом трепетаху, а овии радовахуся, и не бѣ видѣти убиенаго нигде же, толик страх подаваху, оружиа възносяще; дню же приспѣвшу, полъутра мало памятошясь и мало нѣкоих ураниша. До вечера же поклонишася вси царю младому Андрониковичу, и утишися град, и преложись печаль на радость.

Царь Мануил того лѣта приводил двожды фрязкую рать к Царюграду в катаргах, и не успѣ ничто же, а Калоан подъя истому велику, наряжая пороки и рати наймуя; бияся у полат все лѣто пушками и с старым царем и не може ему одолѣти и пришед Мануил третее к Царюграду с римляны, тии же крѣпко ополчаются на противных, знамя же их — на персех крест бѣл нашит. И вниде в лимень, сирѣчь [3] пристанище, и воиде к полаты к отцю. Бяху бо с краа моря стѣна камена и пиргове [4] высоци, не мощно, бо есть никако же приити к нему ни по морю супостатным, ни по суху.

Андроникович же стояше на поли, бияся с старым царем. Бысть же мѣсяца сентября 17 день во время обѣда, царь Мануил вышед ис кастеля со всѣми своими и удари невѣстно на Андрониковичя, обѣдающу бо ему невъоружену. И невъзмог стати, побѣже. Сродник же его Каталуз бияся, и невъзмог, тако же бѣгу ятся [5]. И приа Мануил Царьград, и поплѣни андроникович множество около Царяграда. И поиде Мануил с поклоном к турскому царю, и удержа его турчин, и присла к отцу Мануилову, рече: «Дондеже [6] не разоришь полат своих, Мануил от руку моею не изыдеть».

---

[1] Мануіл II, брат Андроніка IV, быў імператарам у 1373—1376, 1379—1390, 1390—1424 гг. [2] адных, тых, гэтых. [3] гэта значыць. [4] крэпасныя вежы. [5] падацца. [6] пакуль.

И повелѣ неволею полаты разорити, а сам изыде в ветхий царьскый двор и от скорби преставися. И турци Мануила отпустиша, и бысть царь и донынѣ [1].

Коронование императора Мануила

Видѣхом же мѣсяца февраля ■ 11 день в недѣлю о блуднем како вѣнчан бысть царь Мануил Цареградский в лѣто 6898 на царство и со царицею его благословен и поставлен отцем их преосвященным Антонием патриархом.

И бысть поставление его на царство сицево: той нощи бысть бдѣние [2] всенощное в велицей церкви патриаршестей в Софии, еже есть сказуема премудрость божия. Наставшу ж дни, приидохом тамо и даша нам смотрити сана того и чина на поставлении. И снидеся народа многое множество. Мужеский пол внутрь святыя церкви Софии, а женский пол на палатах. И сице дивно и любомудро бысть: вcѣ убо женскаго полу стояху на полатах за шидяными запонами; лиц их украшения прелестнаго и мертвяннаго никому же от народа не видѣти, а сами же тии мужи и всѣ мужскии полы с старческим чином одеждами драгими одѣяни, кромѣ всякаго щапления; жен же ни како же видѣти мужем во церкви той, жены ж, стояща на палатах, видяху вся. Пѣвцы ж стояху украшены чудно, ризы имѣяху, аки священные стихари, широцы и долзи, сице же и рукава их широцы и долзи, ови камчаты, а другим же шидяны, наплечники ж со златом и с бисером и с кружевом; на главах же их воскрыльцы остры со златом и с бисером и с кружевом, и многое их множество собрано, и толико бысть чинно, яко написанны зряхуся. Старѣйши ж их бѣ муж дивен и красен [3] зѣло, и сѣдинами, аки снѣг, бѣлѣяся. Бяху ту и римляне от Рима, и от Испании, и фрязове от Галаты [4], а инии цареградстии, а инии зеновицы, а инии венейцы, а инии угры [5], а тѣх бяше чин видѣти чуден. И стояху на два лика, и каждый своея земли знамя имѣяху на себѣ, и одѣяния ови багряни бархаты, а другие вишневы бархаты, а иние темносини бархаты; вся же старческим чином нещаплива. Сице же и знамена имѣяху, каждой лик свое знамя имѣяше. На персѣх [6] ношаху овии жемчужен, овии обруч злат на шеѣ, овии чѣп злату на шеѣ и на персѣх, а другии свое знамя, а иние свое знамя, а сии свое знамя, койждо [7] лик всѣ равно свои знамена имѣяху.

Бѣше ж под палатами по правой сторонѣ чертогов 12; степени ж шириною двѣ сажени [8], а обольчени [9] вси червленым [10] червцем [11], на них же поставлени два стола златии. Тогда ж той нощи царь Мануил на палатах бысть, и егда приспѣ [12] первой час дни, сниде с палат, и вниде во святую церковь предними великими дверьми иже глаголются царския двери, а пѣвцы пояху пѣние пречудно

[1] Далей тэкст даецца па выданню І. П. Сахарава. [2] служба царкоўная. [3] прыгожы. [4] Французы. [5] венгры. [6] грудзях. [7] кожны. [8] старая мера, роўная 2,134 *м*. [9] абліцованыя, пафарбаваныя. [10] чырвонымі. [11] фарбамі. [12] наступіў.

и странно, и несказанно, ум превосходяще. И бысть шествие царево толико тихо и кротко, три часы от предних врат до чертого; а обапол царя 12 оружников, и от глав их и до ног их все желѣзно, а пред ним грядяху два стяжка власы черны; а древо их и ризы и шапки черлены; а пред тѣми двемя стяжки грядяху подвоинские; а посохи их сребром и златом окованы, а на концах их жемчюгом осажено.

Дошедшу ж царю до чертога и вниде в пресвѣтлый той чертог, и облечеся в кесарскую багряницу и в диядиму[1] кесарскую, и вѣнец кесарский около главы со столпчики возложи, и изыде из чертога и взыде на верх. И привѣдоша царицу, и сѣдоша оба на столѣх златых.

Тогда убо начаша божественную литургию[2]; а царь сидит на златѣм столѣ. И егда хотяше быти выход, и пришедше два великие архидиакона ко царю, и сотвориша поклон мал, точию главы своя к персем своим мало приклониша, благочинно зѣло и уставно, и возста царь и поиде ко олтарю, а стяжки пред ним грядяху, и оружницы обапола его грядяху. Вшедшу ж царю во святый олтарь, сташа стяжки и оружницы пред святым олтарем на обѣ страны святых дверей царских. И облекоша царя во священный фелонец мал до пояса багрян, еже есть ризлыцы малы багряны точию до пояса. Иде царь на выход, свѣщу в руцѣ держа.

Антоний же патриарх стояше на своем мѣстѣ среди церкви. И сотворя патриарх выход, взыде на священный анбон и царь с ним, и принесоша к патриарху царский вѣнец на блюдѣ покровен. И благословишася у патриарха два великие архидиакона и идоша по царицу, и пришедше к ней, сотвориша поклон мал, точию главы своя к персѣм своим преклониша благочинно и уставно зѣло. И прииде царица до анбона, и положи преосвященный патриарх крест на царя, и даде ему крест в руку, и взем кесарский вѣнец патриарх, и благослови царя и возложи на главу его кесарский вѣнец, а другий вѣнец даде ему в руку его, и повелѣ ему возложити на царицу его, сошед долѣ[3]. Он же сниде долѣ, и помохав долѣ стоя патриарху на амбон рукою и вѣнцем, и патриарх, стоя на амбонѣ, издалеча благослови рукою своею царя и царицу. Они же оба купно[4] равно сотвориша поклон к патриарху, и поидоша на своя мѣста и сѣдоша на златых столѣх; а патриарх выход сотвори, и внииде во святый олтарь царскими дверьми. И егда херувимская пѣснь приспѣ, и шедше великие архидиаконы и сотвориша царю поклон мал, точию главы своя к персѣм своим приклониша благочинно и уставно зѣло; тогда бо устав царь со страхом и трепетом и с великим вниманием благочинно зѣло, иде во олтарь, и одѣша его во священный фелонец. И прежде всѣх шествова царь пред святыми царскими дверьми в переносѣ свѣщу возжену в руцѣ держа, сице, из олтаря изыде и во олтарь вниде: прежде всѣх

---

[1] карону. [2] песнапенне, абедня. [3] уніз. [4] разам, сумесна.

он грядяше, и по нем благочинно и уставно зѣло священный великий собор с великою красотою и честию и славою священною и божественною. И толико бысть благочинно и чествованно и преукрашенно, яко ум человѣческий превосходя.

Много ж бяше шествие их со святыми дары, колико херувимской пѣсни есть от начала и до конца, сице шествие их, пѣние же бяше долго зѣло и красно и предивно и умильно.

По принесении ж во святый олтарь священных и божественных даров, ходит царь около священнаго престола. И пребысть царь в олтарѣ до святаго причащения. Егде бысть время святому причащению, и шедша великие архидиаконы, сотвориша поклон мал царицѣ, точию главы своя к персѣм своим приклониша благочинно и уставно зѣло. И егда сниде от престола царица долѣ, и ту стоящие народы разодраша всю опону чертожную кесарскую, колико кто восхити себѣ. И иде царица с великим страхом, и трепетом, и умилением и смирением южными враты в крыло олтаря, и даше ей святое причастие. Царь же от патриарха с священники причастися у престола Христова. Изшедшу ж ему из олтаря, патриарху ж сѣдшу на своем святительском мѣстѣ из олтаря изшедшу, прииде к нему царь в кесарской багряницѣ и диадимѣ, и благослови его патриарх и царицу его, и даде ему завѣт: православия соблюдати непоколебимо своя царская, и никако ж претворяти уставы древние, ни же восхищати не своя, и стяжати прежде всего страх божий и смертную память, яко земля еси и паки в землю пойдеши, и прочая, яко же тамо в уставѣх их имать. И по патриарховых глаголѣх никто ж можаше и смѣяше преже приступити ко царю и глаголати ему о здравии, ни князи, ни бояре, ни вои.

Он точию приступят к нему мраморницы и гробоздателие, принесше показуют ему мраморы и камение от различных лиц, и внидуть к нему и глаголют, которым лицам велит быти держава твоя гробу твоему, притчею воспоминающе ему глаголюще: «Человѣк еси смертен и тлѣнен, мимоходя в суетнем сем изчезаемом и скоропогибаемом бѣднем житии; пецыся своею душею и благочестиѣ царство строй; елико убо велик еси, толико смиряй себѣ; понеже силнии силнѣе истязани будут; и яко же убо богохулнии согрѣшают к богу, и сице же и горделивии в гордости своей согрѣшают к богу; но и паче имѣй убо всегда страх господень и смирение и любовь и милость, и да сохранен будеши и соблюден небесною любовию господнею и милостию». И сице с ним глаголавшим, яко же тамо в уставѣ писано есть, и потом идоша князи и стратилаты, и попы, и вои, и вси велможи, глаголюще ему по обычаю их и вѣнчавшусь ему на царство. И по сем благословись царь у патриярха с великою тихостию и смирением, и со страхом божиим, и изыде из церкви благочинно зѣло, яко же нѣкий священноначальник великий, и осыпаша его ставратами. Народи ж похваташа койждо рукама своима.

Сице древнее предание царем бысть на поставлениях их на цар-

ство, и сице поставляхусь. Сице же и Мануил поставлен бысть Антонием патриярхом, и священным собором по уставу древле преданному.

Хождение во Иерусалим

Сице же ми случися видѣти недостойному и сущим со мною град Иерусалимѣ. Есть убо там церьковь воскресение Христово, входя в церьков есть на правой сторонѣ доска, на ней же Христа бога нашего положили, со креста снем. А оттуду налѣво пошед, и ту гроб господень, а против гроба господня греческая служба, грецы служат. А с правую сторону от гроба господня римская служба, римляне служат. А на палатѣх с правую сторону арменская служба, армени служат. А с правую сторону от гроба господня на землѣ фрязская служба, фрязи служат; а оттуду паки [1] сирская служба, сиряне служат; а с лѣвую страну гроба господня за гробом господним, яковицкая служба, яковиты служат; а с лѣвую страну господня гроба фрязская служба, фрязи служат; а оттуды паки нѣмецкая служба, нѣмцы служат; а от тое службы паки фрязская служба, фрязи служат. А под фрязскою службою мѣсто есть, гдѣ мироносицы сидѣли и ангела господня видѣли, гдѣ ангел отвалил камень от дверей гроба; а во фрязской службѣ полстолба, у того столба привязаем и биен господь наш Иисус Христос в воней его страсти, и поругашася ему, и четыредесят совершенне прием ран смертным являюще отвѣт; а другая половина того столба во Царьградѣ во апостолстей церкви.

А подале пошед ино [2] темница господа нашего Иисуса Христа, а за греческим престолом есть престол, где Ияков брат господень; а оттуду есть мѣсто пойти на подол, как в яму, десять ножных степеней каменных, гдѣ нашла животворящий крест Елена царица; а с правую сторону греческия службы на полатѣх Голгофа, зовомое Лобное мѣсто, гдѣ распяша окаянные иудеи господа нашего Иисуса Христа; тамо есть Адамля глава, а служба тамо гурзинская, гурзи служат; а за нею венецыйская служба, венецыи служат, а за тѣми иная фрязская служба, фрязи служат; а под Голгофою внизу на земли иверская служба, ивери служат.

На лѣвой сторонѣ у фрязския службы долѣ близ местиры служат, а посреди церкви святая святых пуп земли, что размѣрил царь Невродос. А под гробом господним содѣлана церьковь мала. Входя ко гробу господню двои двери, а гроб господень: мѣра его в длину девять пядей, а ширина гроба четырех пядей. Над гробом же господним большая церьков есть, верх у ней пол, над гробом же господним все покрыто, немалыя скважни нѣсть видѣти, и сице сия в церкви тамо.

А на восток от града Иерусалима вдалѣе тамо есть село Гевси-

---

[1] яшчэ. [2] то, так.

мания нарицаемая, и ту есть в том селѣ гроб пречистыя богородицы и церковь велия, а в нее полѣсти 50 степеней на подол, а под гробом пречистыя богородицы содѣлана церковь невелика, а гроб пречистыя пол 9 пяди; а над гробом одиннадцать кандил горят. А за гробом одр, на нем же лежала пречистая богородица, содѣлан престолом той одр; а в церковь ту влезши, а ино по правѣ гурзинския службы гурзи служат. А за тѣми к востоку поток кедрский, идѣ же вниде Иисус со ученики своими; а за потоком вертоград [1], пещера велика господа нашего Иисуса Христа, идѣ же предан бысть учеником своим Иудою жидовом. Тамо есть камень, что Христос руку положа стоял; тамо же есть мѣсто, гдѣ пречистая богородица приходя молилася на камени. А за тѣм мѣстом масличная великая гора Елеонская; с тое горы господь вознесеся на небо. Тамо есть церьковь велика зѣло, а среди тое церкви церковь мала, в той церкви на камени выпечаталася стопа господня, яко жива видѣти есть, как на воску выпечатана сего часу; а в той же церкви на правѣ гроб Пелагеи блудницы, тое Пелагеи, которая ноги миром помазала господа и власы своими отерла, а на ее гробѣ другая стопа господня выпечаталась, аки на воску сего часу, и видѣти есть, аки жива.

А на правой сторонѣ от великия Елеонския горы другая гора Елеонская, гдѣ Христос повелѣ учеником своим видѣти себя по воскресении своем; тамо была церковь.

А от града Иерусалима на правой сторонѣ Масличныя горы пять поприщ [2] до Вифании, гдѣ господь наш Иисус Христос Лазаря воскресил, тамо есть и нынѣ церковь велия и гроб Лазарев, и кельи сестр Лазаревых, а в той церкви армянская служба, армяни служат. А на полдень от града Иерусалима, близко Силоамля, купель, где господь слѣпаго посла умытися; а оттуду, тамо близ, пещера великаго Антония пустынника; а оттуду близ село Скудельничье, что иудеи купили цѣною Христовою. А тамо же на полдень от Иерусалима пятдесят поприщ Саввин монастырь и гроб великаго Саввы. Тамо было 14 тысящь чернцов, кельи их и нынѣ знати есть. А за тѣм Саввиным монастырем Асафатова дебрь; то же есть июдоль, и тамо тако же чернцы живут мнози, и тамо есть келья великаго Иоанна Дамаскина, в ней же он жил. А шествующу к Саввину монастырю разстояние много, и на правой сторонѣ есть монастырь великаго Феодосия киновиарха, от града Иерусалима шесть поприщ на горѣ и под горою тако ж тамо было чернцов 16 тысячь. А оттуду против монастырь на правой сторонѣ, тамо жила Евдокия; а от града Иерусалима на восток ко Иордану шествовати, и там недалече от Вифании, течет вода из камени, егда у Христа ученицы его просили воды, и Христос рече ученикам своим: «Из камени ли сего вам воду подам?» и удари ногою в камень, и абие потечѣ вода и до нынѣ идет. Тамо есть икеремень сарай, поставлен не доходя Иордана рѣки с пять верст; заѣхав за

[1] сад. [2] старая мера даўжыні.

гору, повернути налѣво с три версты, а гора та вельми высока, и на той горѣ господа нашего Иисуса Христа диавол искушал, поят его на гору высоку зѣло и показа ему вся царствия мира и славу их, и глагола ему сия: «Вся по тебѣ дам, аще пад поклонишись ми». Тогда глаголя ему Иисус: «Иди за мною сатана, написано бо есть: господу богу твоему поклонишись и тому единому послужиши». Тогда остави его диавол, и се ангелы приступиша и služаху ему. В той же горѣ под верхом церковь подписана, а на верх горы церковь же велико зѣло. На той горѣ господь постился 40 дней, яко же писано есть: «Возведен бысть Иисус духом в пустыню искуситися от диавола, и постился дней 40 и нощей 40, послѣди взалка, и приступил к нему искуситель рече» и прочая, яко же во евангелии писано есть.

Иордан же рѣка глубока и крутоберега, грозно вельми, течет же и Содомское морѣ. На Иорданѣ ж есть монастырь велик зѣло Иоана Предотечи, в том бо Иорданѣ господь крестился от Иоана; тамо Мария Египецкая преходила Иордан ко Зосимѣ, яко по суху. За Иорданом же рѣкою келия великаго Иоана Предотечи; близ же тоя—келия святаго Илии пророка; оттуда же мало подалѣ гора есть, от той горы святый пророк Илия на огненной колесницѣ на небо взят бысть. Тамо же недалече мѣсто есть на Иордан рѣцѣ, гдѣ Елисей пророк удари милостью Ильиною на Иорданѣ, и вода Иорданская разступилась сюда и сюда, Елисей же пройде по суху. Оттуду недалече, с пять поприщц близ Содомскаго моря, есть монастырь святаго Герасима, у него же зверь лев жил; есть и гроб святаго Герасима за олтарем, а звѣрь той лев, что ему работал, в ногах лежит. Море же Садомское тамо, гдѣ Садом и Гомор седьмь градов, иные ж земля пожерла есть, а иные грады море пожерло есть; курится же и нынѣ дымом из моря того. А которые грады земля пожерла, тамо не растет ничто же, только сѣра горючая, а травы нѣсть.

От Иерусалима же направо с два поприща монастырь есть — Илья святый, тамо жил сам Илья пророк, тамо его вран кормил. А оттуду же с пять поприщ до Вифлиема, гдѣ господь родился. В Вифлиемѣ же церковь велика есть, а под олтарем ее пещера, в той же пещерѣ вертеп [1], гдѣ господь родился; а в пещеру идучи, на лѣвой сторонѣ ясли, гдѣ лежал господь наш Иисус Христос в пеленах свит; а от яслей в подол три сажени до вертепа. А на яслях служба фрязская, а на вертепѣ служба греческая. А в Вифлиемѣ с лѣвую сторону фрязский монастырь, а в нем церковь Рожество Христово, служат фрязове. В том фрязском монастырѣ дом Иосифов и кладезь, откуду господь наш Иисус Христос и пречистая богородица воду пили. От горада же Иерусалима до Назарета три дни на дамаской дорозѣ; тако же от града Иерусалима до Фаворской горы 2 дни и больше; от града же Иерусалима десять поприщь — гроб Рахилин, патриарха Иакова жены, сына Исаакова, внука

[1] скрыня.

Авраамова. От Дамаска два дни — ров есть, гдѣ Иосифа прекраснаго братия его кинули; а от Дамаска ж пять дней до Вениаминова гроба, брата Иосифа Прекраснаго; от Иерусалима ж до Синайския горы 15 дней. От Иерусалима до Кана Галилеи 3 дни.

Тамо ж на Сионѣ горѣ в своей кѣлиѣ пречистая богородица преставись, тамо же на Сионѣ горѣ был Аннин двор архиереев, тамо господь наш Иисус Христос в темницѣ сидѣл, и нынѣ та темница в церкви арменстей, тамо монастырь арменской. В той же церкви арменстей великий камень, что лежал на гробѣ господне содѣлан престолом, на том монастырѣ огнище, у которого огня Петр верховный апостол грѣлся на волней страсти Христовы, егда его рабыня архиереева вопросила: «И ты бѣ со Иисусом Галилейским?» Петр же отвержеся пред всѣми, глаголя: «Не ведѣ, ни свем что ты глаголеши». И изшедшу Петру ко вратам, узрѣ его другая рабыня и глаголя ему ту: «И сей бѣ со Иисусом Назарѣем!» Петр же паки отвержеся с клятвою, яко не знаю человѣка. По малѣ же приступиша стоящие и рѣша Петрови: «Воистинну и ты от них еси, ибо бесѣда твоя яве тя творит». Тогда Петр нача ротитися [1] и клятися, яко не знаю человѣка, и абие алектор (петел) возгласи. И помяну Петр глагол Иисусов, реченный ему: «Яко ж преже даже петел не возгласит, три краты отвержешися мене», и исшед вон, плакашесь горько.

Подалѣ того на Сионѣ же горѣ двор Каиафы архиереев был, ту есть нынѣ монастырь арменский велик зѣло. А к Вифлиему идучи, столб еще стоит, где стоял Симеон Столпник с Ильею святым. А на подол идучи, во градѣ Иерусалимѣ была церковь греческая, а нынѣ срацынский мезгит; тамо лежат святыя богоотцы Иаким и Анна, а противу стола святая святых, которую создал Соломон. Тамо убиен пророк Захария, отец Иоана Предотечи; тамо есть господня келья, а пошед ниже улицею, тамо был двор Пилатов, а за святая святых в монастырѣ святаго Спаса одр Соломонов и дом Соломонов. Тамо ж и та церковь, в ню же вниде господь наш Иисус Христос и обрѣте в той церкви продающая овца, и волы, и голуби, и пѣнежники седящая, и сотвори бич от вервей, и вся изгна из церкви овцы и волы и торжников, розсыпа пенези и доски опроверже, и продающим голубей рече: «Возмите сея отсюду и не творите дому купленнаго отца моего».

Тамо есть Давыдов дом, как городок; был камень кругол и днероден и дивен зѣло, в нем же во единой странѣ живут сороки, а в болшие домы не смѣют ни заглянути. Тамо есть столп вельми высок, гдѣ Давыд псалтырь складывал. За Давыдовым домом недалече — Сион гора, и на той горѣ монастырь дивен зѣло фрязкий, держат его фрязове и живут в нем фрязские чернцы, глаголют же сице, яко тамо сам Христос обѣдню служил, и научил по плоти брата своего Иакова обѣдню служити, и предал ему таинство священных и божественных служений. Тамо горница,

[1] прысягаць.

идѣ же на святыя апостолы Христовы дух святый сниде в день пятидесятный; тамо с лѣвыя страны церкви мѣсто есть, гдѣ господь ноги умыл ученикам своим; там то храмина есть, гдѣ господь к затворенным дверем вниде и невѣрующаго своего ученика Фому увѣрил по воскресении своем. В той церкви во время вольнаго и спасенаго распятия Христова завѣса раздрася на двое. В той церкви той камень лежит, на котором пречистая богородица поклоны клала. Тамо ж в той церкви два камени, на которых Христос сиживал часто. Оттуду же близко мѣсто, гдѣ есть Стефана архидиакона убили иудеи, и кровь его и нынѣ на камени, знати, есть. Тамо ж, у церкви близь, келия пречистыя богородицы, гдѣ пречистая жила у Иоана Богослова. И та келья крѣпка и до сего дни стоит, а позади той кельи пречистыя богородицы — келья святаго апостола и евангелиста Иоана Богослова.

ПИСЬМО СУПРАСЛЬСКОГО АРХИМАНДРИТА СЕРГИЯ КИМБАРА К КИЕВСКОМУ МИТРОПОЛИТУ МАКАРИЮ II

«Пісьмо» С. Кімбара мітрапаліту Макарыю II было напісана каля 1536 г. у якасці асабістага апраўдання супроць даноса манаха Арсенія, які абвінавачваў Кімбара ў парушэнні рада царкоўных правіл і некаторых новаўвядзеннях у царкоўную службу ад сябе. Літаратурная вартасць гэтага помніка кананічнага характару заключаецца ў тым, што тут упершыню пададзена этнаграфічная замалёўка быту беларускага духавенства, якое крыху пазней з'явілася аб'ектам крытыкі з боку каталіцкай рэакцыі, навязаўшай у 1596 г. беларускаму і украінскаму народам Брэсцкую царкоўную унію.

Па свайму крытычнаму пафасу «Пісьмо» Кімбара стаіць блізка да так званай палемічнай літаратуры канца XVI пачатку XVII стагоддзяў, у якой пытанні быту знайшлі сваё найбольшае адлюстраванне.

Урыўкі з «Пісьма» Кімбара друкуюцца ў хрэстаматыі па выданню: «Архив Юго-Западной России», ч. I, т. VII, Киев, 1887 г.

Милостивый отче, святый митрополите, и еже при твоей святыни теперь сущии благочестивыи съсѣдалници, духовнии и свѣтскии. Яко колвек есми по образу от моее братии, але по сатаниньской вражде и зависти и ненависти моих супостат [1], вашей милости оклеветан и омражен [2]; а вед же упование имѣя у заступлении богородици пречистое и великаго Иоанна Богослова, и у вашей святыни, пастыря и учителя нашего, благоразсудии, яко в таковых невинный, вашей милости чолом бью. Не для мене страстника [3], но для богородици и великого Богосло-

[1] ворагаў. [2] абражан. [3] пакутніка.

ва рачи [1], милостивый отче, прежний отеческий свой гнѣв милосердиемь ростворити и того то моего списочка милостиве и внятне выслухати, не на лице, по спасителеву слову, зря, а ни съплетению многым словесемь моих супостат внимая, сътворити о мнѣ не нагле [2], а ни понудителне, але разсудителне и смотрителне, и в правду божию, то есть: есть ли бых могл обрѣсти благодать пред вашею милостию, пожалуйте похотите для бога и своего ради спасениа, яком и в начале вашей милости чолом бил...

Далей Кімбар, спасылаючыся на рад рашэнняў царкоўных сабораў, напамінае мітрапаліту аб тых мерах уздзейнічання, якія ён павінен ужыць у адносінах да паклёпнікаў.

И мнѣ з моим братомь чернцемь Арсениемь исправление вчинити въдле их святого то положениа. А потомь, светый велебный [3] отче, и в тыи то супостаты речи рачи милостиве углянути и то разсудителне пред ся взять, яко оный чернець на мя враждебне в своих списехь, которыи же крѣпко потаемне чотыри рокы [4] выписуя, с мною обще мешкаючи [5], яко гнѣздящийсь змий, крыл; чого ж бы не мѣл справне крыти, але мнѣ то, яко колвек и худому старцу, яже о немь ознамити по святых отець наших древних мнишескых начальниковь науце и преданию. Которое жь знать его безьочивьство [6] и не одиново почитая обличало, понеже [7] яко мнишествомь по моему съгрѣшению от моее худости обложень, яко колвек того за крайнюю злобу, еже к мнѣ, и не вознаваеть. Тому вже прѣидоша сего року минулого августа шесть и два на десяте лѣт. А болшее мѣл бы был помятовати на избавителя нашого учение евангелское, ему ж еще мирьскым неклюдьнымь попомь будучи не малое время навыче, яже избавитель учить брата прежде два кроть напомянути собою и с свидѣтели, и есть ли преслушает, тогда власти ознамити, сиречь [8] вашей святыни. Нижли он то все презрѣвь и свою страсть ненависти и зависти, еже на мя, и с помочникы своими исполняя, выписал перхливе [9]. Ркомо, бых я самь от себе святое церковное правило нѣкое отложил, а иное приложил, яко ж и выпись его свидѣтельствует. Тое, по его съплетению, отложеное...

Кімбар пералічвае ўсе абвінавачванні, якія прад'яўляе яму Арсеній, і тут жа адхіляе іх спасылкамі на богаслужэбную літаратуру (на часаслоў і ціпік).

Ино [10], милостивый святый отче, для бога и богородици умилостивитеся и рачте пред ся взяти, правдиве ли он то на мя написал. Я, милостивый отче, заступлениемь богородици и великого Богослова от себе жадного [11] комата [12] церковного правила не отложил, а ни приложил; нижьлим справовал и теперь справую церковь божию в тых кοматехь его выпису, водле типика и святогорскаго

---

[1] патурбуйся. [2] раптоўна. [3] праасвяшчэнны. [4] гады. [5] жывучы. [6] нахабнасць. [7] таму што, бо. [8] гэта значыць. [9] запальчыва, раз'юшана. [10] але, аднак. [11] ніякага. [12] пункта, догмату.

и инших стран тамошьних честных монастырей частослова, отколе ж нам Руси закон святый православный выдан, и книгы святыи правилныи церковныя и вчителныя на нашь словенский язык воложеныя[1] вынесены; а болшее по вашее милости благословению. Частослов же он истый не мною в монастырь принесень, а ни пакь мною от кого иного достать, яко знать оныи супостати мои на мя бают[2], але предок вашее милости, вчитель и пастырь и ктитор[3] нашь достойное памети митрополит Иосиф Солтан на церковь Богородици его надал. А пан Солтан — благочестивый и мудрый пан, который же свѣта того не малую часть обышол, хотячи положение его свѣтское и духовное видѣти, и, по апостолу, лучшее от хужьшого раздѣляя и в себе то, яко губа воду, взимая. И бы был его милость бачил в нем што несправного и церкви святой негодного, знать бы его з оных странь не вынесл.

И туде ж предок вашее милости часу живота своего на таковыя вещи был не небачный, але по премногу разсмотрителный, и тот исъслѣдовал, ли бы был в нем што строптиваго, ни како бы церкви его святой не надал, а наболей той, о которой же болшее попечение над вси свои иншии духовныя дѣла, яко ктитор, имѣл.

А так похотѣли ль бы ваша милость того обыскати, тогды бысте не иначей нашли неж так, яком выше и в том то списочку писал, то есть о частослове, отколь он пришол, и о том теж, иж не я сам от себе, яком вашей милости оклеветань, тыи то коматы отложил, але описано так в частослове и послѣдующая ему нѣкая и в типицѣх.

А што, милостивый отче, еще к тому он намарал, будси бых также сам от себе нѣкои комнаты ку правилу святыя церкви приложил... Ино и того-м не приложил от себе, але в типицех и в частослове так стоит...

А так, милостивый отче, и в том приложении и в вышенаписаномь отложении великую ми кривду чинить, не яко единообразный брат, но яко лютый мой съпостать. Моего от себе приложениа или отложениа ку святому церковному правилу намнѣйшого комата в тых вышеописаных стисех, милостию моего творца, нѣт. Все то, яко-м и вышей рекл, што-м справовал в церкви святой и теперь справую — иншое в частослове и иншое в типицех описано. Ваша милость, по единому комату росказавь прослѣдовати, иначай, уповаю на моего творца, не найдешь, неж так, яко вашей милости в моем списочку ознаймую...

А так, милостивый отче, у церкви Богоматери нашого нынѣшняго мнишеского житиа нигдѣ нѣт милостию богородици приложениа, а ни отложениа по обычаю, кромѣ писаниа. В церквах же здѣшних мнишеских и мирьскых вашее милости предала не мало есть; похочете ли ваша милость, углянув у то, пообыскати, кая суть не по писанию, але по обычаю приложеная и отложеная. Перваго псалма вечерняго на Русии и здѣсе в Литве кончають по

---

[1] перакладзеныя. [2] нагаварваюць. [3] царкоўны староста.

своему обычаю словом «благослови душа моя господа», а в церкви обители Богородицы нашого мнишеского жительства кончають по писанию словом «солнце позна запад свой, положил еси тму и бысть нощь, яко възвеличишася дѣла твоя, господи, вся премудростию сътворил еси». Псалом же вторый вечерний: «Господи възвах к тобѣ», чтуть здѣсе, и стихеры и в охтаиху и в минеи поють не водле типика, але по своему обычаю. А в церквах Богородицины обители в нас на глас минейный, яко типик повелѣвает, поют в начале псалма «Господи възвах» два стихи, а прочее псалма на страны стихологисують до стихерь, а стихеры поют без охтаика, одно и минеи водле типика. Отпуст же по вся дни тут и вѣздѣ по Руси вечеренный и заутренный сътворяют по своему обычаю, и в нас по писанию типика и частослова; который же отпусть и я пришол в монастырь, а он вже съдѣвается. А к тому и кажение, и свѣчь вжигание и гашение, и у великое било клепание, а потом у звоны звонение, и колива празничныя и мертвых, водле типика, на конци святое литоргеи абие[1] по за амбонной молитве, всегда сътворяемы; на павечерницах же и полунощницах помѣнник, на запад обратився, священники чтуть: а то все по обыходу святыя горы и инших тамошних страны честных манастырей еще прежде мене уставлено. Чого ж тут и Литве и на Руси, яко колвекь нѣкая и в типицах написана имуть, а вед же сътворяти тех не сътворяють; есть ли ж нѣкая и с тѣх и сътворяють, но не по писанию, але по своему обычаю. Вначалѣ утрень в нас по вся дни святый олтарь и церковь всю и притворы кадять и каноны и всякии обьчии утрени, кром празьничных, с пѣсньми Моисеовыми поють, и на девятой пѣсни пакы также, яко и в начале кадять. А тут кром недѣль и свѣст не толико на утрени, але и прѣд литоргиею мало кадять, а пѣсней пак Моисеовых на утренях не знають как пѣти, и в типиках то описано маючи, отложили...

И противу тому от своего обычая приложено: в неделныя дни по славословии другое евангелие чести, и царскиа двери в началех вечернь и утрень у праздникы, а часом знать и у посполитыя дни, оттворяти, их же безвременно никогда же не повелено отвръзати, и еще в типиках крѣпко възбранно не в время потребы отворяти, и евангелия и апостолы мертвым в всю седмицу коемуждо дню особныи чести — от своего обычая приложено. А в типиках и в евангелиях и в апостолех одно три евангелия, а три апостолы мертвым чести описано, яко ж они у церквах обители Богородицины по описанию, а не приложению чтуться. И в светый олтарь, в невходимую по писанию катапетазма, по здѣшнему обычаю, всякому посполитому[2] человѣку вход сѣверными двермы не възбранено. А шестого собору вселеньского в Цариграде у Труле полатном 69-е правило, разве елица честных господ, всякому мирянину крѣпко такова възбраняеть входа; здѣ же часом в олтари

[1] зноў. [2] простаму.

людей посполитых и нѣвеигласовь яко в купилищном дому бываеть. А в богородицы пречистое храмехь у святый олтарь, кром царских, по дву двери суть: сѣверныи и свѣтлыи, и сѣверными одно священници входят, а свѣтлыми братиа и посполитыи люди, али ж по потребе нужной. А то все в дому богородици устроено по онѣх же странь честных манастырей положение, а не по здѣшнему обычаю. На литоргии пред евангелием тут и на Руси священници молитву «еже бог за молитв», з диаконом служа, по обычаю половину чтят, а в нас оную молитву по писанию всю сполна съвръшають. Таже к поклонению честнаго креста Христова и цѣлованию святого евангелиа тут и на Руси не по чину ходят, на друг друга перевая, а в нас братиа и миряне ходят, яко типик повелевает, по чину и по старчеству.

И пакы здѣ и на Руси нигдѣ нѣт притворов внутреных по церквам мнишескым и свѣтскым, и съборных правил пѣниа всякиа не по типику, але по своему обычаю в церквах сътворяють. А в нас, милостию богоридици, в церквах обители ея по изъображению типика у притворех внутренних литии праздничныи великии и литии мертвым поють, и павечарници малыи, и полунощницы; и часы всего лѣта чтуть, кром перваго часа, бо ся тот одно чтеть по утрени внутрь церкви. И освящение водное, сиречь богоявленское и Маккавейское, и яже нѣкогда по потребе, в притворе же содѣвають, и понахиды мертвым там же поють. Толико в святую четыредестьницу внутрь церкви великый повечарници и полунощници и часы поють, таже и в посты апостольскиа и рождественьскиа, егда в кой день прилучится «алилуиа» и поклоны, тогда в церкви ж водле типика и частослова полунощници иначей с почасием чтуть.

Пакы же здѣ и на Руси пред праздникы Рождества и богоявления спаса Христа часы преименуемыа царскиа с необычными псалмы и с парамиями, и с апостолы, и с евангелии, и по своему обычаю приложив, а не водле типика, поють и чтуть. А в Богородичне обители, яко типик повелевает, оные часы одно с пѣниемь стихерь, кои в минеях выписаны, и с обычными псалмы унутрь церкви чтуть. А к тому в дому богородици гробница ку положению умерших по изображению типика змурована, в которой же часу потребы, яко типик повелеваеть, и понахиды померших поють. А ку церковным олтарем о сѣверную страну проскумидии, а о южную страну кадилу и некоим священным съсудом особныа коморы побудованы, не по издѣшнему чину, но по онѣх же стран честных манастырей церковному управлению. И по бдѣниемь праздникь царьских и богородици, и святых избранных, пред иконостасным праздника святым образом завжды кандило масленое вжигаемо горить и, по отпусте утрени, оным святого кандила маслом вся братиа и миряне, кои удостоются, от священника помазуются. И пѣние съборное, переменяяся по днем на страны клиросовь, клирикы начиная поють и чтут. И в свѣтлую святыя Пасхи нощи по дву годинах отпустивь святую литургию, и пять хлѣб

благословивь, священници и братиа водле типика, с церкви не исходя, на своих мѣстцах сѣд, по укруху умеренном хлеба съѣдають и по чаши мерной квасу испивають, и потом бдѣние всю оную свѣтлую нощь в чтении и пѣнии ажь и до солнечнаго усходу сътворяють.

А то все за ласкою божиею в обители Богородици съвершается, — иная, яко типици повелѣша, а другая, яко в святой горѣ и по иншим тамошних стран честным манастырем обьхождению управишася; а тут по обычаю своему, того и по манастырем ни знають, аще и написано нѣкая имуть...

Ино тут не толико по мирьскым съборным церквам, но и по манастыремь головнымь, по своему обычаю, нѣкоих святых книг чести ни знають. А в Богородичне обители все то, водле типика, в чтении съвершають. Ни часов и повечерниць по тутошнему обычаю не токмо в окрестных, но и съборных церквах в все годоще водле повинности, яко типик повелевает, кром четыредесятницы, чести не знають. А и на молебнех пред «Бог и господь» великую октенью не водле типика, але по своему обычаю сътворяють. И на святую Пасху крестом на отпусте не по писанию, але по своему обычаю, «Христос воскресе», глаголя, знаменают. И мяса и хлѣбы у церквах посвящають, и внутрь святого олтаря нѣции и мясо, и сыры, и хлѣбы, и овощие всякое, и медовину, и оловину вносят, и животная скоть во священныя храмы нѣкогда пущають. А то крѣпко и святых правилех отречено и запрещено не токмо у святый олтарь таковая, но и в церковь никако же не вносити, а ни животных скотин упущати; в святый же олтарь, кроме вина служебного и масла древеннаго и тимияна, инѣх не повелено вносити под клятвою; а по тутошнему обычаю о том не радят, а ни того знають, а ни хотять знати. Мню толико под вашею милости архиепископии предѣлом, а инде у православии везде таковых отсвеняются. И далей есть ли бых еще к тому странныи и вжасныи и прочии вси обычаи здѣшнии вашея милости митрополии предѣла писати мѣл, постигло бы мя, по апостолу пишуща, лѣто.

А так, пречестный отче и преосвященный митрополите, есть ли бы ваша святыни з божиею помощию своего ради спасениа и доброе славы похотѣл, тогды бы ваша велебность розсудив тая розсуждениемь благорозсудным не иначе и то оклеветание, еже на мя, нашол неж яко процежение, по святому евангелию, комаров пред издѣйшими велбуды; понеж, милостивый отче, яком вышей ознаймил, ижем пришед в монастырь дисейшого[1] моего жилища так тому вже двадесят и шесть годовь о сем прошлом святем празднице богоявлении Христова прешло, нашол в соборном правиле церкви святое отпусть, и кажение, и свѣчь вжигание и гашение, и клепание, и звонение, и колив чинение, и помѣнника чтение водле обыходу святыя горы и тамошних стран честных манастырей. Того ради есмы и прочее и съборное правило святое церкви

[1] цяперашняга.

не сам от себе, а ни от своего разума, яко на мя супостати мои набаяли, але водле типиков и частослова, а болшее по вашее милости благословению установил, — тая вся, яж суть вышей описано. А то того ради, абы съборное правило святое церкви было не пестро, але однолично, водле оных стран законного в мнишеских соборех положение и утвержденна, не от Литвы, а ни от Москвы, но оттоль, отколь нам крещение процвете и вѣра, яже в отца и сына и святого духа, израсте и благочестие насадися, и святыя книги на нашь словеньский язык из грѣческого и еллинскаго выложениа изыйдоша, и еще бы и тепер исходили, их же не имамы, есть ли бы о них попечение было.

А моему, милостивый отче, перьхливому супостату пригоже бы евангельскыи собе прежде бервно из ока изтрѣбити и свой струпь безьочивый, еже к богу, в могыя лѣта по сластолюбию и славолюбию, и прозорьству прежде сътворенный и ныне еще в безстрашии премногим сътворяемый, пластырь смирениа и покаяниа и слез врачеванием прилагая, исцѣлити, — тоже бы ся ему годило ко взятию сука из моего ока дерзнути. Понеже правила апостольского осмьдесят осьмого толкование глаголеть о таковом сице: «Епископь, или презвитерь, или диаконь, извръжень быв от своего сана по правдѣ и винѣ о явленых прегрѣшениих, и по звръжении божественныя службы прикоснется, рекше службы причнеть пакы, — таковый, яко съгнил уд от ин уд, да отсечется от смкви».

Есть ли бы ваша святыни жалованье хотѣл вчинити, и водле тѣх правил святых апостол и богоносных отець, яко-м в начале рек, мнѣ с ним управу сътворити, тогды бых чаял, водле божиа правды и онѣх святых положениа, пята его, еже на мя в высоту въздвиженная, долу снизитися мѣла.

А што ся дотычеть, милостивый владыко, о евангелия, яко ж о них мои супостати накорпали были у своем клеветном списку в своих коматех, то ето их клеветы на мое лице приложение, будси бых я их показил переглаживая и прилагая к ним на свой розум; а потом яко пред вашею милостию очивисто на мя свой яд изливали, тогды мню, иж то добрѣе памятно вашей милости и тым всим честным парсунам, кои на оный час при вашей милости были, што они тую свою клевету на мя, яко устне покутом излияную, так и выписаную ими, за ся у свои пудыбуйды възвратили. А так в том не имам повинности не токмо им, моим супостатом, але и самому вашей милости моему владыце и пастырю, в чом справитися; яко колвек и в листе своем преднем неблагословеном ваша милость ознамил ми, приказуючи справу, нижли мню в впованни всегдашном о святых, и святых, святых евангелиах взложенных церквам обители богородици пречистое и великого Богослова, по вере и любови ку дому богоматери оного благочестивого христолюбца Григория Жабу, иж они предстоятельством его ко богу взыщутся в коротком часе оттомщением на тых то истых злоязычных клеветарех, которыи же не обрѣть, вѫдле своего скаредного и неистоваго

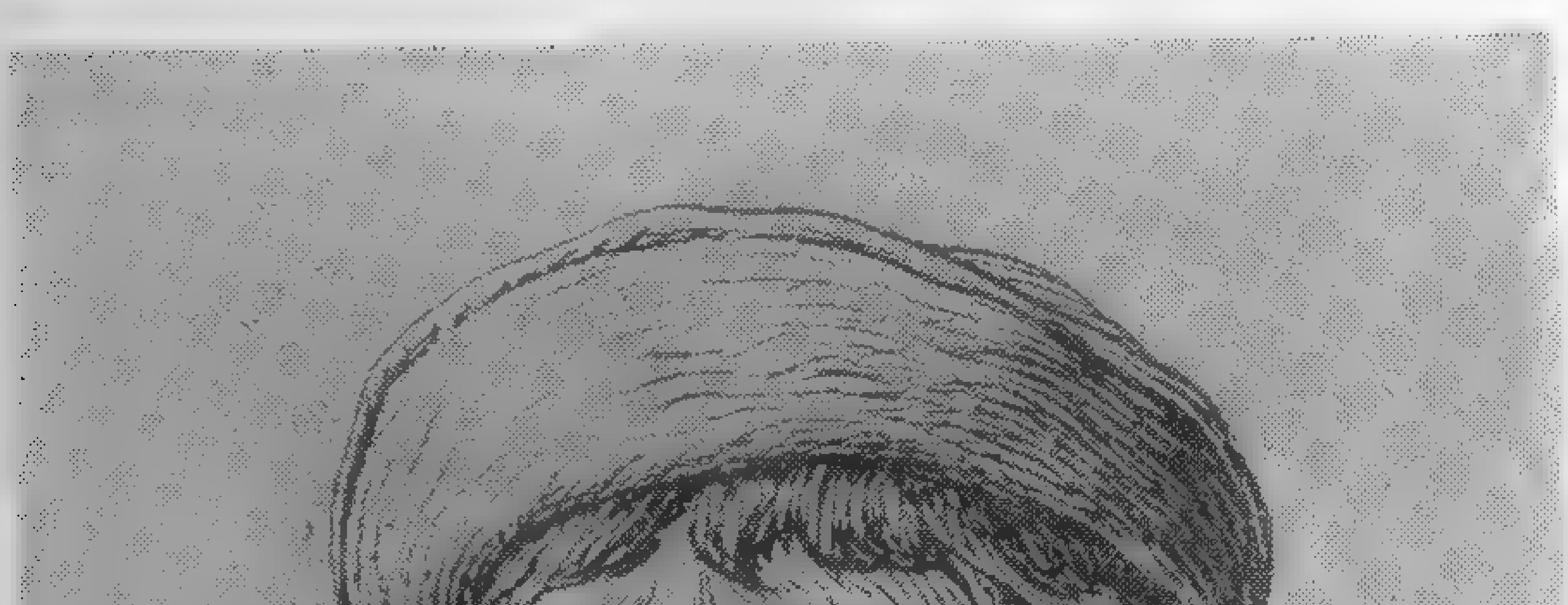
нрава, на мя ямы подобныя умыслу их неустыделися, и церьквам святым възложеному коснутися, и страха божиа забыв на тых то святых евангелиях пали, изривая о мнѣ в них яму потаемным своего безьочивьства злодѣйством, в кою ж милостию богородици, яже о мнѣ невинном, изменением своее клеветы сами впали; понеже не обдилив бог презирати яко своя от своих ему ото всердиа приносимая, так и человѣческых напастей в лжу и клевету наносимых.

ГЕОРГІЙ-ФРАНЦЫСК СКАРЫНА

(1490—1541)

Георгій (каталіцкае імя Францыск) Лукіч Скарына — выдатны дзеяч беларускай культуры XVI ст. Нарадзіўся ён каля 1490 г. у г. Полацку ў сям'і мешчаніна-купца.

Першапачатковую адукацыю атрымаў дома, вывучаючы «Псалтыр», які, па яго пазнейшаму сцверджанню, з'яўляўся «детем малым початок всякое доброе науки».



У 1504 г. Скарына паступіў у славуты па таму часу ягелонскі Кракаўскі універсітэт на філасофскі факультэт, які закончыў у 1506 г. з навуковай ступенню бакалаўра. Далейшае навучанне Скарыны невядома. Вядома толькі, што ў 1512 г. Скарына, будучы ўжо доктарам «навук вызволеных» (гуманітарных. — *А. К.*), трымаў экстэрнам экзамен у Падуанскім універсітэце ў Італіі на атрыманне навуковай ступені доктара медыцынскіх навук і там з поспехам абараніў доктарскія тэзісы, якія яму прапанавала калегія гэтага універсітэта. Далейшыя біяграфічныя звесткі аб Скарыне губляюцца да 1517 г.

У 1517 г. Скарына пасяляецца ў чэшскім горадзе Празе і разгортвае вялікую дзейнасць, звязаную з перакладам на тагачасную беларускую мову і выданнем царкоўна-рэлігійных кніг «Ветхого Завета» (першая частка «Біб-

ліі». — *А. К.*), якія ён надрукаваў у сваёй друкарні пад агульным загалоўкам: «Бивлия руска выложена доктором Франциском Скориною из славного града Полоцька богу ко чти и людем посполитым к доброму научению». Тут ён пераклаў з чэшскай мовы і надрукаваў на свае ўласныя сродкі і на сродкі віленскага радцы Багдана Анкава 23 кніжкі гэтай часткі «Бібліі» ў наступнай паслядоўнасці: у 1517 г. «Псалтыр» (6 жніўня), «Кнігу Іова» (10 верасня), «Прытчы Саламона» (6 кастрычніка), «Прамудрасць Сіраха» (5 лістапада), у 1518 г. «Екклезіаст» (2 студзеня), «Песня Песняў» (9 студзеня), «Прамудрасць Саламона» (19 студзеня), «Першую кнігу Царстваў», «Другую кнігу Царстваў», «Трэцюю кнігу Царстваў» і «Чацвёртую кнігу Царстваў» (10 жніўня), «Кнігу Ісуса Навіна» (20 снежня), у 1519 г. «Іудзіф» (9 лютага), «Кнігу Суддзяў» (5 снежня), пяць кніжак Майсея — «Быццё», «Выхад», «Левіт», «Лічбы», «Другі Закон»; «Руф», «Эсфір», «Плач Іераміі», «Кнігу Данііла».

У 1519 г. выдавецкая дзейнасць Скарыны ў Празе спыняецца па невядомай для нас прычыне, і звесткі аб ім знікаюць да 1525 г. У 1525 г. Скарына пасяліўся ў Вільні і тут, дзякуючы матэрыяльнай падтрымцы з боку Багдана Анкава і бургамістра Якуба Бабіча, узнавіў сваю выдавецкую дзейнасць і надрукаваў за іх кошт «Апостала» і «Малую падарожную кніжыцу».

З 1527 г. Скарына канчаткова спыніў сваю выдавецкую дзейнасць. Прычынай гэтаму паслужылі і адсутнасць неабходных сродкаў і працяглыя судовыя справы, звязаныя з яго адносінамі да маёмасці памёршага брата Івана і з уласнаю цяжбаю за маёмасць жонкі Маргарыты (удавы віленскага радцы Юрыя Адвердніка). Судовая цяганіна не прынесла Скарыне поспехаў, яго маёмасць была канфіскавана за даўгі, а сам ён у 1529 г. за маёмасць брата нават трапіў на 10 тыдняў у Пазнанскую турму.

Пасля выхаду з турмы Скарына ў 1530 г. прыняў запрашэнне прускага герцага Альбрэхта пераехаць у Кенігсберг і заняцца там выдавецкай дзейнасцю. Але, не паладзіўшы з герцагам, Скарына ў тым жа 1530 г. пакінуў Прусію і вярнуўся ў Вільню, дзе з 1532 і да 1535 гг. працаваў у якасці сакратара і прыдворнага лекара віленскага епіскапа.

Ёсць не безгрунтоўнае меркаванне аб тым, што ў канцы 20-х або ў пачатку 30-х гадоў Скарына ездзіў у Маскву з мэтай арганізаваць там кнігадрукаванне, але гэта паездка не апраўдала спадзяванняў: кнігі, якія ён вазіў туды на паказ, былі адхілены маскоўскім духавенствам і публічна спалены на кастры як ерэтычныя [1].

У 1535 г. Скарына, канчаткова прайграўшы судовую справу за братаву маёмасць, назаўсёды пакінуў Вільню і зноў пераехаў у чэшскую Прагу, але на гэты раз ужо не ў якасці друкара, а ў якасці каралеўскага садавода-батаніка. Тут ён і памёр каля 1541 г.

Як пісьменнік Скарына вядомы ў літаратуры прадмовамі, якія ён напісаў да перакладзеных і выдадзеных ім кніжак «Бібліі».

Гісторыка-літаратурнае значэнне прадмоў Скарыны да кніжак Бібліі заключаецца ў тым, што яны адлюстравалі сабою той вялікі культурны ўздым у развіцці духоўных сіл і нацыянальнай самасвядомасці беларускага народа, які забяспечыў у далейшым бурны росквіт нацыянальнай культуры і літаратуры і ў значнай ступені падарваў манаполію царквы на веды і адукацыю. Перакладаючы на беларускую мову кнігі «Бібліі», Скарына імкнуўся пашырыць у народных масах пісьменнасць і павысіць іх культурны ўзровень і адукацыю. З гэтай мэтай ён стараўся ў прадмовах коратка перадаць змест друкаванай кнігі, падкрэсліваў яе маральнае, рэлігійнае, адукацыйнае і грамадскае значэнне, тлумачыў асобныя назвы і тэрміны і разам з тым выказваў свае эстэтычныя і грамадскія погляды. Самі ж тэксты кніг Скарына ўпрыгожваў застаўкамі, віньеткамі і ілюстрацыямі і гэтым самым садзейнічаў развіццю кніжнай графікі.

---

[1] А. В. Флеровский. Чешская библия в истории русской культуры и письменности.

Глыбока прагрэсіўная для свайго часу дзейнасць Скарыны мела выключнае значэнне ў развіцці беларускай культуры. Традыцыі Скарыны не засталіся адзінокімі, яны знайшлі сваіх прадаўжальнікаў у асобе Сымона Буднага, Васіля Цяпінскага, Пятра Мсціслаўца, Івана Фёдарава, братоў Мамонічаў і іншых, якія крыху пазней праклалі шырокую дарогу для беларускага кнігадрукарства і развіцця кніжнай справы наогул.

Аднак, пры ўсім станоўчым у дзейнасці Скарыны, трэба адзначыць, што ён, нягледзячы на высокі ўзровень сваёй адукацыі, не пазбег і заблуджэнняў, характэрных для яго эпохі, калі лічыў і падкрэсліваў у сваіх прадмовах, што «Біблія» з'яўляецца асноўным сродкам асветы, скарбніцай ведаў і жыццёвай мудрасці.

Прадмовы Скарыны пададзены ў хрэстаматыі па яго выданнях «Бібліі» з экземпляраў, якія зараз захоўваюцца ў Публічнай бібліятэцы імя Салтыкова-Шчадрына ў Ленінградзе і Дзяржаўным гістарычным музеі ў Маскве.

ПРЕДЪСЛОВИЕ В ПСАЛТИРЬ

Всяко писание богом водъхненое полѣзно ест ко учению и ко обличению и ко исправлѣнию и ко наказанию правды. Да совѣршен будеть человѣк божий и на всяко дѣло добро уготован, яко светый апостол Павел пишеть. И сего ради светые писма уставлѣна суть к нашему навчению и справлѣнию, духовному и телесному, различными обычаи. Едины законом ветхым и новым, и другые святыми пророки даны суть нам. Иные деянием светых отець, а некые притъчами премудрых учителей; некоторые теже песнями и псалмы, от царя Давыда и от иных божиих певцев сложеными, яко ест Псалътырь. Тые же вси первоменованые писма, кажьное с них токмо едину речь в собѣ замыкаеть; яко закон живота[1] вечного людей доступити[2] учить. Пророци, приидущие, доброе добрым, а злое злым проповѣдують. Деяние же и животы светых отец жити нас на свете, боязни божией и в терпении навчають. Притчи пак и преповѣсти премудрых учителев — добрых обычаев, млодых и старых наставляють.

Псалтырь же сама едина вси тые речи в собѣ замыкаеть, и всех тых учить и все проповедуеть, — суть бо в ней псалмы, якобы сокровище всих драгых скарбов, всякии немощи, духовныи и телесныи, уздаровляють, душу и смыслы освѣщають, гнев и ярость усмиряють, мир и покой чинять, смуток и печаль отганяют, чювствие в молитвах дають, людей в приязнь зводять, ласку и милость укрепляють, бесы изгоняють, ангелы на помощь призывають.

Псалом ест щит против бесовскым нощъным мечтаниям и страхом, покой денным суетам и роботам, защититель младых и радость старым, потеха и песня, женам набожьныя молитва и покраса, детем малым початок всякое доброе науки, дорослым помножение в науце, мужем моцное утверьжение. Псалом ест всея цѣрькви единый глас свята. Украшаеть псалом всякую противность, еже ест, бога ради усмиряеть. Псалом жестокое сердце мякчить и слезы

---

[1] жыцця. [2] дасягнуць.

с него, якобы со источника, изводить. Псалом ест ангельская песнь, духовный темъян [1], вкупе тело пѣнием веселить, а душу учить.

И что есть, чего в псалмох не найдешь? Нест ли там вѣличества божия и хвалы его?

Там ест справедливость. Там ест чистота душевная и телесная. Там ест науки всякое правды. Там мудрость и разум доскональый. Там ест милость и друголюбство без льсти, и все иншии добрые нравы якобы со источника оттолѣ походять. Там ест великая тайна о бозѣ в троици едином, и о воплощении господа нашего Исуса Христа, и о вмученьи его невинном, и о воскресении из мертвых. Там ест надежа востания из мертвых и вечного живота, боязнь страшного суду и вечьного огня. Там ест многых скрытных таин зъявление. Вси тыи речи якобы у великом сокровищи в сей малой Псалтыри знайдешь.

И видечи таковые пожитки в так малой книзе, я, Францишек, Скорынин сын с Полоцька, в лекарских науках доктор, повѣлел есми Псалтырю тиснути рускыми словами а словенскым языком напред ко чти и к похвалѣ к богу в троици единому, и пречистой его матери Марии, и всем небесным чином и светым божьим, а потом к пожитку посполитого доброго [2] наболей с тое причины, иже мя милостивый бог с того языка на свет пустил.

А зовѣтся Псалтырь гудба, едина подобна к гуслям. Яко сам царь и пророк поет, глаголя: «Хвалите господа во Псалтыри и в гуслѣх!» И сего для поставил ест царь Давыд четырех вѣликих ереов. Их же избрал от всех людей: Азафа, и Емана, и Ефана и Идифума, абы гудли на Псалтыри пред киотом [3] завета господня и псалмы абы припевали по вся часы, яко пишеть о том в первых книгах Паралипоменона. Ест же той роздел Псалтыри от гуслей. Гуслѣ имеють много струн. Псалтырь же толико имать 10 струн, яко пишеть о том: «Хвалите господа во Псалтыри десятоструннѣй!»

А была сия гудьба уставлѣна духом светым на знамя десятерого божьего приказанья, еже дал господь Моисеови на горе Синаи, а то к нашему научению, абы мы Псалтырю поючи, чтучи и говорячи всегда имели десятеро божье приказание пред очима. Так же будь ведомо, положил есми некоторые на строницах в сей Псалтыри главы з розных книг, а то для того, абы знакомито было, иже вси иные светые писма згожаються с Псалтырею и одно на другое светчить. А то, чтучи в тых книгах, их же суть главы на боцех пописаны, знайдете. Так же положил есми на боцех некоторыи слова для людей простых, не рушаючи самое Псалтыри ни в чем же, яко суть Онагри Игеродеево жилище и хлябие, и иные слова, которыи суть в Псалтыри нерозумныи [4] простым людем, найдуть ее на боцех руским языком что которое слово

---

[1] духмяная смала, якая ўжывалася для курэння; ладан. [2] усяму добраму народу. [3] скрыня. [4] незразумелыя.

знаменуеть. Теже розделил есми вси псалмы на стихи, потому, яко ся в ыных языцех делить.

А так ест конець предъсловия Псалтыри.

ПРЕДЪСЛОВИЕ ДОКТОРА ФРАНЪЦИСКА СКОРИНЫ С ПОЛОЦЬКА ВО ВСЮ БИВЛИЮ РУСКАГО ЯЗЫКА

Бивлиа — греческим языком, по-рускии — сказуется книги. Тако убо светый Матфей починаеть Христово благовѣствование: «Бивлос генезеос Исус Христу», то ест по-рускии — книга родства Исус Христова. А можете тым именем называти вси книги Ветхаго и Новаго закону для достойности его, понеже[1] Бивлия зуполная все то в собѣ замыкаеть.

О сей книзе пишеть евангелиста, наперстник[2] Христов, во узъявлении своем, глаголя: «И видех во десници седящего на престоле. Книги написаны внутрь и зовнутрь. Написаны суть воистинну». Сие книги внутрь духовне ест разумеющим о тайнах превеликих божиих яко же пишеть апостол: «О глубино богатества премудрости и разума божия, яко неиспытаны суть судове его и не изследованы пути его!» Написаны теж и зовнутрь, понеже не толико докторове, а люди вченые в них разумеють, но всякий человек простый и посполитый[3], чтучи их или слухаючи, можеть поразумети, что ест потребно к душному[4] спасению его, самому спасителю глаголющу: «Исповѣдаю ти ся, отче, господи небеси и земли, яко утаил еси сия от премудрых и разумных и открил еси тая младенцем». Прото ж добре Григорей Великий, учитель вселенский[5], о сей книзе пишеть, глаголя: «Святое писмо все иные науки превышаеть, понеже, егда бываеть чтено, под простыми словы замыкаеть тайну».

И тако младенцем и людем простым ест наука, учителом же и людем мудрым—подивление. Яко река дивная мелка—по ней же агнець брести можеть, а глубока — слон убо пливати мусить.

В сей книзе всее прироженое мудрости зачало и конець; бог вседержитель, познаван бываеть. В сей книзе вси законы и права, ими же люде на земли справоватися имають, пописаны суть. В сей книзе вси лекарства душевные и телесные зуполне знайдете. Ту навчение философии добронравное, яко любити бога для самого себе и ближнего для бога, имамы. Ту справа всякого собрания людского и всякого града, еже верою, соединением, ласки и зговою посполитое доброе помножено бываеть. Ту научение седми наук вызволеных достаточное.

Хощеши ли умети граматику, или, по-рускы гаворячи, грамоту, еже добре чести и мовити учить, знайдеши в зуполной Бивлии,

---

[1] таму што. [2] паслядоўнік. [3] звычайны. [4] душэўнаму. [5] усяго свету.

Псалтыру, чти ее. Пак[1] ли ти ся любить разумети лоику — она же учить з доводом розознати правду и кривду, — чти книгу светого Иова, или послание светого апостола Павла. Аще ли же помыслиши умети риторику, еже ест красномовность, чти книги Саломоновы. А то суть три науки словесные.

Восхощеш ли пак учитися музики, то ест певници, премножество стихов и песней светых по всей книзе сей знайдеши. Любо ли ти ест умети аритметику, еже во кратце, а неомылне считати учить, четвертыи книги Моисеевы часто чти. Пак ли же имаши пред очима науку геометрию, еже по-руски сказуется землемерение, чти книги Исуса Наувина. Естли астрономии или звездочети — найдеш на початку книги сее о сотворении солнеца и месеца и звезд, найдеш во Исусе Наувине, яко стояло солнеце на едином месте за целый день, знайдеш во книгах Царств, иже солнеце воспять поступило неколико ступнев, знайдеш во светом Еувангелии о новосотвореной звезде часу нарожения нашего спасителя Исуса Христа. Более воистинну чудитися превеликой божией моци мусиш, нижли учитися. А то суть седм наук вызволеных.

Аще ли же кохание имаши ведати о военных а о богатырских делех, чти книги Судей, или книги Махавеев; более и справедливее в них знайдеш, нежели во Александрии[2] или во Тройи[3].

Пак ли же во кратце сведати хощеши много тысещей лет лѣтописець[4], чти книги Паралипомена. Там, почении от Адама даже до Седехии, остаточного царя Иудина[5], роды положены суть. Потребуеши ли науки и мудрости добрых мравов[6], часто прочитай книги Исуса Сирахова, а притчи Саломоновы.

Надо все над то мы, христиане, ведаючи все науки быти минущие, потребуем речи вечное душного спасения. Чтимы ж уставичне[7] светое Еувангелие, а чтучи его наследуимы делы нашего избавителя Исуса Христа! А тако с помощию его внийдем в живот вечный и в царство небесное, угатованное избранным божиим.

Потреба те ж ест ведати, иже Бивлия делиться на двое: у Ветхий закон и у Новый.

Закон Ветхий имать в собѣ двадесеть и четыре книг. Книги первые Моисеевы суть «Бытья». В них же пишеть о сотворении света, о зачале людского поколения, о разделении языков и земли, и о роде еврейском и вниитии их даже до Египту. Вторыи книги «Исход», еже суть написаны о нарожении Моисееве, о десети язвах фараоновых, о выштии из Египту сынов израилевых, о десятеру приказании божием и о многих иных судех его. Третии книги «Леувит» пишуть о храме божием, о ризах Аароновых, о жертвах и службах леувитских. Четвертыи книги «Числа» кажуть о считании сынов израилевых, о дарех князей, о пророцстве Валаамове и о четырехдесяти а о двух станех, игде же отпочивали суть на пустыни. Пятые книги Моисеевы, рекомые «Вторый Закон»,

---

[1] калі. [2] аповесць пра Аляксандра Македонскага. [3] аповесць пра Траянскае царства. [4] гісторыя. [5] ізраільскага. [6] нораваў. [7] заўсёды.

вызнаменають бо святое Еувангелие и что у предних книгах положено ест широце, то сие кратце в собе замыкають. То ест пентатеухон гречески или пятеры книги Моисеевы.

О сих пяти книгах апостол пишеть, глаголя: «но во церкви хощу пять словес умом моим глаголати, да иных научу, нежели тму словес языком».

Затым книги светого Иова — зерцало долготерпения. Вси слова в нем полны суть розуму. Стихами и гаданием ест пишеть. И о воскресении тел нащих из мертвых наясней пророкуеть.

Потом Исус Наувин преходить Иордан, уводить сынов израилевых в землю обетованую, приемлеть Ерихон град, поразив царей многих, землю людем по жребиех розделил.

Книги пак судей: Офониила, Аиофа, Варака, Гедеона, Ептая и Самсона, мужей пресилных и богатырев смелость выписуеть. При них же книжка Руф, прабабы царя Давыдовы, положена ест.

По сей книги четырех царств сынов израилевых у Бивлии положены сут. Предние двое называются от еврей «Шмуел». В тых пишеть о нарожении Самуилове, о помазании на царство Сауловѣ, о боех и о царстве Давыдове. Задние пак двое называють евреи «Млохим». В них же знайдеши, поченши от Саломона царя даже до Ехонии, и от Еровоама, сына Навафова, царя даже до Осии, его же плениша до Асирии, царей иудиных и царей израилевых четырьдесети справу выписану.

Затым двое книги Паралипоменона, еже опущеное во книгах Царств. И к тому, почении от Адама даже до пленения Ерусалимля Навходносором царем, премногие роды еврейские почитаеть.

К тому двое книги Ездры о выпущении з неволи перское людей еврейских, о ставлении у другое Ерусалима и храму светая светых, розделне по народех жиждущих, что которыи делали суть, и о леувитах, вышедших, выписуеть.

Потом книжка Товиф науку отцем, яко имають учити сыны своя, кажеть.

Паки книжка Юдифа-вдовици. Она же для высвобожения отчизны, взор на собѣ мужем даючи, не лютовала ест живота своего.

По ней иная книжка Есфира-царице, еже с Мардохеем збавили от побитий людей израилевых.

За ними суть песни царя, Давыдовы книги, рекомые по-гречески Псалтирион, а по-еврейски Тилим, еже имають в собѣ кафизм двадесеть, псалмов полтораста, стишков или припелов две тысещи и шесть сот.

По Псалтыри кладутся трое книжки Саломоновы: Притчи, Еклезиаст и Пѣсни песнем. В первых науку младенцем, во вторых — мужем, во третих — старым выписуеть.

За тыми суть книги Исуса, сына Сирахова, рекомые Церковник, всю науку о добрых мравех в собѣ замыкающе. Подле них

ест книга «Премудрость божия», понеже наиболей пишеть в ней о страсти мученик божиих и о житии светых его.

Потом суть книги шестынадесети пророков господьних. Исайя первый. Сей не толико пророчество пишеть о Христе, но подобен ест в нем евангелистом.

Вторый пророк божий Еремиа, во утробе материне посвященый, во младости своей начал пророковати. К тому теже написал книжку, еже словеть «Плачь Еремиин».

Третий пророк великий — Езекииль. Сей на почтаку книг своих пророковал о четырех евангелистах Христовых и на конци о храме божием. А то велми сокрите.

Четверты пророк болший — Даниил, времен познаватель и всего света царств исказатель, час истый пришествия на землю Христова и смерти его ясней иных ознамуеть.

Пророци пак менъшие суть: Осия, сын Вериин, — первый; Иоиль, сын Фатуилев, — вторый, о сошествии светого духа на апостолы являеть; Амос, пастырь и пророк господень, — третий; Авдей, он же и сказуется раб господень, — четвертый; Иона, сын Амафов, — той три дни сущи во чреве китове тридневное Христово воскресение преобразовал, — пятый; Михей от Морасхи — шестый пророк посреди меншими, о том пишеть во книгах царств; Наум — седмый, пророкуя о Христе глаголеть: «Се на горах ноги исповедующего и благовествующего мир»; Аввакум — осмый пророкуеть, глаголя: «Бог от полудня приидеть и святый от горы Фаран. Прикрила ест небеса слава его, и хвалы его полна ест земля». Софония, сын Хузиев, — девятый; Агей — десятый пишеть: «Се еще мало и порушу небо и землю, и море и сушу, и погну всеми народы, и приидет чааный всем языком». Захария — один на десятый пришествие господьне во Ерусалим, седящего на осляти, пророкуеть; Малахия — два на десятый, а остаточный от пророков менших. На конци же Ветхаго завета положены суть двое книги Махавеев. А тако имате первую часть Бивлии высловену.

Другая пак часть Бивлии, еже ест «Новый закон» спасителный, суть книги четырех еувангелистов, или святое благовествование: Матфея, Марка, Луки, Иоана, по четырех странах света имя господьне несуще, яко колесница, и престол живоначалное троици.

Затым Павел — апостол ко седма церквам пишеть послания, осмое ко евреем, Тимофея и Тита и Филимона научаеть, — сосуд избранный и вчитель всех народов.

Потом «Деания апостолская», о церкви Христове множащейся, святый Лука евангелист, лекарь к душному здравию, пиша науку даеть.

Потом святый Яков, Петр, Иоан, Иуда седм соборных посланией написали краткими словами, великое поучение нам оставляюще.

На концы Бивлии Апокалипсия, или возъявления, книга святого Иоана, положена ест. Колико слов имуще, толико таин в собе замыкающе.

О сих книгах всея Бивлии подле милости розуму моего розделы вократце положих. А в чем быхся омылих — разумнейшие поправте, прошу вас для бога и для посполитого доброго.

Конець предсловию всея Бивлии.

ПРЕДОСЛОВИЕ ДОКТОРА ФРАНЬЦИСКА СКОРИНЫ С ПОЛОЦЬКА В КНИГИ ИУДИФ-ВДОВИЦИ

Царство Асирское почалося ест от Веля царя, сына Немрофова, скоро по потопе. Он же почал силен быти на земли. Велов пак сын Нинос поставил ест град и назвал и [1] именем своим — Нинива. В том граде царствовали суть тридесеть и седм царей лет тысещу и триста даже до царя Сардонапаля, — его же убил Аръба, воевода медийский, и пресели царство то в Меды. А так пребыло ест до Цира, царя перскаго. Он же к тому имеаше царство Вавилонское, понѣже Дарий царь, дядя его, убил был пред тым Валтизаря, царя вавилонскаго, иже бѣ шосътый по цари Навходносоре, пленившем Ерусалим и Седехию царя Июдина.

Той Цир лета перваго царства своего выпустил ест жиды из пленения вавилонскаго — по седмидесяти летех по пророчеству Еремиину — и повелел им ити в Ерусалим и ставити храм господень, и вси сосуды церковные, еже был побрал Навходносор царь во храме Саломоновѣ, им вернул.

По смерти пак Цирове царствовал ест Камвизей, сын его. Того, ставячи на царство, прозвали суть Навходносором: той захотел не токмо царем быти, но и богом, яко же пишеть о нем во книзе сей. И для тое речи послал ест з войском Олоферна, воеводу своего, абы подбил вси земли под власть его. Евреи пак в том, не хотячи послухати, спротивишеся ему. И тако Олоферн, вшед в землю их, обляже наиперврей град Вефулию. И с того града вышедши жена вдовица именем Июдиф, от нея же называется книга сия, отсече главу Олофернову, избави людей израилевых от руку его.

А для того царь Навходносор, или Камвизей, его же Ездра называеть во книгах своих Арътаксерсос, заповедал евреом, абы не будовали храму господьня в Ерусалиме. А то ся делало пред нарожением нашего спасителя Исуса Христа из пречистое богородици девицы Марии лѣт пятьсот тридесят и деветь. Потом на вселенском соборѣ в Никии святыми отци дозволена нам сия книга Иудиф чести к нашему научению, абыхом, яко зеръцало, жену сию пре-

[1] яго.

славную пред очима имеюще, в добрых делех и в любви отчины не толико жены, но и мужи наследовали и всякого тружания и скарбов для посполитого доброго и для отчины своея не лютовали, понеже от прирожения звери, ходящие в пустыни, знають ямы своя; птици, летающие по возъдуху, ведають гнезда своя; рибы, плывающие по морю и в реках, чують виры своя; пчелы и тым подобная боронять ульев своих, — тако ж и люди, игде зродилися и ускормлены суть по бозе, к тому месту великую ласку имають. Прото ж и сия вдовица Иудиф для места рожения своего выдала ест живот свой на небезпеченство, но господь бог для доброго умыслу ея помог ей, яко непобедимого от людей побѣдила.

Потреба теже ведати, иже сия книга Иудиф, яко книга Данила пророка и книги Езъдры, еврейскими словами, но халъдейским языком наипервей от летописцев написана ест.

Конѣць предъсловия.

Богу в троици единому ко чти и ко славе,
Матери его пречистой Марии к похвале,
Всем небесным силам и святым его к веселию
Людем посполитым к доброму научению.

ПРЕДЪСЛОВИЕ В КНИГУ ИОВ

Пишеть святый Иаков апостол в своем соборном послании, глаголя: «Образ приимите, братия, злострастия и долготерпения и трудов!» Пророки, иже глаголаша именем господьним, — «Се блажим тых, они же потерпеша. Терпение Иовово слышасте и конѣць господень видесте, яко многомилостив ест господь и щедр». Сия слова апостольскаа являют нам достойность, святость и терпение святого Иова. О нем же пишется книга сия. И что ему господь бог за его терпение дал ест.

Достойность его тыми словы знаменует, понеже нарицаеть его пророком. Он же глаголал ест именем господьним. А ест воистину пророк божий, пророковал убо о востании из мертвых свѣтлей и явней всех иных пророков божиих, тако же и о иных тайнах божиих. Святость же его знаменуется в тых словах, яко же рече апостол: «се блажим тых, они же потерпеша».

Яко бо злато искушается огнем, тако и святии божии терпением. Сам наш спаситель глаголеть: «Блажени плачющеися яко тии утешатся». Терпение пак святого Иова ясне высловил святый Иаков, глаголя: «терпение Иовово слышасте!» А о том его терпении в сей книзѣ пишется. Прото, хощеши ли ведати, елика потерпел ест святый Иов, чти часто сию книгу, по тому порозумееши и речеши, яко воистинну правду о нем апостол глаголеть, и мъзду, ко-

торую принял святый Иов от господа бога за тое терпение, в тых словах высловил: «Конець господень видесте, яко милостив и щедр господь: дал убо напоследы всего водвое святому Иову, елика же сперва имеяше; яко не до конца прогневается господь и кого караеть, того милуеть».

В сих книгах открил ест нам бог великие тайны святым Иовом. Напервей, чего ради господь бог на добрих и на праведных допущаеть беды и немощи, а злым и несправедливым даеть щастье и здравие; теже о бѣдном и горком животе людском на сем свете и о конци добрых и злых; те же, которые зобижають убогых, что на таковых бог перепущаеть; также о различьных дивех божиих, еже учинил ест во многых зверех, птицах и рыбах, и што ся в чем знаменует; и о иных многих тайнах, яже чтучи, в сей книзе знайдеши.

Гравюра Скарыны да кнігі «Иов».

Делится же сия книга на главы, а главы ся делять на стихии, по тому ж яко и Псалътир ся делить. Поченши от третиея главы даже до останочное, вся сия книга стихами розделена ест, — яко же, чтучи, поразумееш.

И всякому человѣку потребна чести, понеже ест зерцало жития нашего, лекарство душевное, потѣха всем смутным, наболей тым, они же суть в бедах и в немощах положены, надежа истинная востания из мертвых и вѣчного живота.

Прото ж я, Францишек, Скоринин сын с Полоцка, в лекарскых науках доктор, знаючи сее, иже ест найвышшая мудрость розмышлѣние смерти, и познание самого себе, и въспоминание наприидущие речи, казал есми тиснути книгу святого Иова рускым языком богу ко чти и людем посполитым к научению.

Конец прѣдсловию.

ПРЕДСЛОВИЕ В ПРИТЧИ ПРЕМУДРАГО САЛОМОНА, ЦАРЯ ИЗРАИЛЕВА

Пишеть святый Иоан во своем Еувангелии, иже наш спаситель рекл ест сия, в притчах глаголах вам, — «Приде же час, яко к тому не в притчах возглаголю к вам, но явѣ, о отци моем возвѣщу вам». Много крат преже того в притчах глаголал ест к нам господь бог, нежели принял человѣченство от пречистое богородици Марии.

Святыми отци и пророки, а наболѣй царем Саломоном, он бо просил ест от господа бога мудрости и разума. И отвеща к нему господь бог: «Понеже жадал еси у мене словѣси сего, а не просил еси собѣ дней многых, ни богатества, ни же душ врагов твоих, но жадал еси собѣ мудрости к научению судов, — се учиних тобѣ по словѣси твоему и дах тобѣ сердце мудро и смыслено таково, иже несть был пред тобою и по тобѣ не встанеть ин подобен тобѣ», — яко пишеть о том во третих книгах Царств царей Израилевых и во вторых книгах Паралипомена. И тако господь бог дал ест царю Саломону мудрость большую, нежели которому иному человѣку. И сего ради называется прѣмудрый, понеже мудрейший иных был. Выкладывается же руским языком Саломон еже ест мирный или спокойный, понеже был мир и покой по вся времена царства его.

И написал ест царь Саломон трое книги к нашему научению. Первые, рекомые Параболѣ, то суть Притчи. Вторые — Еклезиястес, и то ест Соборник. Третие же называются Песни пѣсням. А в тых троих книгах божиим повѣлением мудрость свою выписал, яко сам о том во притчах глаголеть: «Се выписах ю треми обычаи».

В первых же сих книгах, еже словуть Притчи, пишеть о мудрости, о науце, о добрых обычаех, о заповѣдех, якося имамы справовати и жити на сем свете, глаголя: «Притчи Соломона, сына Давыдова, царя Израилева, ко познанию мудрости и наказания, и ко зрозумению слова смыслена и ина».

Во вторых же книгах, рекомых Еклезияст или Соборник, пишет о суете, о празности и о краткости, глаголя: «Слова Еклезиястес сына Давыдова царя Израилева. Суета суетная и все суетно», та же далей. И тамо нас отводить от избытнее праци сего светнаго жития и приводить ко вечному небесному житию.

В третих же своих книгах, еже словуть Пѣсни пѣсням, кажеть, ест ли же в ласце милостиваго бога доконаем сего суетнаго жития, како имать душа наша радоватися с господем богом в царствии небесном, даючи нам приклад о любовнику и с своею любою глаголя: «Поцалуй мя поцалованием уст своих!» И даже до конца, яко же чтучи знайдешь.

Притчи же нарицаются еврейским языком «масшлоф», а грѣческым — «параболѣ», по-латине же — «провѣрбия», а по-рускыи — «притчи или присловия», понеже иными словы всегда иную

мудрость и науку знаменують а иначей ся разумеють, нежели молвены бывають, и болши в собѣ сокритых таин замыкають, нежели ся словами пишуть.

Делятся же сии книгы на трое: первая часть ест от зачала даже до десятое главы, а вторая до двадцеть пятое, третия же до конца, яко же по початкох глав тых — первое, десятое и двадцетпятое поразумеешь.

В первой части пишеть якобы отець сына научая мудрости, разума, умения, страха божия и иных добрых нравов. Во второй же части царь Саломон кладеть притчи разноличьные, игде же едина каждая притча особливую речь в собѣ замыкаеть, добрую и злую, не имаючи жадинаго[1] возгляду к задней или ко предней притчи. И в трѣтей части пишутся присловья царя Саломонова, собраные от мужей научених Езехиею, царем Иудиным, по смерти Соломоновѣ. Сия же останочная часть сокрытей в притчах пишеть, нежели предниии двѣ. А то в приронании одных речей ко другым.

Мовил же ест царь Соломон притчей три тысещи. И сопсал[2] своего складаниа стихов пять тысещей. И учинил розмолвенис о прирожении древ и былин, поченши от древ кедровых, еже ростуть на горѣ ливанской, даже до травы исопф, еже ростеть при муре. И мудре повѣдел теже о прирожении зверей, птиць, гадов[3] и риб, яко пишет о том в третих книгах Царств царей Израилевых.

Пожиточьны же суть сие книгы чести всякому человѣку: мудрому и безумному, богатому и вбогому, младому и старому, наболѣй тым, они же хотят имети добрые обычае и познати мудрость и науку; долгота бо дней и лѣта живота, и мир приложатся им; милосердие и правда не оставять их, ест ли же пилне послушають и соблюдуть притчи положеные в книгах сих, якоже сам царь Соломон нижей о том глаголеть. Ест бо ■ сих притчах сокрита мудрость, якобы моць в драгом камени, и яко злато в земли, и ядро у в ореху. Кто ю знайдеть, сей знайде милость, и достанеть благословения от господа, и приидеть к нему все доброе, посполу[4] с нею хвала и честь безчисленая моцию ея, — она убо ест мати всех добрых речей и учитель всякому доброму умению, в ней воистинну ест дух разумности святый, единый, различный, смысленый, скромный, вымовный, движющийся, непосквѣрненый, истинный, сладкий, чистый, сталый, добротливый, и всякую иную имеющий в собѣ добрую цноту.

Прото я, Францишек, Скоринин сын с Полоцка, в лекарскых науках доктор, разумея сее, иже без страху божия, без мудрости и без добрых обычаев не ест мощно почстиве жити людем посполите на земли, казал есми тиснути Притчи или Присловия премудраго Соломона, сына Давыдова, царя Израилева, руским языком напред ко чти и к похвале створителю, спасителю, утешителю богу в троици единому и пресвятой, преблагословенной, пречистой матери его Марии и всем небесным чином и святым и святицам бо-

---

[1] ніякага. [2] напісаў. [3] гадзюк. [4] разам, сумесна.

жиим; потом людем простым посполитым к пожитку и ко розмножению добрых обычаев, абы, научившися мудрости добре живучи на свете, милостивого бога хвалили по тому, яко же прилежит на великую высокость и велеможность имени его святого.

Конець прѣдсловия в книгы Притчей премудраго Соломона, царя Израилева.

Сия книга, рекомая Притчи или Присловия премудраго Соломона, сына Давыдова, царя Израилева, имать в собѣ глав тридесять и одну. Пишеть же в них царь Соломон о мудрости, о страху господнем, о службе божией, о науце, о карании злых нъравов и о научении цнот и добрых обычаев, о хитростях женъских, о царех, добрых и о злых, о справедливости, о судех, о речах противных, о ненасыщеных, о зверех некоих и о дивном прирожению их, о речах трудных к познанию, и о иных многих разноличных речах.

А пишется сия книга тым же обычаем, яко и Псалътыр, и Иов, и Исус Сирахов, понеже кождая глава делится на притчи якобы не неякии стихи или розделения, яже чтучи поразумееш.

ПРЕДЪМОЛВА ДОКТОРА ФРАНЪЦИСКА СКОРИНЫ В КНИГУ ИСУСА СИРАХОВА

Исус Сирахов — он же написал ест книгу сию еврейскым языком и потом из еврейскаго языка преложил ест на греческий язык на прозбу Птоломея Евереета, царя египетскаго, — сей был родом евреянин от колѣна Левгиева из преславнаго града Ерусалима сын Сирахов, и того ради нарецается Исус Сирахов. Сирах же был сын Исусов, сына Еседехова.

Того Исуса Еседехова, деда Исуса Сирахова, послал был Елиазар, ерей великий ерусалимский, ко Птоломею Филядельфови, царю египѣтскому во Алексанъдрию — он же был ест вторый царь во Египте по Александре великом Макидонском — и с ним седмъдесят и единаго мужей, избранных в законѣ божием и во пророцех и во всех иных писмех святых добре наученых, духа святого и философии исполненых, еврейскаго языка и греческаго досконале умелых. Сии же седмъдесят и два учителя выложили суть из еврейскаго языка на греческый закон божий, даный Моисею на горѣ Синайской. То ест пятеры книги Моисеовы, шестьнадесеть пророков, книгы судей царств, псалмы Давыдовы, мудрость Саломонову и иные многые святые писма, их же для краткости несть потрѣба тут меновати; и написали суть вси сие книгы греческым писмом. И положил е[1] ест царь Пътоломей Филяделф во книжници[2] своей промеж иными книгами. В ней же имеаше различных книг иных а иных более нежели четырьдесять тысещей. Таковый убо был милосник наукы и мудрости, иже болѣй избрал оставити в науце и в книгах вечную славу и память свою, нежели во тленных великих царскых сокровищах.

---

[1] іх. [2] бібліятэцы.

По смѣрти же сего Пътоломѣя Филядельфа царствовал ест во Египте сын его, Пътоломей Евреет. И той послал ест во Ерусалим по Исуса Сирахова, абы приехал к нему во Александрию.

И внѣгда беше Исус Сирахов во Александрии, в некий час внииде во книжницу цареву и узрел ест тамо множество книг различных и межи ими видел писмо и книгы деда своего, Исуса Еседехова. И возрѣвновал ест тому дабы оставил теже и по собѣ паметь, яко и предковѣ его оставили суть, дабы паметь его не загинула во вѣки, — яко сам о том кратце пишеть во предословии своем, — и сего ради преложил ест книгу сию из еврейскаго языка на греческый, и назвал, ест ея «Панаретос», еже и сказуется — всех добрых нравов сокровище.

Писал же ест сию книгу Исус Сирахов пред нарожением господа нашего Исуса Христа из пречистое девици Марии лѣт двѣсте и деветь во врѣмена Пътоломея Евереета, царя египетъскага.

Потом же, по нарожению нашего спасителя, лѣта четырьсотого двадесять и девятого святый Герасим-презвитер, он же беаше на Иоръдани, выложил ея з греческаго языка на латинский и назвал ест ея «Екклезиастыкус», еже по рускыи выкладается «Церковник», понеже церкви святой ест сия книга велми потребна, все бо в ней о церковной науце и о нравех добрых пишеть. Наболѣй о мудрости, о страху господьнем, о слове божием, о справедливости, о вере, о любви, о надежи, о чистотѣ, о службе божией, о долготерпении, о смирении, о милостыни, о крепости, о трезвости, о мерности, о почтивости, о щедроте, о тихости, о друголюбии, о науце Закона божия, о послушании родителей своих, о справовании самого себе, о товаристве добром и злом, о похвале мужей святых, о славе царей праведных, о достойности пророков божиих и о инших различных многых добрых обычаех и нравех, яко же чтучи в ней знайдеши. И елико крат в ней будеши чести, по кажном чтении новаго нечто научишися чего жь есь пред тым не умел, вся бо Саломонова и Арестотелева божественая и житейская мудрость в сей книзе краткыми словы замкнена ест.

Просто ж и я для похвалы божией и для посполитого доброго и розмножения мудрости, умения, опатрености, разуму и науки приложил есм працу выложити книгу сию на рускый язык, елика бо прежде писана быша к нашему научению написана суть, яко святый апостол Павел к римляном глаголеть: «Сего ради милостивый бог з различных языков нам прежде писма ест послал, абы есмо чтучи е, его миловали, ему служили и вонь[1] веровали, и к тому совершеные нравы имели и добрые дела чинили, яко бо без веры не можемы полюбитися богу, тако и вера без дел мертва ест». Сия же книга сама нас добрых обычаев и дел научаеть более, нежели иные многые книгы. Прото ж потребна ест ея всякому человѣку чести.

---

[1] у яго.

Пишеть же Исус Сирахов сию книгу по тому ж, яко и царь Саломон свое книги пописал ест, во краткых словах великий и многый разум замыкаючи, яко сам о том в предословии своем вышей глаголеть: «Где же узрите нас последующе образ мудрости» и далей, «то ест мудрости Саломоновы».

Делится же сия книга на двое. Едина часть от зачала книгы даже до чытырдесят четвертое главы. А в той части приводить нас к мудрости и к добрым обычаем путем разуму. Вторая же честь починается от четырдесят четвертое главы даже до конца. В сей же части приводит нас к святости и к добрым делом путем прикладу, припоминаючи нам жития святых, како добре поживши на свете по смерти достали суть вечное славы.

Конец предсловия.

СКАЗАНИЕ ДОКТОРА ФРАНЪЦИСКА СКОРИНЫ С ПОЛОЦЬКА В КНИГИ ВТОРАГО ЗАКОНУ МОИСЕОВА

Людьское естество двояким законом бываеть справовано от господа бога, то ест прироженым а написаным. Закон прироженый в том наболей соблюдаем бываеть: то чинити иным всем, что самому любо ест от иных всех, и того не чинити иным, чего сам не хощеши от иных имети. А на том, яко наудненим, вси законы писаныи заложены суть, нашему спасителю Исус Христу, глаголющу: «Вся убо елика аще хощетѣ да чинять вам человѣци, тако и вы чините им; сѣ бо ест закон и пророци». Сѣй закон прироженый написан ест в серци единого кажного человѣка, апостолу Павлу, пишущу: «Егда бо языци — они же закона не имають — естеством законная чинят, сии закона неимуще сами собѣ суть закон, иже являють дело закона, написано в сердцех своих».

От зачала убо веков, егда сотворил бог первого человѣка, написал ест закон сей в серци его. Прото ж Адам и Евва, первии родителе наши, познали суть грех свой, иже не послушаша створителя своего, и для того сокрилися от лица господа бога посрѣди древа райскаго. Каин теже познал ест грех свой, иже убил брата своего Авеля, прото ж и рече: «Болши ест безаконие мое, нежели бых могл милосердие умолити». Тым же обычаем и нынѣ единый кажный человек, имея розум, познаеть, иже непослушание, убийство, прелюбыдеание, ненависть, татба [1], несправедливость, злоймание, неволя, досаждение, гордость, злоречение, нелютость, клеветание, зависть и иная тым подобная злая быти, понѣже сам таковых речей от иных не хощеть терпети. А тако прежде всех законов или прав писаных закон прироженый всем людем от господа бога дан ест, и весь во едином словеси скончеваеться: «Возлюбиши ближнего своего, яко сам себе».

---

[1] кража.

Закон же написаный или от бога ест даный, — яко суть книги Моисеовы и светое Евангелие, или от людей уставленый, яко суть правила светых отець, на сборех написаные, и права земская, еже единый кажный народ своими старейшими ухвалили суть подлѣ яко же ся им налепей видело быти. А прото ж межи собою ся не сровнавають, понѣже иные, а иные иным, а иным языком ся любять, толико в том хотят ся згожати, абы были права их или закон почтивый, справедливый, можный, потребный, пожиточный подлѣ прирожения подлуг обычаев земли, часу и месту, пригожий, явный, не имея в собѣ закритости не к пожитку единого человека, но к посполитому доброму написаный.

Кто ж пак найпервей з людей во своих народех почал е писати? О том кратце ткнул есми во предословии своем, еже на перъвыи книги Царств.

И вчинены суть права или закон для людей злых, абы боячися казни усмирили смелость свою, и моци не имели иным ушкодити, и абы добрыи межи злыми в покои жити могли, яко святый апостол пишеть: «Вѣмы убо, иже добр ест закон, аще кто им законне деегь. Ведяще сее, яко праведному закон не ест положен, но неправедным, и непокоривым, немилостивым и грешником, неучтивым и сквѣрным, отцу досадителем и матери досадителем, убийцам и блудником, мужеложником и скотоложником, лъгарем и кривоприсяжцем и иным всем, они же здравому вчению противляются».

Потреба теж вѣдати, иже закон или право разноличне ся от людей называеть. Едино — посполитое, понѣже от всех народов посполите соблюдаемо ест, яко мужа и жены почтивое случение, детей пильное выхование, близко живущих схожение, речи позыченое навращение, насилию силою отпрение, ровная свобода всем, общее имение всех. Тым законом живяху верующии во Христа по вшествии его на небеса, яко пишеть: «Народу же веровавшему бѣ сердце едино и душа едина и имение едино; никто же, что от имения своего глаголаше, свое быти, но бяху им вся объща».

Другое право — языческое, от многих убо языков ухвалено ест, яко земль чужих мечем достование, градов и мест утвержение, послов без переказы отпущение, миру до часу причченого выполнение, войны неприятелем своим оповедание.

Иное — царское. О нем же пишеть Самуил, глаголя: «Тое будеть право царево: побереть сыны ваша и наделаеть с них езцев и гонъцев, и встановить собе воеводы, о сотники, и ратае поль своих, и коваче зброй своих и прочая». Прото ж и апостол пишеть: «Повинитеся убо всякому созданию человѣчию господа ради, аще царю, яко преобладающему, или князем, яко от него посланым на отмщение злодейцем, божий убо слуга ест к доброму твоему. Естъли же зле чиниши — бойся: не без ума бо мечь носить». И паки пишеть: «Воздадите ж всем долгы, ему же урок — урок, ему же дань — дань, ему же страх — страх, ему же честь — честь».

Некое же право — рицерское или военное, еже на войне со-

блюдаемо бываеть, яко справовати полки, знати своя места, розумети глас труб, делити користи, давати оброки. О сем пишеть евангелиста: «Вопрошаху же его воини, глаголюще: «и мы что сътворим?» И рече к ним: «Никого не обидте, ни оклеветайте и довольни будете оброки вашими».

Иное пак право — местьское, иное — морское, а иное — купецькое. О тых всех и о иных писати для краткости преставаю. А вси тые права или уставы божии закон в собе замыкаеть. Он же ся делить на двое: Ветхий, яко суть пятеры книги Моисеовы, а наболей сии, рекомый Вторый закон, понѣже что в первых четверых широце выписываеть, то в сих кратъце завираеть. А сей Ветхий закон до воплощения слова божия держан имел быти святому Павлу, пишущу: «Егда же прииде сполнение летом, посла бог сына своего, рожающагося от жены, бывающего под законом, да тых, они же под законом, суть искупить и вместо сынов е приимеиь». И ту ся почал Новый закон, спасителный; он же до скончания веков пребудеть самому збавителю, глаголющу: «Небо и земля мимо идеть, а словеса моя не могуть пройти».

Ведал ест Моисей духом светым о законе новом Христовѣ, иже имел по нем быти Вторый закон ласки, то ест светое Евангелие, и на знамя того написал книги сии Втораго закона, прото ж и поведел в них, глаголя: «Пророка з народу вашего и от братии вашей, яко мене, возбудить вам господь бог ваш; того послушати будете». Сии два законы: Ветхий и Новый, вси три светии патриархи пред Моисеем указовали — болшему быти последнему, нежели первому. Авраам два сына имел ест: единаго от рабыне, а другаго от свободныя. Но той, иже от рабыне, по плоти родися, а иже от свободныя — по обетованию; еже иначей бывають сказаема — сии суть два законы. Един от горы Синай в работу ражая, еже ест Агарь, — Синай убо гора ест во Аравии, прилучаеть же ся к нинешнему Ерусалиму, — и работает со чады своими. Вышний же Ерусалим свободѣн ест, и той ест мати всех нас.

Исаак, хотяй старейшему сыну дати благословѣние, и дал е младшему. О нем же речено ест: «сѣ болший поработает меншему». И яко же пишеть: «Якова возлюбих, Исава же возненавидех». И Яков по тому же учинил, благословяй сыны Иосифовы,— на младшего положи руку правую, а на старейшего — левую, крест Христов ими выобразуя и закон новый болший быти, нежели Ветхий, знаменуя.

Теже Моисей, хранящим закон Ветхий, не обецовал толико землю добрую, текущую млеком и медом. Наш же спаситель, Исус Христос, обецуеть, полнящим закон новый, светое Евангелие, отпущение грехов, ласку божию, дары духа святого, живот вечный, царство небесное, яко сам ко апостолом рече: «Аминь глаголю вам, яко вы шедшеи по мнѣ в паки бытие, егда сядеть сын человеческий на престолѣ славы своея, сядете и вы на двунадесети престолѣх, судяще обемонадесетема коленом Израилевым».

Конѣць сказанию.

СЫМОН БУДНЫ

Сымон Будны — выдатны прадаўжальнік культурна-асветніцкіх традыцый Скарыны.

Біяграфічныя звесткі аб Сымоне Будным, якія захаваліся да нашага часу, надзвычай бедныя. Мяркуюць, што ён нарадзіўся ў пачатку 30-х гадоў XVI ст. дзесьці непадалёк ад Беластока (м. Заблудава). Вышэйшую адукацыю Будны атрымаў у Кракаўскім універсітэце. Для свайго часу С. Будны быў высокаадукаваным чалавекам. Ён добра ведаў філасофію, гісторыю, літаратуру, багаслоўе, валодаў беларускай, польскай, чэшскай, царкоўнаславянскай, лацінскай, грэчаскай, італьянскай і старажытнаяўрэйскай мовамі. Такі шырокі круг ведаў дае падставу меркаваць, што С. Будны, апрача Кракаўскага універсітэта, вучыўся яшчэ дзесьці ў Італіі або Швейцарыі. Атрымаўшы добрую гуманітарную адукацыю, Будны ў канцы 50-х, пачатку 60-х гадоў становіцца адным з буйнейшых дзеячоў гуманізма і прымыкае да моднай у той час рэфармацыйнай плыні — кальвінізму, апекуном якой у Беларусі быў магнат Нікалай Радзівіл Чорны.

Першыя біяграфічныя звесткі аб Будным адносяцца да 1558 г., калі Будны служыў прапаведнікам рэфармацкай царквы, пабудаванай Радзівіламі ў Вільні. Таленавіты прапаведнік і публіцыст у хуткім часе звярнуў на сябе ўвагу віленскага ваяводы Нікалая Радзівіла Чорнага, і той перавёў яго, каля 1560 г., пастарам у Клецкую саборную кальвінісцкую царкву.

У 1562 г. Будны, прасякнуты ідэямі асветніцтва, пры падтрымцы несвіжскага пастара Лаўрэнція Крышкоўскага і старасты Мацвея Кавячынскага, арганізаваў у Несвіжы друкарню. У мэтах распаўсюджання свайго вучэння ён выдаў тут «для простых людзей языка руского» папулярную кніжку аб хрысціянскай дагматыцы — «Катихисис».

11 кастрычніка 1562 г., праз чатыры месяцы пасля «Катихисиса», С. Будны выдаў другую сваю кніжку на беларускай мове: «О оправдании грѣшного человѣка перед богом». Тут ён у духу сваіх рэлігійных перакананняў выказаў свае сацыяльныя погляды і крытычныя заўвагі па асноўных пытаннях багаслоўскай дагматыкі. Арыгінальныя рацыяналістычныя погляды Буднага, выражаныя ў гэтай кнізе, выклікалі абурэнне супроць яе аўтара не толькі з боку праваслаўных, але і з боку яго аднадумцаў-кальвіністаў, і з'явіліся прычынай разрыву яго добрых адносін з апекуном кальвінізма Радзівілам.

Разышоўшыся ў сваіх поглядах з Крышкоўскім і Кавячынскім, Будны ў 1567 г. на Скрынскім зборы кальвіністаў канчаткова парывае з кальвіністамі і пераходзіць у лагер антытрынітарыяў пад апеку жмудскага старасты і літоўскага краўчага, магната Яна Кішкі.

Сымон Будны быў шырока эрудзіраваным для свайго часу і пладавітым пісьменнікам. Яго кнігі рэлігійна-палемічнага і духоўна-маральнага зместу, напісаныя яркім і дасціпным стылем, выходзілі адна за другой на беларускай,

КАТИХИСІСЪ.

ТО ЕСТЪ,

НАУКА СТАРОДАВНАЯ ХРІСТІАНЬСКАЯ Ѿ СВЕТОГО ПИСМА, ДЛЯ ПРОСТЫХЪ ЛЮДЕЙ ЯЗЫКА РУСКОГО, ВЪПЫТАНІЯХЪ И ѾКАЗѢХЪ СЪБРАНА.

Ѿ ПЕРЪВАГО СВЕТОГО АПОСТОЛА Петра посланія Зачало з.

Готови присно къ ѿвѣту всякому въпрошающему вы, слово ѡ вашем уповании съкротостію и страхо, совѣсть имающе благу и прочая.

Цітульны ліст «Катихисиса» С. Буднага.

польскай і лацінскай мовах у Несвіжы, Брэсце, Лоску, Вільні і іншых месцах, дзе жыў і працаваў Будны. Аднак, на вялікі жаль, багатая літаратурная спадчына Буднага поўнасцю не захавалася да нашага часу. Прычынай таму была, галоўным чынам, тая пазіцыя, якую займаў Будны ў сваіх рэлігійных поглядах, будучы рацыяналістам-антытрынітарыем.

Крытычныя погляды Буднага на рэлігію, адлюстраваныя ў яго кніжках, выдадзеных на польскай і лацінскай мовах, прыносілі яму нямала непрыемнасцей у асабістым жыцці. За іх ён падвяргаўся ганенням і праследаванням як з боку афіцыйнай каталіцкай царквы, так і з боку сваіх аднадумцаў. Так, у 1582 г. на Лукавіцкім антытрынітарскім зборы Будны за свае рэзка палемічныя рэлігійныя творы, накіраваныя супроць асноўных догматаў хрысціянства, і крытычныя адносіны да святога пісьма быў асуджан як ерэтык і пазбаўлен духоўнага звання.

Год смерці Буднага дакладна невядомы. У 1597 г. адзін з сучаснікаў, добра ведаўшых Буднага, успамінае аб ім ужо як аб нябожчыку. Гэта дае падставу меркаваць, што Будны памёр каля 1595 г., бо яшчэ ў пачатку 90-х гадоў ён прымаў актыўны ўдзел у рэлігійным дыспуце паміж езуітамі і «ерэтыкамі» ў Полацку.

З выданняў Буднага на беларускай мове да нашага часу захаваўся толькі адзін яго «Катихисис», выдадзены ў Несвіжы. Мяркуюць, што ў несвіжскі перыяд сваёй дзейнасці Сымон Будны выдаў яшчэ на беларускай мове «Евангелие» (1560?), кальвінскі «Псалтирь» і арыянскі сатырычны «Катихисис».

Пераход Буднага пад апеку Кішкі ў 1568 г. палажыў канец беларускім выданням Буднага. З гэтага часу Будны пачаў выдаваць свае кніжкі толькі на польскай і лацінскай мовах. На польскай мове ён выдаў: у 1572 г. перакладзеную ім самім «Біблію», у 1574 г. — «Новы завет» (м. Лоск), у 1576 г. — «Аб ранейшых артыкулах хрысціянскай веры» і «Аб фурыях або шаленствах французскіх, г. зн. аб страшным і нячуваным замардаванні адмірала Кастылёнскага і іншых мужоў» (кнігу аб падзеях так званай Варфаламееўскай ночы). У 1583 г. Будны выдаў пашыраныя часткі сваёй ранейшай работы, выдадзенай у Несвіжы палемічнай кніжкі «О оправдании грѣшного человѣка» пад назвай «Аб урадзе меча» і пашыраны «Катихисис», выдаць які ён абяцаў у сваёй прадмове да несвіжскага «Катихисиса». На лацінскай мове Будны выдаў: «Кнігу аб двух прыродах Хрыста» (1575 г.), «Кароткае даказанне таго, што Хрыстос не ёсць той самы бог, якім з'яўляецца бог бацька, і як ён быў названы ў святым пісьме і як потым стаў богам» (1575 г.), «Абвяржэнне аргументаў Мартына Чаховіча» (1575 г.), «Просты і ўзброены святым пісьмом адказ Буднага» (1578 г.). Гэта апошняя кніга была накіравана супроць швейцарскага тэалога І. Зімлера і тэалога Станіслава Праховія.

Сымон Будны ўсё сваё жыццё і энергію прысвячаў справе асветніцтва народа. У змрочныя часы каталіцкай рэакцыі і рэлігійнага фанатызму Будны першы пасля Скарыны адважыўся не толькі ўжываць беларускую мову ў рэлігійнай пісьменнасці, але і прапагандаваць яе як раўнапраўную мову і лепшы сродак для распаўсюджання ведаў сярод свайго народа. У сваіх творах Будны будзіў грамадскую думку і сумленне народа, нёс уласны крытычны погляд на жыццё і рэлігію, закранаў амаль усе хвалюючыя пытанні свайго часу: пытанні вайны, міру, дзяржавы і права свабоднай дзейнасці чалавека. Гэтымі рысамі і вызначаецца гістарычная вартасць дзейнасці Сымона Буднага ў справе развіцця беларускай культуры і літаратуры другой палавіны XVI стагоддзя.

Змешчаныя ніжэй тэксты з «Катихисиса» Буднага пададзены па экземпляру кнігі несвіжскага выдання 1562 г., які зараз захоўваецца ў аддзеле рэдкай кнігі Ленінградскай бібліятэкі імя Салтыкова-Шчадрына.

[ПРАДМОВА ДА]

Освенцоных княжат и панов их милости панов Миколаев Радивилов, княжати на Ольще и Несвижу, воеводы Виленьского, навышшего маршалъка и канцлера великого князьтва Литовъского и далей, а княжати на Дубниках и Бержах, воеводы Троцкого, великого гетъмана великого князьтва Литовъского и далей. Сыном перъворожоным их милостям, княжатом молодым, паном Миколаем Миколаевичом Радивилом от бога отца через Христа, единого сына его в духу святом, утешителю, ласки, покою, и вечного благословенья веръного христового збору братья, а слуги их княжацъких милости, веръне жедають.

Бог всемогучый, освѣцоные а милостивые княжата, потому ся всегды напротив грѣшному человѣку заховал, ижь хотя жь сам от него отходил, пред ся его дивным обычаем от блуда и грѣхов вырывал. Тако ся напервей ко оным першим родителем нашим показал. Сих бо, — по оном их тяжком упадку, а по утраченью оного образа и подобеньства божиего, на который были створени в оной первой невинности, святости, справедливости и у правде,— з особливого милосердья своего, в гнѣве своим не рачил [1] зоставити, але ужалившися над их упадком рачил им, заразом и всему потомству их, предивный ратунок урадить, а таковое племя обецать, через которое мѣла быть стерта голова проклятому противнику сатанѣ, и оный упадок знову мѣл быть направлен, и оная первая невинность и справедливость привернена, которое то [2] обетници, о сосланю того светого насенья, ухватившися вѣрою, первые родители наши оною ся ажь до смерти тѣшили и оною жь приверъненого благославеного живота доступили. Так же сынов и потомства их, колько кроть, коли хвала панская нарушена бывала, николи пропоминать не рачил. А потому жь, по оном грозном всее плоти через потоп зглаженю Ноя, а потом Авраама, Исаака, Якова, патриархов святых и всих двонадцати поколений израильских, которые вывел з Египту, тот же от веков милосердный бог занехати [3] не рачил, але им опять оную свою обѣтницу о насенью благославеном якобы знову отновил, в котором мѣли быти благославены вси народы людьские. А тое насенье, водлуг выкладу апостолъского, называется Христос.

А так явне ся и з старого и з нового закону оказуеть, ижь пан бог всякого человека упалого опущати не рачил, а опять ни через жадного [4] иншого збавити не хочеть — одно через Христа пана, оное вечное а благославеное сѣмя, спочатку в раю обецаное, а водлуг выполненя часов, с пречистое девицы нароженое.

Так жеть [5] и теперь, освѣцоные а милостивые княжата, нам,

---

[1] не захацеў, не пажадаў. [2] племя. [3] выпусціць з-пад увагі, пакінуць. [4] нікога. [5] таксама.

остатнему потомству отцов наших, и пред остатным днем, содравшы слепоту от сердц и очъю нашых, через духа святого и светлость Евангелия сына своего, отец оный всего милосердья учинити рачил, же нам оную выполъненую вечную обетницу Христа пана, которую нам был сатан в пропасти римского и греческого Вавилона затмил, слово его святое нарушил и тайны посквернил, знову праве объяснити, а яко пальцом оказати. А нас, с тое Содомы антихристовой выръвавшы, опять знову ку истинъному збавителю притегнути рачил, которого тут, в тых малых новое кузни книгах, оным славным, здавна далеко росъширеным словеньским языком суть накоротце пописаны права. А вашим кнежацским милостям, яко тых двух в той Речи Посполитой славных одного коренья филяров [1], сыном не иншим жадным умыслом, одно, яко и оного часу (абы нихто иначей не судил) и святый Лука евангелист побожьному а зацному Феофилу двое книг своих приписал для много слушных причин, — поданы и приписаны, а звлаща для, зараз з млодости в сердцах их зачатья и занятья милости ку слову божиему. К тому тѣжь и для того, абы ся ваши княжацские милости не только в чужоземских языцѣх кохали, але бы ся тежь, ваши княжацские милости, и того здавна славного языка словенъского розмиловати и оным ся бавити [2] рачили. Слушная бо речь ест, абы ваши княжацские милости того народу язык миловати рачили, в котором давъные предъки и их княжацъские милости пановѣ отци ваших княжецских милости славне преднейшие преложеньства [3] несуть.

А так он, который сам всего початком и единым от веков збавенья поводом ест пан бог всемогучый, и ваши княжацские милости еще в молоденстве и [4] знайти рачил. Рачте ж прото его доброти святое вѣдячными быти а такого гостя зотвороными сердцы приняти, якобы есте были с такого навеженья вдячными сыны узнаны. Ботсе [5] вашим княжацким милостям, яко се вышей доложило, тот перворoccupied первородный в том языку плод только для самого того офяровал, абы-сте ваши княжецские милости зацного стану княжата, а передънейшых вожов сынове, всим иншим с себе добрый взор а приклад давать рачили, ижь бы ся много инших прикладами ваших княжацских милости будовати могли, а тая отчизна и Реч Посполитая з ваших княжацских милости благославеное надеи ожидать могла.

Яко есте тогды ваши княжацъские милости с одного коренья леторосли, рачте жь ся зачать и в том одном правдивом, верном сполъку множить и рость, абы есте ваши княжецъские милости были не только с повинности одное крови, але и з единости одного гасла, единого гетмана Христа рыцерями и братьею а сынми единого навышшего бога! В чом ваши княжецские милости рач помножить и ублагославить бог отец через Христа, единого сына своего,

---

[1] слуп, апора. [2] пацяшацца. [3] начальства. [4] яго. [5] незразумелае месца. Мабыць, трэба чытаць: «Бо то се».

в духу святом утешителю нашим. Того мы вашым княжацъским милостям от нѣго жь самого сердечне жичимо.

А то, што ся на тот час, хотя не с таковое годъности, яковое бы святые таблици божие достойны были, але з якого жь колвек даного таланъту вѣрне от вѣръного Христового збору братьи, а слуг ваших княжацских милости, на том новом початку накоротъце выдать могло, просимо: «Рачъте, ваши княжацские милости, дотуль з ласкою завдячне приимовати, покуль пан бог до чого большого допомочи будеть рачил!»

Дан[1] з города Несвижьского, от въплощенья Христова в року тисячном пятьсотном шестьдесятом и втором, месяца июня, дванадцатого дня.

Ваших княжацских милости повольные слуги:

Матфей Кавечиньский,
Симон Будный,
Лаврентей Кришковский.

К ВСЪМ БЛАГОВЪРНЫМ ХРИСТИАНОМ ЯЗЫКА РУСКОГО ПРЕДЪСЛОВИЕ В КАТИХИСИЮ

Катихисис — слово ест греческого языка, сказует же ся на словенскую рѣчь — Оглашение или гласом учение.

Вѣдомо бо маеть быти, ижь апостоли и их ученници не тако скоро и не так латвѣ[2], от еллин или от жидов к вѣре Христовой приступующись, тайнами святыми служили. И окрестил убо Пётрь и иншии апостоли на день съшествиа святого духа от людей израилевых три тисечи, але умиливши их ся сердцем и любезно приемших слово окрестил Филипп, иже от седми диакон царици Муринъское земли каженика или скопца, але аже из Муринъское земли в Еросолим поклонитися приехавъшаго, а наболей через анъгела показаного, от себѣ научоного и еще вѣру о Христе, ижь сын божий ест, исповѣдавъшаго.

Окрестил Петр еще Корънилиа, але оного, которого молитвы и милостины възыдоша пред богом, оного, о котором глас божий в видении по три крать рече, иже бог очистил ест, ты не скверъни, оного, на которого дух святый видимым образом еще научающу Петру напал. Окрестил апостол Сила сторожа темъничъного в Филипъпусѣх, але ажь перъвей к апостолом каючися поведѣл: «Господие, что ми подобаеть творити, да спасуся?!» Але аже перъвей Павел и Сила глаголаста ему слово господне; еще аже перъвей понял[3] их в дом свой и омыл их раны. Инъшие таковые мѣста опущаю. Досыт бо явъно, ижь апостоли никого от поган и от жидов не крестили, аже перъвей оного научили и в вѣре искусили.

Потом пак и труднейшее искушение было настало на хотящих

[1] Гутарка ідзе пра катэхізіс. [2] лёгка. [3] узяў.

креститися. Находим бо в посланиах учительских и в некоторих правилѣх, ижь котории ся крестити хотѣли, перъвей через немалый час повинъни били опричь в церъкви стояти, на колѣна припадати, чтение еванъгелское услышавъши, а наболей, коли уже мѣлася вѣчера господня зачинати, вън из церъкви выходити, певъный час поститися и на каждой недели в четверг «вѣрю» пред епископом или пред презвитером исповѣдати. А докул таковые речи кто выполънил, крещон не был, але такового звано оглашеным, а по-гречески — катикуменос. Науку пак их таковую Оглашением, по-грѣчески, — Катихисис [1].

Был то обычай вельми потребный и пожиточъный, бо затым многые и в познание бога и его правды приходили, и в святом житью росли и укреплялися. К тому и учители мусели своего уряду быти пилъными. Лечь [2] диавол не допустил сему обычаю долъго межи христианъми стояти, спящим бо человѣком, по слову еванъгелскому, прииде и въсѣял плевелы [3], се ест, коли ся ленили учити людей, научил их диавол, абы вѣрили, иж без науки, без вѣры и без исповѣданиа можеть человѣк спасен быти, тольки бы водою в детинъствѣ окрещон был, а пришедши к розуму, только бы в певъные дни мяса не ел, милостину хотя жь от злого набытя давал, святым ся молил и таковые речи по обычаю заховал.

А на остаток на тое ся спущали, естли кто мѣл, што бы попом по души дал, абы тѣло на посвященой земли положили, проводили, поминали, третины, девѣтины, полсорочины, сорочины, полъгодины и годины и инъшие таковые вымыслы чинили. Для того именья, села, мѣста отписовали, монастыри и будованые церъкви надавали, або знову будовали колоколы, потирионы, дыскосы, ризы, иконы или балъваны куповали, надѣваючися для таковых справ спасениа, царствиа божиего и живота вѣчъного. Все тое, мовлю, затым в церъков Христову вошло, ижь он святый обычай, которого ся перъвая церъков по повелению Христову держала, допустили диаволу вывести, а шкодливы он [4] плевел въсѣяти. Христос бо рече: «Шедшеи, научите вся языкы, крестяще их!» Тии пак не только не научають, але и сами мало правъды знають и оным, котории бы учити хотѣли, забраняють. Не иначе, но яко пред тым законъники жидовъские. О них же господь рече: «Горе вам, законъником, яко взясте ключь разумению сами не внидосте и въходящиим възбранисте!» Не надобѣ о том много писати. Вси бо вѣдаем, яковых теперь учителей маем.

Вѣдаеть весь свѣт, яко на свои степени въступають. Не тайно тѣ же, яко на них стоять и справуются. Лепъшей плакати, нежели их норовы выписовати. Оно певная рѣчь, ижь напрасно их поправлениа в наущѣ или в житии ждати. Лучшей, абы каждый, кто не хочеть згинути, иншого собѣ лекарства за часу искал, а таковым пастыром покой дал. Тако бо повелѣваеть господь, гдѣ к апостолом, се ест всѣм учителем рече: «Вы есте соль земли! Аще же соль

---

[1] Тут прапушчан выказнік «называецца». [2] але. [3] пустазелле. [4] гэты.

обуяеть, чим осолится!?» Ни в что же будеть к тому, точию да и ссыпана будеть вон и попираема человекы. Солью называеть всех учителей, яко бо соль заховуеть што ею посолится, абы не провоняло. Тако и учитель наказанием, поученем и напоминаньем заховуеть людей от духовное гнили. Але если того не чинить, повелѣваеть господь вон его выкинути и потоптати, яко соль, естли бы одурѣла, або силу свою утратила. Чого жь для непослушни есмо того повеления самого сына божиего?

Заисте бы непотреба сего слова мало важити [1]. Повинни бы есмо и на оное слово памѣтати: аще слѣпец слѣпца водить — оба в яму въпадетася. Слышиш ли, възлюбленый мой брате, ижь тя сам господь остерегаеть, абы есь в яму не упал? Упадет всяк, кто ся слепому водити допущаеть. Чого жь для от таковых слепцов не бежим? Чому ся им водити допущаем? Смилуйся уже каждый над собою бога для. Въстани от сна, уже пора обачитися. Досить есмо вже спали, коли есмо за справою сих слепцов ни бога знали, ни о спасении своем на чим лежить вѣдали. Нехай то был час гнѣва божиего за грѣхы предков наших, который ся за преданиа, або лепей за сны и старческие басни, взявши, слово божие были опустили. Мусило тако быти. Бо и святии апостоли о том прорекли и написали: Наболей Павел, сосуд изъбран Христов, тако к солуняном пишеть: «Послеть, — рече, — бог дѣание льсти, вѣровати в лжу, да суд приимут вси невѣровавшии истиннѣ, но благоволиша неправду».

Розъсмотри, молю ти ся боголюбче, естли ся сиа речь святого апостола, мовлю, вышших часов не збыла? Апостол здѣ пишеть, яко бог мѣл послати дѣание льсти. Сиа лесть чиа быти мѣла? Хиба оного, который еще в раи родителей наших прельстил? А как же тогды прельстил; толко ижь Евву от божиего слова отвѣл? И иншим обычаем ему прельстити нельзя. Докуле бо человек держится слова божиа, дотуле заблудити не можеть, поневажь свѣчу, которою собе свѣтить, маеть. По оному слову свѣтилник ногам моим—закон твой, и свѣт стезям моим. Але естли тую свѣчу потѣряеть, мусить кождый заблукатися и, яко слѣпец, дорогы рукою щупати, яко и апостол повѣдаеть. Прото пророк рече: «аще не был господь Саваоф оставил нам сѣмени, яко Содом убо были быхом». Сѣменем слово божие называеть. Тым ти обычаем диавол прельщаеть. Вѣдаеть бо, ижь скоро люди отступять слова божиего, уже все, што он схочеть, учинять. Для того и сих часов на тое был привел, ижь слова божиего учители не казали. Зачим всякие злы речи в церкви силу взяли? Лечь нынѣ бог милостивый, ужалившыся нас, открил нам грѣшным слово свое правдивое и что день значней откриваеть. Учителей ачьколвек зрѣдка вѣръных посылаеть. Прото годится и нам всѣм мѣтися к тому самым, абы есмо тое неизъреченное ласки вдячни были, слово божие обѣма, яко мовять, руками приняли, держали, по ему жили и иных к нему приводили. А ижь жатва мно-

---

[1] звяртаць увагу.

га, дѣлатель мало, того для аз недостоин, от святыя церкви служителей наменший, сию книжку от божественных писаний събрах и написах, абы вси слова божия и истины разумениа жаждущии мѣли, чого бы ся и сами учили и дѣток своих научали.

Знаю тое, ижь бы потреба сию науку достаточней выписати, але тако и час и приумение наше знесло. А ведь же напотом, естли будеть божиа воля, может ся ширей у другое управити. Наболей четвертая часть, се ест о святом крещении и о вечери сына божиего, помыслити можем опричную книжку выпустити. Ласка господа нашего Исус Христа с всими вѣрными. Аминь.

Писан у Клецку под лѣты въплощениа господа и спаса и бога нашого Исус Христа 1562, июниа 10 дня.

ВАСІЛЬ ЦЯПІНСКІ

(1540—1603)

Васіль Мікалаевіч Амельяновіч-Цяпінскі нарадзіўся каля 1540 г. у небагатай сям'і беларускага шляхціца на Полаччыне ў маёнтку Цяпіна.

Біяграфічныя звесткі аб Цяпінскім надзвычай бедныя. За выключэннем трох судовых працэсаў, якія вёў Цяпінскі за сваю маёмасць з сваяком Васілём Скіпарам, з панам Юрыем Осцікам і кіеўскім мітрапалітам Анісіфорам Дзевачкай, архіўныя дакументы іншых даных аб яго жыцці і дзейнасці не захавалі. Дакладна нават невядомы і год смерці Цяпінскага. Але, улічваючы судовы працэс паміж сынамі Цяпінскага за бацькаў маёнтак Цяпіна ў студзені 1604 г., ёсць падставы сцвярджаць, што памёр Цяпінскі не пазней 1603 г., бо ў заяве полацкаму гарадскому суду адзін з сыноў яго называў бацьку ў той час ужо нябожчыкам.

Васіль Цяпінскі пасля Буднага быў другім віднейшым і бліжэйшым прадаўжальнікам культурна-асветніцкай дзейнасці Скарыны. Як і Скарына, Цяпінскі ў сваёй культурна-асветніцкай дзейнасці зыходзіў з агульнаграмадскіх інтарэсаў народа і лічыў, што лепшым сродкам для ўздыму адукацыі і асветы сярод беларускага народа з'яўляецца пашырэнне на роднай мове кніг, і ў першую чаргу кніг «святога пісьма». Зыходзячы з гэтага пункту гледжання, Васіль Цяпінскі ў 70—80-х гадах XVI ст. прыступіў да перакладу і друкавання на беларускай мове «Евангелия». Аднак давесці да канца распачатую справу яму перашкодзіла адсутнасць матэрыяльных сродкаў для такога мерапрыемства. Здолеў Цяпінскі толькі перакласці і надрукаваць, па яго ўласнаму сцверджанню, «писаня святого

Матфея и святого Марка и початок Луки». Да гэтых трох няпоўных кніжак «Евангелия» ён напісаў сваю прадмову, якая так і засталася ненадрукаванай. Прадмова гэта зараз захоўваецца ў рукапісным аддзеле Ленінградскай публічнай бібліятэкі імя Салтыкова-Шчадрына (гл. фонд Погодина, I. I. № 29, лл. 267—270 об.).

У сваёй прадмове да «Евангелия», якая была адным з віднейшых помнікаў грамадскай думкі таго часу, Цяпінскі выступае не толькі як рэлігійны прапаведнік, але і як грамадскі дзеяч сваёй эпохі. Тут ён выказвае свае грамадскія погляды на рад найбольш актуальных і хвалюючых з'яў тагачаснай рэчаіснасці.

Прасякнуты нацыянальнай гордасцю за свой «зацный» і «довстипный» (г. зн. разумны, вучоны) «руски народ», Цяпінскі мужна заклікае да адраджэння былой славы славянства, якая, на яго думку, загасла па віне духоўных і свецкіх феадалаў таму, што яны завязлі ў сваіх асабістых справах і тым самым садзейнічалі культурнаму заняпаду свайго народа. Зневажэнне, ганьбаванне і выраканне роднай мовы з боку адукаваных вярхоў беларускага грамадства выклікае гнеўнае абурэнне Цяпінскага — патрыёта, выразніка нацыянальных і культурных інтарэсаў беларускай народнасці таго часу. Нямала нацярпеўшыся сам усялякіх бед і непрыемнасцей у сваёй барацьбе з «дужымі», Цяпінскі з вялікай павагай і любоўю адносіцца да абяздоленага «посполитого», клапоціцца аб яго інтэлектуальным развіцці і па меры сваіх сіл і здольнасцей дапамагае яму атрымаць элементарныя веды на роднай мове. Палемізуючы з адступнікамі ад слаўных нацыянальных традыцый, Цяпінскі з вялікім запалам адстойвае правы беларускай мовы на шырокае развіццё яе і высокую да яе павагу.

Такая пазіцыя Цяпінскага безумоўна мела вялікае гісторыка-прагрэсіўнае значэнне ў развіцці беларускай культуры для свайго часу, калі феадальна-каталіцкая агрэсія яшчэ толькі пачынала рабіць першыя крокі ў паланізацыі беларускіх зямель. Ён першы выступіў супроць гэтай агрэсіі і, нягледзячы на свае рэлігійныя погляды сацыяніна, якія разыходзіліся з афіцыйным артадаксальным веравызнаннем, заклікаў праваслаўных духоўных і свецкіх феадалаў сумеснымі намаганнямі развіваць нацыянальныя школы і навуку на карысць народа. Рэлігія, на яго думку, зможа садзейнічаць развіццю культуры беларускага народа толькі тады, калі яна будзе вывучацца на роднай мове. Зыходзячы з гэтых меркаванняў, Цяпінскі лічыў, што вышэйшым грамадскім абавязкам кожнага патрыёта павінна быць «улитованне к грубой простоте». Ён патрабаваў ад паноў і духавенства не паддавацца спакусам жыцейскіх інтарэсаў, а клапаціцца аб развіцці нацыянальных школ, якія павінны будавацца за кошт маёнткаў, атрыманых духавенствам у спадчыну ад продкаў паноў «не на марнотрацства, не на строй и што такого, але дле наук». Школы ж, на яго думку, павінны даваць больш ведаў у параўнанні з сучасным станам, калі «на вечный свой встыд толко прочести и то ледво и своем езыку, не болш, учатсе».

Змешчаная ніжэй прадмова В. Цяпінскага да «Евангелия» друкуецца па рукапісу Ленінградскай публічнай бібліятэкі імя Салтыкова-Шчадрына.

ПРЕДМОВА

Василей Тяпинский зацной монархии словенской, а злаща богобойным ласка и покой от бога отца и пана нашего Исуса Христа

Рад покажу мою вѣру, которую маю, а злаща [1] народу своему рускому. Тые ее оным давним вѣком славною, предков своих умѣетностью [2], покорне, яко довнимаю [3], потвердять, а если есть в чом блудна, оны то поправят: ведь же держу же не

[1] асабліва. [2] уменнем. [3] спадзяюся.

иначей, одно з Евангелии, от бога через Христа пана и его апостолов поданое, которая есть сума закону божего, которая з словенского абы им теж и их власным езыком руским в друку вышла.

И о тое, маючи пана на помочи, несмысленым або красамовным выводом, не залецаными, ани часу угажаючими словы, але, яко сприязливый, простый а щирий, правдиве, вѣрне, а отвористе, з зычливости ку моей отчизне, — поневажь которым бы то властней учинити пристоело: митрополитове, владыки и нихто з учоных через так многий час не хотѣли, — з убогое своее маетности [1] народу моему услугую, на которой и теж при ней и на именечку, хотя ж то было невеликое вжо дле накладу [2], а злаща книг старих давних на розных и не близких месца доставаючи, — над то еще в минулые лѣта тяжкие дороги дле друку и потреб тому належачих подыймаючи, а праве все до того зачинаючи знову, — ач [3] вельмим столь ведь же пред се и должачисе, ибы ми теж ижем то не влох, не нѣмець, або не доктор, а ни який постановеный межи попы. Але з чого бы мѣли пана з выкриканем фалити и радоватсе, же з их з посредку русин их им своей Руси услугуючий, бы ми, мовлю, яко то призвоито [4] бываеть, и такою невдячностью, взгардою, а некоторые, вместо помочи або дяки, и зазростью платити хотѣли. Не одно ми тое все для моее повинности и ку ним зычливости не есть прикро, але и овшем за ласкою пана бога, вдячно, стареючися о их збавенное, а на остаток учьстивое и зацное, хуть и упреимость сердца моего им показовать, и то ку фале божией кончить.

Вжо бо а еще, хотя ж то не без большое трудности пришло, ижь двема езыкы за раз, и словенским и при нем тут жо руским, а то наболший словенским, а злаща слово от слова, так яко они вси везде во всих своих церквах чтут и мают; не одно для лѣпшое их вѣри, же се не новое што, але их же властное им подаеть, але теж и для лѣпшого им розсудку, над то и для их самих цвичения [5], в том не леда [6] учоном езыку словенском евангелия — писания святого Матфея и святого Марка и початок Луки есть в той убогой моей друкарни от мене им выдруковано.

До чого, абы первей сами и их детки смыслы свои не яко готовали, острили и в вѣре прицвичали, тым часом тот катехисис, а которий сами зданем своим ,яко довнимаю за речь исте потребную ест ли не зараз, вжды [7] з своим часом, узнають, им вперед подаю. Ова их охотными и хутливыми ку можнейшим наукам в слове своем, ку статочному [8] розсудку и ку умеетности пан учинить и взбудить. А то не без великое се потребы чинить, тая бо тепер межи ними яко устала, яко загинула; обачиване речей жалосных кгвалтом слова до уст гонить.

Бо а хто богобойный не задержить, на такую казнь божию гледечи, хто бы не мусил плакати, видечи так великих княжат, таких панов значных, так много деток невинных, мужов з жонами в та-

---

[1] гаспадаркі. [2] друку. [3] хоць. [4] прыстойна, адпаведна. [5] навучання. [6] не абы як. [7] усё-такі. [8] здароваму, цвёрдаму, пастаяннаму.

ком зацном руском, а злаща перед тым довстипном, учоном народе языка своего славнаго занедбане а просто взъгарду, с которое за покаранем панским оная ясная их в слове божьем мудрость, а которая им была, праве, яко врожоная, гды от них отишла, на ее мѣстьце на тых мѣст такая оплаканая неумеетность пришла, же вжо некоторие и писмом се своим, а злаща в слове божем, встыдают!? А наостаток, што может быти жалоснейшая, што шкарадша [1], иж и тые, што се межи ними зовуть духовными и учители, смѣле мовлю, намней его не вмеют, намней его вырозуменя не знают, а ни се в нем цвичат, але и ани школы ку науце его нигде не мают, зачим в полские або в иные писма за такою неволею, немало и у себе и дети, не без встыду своего, бы се одно почули, немалаго заправуют?

Тут бых я им их же хоть одного, з мнозства личбы оных славян Иоанна або Григория, которых дле великое, не толко в своем, але теж и в розных езыках, науки и для вдячное их вымовы аж золатоустыми звали, бы были живы, рад их взял собе за причинцу до них в том, а наостаток за светка им тое речи. Естли б бо тепер были, заисте зуметь бы се мусели, видечи, яко окраса и оздоба народу их в потомстве их отнята а просто загинула; которим о як же бы потреба се стареть [2] о улитоване самих над собою. Гды бо бы, не рекучи в часы давние, посмотрели, яко то был зацный, славный, острий, довстипный [3] народ их в умеетности и яко многокрот посторонние учоные народы их мудрость мусели похвалять и овшем се от них учить.

Але бы хоть самое писмо свое, тетраевангелия [4] и апостола словенского, которое, могу мовить, перед тисечею лѣт от нѣкоторого з словян выложоно, а которое не одно в их, але и по всѣх церквах: сербских, московских, волоских [5], булъгарских, харвацких и иных чтут, уважали. Исте, хто бы хотел а умел тот выклад чести, обачил бы иж цѣлевал, а снать [6] и за собою оставил. Тот муж, наш милый словенин [7] латынских и иных толмачов яко властне слова з греческого выкладал, иж трудно зрузуметь, чи болшь греческий або словенский език умел.

И бы не было болшь, тогды и оттуль досыть знак немалый маем, як пред тым словяне, которым а што можеть быть природженшого одно не Русь, был люд довстипный, а естли бы пак [8] еще се короткости не фолкговало [9], а злаща бы были в читанью писмь своих оних беглийшими, то есть же бы се неплонно [10] им приводило.

Бы были, мовлю, што се там пишеть паметниками о их довстипе и остности, якие оны синоды з папою римским и з иными памети годные мевали, яко мнозства людей к вѣре з блудов выдвигали и яко в розмаитых езыках учоными были; к тому, яко живот свето-

---

[1] найбольш брыдкая. [2] старацца, турбавацца. [3] разумны, вучоны. [4] чатырохевангелія. [5] малдаўскіх. [6] значыць. [7] падразумяваецца Кірыл, вынаходца славянскай азбукі і перакладчык святога пісьма на славянскую мову. [8] аднак, зноў жа. [9] не уступалі, берaглі. [10] не дарма.

бливый вели, яко теж межи собою злых и фалшивых в вере братов знашали, лечили, направляли; яко зась учителей своих [1], водле науки слова божего, светобливым малженством от иных отделили, и их тым оздобеных всим народом и верам и понине ку прикладу, праве, яко свечу, чистостю малженства светячую были показали, — было бы што заисте[2] широце о них выписовать.

Але только один явный, ясный а вечное памети годный, приклад их припомню, а которий и без писма всим вѣдомый, значный а праве видомый есть. Яко они дле так великое светобливости своее мимо иных таким гойным [3] даром были от пана оздобени, же не рекучи мимо папу римского, але и мимо оных часов наученших народов в Либии, в Антиохии, в Пентаполии, Сыцылии, в Месопотамии, в Палестыне, в Финицыи и инде. Яко то и на око бы се усмотрѣти могло и у нам недалеких влохов, немцов, поляков, французов, ганкликов [4], гишпанов, а коротко мовечи, над всих на свете християнских народов, в слове божьем прозрѣвши, сами одни только того были доказали, же, подлуг науки апостольское, своим влосным езыком от так давного часу слово боже выложили, имели и нам зоставили. В чом иные вси народы их прикладом, ледве се аж за тых наших веков обачили и до того, и то не без малого забуреня и ображеня, пришли, же слово божее з латинских и иных писмь своим теж езыком прирожоным перекладати и читати почали.

Але дал бы то пан, иж бы вы, каждый от себе, о зацные панове, котори есте той речи якобы отцами по таких фалебных предках своих позастали и на мѣстьца их вступили, поневаж в том або жадное помочи люцкое дле греху нет, або только вы сами тому з милости ку отчизне вашой помочи бысте могли, гды ж простота человека бедного посполитого [5], на вас очи завжды удавала и удает и за вами идет.

В тую потребу отчизны вашое, в простоту грубую про недастаток науки братии вашое прикладом своим милосерным, если есть што милости братерское у вас, — гды ж межи всими люцкостями ничого не есть так власного, а злаща богобойному человеку, яко улитоване, которим указуем по собе неякое подобенство добротливости божее, а наконець, дле заплаты собе от пана вечное, — тому народу вашому, неумеетностью заведеному и утрапеному [6], допомагаючи, митрополита вашого, владык и учителей ваших до того прозбами вашими вели, же бы не подкупов, не посулов дле поседаня столиць один перед другим, не до животей и привильев, один над другого обварованейших [7], але слова божего сами се учили и других з маетностей и именей от ваших предков им не на марнотрацства, не на строй и што такого, але дле наук наданых. Ова [8] бы ку науце, — леч не такой, яко тепер на вѣчный свой встыд только прочести и то ледво в своем езыку на болшь учатсе, — школы заложити и науку слова божего, от так много лѣт занедбаную, выдвигнути

---

[1] маюцца на ўвазе Кірыл і Мяфодзій. [2] сапраўды. [3] шчодрым. [4] англічан. [5] простага. [6] забітаму, прыгнечанаму. [7] больш замацованых. [8] вось.

братьи вашой хотели и усиловали. Которих я не одному которому, але всим и з с тою потребою отчизны вашое богопойной пилности, ростропности и верности поручаю и зоставую, просечи пана, абых был готов, если она до конца згинет, з нею згинуть, або, если через вашь ретунок будет выдвигнена, з вами и з нею выбринуть.

А тут вжо конець речи моей чиню [1], которую замыкаючи, и то в жалости моей мовлю, если на тот час за нашю невдячность милосердья бы божего не было, тую казнь от нас отдалити. Злаща тепер наокол видим, иж везде вси рѣчи злыми розсудками так суть попсованы, иж не можеть быть ничого такь добре поведено, на што бы потвар [2] не могла быть учинена, а ни теж жадин [3] от того, чого се раз хватить отступить не хочет, абы се не здал в чом поблудит. Еще теж ижь посполите бываеть, же живого человека в дарех, а злаща своего або собе знаемаго, люди скромне и без образы зносить не могуть. Прото абых и при правдивой повести зостал и злого мниманя ушол, не мовлю всих, але таких ни усилною прозбою, ни плонным забеганем, а ни лагодными и прибавляючими доводы спирати хочу, але учинивши повинности своей досыть, мусим до маестату [4] божего отозватьсе, перед которим вси стати мусим.

А в том ничого не вонтьпим [5], же оный справедливый судья речь нашю пофалить, хотя ее так неприятели взгаржають и выкидають.

А тепер побожного читольника дле Христа просим, естли мнимает [6] в нас быть што выступного [7] або з стороны науки, або з стороны нас, абы того не приписовал нашой злости, але люцкой кревкости а не умеетности, а иж бы дле Христа отпустил. А естли ж тая рѣчь есть не мала, в которой нам вину даеть, нехай нас не соромотит, але нас нехай в том християнске напоминаеть, бо естосмы готови и зь Иоаном Крестителем здробнети, абы пан Христос рос.

Наостаток, всих побожных дле Христа просим, абы жадное васни [8] не мели против тым, которие нас щипанемь, ожиганем преследують, або иж бы и зь Ияковом або Иоаном не жадали спущеня огня з неба дле забореня господы и месца у них слову божему и овшем водле науки Христовое. Нехай им всего добра зычать, а з нами нехай за них пана бога просят, абы се упамятали а збавени были, и иж бы сами собе не зазрели так великое ласки божее зь их же имь достойностью и зацностью зачинаючое. Аминь.

---

[1] У рукапісе на л. 270 ёсць прыпіска: «Перед тисечею лѣт з геврейского ветхий, а з греческого новый завет, то есть всю библею, што ж иных або толковых писм, их предки выложили и в своих церквах власным єзыком своим и понине оставили, а они тепер не толко в геврейских, в греческих, але и в словенском своем умеетность стратили». [2] ганьба. [3] ніякі. [4] трону. [5] сумнявацца. [6] думае, мяркуе. [7] адхіленага. [8] варожасці.

БАРКАЛАБАЎСКІ ЛЕТАПІС

У другой палавіне XVI ст., побач з традыцыйнымі літаратурнымі жанрамі, у беларускай літаратуры ўзнікае новы жанр — мастацка-гістарычныя запіскі, або мемуары. Сваімі знешнімі рысамі гэты жанр нагадваў шматлікую і шырока распаўсюджаную ў свой час, а цяпер паступова адыходзячую ў мінулае, летапісную літаратуру.

Як і ў летапісах, у мемуарах строга захоўваўся храналагічны парадак перадачы тых або іншых звестак, хваляваўшых аўтара, многа ўвагі ўдзялялася апісанню стану надвор'я, не заставаліся па-за ўвагай аўтара і значныя грамадска-палітычныя падзеі яго часу. Але круг гістарычных падзей у мемуарах значна вузейшы, чым у летапісах. Аб'ектам адлюстравання ў мемуарах у большасці выпадкаў з'яўляюцца толькі тыя падзеі, якія непасрэдна звязаны з асобай аўтара. Аўтар тут выступае сам у ролі расказчыка аб бачным і перажытым, пагэтаму эмацыянальная насычанасць мемуараў звычайна большая, чым у традыцыйнай летапіснай літаратуры.

З мемуарнай спадчыны Беларусі XVI ст. да нас дайшлі «Запіскі жыхара сяльца Баркалабава» (Баркалабаўскі летапіс) і «Дзённік» Фёдара Еўлашэўскага.

Баркалабаўскі летапіс ахоплівае час з 1563 да 1608 гг. У параўнанні з «Дзённікам» Еўлашэўскага ён дае больш звестак грамадска-палітычнага жыцця сваёй эпохі. Але ў апісанні грамадска-палітычных падзей аўтар летапісу не заўсёды бывае дакладны. Ён часта блытае даты падзей, імёны цароў, епіскапаў і да т. п. Гэта дае падставу меркаваць, што аўтар летапісу быў міранінам, чалавекам, які блізка стаяў да земляробчай працы і быў далёкі ад разумення гістарычных падзей свайго часу.

Аўтар Баркалабаўскага летапісу да гэтага часу не высветлен. Спробы ж некаторых даследчыкаў прыпісаць аўтарства летапісу Аляксею Мсціслаўцу або Фёдару Магілеўцу не маюць пад сабою дастатковых і бясспрэчных падстаў.

Арыгінал Баркалабаўскага летапісу зараз захоўваецца ў Дзяржаўным гістарычным музеі ў Маскве (фонд Сінадальнай бібліятэкі № 790).

Урыўкі з Баркалабаўскага летапісу друкуюцца ў хрэстаматыі па выданню М. В. Доўнар-Запольскага (гл. Университетские известия, № 12, Киев, 1898. Прибавление, стр. 1—38).

Могилев

За господаря кроля Жикгимонта [1], за митрополита Иону, за владыку полоцкого пана Хребтовича, за держанем пана Стафия Воловича, за старосту его пана Баркулаба Корсака, а пан Иван Чорный был городничим, место Могилев засели люди прихожие на Леткове, к Печерску идучи, то вотчичи — Сухоч, Бутак Андросович, около места прихожие люди селяне с Княжич, з Головчина, з сел многих; которые сели за Дубровною, то буйничане и голынчане селяне, также и з Радивонкович. Бо первей было село Радивонковичи, а потом Буйничи — старые села давние; а которые сели на слободе на Гривце, на берегу около Кощоваго, коло Десятиныя, продки их з Смоленска пришлые смоляне, то ест Гаврило Дристун, Иван Беляй, Максим и иных много, также Овтушко Богатый, — тые вси з Смоленска пришли. Лета 1526 болший замок зароблен и принято много горы Могилы, на который теперя замок Могилев стоит по на горце Могиле, назван Могилев. Почавши от Днепра, идучи подле Дубровны аж и за Печерское не гетой стороне кгрунты, то все Буйницкое было, а Буйничи село княженье можное [2] держало: князь Крошинский, князь Мосалский, пан Бакулаб, пан Солтан, пан Филон и иных панов много...

Барколабов

По взяти Полоцком за господаря короля Августа, за митрополита Девочку, за владыку полоцкаго Варсанофия Волоха, за ласкою господаря кроля, за великие и почстивые послуги, за силное горловане [3], за нелютование здоровя, и нежалование маетности [4] у справе рыцерской военной его милости пана Буркулаба Ивановича Корсака, ротмистра и старосту дисенского, на лесе глухом, на грунте лесном, на врочищу, прозываемом Брус, закликавши на волю и давши слободы год дванадцать людем прихожим за волею божиею и за благословенством людей духовных заложил замок именем своим Баркулабов року 1564.

Такъже соорудил храм святаго духа а другий престол рожство господа нашего Иисуса Христа и посветил его року 1568. За владыку Варсонофия, за митрополита Иону, року 1568, за кроля Августа [5], за пана Баркулаба и за врядника его Раковскаго села Вендорож, Куты, Ловечы, Будища людми прихожими засадили, а потом в том же Вендорожи року 1586 во великий пост церков святого Покрова сооружена и попу вендорожскому его милость князь Богдан Соломерецкий тую церков отдал, бо тая была первей парафея баркулабовская, парафея отца Алексея Гавриловича Мстиславца, отца Феодора Филиповича Могилевца...

---

[1] маецца на ўвазе польскі кароль Сігізмунд I Стары (1506—1548). [2] моцнае, уплывовае. [3] храбрасць. [4] маёмасць. [5] Сігізмунд II Аўгуст (1528—1572).

Року 1576 наехал, албо взято Стефана Батуру [1], княжа Семикгродское, на кролевство Полское. Тот господарь король Стефан Батура, княжа Семикгродское, праве был человѣк побожный, рыцерский, военный, щасливый, правдивый, правый. Того ж року корону принял, а Гендрик [2] король с кролевства полского утек до своее земли.

На початку от него новый календарь украдоватися почал; прето немного лет и на свете мешкал [3].

Пан Баркулаб Иванович Корсак, староста дисенский и ротмистр кролевский, войт дисенский, рыцер и военник добрый, славный, замок Дисну, замок Вороничи, замок Леплю, замок Чашники—тые вси замки по взятию Полоцком веспол [4] с паном Романом Ходкевичом сами и з своим людом позакладали [5] и места поосажали людми добрыми. А потом року 1576 месеца августа 20 дня в понеделок у вечере дву годин в ночи пан Баркулаб переставился [6] на старостве Дисенском в замку Дисенке, а погребено честно [7] тело его у месте Виленском у церкви святыя богородицы...

Москва Могилев выжгла в Петров пост

Року 1580, господарь король Стефан был под Псковом и взял город Псков [8], а Москва, то ест Серебреный, з немалым войском, место славное Могилев выжог; там же у краи Шклов, Копысу, села велми выпустошили такъже и около Могилева. На Орши и до Радомли, Мстиславля тых замков не подходила ани рушила; а в Боркулабове князь Чарторийский Иван [9] з войском своим на тот час был, так теж и Темрюк со тристами войска татарского при нем был у Баркулабове, на тот час и сторожу у Новоселках московскую поймали; а потом Темрюк и князь Чарторийский князь Иван, взявши ведомость певную от сторожи московское, которую поймали у Новоселках, то ест на имя Ивана, и князь Иван Чарторийский зехал от Шупень, дорогою великою шкловскою до Могилева тягнул, а Москва под местом Могилевом места жгут, а Темрюк з Баркулабова дорогою могилевскою на Задубровеня до замку Могилева з войском притягнул, а войско литовское у Шклове стояло. Тепер же от Могилева почали отпирати с трех сторон: Чарторийский от Шупень, Темрюк з Баркулабова, войско литовское з Копыси, из Шклова, Москву от Могилева отперли, побили, отогнали. Страшно было трупу московского гледѣти, реку Днепр силным трупом язовища [10] загородили, иж колко не-

---

[1] Стафан Баторый, польскі кароль (1576—1586). [2] Генрых Валуа быў каралём у Польшчы пасля Сігізмунда II Аўгуста два гады, потым тайна пакінуў польскі выбарны трон і вярнуўся на радзіму ў Францыю, дзе стаў французскім каралём. [3] жыў. [4] супольна, сумесна. [5] заснавалі. [6] памёр. [7] з пашанай. [8] Звестка аўтара не адпавядае сапраўднасці. Акружэнне г. Пскова Баторыем адбылося ў 1581 г. і поспеху не мела. [9] зяць Баркулаба Корсака, жанаты на яго дачцы Еве. [10] рыбалоўная застава на рацэ або сажалцы.

дель днепровое рыбы не ядали и воды не пивали, для великого гнюсу трупу московского.

Року 1579, пан Андрей Гудовский, урядник баркулабовский, собравши войско немалое пешаго и конного люду триста с паном Филоном и з его милостью князем Богданом Соломерецким, старостою кричевским, а надо всими тыми войсками люду учтивого [1] яко шесть тисечей пан Андрей Гудовский гетманом был; под Смоленском и Рославлем так места выжгли волости, села попустошили; под замком Смоленским моцно и охотне штурм мели, толко не дал им господь бог его достати, албо выняти [2]; з ласки божое з добычею великою до домов своих здоровы з доброю славою приехали...

Року 1583, месеца септеврия [3] 8 дня, его милость князь Богдан Соломерецкий, староста кричевский и луцкий, приехавши з войска з службы з двору его к(о)р(олевской) милости с под Пскова, по взятию, панну Евву Баркулабовну, старостянку дисенскую, у стан малженский [4] за себе взял, а веселе было у месте Виленском...

Того ж року 83, праве о светом Петре, албо на самый день Петра и Павла [5] святого у Головчине робили, пруд сыпалы. Якобы о полудни у месте Головчине у брони остроговой силный и великий гром забил 12 человек, а трех человек не знашли, не ведет где ся подели, если вода занесла, албо песок засыпал.

Того ж року многа множества страшных и великих чудес господь бог оказати рачил: [6] перуны и грады великия, сухость, морозы маль не через все лето были у Литве. От великого морозу на поли у колосьи жито посхло, многия домы панов зацных от перунов великих погорели, зиме з морозов и метелицы по дорогам многое множество людей убогих, также и купецких померло. А лете великий жар был: жито, яри, трава, также ярины огородныя все погорело у Литве, а звлаща [7] около Менска, около Вилни, люди убогия з хлеба на Русь давалися — молодцы [8], жонки, девки, много на Русь и на Украину понаходило...

Року 1586 веснѣ у великий пост пан Михайло Гарабурда послом на Москву ходил. Оттоль вывез примиря [9] на год двадцать, а мешкал на Москве аж до семое суботы, а приехавши у Литве умер.

Того ж року на святаго Юря мороз а снег у колена выпал. Тогды на Фоминой недели люди овсы, ячмени сеяли, а пред се был урожай добрый. Того ж року пан любенский и пан троцкий умер, а пану Лву Сапезе волость пана Любелскаго досталася.

Року 1583 календар новый выдан за кроля Стефана, за митрополита Девочку, за владыку полоцкого Терлецкого ляха, бо перед тым был ротмистром, и век свой зжил. На тот же час было великое замешание промежи панами и промеж людми духовными, также и людми простыми было плачу великого, нареканя силнаго,

---

[1] шаноўнага. [2] узяць, захапіць, вызваліць. [3] верасня. [4] шлюбны. [5] Гэты дзень царкоўнага календара прыпадае на 12 ліпеня. [6] пажадаў. [7] асабліва. [8] хлопцы. [9] перамір'я.

похвалки[1], посварки, забуйства, грабежи, заклинания, видячи яко новые свята установляли, празники отменяли, купцом торги албо ярмарки поотменяли, — праве было начало пристья антихристова, у таком великом замешанью. Того ж часу почали у во Лвове, у месте Виленском, у Берестю школы науку выдавати, братерство якоесь установляти и тым закон и веру утвержати, за патриархи не кажут бога просити, ани его успоминати, толко за папежа[2]; тепер же почали сеймы — соборы чинити и до них изежчатися...

Року 1586, месеца декабря 4 дня часа 9 о полудни, великий король полский Стефан Батура, княжа Семикгродское, переставился, а поховано у Кракове.

Року божого нарож (еня) 1586 взято на кролевство Полское кролем королевича швецкаго.

Року 1587, зима была велми снежная, морозы силные, метелицы великие, так же и весна велми неуставична[3] была: редкий день минул без снегу, аж до святого Юръя, а Юрей святый был 2 недели по святе; а потом на четвертой недели по святе в ночи были немилостивые страхи: великие дожды кгвалтовные домы подрывали, верхи позносили, яко через всю тую ноч не засыпали люде, по полям у пастухов статки градом побило, а в лесе деревем, у князя Головчинского много стирт з житом перун пожог, по селам статки мало не вси побив град по полям...

Року божого нарожения 1587 месяца июня 7 дня послы шли московские до Варшавы кроля обирати на кролевство полское по смерти кроля Стефана: боярин и наместник коломенский, велико перимъский Стефан Василевич Годунов, боярин и наместник коломенский Феодор Михайлович Троекуров, ярославский печатник и ближний дияк господарский Василей Яковлевич Щолканов, думный дияк Дружина Панътелеев Петелин. На том же сейму варшавском ничого доброго не усеймовали, бо межи панами была великая незгода: поляки вотовали[4] на Максимилиана, цесаря християнского, Литва вотовала на князя московского, кролевая вотовала на кролевича швецкого, и затым розехалися, не постановивши ничого доброго. На том же зьезде было немилостивые посварки и забойства, выличили на том сейме невинне забитых сем сот голов. Были теж на том сейму з многих и далеких земль, то есть от царя турецкого, от князя московского Ивана Василевича, от Максимилияна, цесаря християнского, от кроля швецкого; всих тых было з розных украин послов двадцать. Конвакация[5] септебря 20 дня: пана Кишку послали послы по кролевича швецкого Жикгимонта Третего, с которым кролевая сама послала двору своего выбраного люду коней пятсот.

Року божого нарож. 1588 взято на кролевство Полское кролевича швецкаго Жикгимонта Третего, а короновано у Кракове на вознесение Христово. Того ж часу и тело кроля Стефана поховано.

---

[1] пагрозы. [2] па́пу рымскага. [3] няўстойлiвая. [4] падавалi голас. [5] сейм для прызначэння караля.

Прето што ся почнет не з благословенства божого и старших панов господарей наших, а за призволеньем белых голов, не много господь бог помогает и грады множит, албо покой дарует. Тепер же за держаня кроля пана нашего Жикгимонта Третего явилася промеж панами великая немилость, показалося отщепенство и великое гонение у святой вере на церкви Христовы, а наболей на веру кафолическую [1], на веру християнскую; оставивши голову Христа спасителя нашего, показуют и становят на то местце старшим головою Петра и насветшаго папежа. Были войны розные великие Зыкшмилем (з Мокголем) Волоским, з кролем шведским, з козаками запорозскими, праве, згола [2] якобы мало не пуста земля была. Так же у збожью неурожай, голоды великие, дорогов силная, поветрие [3], моры, лета непогодныя незрожайныя, праве на все недобро и неспоро было стало...

Того ж року 88, у месте Виленском там у тых краях, так же у Киеве и на многих странах великий мор был. Того ж року 88, от семое суботы аж до Рожства Христова велми великая была непогода и неуставичность: в лете дожду не было, а у восень снегу не было, толко вѣтры а дожды, у восень о святом Покрове велми поводок великий был, аж под лугом пошла, праве яко на весне велика была, а до Рожства Христова у Днепре вода прибывала, из берегов выливалася.

Року того ж 88, месяца генвара 18, после святого Афанасия на третий день дожды великие были, аж снег согнало, праве было яко на веснѣ: пастухи на бор с статками погналися на паству, а потом за недель три знову зима лютая...

Року 1590, были козаки запорозкие Матюша с полком, Голый с полком, у Могилеве аж до Минска приставъство по волостях брали, а кривды шкоды не чинилы, толко жонок охочих, тых намовляли и заклинали, абы з ними на низ ишли, и взяли з собою жонок и девок, яко двести поголов...

Того ж року 92, сталося великое и немилостивое замешане у вере от римлян на святую веру восточную греческую; почали соборы помесные чинити, то ест у месте Виленском братство навчоных людей до себе на поратунок прибавили з места Лвовского Григория Раготинца, Стефана Зизания. Тые силную и великую войну з рымляны мевали, не толко на ратушах и при рынку, по дорогах, но и посредку церкви святое войну, потарчку [4] великую мевали, яко ж им господь бог против их упоров великих измышленных уставов и законов николи не помог и не поможет. Тепер же почали от господаря кроля до архиепископов с прозбами и грозбами листы фалшивые писати и посылати по всих градех.

Року 1590, месеца июня 29, у Берестю Литовском на рождество Иоанна Предтечи был собор, за митрополита Рагозу, а за владыку полоцкаго Терлецкаго, нижли [5] на том зьезде ничого доброго не вчинили, на который собор и его милость князь Богдан, староста

---

[1] праваслаўную. [2] зусім, цалкам. [3] эпідэмія. [4] палеміку. [5] але.

кричевский и олучицкий, посылал попа своего баркулабовскаго Федора Филиповича...

На день святого Иоанна рожства [1], в понеделок, вбежал отец митрополит в место Берестко. Службы тогды при нем было архимандритов, то ест именем з монастыра Супресля, на имя отец Исаия Великая Борода, з Бытенино монастыря пана Тризны игумен Паисей, диякон Игнатей, а архидиякон Калист, архимандрит лаврешовский Гедион Бролиницкий, архимандрит городненский, архидиякон Осаф, господина митрополита дворный Григорей Иванович, протопопа Нестер з Городна, иных много множство — архимандритов, игуменов, протопопов, попов. Того же дня было читано козане от владыки володимерского Патея о ржествѣ Иоанове душеполезно. По казаню зошлися. Того дня митрополит был на обеде во отца Патея. Во второк службы божии не было, толко поведал казане тое ж владыко володимерский Патей о пастырех: аз есм пастыр добрый, душу свою полагая за овца, — видит волка грядуще и прочие. Того ж дня владыко луцкий приехал со братие своею.

Того ж дня на том же козаню, коли пытал владыка володимерский туж всех стоящих во церкви, мовячи: «ели добре ест читано, албо зле?» Весь собор рек: «добре». Тут же стоячи подле, слово рек владыце володимерскому на оча некто Валериян Палисвет, иж дей, отче владыко, ты читаеш зле, то ест противу себе читаеш. В тот час и того ж дня было во церкви великое забурене и замешане, аж Полисвета тако вон с церкви вивести. Того же дня по обеде козали Велирияна поставити сред монастыра пред собою вес собор и пытали его тыми словы: «Што ты за потребу мел мовити до мене во церкви? Мов ты со мною тепер очивисто [2] пред всеми». Тогды Валериян, принявши благословенство от всего збору, рек: «Ото чесный светый архиепископе и твоя светыне, нас добре учиш, а сам зле чиниш, малых робят неразумных у попы ставиш, а от них по осми коп [3] береш». В тот час был посред монастыря великое замешане и посварак, аж Валерияна, бивши и мардовавши [4], во багаделню в ланцуг казали посадити.

Во среду скоро по взатрени козали звонити на збор. Собравшимся светым отцем во церков, напервей отчинили царские врата, запалили свечи, поставили налой на онбоне, положили евангелие разгорненое. Митрополит сел на особливом месте, владыки на особно, архимандрити на особливом месте, также архидияконы, протопопы, игумены, священницы, братства на особливом месте, также панове, бо их мало было. Слышали, иж римляне [5] будут. Напервей рекли: «Амин». Потом рек архидиякон велегласно [6]: «Встанте, встанте, встанте! падши ниц, молитву, молитву мовити о пришествию святого духа на собор сей и на люди сия»! По сем пытали

---

[1] З гэтага абзаца пачынаецца дадатак да апісання Брэсцкага сабора 1590 г. які ў рукапісу знаходзіцца на лл. 14 об. — 16 об. і прадстаўляе сабой устаўку да адпаведнага месца. [2] асабіста відавочна. [3] капа азначала лік 60. [4] мучыўшы, катаваўшы. [5] прадстаўнікі каталіцкага веравызнання. [6] гучна.

владыки всех, мовячи, на што ся тут собрали, албо зъехалися. Тут если бы были иноверцы, тут же бы почали о вере гадатися[1]. По опыте онем[2], иж се не было с ким годатися, туж показывали кривды свои, кому от кого деетьсе. Потом подавали листы и жалобы братства на владыку лвовского Болобана. Потом, тут же во церкви стоячи, дал жалобу отец владыка володимерский Ипатей на владыку лвовского Болобана, иж дей позвов от митрополита посланых не принял и попа посланнаго до него казал збившы втопити. По сем лъвовяне и Виленскѡ братство право свое братское туж покладали, яко они братство моцне мают и где школы братские мают мети. Потом листы от многих панов до митрополита и до всех владык писаных подавали, так жалобных. Потом был вечер, хлеба ести разошлися.

Во четверток тую справу справовали: которые листы на кого показывали, на который бы мели вырок[3] отдати и их проклятию поручити.

В пяток вырок выдали, иж маем в недѣлю прокляти владыку лвовского, также архимандрита и попов его. Того ж дня подан был лист от арцибискупа Станислава з Незна, абы мы сами тако ж и вы соборов жадных[4] не чинили без битности его корол. милости. В тот час было забуреня и плач всем великий.

В суботу постановлене творили — церковное правило, яко се мают справовати во церквах, и со крестами за Муховец реку до монастыря вси отцы ходили, там же было дивно зрети.

В недѣлю по службе божей было выволане и проклинане владыки илвовского, также и архимандрита его, што страшно слышати и жалосно велми то поведати, яко се там деяло. Тут же седячи отец Михайла митрополит[5] показовал лист писаный от велможнаго княжати Соломерецкого через посланце его.

В понеделок духовное право было з великим жалем, иж маят ехати вес собор до его королевской милости о всех справах.

Второк розехалися з Берестя; митрополит ехал до монастыра Супресля...[6]

Был сенод у Берестю рок 1596 месеца октоврия 16

Так се деяло на день зьезду зложоно октобра по-старому, а 16 по-новому. Сходилися духовенства и рыцерства послы и панове засесть и духовенъства до господы княжати его милости воеводы киевского[7] до каменицы пана Роского, отколь посылали до митрополита двох особ от духовных, а двох с кола рыцерского, ознаймуючы, иж се зьехали на сенод, абы ознаймил местце, на которое бы ся сходили з ними для намов, тому часови належачих. Он отказал, иж еще не намовилися о местцу, але до заутрешнего

[1] размаўляць. [2] гэтым. [3] прысуд, прыгавор, пастанова. [4] ніякіх. [5] Міхаіл Рагоза. [6] На гэтым канчаецца ўстаўка. [7] князя Канстанціна Астрожскага.

дня четверга 7 октобра отложил. И прибита была карта [1] от него в церкви соборъной мурованой, там местце схоженю ознаймуючи. В том часе мел быти ему дан позов духовный от отца Никифора, ексарха [2], посланого на то от Гаврилия, патриархи Костентинопольского, абы перед ним становился назаутрее для усправедливеня в таковых выступках, в чом будучи от кого-с перестережоный, митрополит и владыка крылися у господе ксендза бискупа луцкого. Того дня не рано у середу прибыл до Берестя его милость пан воевода троцкий [3], и зараз был у его милости княжати воеводы киевского, который повѣдил, иже ест послове от его королевской милости на тот сенод з его милостю паном канцлером и паном подскарбим, которых же немаш, абы се тым его милость не ображал. Тую обмову его милость кгды княжа в коле поведил, тым вси были ображени людским повоженьем, же их милост знати не дают и не давали и стерегли уплыненье ся часу сыноду. Сынод зачали того дня. На самым року маршалка обрали духовные, также поселств с килку поветов слухали. У четверг заседали княжа воевода киевский и з сыном княжатем, воеводою волынским, велми рано на свитанью до его милости пана воеводы троцкого, а были там годин зекгаровых [4] болш пяти под полудень. В тим приехал пан канцлер с подскарбим и шли просто до воеводы троцкого, где и князя застали и знову толко ж час немалый сами стравили. От себе слали послов до митрополита шесть особ с кола рыцерского, 6 особ духовных, 6 послов з места, давши до него мовене, и на писме доложивши в нем, абы часу не зволочил, а з ними зышолъся и намовил. Кгды ж тот зьезд толко народу рускому зложон, дознавши его быть, и тых владыков [5] отщепенцами оных за пастыров не мети, а иных обрать, а их зложить старатисе будуть, если о собе справы певное не дадуть публице, если при старой вере и благословенстве патриарха стоять.

Тых послов поткало княжа, — вжо ехали до митрополита [6]. Тые послы митрополита зостали вже в панов сенаторов менованых. Которому кгды так поселство веселое прочитали, просили о цедулу [7] тую; одно ей им не дано. Тые вси пришли от митрополита без отказу, обецуючи своих послать, яко зараз и прислали пана Прецвица, кашталяна [8] каменецкаго, пана Шуйского, третего каменецкого инстикгатора [9]. Тые до княжати его милости широкими словы реч учынили о том поселстве, иж то з господы вашей милости ровне яко отповедь, обо декрет яким был послан до митрополита, ображаючисе тым о то, иж им того там писма не зоставили: кгды ж они головного по того зьезде местце его кр (олевской) милости поведаючисе быть конклюзыи [10] одной, одное справы без их милости

---

[1] аб'ява. [2] намеснік, упаўнаважаны. [3] князь Мікалай Радзівіл. [4] гадзіннікавых. [5] Кірыла Тарлецкага, Іпація Пацея, Ляонція Пелчыцкага, Дзіанісія Збаражскага. Гермагена. [6] Міхаіла Рагозы. [7] маецца на ўвазе пісьмо епіскапаў да караля, у якім яны давалі сваю згоду на унію з каталіцкай царквой. [8] службовая асоба высокага рангу, накшталт губернатара. [9] пракуратар. [10] заключэнне, патрабаванне боку ў судовым працэсе.

быти не могла. Княжа учинил обмову, иж там был у их милости, однак држачи то от их милости всих, же што колвек чинили, то бачне чиним и при них стоить и стояти будет; потом розвелися троха з речу до плачу, же се то они ничым ображають: «Мы вси маем ся тым ображати от тых здрайцов наших, которые то навариили и от тых, хто им того помогаеть, вжды терпливе зносячи явную кривду, на бога помсту и оборону положив». Потом поведил пан Гулевич, человек досыть добре годный, маршалок обраный, иж не княжа его милость, але мы вси послали, а княжа его милость ест яко одна персона. Если их милость и оные послы поведили, же-х мы не до вас посланы, але до их милостей княжат, и до новокрещенцов и евангеликов, не мем жадное справы. На тот час где они будут, там ничого слушного постановлено быти не может. Он теж поведал: «я теж вас не прошу, абысте який отказ чинили от мене». Княжа теж оповедаючисе вобец[1], же ничого без них в той справе чинити и мовить без их милости не хочет. Потом по малой хвиле прислали их милость, же сами хочут быти у княжати.

И приехал пан воевода троцкий, пан канцлер, пан падканцлерий и ишли на упокой до княжати. По годинѣ мають быть у княжати, прислал до кола, иж хочут их милость быти у вашей милости, а то вже было смеркшисе; чекали на них килка годин. В том образившысе тым вси, иж так долго на них чекают, кгды ж не вем, о чом намовы сами з собою чинят: зде идет о всих нас и сумненя нашого. Прирекши у пятницу о 14 године зьехатисе и речи зачатыи кончити и разъехалисе, а гурмом з нареканьем. И то могли сенаторове слышать добре, бо были окна на улицу, а гук немалый теж был людей.

На завтрее в пятницу по мене прислав пан подскарбий и иных собрав до себе, там же напоминал: а што ведать, якую с того потеху, обецуючы на потомные часы, ведучи до згоды; чого а николи в нас не мог зеднати з отказу, же мы не хочем быти таковыми, яко там тые отщепенцы. Он мне отказал: ваша милость не смееш пана воеводы смоленского. И на том заплатил[2], жем не от его милости приехал, але сам от себе.

Потом ехалисмы до кола до братии. Там же была инструкция поселств, читаных зо всих земль и поветов, земли Волынское, с Подоля, с Подгоря, з Руси, из Литвы, зе Лвова, с Киева, с Премышля, с Пинска, же много их плачом были порушони, у послов самых привилев браты их; указовано, колко постановеных порядков патриарха костентинополского, а по тым часе от королей их милостей конфѣрмованых[3] доводов. За се на писме, што ведять, як много указалосе на митрополита, як писал до людей листов зашитых и отвористых, упевняючи их, иж не ведает, ани мыслит о том отщепенстве. За тым реченье мовены были, не быти им послушным,

---

[1] разам, сумесна, наогул. [2] адказаў. [3] довады, якія абапіраюцца на догматы царквы.

от духовных. Теж декрет на писме был наготован, коли пан каменецкий и з ним княжа воевода волынский от панов послов его крол. милости, абы с кола рыцерского было высажено депутатов чтыри, а з духовных чтыри. Также много они своих не ведаючы, иж до добрых речей хочут се зносит, до чого далися намовити, еднак не инде и на иншом месте, одно там же, где смы заседали; в другой избе варовавши [1] собе тож, абы их депутаты в жадную се реч без ведомости всего кола не вдавалися; але поданые, от них слышавши, до кола принесли. Там панове сенаторове дали невинне нашим латине. А потом скоро казанье вчынил на две годиле княжа. Наши килку посланцов слали, зовучы своих до себе, что обачивши сенаторове казали му кончити.

И пришли наши. То ж што-с мы розумели, принесли нам, иж хочут згоды, абы папежа головою признати, календарь приняти. На то собе не дали наши реч ани слова, отказали до них через пана Древинского и пана писара володимерского, иж на то зезволити не могут з многих причин на тот час, аж не всим порадком тако верячы и неслушным поступком зачалися о направы в речах духовных, с так малою частю людей духовных ничого становити не могут; але папеж нехай с патриархами о том намовит, або порозумене вчынившы сенод зложат и о том становят, а мы без старших своих духовных о том и мыслити не хочем. Тыи принесли орацыи [2] до них, жалосно учинено, упорными зовучы. За тым декрет от того наместника патриархового оферован. В том ноч зашла.

В суботу скоро смы се зешли до кола, декрет патриаршый и проклятство на митрополита и владыки было по-руску чытано, переложено з кгрецкого, барзо словы пиенкными [3] и досыт жалосными. В том пан канцлер литовский [4] прислав до мещан виленских, зовучи их до себе, которые пойти не хотели до их згоды. Тот же им отповедал, иж того з жалем и со клопотом уживете, — што они светчили в коле. Пан маршалок теж наш усказал до пана канцлера, иж есте, панове Литва, стратили, — тым преводим не мало панства до Полски. В том зараз от пана канцлера и от пана подскарбего пришли до княжати воеводы киевского инъстикгатор каменский с килку слуг их, припоручаючы у тридесяти тысечей золотых оного екзарха, посла патриаршеского, зовучы его шпекгом з Белгорода и до того Стефана и попов зовучы их выволанцами [5]. На што княжа им отказал, иж не толко ве тридесяти тисечей золотых, але и в килку кроть сто тысечей приймую и на сейме их становити будут, а там се откажет, если слушне выдают выволане на людей невинных; а хто слушне заслужил, на того не выдают; а коли колко был, а вказувано на то и грека, тот отец Никифор Азар Протасый, сей яко бы первоседалник по патриарсе, пытал, што то за кголк; поведал му по-грецку, иж его препоручают. И став на лаве, упросивши, поведал, иж тот сам здрайца, хто мене здрайцою подоймо-

---

[1] забяспечыўшы. [2] прамовы. [3] прыгожы, цудоўны, добры. [4] Леў Сапега. [5] выклікаными ў суд.

вает, духовный жены детей нимаш, абых се ме того подоймовать для набытя маетности, але и свое острадал для имени Христова; але тые сами сут здрайцами, иж крадут християн, подмовляют, розные причины найдуют. И вказал привилей свой всих чтырех патриарху посланныя его в тот край зо всякою моцъю, яко бы сам патриарх был доброволного приеханъя на сейме, обецуючысе ставити, яко и станет.

Так же княжа его милость, жалем будучи порушоный, вказал до пана канцлера и до пана подскарбего, иж нехай королем его милостю не грозят, бо он весть, яко повинность и веру пану своему хова, и его фамилия старожитна, не новотна; але нехай их милость мовят, мне грозят сами собою; если што мают до мене, ставлюся их милости всюды, где ми кажут.

Потом прислали князя Шуйского из другим якимсь лешком [1], иж ■ нас згода доходит в костеле, если воля вашей милости быть там з собою помоч быти. Поведил, же зараз пошлем. Десять человек с кола рыцерского, десять особ духовных, десять послов мещан выправлено, або протестацыи осветченье вчинили, — на то не зезволят. И возные [2] были з княжатем ■ енералов килка. Которые кгды приехали до костела, там их до фортки гайдуки пана подскарбего и пана воеводы троцкого и слуга не пустили; они теж ехали назад з великою жалостю. А то было в суботу вже не рано. Того дня княжа воевода волынский, волынцов и подолян мело быть не мало у пана подскарбего на обеде, и не были там, будучи тым барзо образкоаы. Протестацый не принято ■ замку нѣяких наших: Митрополита и владыков праве кгвалтом, слыше, примушано до присяги. Они просили для бога на отложеньи до сейму, але арцыбискуп лвовский, бискуп луцкий, пан канцлер их упевняли ласкою кр. его милости, обецуючи то им, привели их до присяги, а там же митрополит з четырма владыками присягнул на старшинство папежу, на календар и на артикул, иж дух святый от отца и сына походит и на едность костела. И зараз в неделю езуита в соборной церкви служил имшу [3], а Скгарга казане поведал, а Потей службу служил у костеле в Рожейского олтара. Там же у олтара руского, где служил римлянин, в келиху вино у кров барзо шпетную [4] смродливую обернулася, же тот езуита непоживал, а у олтаря римского у Потея вино обернулося у простую горкую воду.

Там же у Берестъю нашолъся был человек якийсь простый, который великие речы мовил, же страх слов его людей преникал, бо Писмо все на паметь знает; штось дивного, певне не тот, што мел у голову заходити, и напоминал, абы люде своей веры моцность держали. Тых лотров [5], митрополита, их владык не видали, бо их не пустили римляне. Того ж дня в суботу зараз с костела пан воевода троцкий приехал до княжати, пожекгнал [6], жалуючи незгоды ■

---

[1] з палякам. [2] ураднік, абавязкам якога было вызначэнне вінаватасці каго-небудзь, разноска позваў у суд і назіранне над выкананнем судовых прыгавораў. [3] абедню. [4] брыдкую, агідную. [5] нягоднікаў, вырадкаў, разбойнікаў. [6] развітаўся.

ехал до Чернавчич. А мы в неделю вси разьехалися, заварши[1] то и запечатовавшы и подписавшисе до того писмом, албо универсалу его кр. мл. послалисмы; ужили пана Гулевича, маршалка, а пана Еламолинского и пана Броневского, людей годных: праве два евангелицы, а третый новокрещенцов...

Лета божого нароженя 1595, месеца ноябра 30 дня в понеделок за тыдень перед святым Николою, — Севериян Наливайко; при нем было козаков 2000, дел 14, гаковниц[2]... Место славное Могилев, мѣсто побожное, домы, крамы, острог выжгли, домов всѣх яко 500, а крамов з великими скарбами 400. Мещан, бояр, людей учтивых так мужей, яко и жен, детей малых побили, порубали, попоганили, скарбов теж незличоных побрали с крамов и с домов. Тут же войско литовское пана Радзивила троцкого, гетмана литовского, до Могилева у погоню за козаками притегнули люду рыцерского конного збройного: татар 4000, литвы 14000. Над тым людом был гетманом на имя Миколай Буйвид. В той час Наливайко лежал у Могилеве две недели.

Услышал о том Наливайко, иж гетман з великим людом и з делами до Могилева тягнет, тогды Наливайко з могилевского замку на гору Илинскую, где тепер церков святого Георгия стоит, бо на тот час не было, выехал. А так войско литовское на поли Буйницком, именю велможного его мл. князя Богдана Соломерецкого, старосты крычевского и олучицкого, на войско Наливайково вдарили и кругом оступили. Там же зранку аж до вечера, яко бы вже к вечерни звонити час, межи собою битву мели, яко ж Литва з войском великим натискали на войско Наливайкино. Пред се один другому войску мало шкоды учинили, бо великую армату, так дѣл[3] и гаковниц, пулгаков велми при собе множство мел, также люд свой отаборив конми, возьми, людом, шол моцно. Яко ж з дела с табору Наливайкины козаки пана зацного пана Григория Анюховского забили; первей коня под ним застрелили, а потом, выпадши с табору, козаки его самого розсекали. Тепер же Литва от козаков отступивши, до Могилева на болший луп[4] поехали, а козаки на всю ноч ехали до Быхова аж на низ. Литва за казаками гналася аж до Рогачева, да ничого згола не вчинили козаком; а литва и татары рушилися до Менска, до Новагорода и до Вилни, набравшися тутешнего краю лупу.

По выеханью казаков и литвы, тогды было зиме ни зима, ни лѣто, ни осень, ни весна аж до месеца мая до святого Афанасия снегу не было.

А иж козаки Наливайкиного войска почали творити шкоду великую замком и паном украйного замку. Того ж року 95, з войском литовским погонивши в селе Лубни, на речце Суле, козаков побили. Первей Савулу стяли[5], Панчоху чвертовали. А Наливайка Северина, поймавши по семой суботе, до кроля послали, там

---

[1] закрыўшы. [2] гармат. [3] гармат. [4] грабеж. [5] засеклі.

же его замуровавши, держали аж до осени святого Покрова; там же его чвертовано...

Року 1599, месеца мая 27 дня, праве в семую суботу с полудня, у месте Баркулабове пришла до церкви боркулабовское дочка жидовки Марямки, арендарки боркулабовское, именем Стирка; и пилне слезне упадала и просила священика боркулабовского Федора Филиповича для бога, абы была прекрещена у веру християнскую. Яко ж порадившисе с паны постронными, з боярми, земянми, з шляхтою и з урядником баркулабовским паном Федором Плетинским, наупоминаучы писмом святым и приводячи ее до памети, если правдиве маеш тот умысл християнкою быти ни для малженства, абысь мела за которого человека християнского замуж пойти, албо для лакомства маетности, али правдиве. Оная жидовка именем Стирка тыми словы отповедала, стоячи пред церковъю пред всѣми зацными паны и пред народом християнским: иж дей я, панове мои, вже давно з молодости моея, а правдиве дей вже полтора рока, яко сама ся на то позволила, просячи со слезами господа бога, и кладучи честный святый крест, ложачися и вставаючи, на лицы своем, абы мне дал то видети, християнкою зостати; с хутъю [1] и з великою радостю того прагну Христову веру мети. Яко ж назавтрии в день сошествия святого духа з народом божим и много множтво панов шляхты людей учтивых, так мужей яко и жен и детей, яко ярмарочного часу крещена была, у ваннѣ погруженна, и названа во святом крещении именем Елена. Того ж дня матка ее Марьямка с криком, с плачем, для бога просечи, приходила тут же до крестилницы, падаючи просила, абы ее не крестившы пустили, обецуючи за то великий поклон и подарок дати. Яко ж нѣкоторые мещане видели многое чарованъе оное Марьямки, што она поганскими чарами египетскими дочце своей чинила: яко была везена до их милостей князей до Буйнич, оная Марьямка, улезши у лазню студеную, голову открывши, волосы роспустивши, печку розметала, чаровные поганские слова говорила, проклинала, обема рукама назад кивала, ноги свои везала, иного много зла поганства творила, проклинала, абы жива не была...

Новины в. м. ознаймую, которые ми в тую пришлую среду, праве вседаючому на рокош [2] с Подляша мене дошли. Препис з листу слов власных до мене писаного в. м. выписую. Нещасливые новыны моему милостивому пану ознаймую, же наши битву з рокошаны програли, што кролевской милости пришло людей тридцать тысечей чужеземского на помоч. Который надею великую маючи а до того рады злое услухавши, легце себе важечи [3] панов рокошан, которых не было болш над пят тисечей, хотев их смерти, але они плац отрымали. Хотя з обу сторон не мало пало, але еднак стороны нашей чужеземского люду немцов не мало пало. То уже битва была по выезде моем с Подвыслицы, зачым тут наши

---

[1] жаданнем, ахвотай, схільнасцю. [2] шляхецкае паўстанне супроць палітыкі караля. [3] значачы.

мазурове и подляшане и инших воеводств бегут заразем за ознайменьем от тамътоль от панов депутатов, як на кгвалт [1], яко перепис универсалу тые новины от понеделка 8 дня октобра на выезде моим тые новины принесены...

Року 1600, месеца септевриа [2] 18, в четверток пан Ян Варшавский, также его милость пан Лев Сапега, канцлер литовский, староста могилевский, на Москву до царя восточного князя Василия Годунова [3] послами ходили, и з ними княжат панов зацных множество и мешкали на Москве недель 20. Тамо ж приняли примире на год 20...

Того ж року у самую у восень не по обычаю месеца септеврия 17 дня у волторок от западу силный великий гром был в нас и по всим сторонам велми силно гримел, также и блискане молони было; а и ночи мороз и вѣтер был, а тое было прознаменование — напредѣ будеш читати рок Христа 602, 603: великие болести, хоробы, так же войны великие, голод, неврожай силный, было поветрие албо мор на людей перехожих, множество на низ [4] идучих; около тысещ 4000 з голоду мужей и жен детей пошло, так иж страшно было видети, иж на улицах, по дорогах, по гумнах, у ровех псы мертвых многих тела ели.

Року 1601 великая война была у Вифлянтех с королем шведским за Жикгимонта Третего. Того ж року запорозкие козаки у Швецыи были, да ничого не помогли, толко великую шкоду господарю вчинили, бо место славное, место богатое Витебск звоевали, мещан побили, панны поплюгавили [5], скарбы побрали, многое множство людей порубали, незличеные скарбы побрали...

Року 1601. Тот был неуставичный: то ест почали жито на хлеб жати голодные люди пред Усѣкновением главы святого Иоана Предтечи, а в копы почали жито жати на святого Симеона Столпника; и то было зерня велми мякко. А дожали жито перед Покровом за 2 недели, бо дожд уставичне шол недель 12. Яр почала высыповатися о святом Петрѣ, а по святом Покровѣ за две недели почали яр жати; и то было зелено. А потом после святого Симеона Столпника октября 4 дня снег великий выпал; прето што было пашни, ярицы, овса, пшеницы, ечмень, горох, боб, то все снегом напало, и великую яри шкоду учинило. Згола было всему не добро, як збожю, также и людем; а предсе цена збожю средняя была...

Того ж року 1601, месеца октобра десятого дня, цѣлую неделю снег силный и кгвалтовный ишол, выпал до полголени; также и буря силная была. Тогды пшеницы, ярицы, овес, гречиху, горохи и вси овощы, великое множство ярицы на полях непожатые, также и копы жатые снегом позаметала метелица, иж было жалосно и страшно гледети и выповедити уздыханя и плачу людей убогих, пашников немаетных. А так лежал тот снег 2 недели аж до Дми-

---

[1] насілле, павіннасць. [2] верасня. [3] Барыса Гадунова. [4] у Запарожскую Сеч. [5] дзяўчат гвалтавалі.

тровы суботы; яко ж з великих морозов река Днепр был замерз, и ездили по нем яко серед зимы. А потом за ласкою всемилостивого господа бога для плачу и великого уздыханя снег ростал и река Днепр расплынулся. А потом почали жати — горовати по снегу у стужу. Были теж морозы великие, огнѣ клали, сами грелися, иж страшно и жалосно было гледѣти: три — два человека на ден ледво снопов 40 нажнут овса албо ярицы, бо велми к земли прилегло. Люди убогие, як на весне жали — горевали, але вже толко для статку, а того много статками на весне сами господари свое збоже травили; маки, горохи, бобы, просо, репа — то все згола погинуло. А которые молотили ярь, зерня толко знак, а коли змелет, спечет, — то у печки испечется, а з лопаты у печ не зложит; с печи аж ополоником выберет. Также и жито велми было не умолотно; а коли муку житную у хлебе спекут, то тесто печеное солодко, а за скорину хотя ложки клади, а в печи не печется. У восень роли и жито сеяли которые старым житом, то предсе ни во што, а которые житом новым сеяли, тые не жали. Яко ж две доле тых людей было, которых оралы и не сеяны были... А тот гнев божий был и непогода, почавши от Менска до Полоцка к Витебску, до Орши, до Мстиславля, до Пропойска, до Рогачова, Могилева, Любошаны.

Потом у Речицы, в Лоеве, в Киеве аж на Волын добрый врожай был. А так потом много множества людей убогих з голоду на низ з жонами и детками и з семею, што иж страшно было не толко видети, але трудно было и выписати, то ест з верх з волости Шкловское, з Друцка, з Дубровны, з Круглы, з Бобря, з Витебска, с-под Полоцка, с-под Менска и з инших многих украин. Того ж року была зима злая, снеги великие и силные были морозы. Многим людем поморозило кому ногу, кому палцы, другому вид, уши, нос, а другие з морозу померли. А коли вже была весна в року 1602, тот наход людей множство почали мерти; по пятеру, по тридцати у яму хоронили. Хворых, голодных, пухлых много множство, — страх видети гневу божого. А так при великих местох человека по едному у яму ховали, священники проводили.

Там же которые ишли на низ, тые вси там померли, мало се зостало. А так мерли одны при местах, на вулицах, по дорогах, по лесах, на пустыни, при роспутиях, по пустых избах, по гумнах померли. Отец сына, сын отца, матка детки, детки матку, муж жену, жена мужа, покинувши детки свои, розно по местах, по селах розышлися, один другого покидали, не ведаючи один о другом, — мало не вси померли. А коли тот наход у ворот, албо в дому у кого стоячи хлеба просили, отец з сыном, сын с отцом, матка з дочкою, дочка с маткою, брат з братом, сестра з сестрою, муж з жоною, тыми словы мовили силно, слезне, горко, мовили так: «Матухно, зезулюхно, утухно, панюшко, сподариня, солнце, месец, звездухно, дай крошку хлеба!» Тут же подле ворот будет стояти зраня до обеда и до полудня, так по просячи: там же другий под плотом и умрет... А коли варива просили, тые слова мовили: «Сподарыня,

перепелочко, зорухно, зернетко, солнушко, дай ложечку дитяку варивца сырого!»...

Року божого нароженя 1603 были козаки запорозские — неякий гетман на имя Иван Куцкович. При нем было люду козацкого яко 4 тысечи; брали приставство з волости Боркулабовской и Шупенской, то ест грошей коп 50, жита мер пятьсот, яловиц полтораста, кабанов 50, сал свиных 100, меду пресного пудов 60, масла пудов десять, куров пятьсот, сена воз триста.

Того ж року 1603, в месте Могилеве Иван Куцка здал з себе гетманство козацкое для того, иж у войску великое своволенство: што хто хочет, то броит[1]. На тот же час был выеждый от его крол. милости и от панов и рад, напоминал, грозил козаком, иж бо они никоторого кгвалту в месте, по селах не чинили. Перед того ж выеждчого от его крол. милости приносил один мещанин на руках своих дѣвчину у шести летех змордованую, зкгвалчоную, ледвей живую, чого было горко, плачливе, страшно глядети. На тое вси люди плакали, богу сотворителю молилися, абы таковых своевольников вечне выгладити рачил[2].

Потом по Иване Куцку был гетманом Иван Косый. Тые козаки брали приставства у Полоцку, у Витебску, на Орши, у во Мстиславлю, у Крычове, у Могилеве, у Головчине, у Чечерску, у Гомли, у Любечу, у Речицы, у Быхове, у Рогачове и по всих местах. А на Волыню, на Подолю, у Киеве там на тот час жолнери[3] лежали, которые з Волох выехали, яко десять тысящ; и тых в сих краех приставство брали.

Так же у Менску и по всей Литве там жолнери татарове, которые выехали з Швецеи, по тых местах приставство брали. Яко ж в тых роках 600, 601, 602 великие силные были незрожаи, так же голоды, поветрее, хоробы, бо в летах тых бывали лѣтом великие морозы, силные грады... Тогды всего того насеня в Киеве, на Волыню куповали, и то потросе; ледве можный[4] огород засеял, а на поли по лядах, по нагноях нихто не бывал, албо редкий сеял, бо насеня ярнаго каждый мало мел. А коли козаки запорозкие назад на низ отсоля выеждчали, тепер же великую силную шкоду по селах, по мѣстах чинили: жонки, девки и хлопята з собою много брали. Так же коней много з собою побрали. Один козак будет мети коней 8, 10, 12, а хлопят трое, четверо, жонки албо девки две албо три...

Того ж року 605 якийся знашол у краю Низовом, а звлаща у дворе князей Вышневецких якийсь Дмитр Иванович царевич; яко ж бывши при дворе их милости панов радных и собравши войско немалое люду низовского и козаков запорозких, так же люду руского множество, с тым людом поехавши, Стародуб, город московский, узял, лысты по всей Москве розослал, поведаючи себе быти царя Дмитра Ивановича Московского, которого еще малого яко бы мел Годун стратити, нижли страшно и до царя Годуна прине-

---

[1] робіць, свавольнічае. [2] патурбаваўся. [3] салдаты. [4] магчымы.

сено, але не оного Дмитра Ивановича, в него место малое дитятко, а его дивне было сховано и на Украину Низовскую было вывезено. Яко ж о того Дмитра Ивановича животе и мешканю, о бытности его, обычаех и поступках и мешканю его дивне и плачливе и трудно было выписати, яко ж история о нем ест написана по достатку у других летописцах. Яко ж не по малом часе оный Дмитр Иванович з людом взявши град Стародуб и Москву осел, а Годуна с царства своего Московского согнал, и не ведати где ся Годун подел. Яко ж Дмитра Ивановича познавши его Москва по давных знаках царских, был корунован царем вместо в отца своего Ивана, царя московскаго на Москве. А хотя ж и коруновали его, пред се не мели со собою доброе и зуполное згоды; одна Москва приймовала его за царя, а другая не приймовала; тут же промежи ними была силная и великая незгода и посварок и велми о нем штось дивне радили, хитре, мудре, скрыте, молчком радили, о чем наперед услышыте...

Того ж року 1606 Дмитр Иванович, будучи ему коронованому церем на Москве, не порадившися, ани пытавшися сынов боярских, по своей ему воли, по своей мысли, послав и змовивши панну зацную за себе у пана (Мнишека)[1] воеводы сондомирского и Полщи; яко ж оные послы, змовившы панну, привезли на Москву и самого пана сондомирского воеводу, такъже з ним много множество добрых, зацных панов и паней и панянок зацных шляхетных. Яко ж того року 606, было веселье на Москве и было при том веселю литвы, руси и поляков и волынцов, поведали яко сем тысящей выбранцов, коштом великим выбраных, в злате и сребре, в жемчугу, у каменью дорогом, иж того ум человеческий сказати не возможет. Яко ж потом веселю за колко дней, албо недель Москва вся, забравшисе и змовившися межи собою, и ночи без вѣсти безпечне, грозно вдарили на палац самого царя Дмитра Ивановича и на вес почет его, так литву, русь и поляки и на пана сондомирского.

В тот час побито от Москвы много множство почту царя Дмитра Ивановича, люду зацного, люду служалого рыцерскаго, панов зацных шляхетных, также зацных паней, панянок; тым всим великое насилство, посмеване, што их злый умысел мыслил, то чинили; плачливе и страшно было слышати о таковой злой пригоде тых людей учтивых, а самого царя Дмитра не ведати где ся он подел. Одны поведали, — убит, а другие поведали, — жив утек, о том нихто на тот час певное ведомости не мел, а самого пана сондомирского не згубили и з дочкою его[2] до вязеня посадили. А которых на тот час панов не побили, тых множество люду служалого, яко убогих, так и богатых полупивши[3], шаты[4] добрые з них собравши, брони поотнимавши, нагих, босых за границу выгнавши, попускали. А то за великие прикрости литовские и насмеванье полское сталося им, иж был збудовал царь Дмитр ку воли жоне своей

---

[1] У рукапісу прозвішча Мнішака прапушчана, мабыць, аўтар дакладна і не ведаў яго. [2] Марынаю. [3] парабаваўшы. [4] адзенне.

на Москве костел полский и мниши служили службу божую, а з руских церквей великое насмеване чинили, попов московских уруговали, з них ся насмевали, — мели то собе за великую кривду и великое зелживости своей, не хотячи у царстве своем, абы была вера ляховитинская [1]; бо в них того от веков не бывало, ани хотели того во царстве своем мети. Прето их побили, помордовали и с царства своего Московского прочь выгнали, а себе на царство царем помазали Шуйского. Потом того ж року 606, господарь король полский Жикгимонт Третий послал гонца своего о том до Москвы пана Яна Кгенсевского; и того там же на Москве посадили, и седел тот гонец много.

Того ж року 606, месеца июня 5, почался починати якийсь рокош. Там же на тот рокош зьеждчалися панове руские, пруские, жомоитские, мазовецкие, подляские, волынцы, литва, поляки, зголо [2] от всих землей и поветов панове велможные, панове зацные, всяких вер, всяких языков. И стоял тот рокош у Сондомиру месяцей шесть. Яко ж там тот край выгубивши, выпаливши, опустошивши от Покрывницы две миле, и не учинивши и не постановивши ничого доброго у восень о святой Покрове розехалися проч...

Того ж року 607, месяца мая после семое суботы, ишол со Шклова и з Могилева на Попову Гору [3] якийсь Дмитр Иванович; менил [4] себе быти оным царем московским, который первей того Москву взял, и там же оженився. Бо тот Дмитр Нагий был напервей у попа шкловского именем... дети грамоте учил, школу держал; а потом до Могилева пришол, также у священника Федора Сосиновича Николского у селе дети учил. А сам оный Дмитр Нагий мел господу [5] у Могилеве у Терешка, который проскуры заведал при церкви святого Николы. И прихожувал до того Терешка час не малый, каждому забегаючи, послугуючи; а мел на собе оденье плохое, кожух плохий, шлык [6] баряный, в лете в том ходил. А коли были почали познавати онаго Дмитра Нагого, в тот час з Могилева на село Онисковича Сидоровича аж до Пропойска увышол. Там же у Пропойску были его поймали, во везеню седел. А потом пан Рагоза, врядник чечерский, за ведомостю пана своего его милости Зеновича, старосту чечерскаго, оного Дмитра Нагого на Попову Гору, то ест за границу московскую пустил, со слугами своими его пропровадил. А коли приехал до Москвы, то ест Поповы Горы, там же его Москва по знаках царских и по писаных листах, которые он, утекаючи з Москвы по замках написавши, давал, — через тые уси знаки его познали, иж он ест правдовый певный цар восточный Дмитр Иванович, праведное солнце. Тут же почали радоватися, в шаты, убиоры коштовный одѣли; потом конного люду семъсот до него прибегло. Тут же почал лысты писати до Могилева, до Орши, до Мстиславля, Крычева, до Менска и до всих украинных замков, абы люде рыцерские, люди охотные до онаго

---

[1] вера ляшская, г. зн. каталіцкая. [2] амаль. [3] раённы цэнтр Бранскай вобласці, цяпер называецца Красная Горка. [4] уяўляў. [5] кватэру. [6] шапку.

Дмитра Нагого прибывали, гроши брали его. И заразом с Поповой Горы оный Дмитр Нагий, сей мнимый царь московский, осел замок московский Стародуб. Тепер же почался люд гулящий, люд своволный — скоро Дмитро, то и молодцы. Якийсь наймит з Мстиславля до него пришол. На тот час на Москве царем князь Андрей Шуйский [1]. Тогды, собравшы войско Дмитраш, и почал войну творити з Москвою и с князем Шуйским, нижли одны москвичи признавали его царем быти и самая Москва и вси болшие бояре московские, — и иныя многая Москва, которая первей его добре знала быти царем московским: ино дей якийсь вор московский, и другие поведили быти и называли его так — плут. И так до оного Дмитра Нагого Москва писала быти его таким — царь вор, Гришка Отрепич, рострыга.

Потом зас явился другий царь на Москве именем Недведок. Тот Недведок з людом немалым сам передался на Москву царю Андрею Шуйскому. Тепер же почали войска до царя Дмитрия прибывати, войска великие, войска силные. Отселя з Литвы, Руцкий з ротою, Лисовский, Велемовский, Сапега и иных много, а знизу [2] роты великие: князь Вышневецкий з ротою, князь Ружинский з ротою; там же волынских, подолских зацных панов з ротами, а с Полщи пан Стадницкий з ротами великими. Там же на Москве в тот час бог ведает, што ся там деяло: места, замки малые выплендровали [3], але под столицею все лето стояли, много штурмов утратили, — недостали. Там же купцы шли многие з горелками, и тые великую шкоду Москве делали, — хотя купцы, и тые жолнерами себе поведали быти; яко ж оные жолнере и вси купцы, которые там на Москве были, чудно и велми дивно о цари Дмитре поведают: якось дивне у войску справует, иж дей у ночи не спит, толко убравъшися во платье леда каковое то...

[1] Васілій Шуйскі. [2] з Украіны. [3] абрабавалі, раскралі.

ФЁДАР ЕЎЛАШЭЎСКІ

(1546—1604)

У гісторыю літаратуры Фёдар Еўлашэўскі ўвайшоў як аўтар дзённіка, матэрыялам для якога яму служылі багатыя асабістыя ўражанні, звязаныя з яго юрыдычнай дзейнасцю навагрудскага падсудка, а таксама назіранні над навакольным жыццём свайго часу. Праўда, назіранні гэтыя ў сваёй большасці носяць мясцовы характар. Багатыя палітычныя падзеі Беларусі таго часу не знайшлі ў дзённіку Еўлашэўскага дастатковага адлюстравання; аб іх ён толькі гаворыць між іншым. Тым не менш дзённік Еўлашэўскага дае багаты матэрыял для характарыстыкі быту, культуры і светапогляду шляхецкага саслоўя, прадстаўніком якога з'яўляўся і сам Еўлашэўскі.

Біяграфічныя звесткі аб Еўлашэўскім надзвычай бедныя. З яго дзённіка вядома толькі, што нарадзіўся ён 7 лютага 1546 г. у сучасным горадзе Ляхавічы ў сям'і небагатага шляхціца. Першапачатковую адукацыю Еўлашэўскі атрымаў дома, якая, па яго ўласнаму сцверджанню, складалася з ведаў «рускай» і польскай граматыкі і ўмення чытаць яўрэйскія тэксты. Астатнія веды ён набыў пазней, калі займаўся практычнай дзейнасцю пры дварах тагачасных магнатаў. Тут ён навучыўся рахункаводству, юрыспрудэнцыі і набыў некаторыя веды па філасофіі. Сучаснікі паважалі Еўлашэўскага за яго розум і, нягледзячы на яго параўнаўчую беднасць, знатныя паны даручалі яму весці свае судовыя справы па ўсіх інстанцыях, нават у сеймавым і ў задворным каралеўскім судзе. Здольнасці адваката прынеслі Еўлашэўскаму пашану сярод суайчыннікаў, і яны выбіралі яго на розныя грамадскія пасады.

Па сваіх рэлігійных поглядах Еўлашэўскі быў прыхільнікам, але не паслядоўным прадстаўніком, моднага ў той час пратэстантызма. З дзённіка відаць, што ён нярэдка знаходзіўся ў палоне рэлігійных забабонаў, верыў у існаванне «лятаўцаў» і «інкубасаў» і лічыў, што іх існаванне выклікае рознага роду «поветрия», г. зн. эпідэміі, верыў у лёс чалавека.

У сваіх грамадскіх поглядах Еўлашэўскі прытрымліваўся перакананн я, што знатныя паны маюць ад бога даную ім перавагу над шляхтаю. Вось чаму ён асабліва паважаў сваіх паноў, у якіх знаходзіўся на службе, і з гордасцю заяўляў аб сваім званні слугі Хадкевічаў. Сваю ж земскую судовую пасаду, якая даставалася яму па выбару як члену незалежнага і паўнапраўнага саслоўя, Еўлашэўскі ў такіх выпадках не прымае ў разлік. Што датычыцца палітычнай арыентацыі, то трэба адзначыць, што Еўлашэўскі быў прыхільнікам шляхецкага патрыятызму і падкрэсліваў гэта ў сваім дзённіку. Памёр Еўлашэўскі ў 1604 г.

Урыўкі з дзённіка Еўлашэўскага ў хрэстаматыі друкуюцца па выданню В. Антановіча (гл. «Киевская Старина», т. XIV, № 1, Киев, 1886, стар. 128—160) з копіі дзённіка, якая знаходзілася ў той час у бібліятэцы Інстытута Асалінскіх у Львове. Арыгінал дзённіка захоўваўся ў той час у рукапісным аддзеле бібліятэкі графаў Патоцкіх у Вільянаве каля Варшавы.

[Урыўкі з дзённіка Еўлашэўскага]

Самому пану богу мому зо всяких добродѣйств его насветшое милости нех зостава вечна честь и хвала, за которого презренем[1] и я, Федор Евлашевский, уродилемсе от выше помененых родичов моих в Ляховичах ■ року[2] от нароженя сына божого 1546, мѣсяца февраля 7 дня, в неделю, ночи пришлое[3], около полночи, а дано ми име ведля[4] свята руского, которое было на он час в понедѣлок, мѣсеца февраля 8 дня, а у римлянов положено ест мѣсеца марца 2 дня — Теодора, гетмана от Лициниуша змучоного. А яко мелом ведомость от родичов, же в рок по уроженю моем, промовилем до отца моего «абба», з чого се они урадовали. Але я намней[5] потом не мовил, аж ■ полъчварта[6] року от нарожиня моего почалом мовить. А в пятом року почато мне бавити[7] наукою рускою, кгды ж в тых часех в той нашей стороне не было еще инших наук, и для того пришло ми зостати з рускою и полскою наукою, и по жидовскый написати умелом. Але тое письмо их потребуе умеетности[8] языка ебрайскаго[9], або хоть немецкого, кгды ж вже тепер библия жидовская немецким езыком, а литерами их выдана, чогоб полским езыком учинити бы се не могло для ортокграфеи, якей в инших языках не маш. А потом, удавши се на службу, трафяли[10] ми се таки паны, которые ме[11] оборочали[12] до браня поборов[13] и чиненя личб, порозумевши на то з натуры способного. И пан бог был завше[14] зо мною.

А потом, за наступленем и поднесенем[15] войны от короля его милости Жикгимонта Августа[16] з кнезем Иваном московским[17], року 1564 мѣсеца генваря 27 былем ■ битвѣ на Иваным полю над рекою Улою. А потом то и до вприкреня[18] были ми частые язды на тые войны: а яко от тераз[19] упатрую[20], мало потребные, бовем[21] же и Речи Посполитой пожитку не веле[22] те войны приносили, а мне паметне зостали для утерпеня великих пригод, трудностей, шкод и невыповеденых невчасов. Самому пану богу хвала, же ме зо всих их выбавять, а праве на некоторых местцах чудовне охранять рачил[23], давши ми, праве, у вшитких[24] людей вдячность, ласку и учинность[25] над надее мое. А неприятелей, которые некгды з задрости повставали и головы свои подносити хотели, значными плякгами[26] отврачаючи, ■ упорных ■ дивными припадками з света зглажаючи, жем[27] тою, праве, толко ласкою божою не толко убезпечоный, але и розпещоный[28] будучи, никгдым се ку оборонѣ от неприятелей моих не готовал, ани-м се за слова их брал, очекиваючи власне помсты божой, котра теж никгды не омешкала[29]. А некгды

---

[1] воляю, жаданнем. [2] у годзе. [3] наступнай. [4] паводле. [5] больш. [6] у палавіне чацвёртага. [7] забаўляць, вучыць. [8] умення, ведаў. [9] яўрэйскага. [10] трапляліся. [11] мяне. [12] арыентавалі. [13] хабараў. [14] заўсёды. [15] аб'явай. [16] Сігізмунд II Аўгуст, кароль польскі з дынастыі Ягелонаў (1548—1572 гг.). [17] рускі цар Іван IV Грозны (1530—1584). [18] прыкрасці. [19] цяпер. [20] бачу. [21] бо. [22] многа. [23] жадаў, турбаваўся. [24] усіх. [25] чуласць, паслужлівасць. [26] бедствамі, няшчасцем. [27] што. [28] распешчаны. [29] не замаруджвала.

и ве мне самым аж плач и велике порушене в духу чинила. Уважаючи так вшехмоцного и великого бога, незапаметане мне, межи незличоным людом, яко робачка малого, и непожаловане тратити можнейших [1] над мене ку обороне моей.

Року 1565 мешкалем [2] в месте виленском, выбираючи побор [3] названный покгловный, где-м мел великую втеху, слухаючи слова божого ве зборе хрестианском за министров вчоных: Вендрокгорского и Костеницкого. А противным зась обычаем зналем великую ласку мужа годного памети, кнезя Яна Маковецкого, архидиякона варшавского, кустоша [4] и каноника [5] виленского, писаря в скарбе короля его милости, который ме барзей в те то личбы вправил и доброго ме пожитку [6] набавил и веля людям в знаемость подал и залецил [7], бовем на он час разность веры не чинила наймнейшой розности приятелской. Для чого самого тамтот [8] век золотым ми се видил от нинейшого веку, кгде юж и межи одной веры людьми облуда все аступила, а покготовю межи розными веры ани се пытай о милость, щирость и правдиве добре захование, а навенцей [9] межи свецкими станы. Помню бовем и недавно прешлых часов, когды дисейший папеж Клеменс еще кардиналом был у короля его милости Стефана [10] в Вилне, седилем у столу [11] кнезя Балтромея Недызвицкого, каноника виленского, з преднейшыми [12] слугами влохами [13] его. Тые же се кгды доведели, жем евангелик, дивовались барзо [14], яко ме смел кнезь каноник на обед свой взывати. А кгды им он преложил, же в нас з того жадна [15] ненависть не быва и милуемосе яко з добрыми приятылы, хвалили то влохи, мовечи, же ту бог живе, а ганили свои домовы права а роднии неснаски [16]. О бог бы то дал, абы и тераз ласкавше веки наступить могли, жебы [17] хрестияне, хоть в частях або обычаех веры порознени, але еднак хрестияне, преложеного [18] и навышшого монархи хрестиянского, отца папежа, в лепшим пошанованю мели, а од него, яко от отца мудрого и ласкавого зношони и миловани были, прикладом отца домового, который сынов своих и розных от себе и от другой братии в обычаях зносити умел.

1566 року, в осени, поветре [19] кгвалтовне в месте Виленском было. Мешкалем под ним не мало, бачечи там доктора Сепреза и инших каноников и людей розных, которе теж в тим поветрю живо зостали были, а маючи от помененого доктора, пересторогу [20], межи иншими речами, абым се перелякненя варовал [21], кгды ж се и покусы в поветрю указують, але, если бы се що привидило, жебым шедл против тому безпечно и до броне се мел, и то мело згинути. И так я юж [22] будучи в собе постановеный, едучи з Вилна до дому, мяновите в Дорогове, в стодоле [23] ночуючи, обачилем юж на

[1] мацнейшых, больш здольных. [2] жыў. [3] падатак. [4] службовая асоба пры каралеўскім двары, якая загадвала дзяржаўным скарбам. [5] ігумен. [6] карысць. [7] рэкамендаваў. [8] той. [9] найбольш. [10] Стафан Баторый, польскі кароль з 1576 да 1586 гг. [11] за сталом. [12] вернымі, адданымі. [13] малдаванамі, або румынамі. [14] вельмі. [15] ніякая. [16] нелады, звадкі. [17] каб. [18] [illegible]. [19] эпідэмія. [20] засцярсга, папярэджанне. [21] засцерагаўся, пазбягаў. [22] ужо. [23] свіран, гумно.

свитаню в избе огнистого человѣка, до которого гдым се порвал [1], он теж до мене выступовал и, зшедши се серед избы, порвалем в запалем нож и ударилемь нань [2], а он, зникнувши, знов се был в тым же куте указал и знову до мене шел.

А я шапку рутилем [3] нань и окно отворилем; юж малый день был, а то згинуло. А там в избе был господарь з жоною и пахолок [4] подорожный, але того не слышели. Потом балем [5] се ехать до дому, розумеючи, жем се заповетрил. И тых там умыслилем был бавить [6] се длужей, до чого се теж и причина налезла: згинула ми была ручница [7] коротка з олстрем [8] з воза моего в стодоле, о которой выведане копным [9] обычаем чинилем, а вшитким впродь то видене мое поведалем. Обачили потым ручничку мою над возом в самом верху завешану, аж драбину з веси [10] принесши, знято ю [11]. Затым невеста стара шляхтянка, неяка Жолнерова, кгдым ей мовил о том виденю, же се бою, если бым кгде не заповетрилсе, бовем и в Новокгродку было поветре, она ми рече: «Не бойсе! Не поветре!» Але указавши недалеко свой домек, «з окна, — поведила, — виделам завше [12], яко лятавец [13] приходит до той ту невесты господарской». И так за ее отухою [14] ехалем до дому, где за ласкою божою зе вшитким здоровым былем. Одно ж потом ве три чверти року припадать ми почало в спаню за яким колвек злякненем душене прикре барзо. И меновали докторове ту хоробу инкубусом. И лечено ме на то на розных местцах, але хоть юж не так часто, яко зперву было, однако же през увесь живот мой почувалем я в собе той припадок...

Року 1565, а веку моего 21, были летом у короля его милости Жикгмонта Августа послове великые московские, то есть на имя: Федор Иванович Колычов, наместник суздалский, человек з ним 728, а коней 922; Григорий Иванович Накгой, дворецкий, людей з ним 269, а коней 384; Василей Яковлевич Щолканов, дъяк або писарь, людей з ним 228, а коней 332. Сумма всих людей 1225, а коней 1638, з которыми о спокою [15] ниц [16] се не постановило [17]. Тое же осени король, его милость, был з войском в шику [18] под Радошковичами.

Року 1568 по сойме [19] Кгроденском и по зезде воинском ехал король, его милость, до Люблина для скончення унеи. Откуль року 1569, на другой недели посту великого, панове сенаторы литовсцы, бачечи веле речей собе противных, отехали были з Люблина; вшак же по великой ночи през универсалы короля его милости, за печатю коронною вынесеными, знову до Люблина собрани будучи, скончили унию августа месяца 11 дня. А пред тым еще земля Киевская, Волынская и Подляшская до коруны [20] присужоны и списами прилучоны были, не за раз, але з особна по едной земли от Литвы урываючи, яко свитчать привилия им даные: в Подляшском найперша

---

[1] рвануўся. [2] на яго. [3] кінуў, шпурнуў. [4] слуга, лакей, салдат, воін. [5] баяўся. [6] затрымацца. [7] стрэльба, пішчаль. [8] кабура, футляр. [9] збор народу для разгляду якой-небудзь справы. [10] вёска. [11] яе. [12] заўсёды. [13] прывід, здань. [14] бадзёрасць, смеласць, надзея. [15] аб міры. [16] нічога. [17] не дамовіліся. [18] у страі, у размяшчэнні. [19] пасля сейма. [20] так называліся ўласна польскія землі.

дата, албо снадней [1] одерване, марта пятого, за тым у Волынской земли двадцать шостого дня мая, а Киевская земля и далей затрмана была, аж ей привилей выдано шостого дня чирвца [2] в оном же року 1569.

Року 1570 был сѣем у Варшаве, але се розехали без констытуцией за незгодою. А под тым часом послы были у московского [3], а меновите с Полски: пан Ян з Борчина Кротоский, воевода иновлодзславский, и пан Рафал Лещинский з Лешна, староста радеевский; а з Литвы: пан Миколай Тальвиш, кашталян [4] менский, а пан Андрей Иванович, писарь короля его милости, которые князю великому московскому Ивану Васильевичу о доконченью унее [5] нашое ознаймили и примере [6] на три лета принесли. Смеялсе московский на ознаймене унеи, мовечи: «Давном я тое видал, же ляхи [7] и Литва королевские».

...На початку року 1572 былем забавеный [8] потребами его милости пана Миколая Криштофа Ходкевича, маршалка дворного, княжати на Олыце и Несвижу, а теразнейшого [9] пана воеводы троцкого, которых потреб, яко у пана великого, досыть было. Але ми се наприкрили над инше справы якогось пана Шахна, земянина его княжеской милости з маетности [10] Сверженской, который, задаршисе [11] з паном Миколаем Служкою, старостичем крычовскым, суседом той же маетности Сверженской, дивне штуки вырежал и паны затруднил, аж добре се его милость пан маршалок (звлаща [12] яко в молодым веку сам) доведившисе, з паном Служкою до поровняня [13] приятелского пришол и пану Шахнови за добре не мел. От тых часов завшем [14] служил в потребах княжеской его милости, пана воеводы нинейшого троцкого, хоть потым не завше притомне [15], однак же правдиве и пилне аж до той старости моей, в которой то, а меновите в року панском 1603 пишу и детком своим раду мою зоставую, абы се при мне и по мне [16] его княжеской милости и детком и домови его княжеской милости прикладом моим служить се не вымовляли...

Того ж року был сѣем валный [17] у Варшаве. Але король, его милость, Август юж был хорый, прото ж се ничого не постановило. Был и чауш [18] от турка. Слухали го [19] панови радние. На местцу королевском арцыбискуп Якуб Уханский седил. Мовил турчин, слуга чаушов, за его указованем турецким, по-латине, которому признавано, же добре мовил. А при отправеню чинил му [20] респонс [21] пан канцлер Валентый Дембинский по-полску. И татарин наш наготованый хтел му толмачити [22], але чауш не казал, поведаючи, же сам розумит по-полску. Указовано то от многих людей, же се туркове в Парыжу французском пилне латины учат, а бодай не перенеслы се до них науки, яко се перенашали первей от наро-

---

[1] лепей. [2] чэрвеня. [3] прапушчана, па сэнсу, слова «князя». [4] высокая пасада накшталт губернатара. [5] саюз. [6] перамір'я. [7] абразлівая клічка палякаў. [8] затрыман. [9] цяперашняга. [10] маёнтка, сялібы. [11] паспрачаўшыся, пабіўшыся. [12] асабліва. [13] саюза. [14] заўсёды. [15] свядома. [16] пасля мяне. [17] генеральны. [18] пасол. [19] яго. [20] яму. [21] адказ. [22] перакласці.

дов тых до других, што тепер, яко слышемы о великих наук розмноженю в панствах турецких, хоть теж и веля християн, туркам прилекглых, в языку се их турецком закохали. А што ведеть, ку чему то за часом своим пан бог привести будет рачил?

Под тых же часом король, его милость, фримарком [1] за Свислоч пустил Ляховичи его милости пану Яну Ходкевичу, на он [2] час старосте жмутскому, и взял е его милость 12 дня червца в том року 1572. Того теж дня человек зацный, подле Ляхович мешкаючий, Федор Юрыга умер. Я-м был у Варшаве при дворе, где теж поветре морове значне се показовало. Король не хотел было выехати, аж дворяне на замку мреть почали. Померли пахолята Былицкий и Конарский. А червца 19 умер князь Массалский, в ласце на он час королевской будучий. Теды ж король, его милость, улекнувшисе, дал се вывезти на ночь до Пракги за реку Вислу; и так далей проважоно короля у возе великом, на то заготованом з блоками, а и ним ложко з королем лежачим выселo. Приехано з ним так до Кнышина 28 червца. А я еще в дорозе впал и тежкую горючку и казалем се вести до Кнышина, кгде-м се ледве з тое горючки выходил. Умер король, его милость, Август в понеделок липца [3] 7 дня, годины третей з полудня, которого смерти, яко се там сподевано, не таено, але зараз всим обявлено 8 дня липца. В шаты [4] королевские убрано 9 липца. Еще без труны на столе при стене всим людем, кто хотел видети тело королевское, указано. 10 липца до труны тело вложоно. А за тою ж смертю короля, его милости, и хоробою моею зостали листы мое неподписаны, которые мне король, его милость, на маетности дание написати был казати рачил, што се великому нещастю моему причитати мусить.

За тым зъезды в Полще и и Литве бывали. Послы цесарские и от инших панов приездили; от турка се пилно выстерегали. Намней розерваня з Литвою обавялисе [5], абы се Литва з московским не порозумела. И прото ж были от поляков и Кгродне пан воевода подолский и пан каменецкий, кгде се о згодной елекцыей [6] намовили. Опускаю то, яко ведаючи достаточне то от инших выписано.

В тым же року 1572, видечи я пана отца моего осиротелого и велце для смерти малжонки своей жалосного, радячисе и намовляючисе з ним, зрозумилем, жебы позволил на яким владычестве живота доконать. Доведившисе о ваканцыей владычества пинского, чинилем всяке старане, не жалуючи працъ, накладов и розных практик, кгды ж то все для добродея отца моего милого был повинен. Але кгды ми до накладов пенезей не стало, былем так нещастный, жем се ту около Ляхович у людей тых, которым ем се часто в потребах их згожал, на узычене пенезей способити не могл; аж, о котором мней надеи мелем, пан Андрей Жданович Доровский, и по смерти му добре слово зоставую, же мне пенезми был поратовал, жем то владичество пинское пану отцеви отримал, на которое

---

[1] абменам. [2] той. [3] ліпеня. [4] адзенне. [5] баяліся, асцерагаліся. [6] выбары караля.

в року 1573 стычня [1] 15 дня в Новгородку от митрополиты Ионы Протасевича посвецоный был. До Пинска приехал на столицу свою 26 стычня в понеделок. З тых всих речей нехай буде на веки самому пану богу честь и хвала. Аминь.

А так, з Пинска се отправивши, почалом се старати о отыскане в Турове, где князь Костантын, воевода киевский, боронил, для чого знову переездов и накладов немало быти мусело. Былем в Турове у княжати, и зоставил ме еще на обетницы, и так долго зволок, аж в Кракове на коронацией короля Генриковой [2] року 1574, кгды-м му послужил до отысканя именей Острога и инших, през пана Лаского, воеводу сирацкого, королеви Августови заведеных, то ж был в Туров пану отцу моему поступити казал. Там же ркомо, поуспокоившисе, пан отец мой был на той зацной столицы владычества пинского в всяком люцком пoваженю, доброй славе и оздобе, але не долго, бо в року 1574, будучи в Турове, впал у фебру и з полрока в ней бывши, умер в Пинску, року 1575 дня 9 марца в середу ранючко, где потом и тело его поховано в церкви святое Пречистое. А на мене припало ховане деток и плачене немало долгов его. Але пан бог мой не опускал ме и в тых речах, розумови моему трудных, але ме значне ратовал и зе вшех их выбавити рачил. Нехай буде зе вшех добродейств своих пан бог похвален на веки. Аминь...

Року того ж в маю зъехавшисе панове и рыцерство [3] до Стенжицы, конклюдовавши [4] Генрика короля болше юж не чекати, до елекцыей нового пана приступили и, змешкавши там три неделе, розехалисе, в розерваню ничого не справивши. Ехалем за позволенем пана моего до Острова, у Люблина местечка будучого. Мелем справу там з шляхтою Казновскими от их братовое, цорки [5] годного памети мужа Стефана Мостовничого, отца суседов моих, панов Вадошинских. А, едучи до Брестя, пред Полюбичами былем в великом страху от грому, же муселисмы под частыми срокгими перунами [6], значне межи нами спадаючими, ехати мили з полтретей, не маючи где зостановитисе. Потом, приехавши до дому, былем у того то пана Мостовничого, а меновите липца 24, в неделю, а межи иншими розмовами припоминалем тот страх громовый, якосмы се натерпели. Он на то поведил, же му еще молодому в Кракове от якогось переежучого кгвяздара [7] практыковано, же мел меть смерть от грому в року живота [8] его шестдесятым, а яко бы му юж з ласки божей лят шестдесят минуло. И так се покгласкал [9] по бороде, за чим на сердцу моем стало ми го барзо [10] жаль. И пытам: «если се боит, кгды му се трафит [11] быти под громом?» Рекл ми на то, же не дбает никгды, ежели где потреба была з душным збавенем. А по тых розмовах и розеханю нашом в десети днях, меновите серпня [12] 4 дня, в четверг, того пана Мостовничого гром забил в полю, под сосною, под которою был, для дощу подехавши, станул...

---

[1] студзеня. [2] Генрых III Валуа, герцаг анжуйскі, быў польскім каралём два гады (1574 — 1576). [3] шляхта. [4] заключаць, рабіць вывад. [5] дачкі. [6] моцнымі грамавымі разрадамі. [7] варажбіт на зорках. [8] жыцця. [9] пагладзіў. [10] вельмі. [11] здарыцца. [12] жніўня.

Року 1575 мисяца лютого осмого дня сполнилосе мне лет тридцать и настал рок 31. Воды в том року на весне гвалтовные были. И трафило ми се быти, кгды бронено вырваня у млына ляховецкого, названого нового, где Януш млынар стал на крайней балце, отбиючи пешною [1] кригу ледовую. А за ним два хлопы [2] древном великим з мосту тлукли [3] теж лед и упустили тот паль [4], который, выпадши им з рук, ударил Януша млынаря в тыл головы. А он упал в став до воды и зараз през упуст препесеный на дол у глубину великую и не рыхло [5] з ней указалсе, несеный далеко водою, а пешне пред се мел в руках своих. Аж так и вышел з воды и над надею всих нас, люди там будучих, жив зостал, бо не можна му было жадного ратунку дати...

Паздерника [6] 5 выехалем з дому до Туруня и вступовалем до Белой, где была справа велика его милости пану Радзивилу з опекунами Тетерского о имене Свержино. Оттуд на Варшаву ехалем и былем в Туруню 23 того месеца паздерника. Там был юж Стефан король, яко 15 дня того месеца приехал и сеймовал. А цесарь Максимилиян 12 дня паздерника умер. На сейме тым, кром намов о кгданщанах ничого не справивши, пожегнали [7] послове короля его милости 2 декембра. Я-м не мало справ судовых мел пред королем его милостю и щастило ми се за ласкою божою.

Позналем се теж з королем Стефаном и его венкграми, которых найчастей панове до себе на обеды прошивали. И я помню: Заичди Януш, Барити Юригай, Нодох Петер, Батори Петер, Бурномиса Януш, Кенды Петер, Верфевич Мартин, Поляк Мигай, кухмистр Крачок, а пахолята: Ференцый и Асемерый.

Там же в Туруню привиталем новый рок 1577, а в ним приехалем до дому в неделю дня 13, месеца стычня. А уклопотаный вже будучи працами и волокитами уставычными [8], уважаючи теж волю и росказаню бога всемогучого, уступилем в том року 1577 месеца февраля десятого дня в малженство светое з теперешною малжонкою моею, Ганною Болотовною, сестрою пана Данила Болотовича з Руси, которых то Болотов продок, человек значный, еще за короля Казимира з Москвы был приехал, на имя Антоний Болото. И был славным мужом и потомки его през час немалый. А другие з них, разродившисе, розно се розышли и под панами некоторыми оселости боярские побравши, яко то ве Шклове и инде, мешкают. В маетности смы [9] се з обу сторон ровной знесли были, але, з благословенства божого, была нам семйа спора и помнажаючаясе над працу и надею нашу. Милем з нее добру жону. Не уприкрылы ми се для ней дни живота моего: была бовем у пригодах и хоробах серца мужского, цноты [10] великой; пыха и злие мысли, снать, у ней никгды до серца не наступовали, ку убогим, хорым и засмученым людям упреймого [11] милосердия, же и в ночи, спати не могучи, о таковых ратунку мыслила и старане чинила. А хоть у вере руской [12]

---

[1] ломам. [2] мужыкі. [3] драбілі, таўклі. [4] слуп. [5] хутка. [6] кастрычнік. [7] развіталіся. [8] пастаяннымі. [9] мы. [10] дабрачыннасці. [11] шчырага. [12] праваслаўнай.

трывала, але так бачне и не упорне, же то намнейшей незгоды не указовало и люди видеть того не могли. Тым же болшей, смотречи на наше спокойное, тихое и веселое помешкане, в заздрость впадаючы, мовами [1] своими фальшивыми нас щипали и разными способы иншими, а наконец и чарами перешкодити то усиловали. Але пан бог, который ме пасл одного самого, не опустил ме и з тою малжонкою моею и не подавал нас на волю неприятелей наших, але, их самых розными плякгами [2] дотыкаючи, яко от скалы от нас отпалых и завстыжоных зоставовал, а нас, з ласки своей, в деточки помножал. Яко ж напрод ку великой потешности дал нам первородного сына Яроша, а потым иншие сыны и церки, же понинешный рок 1604, яко се то пише, сполнилосе сынов 9, а церек пять, з которых юж мамы [3] Яроша, сына нам милого, жонатого, а церку нашу Раину в малженстве за паном Яном Греским...

Того ж лета король, его милость, Стефан под Кгданском з войском был, а московский Иван у Лифлянтех замков веле побрал и позаседал. Там же з под Кгданска з обозу принесено ми листы короля, его милости, на мостовничество пинское и сервецкое, по небожчику пану Стефане вакуючое.

В месецы лютым указала се была комета велика на зимным [4] восходе сонца и была час немалый.

Року 1578 его милость пан Ходкевич, пан виленский, сам з войском ехал до Лифлянт, барзо хорый, и мене на сьем до Варшави выправил в пилных справах своих и княжати Корецкого, пришлого [5] зятя своего; который сьем зачатый был стычня 20 дня. Маршалковал межи послами наш литвин, князь Лукаш Болько Свирский. На тот сьем привезено Подкову и дано его зараз за страж гайдуком, потым и пута [6] нань вложоно над надее его, кгды ж му ласку королевску обецовано. Того ж потым лета пришлого ве Лвове, в воли туркови, стяти [7] дано. На том же сейме был у Варшаве княже Ерый Фрыдерык з Аншпах, маркграбя [8] бранденбургский з малжонкою своею. Выражал му король Стефан и королева велику учтивость и банкет великий ве дне и в ноцы з танцами чинено. И выправил собе опеку над княжатем пруским, але му потом княжна малжонка его умерла. Шидзона [9] при дворе, же се порушила танцем...

В року 1580, месеца кветня [10] 23, в суботу, на прояждце, короля его милости Стефана у Вилни, замовившисе его милость пан Криштоф Радивил, пан троцкий, гетман великий, з паном Володимером Заболоцким, москвитином, якобы Влодымир не хотел му шапки зняти. Пришли потом до слов злых з обудву сторон здрады и отметки [11]. Кгды се мовил пан троцкий на Володымира, теды Володымир мовил: «самесь такий». Зачим, образившисе, пан троцкий ехал до пана воеводы виленского, отца своего, который, вы-

---

[1] плёткамі. [2] язвамі. [3] маем. [4] халодным. [5] будучага. [6] кайданы. [7] пакараць смерцю (адсеч галаву). [8] маркграф. [9] размаўлялі, былі плёткі. [10] красавіка. [11] помсты.

слухавши скарги о той припадок, так му рек: «не помстишь ли му се того, теды и я о тобе так розуметь буду, яко то он назвал».

Той ночи намней[1] пан троцкий не спал, фрасуючисе[2] на Володимира, а стал за брамою завилейскою в дворе своем, прозванном Довойновском, где до его милости зъехалисе ротмистрове и жолнере[3] великое множество. А Володымир стал у мещанина Полгрошка, которого дах припущоный был в дах каменницы Авкгуштына, войта виленского. З которое ж то каменицы и даху войтовского коморники пана троцкого, вшедши под дах Полкгрошков и прекопавшись в песку на избе, видели Володымера и што се з ним деяло, яко потом ездил до панов сенаторов, просечи о поеднане пана троцкого, але же се было спознило, обецали му се были на ютро[4]. Потом в господе[5] своей ходил до лазней, о чим всем давали знать коморницы и инша челядь пану троцкому, пытаючисе: «каже ли? теды могут его з пулгаку забити». Але его милость не казал. И так в тых пересылках ночь зошла. А рано, в неделю 24 кветня, видечи пан троцкий о всем, же се Володимир готовал до церкви светое Пречистое, заехал з улицы и брамы Завилейской ку костелови св. Духа, где велкость людей пеших в кляшторе[6] была, а ездни в улицы. И перепустивши Володимира за фортку, одни з стороны, а другие з великих ворот и з той улички указалисе, пред которыми шол пехотою (у рукапісу тут пропуск.— *А. К.*). Ҝгорецкий, маючи свой гнев на Володымира, тот споткавшисе кинул Володымирови камнем до перси[7], а Володымир добыл шаблицы, которую носил з правой руки и левою рукою боронил потужно[8]. Москва, его слуги, поутекали, окроме Путила званого москвитина. Тот се самотреть з литвинами двема зостановил, але от велкости людей поранени заразем были. А Володымир, ку одной стороне под муры складаючысе, уступовал. Там же его тот же Ҝгорецкий кордом под правое перси перепхнул, же юж без мовы ве двух годинах умер.

Та весть кгды короля Стефана на замку, еще не убраного, дошла, дивне се был стревожил, же не рыхло до убираня пришол, ходечи по покою, ляментуючи, аж подканцлерый коронный, князь Боруховский, приехавши, гамовал его, розважаючи тот нещастный припадок. Ведаю, же и сам пан троцкий не хотел его забити, одно выбити. Але се то иначей стало за власною вазнею Ҝгорецкого, же Володымир, зоставши старостою трабским, приворочал его под свою владзу з якимсь именьем его, которе пред тым в присуде тым трабском было. Ехал был зараз потым пан троцкий до короля, але король, выславши к нему того ж кнезя подканцлерого, воротил его и до себе ити не казал был. Потом сам пан воевода виленский у короля был, отмовляючи сына своего и заступаючи, же то он казал, здаючи здорове свое на волю и ласку его королевской милости.

Не мало се то так терло. Сенаторове короля его милости усми-

---

[1] ніяк. [2] злуючыся, хвалюючыся. [3] салдаты. [4] назаўтра. [5] часовай кватэры. [6] манастыр. [7] грудзей. [8] моцна.

ряли, аж 11 дня мая, в середу, допустил король, его милость, пану троцкому в себе быти, застановивши, абы намней Володымира не упоминал. И седил король на предпокою, а мы люде, не ведаючи того, тиснелисмысе, хотечи слышеть рацыю обмову пана троцкого, который, пришедши, просил короля, абы не мел за зле, же през тот час з некоторых нещасных припадков своих у его королевской милости не бывал, над то ничого болшей не мовечи. Шел король на покой, а сенаторове, допровадивши его, зараз з паном троцким розехалисе.

Потым на першом сейме, з ведомости королевское, сестра Володымирова, котора з Полоцка з мужом была взята, позвала была пана троцкого. Там также сам пан воевода виленский пана троцкого заступовал. А маючи вшиток сенат по собе, короля ублагал и сестре Влодымеровой щось пенезми дал. На он час, при забитю Володымира, король, в тым своем запаленый гневе, написал был цедулу рукою своею: кто был Володымир, яко лет двадцать чтыри стравил, на дворех королей венкгерского и полского се мужественно завше в речах рыцерских поступуючи, а того дня у спикненю и збунтованю людском згинул; и хтел то мети на хоругви над гробом его...

Року того ж 1580 вресня 5 король, его милость, под московским Луки взял был и люд под меч дано было, яко упорный, который замок потом за примирем вернен московскому. В теж часы пан Филон [1], убезпечоный [2] през фалшивые шпакги з невеликим людом припал был до Смоленска, а там великое войско было московское, же аж той же ночи Филон уходил. Людей наших сила погинуло. Там же суседа моего Михайла Зверова, москвитина, поймано и обвешоно. Был ми то велким неприятелем. Пане боже, отпусть му! В том же року был король, его милость, змовляючисе о потужности пришлое войны [3]...

Року 1582, названого от мене нещасливого з певных причин, же ми в ним марца 22 умер милый и единый, же у мене рожоный, брат мой Иван в месте виленском. И не дошла ме та ведомость през злую дорогу, аж за тыйдень, през который тыйдень, будучи я в дому моим, яко у тридцяти милях от Вилна, тескнилем [4] барзо, жаловалем и мовилем до жоны моей, же запевне ми брат умер. Так то серца людзкие чують з далека припадки деток и милых приятелей своих. А прото ж ездилем до Вилна и далем тело его поховати, водле порученя его, у светое Троицы, церкви руской. Зажилем жалю над обычай и злое дороги. А, едучи назад, ледвосми вси не потонули на Немне реце под Ивем. Я-м был з гостем якимсь один там приехал, и юж з нами пром починал был на нутре заливати. И так, напоминаючи перевозников, абы се не лякали (бо юж были шосты порутили [5], мовечи, же гинем),

---

[1] Філон Сямёнавіч Кміта-Чарнабыльскі (1530—1587), аршанскі староста, аўтар «Допісаў», быў назначаны каралём Стафанам Баторыем у той час камендантам Вялікіх Лук. [2] інфарміраваны. [3] дамаўляючыся наконт будучай вялікай вайны. [4] сумаваў. [5] пакідалі.

а горечо пану богу се молечи, переехали. А опосле слуги, з возом моим и зо всими конми едучи, на том же местцу тонули, кони зпыхали, а тым болшей лодки заливали, же вси дошчки вода знесла, а воз передними колы завесилсе в лоди, котора на гору шла, а другая се лодь у воду занурыла. Люде перевозные и слуги мое были в лоди. А инши, побравши со конем за огоны [1], не ведели, што се з ними дее, ино кони шли теж за лодею вниз, куды вода несла, аж е потом на берег, гдем и я был, принесло межи лозы, и там се ратовали. Ово толко, здумавшисе дивным чудом божим, хвалилем насветшее имя его...

Року 1586, будучи мне у писара ляховецкого, Федора Зенкевича, на чти, у других зваде, а за мои разважаня, ранено мне в руку левую и не ведилем от кого. А то было стычня 19 дня. А кгосподарь был целый. Пред се потом врыхле [2] 23 лютого умер з горючки. Веку мел лет 36, человек был и мой приятель добрый. Потом в марцу былем в Вилни для потребы Кгославского и ездилем до Ковна. Там же мя, марца 5 дня, ночуючы в Рынконтах, разбойницы мало были не забили, але, за ласкою божою, виленцов обоз немалый в ту ж стодолу наехали, а разбойницы поутекали. А кгосподарь, якийсь теж нецнота [3], вымавлялсе, же што мел чинити, кгды ж на ночь збере се немало и, што хотять, то чинять. Самому пану богу хвала за его оборону! Таже до Вилни звротившисе, далем был пенезей Кгославскому на имене его Скубятовское; перв зоставою [4], а потом и на вечность купилем...

Року 1587 стычня 9 снило ми се, о чим я не мыслил, жем был в месте влоским Мантуи, видел кнежей Мантуи, положене замку, места, вод, мостов мурованых. А кгды-м то оповедал пану Андрееви Скорулскому, который там бывал, поведил, же есть положене власне таке, як ми се снило. То, снать, презентовало [5] еханенам сына моего милого Явхима, который в року 1575 еще поехал, и по той час там мешка...

Того ж року 1587, по смерти короля, его милости, Стефана, зходил тот рок елекцыями [6], бо порознившисе у обраню пана, едни чекали и привабили были Максымилияна, сына и брата цесарского, а инши, которые зезволили были на Жикгмонта [7], короля шведского, чекали его теж, и затым была им битва в Бычине в року 1588 стычня 19 дня по перегроню стороны Максымилияновой, и сам был взятый, и не мало панов полских, которые з ним переставали.

А Жикгмонт, короля шведского сын, за приеханем своим был зараз коронованый, еще первей в року прошлым, 1587, декабря 26 дня.

Року 1588, стычня 28 дня, Жикгмонт третый, король полский, на Литве присягу повторил, бовем был без наших [8] коронован...

---

[1] аглоблі. [2] хутка. [3] жулік, нячэсны. [4] арэндаю. [5] даравала. [6] выбарамі. [7] Сігізмунд III Ваза быў каралём Рэчы Паспалітай з 1587 г. да 1632 г. [8] гэта значыць прадстаўнікоў вялікага княства Літоўскага.

Року 1589 на нове лето у нас ту, в повете новокгродском, муж был барзо добрый Альбрехт Кавечинский; отдал разом на одным веселю три цорки све замуж; который, сынов не маючи, одно цорек шесть, не фрасовалсе [1] нам о то, и еще зознавал, же так му лепей. А то, снать, чинил з побожности своей, же волю свою подбиял под волю божу. А гды му се так трафило [2] отдати замуж разом три цорки, люди посполитые [3] практыкавали [4] не долго быть малженству [5] так одного дня отданых; яко ж потом врыхле умер му старший зять Москальницкий, а в року 1603 померли два: Вировский и Высоцкий. Ове не легце потреба важити [6] и голосу людского, ведля оней приповястки: «вокс попули — вокс деи» [7], бовем о вере оного человека жаден [8], вонтпити [9] не може...

Року 1592, вресня 1, во второк, на соймику в Цырине обрано на елекцыей подсудковской на тот уряд чтырох, то есть: Ивана Маскевича, Оникея Униховского, Миколая Подоровского и мене, из ласки пана бога всемогучого, кторый, яко хощет, керуе серцами королев и вших людей ведля воли своей становит. Отдано то подсудковство мне и привилей мне на то принесено до дому без великого стараня моего, 28 дня того ж месеца вресня. И виконалем присягу на тот уряд мой по роках трех кролевых стычня 6 дня року 1593...

Року 1594 мая 8, в пяток, припала хмара сродзе зимна, спустила снег великий и лежал три дни. Померзло от той хмары и зимна [10] и ветру гвалтовного сила [11] людей, по трою индей [12] веспол [13], а не могли собе помочи. Птаства по гнездах самем видел барзо веле поздыханых. Страх был и под дахом седячи...

В року 1595 Налевайко козак, собравши войско козаков, первей се указовал [14] на Подолю, у Волошех. Кусилсе был и о турецкие земли, потом, ворочаючисе до Полши, сплендровал [15] маетности пана Калиновского, мстечисе за обещене [16] некгдысь отца его Наливайкового, и еще, снать, от отца Калиновского. Тым юж заюшоный, шел до Луцка, в ярмарок, праве, где бискуп з преднейшими шляхтою выехавши, упоминал и еднал го за местом [17], и купцы зложили килка тисячи злотых, а не могло быти без збытков [18] и шкод. Оттуд, юж лепей заюшоный, удалсе на Полесе, аж до Петрикович, юж так своволне все почінаючи и в коло обсылаючи, подарки собе давати заказуючи. Яко ж и давано. Одно з Слуцка помешкано было. И прудко ж убег в Слуцк (новембра 6 дня) и был там же мало. Заварлисе [19] были на замку з двема сынами, детми малыми пана виленского Яронима Ходкевича. А пан виленский, воевода новгородский, пан Скумин и инше паны и шляхта зъехалисе до Клецка; не ведили, што почать, услышавши, же се у замок слуцкий добыли юж. В тым послал был Наливайко полковника Мартинка (о котором веле трымал, яко ж и был человѣк серца великого) до

---

[1] турбавацца, сумаваць. [2] здарылася. [3] простыя. [4] прарочылі. [5] шлюбу. [6] прыслухоўвацца. [7] голас народа — голас бога. [8] ніхто. [9] сумнявацца. [10] холада. [11] многа, маса. [12] месцамі. [13] разам. [14] з'явіўся. [15] спустошыў, абрабаваў. [16] крыўду. [17] горадам. [18] страт, празмернасцей. [19] заперліся.

Копыля з пятисот козаков, который, з пригоды там потрафивши гайдуков пана воеводы виленского, которые, впадши до млына и испусту[1] под местом, боронили пройштя[2] до места и так справне козаков настреляли и Мартинка забили, же сила их на пляцу, а инше, назад се цофнувши[3], по дорозе и хрустох[4] зоставили, а инши, пострелеными юж будучи, в огонь скакали и згорели, бо были стайню дворовую, у того млынка будучую, запалили, же се барзо их мало до Слуцка воротило.

Наливайко, стревожоный тым нещастем и розумеючи, же за тым з Клецка зобрани панове куситисе мели о него у Слуцку, зараз, яко тых в Копылю бито новембра 25, а он третего дня, новембра 27, з вечора, выбравшисе з Слуцка, до Омгович знову ку Полесю вытегнул. И потом кгрудня[5] 13 Могилева моцю добыл, места и замку сплендровал и попалил. Панове за ним выправили Буйвида, человека памети годного, давши слуг своих, а пан виленский своего двору двесте коней, з которыми, яко розных панов слугами, розум сам указуе яко было Буйвидови трудно, же, за непослушенством их, ничого годного почати не мог, толко зазябывшисе здрове стратил и у небачных людей на славе шванковати[6] мусел. Там же згинул Оникей Униховский, человек серца доброго и великого захованя. Наливайко ходил потом над рекою Днепром вниз, аж потом, порвавшисе з Рогачова за якимись практыками[7], припадал знова до Петрикович. Поветы збегалисе до купы и спрудка потом зъехалисе новокгродскии в Копылю, где был его княжеска милость пан Миколай Криштоф Радивил, воевода троцкий, напрод вшитких приехавши в килку сот человек, и тым вымог, же се инши спешили до его милости. За тым приехал пан воевода новокгродский и иншие панове и шиковалисе[8] в полю року 1596 дня 15 лютого. Было людей о три тысечи готовых.

Аж мило было. Давно юж войска не видевши, пан воевода се троцкий зе справованя людми вымовял и здавал то пану воеводе новогородскому. Але, юж никому не уймуючи, признавам, же досыть се деяло порядкови пристойному. Пан воевода виленский з поветом минским приехал до Шацка. Там же и наши з Копыля ехали, а Наливайко з Петрикович, бывши в Турове и в Городку болшей, удалсе до Высоцка и на Волынь. Лобода теж, отвратившисе от Шацка, шол там же Киевщиною ку Наливайкови...

...на тых рокох (1602. — *А. К.*), в лютым мисяцы, 16 дня в суботу, забил сына моего Яна, второго по Ярошу, першым сыне моем, незбожный Олбрыхт Бруханский з помочю Корсака, швакгра своего, там же на месте в Новогродку. О чем кгды мне, на судех седячему, ведомость дошла, просилем вшитких, абы там в рынок зо мною пошли, где пан судя з ласки своей продковал, мне держати казал, а иншим тело, юж забыте, сына мого, на сани взявши, на уряд, а потом до господы моей отправодить казал. А внет потым,

---

[1] спуск. [2] праход. [3] адступіўшы. [4] хмызняк, дробны лес. [5] лістапада. [6] кульгаць. [7] падкопамі, інтрыгамі. [8] выстрайваліся.

кгды се доведил, же того забитя сына моего была найветша [1] причина тот Корсак, сестренец [2] его, рушила го кревность, а отрожене з духа по новокрещенству або давно не было, або на тот час утекло от него прочь. Послал до мене, абы-х слал за тыми, которы ехали в погонку за Бруханскими, жебы се што злого тому сестринку не стало. А я-м не толко не слал никого, але ани ведил о ничием еханю и о свете: жив ли-м был, або не? А на заютр [3], в неделю, маючи в себе Выровского, Лоховского, Богушевича и инших, приводил ме, абы з ним на судех заседал. Видяло ми се, же-м там был на он час не межи людми, але Каинами [4], и про то, чого-м не рад мовил, мусилем речи: если розумити не хотят моей пригоды, абы их то самых поткало. Потом в понеделок, гды-м се юж мел з места з телом провадити, подал ми пан судя, жебы не вадило постати в рынку з телом, а Лыцыниуш жебы там премове учинил. Я ж теды, яко дите от жыдов, яко поведают, звабеный [5] и сподеваючисе, же ми улгу [6] жалю Лицыниуш, яко человек учоный, справит якими утешни мови, казалем се застановити в месте. Але же той Лицыниуш, ставши подле пана судии, взял аркгумент з Соломона о своеволным млоденцу и також карал сына моего, в гробе юж будучого. Я, видечи, же вшитко спросьно [7] калем и похлебством [8] смердело, казалем далей ехати, бо другого сына моего мел юж у себе от килку лет в науце и твиченю [9] своим, а бодай не горшого выховал. Нех им пан одда, справедливый судя, бовем з тым нещастем моим вшитки облудные [10] приятеле мое, машкары [11] свои ухиливши, незбожние твары свои указали и ядовите злости свои явней вылевати почали. Не заспал юж их великий пан бог мой, оборонца мой, не вонтплю [12] о его святой ласце и з иншими, же мне скутечну [13] справедливость и екзекуцыю учинити рачит.

И так плачливе з тых незбожне уknованых [14] роков звротившисе, поховалом тело того забитого милого Яна, сына моего, в каплицы моей мурованой, дня 21 лютого. А в тым теж часе вышол день уроженя моего 21 лютого, который обсервовалем [15] друкгды [16] з радостиу, а тераз з плачем и з великою жалостию, з чого всего нех будет похвалено име пана бога всемогучого.

З той так великой жалости моей о смерти, а тым барзей же забитю сына моего, немней, теж з оказаня облудников [17], которы мне час немалый за приятелей се и великих и верных удаваючи лудили [18], пофрасованый [19], впалем у велику, и до лечнованя [20] не ведет яку хоробу. Напрод марца 6 дня обумарлем [21] без вшелякой причины на полторы годины и, пришедши к собе, былем мдлый [22], аж повторе марца 14, рано обумарши, о собе-м не ведел, а того ж дня, у вечор обумарши, былем з зафиценю [23] шесть

---

[1] больш за ўсё. [2] пляменнік, сын сястры. [3] паслязаўтра. [4] забойцамі (Каін, сын Адама, забіў свайго брата Авеля). [5] залучаны. [6] аблягчэнне, льготу. [7] марна, ганебна, бессаромна. [8] ліслівасцю. [9] абучэнні. [10] крывадушныя. [11] маскі. [12] не сумняваюся. [13] дзейсную. [14] задуманых, злачынных. [15] назіраў. [16] раней, іншым часам. [17] крывадушных. [18] манілі, спакушалі, зачароўвалі. [19] занепакоены, заклапочаны, засмучоны. [20] лекаў. [21] згубіў прытомнасць. [22] слабы, хілы. [23] захапленню, зачараванню.

годин зегаровых[1]. Потом ве днях кветневых, приходечи к собе, ехалем был до Новгородка для роков марковских кветня 23 дня и на дорозе у Валсивце трохам был зомлел и затым, вжо приехавши до Новогородка, не заседалем на судах. Обраный на место мое пан Григорей Немира, присегу на три роки учинивше, отправовал их. В маю зась на рочках кгродских[2] была справа нам о забите Яна, сына моего, з Бруховским и з сынами его и пошла была на инши речи, а у других речах до трибуналу. А потом, на рочках липцовых, в небытности моей, през Ярошa, сына моего, заварта была угода з Бруханскими, ведля которой потым пред судом трибунальским, 13 месеца вересня, Бруханский сам и сынове его з цедул[3] перепрашали мене и сынов моих и иншем им поотпущал. Але иж не ставил отец Олбрыхта, сам за него, ведле опису своего, на рок зуполный на везене засел в замку новгородском и в том похибивши[4] листу своего, што мел засести в дому замковым, по левой руце стоячим, то он по той же левой руце, еще пред домом тым давным замковым, збудовал избе собе сам и в той засел был. А я се не користуючи в том его седеню, а сам там за хоробою моею ехать не могучи, посылалем з листы моими: первей зашитый, абы ехал з того грунта. Он до мне отписал, абы-х му послал на то лист отворный; я-м и такий лист ему посылал през зятя его Мокшыцкого и през Косаковского, до которых, яко они справу давали, так отповедел: «Не ведаю, чому мене подсудок зтуде выправуе, вшак тераз зима. Также и дома в избе седю, также мед пию, яко и дома, и таж жоно зо мною спит, што и дома». И так погоржони приятеле вротилисе из тое учинности моей. И я потом от него жадного-м сказаня и словечка не мел, аж послышалем, же умер там в том мешканю своим, а праве, знагла. Были дивные голосы и мнеманя[5] людцкие о той смерти его. Я замалчывам, яко неведомый в тым ничого певного...

В том року 1603 мелом трое писане от милого сына моего Иохима, яко того лета з паном своим, княжатем Мантуанским, был в Неаполи; морем там ездил, яку там велику учтивость неаполчицы[6] указовали княжати, немней[7] яко великому монарше. Был там княже для лекарств. Мой зась сын, хоть там инших з моря мыто[8] брало, здаровый был, а потым во вресню, впадши в дивне фебры[9], 23 дня мало не умер. А я-м ту дома, того ж 23 вресня зле сны о ним видел и написалем был в минуцыях тогорочных, утешившисе, же было то в перший квартал месеца; аж з писаня его тот же день 23 обачивши, дивовалемсе чудом и справам божим, хвалечи светое име его...

---

[1] гадзін па гадзінніку. [2] паседжанні гарадскога суда. [3] запісак. [4] прайшоўшы міма, не звярнуўшы ўвагі, пагарджаючы. [5] меркаванні, дапушчэнні, думкі. [6] жыхары г. Неапаля. [7] не менш. [8] хвароба. [9] ліхаманкі.

ХРЫСТАФОР ФІЛАЛЕТ

Хрыстафор Філалет — псеўданім, пад якім скрыўся невядомы таленавіты аўтар аднаго з буйнейшых твораў палемічнай літаратуры — «Апокрысіса». Меркаванне некаторых даследчыкаў аб тым, што пад псеўданімам Хрыстафора Філалета (г. зн. Хрыстаносца Праўдалюба) выступіў паляк-пратэстант Мартын Бранеўскі, за адсутнасцю дастатковых падстаў, не можа быць прынята пад увагу.

«Апокрысіс» Хрыстафора Філалета быў адказам на выданую ананімна ў 1596 г. кнігу езуіта Пятра Скаргі «Берестейский собор и оборона его», у якой Скарга браў пад абарону Брэсцкую унію 1596 г., прынёсшую народам Украіны і Беларусі многа пакут і жорсткі рэлігійны ўціск з боку каталіцкай царквы.

«Апокрысіс» Філалета выдаваўся двойчы: у 1597 г. у Вільні ён быў надрукаваны на польскай мове, а затым не пазней 1599 г. быў перакладзены на тагачасную беларускую літаратурную мову. Пераклад гэты адрозніваецца ад першага выдання кнігі вялікай колькасцю паправак, пропускаў асобных месцаў, дапаўненняў, скарачэнняў, а таксама больш грунтоўным развіццём некаторых аргументаў трактата.

«Апокрысіс» складаецца з чатырох частак (да кожнай з якіх пададзены прадмовы), трыццаці раздзелаў, заключэння і ўступнага артыкула, прысвечанага кароннаму канцлеру Яну Замойскаму. Да ўсёй кнігі дана агульная прадмова.

У першай частцы Хрыстафор Філалет разглядае Брэсцкі сабор 1596 г. і тую ролю, якую ў ім адыгралі мітрапаліт і епіскапы-рэнегаты. У другой частцы Філалет абараняе паводзіны праціўнікаў уніі на Брэсцкім саборы. Трэцяя частка кнігі прысвечана разгляду галоўных догматаў каталіцкай рэлігіі і яе вучэння аб адзінаўладстве рымскіх пап, чацвёртая — абароне праваслаўнай царквы і яе патрыярхаў ад нападкаў уніятаў. У гэтай частцы Філалет дае агульную ацэнку становішча ў краіне, якое стварылася пасля Брэсцкай уніі.

Напісаны на багатым фактычным матэрыяле з вялікай эрудыцыяй і публіцыстычным талентам, «Апокрысіс» Хрыстафора Філалета па праву заняў адно з відных месц сярод твораў палемічнай літаратуры канца XVI ст. Бязлітасна выкрываючы палітыку прыхільнікаў уніі, Філалет шырока выкарыстоўваў трапныя прыказкі, прымаўкі, прытчы, байкі, анекдоты і тым самым надаваў свайму твору сатырычны характар. Аднак у сваёй барацьбе супроць Брэсцкай уніі і польскай палітыкі акаталічвання і паланізацыі Беларусі і Украіны Хрыстафор Філалет стаяў на пазіцыях феадальнай знаці праваслаўнага веравызнання і быў выразнікам яе палітычных інтарэсаў. З гэтых пазіцый ён патрабаваў неадкладнага спынення ганенняў і праследаванняў праваслаўнага насельніцтва і папярэджваў уніятаў і іх апекуноў аб тым, што іх палітыка па пытаннях царквы можа прывесці толькі да ўнутранай вайны, якая паставіць пад пагрозу існаванне Рэчы Паспалітай.

Змешчаныя ніжэй урыўкі з «Апокрысіса» Хрыстафора Філалета падаюцца па выданню Археаграфічнай камісіі: «Русская историческая библиотека, т. VII. Памятники полемической литературы в Западной Руси», кн. 2, Спб, 1882, слупкі 1738—1818.

АПОКРИСИС
АЛБО ОТПОВѢДЬ НА КНИЖКЫ О СЪБОРѢ БЕРЕСТЕЙСКОМ, ИМЕНЕМ ЛЮДЕЙ СТАРОЖИТНОЙ РЕЛѢИ [1] ГРЕЧЕСКОЙ, ЧЕРЕЗ ХРИСТОФОРА ФИЛЯЛЕТА ВРИХЛѢ [2] ДАНА

Четвертой части отповѣди роздѣл 8.

Если то правда, што дѣепис [3] твердит, иж папеж и з своими ведучи греческой вѣры людей под свою зверхность, не жадного пожитку [4] своего в том, але толко духовное потѣхи, згоды, милости христианской, и построху еретиков и турков шукает?

В напоминанью своем до руского народу дѣепис и тых слов уживает: «А нам католиком, што з вашого того зъедноченья з нами прибывает? Ничого а ничого! Окром духовной потѣхи а веселья ангелского, которым ся з ними з овец налѣзеных радуемо. Што ж мы з вас корыстити, што за пожитки свѣцкии з вас мѣти хотѣмо? Жадных! [5] Ничого нам не приступует, одно веселье з болшей хвалы божей, иж ся христиане згажают; иж ся братиею, одного отца небесного дѣти, милуют; иж пострах будет еретиком и турком, которые ся о розорванье христианское старают. Знаете уприймую [6], жадного пожитку нешукаючую нашу ку собѣ милость, гдѣ ся о самое доброе ваше збавенье стараемо, а ничого своего свѣцкого не ищемо, ани по вас ся сподѣваемо».

Бы то все правда была, было бы чому вѣрити. Але если до правды и што иного ся примѣшало, нехай дѣепис не мает за зле, же не цѣле в той науцѣ вѣра ему ся дает. Быть може, же суть такие межи римскими католиками, которые тым мниманьем [7], же, окром сполечности [8] з римским костелом, нихто збавен быти не может, от своих пастырей опоени будучи, и, з зычливости противко нам и спасенью нашему, наше зъедноченье з римским костелом ради бы видѣли, пожитков в том своих приватных нешукаючи. Але жебы дѣепис и ему подобные тѣкавци — а што болшая — жебы папеж римский, стараючися о тое наше зъедноченье, прибытья пожитку своего не угледал, — то в нас згола [9] не хочет. Не вѣдаю, што бы ся то стати мѣло, жебы [10] ся звычай отмѣнити мѣли? Давна ово [11] барзо приповѣсть: «двор римский не просит о овцу, або не мает ся до овцы без волны».

А же то правда, рѣчь [12] сама посвѣдчает. Гдѣ ж колвек бовѣм [13] едно есть што скубти, там ся римскии преложеныи [14] горнут, там

[1] рэлігіі. [2] у хуткім часе. [3] гісторык. [4] ніякай карысці. [5] ніякіх. [6] папярэджваю. [7] меркаваннем. [8] супольнасці, саюза. [9] зусім. [10] каб. [11] гэтая. [12] справа. [13] бо, дык, гэта. [14] духоўныя саноўнікі, настаўнікі.

ся тиснут, там с каждой мѣры старанье чинят, якобы свои прапорци ростягнути могли; которые ростягаючи, зараз на першом вступку, а праве — пред всѣм, свои собѣ пожитки звыкли варовати [1]. Свѣтчат о том вси христианские королевства, послушенству папескому подлеглые, с которых на кождый рок и до того часу барзо много интраты и провентов [2] до Риму выходит (яко ся уже о том вышшей, в той четвертой части, а роздѣлѣ третем припомнѣло).

Тых приходов и интрат причиненья же в потяганью нас, греческой релѣи людей, тут в полноцной сторонѣ мѣшкаючих, под послушенство свое над все шукали, — посвѣдчает того поступок з князем московским Июлиа Третего папежа. Который то Июлиус папеж, кгды ся у него о корону королевскую Иван князь московский, до сполечности с костелом римским през Карла цесара вабленый, року 1551, за короля Жикгимонта-Августа [3] старал, — подаючи ему кондиции [4], за которими бы стараныо его догодити мѣл, а найпервѣй тые три написал: «Наперед абы великий князь Иван, который от найвышшого бискупа королем мает быти названый, был повинен послати до его святобливости послы с поселством поприсяженья вѣрности и послушенства найвышшему бискупови и святому римскому костелови, а першого, а потом што-пятого року дати благословенному Петрови королевской вѣрности и послушенства дар. А тое ж чинити нехай будет повинен, хто колвек московским королем будет, в першом королевства своего року, и потом яко вышше, што в пять лѣт. Который король будет коронован от переднѣйшого архиепископа в королевствѣ, именем римского папежа, и поприсягнет до рук помененого митрополита вѣрность и послушенство святому римскому костелови, а коронованым будучи, пошлет свои послы до Риму, яко вышей. До того: илекроть [5] ся трафит [6], же будет столица римского костела ваковати [7], а иж на нее иншый новый найвышший бискуп вступит, пошлет король московский звычаем инших панов христианских свои послы до найвышшего бискупа з даром королевским ку отданью и поприсяженью послушенства и вѣрности. До того: абы переднѣйший королевства московского арцибискуп был обираный звыклым дотоля обычаем, а вѣд же так, абы был конечне потверженый от найвышшего бискупа, и от него ж абы был повинен плащ брати, и прочая».

Тыи то три кондиции московскому же перед всѣми были поданы — тые, што канцелларейных коронных справ оного часу свѣдоми, добре вѣдают. Послал их был з Риму королеви Августови Адам Конарский, доставши их от кардинала Мафеуса, вицепротектора, при котором ся на он час за посланьем королевским

---

[1] берагчы. [2] даходаў і жыўнасці. [3] Сігізмунд II Аўгуст — апошні польскі кароль з дынастыі Ягелонаў (1548—1572). [4] умовы. [5] колькі разоў. [6] здарыцца. [7] пуставаць, быць вакантнай.

бавил[1]. Нехай же з них каждый бачный судит, если ж папѣжове римские, в привоженью людей до едности костела римского, пожитков своих над все не шукают?

Але што ж им речи? Мают по собѣ писмо: «кто коли воюет за свой власный жолд?[2] Кто щепит винницу, а з овоцу еи неясть? Кто пасет чреду, а млека еи не поживает?» А Гукго, нѣякий кардинал римский, написал: «слушный то есть а на прикладѣ апостольском укгрунтованый звычай, же бискупи и арцибискупи папѣжа видѣти обѣцуются, и яко и Павел до Иерусалима ходил, абы Петра видѣл». А до того звычаю слушне придано оно росказанье з Девтрономиом: «не оказуйся пред господом тощ». Леч[3] папѣжом, их милостям, которые, ведле науки своего римлянина Цицерона справуючися, «там працу оборочают, отколя ся оздобы и пожитку сподѣвают».

Давши покой, а инших в тым духовных прелатов римских поступком присмотруючися, тую их интенцию[4], которою нас до зъедноченья с костелом римским провадят, за барзо подозрѣную мѣти мусимо. Бо а чого ж иншого они болше в пасенью овечок шукают, над пожитки свои? Аза ж[5] их побожности правдивого католицства, а навет душного збавенья в самом правѣ датку, до рук своих идучим, не засадили? Аза ж того не посвѣтчают их клятвы (поки юриздикцию або звирхность цалую мѣли), о тое самое толко чиненые, кгды хто бискупщизны, десятины, сыпного, мѣшнекго[6], и прочая, им не выдал? Не мужебойства, на вшетеченства[7], не чужолозства, не кривоприсяжства, не лупѣжства[8], а коротко мовячи, не жадные грѣхы и выступки до сполечности костелной жадному з их овечок не вадили. Кто одно у отданью податков, им належачих, не позостал, — ведлуг зданья их, добрий был христианин, добрый кафолик, святобливый человѣк! Задержал ли десятину, али безбожным, али клятым, али шатанови отданым каждый такий зараз зостал!

На тое (чого прѣти трудно) смотрячи, дѣеписе, а яко тобѣ в том вѣрити маемо, што повѣдаеш, же в том проваженью нас до зъедноченья с костелом римским пожитков своих не шукаете? Трудно отмѣнити налог, который стоит за прироженье.

Обавяемося[9] тогды, же вам не о то идет, абысте нас до лѣпших паш припровадили, але о то, же бысте з нас волну брали, а подобно и скуру лупили, змышлеными словы через лакомство, купецство з нас собѣ строячи.

Обавямыся, абы, мѣсто мышленья, которое по собѣ показуете, о нашом душным збавенью, болшей есте не мыслили о иншом збавенью, то есть о том, яко бысте нас всѣх прономий[10], на греческую релѣю наданых, собѣ их фортелне[11] за тым зъедноченьем, привлащивши, збавити могли. До того як великие суть подобенства, вышше ся в першой части, в роздѣлѣ третем троха припомнѣло.

---

[1] знаходзіўся. [2] залежнасць. [3] але, аднак, усё-такі. [4] намер, задума. [5] няўжо ж, хіба ж. [6] віды царкоўных падаткаў. [7] распуста, разбэшчанасць. [8] грабеж. [9] асцерагаемся. [10] маёнткаў. [11] карысліва.

Обавямыся, абысте, мѣсто потѣхи духовной, о которой дѣепис повѣдает, не шукали потѣхи тѣлесной, то есть, абысте над нами, свѣцкими греческой релѣи людми, переводити, нас правом мятежити, трапити [1], нищити и убожити могли, — за тым зъедноченьем вытиснувши попы, а на их мѣсца вкрадши и ростягнувшися в маетностях [2] наших.

Обавямыся, абысте вмѣсто тоее милости межи братиею и одного отца небесного дѣтми, о которой надобне мовиш, того, якобы нас укривдити, ошукати, утиснути и ошидити, под покривкою згоды, не шукали.

Обавямыся, на початки смотрячи, абысте, мѣсто едности, розорванья и мѣшанины з згиненьем, албо принамнѣй з захвѣяньем [3] и навонтленьем [4] Речи Посполитой злучоной, не взнѣтили [5].

Обавямыся, наконец, абысте, мѣсто того пострaху турком и еретиком, которые теж одным цѣлем того зъедноченья быти припоминаеш, вгроженьяся в нас самых и пышного панованья над сумнѣньем нашим, не шукали. Звлаща [6] же бачимо, иж тое зъедноченье намнѣй [7] ку болшому, ниж пред тым, пострахови турчинови стягатися не может. Кгды ж яко дефект зъедноченья того, николи до поднесенья войны против тому тиранови, гдѣ бы згода на то всей Речи Посполитой была приступила, не заважал; так и тым зъедноченьем, хотя бы до него досконале пришло, до поднесенья ей (гдѣ бы згода всѣх инших не была) намнѣй бы ся дорога не услала, и потужности [8] новотной ничого бы не прибыло.

Одными ж завсегды, однако потужными, еднако хвалу божую милуючими и еднаково тиранови турецкому нехутливыми [9] былисмы, естесмы и будемо, мы, народу руского и литовского обывателѣ! Яко ничого тому не уволочала сполечность наша з греческими церквами, так з другой стороны сполечность з римским костелом жадной бы в той мѣрѣ акцесии [10] не учинила. Плотки [11] то суть щирые, которыми нам дѣепис очи мыдлити хотѣл! Не до нас, которые под панованьем короля его милости здавна послушне мѣшкаемо [12], будучи члонками [13] едной нероздѣлной Речи Посполитой, але до тых толко такого аркгументу в персвадованью [14] зышло бы ся ему было уживати, которых силы дотоля с короною полскою не суть зъедночоны! Лѣпше бы был дѣепис учинил, кгды бы то был у себе уважил, што власный его еден католик в скриптѣ [15], недавно межи людѣ пущоным, написал:

«Же за попираньем справы того зъедноченья обавятися потреба, абы турчин, услышавши, же ся руские грекове [16] з найсвятшим отцем порозумѣвати и братати починают, а затым бы и тые, што под ними суть, их прикладом вперед з найсвятшим отцем, а потом з Ракуским домом потиху ликги [17], не приняли боячися, абы тым прудше [18] и ядовитѣй так на нас, яко и на христианы, под собою

---

[1] мучыць, катаваць. [2] маёмасцях. [3] хістаннем. [4] аслабленнем. [5] знішчылі. [6] асабліва, найбольш. [7] менш за ўсё. [8] магутнасці, моцы. [9] нядобразычлівымі. [10] прыбытку. [11] плёткі. [12] жывучы. [13] часткамі. [14] перакананню, угавору. [15] у рукапісу. [16] рускія праваслаўнага веравызнання. [17] аб'яднання. [18] хутчэй.

мѣшкаючие, не натер. Што бы там тых христиан за утрапенья [1] до утрапенья причиненьем ку отступованью вѣры христианской з десперации [2] приводити, а так утаеные там христианства силы высилити и ослабити бы могло».

То то, мовлю, што его ж католик написал, дѣепис уважати могл лѣпѣй, ниж што то нам очи мыдлить пострахом турков, ркомо идучим с того зъедноченья, до которого нас намовляет.

Могло бы ся тут зараз припомнити, яко с того построаху себѣ дѣеписови еретицы шидят; але, же полны того уши людские, замолчую...

Четвертой части отповѣди роздѣл 9.

Если ж, яко дѣепис радит, люде старожитной релѣй греческой, того вдячни быти слушне мают, же их такими способы, якие тепер суть в уживанью, до едности с костелом римским приводят?

Тыми словы дѣепис замыкает свое до руского народу напоминанье: «Дякуйте побожному и великих цнот [3] и милости ку богу, кролеви своему, и бискупом святым, и иным, иж вам до тых вѣчных добр так уприйме [4] помагают, а не хотѣте быти невдячниками грубыми, которыи добродѣев своих не знают, албо брати от них так дорогих и збавенных [5] скарбов не хотят».

Бы тые слова от самого дѣеписа до нас были мовлени, выборне на них замовчати бы ся могло, звлаща же в них о его королевской милости, пану нашом милостивом, взмѣнку [6] учинил. Але иж много тых есть, которые хоть не словы, мыслью еднак и розумѣньем того ж по нас с тым дѣеписом потребуют, абысмы того веденья нас до отданья послушенства папѣжови римскому (которое веденье он помаганьем до вѣчных добр зовет) вдячни были, и кгды на них стискуемо, за зле нам, речи несвѣдоми будучи, мают, — нѣлза едно в том роздѣлѣ на тые слова ся озвати, и всѣм, которые вѣдати потребуют, справу о том дати: чому тое веденье нам приемно быти не может, али нас барзо мерзити мусит? В чом так ограничимо мову свою, же ничого тут о речи самой (то есть о том, если в том веденью до послушенства папѣжа римского вѣчное добро зависло, албо нѣт) мовити не будемо (кды ж ся звлаща з стороны ея з прошлых тоей отповѣди нашей роздѣлов каждый справити могл); але толко сродки и способы, которых в том веденью нас до того послушенства по тые часы уживано и уживают, уважати [7] будемо: если ж суть такие, которые бы з вдячностью лѣпѣй, ниж з утискованьем приймовати ся годило? До которого уваженья же потребно есть вѣданье тых сродков и способов в том веденью нас уживаных, прото ж ѐ коротко припомню. В котором припоминанью же теж универсалы нѣкоторые его королевской ми-

---

[1] уціскі, прыгнёты. [2] роспачы, адчаю. [3] дабрачыннасцей. [4] щчыра, рупліва. [5] дабратворных. [6] упамінанне. [7] разглядаць.

лости, пана нашего милостивого, за даньем звлаща оказии через дѣеписа вспомнити прийде, с тым ся декляруемо, перед вшеляким [1] початком того припоминанья; наперед: же ѐ на нас не што иншого вытискует, едно продком кгвалт, а кгвалт праве юж незносный, а притом хуть до откритья правды, которую незычливые ради бы загребли, в нашом на утрапенья [2] стескованью, не толко нас заглушаючи, але еще и вину, яко бысмы невинне стисковали, при нас зоставуючи. Другая: с тым ся оповѣдаемо, же выдаванья тых универсалов, которые ся припомянут, вину найдуемо частью при тых, которие не певными повѣстями и скрутными инстанциами своими оные вымагают, частью а найболше при тых, которые через присягу повѣреные собѣ маючи, перестереганье того, якобы листы жадные, праву противные, в канцлерии писаные, печатованые, подписованью королю его милости подаваны и з канцлерѣи выдаваны не были; однак мимо тое такие универсалы, праву и присязѣ королю его милости противные, важатся [3] выдавати. Зачим зараз с тым ся декляруемо, же якосмы от его королевской милости, пана нашего милостивого, добротливой через себе натуры его королевской милости свѣдоми будучи, все вдячне приймовати звыкли, розумѣючи, же ничого злым, але все добрым умыслом чинить рачит [4], так и за тых универсалов выданьем того нашего о его королевской милости розумѣнья не отмѣняемо, певни будучи, же его королевская милость, за взятьем от нас справы о том, иж тые универсалы с присягою его королевской милости згодные не суть, тым, которые ѐ до подписованья подавани, зганити то и напотом абы того не чинили сурове заказати будет рачил.

С тым ся так коротце наперед декляровавши, до самой речи приступуемо.

Гдѣ то, наперед, зышло бы ся подобно припомнѣти о годностях, приметах, поступках и цнотах владыки луцкого, который найпереднѣйшим сродком, автором, справцею, теслею и будовничим тоей надотлѣлой едности, а за едностью наступуючого утиску назватися может. Припоминанья того тот пожиток могл бы быти, абы люде, вѣдаючи иж «якая причина, який справца, такий теж и скуток» [5] посполите звыкл бывати, тым снаднѣй [6] в том, если ж им тая едность слушне смаковати мает, и што о ней держатися годит, могли ся розвязати. Леч же тое припоминанье и придолжшим быти, и вточенье тут много таких речий, о которых и слухати бридко, за собою потягати бы мусѣло, не хочу чителникови с тоей мѣры мерзячки чинити. Атоли [7] тые краи, в которых коли жил и живу, о брыдких а не толко духовной, але ани свѣцкой христианской особѣ неналежачих ексцесах [8] его, могут каждому пытаючомуся справу дати.

Сподѣвалисмыся, же вжды проѣжчка до Риму мѣла в ним отмѣну его ку доброму справити; леч, мѣсто поправы живота, при-

---

[1] усякім. [2] гора. [3] асмельваюцца. [4] жадае. [5] вынік, канец. [6] лёгка, зручна. [7] зрэшты, аднак. [8] учынках.

несл з собою оттамтоля[1] его милость, сполне с тоею надотлѣлою едностью, книги невстыдливые, фикгурами наддар вшетечными наполненые, которых прегледованьем безбожные очи пасучи, нерядную пожадливость им далѣй тым болшей в собѣ помножает. А мало на тым маючи, же сам в погляданью на их своей роскоши утѣху положил, еще ку тому и уцтивым матроном подчас оных показовати ся не встыдить. Што если ж ся годит, нехай каждый уважит! Прѣти того трудно мает, бо суть тые, которые ему тое, кгды схочет, в очи рекут. З менших речий снадне судити о болших, которых, яком рекл, уходячи бридливости, замовчую.

А также и о инших его товаришов неледа[2] похвалы годных поступках и животах ничога мовити не хочу, абы хто звлаща несвѣдомый не розумѣл, якобы ся то васни[3] чинити мѣло. Кто хочет вѣдати, што ся в которого з них вливает, нехай ся парафѣянов[4] их запытает, албо хотя на оном каменю пробирском вѣсти посполитой пробу о том нехай учинит: узнает то лацно[5], если ж святые речи от таких особ справованы быти могли?!

А затым и з стороны того ся резолвуе[6], если неслушне на тые сродки тоей велебной унѣи стискуемо.

Давши иншим поступком и животови их покой, аза ж то неслушне нас обходити мает (о чом в першой и второй части тоей отповѣди ся мовило), же без синоду, без всего порозумѣнья ся, намнѣй ся нас в том не доложивши, не толко мимо позволенье, але и мимо вѣдомость нашу, а што болшая — вѣдаючи противную интенцию нашу, вѣдаючи о протестациах, которых есмы за глухие толко вѣсти о тых замыслах до ушей наших прихоженьем, на много мѣсцах чинили, того ся важили, же именем нас всѣх отдаванье в Римѣ послушенства строили и нас, правне яко якое быдло, стрыхом Юдашовским (который оно мовил: «что ми дасте, а я его вам выдам») не без явного кривоприсяжства новотной зверхности поддавали?

Нуж облуда[7], нещирость, шалбирство[8], фортеле[9] и фалше их, которых в той мѣрѣ заживали (в тот час кгды найбарзѣй тые речи ковали[10], и словне и листовне нас же о том ани мыслят упевняючи, и еще до сталости при старожитной релѣи ведучи, аза ж нас слушне обходити и до стискованья побужати не мает?!

Леч все бы то зноснѣйше, хоть барзо жалосные были речи, кгды бы оттоля розличные нас релѣй греческой людей уближенья, утисненья и кривды яко з нѣякого жродла[11] не были выникнули, и кгды бы поступки, кгвалтом, мусом и неволею значне пахнучие, не были к тому приступили. На которое иж слушне стискуемо, абы каждый бачити мог, нѣкоторые толко з них (бо кто ж бы всѣх выличил?!), а особливе тых, которые юж[12] по ѣханью луцкого и володимерского владыков[13] до Риму, наступали, для прикладу при-

---

[1] адтуль. [2] не абы-якія. [3] непрыемнасць, гнеў, нязгоду. [4] прыхажан. [5] лёгка. [6] вынікае. [7] крывадушнасць, прытворства. [8] махлярства, жульніцтва, ашуканства. [9] хітрыкі. [10] хітрылі, злачынна задумвалі. [11] крыніцы. [12] ужо. [13] маюцца на ўвазе К. Тарлецкі і І. Пацей.

помнимо. Бо ач [1] вправдѣ скоро по ового [2] в першой части вписаного листу нѣкоторым владыком в року еще 1592 данью (в котором суть обезпечени, же для всякого оскарженья, клятвы и оголошенья, бы добре против станом их ведлуг прав духовных и свѣцких было достоенств, не мѣли тратити), зараз нѣякие нас старожитной релѣи греческой людей в набоженствѣ пренагабанья появлятися почали, однак найбарзѣй ся и наиотвористѣй [3] в року 1595, по ѣханью юж помененых владыков до Риму показали.

В тот час юж теперь на набоженство наше явне натерто [4]. А вступок того за универсалный короля его милости и в добрах и мѣстах короля его милости наперед учинено: церквы на нѣкоторых мѣсцах печатаючи [5], — аппараты [6] церковные з них беручи, — от хвалы божей и набоженства в дни святые, ведлуг старого календара отправованые, з церкви люди кгвалтом выгоняючи, — на презвитери и попы наши ся торгаючи, — з сакраментом [7] звыклым способом до хорых через рынок ходити им в уберох поповских заказуючи, — мертвых явне через рынок с процессиею ведлуг обычаю релѣи греческой провадити, в церквах в свята звонити, и обрядов набоженства своего заживати заповѣдаючи, — а тых, которые тым заказом и заповѣдем подлегати не хотѣли, браньем вин, везеньем, битьем и иншими способы удручаючи.

В тых же мѣстѣх короля его милости и под тым же часом на школы релѣи нашей греческой ся торгано: дѣти и убогие з них до своих волочачи, бьючи, сажаючи и розмаитые над ними збытки [8] чинячи.

Под тым же часом в нѣкоторых короля его милости мѣстах греческой релѣи люде, мимо давный звычай, от урядов, от цехов, от ремесл отстрыхани; в чиненью справедливости им и з инших розных мѣр утискати их почато. О чом барзо много на розных мѣстах ест протестаций починеных, которые што, коли, кому и гдѣ ся стало посвѣдчают. Вписованья их тут, для продолженья, занехавам; готов еднак будучи каждому вывѣдуючомуся [9] тых припомненых в мѣстах короля его милости и индѣй утерпленых через наше анкгарий [10] много прикладов припомнити.

Вступок так забороненья и перешкоженья набоженства мѣщаном подданным короля его милости, в мѣстах Речи Посполитой и короля его милости учинивши, поступлено далѣй: торгненося с тоею опресѣею [11] и на стану шляхецкого люди. Чого ач прикладов есть немало, однак, уходячи продолженья, толко одну тут, зацную [12] особу заходячий, для визерунку [13] припомнимо:

Владыка володимерский по приѣханью юж з Риму, на двор ее милости панеи браславской, кнежны Збаражской, в которой ведлуг давного звычаю набоженство презвитер [14] отправовал, нашедши там до церкви, двери кгвалтом выбил, речи до набоженства отпра-

---

[1] калі, хаця. [2] таго, гэтага. [3] чыстасардэчней. [4] адкрыта нападаюць. [5] закрываючы. [6] уборы, адзенне. [7] з тайнаю. [8] празмернасці. [9] хто цікавіцца. [10] прыгнёт, праследаванне. [11] уціскам. [12] высакародную. [13] малюнка, узору. [14] поп.

кованья належачие одны побрал, другие порозмѣтовал, ово згола кгвалт великий учинил. З стороны чого кгды ее милость протестацию чинила, всказал до ней, же дармо ся протестует, бо его тут в Полщи жаден суд о тое судити не будет могл; а если ж до папѣжа, которому юж послушенство отдал, схочет его позывати, будет мѣти добрую проѣжчку; але он будет то мѣл перед нею, же ему дороги там пытати не будет потреба, бо юж еи перевѣдал, и так розумѣет же там за еи милостью не скажут.

В забороняныо и перешкожанью таком набоженства старожитного мало маючи, торгненося зараз клятвами, а при клятвах кгвалтом и моцью на релѣи нашей духовных, которые за оторванцами ити не хотѣли. Зачим одны выгнани, другие иманы, третии биты, четвертые везеньем и иншими тому подобными прикрыми поступками суть траплени, — чого приклады меновати можемо.

А для болшей в том всем свободы, отступники, хотячи казни за свое отступство зникнути и хотячи нас тым снаднѣй до тоей матнѣ, в которую сами влѣзли, угнати, забѣгали тому, якобысмы патриархов восточных волѣ и рады досягнути не были могли; и затым лист до украинных старостов в канцелярии короля его милости зъеднали собѣ в тые слова:

«Жикгимонт Третий з божей ласки — всѣм вобец[1] и каждому зособна, кому то вѣдати належит, а меновите старостом нашим украинным, уприйме и вѣрне милым, ласку нашу королевскую.

Уприйме[2] и вѣрне нам милые! Же мы, бачачи як много безпеченству коронному на том належит, абы жаден чужоземец, звлаща люде греческого закону з земль турецких до панств наших не приходили, хочемо того по уприймой вѣрности вашой, которые едно украинные замки мают под владзею своею: абы того пилне перестерегали, жебы жадных особ, которые бы от патриархов греческих з листами албо посельствы якими, будь до епископов релѣи греческой, будь теж до кого иншого в панствах наших послани, абы были не пропущены. И росказуемы сурове, абы таковых людей задержовали, и оных листы, если бы якие мѣли, до нас отославши, до науки нашей в доброй опатрности[3] ховали, иначей не чинячи, для ласки и повинности уряду своего.

Дата в Краковѣ 28 липца, року божего 1595, панованья нашего королевства Полского осмого, Шведского второго. Жикгимонт, рекс[4]. Пстроконский».

В надѣю тоей пограничной сторожи, року 1596, тепер юж отступници пропорцы[5] свое ростягати и тых, которые им отступства от старожитной релѣи помагати не хотѣли, с каждой мѣры утяжати[6] и тямяжити[7] почали: по клятвах, на таких выдаваных, вывоʌанье з канцеллярии короля его милости на них выправуючи, а навет юж и будованья церквей ку отправованью старожитного набоженства забороняючи, за листами короля его милости, которые

---

[1] наогул. [2] шчыра. [3] засцярозе. [4] кароль. [5] сцяганосцы. [6] прыгнятаць. [7] мучыць.

одержали за омылным[1] даньем справы. С которых листов одного, до Вилни выданого, тые суть слова:

«Жикгимонт Третий, божею милостию король Полский. Войтови, бурмистром, радцом и лавником мѣста нашего виленского, вѣрне нам милым, ласка наша королевская.

Маемо тую вѣдомость, иж нѣкоторые подданые наши, мѣщане виленские, заживаючи своволенства против звирхности нашей господарской и праву посполитому, бунты и розрухи непотребные межи поддаными нашими, мѣщаны виленскими, братством Троецким чинят; тыи святобливыи[2] справы зачатыи, за которыми бы то до згоды и зъедноченья у вѣрѣ межи народом люду христианского приходити мѣло, розрывают; и инших подданых наших до себе способляючи, против Речи Посполитой бунтуют, незгоды и розрухи множат и ничого недбаючи на каранье и вины, в правѣ посполитом на таковых описаные, покой посполитый правом обварованый[3] взрушаючи, а надто еще ку болшому взрушанью покоя посполитого, пляц в мѣстѣ нашом виленском купивши снать церков не так для отправованья в ней хвалы божей, як найболшей для болшей ереси и розширенья бунтов в Речи Посполитой збудовати хочут. Што иж бы таковому своволенству и бунтом всяким забѣчися могло, хочемо мѣти и приказуемо вам: абысте з належности и повинности уряду своего, таковых бунтов, которые бы ся межи поддаными нашими вщинати и ширити мѣли, постерегали; тых вышеменованых подданых наших, як взрушителев и бунтовников покою посполитого, и инших, которые бы ся напотом показати мѣли, ведлуг права посполитого и выступку их карали, и тоей церкви будовати не допускали, и заборонили, конечне иначей того не чинячи, для ласки нашее (иж привилеи продков наших, и наши господарские о том значне описуют: же церквей жадных нигдѣ в панствѣ нашом никому будовати неволно, без вѣдомости и позволенья господарьского). Писан у Варшавѣ, року божого нароженья 1596, мѣсяца августа 29 дня Сикгисмундус, рекс. Матѣй Война, писар».

Той лист если (же присяги конфедерации и права замолчу) згожается и з овым в роздѣлѣ четвертом першей части припомяненым листом латинским короля Стефана, навет и с привилеем виленским короля его милости пана нашого теперешнего, братству церковному Виленскому дня 9-го мѣсяца октебра, року 1592, в Варшавѣ наданом, в котором меновите будованья церквей волность есть варована, — нехай кождый судит! А особливе нехай ся тые приглядуют, которые выданья того листу с канцлерии суть причиною!

В том же часѣ, коли той помененый лист есть с канцелярии выданый, оголосился собор в Берестью. Тешилихмося им, сподѣваючися же юж за тым тыи анкгарии або утрапенья погамоватися мѣли. Али ото коли собор надходил, под тым часом праве найболший препых[4] свой владыкове оказовати и людей старожитной вѣры гре-

---

[1] падманным. [2] набожныя, пабожныя. [3] умацаваны. [4] найбольшую ганарыстасць.

ческой бѣдити почали. Для прикладу писаный лист влыдыки володимерского, которого тые суть слова, кладу:

«Ипатей, з ласки божей протофроний[1], епископ володимерский и берестейский. Всѣм вобец и кождому зособна, православным христианом, людем церкви греческой, сыном духовным нашей покорности.

Як не пооднокроть с повинности нашей пастырской, видячи великую недбалость и лѣнивство ку хвалѣ божой, и недбалость о церквах божих братства Берестийского, напоминалихмо як словом, так и писмом нашим: абы ведле звыклого обычаю, на спѣванье и молитвы до церкви божей збиралися и повинности своей христианской досыть чинити перестерегали. А иж оные, которые и на навпоминанье наше отцовское дбати не хотят, церковью божею и навпоминаньем нашим отцовским гордят, а нѣкоторые снать на зелживость вѣры своей и дому божого молитвеного зборы якиесь покутне способом еретицким в домѣх своих чинят, а снать нѣкоторые до еретицких божниц на молитвы утекаются,— а про то не могучи далѣй таковой своволи терпѣти, тое остатнее навпоминанье наше до всѣх чинимо и именем божим росказуемо: если бы через тое упоминанье наше болшей того в упори своем тривали и домом божим взгоржали, а на молитвы и спѣванья в дни святые не приходили,—тогды тобѣ, протопопо, и всѣм попом берестейским соборовым и околичным приказуемо, под клятвою и отлученьем стану священического: абысте ни до едного с таковых непослушных в домы их не ходили, дѣтей их не крестили, святостий Христовых таковым не давали, погребов умерлым не чинили, и жадною справою духовною им не услуговали, при церквах погребати тѣл мертвых не допускали, и по умерлых звонити не росказовали; а згола — всѣх таковых за еретиков и выклятых от церкви божей мѣли, так долго, поки аж навернутся и до церквей божих по старому ходити, и повинности своей христианской досыть чинити будут, конечно.

Дан в Берестью року 1596, октобря 3 дня. Власною рукою».

Наспѣл потом зараз собор Берестийский. Али на нем и по нем вмѣсто сподѣваной поправы — погоршенье, вмѣсто ослабы — болшей тяжар, вмѣсто потѣхи — болший смуток наступил. Замолчуемо, яковые там уруганья, яковые легкие уваженья в мовах и казаньях без всякой вины относили есмо. Не вспоминаю, як грека Никифора[2], котрий там был прибыл, коли власти уряду своего протосинкгелского заживал, арестовано. То — кгрунт всему, же, мимо нас всѣх духовных и свѣцких позволенье и овшем противко явной нашей протестации, митрополит[3] с пятма владыками, обставившися в церкви гайдуками, по сползненью дня и термѣну собо рови назначоного, едность нѣякуюсь с римским костелом строил. А мало на том и з своим товариством маючи, и хотячи нас поне-

---

[1] старшы епіскап. [2] прадстаўнік канстанцінопальскага патрыярха на Брэсцкім праваслаўным саборы 1596 г. [3] мітрапаліт кіеўскі Міхаіл Рагоза.

волне до тоее ж едности привести, выеднал универсалы з канцелярии короля его милости, през которые той едности и справам его берестийским нетолко противитися заказано, але теж оную приймовати и оной подлегати, а при том — лвовского и премыского владыку, про то иж на тую едность не позволили, не за владыки, але за проклятые мѣти и з ними не посполитоватися, ани обцовати нам конечне росказано.

Универсалов тых иж суть придолжшими, для продолженья зуполне не вписуючи, замкненье [1] толко их ведле того, як по князствѣ Литовском были розосланы, тут приписуемо:

«А иж бы то всѣм до вѣдомости пришло и от кождого выполнено было, — вам, воеводам, старостам, державцом, тивоном нашим, намѣстником и урядником, также войтом, бурмистром, радцам, лавником, приказуемо: абы-сте сами постановенью синоду того Берестийского ни в чом противны не были, а других подданых наших, которые бы ся тому противили, карали; а той лист наш по костелѣх и на торгах, копѣи з него списуючи, прибивати и то всѣм ку вѣдомости приводити росказали. Конечне иначей того не чинѣте. Писан у Варшавѣ, лѣта божего нарожения 1596, декабря 15 дня».

То такие универсалы урядом зверхность на собѣ маючим, тых, которые бы ся постановленью Берестийскому отступников противили, карать росказуючие, — тые, которые их з канцелярии выдавали, нехай уважат, если не суть противны овому пунктови присяги короля его милости: «а ни яким способом або урядом нашим, або урядников наших, або станов которых колвек повагою, никого не уближу и, для вѣры, утискати не допущу, ани сам уближу, ани утисну».

По соборѣ Берестейском приспѣв близко прошлый сейм з велми многих воеводств, а особливе с тых, в которых ся люде вѣры греческой найдуют. Послом с повѣтовых сеймиков на него выправленым, справу нашу поручено. А што уваженью есть годно: в многых инструкциах за найперший артикул поручено, зретельным [2] доложеньем прозбы и пилности до короля его милости, абы король его милость не толко тоеи през оторванье злѣпленой едности не попирати, але теж абы, на мѣсце их, иных, которые бы власне вѣры греческой были преложоныи духовныи, на прономии [3]; через них держаныи, нам подати рачил. Просили о то с пилностью, домовлялися того, старалися о то послове. Што за скуток? На словах ся не садячи, рѣч самая свѣтчит. А то предся и по сей день тые отступники не толко на прономиах, собѣ ведле права не належачих, седят, але и зверхность свою не толко штуками и фортелми (с которого жерела [4] и трутизны [5] выникают), але и моцью а кгвалтом над нами ростягают. А што найжалоснѣйшая — уряды рамена [6] короля его милости, за универсалми, из канцлерии высылаными, до того ся

---

[1] канцоўку. [2] відавочным, яўным. [3] маёнткі, даход з якіх ішоў у карысць царквы. [4] крыніца, вусце. [5] яд, атрута. [6] парадкі ўладай, імем.

значне примѣшивают. Зачим им далѣй, тым болшей невинных бѣд прибывает зо всѣх сторон.

Не припоминаю тут жалосных кривд, которые от нѣкоторых небачных римского вызнанья людей, мимо звычай давный, з неучтивостью и зелживостью нашею змѣшаные, относимо! Чесные малженства[1] наши в роспач невстыдливый вшетечными[2] мовами своими приводят! В церквах отмѣны чинячи, тѣла мертвых греческой вѣры людей, из землѣ выкопаные, вымѣтуют! От свѣдецтв старожитной вѣры греческой людей, яко бы вѣры негодных, отдаляют, и оным книг правных, которые ведле права никому не мают быти боронени, боронят! Презвитеров наших на дорогах споткавши розмаитыми деспекты[3] карают!

Которые то всѣ уразы[4], от гонителей римского вызнанья отношеные, не так нас от них, як от отступников старожитной вѣры греческой болят! Хто ж бовѣм не видит, же за их справою тые уразы вщалися?![5] Бо поколя отступленье их не было затривожило, з ласки божей былихмо от них волными, и в яком-таком седѣлихмо покою. За их же ся справою вщали, и им далѣй, тым болше посполитуются[6] везенья, морды[7], наѣзды, гоненья и иншые тым подобные бѣды тых, которыи за ними ити а старожитной вѣры отступити не хочут. Чого в каждом кутѣ, гдѣ одно греческой вѣры люде живут, прикладов много!

А уже той поломень, от иншых вщатый, и старших нашых правдивых духовных доходит. Уже архимандритови киевскому, якобы для статечности[8] при старожитной поприсяженой вѣрѣ духовным быти переставаючому, манастыр Печерский отняти хочут! Уже и владыци лвовскому, для тоее ж статечности монастыр Жидичинский, который аж дотоль за привильем короля его милости спокойне держал, кгвалтом наѣхавши на оный, през штурм с пролитьем крови выдирают! Уже иншых много тым подобных, кровью пахнучих, выступков дѣет!

А за тое ж то, дѣеписе, дяковати маемо?! Изаж[9] за тое не мает нам быти волно нарекати? За тое ж то невдячностью называеш, иж на такие уразы стискуемо? Бысмо добре ничого иншого не терпѣли, едно тое, жебысмы митрополита и владыков отступных, по отступленью греческой вѣры, прономий, на вѣру греческую наданых, уживаючих и пастырми ся нашими удаваючих видѣли, — изаж бы о то самое стисковати нам ся не годило? Малые ся то кому рѣчи видят; але атоли и тых малых рѣчей христиане, в неволи турецкой живучи, з ласки божей не терпят! Бо еще николи до приймованья розной вѣры людей за преложеные духовные не сут приневоляни, — а то там права не маеш, которое бы достоинство вѣры греческой уменшованья и пониженья боронило, — а то там конфедерации не маеш, которая бы прономии релѣи греческой

---

[1] шлюбы. [2] разбэшчанымі. [3] рознымі здзекамі. [4] удары, траўмы. [5] пачаліся. [6] робяцца звычайным, прывычным. [7] забойствы, катаванні. [8] сталасці, паважнасці. [9] хіба, няўжо ж?

толко людем вѣры греческой даванье варовала. А нам и право, и конфедерации, и привилья, и звычаи, и иншии фундамента волности набоженства маючим, же ся то в волной Речи Посполитой дѣет, — и яко ж не стисковати, и яко ж не нарекати на тое, яко ж с того доволни быти маем?! Бо добре тое нас самых не заходило и не долегало, а жебыхмо хотя в иншей вѣры особах такий праву кгвалт чиненый видѣли, — и за ж бы нам хуть ку задержаню ойчистой волности и права посполитого мовчати о тое допустила? А што ж коли то ся в вѣрѣ нашей дѣет: же отступници не толко хлѣба собѣ неналежачого заживают, але и звѣрхность над нами силомоцью ростягают; коли за оказиею тоей зверхности их в сумнѣньях наших нам кгвалт ся дѣет; коли нас (волные нам набоженства отправовати и церкви будовати заборонаючи) горше от безбожных жидов кладут; коли взглядом вѣры, на маетности, на здровья и на учтивое наше з розных мѣр натирают; коли в том всем помочи през прозбы и поселства частокрот повтараные шукаючи, не найдуемо? И як же не маемо стисковати, а и з жалем сердечным нарекати?!

Певныхмо, же жаден бачный за зле того нам мѣти не будет; а и дѣепис занехает[1] нас невдячниками грубыми называти, хотя то тых таковых прикрых скарбов, которих спасителными зовет, не тылко с хутью[2] не приймуемо, але и жалосне же их в нас поневолне ткают, стискуемо! Нехай ся сам ткнет, — чи бы мовчал, чи бы дяковал, гдѣ бы его то, што нас долегает, долегало? А либо бы он, чого не розумѣемо, долеглость такую и з вдячностью и з мовчаньем вытрвати мог!? Мы ся объясняемо, же на таковую терпливость, жебы то, коли болит, не стогнати и не охтати — здобытися не можем. А теж досыть в том терпливости нашей, же хотя так уражени будучи, хоть так през долгий час в уразах своих жадного улженья[3] через прозбы одержати не могучи, хотя видячи, иж зношеньем старых крывд новые побужаемо, — еднак то злого злым не отдаваемо, ани ся до кгвалту против кгвалтови мечемо.

Ожидаемо змилованья бога вседержителя, просячи его, абы нам того креста ослабил, а тым часом нас терпливостью обдарити рачил! Ожидаем змилованья его королевской милости, маючи надѣю, же вжды коли в уши свои панские (которые теперь от нам незычливых праве якобы заткани суть) жалостные нареканья наши припустит, и слушному жаданью нашому мѣсце зоставити рачит. Ожидаем на вашу милость всѣх корунных и великого князства Литовского и панств ку тому належачих обывателей обаченье, а зали вжды коли в тые наши справы, так яко ся годит, углянете и уразы наши ведле потребы лѣчити будете. Чого абысмы тым певнѣйшие были, ту конец тому роздѣлови учинивши, в замкненью тоей всѣй «Отповѣди» нашей до вашей милости мову свою обернувши, што ваших милостей ку тому приводити мает, вкоротцѣ припомнимо.

---

[1] пакідае. [2] ахвотай, жаданнем, намерам. [3] спачування.

ЗАМКНЕНЬЕ ОТПОВѢДИ С ПРОЗБОЮ И З УПОМИНАНЬЕМ ДО КОРОННЫХ И ВЕЛИКОГО КНЯЗСТВА ЛИТОВСКОГО ОБЫВАТЕЛЕЙ

Уже ся теды дотоля соборовому дѣеписови [1] на книжки о соборѣ Берестейском, розмаитых потварей [2] и фалшов полные, вкоротцѣ отповѣдило.

А особливе показалося многокротный выступок митрополита и владыков нѣкоторых, которые противко присязѣ, патриарсѣ константинополскому при рукоположению учиненой, против обѣтницам своим, против каноном церковным и соборовым, против праву посполитому, против угодам, з людми римского вызнанья чиненым, против листом королев их милостей, не толко мимо позволенье, але и против протестациам нашим, — облудне и фортелне [3] з нами собѣ поступуют, зверхности патриархов восточных отступили, и не толко своим, але и нас всѣх, которыесмы о том ни мыслили, именем папежови его милости римскому послушенство фалшиве отдавали, и рекомо нѣякуюсь едность Флоренскую отновляючи, до николи небывалого вѣры старожитной греческой вышпочеванья, а з кгрунту праве вывороченья дорогу слали, и по сей день стелют. Чого взглядом, же прономий на вѣру греческую наданых далѣй ведле права уживати не мают, довелося.

Показолося теж, же поступки нас, старожитной вѣры греческой людей, на соборѣ Берестийском и з жадное мѣры слушне ганеные быти не могут.

Показалося, же розумѣнье о едноначалствѣ церковном папежов их милостий римских — ани в евангелии, ани в святых учителех, ани в историах церковных фундаменту не мает.

Показалося, же тые наганы [4] патриархии Царигородское и похвалы зверхности римское, которых синодовый дѣепис в своем до руского народу упоминаню ужил, не суть таковые, жебы ку воли им старожитной релѣи и звѣрхности нашее греческой отступити нам ся годило; причом зараз, за оказиею слов дѣеписовых, нѣкоторые способы, которых в привоженью нас до отступленья вѣры нашей тых часов заживают, с показаньем же слушне на них стискуемо, суть припомнены.

Догодилося теды таким способом пред ся взятью нашому, которого, як есмо в предмовѣ припомнили, той переднѣйший быв цѣль— оказанье невинности нашей, а выкроченья [5] стороны противной.

Сумнѣнье доброе, свѣдѣцтво нам в мыслях наших о невинности нашей даючее, а в ласци и помочи господа бога вседержителя нас упевняючее, переднѣйшею есть потѣхою нашею. Леч притом, абы и люде вси тое бачили, упрйме [6] собѣ того, яко якой великой потѣхи, зычимо, и того самого ищемо в том писмѣ нашом, которое на

[1] гісторыку. [2] розных паклёпаў. [3] крывадушна і карысліва. [4] намовы. [5] выкрыццё. [6] шчыра.

нас розмаитые мов наших на сеймох по тые часы заглушенья найболшей, видит бог, вытиснули. Тые ж заглушанья велми жалостныи суть причиною, же до ваших милостей, милостивыи панове сенаторове, и цныи [1] коруны Полской и великого князства Литовского рыцерство, тую тут прозбу и упоминанье чинимо, которое бы на сеймох и на инших, радом о Речи Посполитой и намовам о лѣченью уразов отданых, зъѣздѣх найвласнѣйшее и найслушнѣйшее мѣсце мѣти мѣло.

Не есть вашим милостям тайно и за прошлыми скаргами, и за теперешним припомненьем — великие а праве незносные, не толко маетности, здоровья и учтивости, але и сумнѣнью заходячее зневоленье и стисненье наше. А иж братьею нас своею зовете и члонками [2] едного тѣла Речи Посполитое менуете, — просимо: ужальтеся над утисненою братьею своею! Нехай вас рушат як власне в. м. обходячие раны и уразы наши! Если ж теды ваша милость (чого не розумѣемо) против нам озябла, вжды нехай в. м. рушит милость прав в. м., которые в едных дощках з нашими (в которых кгвалт тепер терпимо) замкнены, и едными звязками утвержены суть! Стережитеся того, абы тоею дирею, которая ся в правах нам служачих дѣет, вси ся вашим мстям [3] свободы не выслизнули! Штоть нас долѣгает, то и вашим милостям всѣх прикладом и секвелля [4] заходит. Николи в жадной речи посполитой всѣм зараз утисненье не докучило: злегка той пожар идет, хто его на чужом не гасит, той посполите [5] на своем его кгрунтѣ а прудко обачует!

Нехай вашим милостям рушит огляданья ся на вѣру, сумнѣнья и почтивости ваши, которыми до перестереганья прав, волность набоженства варуючих, естесте обовязани. Нехай в. м. рушит уваженье того, же либо бы есте нам отступленья вѣры нашее зычили, людми, а не скотами естесмо, а з ласки божей людми свободными, на которых абы што през моц и мус вымочи мѣл, прожне [6] собѣ хто обѣцовати мает! А либо бы в чом иншом тое быти могло, — в вѣрѣ, которая в сердцу а в умыслѣ своем мѣсце мает, иза ж к тому может быти яковое подобенство?!

Хто ж з людей смертелных привлащити собѣ может шафунок [7] вѣры, которая есть самого господа бога даром?! Хто ест так потужным [8], абы умыслом пановати а до вѣренья того, чого сумнѣнье чие не приймует, або до невѣренья того, што приймует, приневолити кого мочи мѣл?! Ничого не ест так доброволного, як набоженство и вѣра, так же ее мус бы найболший ни в ком не сварит; позвирхнюю толко облуду [9], вѣри подражняючую, а господу богу барзо мерзкую, далѣй ничого в людех боязливых, а межи небоязливыми розлитье крви справити может!

Приклады, того посвѣдчаючие, у нас их не шукаючи, рачите в. м. мѣти с посторонных краев, в которых не откилку лѣт, але без

---

[1] сумленнае, высакароднае, прыстойнае. [2] часткамі. [3] міласцям. [4] наследак. [5] звычайна, заўсёды, часта. [6] дарэмна. [7] марнатраўнасць. [8] магутны, моцны. [9] крывадушнасць.

мала от ста, не леда[1] от кого, але от монархов свѣта найможнѣйших[2] и найпотужнѣйшых, не леда з яковым промыслом, але який може быти на свѣтѣ и найсилнѣйший и наймудрѣйший, люде до набоженства, собѣ ся неподобаючого, притискани были. Што ж ся тым справило? Чи ся едность вѣры и згода досконала уклѣтила?[3] Ничого? Але што? За примушаньем пришло до васни[4], з васни до ростырков[5], з ростырков до розорванья, з розорванья до внутрной войны, которая межи всѣми злыми рѣчами на свѣтѣ ест найгоршею: бо взрушенье права и божого и прироженого, кгвалты, пожоги, наѣзды, крви розлянье, спустошенья, а коротце мовячи— вшелякие кшалты[6] злых припадков в собѣ замыкает. До того такая война, над иные внутрние войны, як ядовитшая быти так и должей трвати мусит. В инших войнах внутрних бовѣм одна сторона до уступенья другой, за обаченьем слушной ее причины, снадне приведена бывает: тут зась (гдѣ кождый то, штс вѣрит щирою и спасителною правдою быти мнимает[7]; а за тым же што ж колвек терпит, для правды терпит, и през тое терпѣнье мученического вѣнца и живота вѣчного доступует — есть певного розумѣнья) — який способ може быти вынайденый гамованья? Само аж зобополное знищенье, упрацованьеся[8], высиленье, выжаленье[9], зубоженье — звыкло такие войны але не в час гамовати, а згоду пожаданую нерыхло[10] приворочати. Што иж так есть, для бога, милостивыи панове, гамуйте в час тые кола, поки ся не розбѣжат!

Жалосная реч — терпѣти утиск от вышшого, жалоснѣйшая — от ровного, найжалоснѣйшая — от подлѣйшого. Терпливость, часто ображаная, в попудливость звыкла ся премѣняти. Недуфанье[11] о доступеню справедливости през звыклые средки, недуфанье о помочи, выгледанье за некараньем и негамованьем утисненых — што раз то болшого утрапенья до незвыклого утисненым одыймованья звыкло бывати причиною утрапеным.

Ужалтеся, для бога, над отчизною сполною! Уважте кондицию ее инакшую ниж инших королевств, в которых огонь внутрней войны и до того часу не есть угашеный. Там мѣста, там замки, там тверди[12] оборонные густо седят; зачим недив, же долго ся собѣ опирали и опирают. У нас гдѣ бы ся той поломень (которого, боже, уховай!) появил, прудко бы вси того широкого панства мазанки попопелѣли! Там турок — одлеглый, о татаринѣ — ледво слыхати! А мы их тут туж при боку маем; и хотя в згодѣ мешкаючи[13], от них в небеспеченствѣ уставичном[14]; а к тому и з инших сторон покоем, приязнию и примирьем не доконца убезпечени естесмо.

Досвѣдчилисте в. м., в якой есмо згодѣ з в. мстями прошлых вѣков мешкали, хотясмо при старожитной вѣрѣ греческой и при патриархах в Греции будучих статечне[15] трвали. До милости, до

---

[1] не ад іншага. [2] здольнейшых. [3] наступіла. [4] сваркі, спрэчкі. [5] нязгоды, нелады. [6] вынікі. [7] мяркуе. [8] стамленне сябе. [9] засмучэння, пазбаўлення сілы. [10] няхутка. [11] не жаданне. [12] крэпасці. [13] жывучы. [14] пастаянным. [15] стала.

зычливости, до ратунку в потребѣ розность церемоний ничого не перешкожала!

Досвѣтчайте уже теж в. м. тое милое згоды и едности, которую наши отступнии митрополит и владыкове лѣпити почали! Видите в. м., якие скутки[1] тая едность приносит и принести может! Видите, же за нею, мѣсто причиненья, нарушенье старожитной згоды и милости наступило!

Якого ж еще далѣй досвѣтченья ждете? Чому ж рачей[2] што прудщѣй до того не помагаете, яко бы ся старосвѣцкии задержанья домовой згоды способ привернул? Чому молчаньем своим на то, што ся дѣет, причину королю его милости пану нашему милостивому до того розумѣнья даете, якобы мовы и стискованья наши уваженья годны не были? Присягали есте, милостивые панове сенаторове, права стеречи и речом шкодливым в Рѣчи Посполитой забѣгати: а чому ж хотя видите, же права ся у нас ламлют[3], мовчите? А чому ж хоть небезпеченство з утиску взглядом релѣи чиненых упатруючи[4], оному в час не забѣгаете? Чому и его королевской милости, абы ему в том забѣг, с повинности своей в том не напоминаете? Если ж взгляд на католицкую римскую вѣру и помноженья еи прагненья в. м. в том гамует, — а што ж в. м. о прошлых королях полских зречете, которые през шесть сот лѣт волность набоженства нашего, хотя до того присягами не были обовязовани, вцале нам без отмѣны заховали? Чи прото католиками не были? Не рачте их в. м. своими поступками в тое вдавати розумѣнье!

О оных давных христианских цесарѣх читаемо, же хоть их к тому жадные обовязки не притискали, еднак не толко христианом бога и тройци единого вызнаваючим и от всякой змазы[5] еретическое волным, але явне облудным волности набоженства позволяли. Пишет Сократ, костелный историк, о Иовинианѣ цѣсару, же не толко кождому якового хотѣл набоженства позволял, але теж похлѣбцом[6], которые ся ему приспособляючи, до его вызнанья нещире отзывали, приганяючи, мовил, же дошел того, же не бога хвалили, але шарлат! Той же Сократ пишет о Уалентинианѣ цесару, же правдиве с тым переставал и тых боронил, которые с ним едной вѣры были; вшак же однак и Арианом не наприкрялся. А Зизомен о цесари Гратианѣ теж пише, же волность набоженства, правом з стороны того учиненым, был опатрив[7]. О Феодосию зась цесару Сократ тые слова написал: «Феодосий цесар никого для вѣры не бѣдил[8], ани з собою до сполной вѣры и набоженства примушал; але кождым на свои мѣсца сходитися, и о том што на христианство належит розумѣти позволял, ведле того до якого розумѣнья хто был прихилный». О том же Феодосию той же Сократ на другом мѣсцу так написал: «Цесар так далеце против христиан-

---

[1] вынікі. [2] вярней, ахвотней, лепей. [3] зневажаюцца, парушаюцца. [4] бачачы. [5] ганьбы, знявагі. [6] падхалімам, падлізам. [7] асцярожны. [8] турбаваў.

ству был набожный, же не толко священников велми почитал, але и Новатианы, гомоусион[1] вызнаваючих, милостью огортывал».

То так давные оные цесари собѣ в справѣ вѣры поступовали! Чого не читаем, абы им христианские епископи за зле коли мѣли! Не читаем теж, абы их господь бог для того карати был мѣл! И овшем о Феодосию читаемо, же господь бог сам з неба напротив его неприятелем воевал, вѣтры кгвалтовные на них побудивши, и их стрѣлбу на их самых навспак[2] оборочаючи.

Нехай же теды милостивые панове сенаторове римского набоженства, взгляд на католицтво в. м. не отводит от пилного короля его милости упоминанья з стороны забѣженья небезпеченства, которое тая новотная непевная едность моцью попиранья уродити может. Вшак же ему забѣчи не трудно: толко отмѣну, которая завше звыкла бывати шкодлива, и за отмѣною идучие праву противные утрапенья зараз знесши, а звычай старожитный привернувши!

До того просимо: абысте нам с повинности уряду своего рачили быти помочни у его королевской милости, пана нашего милостивого, которому честь, вѣру и послушенство в речах, вѣрным подданым належачих, неотмѣнне отдавати хочемо. Тѣла, добра, маетности и учтивости наши звирхности его королевской милости суть от нас доброволне подданы: так же ведлуг права посполитого о них чинити розсудок может. Души самые, сумнѣнья и набоженства наши зоставилисмо цѣлые цареви небесному, который яко нам так и его королевской милости панует. Тому самому в той мѣрѣ же догожати и приспособлятися хочемо, нехай нам его королевская милость, границы звирхности своей уважившн, за зле мѣти не рачит. Вшак если же блудимо и грѣшимо, грѣшимо тому пану, который сам, всѣх нас души в моцы своей маючи, часу своего суд о них чинити будет. Той небесный пан нехай судит, если ж што на нас сходит, и на отдаванью повинности нашей его королевской милости, по котором взаем того, абы нам присяги своей панской додержовати а ведле прав пановати рачил, потребуемо.

И до того абысте ваши милости (помнячи на тое, иж, для проступства звирхности, подданых господь бог звыкл карати), кроля его милости вести рачили, — пилно в. м. просимо. Учинте то в. м., если не ку воли нам, тогды ку воли Речи Посполитой, ку воли короля его милости пана нашого, которому молчанье и поблажанье в. м. барзо хотя незначне заважает. Бо тым молчаньем фундаменты и филяри[3] власти и всякого щастья его королевской милости, выворочаны и подваляны бывают.

Што бовѣм иншого и приступ до той зацной столици зъеднало, и фундаментом есть пановапья его королевской милости, одно пакта[4] з нами учиненые а права корунные. На то ся найболшей оглядаючи, повинное послушенство его королевской милости вси отдаемо. Тое самое его королевской милости ласку, у господа бога

[1] чалавека. [2] назад. [3] калоны, слупы, апоры. [4] пастановы.

царя найвышшого, тое милость у подданых, тое повагу у посторонных еднати, тое填пнованье его королевской милости утвержати, тое подданых его королевской милости ублагословляти мает,— коли его королевская милость ни богу в сумнѣнью своем, ни нам вѣрным подданым своим в поприсягненой повинности не зостанет, и коли права наши нам а волности держати будет. Бо иж не золотом, не множеством пѣнезей, не богатствы, не замками моцными, не мѣсты будовными тое зацное королевство, над которым его королевскую милость господь бог преложил, межи иншими народы слынет; але толко самою волностью, которое инше народы, хотя в достатках всѣх оплываючии, нам подданым его королевской милости зазрят.

Хто ж не видит, же задержаньем в цалости свободы нашей, тая найболшая его королевской милости оздоба то есть, же людем волным пановати рачит, зараз ся задержит? До того иж то есть реч певная, же милость, сворность а згода домовая тую коруну за продков его королевской милости в той цѣлости, которую его королевская милость застати рачил, з великою славою и пострахом у посторонных народов, всегды болшей ниж муры або замки якие, держала!

Хто ж не видит, же и тепер задержаваньем межи нами згоды и милости внутрней панство его королевской милости утвержатися будет!

Што ж прешлые сеймы труднило? Што ж в людех ку службѣ Рѣчи Посполитой озяблость справило? Што ж посторонным небезпеченством охотне и сворне забѣгати не допустило и не допущает? Едно уразы и долегливости [1], на которые з розных сторон подданые его королевской милости стискуючи, лѣкарства не найдуют; а особливе — уразы взглядом релѣи утерпѣваные, которые межи людми недуфность, несворы и незгоду им далѣй, тым болшую множат, а в порадѣ о посторонных небеспеченствах на домовый поломень оглядатися кажут.

Розумеючи тое, снать, нѣкоторые, же тая незгода домовая есть на тое добра, же нею люде забавлени, а едни других грызучи, што их сполне догоряет — так далеце не усмотруют. Леч и тая практика же омыляет часто — досвѣдченье свѣдчит. Певнѣйшая то так собѣ поступовати, якобы до стискованья не было причины, ниж, для покрытья болших поступков на несворные чинячие тумулты (которые чти жадной звирхности примножают) а за часом ростырками высиленые межи собою обыватели Речи Посполитой, усмотрѣвати.

Для бога теды, милостивыи панове сенаторове, знову просимо: рачтеся ваши милости, в повинности своей почуваючи, его королевскую милость, пана нашего милостивого, з стороны того всего напоминати, хочете ли молодшой братии своей до того розумѣнья о собѣ причины не давати, же и до неласки у господа бога, и до огиды у подданых его королевской милости привести, и суптелне [2]

[1] траўмы і пакуты. [2] празрыста.

рекомо што иного по собѣ показуючи,招ованье его королевской милости затруднити, и потомству его королевской милости до него за часом дорогу загородити — мыслите?!

А што до их милости панов сенаторов присяглых прав и свобод наших и безпеченства Речи Посполитой сторожов мовимо, — тое ж все и вам, малодшим их милостям братьи, а тое ж Речи Посполитой сыном перекладаемо и в. м. просимо: абысте до того ж ся мѣти, так же нам утрапеным помагати, а в особѣ нашой прав и волностей своих и всей Речи Посполитой цѣлости охороняти рачили! Не почитайте в. м. того за привате, часть толко обывателей тых панств заходячую! Коли нѣкоторые люде, ку воли лакомыи хтивости славы присягу его королевской милости и право посполитое мѣнят, и егда от порту конфедерации, до которогосмы ся з ласки божей в час, некоштуючи, як иншие народове, долгого для релѣи крви пролитья припустили, нас за ся одопхнути, и так той корабль Речи Посполитое до розбитья ся привести усилуют, а рекомо релѣи стерегучи, до того абы з релѣею отчизна наша згинула значне дорогы стелют! Присмотрѣтеся в. м. особам, которые то чинят, — обачите на чолѣ в том полку частью обыватели тутошние, которые жон, ани дѣтей не маючи, так далеце не маются на што огледати, частью, а найболшей чужоземци, которые волоцугами будучи, а прирожоной против нашей отчизнѣ Речи Посполитой зычливости в собѣ немаючи, оной згубу, за которым оным ничого бы не згинуло, не толко намнѣй бы ся не зафрасавали [1], але теж нѣкоторые в своей зависти, которые нам волности и повоженья завидят, тым бы ся утѣшили.

Што все же иж так ест, певни есмо инакшей нижь дотуль в той мѣрѣ чулости и опатрности, певны есмо в бѣдах и долеглостях нашых скутечнѣйшей [2] прихилности и помочи в. м., о которую пред господом богом всевидцем, и пред всѣм свѣтом с припомнѣньем повинности шляхецкой и христианской, и с привоженем напомнити обовязков вѣры сумнѣнья и почтивости ваших милостей. Усилне жадаемо и просимо с тым оповѣданьем ся, же за недбалостью в той мѣрѣ ваших милостей и за негамованем тых початков, если ж до чого коли злого (чого, боже, уховай) в Речи Посполитой прийдет, а затым если ж так в цѣлости квитнучих як есте от предков взяли, свобод прав потомком своим не отдасте, — не при нас того неотданья вина, але при в. м. всѣх, легце собѣ прозбы и напоминанья наши важичих зостанет. Которое то оповѣданье наше, як и прошлые небезпеченства и внутрней войны затрясненье, иж не жадным злым умыслом, але толко из зычливости и з милости ку отчизнѣ сполной чинимо, певнисмо, же теж его нихто опачне [3] выкладати и до приписованья нам яких здорожных замыслов, от которых з ласки божей далеки естесмо, потягати не будет.

Затым уже и замкненью той «Отповѣди» нашей конец чинячи, ку господу богу з молитвою ся оборочаем...

---

[1] не засмучаліся, не турбаваліся. [2] дзейснай, эфектыўнай. [3] скажона, памылкова.

МЯЛЕЦІЙ СМАТРЫЦКІ
(1577 — 1633)

Мялецій Сматрыцкі (свецкае імя Максім Герасімавіч) нарадзіўся на Падоллі ў мястэчку Смотрычы (Украіна) у 1577 г. у сям'і рэктара Астрожскай праваслаўнай акадэміі.

Бацька яго — у мінулым камянецкі гарадскі падстараста — быў адукаваным для свайго часу чалавекам і з'яўляўся аўтарам аднаго з першых твораў палемічнай літаратуры «Ключ царства небесного» (1587 г.) Твор гэты быў накіраваны супроць езуіцкай прапаганды новага (Грыгар'янскага) календара і ў той час карыстаўся выключнай папулярнасцю сярод праваслаўных, якія змагаліся супроць захадаў каталіцкай царквы.

Першапачатковую адукацыю М. Г. Сматрыцкі атрымаў дома пад непасрэдным наглядам свайго бацькі, Герасіма Данілавіча, і кіраўніцтвам грэка Кірыла Лукарыса. Далейшая вучоба Мялеція працягвалася ў сценах праслаўленай у той час Віленскай езуіцкай акадэміі, дзе ён вучыўся філасофіі. Пасля заканчэння Віленскай акадэміі М. Г. Сматрыцкі паступіў на працу да князя Саламярэцкага ў якасці хатняга настаўніка і выхавальніка дзяцей князя, якіх да яго прыходу вучыў вядомы тагачасны грамадска-палітычны дзеяч, таленавіты вучоны і педагог Лаўрэнцій Зізаній.

Каля 1606 г. М. Г. Сматрыцкі з мэтай павышэння сваёй адукацыі накіраваўся за граніцу і там на працягу двух год слухаў лекцыі ў Лейпцыгскім і Вертэмбергскім універсітэтах.

Вярнуўшыся на радзіму, М. Г. Сматрыцкі пасяліўся ў Вільні і прыняў актыўны ўдзел у барацьбе супроць каталіцызма. Тут ён напісаў рад сваіх твораў і праявіў сябе як таленавіты пісьменнік-паленіст.

У 1618 г. пад непасрэдным уплывам архімандрыта віленскага Святадухаўскага манастыра Ляонція Карповіча Сматрыцкі пастрыгаецца ў манахі гэтага манастыра і прымае імя Мялеція, а праз год Карповіч узводзіць яго ў сан свяшчэнніка манастырскай царквы. Пасля смерці Л. Карповіча іерусалімскі патрыярх Феафан у 1620 г., аднаўляючы праваслаўны епіскапат на Украіне і ў Беларусі, паставіў М. Г. Сматрыцкага епіскапам полацкім.

У 1623 г. М. Г. Сматрыцкі з мэтай высвятлення ва ўсходніх патрыярхаў некаторых заблытаных і спрэчных пытанняў багаслоўя адправіўся на Усход і прабыў там каля двух год. У 1626 г., перажываючы духоўны крызіс, М. Г. Сматрыцкі тайна прымае унію, але яшчэ канчаткова не парывае з праваслаўем. І толькі пасля таго, як у 1628 г. Кіеўскі праваслаўны сабор асудзіў М. Г. Сматрыцкага, пракляў яго і прымусіў самога публічна адмовіцца ад «Апалогіі», як кнігі, у якой праводзіліся варожыя праваслаўю ідэі уніі з каталіцкай царквой, М. Г. Сматрыцкі неўзабаве адкрыта парваў з праваслаўнай царквой і напісаў сваю «Пратэстацыю» супроць рашэнняў Кіеўскага сабора. З гэтага часу ўся пісьменніцкая дзейнасць М. Г. Сматрыцкага была накіравана на абарону уніі і каталіцызма. Адкрыта парваўшы з праваслаўем, М. Г. Сматрыцкі асудзіў, як ерэтычныя, усе свае ранейшыя творы, напісаныя ім да 1626 года.

Памёр М. Г. Сматрыцкі ў Дзерманскім манастыры на Украіне ў сане полацкага уніяцкага архіепіскапа.

Як таленавіты палеміст-публіцыст, аўтар рада мастацкіх твораў, М. Г. Сматрыцкі займае адно з відных месц сярод пісьменнікаў-палемістаў першай паловіны XVII ст. Аднак літаратурная спадчына М. Г. Сматрыцкага не была роўнай у адносінах ідэйна-палітычнай накіраванасці і мастацкай вартасці. Калі ў першы перыяд сваёй літаратурнай дзейнасці, да пераходу ў унію, М. Г. Сматрыцкі напісаў на польскай і беларускай мовах такія высокамастацкія і палітычна завостраныя творы, як «Антиграфи альбо отповедь на скрыпт ущипливый» (палемічны трактат 1608 г., накіраваны супроць «Гармонии» Іпація Пацея), «Фринос, то ест Лямент св. единэй повшэхнэй апостольскей всходней церкве з объясненем догмат вяры», «Казанье погребное», «Апраўданне нявіннасці»; навуковы падручнік, па якому ў свой час вучыўся яшчэ і М. В. Ламаносаў, — «Грамматики словенския правилное синтагма» (1618 г.), то пасля 1626 г. М. Г. Сматрыцкі, па сутнасці, не стварыў нічога каштоўнага. Палітычнае рэнегацтва пісьменніка абумовіла сабою і азнаменавала дэградацыю, аскудзенне і занапад яго літаратурнай дзейнасці.

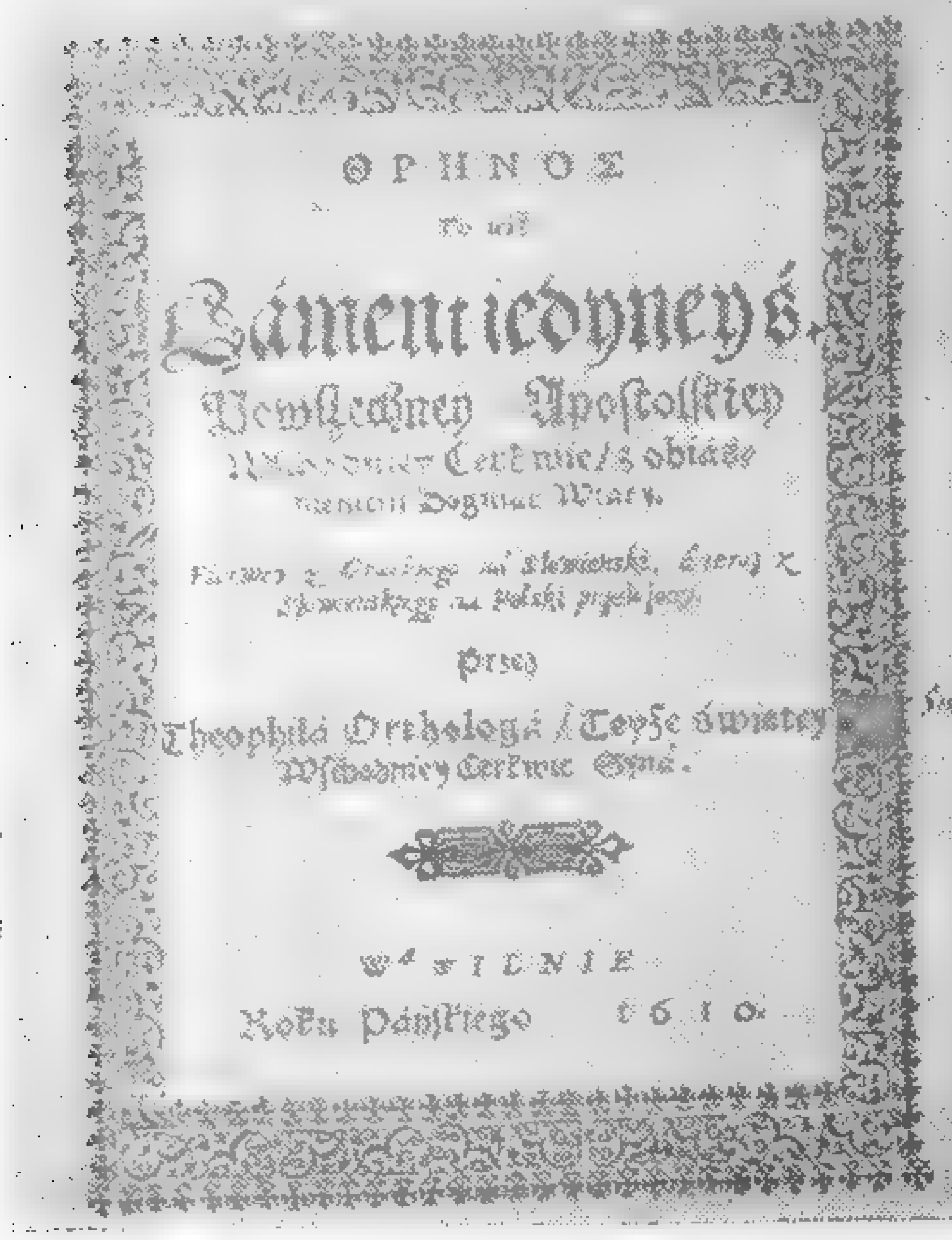
У гісторыю беларускай літаратуры М. Г. Сматрыцкі ўвайшоў толькі першым перыядам сваёй творчасці, калі ён быў актыўным барацьбітом супроць царкоўнай уніі 1596 г. і сваёй творчасцю садзейнічаў актывізацыі народнавызваленчай барацьбы супроць захадаў Ватыкана, выступаўшага ў палітычным саюзе з польскай шляхецкай дзяржавай. Нягледзячы на тое, што сацыяльна-палітычныя погляды М. Г. Сматрыцкага-пісьменніка, які выражаў ідэалогію апазіцыйна настроенай супроць уніі буйнай беларускай і украінскай праваслаўнай шляхты, ніколі не адпавядалі інтарэсам шырокіх народных мас, яго палемічныя творы гэтага перыяду аб'ектыўна мелі прагрэсіўнае значэнне, асабліва яго славуты «Фрынас».

Твор гэты быў выдадзены віленскай Святадухаўскай манастырскай друкарняй у 1610 г. на польскай мове гатычным шрыфтам пад літаратурным псеўданімам Феафіла Арфалога.

Непасрэднай прычынай для напісання «Фрынаса» М. Г. Сматрыцкаму паслужылі віленскія гістарычныя падзеі 1609 г., менавіта пагром праваслаўных манастыроў і цэркваў уніяцкім мітрапалітам Іпаціем Пацеем.

Поўны жальбы, горкага дакору і смутку «Лямент» праваслаўнай царквы, пададзенай М. Г. Сматрыцкім у алегарычным вобразе маці, пакінутай на мукі сваімі дзецьмі, раздаўся ў самы нязручны момант для знешнепалітычных планаў караля Сігізмунда III і яшчэ больш узмацніў нянавісць праваслаўнага насельніцтва Беларусі і Украіны да уніі. У той час, калі ў Маскве праходзілі

перагаворы аб абранні на царскі трон польскага каралевіча Уладзіслава, «Фрынас» М. Г. Сматрыцкага даваў рускаму народу яркі малюнак той перспектывы, якая магла здзейсніцца ў Маскве пры абранні царом каталіка. Вось чаму, калі польскі кароль даведаўся аб надрукаванні «Фрынаса», то ён у чэрвені 1610 г. выдаў загад: аўтара і друкароў «Фрынаса» пасадзіць у турму да наступнага распараджэння аб іх, продаж і куплю кнігі забараніць пад пагрозай штрафу ў суме 5000 чырвоных злотых, Святадухаўскую друкарню канфіскаваць, а знойдзеныя там экземпляры кнігі спаліць, купленыя экземпляры «Фрынаса» здаць прадстаўнікам дзяржаўнай улады. Тым не менш, знішчыць поўнасцю тыраж «Фрынаса» М. Г. Сматрыцкага каралю не ўдалося; некалькі экземпляраў кнігі захавалася і да нашага часу.


ΘΡΗΝΟΣ

Lament iedyney S.

Powszechney Apostolskiey

Wschodniey Cerkwie / z obiaśnieniem Dogmat Wiary.

przez

Theophila Orthologa / Teyże świętey Wschodniey Cerkwie Syna.

W WILNIE

Roku Pańskiego 1610.

Цітульны ліст «Фрынаса» М. Сматрыцкага.

Пададзеныя ніжэй урыўкі з «Фрынаса» з'яўляюцца перадрукам з экземпляра, які захоўваецца ў аддзеле «Росика» ў Ленінградскай бібліятэцы імя Салтыкова-Шчадрына. Тэкст друкуецца ў два слупкі: у левым друкуецца па арыгіналу, але для зручнасці чытання гатычны шрыфт арыгінала заменены лацініцай, якая зараз ужываецца ў польскай мове, а ў правым слупку — у перакладзе ўкладальніка хрэстаматыі.

ФРЫНАС

гэта значыць Плач адзінай святой агульнай апостальскай усходняй царквы з тлумачэннем догматаў веры, упершыню з грэчаскай на славянскую, а зараз з славянскай на польскую мову перакладзены ФЕАФІЛАМ АРФАЛОГАМ, сынам той жа святой усходняй царквы.

ROZDZIAL I.

W ktorym się zamyka Lament, albo narzekanie cerkwie .s. wschodniey na syny wyrodne.

Niestetysz mnie nędzney, niestetysz nieszczęsney! Ach, ze wszech stron z dobr złupioney! Niestetysz na świecką ciała mego hańbę, z szat zwleczoney! Biada mi nieznosnemi brzemiony obciążoney! Ręce w okowach, iarzmo na szyi, pęta na nogach, łańcuch

РАЗДЗЕЛ I.

У якім змяшчаецца Плач або нараканне святыя ўсходнія царквы на сваіх сыноў, якія ад яе адракліся.

Гора мне беднай, гора нешчаслівай! Ах, з усіх бакоў з маёнткаў абрабленай! Гора мне, абдзёртай на свецкую ганьбу з рыз маіх! Бяда мне, абцяжаранай невымоўнымі цяжкасцямі! Рукі мае ў аковах, ярмо на шыі, путы на на-

na biodrach, miecz nad głową oboietny; woda pod nogami głęboka, ogień po stronach nieugaszony, zewsząd wołania, zewsząd strach, zewsząd prześladowania. Biada w mieściech y we wsiach, biada w polach y dąbrowach, biada w gorach y przepaściach ziemie. Niemasz żadnego mieysca spokoynego, ani pomieszkania bespiecznego. Dzień w boleściach y ranach, noc w stękaniu y wzdychaniu. Lato znoyne ku zemdleniu, zima mroźna ku śmierci, mizernie bowiem nagość cierpię, y aż na śmierć prześladowana bywam. Przedtym śliczna y bogata, teraz zeszpecona y uboga. Niegdy krolowa wszystkiemu światu ulubiona, teraz od wszystkich wzgardzona y strapiona. Sam do mnie co żywo wszelkie narody, wszyscy obywatele ziemscy przystąpcie, posłuchaycie głosu mego, a poznacie com była przed laty y zadziwuyciesię! Naśmiewiskiem teraz światu iestem, a przedtym ludziom y aniołom podziwienie.

Ozdobnam była przed wszystkimi, wdzięczna y miła, śliczna iako iutrzenka na wschodzie, piękna iako miesiąc, wyborna iako słońce, jedynaczka u matki swey, wybrana rodzicielce moiey, iedyna czysta gołębica, niepokalana y żadney zmazy y zmarzku, abo czego takowego niemaiąca. Oley wylany imię moie, studnia wod żywych nazwisko; mnie uyrzawszy corki sionskie, nabłogosławieńszą krolową być głosiły. A wkrotce mowiąc, (tom była między corkami sionskimi), co Jeruzalem między wszystkimi miasty żydowskimi,

гах, ланцуг на клубах, меч з двух бакоў востры над галавою, вада пад нагамі глыбокая, няўгасны агонь па баках, адусюль стогны і енкі, адусюль страх, адусюль праследаванні.

Бяда ў гарадах і вёсках, бяда ў палях і дубровах, бяда ў гарах і прорвах зямлі. Нідзе няма месца спакойнага і прытулку бяспечнага. Дзень у болю і ранах, а ноч у стогнах і ўздыханнях праходзіць. Пякучае лета праймае мяне да непрытомнасці, а холад зімовы да смерці, таму што цярплю нагату прымусовую і нязноснае праследаванне. Раней [illegible] была цудоўная і багатая, а цяпер абрыдлая і бедная. Калісьці была каралеваю, якую кахаў увесь свет, а цяпер усімі пагарджана і даведзена да смутку. Падыйдзіце да мяне ўсе народы, усе жыхары зямлі; паслухайце майго голасу; пазнайце, чым я была раней, і падзівіцеся мною! Цяпер я стала пасмешышчам для ўсяго свету, а раней была для людзей і ангелаў прадметам захаплення.

Я была багацей за ўсіх аздобленая, прывабная і мілая, прыгожая, як ранішняя зорка на ўсходзе, цудоўная, як месяц, бліскучая, як сонца; як адзіная дачка ў сваёй маці, я была падаравана ёй адзінай чыстай галубкай, нявіннай, цнатлівай і нічым не апаганенай.

Цудоўны бальзам маё імя, а прозвішча — крыніца жывыя вады. Калі мяне ўбачылі дочкі Сіона, то прадракалі мне быць найблагаславеншаю каралеваю. А карацей кажучы, тым была паміж сіонскімі дачкамі,

y co lilią między cierniem, tom ia była między dziewicami. Dla ktorey piękności pożądał krol śliczności moiey, pięknieyszy nad syny ludzkie, a ulubiwszy mię, wiecznym małżeństwa związkiem, z sobą ziednoczył.

Dziatkim rodziła y wychowała, a te się mię wyrzekły y zstały mi się naśmiewiskiem y urąganiem. Abowiem zwlekli mię z szat moich, y nago mię z domu mego wygnali, odięli ozdobę ciała mego y głowy mey wdzięczność wzięli.

Co więtsza?! Dniem y nocą staraią się o biedną duszę moię y o zgubie moiey ustawicznie myślą. O wy, ktorzy przedemną stoicie, wy, ktorzy patrzycie na mię, posłuchaycie a uważcie, gdzie iest boleść, iako boleść moia, gdzie frasunek y żal, iako utrapienie moie!

Dziatkim rodziła y wychowała, a one się mię wyrzekły y zstały mi się ku upadku. Dla czego siedzę teraz, iako iedna z lamentuiących wdow! Pani niegdy wschodu słońca y zachodu, południowi y pułnocnym kraiom dniem y nocą płaczę, a łzy po iagodach moich, iako potoki rzeczne cieką, a niemasz ktoby mię pocieszył; wszyscy mię odbieżeli, wszyscy mną wzgardzili. Krewni moi daleko ode mnie, przyiaciele moi nieprzyiaciołmi się zstali, synowie moi iaszczorczego pozayrzawszy plemieniu, żywot moy zarazliwemi żądły usiekaią.

што Іерусалім сярод усіх гарадоў яўрэйскіх, што лілея сярод пустазелля, такою і я была сярод усіх дзяўчат. За гэту прыгажосць маю кароль, прыгажэйшы за ўсіх сыноў людскіх, пажадаў майго хараства, а пакахаўшы мяне, з'яднаў з сабою вечным сямейным шлюбам.

Дзяцей радзіла і выхавала, а яны адракліся ад мяне, сталі смяяцца з мяне і абражаць мяне, бо раздзелі маё цудоўнае адзенне і голую мяне выгналі з уласнага дому, адабралі аздобы майго цела і пазбавілі маю галаву ўсёй яе чароўнасці.

Што можа быць горшым?! Днём і ноччу я павінна турбавацца аб маёй беднай душы і пастаянна думаць аб сваёй раптоўнай пагібелі! Усе вы, хто стаіць перада мною і глядзіць на мяне, паслухайце і падумайце, хіба ёсць дзе боль, большы, чым мой, ці ёсць дзе такі смутак і жаль, як пакуты мае!

Дзяцей нарадзіла і выхавала, а яны адракліся ад мяне і сталі прычынай майго заняпаду. Вось чаму я сяджу адна цяпер, падобна той удаве, якая з гора лемантуе. Яшчэ нядаўна гаспадыня ўсходу і захаду сонца, паўднёвых і паўночных краёў, цяпер дзень і ноч плачу, а слёзы цякуць па шчаках маіх як патокі рачныя і няма каму мяне супакоіць: усе ад мяне паўцякалі, усе пагарджаюць мною. Сваякі мае далёка ад мяне, прыяцелі сталі ворагамі, сыны мае, пазайздросціўшы племю яшчарак, джаляць маё цела заразнымі джаламі.

Słuchaycie żałosney mey powieści wszelkie narody, bierzcie w uszy wszyscy, ktorzy wo kręgu świata mieszkacie! Synowie y corki moie, ktorem rodziła y wychowała, opuściwszy mię, szły za tą, ktora imi nie bolała, aby się z zbytkiem tłustości iey nasycili. Kapłani moi olśnęli. Pasterze moi (niechcąc wiedzieć że o dusze idzię) oniemieli. Starcy moi zgłupieli. Młodzieńcy moi zdziczeli. Corki moie na wszeteczność się udały, y wszyscy iednym zamysłem Boga y prawdy iego zaniedbawszy, na duszę się moię sprzysięgli.

Rozwarli paszczeki swoie, y gwiżdżąc zgrzytaią na mnie zębami swemi mowiąc: «Oto iuż dzień ten przyszedł, ktoregoch my oczekawali, podźmy a zatracim ią, y wykorzenim z ziemie pamiątke iey!» Miasto miłości, uwtaczaią mi, a dobroć moię złością mi oddaią, y nienawiścią miłość mi moię nagradzaią. Położyli mi miasto kosztownych szat moich zbotwiałe płaty y zstałam się im w przysłowie.

O boleści dusze moiey! Niestetysz mnie oszarpaney, biada mnie wzgardzoney, przytępiła się od ustawicznych łez bystrość oczu moich, zatrwożyły się wnętrzności moie, ustał w boleści żywot moy, a lata moie w wzdychaniu, ustały, iako dym, dni moie, a kości moie, iako skwarki, wyschły, posieczonam, iako siano, y uwiędło serce moie, od głośnego płaczu mego, przyschła kość moia do ciała mego.

Rozdarli na mię paszczeki swoie, iako paszczeki nieprzyiacielskie, słowy zdradliwemi, y prze-

Слухайце жалобную аповесць маю ўсе народы, слухайце ўсе, хто жыве на зямлі!

Сыны і дочкі мае, якіх я нарадзіла і выхавала, пакінулі мяне і пайшлі за той, якая імі не пакутавала, каб досыць насыціцца ад яе тлустасці. Святары мае асляплі, пастыры, не жадаючы ведаць таго, што змаганне ідзе за душу, анямелі. Старцы мае здурнелі, юнакі здзічэлі, дочкі пайшлі на распусту, і ўсе аднадушна, бога і праўду забыўшы, замахнуліся на маю душу. Разінулі пашчы свае і, скрыгочучы са свістам на мяне сваімі зубамі, кажуць: «Вось ужо і дзень той прыйшоў, якога мы доўга чакалі, пойдзем жа і знішчым яе і выкаранім з зямлі памяць аб ёй!» Замест кахання абражаюць мяне, за дабрату маю злосцю мне плацяць і ўзнагароджваюць нянавісцю міласць маю. Замест каштоўных рыз маіх надзелі на мяне струхлелыя анучы і зрабілі мяне прадметам насмешак.

Гора мне ў гэтай душэўнай пакуце! Гора мне абшарпанай, бяда мне пагарджанай, ад пастаянных слёз прытупілася вастрыня майго зроку, парушаны ўнутраны спакой, ад пакуты змарылася цела маё, ад пастаяннага ўздыхання старэю, як дым, праходзяць мае дні, косці мае сталі падобны высушаным скваркам, як сена, пасечана я, і сэрца завяла, ад голаснага плачу майго, мае косці прысохлі да цела.

Раззявілі на мяне свае пашчы, як варожыя пашчы, напоўненыя здрадлівымі і фальшывымі словамі. Узялі ў свае

wrotnemi napełnione. Wzięli siekiery w ręce swoie, y szukaią dusze moiey, aby ią zagubili.

Zewsząd sieci, wszędzie padoły, zewsząd zaraźliwe żądła. Owdzie wilcy drapieżni, a tam lwy ryczące. Zowąd smocy iadowici, ztąd bazyliki srogie. Nie nayduię ktorędy się obrocę, nie wiem gdzie się mam udać. Do kogo głowę moię skłonić, komu mię w obronę podam. Nie iest li to, o niebo y ziemia, nowa boleść y niesłychany żal żem syny rodziła y wychowała, oni się mię wyrzekli? Jednemu mężowi panną poślubiona, iednemu w małżeństwo oddana, z iednegom poczęła, w iednym żywocie nosiła, iednym mlekiem karmiła, rozmaitych iednak obyczaiow (niestetysz) syny na wstyd y boleść moię widzę. Niemasz nikogo ktory by oyca naśladował. Niemasz żadnego ktoryby szedł za matką. Co więtsza! Wyrodkom y podeyrzanym zayrzawszy ięzyki swe naprzeciw rodzicom naostrzyli. Oyca sromocą, matkę lżą. Oycowską nauką wzgardzili, macierzyńskie staranie znieważyli, wszyscy wespoł odpadli y niepotrzebnymi się zstali. Niemasz z tak wielu żadnego, ktory by czynił dobre...

Niemasz żadnego. Wszyscy naprzeciw mnie, iako naprzeciw tey, ktora by nimi nigdy nie bolała, powstali. Wszyscy uzbroieni, iako na głownego się nieprzyiaciela, zbuntowali y szukaią dusze mey na wygnanie. Nieszczęsna ż ia matka! Com takowego uczyniła,

рукі сякеры і шукаюць маю душу для таго, каб яе загубіць.

З усіх бакоў сеці, усюды ямы, з усіх бакоў ядавітыя джалы. З аднаго боку драпежныя ваўкі, з другога — рыкаючыя львы. З гэтага боку ядавітыя смокі, а з таго — бязлітасныя васіліскі. Не знаходжу таго, да каго магла б звярнуцца. Не ведаю, куды накіравацца, перад кім схіліць сваю галаву, пад чыю абарону падацца. О неба і зямля! Хіба ж то не пакута і не чуты жаль, што сыноў нарадзіла і выхавала, а яны ад мяне адракліся? Аднаму мужу была пашлюбёна, за аднаго выдадзена замуж, ад аднаго зацяжарыла, у адным чэраве насіла, адным малаком карміла, аднак (нажаль!) сыноў розных звычаяў, на пакуту і сорам свой, бачу. Ніводнага няма з іх, хто быў бы паслядоўнікам бацькі. Няма нікога, хто ішоў бы за маткай. Больш таго, пазайздросціўшы вырадкам і тым, што выклікаюць падазрэнне, яны навастрылі свае языкі супроць бацькоў. Бацьку сарамоцяць, а матку абражаюць. Бацькоўскай навукай пагардзілі, мацярынскае старанне знявmažылі, усе разам адпалі і непатрэбнымі сталі. Было іх многа, але няма ніводнага, які рабіў бы добрыя ўчынкі...

Няма ніводнага. Усе паўсталі супроць мяне, нібы супроць той, якая ніколі імі не пакутавала. Усе узброены, як на небяспечнага ворага, узбунтаваліся і шукаюць прычыны, каб знішчыць мяне. Няшчасная ж я маці! Што я зрабіла такое,

że nieznośne prześladowanie od własnych moich synow cierpię. Co żem śmierci godnego zbroiła, że zdrowia mego nie iestem bespieczna?..

Niechże w nieukorzoney złości ich przyczynę weyrzę: od oyca li onę przyrodzenia prawem, czyli z matki wychowania względem wzięli? Ponieważ iako owoc dobry o dobrym drzewie świadczy, tak y dobre dziatek obyczaie dobry rodzicow żywot opowiadaią. Takież y przeciwnym sposobem złości rodzicow niegdy to przypisuią, co w potomkach ganiono bywa. Lecz żadną się to miarą nie naydzie w rodzicach. Ociec bowiem iest dobry, cichy, skromny, łagodny, łaskawy, pokorny, y aż do śmierci posłuszny. A matka czysta, święta, niepokalana, dobrotliwa y obyczayna.

Ociec mądry, sprawiedliwy, szczodry, miłosierny, na gniew nie prędki, a do łaski chciwy, nie do końca srogi, ani na wieki gniewliwy. Matka dziatki miłująca, ćwicząca, przemyślna o swoich, posłuszna aż do krwię y wszelakimi cnotami przez tego, ktory ią sobie poślubił, przyozdobiona y ubogacona. Dla czego ani oycowskiego przyrodzenia prawo, ani macierzyńskie mleko do tak wielkiey złości dziatek naszych przyczyną nie były...

Jam strapiona, ja mizerna y nad wszystkie matki nieszczęśliwsza, ktorą gdzie się kolwiek obrocę, wszędy syny moie na zdradzie mnie nayduię. Tu nieprzebyte iamy kopaią, tam drotowe sieci zarzucaią, z owąd iadowite żądła wypuszczaią, a ztąd śmier-

што цярплю ад сваіх уласных сыноў нязноснае праследаванне? Што ж я зрабіла вартага смерці, за што жыццё маё знаходзіцца ў небяспецы?..

Пашукаю ж я прычыну іх непрымірымай злосці. Можа яна дасталася ім у спадчыну ад бацькі, а мо' з матчынага паблажлівага, нястрогага выхавання? Бо як добры плод сведчыць аб добрым дрэве, так і добрыя паводзіны дзяцей аб добрым жыцці бацькоў апавядаюць. І наадварот, злосці бацькоў прыпісваюць тое, што асуджалася ў патомках. Але нічога падобнага ні ў якім выпадку не знойдзецца ў іх бацькоў, бо бацька іх добры, ціхі, сціплы, лагодны, ласкавы, пакорны і паслушны да смерці. Што ж датычыцца маці, то яна чыстая, бездакорная, нявінная, пяшчотная і ветлівая. Бацька мудры, справядлівы, шчодры, міласцівы, на ґнеў не паспешны, ахвочы да ласкі, не вельмі строгі, а калі гнявіцца, дык не на доўгі час. Матка дзеталюбная, строгая ў меру, клапатлівая, паслушная да крыві, аздоблена і ўсялякімі дабрачыннасцямі ўзбагачана ад таго, які на ёй ажаніўся. Пагэтаму ні бацькоўскія ўроджаныя якасці, ні матчына малако не былі прычынаю такой вялікай злосці нашых дзяцей...

Засмучана я, убогая, бедная і самая нешчаслівая маці з усіх матак, бо куды толькі ні пайду, усюды бачу, якую мне сыны прыгатавалі здраду. Тут яны непраходную яму капаюць, там закідаюць драцяныя сеці, з гэтага боку выпускаюць ядавітыя джалы, а з таго смяр-

telne trucizny leią: iedni iawnie, drudzy taiemnie, niektorzy pochlebstwem, a niektorzy groźbą, wszystkim iednak iednostaynie o żywot moy idzie; wszystkim iedna matka w nienawiści...

Biada mnie nieszczęsney, żem syny rodziła na boleść moię y corki na zranienie moie! Lepiey mi zaiste było bezpotomney mieszkać, niż na tak gęste niezbożnych synow huffy patrzyć. Lepiey w prawdzie y onym się było nie rodzić, niżli się narodziwszy wieczną zgubę odziedziczyć, w ktorey lżey będzie Sodome y Homorze niż onym...

O biskupowie, biskupowie! O synowie, ktorzyście oycem y matką wzgardzili! Dziatki w pałacach krolewskich porodzone y wychowane, a teraz do karczem y sałaszow swą wolą przewabione. Dokąd snem leniwstwa spać będziecie? Dokąd gniusu niedbalstwa od oczu serc waszych nie otrzecie? Przyidźcie do wod czworotocznych ewanielskich potokow, a omyicie błoto prostoty rozumu waszego! Izaliż ieszcze nie macie na tey nieoszacowaney utracie dosyć, ktorą ia za waszym niedbalstwem ponoszę, tak wielka złota, srebra, pereł y kamieni drogich, ktoremim ia od oyca waszego przed kilkądziesiąt lat iako nayzacnieysza krolowa przyozdobiona była, zgubą? Gdzie teraz nieoszacowany on kamuszek, iako lampa łsnąca się carbunculus, ktoregom ia między innemi perłami, iako słońce między gwiazdami w koronie głowy mey nosiła, — dom książąt Ostrożskich, ktory blaskiem światłości staro-

тэльны яд выліваюць. Адны гэта робяць адкрыта, другія тайна, некаторыя ліслівасцю, а некаторыя пагрозай, аднак усе аднолькава пасягаюць на маё жыццё, усім адна матка ненавісная...

Бяда мне, што сыноў нарадзіла на пакуту сабе, а дачок на раны! Лепей мне, па праўдзе кажучы, было б беспатомнай жыць, чым глядзець цяпер на такую гушчу сваіх бязбожных сыноў. Лепей было б ім, сапраўды, не радзіцца, чым, нарадзіўшыся, атрымаць у спадчыну вечную пагібель, у якой будзе лягчэй Садому і Гаморы, чым ім...

О біскупы, біскупы! О сыны, занядбаўшыя бацьку і маці! Дзеткі, народжаныя і выхаваныя ў царскіх палатах, а зараз па свайму жаданню перайшоўшыя ў карчмы і шалашы! Дакуль вы будзеце спаць непрабудным сном? Дакуль вы будзеце яшчэ трымацца нядбайнай гнуснасці? Прыдзіце да вод шырокіх чатырох евангельскіх патокаў і абмыйце гразь прастаты вашага розуму! Хіба ж вам яшчэ мала той каштоўнай страты, якую я зношу, дзякуючы вашай нядбайнасці, такой вялікай страты золата, срэбра, перлаў і дарагіх каменняў, якімі я ганарылася, аздобленая вашым бацькам, на працягу колькі дзесяткаў год як найслаўнейшая каралева? Дзе зараз той вельмі каштоўны каменьчык-карбункул, бліскучы як светач, які я насіла ў сваёй кароне паміж іншымі перламі, як сонца паміж зорамі, — дом князёў Астрожскіх, які вылучаўся сярод іншых

żytney wiary swoiey przed innemi świecił? Gdzie y insze drogie y rownie nieoszacowane teyże korony kamyki, zacne ruskich książąt domy nieocenione szaphiry y bezcenne diamenty: książęta Słuccy, Zasławscy, Zbarażscy, Wiszniewieccy, Sanguszkowie, Czortoryscy, Prońscy, Rużeńscy, Sołomiereczcy, Hołowczyńscy, Kroszyńscy, Masalscy, Horscy, Sokolińscy, Lukomscy, Puzynowie i inne bez liczby, ktorych po iedynkiem* wyliczać, rzecz by długa była? Gdzie przy tych y drugie nieoszacowane moie kleynoty: rodowite (mowię) sławne, wielkomyślne, silne y dawne po wszem świecie w dobrey sławie potężności y męstwie słynącego narodu rosieyskiego domy Chodkiewiczowie, Hlebowiczowie, Kiszkowie, Sapiegowie, Dorogostayscy, Woynowie, Wołowiczowie, Zienowiczowie, Pacowie, Chaleccy, Tyszkiewiczowie, Korsakowie, Chrebtowiczowie, Tryzny, Hornostaiowie, Bokiiowie, Myszkowie, Hoscy, Siemaszkowie, Hulewiczowie, Jarmolińscy, Czołhańscy, Kalinowscy, Kyrdeiowie, Zahorowscy, Meleszkowie, Bohowitinowie, Pawłowiczowie, Sosnowscy, Skuminowie, Pocieiowie y drugie?

Nie wspominam tu szerokiey w granicach Rosieyskiey ziemie księstw y powiatow kosztowney oney szaty moiey, niepoliczonemi perły y rozney farby kamykami upstrzoney, ktorą się ia ustawicznie zdobiła.

Atoliście mię złoczyńcy z tak ozdobney szaty moiey złupili y nad nędznym ciałem moim, z ktoręgoście wszyscy wyszli, naś-

бляскам святла сваёй старажытнай веры? Дзе і іншыя дарагія і вельмі каштоўныя камені той самай кароны, слаўныя дамы рускіх князёў, неацэнныя сапфіры, надзвычай каштоўныя дыяменты: князі Слуцкія, Заслаўскія, Збаражскія, Вішнявецкія, Сангушкі, Чартарыйскія, Пронскія, Ружынскія, Саламярэцкія, Галаўчынскія, Крошынскія, Масальскія, Горскія, Сакалінскія, Лукомскія, Пузыны і іншыя многія, якіх лічыць паасобку была б доўгая справа? Дзе і другія вельмі каштоўныя мае скарбы; радавітыя, паўтараю, слаўныя, высакадумныя, моцныя і даўно па ўсяму свету праслаўленыя добрай славай, магутнасцю і мужнасцю народу рускага дамы: Хадкевічаў, Глебавічаў, Кішак, Сапег, Дарагастайскіх, Войнаў, Валовічаў, Зяновічаў, Пацаў, Халецкіх, Тышкевічаў, Корсакаў, Храбтовічаў, Трызнаў, Гарнастайскіх, Бокіх, Мышкаў, Гойскіх, Сямашак, Гулевічаў, Ярмалінскіх, Чалганскіх, Каліноўскіх, Кірдзяяў, Загароўскіх, Мялешкаў, Богавіцінаў, Паўловічаў, Сасноўскіх, Скуміных, Пацеяў і іншых?*

Не ўспамінаю тут таго шырокага ў княствах і паветах рускай зямлі каштоўнага майго адзення, аздобленага незлічонымі перламі і рознага колеру каменьчыкамі, якімі я заўсёды сябе ўпрыгожвала.

Аднак жа вы, злачынцы, абдзёрлі мяне з такой пышнай рызы маёй і над бедным целам маім, з якога самі нарадзіліся, здзекуецеся смехам

miewiskiem y urąganiem się pastwicie! Aleć przeklęty wszelki, ktory na wzgardę nagość matki swey odkrywa, przeklęci y wy, ktorzy się z nagości mey naśmiewacie y cieszycie! Przyidzie ten czas, że się wszystkiego tego wstydać będziecie! Lepiey by w prawdzie wam było nie poznać światłości prawdy, niżli poznaną odrzucić, zgasić y zatłumić! A tyżeś to pasterz, ktory pasterstwem się chlubisz, a zgubą owczątek boga lżysz? Tyżeś kapłan, ktory poświąceniem się wynosisz, a zmazą świątości boga się wyrzekasz. Ani życie, ani obyczaie, ani chodzenie, ani odzienie was mistrzami być pokazuią; ni mądrość, ni ćwiczenie, ani rozmowa o poświąceniu y pasterstwie waszym świadczą. W życiu iesteście karczmarze y kupcy, w obyczaiach domolegowie, w rozmowie nieukowie, w chodzeniu obłudne lisy, a w odzieniu drapieżne wilcy.

Coż więc y o rozumu waszego przymiotach rzekę?! Mądrość wasza, umieiętność, rozmowa są głupie, nadaremne y wszeteczne, y zabawy sprośne, w ktorych y sami, y ktorzy was naśladuią, giniecie...

Pohamuycie serdeczne wzdychania, wzdam przy końcu żywota matki waszey! Otrzycie płaczące oczy rodzicielki swoiey, aby kiedy krwawe iey łzy na was nie padły, a lament matki waszey was nie zatracił. Nie tytułem, ale samą rzeczą chcieycie być kapłanami, nie słowkiem, ale uczynkiem mistrzami być staraycie

і кпінамі! Але пракляты той, хто на ганьбу сваёй маці адкрывае яе голае цела; праклятыя і вы, хто з майго голага цела насміхаецца і цешыцца! Прыдзе той час, калі вам самім будзе сорамна за ўсё гэта! Лепш бы вам было не пазнаваць праўды святла, чым пазнаўшы адкінуць яго, загасіць і затаптаць! Які ж ты пастыр, ганарышся сваім пастырствам і ў той жа час абражаеш бога пагібеллю яго авечак? Ты, духоўны жрэц, выхваляешся сваім пасвячэннем, а адракаешся ад святасці божай. Ні жыццё, ні звычаі, ні вашы ўчынкі, ні адзенне не паказваюць вас як настаўнікаў; ні ваша мудрасць, ні навука, ні размова не сведчаць аб вашым пасвячэнні і пастырстве. У жыцці вы карчмары і купцы, у звычаях лежабокі, у размове невукі, у абыходжанні лісы крывадушныя, а ў адзенні драпежныя ваўкі.

Што ж я магу сказаць большае аб рысах вашага розуму?! Мудрасць ваша, уменне, размова бязглуздыя, марныя і распусныя, і вяселле непрыстойнае, у якім і вы самі, і тыя, хто вас пераймае і ідзе за вамі, загінеце...

Утаймуйце сардэчныя матчыны ўздыхі, атрымаеце ўзнагароду ў канцы яе жыцця! Абатрыце заплаканыя вочы сваёй радзіцелькі, каб калі-небудзь яе крывавыя слёзы не скаціліся на вас, а плач яе вас не згубіў! Не цітулам, але самой справай пажадайце быць духоўнымі жрацамі, не словам, а ўчынкамі пастарайцеся быць настаўнікамі і кіраўнікамі.

się. Komuż ia to powiadam, do kogoż te słowa moie? Do żelazney ściany, albo raczey na wiatr puszczam?..

ROZDZIAL 2.

W ktorym się zamyka napomnienie cerkwie wschodniey do syna, ktory ią opuścił z drugimi pospołu.

Synu! Oto matka ze wszelkim błogosławieństwa bożego winszowaniem stawię się przed cię. Oto przed obliczem twoim stoię, a z pokorą o pozwolenie łagodney z tobą rozmowy proszę.

Podnieś wielebną twą głowę, a wesołym okiem na matkę twą weyzrzy, weyzrzy synu a poznay mię, okaż ludzkość y pokorę dziatkom przyzwoitą, przypuść mię do siebie, a ściągnąwszy ręce przyimi mię, niech się nie zatwardza serce twoie; podnieś oczy swoie na zbolałą matkę twoię, y łaskawym weyzrzeniem zezwol ieszcze aby zaraz ze mną spokoynie rozmowić, gdy żem nie dla tego do ciebie przyszła, abym tobie urągała, ale abym nauczyła, nie pszyszłam dla tego, abym cię w zapalczywość gniewu pobudziła, ale abym cię skłonnym y pokornym uczyniła! Nie przyszłam dla rozerwania synowskiey do matki miłości, ale dla porownania raczey. Zadziwuy się, synu, patrząc na niesłychane matki twey zniżenie, a użal się niezmiernego płaczu, żalu, boleści y utrapienia moiego, ktorego ty sam y z drugą bracią twoią, a młodszymi synami moimi przyczyną iesteście.

Wychowałam bowiem was z

Каму ж я гэта гавару, да каго мае словы звернуты? Да жалезнай сцяны, ці я іх на вецер пускаю?..

РАЗДЗЕЛ 2.

У якім змяшчаецца навука ўсходняй царквы свайму сыну, які пакінуў яе сумесна з другімі сынамі.

Сынку! З благаслаўленнем божага віншавання я, маці твая, станаўлюся перад табою. Вось стаю перад тварам тваім і з пакораю прашу ў цябе дазволу на лагодную з табою размову.

Падымі сваю прасвячоную галаву і паглядзі на тваю матку вясёлымі вачыма, паглядзі, сынку, і пазнай мяне, пакажы чалавечнасць і пакору, уласцівую дзецям, дапусці мяне да сябе, а працягнуўшы руку, прымі мяне, няхай не будзе чэрствым тваё сэрца; падымі свае вочы на пакутніцу матку тваю і ласкавым поглядам пажадай яшчэ таго, каб зараз са мною спакойна гаварыць, бо я не для таго прышла да цябе, каб кпіць з цябе, а для таго, каб вучыць, не для таго прышла, каб выклікаць у цябе запал гневу, а для таго, каб зрабіць цябе пакладзістым і пакорным! Я прышла не за разрывам сыноўняй да маткі міласці, а хутчэй за ўладкаваннем яе. Падзівіся, сынок, гледзячы на нечуванае матчына ўніжэнне, і злітуйся над непамерным яе плачам, жальбою, пакутай і смуткам, прычынай якога з'яўляешся ты сам з другімі сваімі братамі, а маімі малодшымі сынамі.

radością, a potraciła z płaczem y z boleścią; porodziłam was na uciechę y podporę starości moiey, a doznałam po was gorszey niż po iawnych przeciwnikach moich, nieprzyiazni, gorętszey nienawiści, sroższego ucisku, okrutnieyszego prześladowania y szkodliwego upadku. Dla was y przez was ia nieszczęsna, matka wasza, stałam się ubogą, utrapioną, osierociałą y wzgardzoną prawie od wszystkiego świata, ktora teraz, ach niestetysz, siedząc nad przykrym słoney Babilonskiey wody brzegiem y widząc was samych y drugich wielu, za waszym powodem synow moich, mizernie w niey tonących, płaczę rzewnym a nie utulonym płaczem, y żałobliwe boleści pełnych lamentow moich głosy pod same obłoki wynoszę...

Niech że cię ruszy synowski przeciw matce twoiey affekt; niech przerazi serce twoie ten tak gorzki y same niebiosa przenikaiący płacz, wzdychanie y wołanie moie! Pociesz mię prze bog, proszę synu; pociesz w tym utrapieniu moim, gdyżem ia ciebie z młodości twoiey cieszyć nie przestawała! Otrzy łzy od oczu moich, upamiętaniem y nawroceniem twoim, bom ia tobie w leciech dzieciństwa twego płakać niedopuszczała!

Zastaway się synu przy matce twey w starości iey, bo przeklęty iest wszelki od pana, ktory ią uczynkiem y słowem opuszcza; chciey mię poczcić a będziesz miał błogosławieństwo od naywyższego! Nie daway przyczyny, aby cię przeklinała matka twoia, gdyż przeklęctwo matczyne z fundamentu wywraca domy synowskie!

Выхавала я вас з радасцю, а згубіла з плачам і смуткам; парадзіла я вас на пацеху і падпору сваёй старасці, а пазнала ад вас горшай, чым ад яўных сваіх ворагаў, непрыязні, горшай нянавісці, бязлітаснейшага ўціску, бесчалавечнага праследавання і шкадлівага занападу. Для вас і па вашай віне я, ваша няшчасная маці, засталася ўбогай, пакутуючай, асірацелай і пагарджанай, сапраўды, усім светам, якая цяпер з гора, седзячы над прыкрым салёным вавілонскім берагам вады і бачачы вас і многіх другіх, мізэрна тонучых у ёй па вашай жа, сыноў маіх, віне, горка плача несуцешным плачам і жаласлівы, поўны болю і ляманту, узносіць свой голас пад самыя воблакі...

Няхай жа цябе ўзрушыць сыноўняе спачуванне да сваёй маці; няхай уразіць тваё сэрца гэты такі горкі, які пранізвае само неба, мой плач, маё ўздыханне і галашэнне! Прашу цябе, сын мой, суцеш мяне, дзеля бога; суцеш мяне ў пакуце маёй, бо я з маладосці тваёй не пераставала цябе цешыць! Абатры з вачэй маіх слёзы сваім апамятаннем і заваротам да маткі, бо я цябе не даводзіла да слёз у гады твайго дзяцінства!

Застанься, сынок, каля маці твае ў яе старасці, бо кожны бывае прakляты богам, хто пакідае яе сваім учынкам і словам; пашануй мяне і будзеш мець за гэта благаславенне ад самога бога! Не давай прычыны, каб цябе твая маці падвяргала праклёну, бо матчын праклён разбурае дамы сыноўнія!

Coż bowiem tobie za sława z zelżenia mego? A co za uciecha z mego zhańbienia? Posłuchay przeto synu z pilnością nauki moiey y napominanie moie przyimi, chciey wolą twoię z pomyśleniem oyca twego stosować, a dobrze się z tobą stanie...

Што ж табе за слава ад крыўды маёй? А што за пацеха з майго зганьбавання? Пагэтаму паслухай, сынок, з вялікай увагай маю навуку і прымі маё напамінанне, пажадай узгадніць сваю волю з помыслам свайго бацькі, і добра з табою будзе...

КАЗАНЪЕ
НА ЧЕСТНЫЙ ПОГРЕБ ПРЕЧЕСТНОГО И ПРЕВЕЛЕБНОГО МУЖА, ГОСПОДИНА И ОТЦА, ГОСПОДИНА ОТЦА ЛЕОНТИЯ КАРПОВИЧА, АРХИМАНДРИТА ВИЛЕНСКОГО ПРЕЗ МЕЛЕТИЯ СМОТРИСКОГО, С. АРХИЕПИСКОПА ПОЛОЦКОГО, ВЛАДЫКУ ВИТЕПСКОГО И МСТИСЛАВСКОГО, ЕЛЕКТА АРХИМАНДРИТА ВИЛЕНСКОГО, ОТПРАВОВАНОЕ В ВИЛНИ, РОКУ ОТ ВОПЛОЩЕНИЯ БОГА СЛОВА 1620, НОЕМВРИЯ 2 ДНЯ

Казанъе погребное — як называе яго сам аўтар — прадстаўляе сабою своеасаблівы літаратурна апрацаваны некралог, па-мастацку напісаны, прысвечаны памяці выдатнага грамадска-палітычнага і літаратурнага дзеяча першай палавіны XVII ст. Ляонція Карповіча.

Па сваёй форме «Казанъе погребное» — тыповая царкоўная аратарская пропаведзь, пабудаваная па схеме, агульнапрынятай у той час для ўсіх твораў гэтага жанра.

Ва ўступнай частцы, якая займае амаль палавіну тэксту «Казанъя», М. Сматрыцкі вызначае тэму сваёй размовы з праваслаўнымі слухачамі і характарызуе, са спасылкамі на багаслоўскую літаратуру, пяць відаў жыцця і смерці чалавека: «живот и смерть прироженя», «живот ласки, а смерть грѣха», «живот смыслов, а смерть цноты», «живот житейский, а смерть изступления» і «живот славы, а смерть геены». Галоўная частка «Казанъя», у святле гэтай схемы, прысвечана характарыстыцы жыцця і дзейнасці Л. Карповіча як духоўнай асобы і грамадска-палітычнага дзеяча. У заключэнні аўтар звяртаецца да бога з просьбаю абараніць асіроцелую праваслаўную царкву ад яе ворагаў і паслаць на зямлю «наставника, пастыря и учителя», падобнага да Ляонція Карповіча.

Змешчаны ніжэй урывак з «Казанъя погребного» друкуецца па кнізе, выдадзенай віленскай Святадухаўскай манастырскай друкарняй у 1620 г. Кніга зараз знаходзіцца на захаванні ў Ленінградскай бібліятэцы імя Салтыкова-Шчадрына ў аддзеле рэдкай кнігі (гл. стар. 27—54).

...Живота и смерти пятеракое уважене, православные христиане, преложилем [1] на то, абым з него то, што на початку за фундамент бесѣдѣ моей сей положилем выходити, видочне обяснил и на-

[1] растлумачыў.

око[1] оказал, и на сей перед нами в честном тѣлѣ лежачой особѣ опочилое[2], справедливе довел и правдиве показал.

Цітульны ліст «Казанъя погребного».

Межи преложеными живота людского пятма уваженми, животы богу любыи и душам людским збавенныи, найдуемо три: живот прироженя, живот ласки и живот славы. Иншии живота способы два, живот смыслов и живот житейски, богомерски суть и душегубны. Ровне и межи преложеными смерти людской пятма уваженми три смерти найдуемо и богу приемныи и человекови збавенныи: смерть прироженя, смерть цноты и смерть изступления; смерть зась[3] грѣха и смерть геенны и шкодливы суть барзо[4] и над вшелякую[5] нендзу[6] людскую человекови нанендзнѣйшии, смерть звлаща[7] геенны.

Хто колвек теды з людий троякий той похвалный живот на сем свѣтѣ провадивши, троякою похвалною смертю з него сходит, преложеная мною в фундамент теперешней бесѣдѣ моей сентенциа овая[8], справедливый человек, гды ему прийдет умрети, в отпочиненю будет без жадной[9] вонтпливости на нем з ласки божей иститъся, выполняется и опочивает.

Живота того и смерти розниц и сам превѣчный сын божий[10], на низкостех свѣта сего[11] з людми живши, на приклад нам, предводителем, быти зезволил. Частокротныи Христа, збавителя нашего, всеночныи аж и до крвавого поту подвижныи молитвы былы ему якобы смертю изступления. Бѣды, утиски, преслѣдованя, насмѣвиска, уруганя и вшелякии иншии терпливе зношеныи кривды, посты и кождыи тѣла труды, былы смертю цноты; смерть крестная якобы смерть прироженя. Смерти грѣха и смерти геенны не дознал

[1] наглядна. [2] памёршай. [3] але. [4] вельмі. [5] усялякую. [6] нястачу. [7] асабліва. [8] такая. [9] ніякай. [10] маецца на ўвазе Ісус Хрыстос. [11] г. зн. на зямлі.

як безгрѣшный и непорочный: иле[1] зась до троякой похвалного живота розницы во всем ся найдовал честен и пречестен, славен и преславен, свят и пресвят.

То так преложивши, присмотрѣможся, православныи христиане, в сей святой перед нами в честном своем тѣлѣ лежачой особѣ, напрод сей троякой хвалебного живота розници, потом присмотримося и троякой розницы хвалэбной смерти; живота, мовлю, прироженя, ласки и славы.

Ачколвек[2] и живот и смерть прироженя до вѣчного благословенства албо нѣчого, албо мало што привносят. Для чого вмѣсто живота прироженя покладаю урожене честного мужа сего з родичов и ведлуг бога и ведлуг света зацных[3] и знаменитых. Ачколвек в особѣ той, которая, всѣми свѣта сего знаменитостями доброволне погордивши, одною зацностю горнего оного свѣта себе произдобити по весь вѣк свой усиловала, зацности и знаменитости свѣта сего шукати и тыми еи здобити и славити реч ест здорожная, вшак же само ся то всѣм нам, бы добре я о том и молчал, вѣдати дает, же ведлуг бога урожен ест зацне и знамените з родичов благочестивых и побожных. Сын ест священнический. Сынове абовѣм[4] левитов наших и божим и людским правом учтени суть над сыны всѣх иншей кондиции[5] людий. Аже и ведлуг свѣта урожен ест зацне и шляхетне з родича шляхтича. Пинский повѣт (которого он в продках своих и в их тепер живучих потомках Карповичах обывателем был значным) знаменитое о нем свѣдоцтво перед навышшею панств наших зверхностю[6] выдал на он час, гды пред килкома лѣты для благочестия, за инстинктом и инстанциею не з бедной унитской апостасии[7], и на учтивом и на животѣ обелжен и пожит быти, шляхетный сей муж вседушно шукан был.

Иду до живота ласки. Того честный сей муж набыл через тайну крещения в святой соборной апостолской церкви и неотмѣнне без жадного подойзреня доховал его, богу в нем живучи, аж до преставления своего з земли на небо.

Живот славы, о котором нам реч, ачколвек на оном аж небесном свѣтѣ зуполне и досконале познаван бывает, вшак же в особах вѣрне на него заслугуючих, коллигован[8] бывает значне и з побожной славы живота свѣта сего земного. Аже[9] живот славы свѣта сего честен мужу сему, славен и свят, само достоенство его иерейское и преложенство[10] архимандритское, которыми от бога ест почтен, свѣдчат. В тых достоенствах дочасной славы на вѣчную небесного живота славу працовите заслугуючи, як живот обходил мало нижей, православные христиане, в смерти его цноты послышите.

Троякий теды сей похвалный живот перед очима всѣх нас, а особливе перед всевидячими очима божими на сем свѣтѣ, свято-

---

[1] колькі. [2] хоць, нягледзячы на тое, што. [3] сумленных, высакародных. [4] бо, таму што. [5] стану. [6] уладаю. [7] ерасі, расколу. [8] зроднены. [9] калі, што, нават. [10] настаўніцтва.

бливе провадивши, святый сей муж без вонтпливости[1] вырок овый справедливый человек, гды ему прийдет умерети, в отпочиненю будет, на оном, где теперь ест, небесном свѣтѣ зищеный[2] на собѣ, сполненый и опочилый мѣти годным ся стал. В животѣ абовѣм прироженя честен найдуется, в животѣ ласки непорочен, в животѣ славы дочасной, иле до помѣреня еи з славою вѣчною, свят. Што все в нем яснѣй и оказалѣй видѣти дает смерть цноты, до которой нѣм ему в нижших нѣж тридцати лѣтох пришло и исповѣдничей и мученической зацности короною был вѣнчан, исповѣдник самою истотою, а мученик произволением ставшися, гды ему през цѣлыи два роки срогим а окрутным[3] темничным вязенем мордованому[4] на кождый день для евангелской правды бѣдне умирати приходило.

Вѣдом вам, православныи христиане, справы той поступок, вѣдома причина, вѣдом и скуток[5]. Якии на он час диаволскии покусы святому сему мужу зносити приходило, якии там лукавый бѣс през свои инструмента перед ним фохи[6] строил, то в обѣтницах над сподѣване рыхлѣйшого[7] з темницы вызволеня з овою кондициею[8], если падши поклонишъся мнѣ, то в страхах над очекиване окрутных мук и незвычайной смерти, где бы того не учинил.

Але твердший, нѣж диаментовый, на камени вѣры, моцно утвержений филар[9] сей все тое, як душегубныи пекелного моря навалности, мученическою душею непоколѣбимо зносячи, сердцем исповѣдничим стале отражал. Вожен был пред царѣ, и велми жи для правды евангелской и вызнал еи статечне[10]. Был насмѣван для вѣры православной, лжен, безчещен, шарпан[11], от суду до суду, з турмы до турмы през цѣлыи два роки, як злочинца який, поволокан (чого ся всего всѣх вас, благочестивыи христиане, крвавыми на он час лзами отеклыи очи насмотрѣлы, гды ся вам и веселыи ваши святых дний урочистости жолчем нелитостивой звѣрско над вами през апостаты бествячейся унитской схисмы в смуток и плач оборочалы), правды еднак евангелской не запрѣлъся[12]. Все тое охотне радостною душею зносил, быле толко правда з его особы на тот час в своей поважности была зостала, яко ж за ласкою добротливого бога зостала.

Сам оный немаль уставѣчный[13] дворочного[14] вязеня его, подземный темничный мрок, легкому в вѣрѣ, люб вѣтром свѣта сего надутому сердцу досыть был на зречене ся православия, чого самого на он час по сем сталой вѣры млоденцу потребовано.

По розных оных темницах и турмах воженому, што за вчасность[15] мѣстца, повѣтря, товариства, самы от пут и ланцухов натертыи близны[16] тѣла сего честного (юж ото шестонедѣлного, намнѣй еднак, з ласки пожилого в нем пресвятого и животворящого духа, нѣ псуючогося, нѣ свендуючого[17]) свѣдком суть святого сего

---

[1] сумненне, няпэўнасць. [2] ажыццёўлены, здзейснены. [3] бязлітасным, лютым. [4] мучанаму, катаванаму. [5] вынік, канец. [6] свавольства, фокусы. [7] хутчэйшага. [8] умоваю. [9] слуп. [10] сур'ёзна, стала. [11] турбаваны. [12] не адмовіўся, не адступіўся. [13] пастаянны, бесперапынны. [14] двухгадовага. [15] зручнасць, выгада. [16] рана, рубцы. [17] не смярдзячага.

мученика и исповѣдника терпливости. Все то еднак любовною, яком рекл, душею святый сей муж през цѣлыи два роки зносил, быле [1] толко евангелской правдѣ свѣдоцтво выдал был поважное, яко ж за ласкою добротливого бога выдал такое [2], которое ся в границы панств наших не змѣстивши в чюжеземскии ся краины и в пограничныи нам кролевства розляло, а в них кафолицкое [3] православной вѣры нашей благочестие непорочно быти освѣдчило. А то ест, православные христиане, образ святого мужа сего фарбами цнот в контерфектѣ [4] иллуминованый.

До усмотреваня юж в святом сем мужу уваженой троякой смерти поступую, которая нам живую в живых животворящого духа цнотах господина и отца нашего постать, ведлуг обѣтници моей, выставит. Напервей теды иле до смерти цноты, которую в нем оказалую чинит стан его законничий иноческий, где умираючи смертию цноты, цноту тѣла своего, дѣву и душею и тѣлом чистую, богу своему Христу господу себе офѣровал, а у пресвятых его ног себе неволничо покинувши, апостолским сердцем до збавителя своего, за собою его ити зовучого, волал: «ото все мое для тебе, Христе мой, оставилем и вслѣд тебе пошолем!»

Правдиве заисте [5] апостолский сей муж шол вслѣд Христа, трояко ему себе на вѣрную его службу обовязавши услугами двома публичными, як иерей и архимандрит, одною приватною и тою первою, як инок.

В службѣ инока, которая ему была смертю цноты, так ся около себе мѣл, же безпечне о собѣ оное божого апостола Павла мовити могл: «Мнѣ мир распяся и аз [6] мирови». И овое [7] другое: «Не к тому живу аз, но живет во мнѣ Христос».

Так ся аффектом своим и пожадливостям паном быти становил, же ся о нем слушне овое того ж божого апостола речи может: «Иже суть Христовы, плоть свою распяша со страстми и похотми». Мѣрность во всем была ему якобы природна:покарм и напой скромный и воздержный, сон мѣрковный, бдение штоночное, правило штоденное, плач покутный завжды, смѣх роспустный нѣколи, осклаба [8] ледво коли, гнѣв безпотребный нѣгды [9], жарт легкомыслный нѣ в мысли, слово не ркучи [10] сромотное, але а нѣ встыдливое, час во всем споряженый. Вкоротце рекши, дѣлом и словом инок любоподвижный, а в натурѣ [11] барзо слабой, в здоровю барзо плохом, в силах всего тѣла преречоным [12] дворочным вязенем барзо земдленых [13].

Кламства [14], фалшу, здрады, подступку [15], потвары [16], пыхи [17], самолюбства, лакомства, зазрости, речий добрых ненависти отнюдь не знал. Скромность зась [18], трезвость, покора, людскость, укладность [19], склонность, литость, милость, а наособливей щирость,

---

[1] абы, каб толькі, абы толькі. [2] маецца на ўвазе надрукаванне «Фрынаса» М. Г. Сматрыцкага. [3] сапраўднае. [4] малюнак, вобраз. [5] на самай справе. [6] я. [7] тое. [8] усмешка. [9] ніколі. [10] не вымаўляючы. [11] прырода. [12] вышэйпамянёным. [13] аслабленых. [14] хлусня, мана, брахня. [15] падлогу, ашуканства. [16] паклёпу. [17] ганарыстасці. [18] але. [19] пачцівасць.

правда и любов в души его вѣчное собѣ мешкане услалы. Ово истотне муж сей всей цноты визерунок[1], у которого (што реч заисте дивная) и тое все, што раз упущеное (латинныци irrevocabile называти звыкли), жадным способом назад вернутися не может, было в зуполне цѣлой посторозѣ[2] и захованю: час, мовлю, слово и дѣвство.

Мовлю о святом сем мужу у вас, православныи христиане, перед которых очима он вес живот свой свѣтский и сей таковый законничий любоподвижный бѣг провадил. Неровно воистинну святобливѣй[3] честный сей муж жил, нѣж я о нем мовити могу, чюлѣй иночества своего закон обходил, нѣжли я о нем выправую.

Так абовѣм сей всей, яком рекл, цноты визерунок честно и святобливе жил, же ся до святой его души, якобы до скарбцу нѣякого. всѣ иноческии цноты былы стеклы, которыи в нем помѣститися не могши, всѣм при нем и около него живучым на живый приклад гойне ся виливалы.

А не толко иноком самым на приклад, але кождому и навышшого и нанижшого стану благочестивому христианину, бо хоть на закона иноческого посторогу и нем пойзрѣл хто, пустынножителем ровным быти его обачил; хоть посполитым свѣтского живота цнотам в нем присмотрѣвалъся, продкуючим его в них перед всѣми и напобожнѣйшими знайдовал. И ач[4] зазростю (которая на кождую реч пожитечную[5] слѣпа) тлумлен быти звыкл той, кого жадная слава злая не дотыкает, тут еднак и тая мѣстца мѣти не может. Сам встыд свѣтский и наневстыдлившему ожувци[6] уста затамует[7]. Посред бѣлого абовѣм дня, як мовят, муж сей вес бѣг живота своего провадил. Знают все тое в нем братия, которыи з ним жили, которым он был предводителем; знаете и вы, православныи, котори исте ся тому присмотрѣли, которым он был учителем; знает, наконец, и все Вилно, которое цнот его тых полно, в котором он был по всѣ лѣта свои мешканцем[8].

Иерейства службу як обходил, богу то самоиму налѣпшей ведомо, але ся и тому наши очи барзо добре присмотрѣлы. «Приближающиися иерее ко господу богу, — мовит писмо святое, — да освятятъся, да некогда отступит от них господь!» Росказане сее божее честному сему иереови так добре памятно было, же напервей на достоенства сего службу возваный господу богу себе отдати зезволил, аж бы от свѣтских себе забав овшеки[9] был отдалил. Тому самому, который его на службу тую святую собѣ обрал, возвал и послал, абы ся подобал, овой божого апостола Павла здоровой радѣ досыть з себе учинил, мовячого: «Никто же воинствуяй обовязуетъся куплями житейскими!» Повинность учителскую як чюле, як дбале устне и скриптами отправовал, не толко вам, православным, науки его притомным[10] слухачом, але и самым иновѣрцем не ест невѣдомо. «Прилежащий добрѣ презвитери, — мовит той же божий апостол,—су-

---

[1] узор, малюнак. [2] нагляд, ахова. [3] набожней. [4] калі, хаця. [5] карысную. [6] спакуснік. [7] закрые. [8] жыхарам. [9] поўнасцю. [10] прысутным, свядомым.

губыя чести да сподобляются!» Чюл и знал себе быти добрый сей учитель, на стражи божой поставленого, красны мѣти на горах благовѣствуючого и проповѣдуючого покой. Подносил голос свой, як трубу. Трезвился во всем, бодрствовал, працовал, чинил дѣло евангелисты, послугу свою выполнял, проповѣдал слово, налегал, благовременне и безвременне, строфовал, громил, просил во вшелякой терпливости и науцѣ. На зеленых травах и на буйных паствах, ведлуг слов пророка божого, добрый сей пастырь словесный овцы Христовы паствѣ своей повѣреныи пасл, згромажал роспорошеныи [1], збирал розбѣглыи, выводил их з людов отступных з земль еретицких и халуг [2] схисматицких, а вводил зась [3] до власной им земли, до единой святой соборной и апостолской церкви, зевнутр которой блукаючися, от волков и от инших крвежадливых бестий пожерты бывши, погинути мусѣлы бы. Пасл их по горах и по здроях [4] пажити вод животочных евангелских. Того, што было загинуло, шукал, што было закинено, находил, што было поламано, обвязовал, што было ослаблено, умоцнял, а што тлустое было и моцное, того стерегл, душу свою, наконец, добрый сей пастырь за овцы Христовы положити зажды был готовый, овыи божого апостола Павла до пастырев реченыи слова на уставѣчной [5] памяти маючи: «Внимайте себѣ и всему стаду, в нем же вас дух святый постави епископы пасти церков господа и бога, юже притяжа кровию своею!»

От божей его службы так в безъкровной святой офѣры штоденном приношаню, як и в евангелской збавенной науки частом проповѣданю жадный трудности нѣ слабость здоровя, нѣ повѣтря, невчасность, нѣ натяжшее зимно [6], нѣ наслютѣйшая непогода не отстрашилы и овшем в тых божих службах им собѣ натяжей чинил, тым барзѣй з того ся тѣшил.

Архимандритского достоенства службу, же побожне, богобойне, дбале и осторожне обходил, знаком суть ото тыи честныи его братия (з межи которых и себе не вылучаю), которыи на обычаев его укладность [7], на побожности прикладность, на живота цѣломудрие поглядаючи, до него ся от всель, як до отца, купили.

Знаком и заложеныи, за ласкою божею, и споряженыи от него по розных мѣстах и мѣстцах [8] монастыри а в барзо коротком живота и дозору его часѣ. Был абовѣм весь муж духовен, прикладный, учителный, цѣломудрый, братолюбивый, снисходителный, и научаню братии ростропный [9], в строфованю [10] бачный [11], в караню уважный, в справленю совѣстном розсудный, годный заисте мѣстца сего святого и мѣста архимандрит.

Ступлю юж до усмотреваня в нем уваженой изступления смерти. В той, як частый з частого о богу розмышляня, честный сей муж бывал свѣдоми суть того в духу правды тыи, которым ся ближшы-

---

[1] рассеяных, распыленых. [2] старых хат. [3] зноў. [4] крыніцах. [5] пастаяннай. [6] холад. [7] пачцівасць, далікатнасць. [8] гарадах і мястэчках. [9] разважлівы, разумны. [10] у пакаранні, чытанні натацый. [11] празорлівы.

ми под таковыи разы при нем быти здаряло. Шол до церкви — на молитвѣ был, пришол з церкви — на молитву станул, ел люб пил, седѣл, ходил, стоял,—уставѣчне ся в душеполезных богомыслности утѣхах найдовал. Стѣны мешкання[1] его запытаныи признали бы, же минуты у того святого мужа не было, в которую што бы колвек чинил, абы люб бог з ним, люб он з богом не розмовлял. Вес свой час албо на читаню травил, где бог з ним розмовлял, албо на молитвѣ, где он з богом розмову мѣл; не выймую з того и забав его в намовах[2] справ церковных и монастырских, которыи поневаж[3] в честь и славу божую суть споряжены, и в тых ся он з богом найдовал, а бог з ним. Частокроть вдячная тому святому мужу о богу и о его добродѣйствах медитациа[4], в овую изступления смерть порываючи его, якобы отошлым его от себе чинила.

Частокроть потреба было иногды гукненя, иногды именованя, иногды порушеня, през што бы в себе был приходил. Вѣдают то тыи, яком рекл, которым публичныи и приватныи молитвы з ним обходити придавалося.

Вѣдаю отчасти и я окаянный, а з посуженем своего до божей службы лѣнивства, побожным святого сего мужа подвигом дивуюся. Вѣруйте мнѣ, возлюбленнии! Ангелскую воистинну нѣякую человеком странную вдячность в лици святого сего мужа частокроть видѣти было, а особливе по безкровной святой офѣры през него принесеню и по евангелской науки проповѣди. Дал бы то господь бог, гды бы тая вымовы моей моц в коротких словах была, абым нею мужа сего святого цнот дѣлность хоть мало словы выразити и до вѣдомости вам, православным християном, и всему свѣту подати был могл, которой, не ркучи моего мѣлкого довтѣпу[5], коснорѣчивый язык в залецене[6] доволным ставитися не может, але и напросторший языка оборот и слов вструт[7] в розумѣ глубоком набыстрѣйший в досконалой власности поставити еи в многом не здолает, не бошественна бовѣм и от людского змыслу нѣяко вынятна[8].

Сей пречестни учитель церков нашу виленскую, в побожности овоцы почасти зазяблую, до звыклой благочестивым (оной святой первосаженой церкви святый обычай в ней отновивши) плодовитости, частым евангелских вод дожчем еи розогрѣваючи, зрядил благодатию Христовою способну и выдал урожайну и плодовиту як в евангелской проповѣди любовном слуханю, так в штоденного набоженства охотном учащаню, в ялмужны[9] гойности[10] церкви, шпиталем, нищым, убогым своим и обцым без жадного особ бракованя, в побожном празников урочистых господских, пречистой и преблагословенной присно[11] девы богородицы и апостолских обходѣ, а особливе в частом пречистых и животворящих тѣла и крове

---

[1] жылля. [2] угаворах. [3] бо, хоць, таму што, таму. [4] роздум, абдумванне. [5] дасціпнасці. [6] у даручэнні, рэкамендацыі. [7] значэнне гэтага слова невядома. (Магчыма гэта польскае слова «встрент» — агіда.) [8] свабодна, вызвалена. [9] міласціна. [10] шчодрасці. [11] заўсёды, увесь час.

Христовы таин, по достодолжном през пост и сповѣди споряженю[1] ся и приготованю, причащанию.

Але день бы мя рихлѣй[2], православныи християне, не ушол, нѣжли бы на материи побожных святого сего мужа забав, приметов, обычаев, поступков и всего живота его зишло, если бым всѣ в нем найдуючиися побожности цноты подробну вылѣчати[3] мѣл.

До третей смерти, которая ест прироженя, з усмотреванем моим поступую, на которой и пред ся взятой бесѣдѣ моей конец учиню.

На смерть прироженя честный сей муж як был готовым, межи иншими овыи, под час смерти его, от него до одного з священноиноков о нефрасованю[4] ся з смерти нѣштось припомянулого, реченыи слова вѣдати дают: «Што ся, — мовит, — маю фрасовати, з гостины до отчизны отходячи; о вѣры благочестивого сердца. Приходневе, — мовит, — естесмо на земли, а не отчичи». Мешкане наше божий апостол Павел на небесех быти повѣдает, отколь и збавителя чекаемо господа Исуса Христа.

Вѣдаемо абовѣм, же будет ли земный тѣла нашего дом зопсован, иж маемо будоване от бога дом нерукотворенный, вѣчный на небесех. Як ся зась на тую прироженя смерть готовал, овыи другии под тот же смерти его час до всей около него стоячей духовной братии выреченыи слова увѣдомляют, до которых по напомненю и благословенствѣ отцевском очи свои на образ распятия Христа, бога нашего, который ему был уставѣчне притомный[5], поднесши рекл: «Просѣте, братие, господа бога, абы мене даровал еще церкви, о голоса святого, о голоса пастырского, о слов вѣчной памяти годных!»

На што ж, абы тебе господь бог даровал церкви, господине мой, просити кажеш? Азаж[6] ти свѣт сей мил? Азаж небесная отчизна нелюба? Учителеве тебе церковнии, святители, праведници, преподобници, исповѣдници, мученикове, апостолове, пророци, патриархове, девственници, а в коротце рекши, всѣ тыи, которых земля не утаила, але небо их приняло, перед которыми отворилыся небесного рая двери, а они внутр его будучи, древа живота, которое ест господь наш Исус Христос, наслаждаются, на небѣ тебе радостно чекают! А ты на сем мизерном свѣтѣ о далший собѣ живот господа бога просити братии своей кажеш. Чекают тебе там же на небѣ ангели и архангели, херувими и серафими и всѣ иншии небесных воинств хоры! Што болшее? Чекает и оная над херувимов честнѣйшая и над серафимов славнѣйшая, сердца твоего несытная утѣха, пресвятая и преблагословенная присно дева богородица! Наконец, и единородный еи сын, господь твой и бог превѣчный, тебе вѣрного своего слуги з прижитыми от тебе талантами чекает, абы тя над болшими добры своими преложил и до вѣчной радости своей тебе впровадил. А ты о марный, дочасный, и той в плохом здоровю твоем земдленый живот просити кажеш. «Кажю, — мовит, — и прошу просити. И сам, если на то воля бога моего ест, прошу, але не мнѣ себе

---

[1] выконванню. [2] хутчэй. [3] пералічваць. [4] не сумаванне, не турбаванне. [5] прысутны. [6] хіба.

прошу. Церкви даровати мене прошу, а не мнѣ. Мнѣ абовѣм жити Христос, а умерети зыск [1]. З божественным я апостолом Павлом мовлю, мовячим: «Желание имам разрѣшитися и со Христом быти много паче [2] лучше, а еже пребывати во плоти — нужднѣйше ест вас ради». Прагну я далеко барзѣй розстатися з тѣлом, а з Христом, богом моим, быти, нѣжли тут на сем марном свѣтѣ жити. Але для вас, для повѣреной мнѣ в церкви Христовой душезбавенной евангелской услуги, живот мой пожитечнѣйший [3] ест. Воля еднак в том бога моего нехай ся полнит, не моя!»

О великого сего учителя побожности годных слов не реку я запсте. Учителю и отче мой честный, не реку, абы ты умерл, и недозрѣлой твоей смерти оплаковати не буду; живеш абовѣм славою честного живота и живой твоей науки живеш, и поки солнце землю видѣти будет, жити будеш! Чого абовѣм тобѣ лѣта детинныи позайзрѣлы, албо што недозрѣлая смерть уняла, тое ты все иноческого живота цнотами наполнил, которыи в тобѣ не мы толко, которыисмо притомными их назорцами были и по силѣ нашей наслѣдовцами быти усиловали, з подивенем венеруемо [4], але и всѣ, которых знаемость тебе заходила, православныи и иновѣрцы, отщепенцы и апостатове, которыи накшталт обосторонне острого меча действуючую твою, сердце и всѣ внутрности аж до роздѣленя души и духа и до составов и мозгов в костех проражаючую, евангелской правды науку, небом и землею вѣхрячой своей апостасии [5] смерть быти и погреб оминовати мусѣли и мусят, наслѣдници абовѣм, з ласки божей, незбывают сынове! Чого кождый православный цѣлым сердцем пожадати и горячо прагнути мает!

Неровно абовѣм помыслнѣйшии церкви Христовой от всель сукцессы [6] наступят, гды обридлое тое и ненавистное отщепенцов и апостатов имя з ней выступит и вне памяти загребеное счезнет.

На то само всею душею своею з пожаданем поглядаючи, святый сей муж, абы его господь бог даровал был еще церкви, прагнул. О здарил бы то был добротливый господь бог, отче наш честный, гды бы тя был церкви своей святой еще даровал! Любый бы нам твой живот был и в насѣдших сѣдинах, як многих цнот стяжателя, дѣвственника, исповѣдника, мученика, дѣлом и словом учителя, покаянию истинному великого проповѣдника!

Але поневаж «сѣдины мудрость человеку, а возраст старости житие непорочное», южесь през тое двое кресу [7] вѣку своего дошол зуполне, и сѣдин мудрости и старости живота непокаляного [8] зуполне дошедши, за што господу богу душа твоя подобалася, который для того и поспѣшилъся, абы тя вывел з посредку неправости.

Ачколвек [9] несправедливый, не зрозумѣвши, што бы мыслил о тобѣ бог, же тя скоро от нас поволал [10] могут погордити тобою, але з них господь бог насмѣятися обецуется и на безецный [11] упадок вы-

---

[1] карысць, выйгрыш. [2] больш. [3] карыслівейшы. [4] шануем, паважаем. [5] ерасі. [6] удачы, поспехі. [7] канец, мяжа, граніца. [8] незганьбаванага, неапаганенага. [9] хоць. [10] паклікаў. [11] ганебны.

дати их навѣки. Чинило святого сего мужа на смерть прироженя готовым и штоденное под час здоровя а частое в час хоробы пречистых и животворящих тѣла и крове Христовы таин причащение.

Была ему в уфность[1] готовости и едина его первая по богу утѣшная утѣчка пречистая преблагословенная присно дева богородица. А первым и наособлившим способом в досконалой его готовости уфность, на которой он всею душею своею полѣгал, был ему непорочный оный агнец божий, который всѣ всего свѣта грѣхи згладил.

Так приготованый на смерть прироженя сей святый муж з земли на небо, от людий до бога преставлен ест, где юж не учителскую о нас, возлюбленнии, службу обходит, але ходотайскую, иле[2] ходотаем до себе един оный богу и человеком ходотай, человек Исус Христос, быти ему со всѣми святыми даровал.

О том так побожне пожилом и так святобливе зешлом[3] мужу на початку бесѣды моей безпечне реклем: «Справедливый человек! Гды ему прийдет умерети, в отпочиненю будет». Безпечне заисте и в замкненю еи мовлю. Справедливый Леонтие, гды тобѣ пришло умерети, в отпочиненю зосталесь! В отпочиненю покою бога твоего, в котором, же и повторе то реку, живеш, рушаешъся и естесь и тѣшишъся в нем, радуеш, веселиш, роскошуеш и видѣнием его толко ся насычаеш, колко вмѣстити можеш.

Колко тобѣ господь бог твоей зезволяет и ты понести змогаеш, толко з начатков вѣчного оного блаженства юж заживаеш. В отпочиненю небесных оных радости и веселия полных, свѣтлостю притомного лица божого освѣченых палацов, в которых ты сполечне[4] зо всѣми святыми Христу богу предстоячи и за нами в молитвах своих святых, которым ся мы вѣрне поручаемо, памятствуючи, на корону справедливости любовне чекаеш. На оного царства корону, которого добр око не видѣло и ухо не слышало и на сердце человечее не взышлы, которую отдати тобѣ мает господь в оный день, в день, мовлю, страшного своего суда справедливый судия, а не толко тобѣ одному тогды, але тогды ж и всѣм, которыи улюбили приход его. Тогды, гды, ведлуг обѣтницы своей превѣчный сын божий, господь бог наш Исус Христос, зготовавши тобѣ и всѣм, з которыми естесь, святым мѣстце, повторе прийдет и возмет их и тебе до себе, абы где он ест и ты был и всѣ перед тобою и по тобѣ выбраныи его. Тогды, гды ся непорочный оный превыше всѣх небес маестуючий[5] агнец божий з выбраными поселит, рядити ними поступит и до жродел[6] вод живых доведет их.

Тогды, гды досконалость приймовати будут и тыи, которыи, свѣдоцтвом вѣры досвѣдчени бывши, не приняли обѣтницы, иж бог штось лѣпшого и о тобѣ прейзрѣл, абы они без тебе, а ты без них и без по тобѣ будучих, досконалости своей не взял. Тогды, гды перед страшным нелицемѣрного судии трибуналом в души и тѣлѣ

---

[1] вера. [2] паколькі. [3] памёршаму. [4] сумесна. [5] царуючы. [6] вытокаў, крыніц.

персоналне совершен человек станеш, гды кождому, ведлуг его учинков будет отдавано, гды речено будет: «Прийдѣте благословении отца моего, наслѣдуйте уготованное вам царство от сложения миру! Внийдѣте вѣрнии раби в радость господа своего! Живѣте живот благословеный, живот вѣчный!»

А то ест в живых животворящого духа цнотах, которуюм вам, православныи христиане, предъложити обецал, господина нашего и отца живая постать.

Так теды высоких и так оказалых цнот мужа, мѣвши настоятеля и отца, пастыря и учителя, бога нашего, который его нам был дал и который его от нас взял, благодарячи, радуймося, православныи христиане, и тѣшмо. «Умершу абовѣм праведнику, — мовит премудрый, — возвеселятся людие». А жесмо [1] далшей з нами живой притомности его для далшего духовного нашего пожитку, в котором ся он з дару духа святого обфитый[2], знайдовал, годными не стали, жалуймо и плачмо. А господа бога всѣ единодушно, як господина жатвы, просѣмо, абы он на жатву свою подобного сему дѣлателя послати нам рачил [3]. Што ж у бога невозможно?! Ачколвек и сей пречестный и святый отец не безплоден жил, не безъчаден [4] зишол. Ото его честныи сынове стоят около него! Здарит всесилный господь бог, здарит невонтпливе [5], же вмѣсто отца будут сынове!

Здар же то добротливый господи боже для чести и хвалы имени твоего святого, а для духовной утѣхи тескливого сердца з смерти честного и святого сего мужа засмученых правовѣрных людий сих, которых очи до тебе пана своего, як очи служнии до рук панов своих, як очи служебниц до рук паний своих, аж их ущедриш, аж ся над ними змилуеш а по сердцу твоему пошлеш им наставника, пастыря и учителя, который бы их на душезбавенных твоих евангелских пажитех, злаком тучных и нѣколи невянучих трав и цвѣтов, при вдячных воды живой жродлах, як словесныи твои овцы пасл, справедливостем твоим учил их и на вшелякую их правду наставлял чюле, дбале и осторожне, под сесь звлаща час, гдысь юж ласкавым своим отцевским оком на утрапленый [6] народ наш вейзрѣти рачил, гды за устанем сил наших твоя неодолѣемая сила в немощи нашей выполнилася, гдысь през проклятое отступство упалую церкви нашей руской святыню щасливе поднести зезволил!

Тепер з нами зоставай, тепер ся з нами найдуй, тепер нас не отступуй, тепер нас и всю святую нашу церков чюлыми, дбалыми и добрыми пастырями надари, обваруй [7] и осмотри! Срожшим абовѣм тепер окрутный [8] душ людских пожирца быти захочет, хитрѣйшым лукавый пекелник напротив нам в тисячо прехирных [9] своих мистериах ставити ся замыслит. Леч [10] где ты один сам з нами зоставати будеш, чого мы без жадной вонтпливости уфне [11] певни, хто напротив нам зможет? Ты наш заступник и утѣха; ты наш пан и бог, на котором мы всею душею нашею зуполне полегли.

---

[1] каб мы. [2] багаты. [3] пажадаў. [4] бяздзетны. [5] несумненна, безумоўна, бясспрэчна. [6] засмучаны. [7] умацуй. [8] бязлітасны. [9] найхітрэйшых. [10] але, усё-такі. [11] даверліва.

Ты нас высвободил з таемной злохитрых ловец сѣти, и от прикрых а тяжких слов понурых насмѣвцов ты нас ратовал. Защичай же нас, оборонцо наш и пане, раменами [1] своими всесилными, а мы под крилами твоими безпечне уфати [2] будемо!

Правда твоя святая тарчею [3] нас нехай закладает, а мы ся ночного и наболшого страха бояти не будемо! Нѣ стрѣлы, лѣтаючеи в день, нѣ справы, ходячеи в темности, нѣ наѣзду чювственного и мыслного бѣса полудневого, але за твоею нас обороною падет по боку нашем лѣвом тисяча, а по правом — тма, а до нас жаден ся не зближит. Прето [4], жесмо в тобѣ надѣю мѣли, выбавилесь нас; жесмо знали имя твое, защитилесь нас; жесмо волали до тебе, выслухалесь нас. Былесь з нами в утиску, алесь нас з него вырвал и увелбилесь [5] нас, як ся святой твоей воли подобало, знамените. Долгостю теды дний, нас наполняючи, оказуй нам збавене твое.

Поднесеную и отновленую ласкою твоею святою утисненой церкви нашей руской святыню отцевско пѣстуй, ховай, ширь и множ. Ангелом своим святым поручи еи, абы еи стерегли на всѣх дорогах еи, на руках своих абы еи носили, бы зась о той же, люб тому подобный камень ноги своеи не образила.

Дай ей по тых выкиненых з неи падалцах и базилисках безпечне ходити, а потоптати лва и смока! Тобѣ абовѣм самому о нас промысл, тобѣ о душах наших единому печаловане.

А мы тебе, бога нашего, бога в тройци единого, отца и сына и святого духа, за то и за всѣ иншыи незлѣчоныи добродѣйства твои славити и хвалити будемо нынѣ и завжды и навѣки вѣком.

Аминь.

---

[1] плячыма. [2] разлічваць, спадзявацца. [3] круг, шчыт. [4] таму. [5] горача палюбіў.

ЛЯОНЦІЙ КАРПОВІЧ

1580—1620)

Ляонцій (да манаства Лонгвін) Карповіч нарадзіўся каля 1580 года ў шляхецкай сям'і на Піншчыне. Дзе Карповіч атрымаў адукацыю, што і калі прымусіла яго пайсці ў манастыр, — невядома. Адсутнасць канкрэтных даных не дае магчымасці прасачыць, дзе і як працякала жыццё Ляонція Карповіча да яго паяўлення ў віленскім Святадухаўскім манастыры, будаўніком і першым архімандрытам якога ён з'яўляўся. Дакладныя звесткі аб яго грамадска-палітычнай дзейнасці пачынаюцца толькі з 1609 г.

Вядома, што ў студзені 1609 г. Ляонцій Карповіч у ліку віленскіх паслоў выступаў на Варшаўскім вальным сейме ў абарону праваслаўя супроць самаўладных дзеянняў уніяцкага мітрапаліта рэнегата Іпація Пацея, які незадоўга перад гэтым адабраў у віленскіх мяшчан для уніі 12 праваслаўных цэркваў і брацкі Троіцкі манастыр. Праўда, пасольская місія Карповіча не дала станоўчых вынікаў. Пратэст праваслаўных супроць дзеянняў Іпація Пацея быў адхілены польскімі ўладамі.

У 1610 г., будучы старшым друкаром і карэктарам віленскай брацкай друкарні, Ляонцій Карповіч выдаў славуты «Фрынас» Мялеція Сматрыцкага. За выданне гэтай кнігі Карповіч па распараджэнню караля Сігізмунда III Вазы быў арыштаваны і пасаджаны на два гады ў турму як дзяржаўны злачынец.

Пасля турэмнага зняволення Карповіч у хуткім часе ўзначаліў барацьбу віленскага праваслаўнага брацтва супроць Брэсцкай царкоўнай уніі. А незадоўга перад смерцю Ляонцій Карповіч за актыўную барацьбу супроць каталіцызма быў вылучаны кандыдатам у епіскапы на Уладзімірскую і Брэсцкую кафедру. Заўчасная смерць абарвала яго жыццё ў 1620 годзе.

Ляонцій Карповіч быў высокаадукаваным для свайго часу чалавекам. Ён добра ведаў польскую, грэчаскую і лацінскую мовы і сярод сваіх сучаснікаў карыстаўся славаю непераўзыйдзенага аратара, майстра царкоўнага красамоўства. Яго красамоўства сучаснікі параўноўвалі з красамоўствам Іаана Златауста. Яго талентам захапляўся нават такі таленавіты украінскі пісьменнік-палеміст XVII ст., як Захарыя Капысценскі, які ў сваёй «Палінодзіі» называў Ляонція Карповіча «мужем богодухновенным, в языку греческом знамените беглым, оборонцей благочестия».

Літаратурныя творы Ляонція Карповіча[1] вызначаюцца ўзнёслым, глыбока эмацыянальным тонам і высокімі для свайго часу літаратурна-мастацкімі якасцямі. Пытальна-адказная форма, рытарычныя фігуры, анафарычныя зачыны надаюць яго творам асаблівую дынамічнасць і сілу ўздзеяння на чытача

[1] Падрабязны пералік іх гл. у С. І. Маслава «Наука Леонтия Карповича в неделю перед Риздвом», Кіеў, 1908.

або слухача. Для таго каб зрабіць свае думкі даходлівымі, пераканаўчымі, зразумелымі і наглядньмі, Ляонцій Карповіч вельмі часта карыстаўся ў сваіх творах прыкладамі, трапнымі параўнаннямі, паралелямі з навакольнага жыцця і асабліва з «Бібліі» і твораў славутых у той час царкоўных пісьменнікаў. Яны служылі Карповічу арсеналам для выбару неабходных цытат і багатых мастацкіх сродкаў, выкарыстоўваемых ім у казаннях і павучаннях.

Аднак, нягледзячы на свае высокія літаратурна-мастацкія якасці і багатыя паэтычныя сродкі, уся літаратурная творчасць Карповіча абмежавана вузкімі рэлігійнымі рамкамі. Абвостраная сацыяльна-палітычная барацьба супроць царкоўнай уніі, актыўным удзельнікам якой з'яўляўся і сам Ляонцій Карповіч, не прагучала ў яго творах ва ўвесь свой голас. Як тыповага прадстаўніка і выразніка інтарэсаў шляхецкай апазіцыі Ляонція Карповіча ў большай ступені хвалявалі пытанні маралі, чым пытанні барацьбы і лёсу беларускага народа ва ўмовах феадальна-каталіцкай агрэсіі. Таму ўсе яго творы без выключэння прасякнуты маральна-павучальным тонам, заклікам да пакаяння і самаўдасканалення, заклікам адмовіцца ад выгад зямнога жыцця ў імя выгад нябесных, заклікам застацца вернымі праваслаўю.

Аднак, нягледзячы на гэта, літаратурная і прапаведніцкая дзейнасць Ляонція Карповіча аб'ектыўна для свайго часу мела прагрэсіўнае значэнне, бо яна ўсім сваім пафасам была накіравана супроць каталіцызма і царкоўнай уніі.

З твораў Ляонція Карповіча ў хрэстаматыі друкуюцца: урыўкі з «Казанья на преображение господа бога и спаса нашего Исуса Христа» па экземпляру кнігі Карповіча «Казанье двое», Еўе, 1615 г., які зараз знаходзіцца на захаванні ў аддзеле рэдкай кнігі ў Ленінградскай публічнай бібліятэцы імя Салтыкова-Шчадрына (гл. стар. 3—23); а поўны тэкст «В неделю пред рожеством Христовым науки блаженного пастыря отца Леона, архимандрита виленского» — па выданню С. І. Маслава (гл. Записки наукового товариства ■ Києві, Київ, 1908, кн. 2, стар. 127—141).

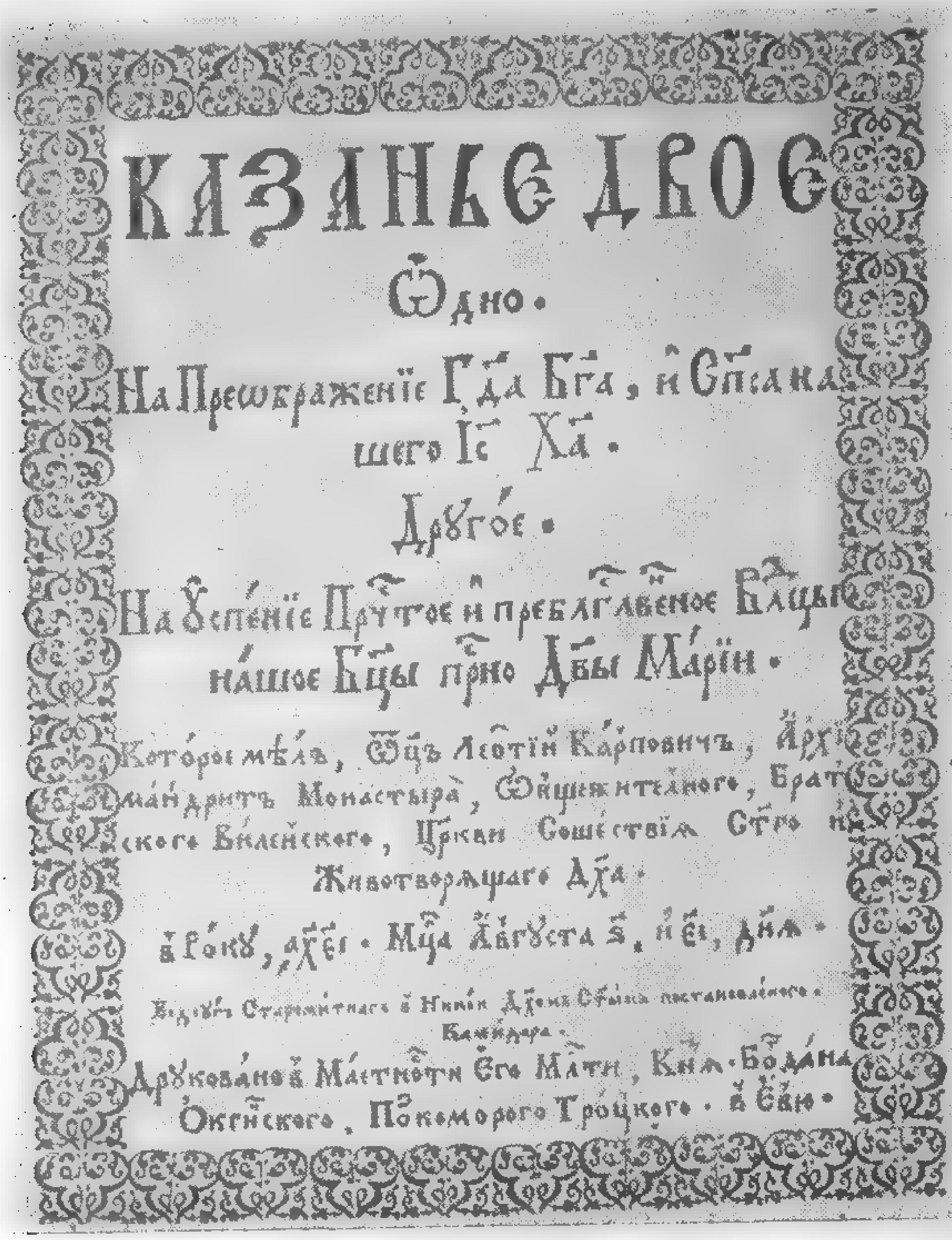
КАЗАНЬЕ НА ПРЕОБРАЖЕНИЕ ГОСПОДА БОГА И СПАСА НАШЕГО ИСУСА ХРИСТА

Церков святая восточная, православные християне, о нынѣшнѣм презацном [1] дни и хвалебном празднице пѣсни и гимны, от вышнее богословии утворенные, в духовном веселю и утѣсѣ спѣваючи, в едном з них тыми словы мовит: «Приидѣте, взыйдем на гору господню и в дом бога нашего и узрим славу преображения его, славу яко единочадого от отца, свѣтом приимѣм свѣт и, преложени [2] бывше духом, троицу единосущную въспоем в вѣки!»

З радостю от тебе слышим, матко наша церкви, тот твой так милый и солодкий к нам голос, вдячне приймуем тое напоминане, хутливыми [3] се ставим на выконане того росказаня твоего. И хто ж бовѣм того бы собѣ не зычыл, абы тые всѣ слова скутком [4] выполнити могл?! Хто бы на так сличный [5] видок не рад глядѣл?! Хто бы ку так милому и пожаданому кресу [6] не рад бѣжал? Хто бы спѣвцем богоотцем, крил голубиных не потребовал, абы могл возлетѣти на тую гору, для которое радуются и играют другии горы, а погорки

[1] паважаным, шаноўным, прыстойным. [2] змененыя, пераведзеныя. [3] жаданымі, схільнымі. [4] вынікам. [5] цудоўны, чароўны. [6] канца, граніцы.

скачут, яко баранки, на тую, мовлю, гору, которая вторым небом ся стала для показаное на ней небеснаго царя славы? На той бовѣм горѣ божества облистала красота, на той — распятия предъ нареклася таемница, на той — въскресения выобразился образ, на той — несказительности объявилася оздоба, на той — не вечерняго оного в царствии божием дня открилася свѣтлость, на той — (в пресличной[1] оной шат[2] Христовых ясности) будущая оная святых тѣл засвѣтилася ясность, на той — (в пресвѣтлом оном пресвѣтлаго оболока тѣню) утѣшное оное въсхищение угодников божых на оболоки префикгуровалося[3].



КАЗАНЬЕ ДВОЕ

Ѡдно.

На Преѡбраженїе Гд҃а Бг҃а, и Сп҃са нашего Іс҃ Хр҃а.

Другое.

На Успенїе Прч҃тое и преблг҃ословеное Бл҃цы нашое Бц҃ы прно Двы Марїи.

Которое мѣлъ, Ѡц҃ъ Леѡтїй Карповичъ, Архимандритъ Монастыра, Ѡбщежителного, Братского Виленского, Цркви Сошествїя Ст҃го и Животворѧщаго Дх҃а.

В Року, ахєі. Мц҃а Августа ѕ, и єі, днѧ.

[illegible]

Друковано в Маетности Его Мл҃ти, Кнѧ. Богдана Ѡгинского, Подкоморого Троцкого. в Евю.

Цітульны ліст «Казання двое» Карповіча.

Хто бы, и повторе мовлю, на той преславной Фаворской горѣ стануги не хотѣл, на которой станули пресвятыи ноги Христа спасителя нашего, в том кшталтѣ[4] и постати, в которой на тот свѣт судити живым и мертвым приидет? Хто бы, мовлю, того преможного[5] и страшливого судии, тихо и ласкаве ставячогося, не рад видѣл? Хто бы его, не о судѣ и караню, але о незмѣрном и предивном милосердю рокуючого[6], не рад слышал? Хто бы персон тых, с которыми о так важных и великих речах тот преможный цар намову чынил, с которыми о выконаню скрытое от вѣков таемницы, о поднятю в Иерусалимѣ, за збавене наше, муки и смерти доброволное розмавял, оглядати; хто бы той так превеликой славѣ, ясности и оздобѣ их, в которой ся на он час показали, присмотрити; хто бы на тот знаменитый фест[7], на тот презацный зъезд и сейм прибыти не хотѣл, на который князи людстии събралися с богом Авраамлим, на который кня-

---

[1] найпрыгажэйшай. [2] рыз, адзення. [3] змянялася. [4] выглядзе, форме. [5] усясільнага. [6] размаўляючага, абяцаючага. [7] свята, урачыстасць.

жата всее землѣ, на который началницы старого и нового закону богоначалным мановением зехалися и, подобные подобных собѣ обачившы, миле ся з собою привитали? Обачил бовѣм великий вѣрою боговидец Моисей теплаго в вѣрѣ слову самовидца Петра, обачыл, завезеный возом и конми огнистыми, яко на небо, и смерти до тых часов неподлеглый девъственник Илия того, который, възлегшы на пламенныя Христа бога перси, вышей ниж на небо огнистыми богословия крилами възлетѣл и смерти также и поднесь не вкусил, девъственника Иоанна.

Хто ж бы тому их прелюбезному витаню припатритися [1] собѣ не зычыл? Хто бы боготрезвенным оным небесное солодкости вином прагненя своего утолити не прагнул, которого скоштовавшы верховный апостол Петр як в нѣяком изступленю оные слова заволал: «Господи, добро ест нам здѣ быти! Аще хощеши створым здѣ три сѣни [2]: тебѣ едину и Моисеови едину и едину Илии!»

Не вѣдаеш Петре и сам што мовиш, естесь бовѣм пияным. Упоила тебе една тая, которое скоштовал, премирное оное славы и небесное солодкости капля. Але тя твой пан до самого не смертелное роскоши жродла [3] взывает, которого не доступиш, если по вкушеню тое теперѣшнее солодкости яблока крестъного не скоштуеш. Не вѣдаеш што мовиш, иж хочеш отпочивати пред выконанем працы, иж хочеш триумфовати пред отрыманем звитяжства [4]. Треба впрод (мовит твой учытель до тебе) отврещися [5] себе, взяти крест свой, подняти за имя мое, муку и смерть, а потом не з одным толко Моисеом и Илиею в трех, о которых мовиш, прибытках, але з незличоным оного преблаженого почту, оного много племенитого, в бѣлые шаты оболченного и в руках палмы звытяжства маючого, народу, множеством в оных многих отца моего обителех, в оных коштовных небесного моего дому палацах отпочинеш.

Правда теды то ест. Петре, иж добро ест з Христом спасителем быти, леч [6] не на той толко горѣ, але и на каждом мѣстцу. «Аще бо пойду посредѣ сѣни смертных, не убоюся зла, яко ты со мною еси»,— мовит Давыд. Добро ест з ним и терпѣти, если бовѣм «з ним страждем, з ним и прославимся»,— мовит Павел. Добро ест з ним и умирати. Он бовѣм ест живот наш, который кгды ся явит, кгды в повелении и в гласѣ архангеловѣ и в трубѣ божий с небеси снийдет, тогды и всѣ для него и в нем умерлые з ним въскреснут в воскрешение животу, з ним ся явят в явление неизреченное и безконечное славы.

Не вѣдаеш и з другое мѣры, Петре, што мовиш, кгды ж яко тѣлом от землѣ высоко стоиш, так и розум твой вышей чувственного розумѣня поднесеный маючы, и в оном якобы захвиценю [7] в предверые вышняго царства вшедшы, и нѣякую оного не вечерняго дня зару обачывши, и якобы концем палца вышнего оного покарму скоштовавшы, таемниц наполненые слова отрыгаеш. Вспоминаеш

---

[1] прыгледзецца, нагледзецца. [2] прытулкі. [3] крыніца. [4] перамога. [5] адмовіцца, адрачыся. [6] ды. [7] захапленню.

бовѣм три скинии [1], на кшталт троякого в жывотѣ людском стану, то ест стану закона, стану ласки и стану хвалы, альбо блаженства оного вѣчного. О которых трех скиниях, православные христиане, и я недостойный з любовию вашею, за ласкою и помочю божею, побесѣдовати, а в той бесѣдѣ троякое преображене, або премѣнене души истиннаго християнина (в котором ся теж скутки тых трех преднѣйшых богословских цнот, вѣры, надежды и любве отчасти выражати и оказовати будут) уважати умысл пред себе взявшы.

Прошу впрод того истиннаго свѣта, просвѣщающаго всякого человека грядущаго в мир, абы он сам не по нашему достоинству, але по премногому и неизслѣдимому богатству щедрот своих и мнѣ, мовячому, и вам слухаючым на зрѣние славы преображения своего душевные очы отворити и просвѣтити свѣтом своего богоразумиа рачыл [2].

Троякую скинию, албо прыбыток, православные христиане, небесная ластовица, до третѣго неба взлетѣвшая, святый апостол Павел ш листе своем до евреов вспоминает: первую, до которое завше волно было входити священником (а тая се называла святая); а другую, по второй завѣсе, до которой один раз в рок един архиерей не без оферы крве входил (а тая се называла святая святых); третюю засе, о которой там же, троха нижей, взмѣнку чынит тыми словы: «Не в рукотворенная бо святая внииде Христос, противо образна истинных, но в самое небо, нынѣ да явится лицу божию о нас».

Там тая першая скиния была тѣмней фикгурою второе. Вторая засе [3] до третее (водлуг оных пророческих слов: «Пойду от силы в силу») провадит.

Першая теды скиния за наступеньем второе на сторону уступити мусѣла, яко церков божиа спѣваеть: «Прийде сѣнь законная благодати пришедши». Уступил тѣнь закона, кгды надешла ласка. Уступил закон старый, кгды новому нашлосе мѣстце. Уступил Моисей законодавец, а наступил Христос ласкидавец. Уступили пророцы, кгды наступил от них пророкованый. Уступила литера забиючая, а наступил дух оживяючый. Еднак иж и литера тая образом и фикгурою была духа, с тых мѣр и она мусела быти в чести, мусела мѣти славу.

Але яко болшую славу служба закона ласки над службу закона неволи мает, тот же апостол в оных словах своих выразне докладаеть: «Аще ли служение смерти писмены образованно в камени, бысть во славу, яко немощи взирати сыном израилевом на лице Моисеово славы ради лица его престающия? Како не множает паче служение духа будет в славѣ. Аще бо служение осуждениа слава, много паче избыточествит служение правды ко славѣ, ибо не прославится прославленное во части сей за превосходящую славу, аще бо престающее славою много паче пребывающее во славѣ».

Што бовѣм за поровнане тѣню до истоты? Што за поровнане

---

[1] шаты, шатры, засень. [2] пажадаў. [3] ж.

офѣр быдлячих до офѣры баранка, гладячого грѣхи всего свѣта? Што за поровнанье киоту древяного з киотом одушевъленным? Што за поровнане манны покарму пустынного, которого едши, жидове на пущи поумирали, з хлѣбом, с небесе зшедшим, которого хто есть, не умрѣт навѣки? Што за поровнане крови козлее и телчее з найдорожшею кровию Христа, спасителя нашего, которая не толко тѣло, але душу и сумнѣне от мертвых дѣл чистит, освѣщает и просвѣщает? Слушне теды, там же и тот же святый апостол с того се невымовне тѣшит и тым ся, яко найболшею прерокгативою, хвалит, иж ест служителем нового завѣту Христового, и иж оного старозаконного Моисейского покрывала, албо заслоны, на обличу своем не мает, але откритым обличьем славу господню взираеть.

Еднак же не тут ся застановляет, але еще в оной третей скинии, в оном небесном прибытку, досконалшогося зрѣниа присно [1] сущное оное славы сподѣваючы, в тые слова мовит: «Видим убо нынѣ яко же зерцалом в гаданиих, тогда же лицем к лицу».

Речет хто, а яко ж тое перъшое слово апостольское з овым послѣдним згодитися может? Там абовѣм твердит то, иж юж без покрывала откритым лицем славу господню взирает, а тут на кшталт нѣякого покрывала, або заслоны, зерцало и гадание вспоминает.

На то ся отповѣдает, иж юж нѣмаш заслоны и покрывала законного, которое бы боронило оком мысли и розуму на премирную оную славу духовне смотрити, але ест еще заслона смерти и зепсованю подлеглого тѣла, которого взрок на таковое видене тупый и слабый ест барзо. Тепер бовѣм, яко тот же апостол мовит: «Отчасти разумѣваем и отчасти пророчествуем, егда же прийдет съвершение, тогда еже отчасти упразнится», кгды ся дни дороги и пелкгрымацыи [2] нашее скончат, в тот час до дому и отчызны прийдем, кгды тот земный и дочасный прибыток смертелного и сказителного тѣла розрушится, в тот час до прибытку оного нерукотворенного и вѣчне в небѣ трваючого (за ласкою и помочю отца будущаго вѣка) въведени будем.

Тепер юж до того прибытку простую и добре през ходотая нового завѣта утoрованую дорогу, тепер юж до оное страчоное през прадѣда Адама отчызны нашее приверненое собѣ през второго Адама право и дѣдичство [3], тепер юж до оных нерукотворенных небесных святая святых кровию небеснаго архиерея обновленый собѣ вход маем и юж естесмо дѣдичами царства и наслѣдниками оных невымовных в небѣ добр, еднак же того дѣдичства и тых добр през вѣру толко и надѣю (по мѣрѣ влитое в тот малый и немощный съсуд тѣла любве) ужываем и з него ся тѣшим. Але до скутечное оного посессый [4] держаня и ужываня аж в тот час прийдем, кгды младенцами албо дѣтми быти престанем; кгды в мужа съвершенна, в мѣру возраста и исполнения Христова, достигнем; кгды и тые два в том дѣтинном возрастѣ, якобы педакгокги, и в той гостинѣ и дорозѣ,

---

[1] заўсёды. [2] вандроўніцтва, падарожжа. [3] спадчыну. [4] уладанняў.

якобы преводники, вѣра и надѣя устанут и на сторону уступят, а сама толко юж не от части, але досконалая любов наступит; кгды и самые тые дѣтинные и пелкгрымские шаты з себе зложим, в которых нас свѣт не знает, яко о том еден з гостей, на нынѣшний фест везваных, мовит: «Възлюбленнии нынѣ чада божии есмы и не уявися, что будем».

Але што за див, же слуг свѣт не знает, гды и самого пана не познал, обачывшы его в одмѣнном габите [1], в пелкгрымском убѣре, в служебничой постати, в убозствѣ и нищетѣ послѣдней. Леч кгды тот преможный пан в своем прирожоном габите, в своем пресвѣтном убѣре, в своей превелможной славѣ и оздобѣ ся явит, в тот час и нас убогих, подлых, взгаржоных и, яко нѣякое смѣте, ногами милостников того свѣта подоптываных в подобные своей велможности шаты приоболочет, яко тот же и там же апостол иевангелиста мовит: «Вѣмы же яко аще явится, подобни ему будем».

А што за див, кгды еще и на том свѣте тот независтный всѣх добр давца, тых так невымовных даров участниками нас учынил, кгды славою подобия своего украсил, кгды с образных образу своему створил? Яко бовѣм он ест по естеству превѣчным, единородным с присносущным сыном и словом бога отца своего, так и мы сынами его по ласце, для него и в нем приспособленными и по предувѣдѣнию избранными (з не пребраного милосердия его), естесмы. Яко он ест натуралный дѣдич в дому отца своего, так и нас по благодати дѣдичми богу и спюлдѣдичми Христовыми писмо называет. От заправды слушне тое слово другий, на нынѣшнюю бѣседу везваный, гость мовит: «Им же честная, нам и великая обѣтования даровашася, яко до сих ради божественнаго будете причастницы естества».

Хто бовѣм так великой зацности, хто так знаменитой прерокгативе выбраных божиих не удивится? Хто так гойной того преможного кроля ласце и щодробливости (которое так дорогие и не ошацованые подарки и упоминки выплынули) со страхом и любовию не поклонится? Хто тых так невымовных добродѣйств невдячником быти захочет? Хто того так великого добродѣя своего през преступство воли и закону его святого ображати важитися [2] будет? Хто по вывышеню на так высокий стан скажоное натуры своее знову ее грѣхами плюгавити, знову быдлячыми пожадливостями зневажати, знову звѣриными намѣтностями до подлости приводити, знову, яко свиня в калѣ и болотѣ, марности и спросности телесное валятися и на чачок блещачого шкла роскоши и покою на том свѣте, короткого и непевного, тые так дорого цѣнные клейноты [3] префримарчати [4] зезволит?

Але тых скарбов и клейнотов свѣт в нас не видит и для того нас за сыны божии не признавает. А чому ж не видит? Для того, же то все скрыто и заховано ест посполу з животом нашим. «Умросте бо, — мовит на чыне выбраное, — и живот ваш съкровен ест

---

[1] выглядзе, вобразе. [2] намервацца. [3] знакі, каштоўнасці. [4] пераманіць.

с Христом в бозѣ. Егда же явитъся Христос, живот ваш тогда и вы с ним явитеся в славѣ».

А в тот час, яко голову нашу пред тым оплеваную, поличкованую[1] и посмѣяную, так и члонков ее през мѣч и огонь досвѣдчоных, тот марный и облудный[2] свѣт познает и тые слова, ведлуг Саломона, о каждом з них мовити будет: «Сеи бѣ его же имѣхом в смѣх и в притчу поношения. Безумныи живот его въмѣнихом неистово и конец его безчестен, како вмѣнися в сынех божиих и в святых жребий его ест».

Юж бовѣм там великую и предивную отмѣну юж оное преславное преображение правица найвышшого учынит. Абовѣм, яко тот же святый апостол мовит: «Преобразит тѣло смирения нашего, яко быти сему съобразну тѣлу славѣ его».

Тело теды тое, которое умирает в безчестии, явится в тот час в невымовной славѣ. Тѣло тое шпетное[3] явится в невымовной пѣнкности[4]. Тѣло, грѣху подлегълое, явитъся безгрѣшным. Тѣло сказителное[5] явится несказителным. Тѣло смертное явится безсмертным. Тѣло, тежаром обложоное, явится всякого высокопарного орла, лѣгчейшым и быстрѣйшим. Тѣло, розным недостатком и уломностям[6] подлеглое, подобно будет в славе, подобно будет в ясности, подобно будет в оздобе увелбенному[7] Христовому тѣлу.

О милое, о вдячное, о веселое, о щастливое, о пожаданное преображение! И хто ж тебе участником быти сподобится? Тот, хто ся впрод тут на свѣте духовне преобразит, хто старого человека с пожадливостями его скинет, а в новаго приоблечется, хто от тых земных марностей и спростностей ум и сердце свое отдалившы на высоту высоких (в живой вѣре) цнот и богомыслности себе вывышит. Таким теды способом, хто тут духовне с Христом на гору Фаворскую взыйдет, тот истотъне з ним на горѣ оной, в которой вѣчне живет и царствует, отпочинет.

Взглядом которое горы, тая другая ест якобы нѣяким до часу на коротъкое мешкане выставленным кгмахом, албо рачей наметом, который за преселенем мешканцов[8] своих до оного горнего мешканя порушон быти мает? Так яко се и оная першая скиния за наступенем тое второе, в которой тепер пребываем, розрушила. О чом пенкне святый Иоан Златоустый на оный псалом: «Господи, кто обитает в жилищи твоем, или кто вселится во святую гору твою?» выклад чынечы, в тые слова дишкурует[9]: «Обачмо впрод в гистории, што есть жилище (албо прибыток), а што гора. Прыбыток называлсе сѣнь свѣдениа, которую поставил Моисей, а гора божиа — церков, которую збудовал Саломон».

Там же троха нижей: «Обачмо теж таемным выкладом и вырозуменем, што ест прибыток, а што гора божиа, и яким способом потреба первей мешкати в прыбытку, а потом в горѣ божей. Пры-

[1] бітую па шчаках. [2] крывадушны, прытворны. [3] брыдкае, агіднае. [4] прыгажосці, цудоўнасці. [5] тленнае, сапсаванае. [6] калецтвам. [7] горача любімаму. [8] жыхароў. [9] растлумачвае.

быток моисейский и церков соломонова носили образ и фикгуру двох церквей христовых: тое, которая есть на земли, и тое, которая на небесех. Церкви, которая есть на земли, был фикгурою прибыток моисейский. Церкви зась, которая на небесѣх (была фикгурою) церков соломонова, збудованая на горѣ. Двѣ то суть церкви личбою, але една способом вѣры. О той, которая на земли, рекл господь: «На сем камени созижду церков мою!» А о небесной мовит апостол: «Приступисте к Сионовѣ горѣ и к граду бога жива — Иерусалиму небесному, и к позору тмам ангелов и собору первородных, написанных на небесех! Яко теды моисейский на пущы прибыток частокрот з мѣсца на мѣсце был преношон и тых, которые в ним мешкали, приходнями и пелкгрымами чынил, так и церков Христова, на земле будучая, ест прибыток пустынным животом свѣтячийся».

И троха нижей: «А прето ест теж церков намѣтом, поставленным от господа, а не от человек. Абовѣм яко прыбыток, албо намѣт з одного мѣсца на другое преносится часу преслядованя, тому ку воли, который мовит: «Аще гонят вас в градѣ сем, бѣгайте в другий. Але мѣстца таким способом отмѣняючы, мѣсца знову не отмѣняет, бѣгает бовѣм от града в град, але не бѣгат от благочестия ■ нечестие, албо от побожности в незбожность (от правовѣрия в ересь)». Яко тады моисейский прыбыток там и сам был преношон и на многих мѣстцах мешкал, а соломонова церков, на горѣ уфундованая, стала непорушона и жадным способом не могла ся поколѣбати, покуль была церковью божиею, так и на земли христова церъков, як в далекой краинѣ мешкаючая, побожных в собѣ мает пелкгрымов, альбо приходнев, а вышняя церков первородных на небесех юж не мает пелкгрымов альбо сусѣдей, але мешканцов и обывателей побожных. Нѣмаш там пелкгрымов, абовѣм немаш жадного преслядованя».

И троха нижей: «А яко ж естесмо в той церкви приходнями албо сусѣдми? Послухай. Яко сусѣд албо приходень, вшедшы на час до мешканя якового, знову з него за росказанем пана своего на иншее мѣстце ся преносит, так и мы, вшедшы в церков през крещение, знову з неи през смерть на мешкане вѣчное ся преставляемо. И которые есмо тут, на долѣ, были пелкгрымами и приходнями, там на горѣ мешканцами и гражданами ся ставаем, и которые яко гости и преходни тут на земли преследованесмо терпѣли, там яко приятели и дѣдичи отпочываем».

И троха нижей: «О том теды, который бы и того сусѣдства и там того вышняго мешканя годен был, пророк бога пытает. «Господи, кто обитает в жилищи твоем? Пытаю тебе о мешканцах, о которых печу и старане маю, а ты мя о них вѣдомым учинити рач, яко пан. Вижу, пане, церков твою, прыбыток которого ты сам, а не жаден человек, поставил. Але иж патриархове (старого закону) поумирали, пророци уснули, праведницы, до тебе побрани, жидове росняли, погане злоречийством преслядовали, еретицы зблудили».

А я и тых слов слушне доложити могу: схизматицы отступили, пастыри зволчилися, звѣзды прелестные от мысленъного, церкви твоее, неба спали, злость ся умножила, несправедливость гору вылетѣла, дорога правды скрылася, много ухищренная лесть и прелесть наступила, лжехристи и лжепророци многие повстали, волцы в одежах овчих премногие ся зъявили. Не меншую теж личбу нечистотам своим послѣдуючих мают, а число спасаемых уменшаетъся. И в самых мнимых християнех любов высыхает, щирость и незлобие оскудѣевает и огонь ревности и подвигов древних угасает, а страсть, миролюбие и самолюбия набарзѣй ся кгрунтует. Вси бовѣм своих сих, а не яже твоя суть, ищут, вси на повинность свою мало помнят, вси не себе для тебе отмещутся и взгоржают, але и справы а послуги, ркомо, твои для своего власного пожитку[1] и дочесного зыску[2] выконывают, албо рачей[3] бруху и мамоне служат. А вкоротце мовячи, вси а вси дней послѣдних и близкого на тот свѣт тебе, справедливого судии, пристя знаки ся выполняют.

В такой теды злости и превротности старѣючогося свѣта хто может спасен быти? Хто может в том твоем, о котором ся вышей рекло, прибытку неотмѣнне а неотступне змешкати и до конца претерпѣти, а затым и в оную гору святую твою вселитися? «Просвѣтилемся, — мовит там же и тот же святый Иоан Златоустый, — духом святым, научилемся и зрозумѣлем, который то народ, албо которые люди там будут мешкати. Тые, прави, о которых другий пред тым положоный псалом взмѣнку[4] учинил, которые для имени твоего зъеданы и пожираны бывают як покарм хлѣбный, о которых реклесь: «Ни ли разумѣют вси дѣлающеи безаконие, снѣдающеи люди моя вмѣсто хлѣба?» Тые теды, которые пожирают, не мешкают, але тые, которые пожираны бывают, мешкают. Овца бовѣм могут мешкати на дворѣ» того доброго пастыра, волцы не могут.

Потым сут слова святого Иоанна Златоустаго о двух церквях, одной воюючой, а другой триумфуючой, хто теды в оной второй триумфовати и отпочивати хочет, мусит в той первой бѣды и невчасы военные зносити. Хто, мовлю, в оной вышней горѣ, в оной небесной, мысленного Соломона, церкви щасливым мешканцем и вѣчным обывателем статися усилует, мусит первей в том земном прибытку, мусит в той дочасной скинии, албо намѣте, убогим приходнем и пелкгрымом быти.

Противным зася[5] способом, тые жадною мѣрою там мѣстца мѣти не могут, которые тут на земли не як гостѣ, не як приходнѣ, не як пелкгримове, але як дѣдичные обыватели мешкают, в ней ся кохают и так на ней фундуются якобы никгды на оный живот преселены быти не мѣли, не наслѣдуючи оных древних угодников божиих... Не мешкает там в оном славном мѣстѣ Каин, который мѣсто на земли закладает, з богом и з ближним нещире ся обходит и брата з зависти преслѣдует. Не мешкают его потомки, ко-

---

[1] карысці. [2] прыбытак, нажыва. [3] лепей, хутчэй. [4] заўвагу. [5] але, жа.

торых сынами людскими, которых исполинами в силѣ, славѣ и можности свѣтской квитнучыми писмо называет. Мешкает Авель, который щире з богом, щире з ближними ся обходит, преслѣдоване терпит, а не преслѣдует, не злое злым, але злое добрым, ненависть любовью, встеклый гнѣв братний терпѣнием звитяжает [1].

Мешкают и его, албо вмѣсто его, воскрешоного насѣня потомки, которых сынами божиими, духовный рожай з бога през обѣцаного месиаша [2] маючими, писмо называет: которые тут, на земли, мѣст и домов ку мешканю не фундуючи, а ни на великие скарбы и славу того свѣта ся здобываючи, але толко як пелкгрымове, быдло для поживеня ховаючи, под намѣтами мешкали. Не мешкает, яко святый Амбросий мовит, в оном мѣстѣ разбойник, по лѣвой сторонѣ распятый, который о дочасный живот ся старает. Але мешкает разбойник благоразумный, который дочесного живота и здоровя забывши, абы толко в оном пришлом животѣ, в оном безконечном царствии своем тот цар превѣчный на него вспомнѣл, просит и жадает. Не мешкают в оном мѣсте тые, которые тут, на земли, кгрунт щасливости своее закладают, тут покою, тут роскоши, тут славы и богатства шукают, тут долготу дней, тут золотые лѣта собѣ обецуют, тут, с того падолу плачу, рай роскошей, тут, с того мѣстъца выгнаня, отчизну собѣ чинят, а затым оное вѣчное не прагнут и бынамнѣй [3] о нее не дбают... безпечне и роспусне живут, и беспечне а без встыду што хочут броят... [4]

Не мешкают и тые, которые ач [5] от тых вышей вспомненых богу бридких и мерзских речей ся уклоняют, ач теж правостю вѣры и титулом сыновства церковнаго ся хлюбят [6], але чистоты и святобливости сыном церковным призвоитое [7] не заховуют; которые при вѣре доброй дѣл добрых не чинят, албо недбале чинят и озябле в християнской повинности своей поступуют, в трудѣх человеческих быти и с человеки раны приймовати не хочут, але и богу и свѣту, заровно услужити и догодити хотячи, на обѣдвѣ ноги свои храмлют и оный страшливый декрет божий: «Ни тѣпл еси, ни студен. Изблевати тя имам от уст моих», — на себе приволокают.

Не мешкают и тые, которые тут, на земли, богатств и можности, тут покою и роскошей шукают, а затым да оное вѣчное отчизны своей не тескнят [8]; которые славы от человек ищут и в ней ся кохают, а затым славу, которая ест от самого бога, марне а нещасливе тратят; которые, наконец, за Христом, спасителем своим, на гору с працею ити не хочут, а затым без працы на дол за дияволом сходят, албо рачей, в самую пекелную долину стремглав упадают...

Але мешкает в оной горѣ, в оном горнем Иерусалиме, тот, который ся тут на свѣтѣ гостем и пелкгрымом быти знает, и яко гость и приходень, от телесных пожадливостей, воюючих на душу, отдаляется; который пядию измѣренные быти дни живота своего вызнавает; который в всѣх дѣлех своих послѣдняя своя поминает;

---

[1] перамагае. [2] месія, збавіцель. [3] нікольki. [4] сваволяць, бясчынствуюць. [5] нягледзячы на тое, што. [6] ганарацца. [7] адпаведнае. [8] не нудзяцца, не сумуюць.

который на выистье с тое гостины до дому отчыстого завжды ся готовит; который везванья с того выгнаня до пана своего завше ся сподѣвает и добре на привитаню его пописатися хотячи, со страхом и трепетом жития своего время жителствует; который, свободу от грѣха улюбивши, свободы, злость покрываючое, не шукает, але яко слуга божий, божие богу впрод оддавши и ему сумнене и вѣру вцале заховавши, звѣрхности теж от него поставленной, повинность вшелякую, до вѣрного подданства и послушенства приналежачую, зупелне отдает и по апостолскому слову бога боится, царя чтит, братство любит и не зле, але добре чинячи, скорби, утиски и гонения терпит; богатство, если течет, серца не прикладает, але, яко добрый и вѣрный шафар[1], оным шафуючи, око слѣпым, и нога хромым бывает; который ни с ким облудне, ни с ким превротне ся не обходит, правду в сердцу, и правду на языку носит; и который никого укривдити, никому шкоды и прикрости ниякое учинити неумеючи, щирость и незлобие голубиное, але теж и мудрость и ростропность[2] змийную (не толко маетность на розшарпане[3], але и тѣло на забите, быле бы голову свою вцале заховал, быле бы, мовлю, от Христа спасителя правдивое и несмертелное головы своее никгды ся не оторвал, охотне выдаючи) заховует и в всѣх справах и поступках своих необлудным[4], неозяблым, не малеваным християнином ся быти оказует, але вѣрне в дому пана своего працует, пилно в виноградѣ его робит, охотне тяготу дневную и упалене слонечное зносит и, яко Моисей, рачей «страдати з людми божиими, нежели привременного грѣха сладость имѣти» обирает, а над вси оздобы и дикгнитарства[5] свѣтские взгарду и насмѣвиско Христово на собѣ зносити зезволяет.

Таковый теды, яко ся вышей рекло, с Христом на гору въсходит, такового бог богом называтися невстыдает, таковому мѣсто оное, которому сам майстром и будовничим есть, на мешкане готует...

В НЕДЕЛЮ ПРЕД РОЖЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ НАУКА БЛАЖЕННОГО ПАСТЫРЯ ОТЦА ЛЕОНА, АРХИМАНДРИТА ВИЛЕНСКОГО.

День сегоднешний, православные христиане, церков святая называет недѣлею пред Рожеством Христовым!

Як бовем в дому порядного государя вси речи суть споряжены пенкне и ведлуг своего часу и слушности каждая реч уживана бывает, так и в церкви святой вси обряды и церемонии пенкне и наддер сличне[6] спряжены суть и часу своего уживаны бывают през доброго государя святого и животворящаго духа. Так и то самое не без причины дѣется, же празники фалебные урочи-

---

[1] гаспадар эканомны. [2] разважлівасць, прадбачлівасць. [3] рабунак. [4] шчырых, не крывадушных. [5] высокія дзяржаўныя пасады. [6] чароўныя, вельмі прывабныя.

стые предпраздпество и попразднество мают, з которых празников хвалебных одно на том тыдню, даст бог, праздновати будем. Тыи теды хвалебныи и урочистыи свята, для чого предпраздпество и попразднество мают з дыскурсу, даст бог, познати и розумѣти может, который будет дѣятисе на текст тепер прочитаного Евангелия, што абы с пожитком душ наших быти могло и абы умысл и сердце наше роспалилосе ку слуханю слов божественных, хотящаго родитися в яслях скотнях просити повиннисмо.

Звычай той у монархов и ксионжонт [1] сего свѣта захoвуется, иж кгды до якого места который монарха, люб ксионже, звлаща собе подданого хочет прыеждчати, теды впруд [2] персон певных от себе посылает и то чинит, же лист написавши, през того же курсора впрод засылает, абы онаго мѣста граждане, вѣдаючи о том, на приезд пана своего готовалися и абы все юж приготовали, чого потребует в своем писаню.

Што все, и творец небу и земли Христос, спас наш, чинити рачит оны манарха найвышши, оный пан пребогатый, оный цар всими царствующий с церквою, облюбеницею своею, и душею каждого чловека хрестиянского, иж для милосердия своего невымовнаго и неизчерпаемое пучины щедрот своих зезволил так смиренно се знижит и упокорити богу отцу своему, же кгволи [3] подвигънeню рук своих дѣла на первшое блаженство и кгволи упадку народу людского зступил з маестату [4] славы своей на тот падол плачу и не занехал того ознаймити, абы на приход его свѣт тот марный, водлуг почести своей, яко найлепей могл се приготовати и яко налепей поткать на потканю пана своего и створителя. Прето впрод послал прекурсоров [5], послал слуг своих, послал пророков, послал патриархов, которые ничого иного не чинили, толко плачливыми прозбами своими уставичне [6] о то просили творца всея твари и монарху векуистаго [7], абы з милосердия своего и человѣколюбия невымовнаго, ужалившися створеня своего, пришол на низкость земную и навѣдил людей, сѣдячих во тмѣ и сѣни смертнѣй. Частию теды то ознаменовали: приход царя безсмертнаго, частию теж же люде ознаменовали о том, иж мает прийти Мессия правдивый, пророкованый и от всего створеня велце пожаданый, а надто сам бог, собезначалный оцец, о том свидецство выдал, же сына единороднаго и соприсносущнаго слова мѣл послати з великолѣпное славы своея на землю на подвигнене чловека, который мѣл царство ксионженця свѣта з кгрунту вывернути и люд з неволи окрутное [8] шатанское высвободити.

Тым теды упевняли вси пророцы. То во образах и фикгурах многих старозаконных предзначилосе. И пред близким своим пристем послал ангела пред лицем своим — Иоанна Крестителя, о котором сам Христос спас таковое свѣдоцство выдает, иж нихто не повстал в рожденных женами болий Иоанна Крестителя. А при

---

[1] князёў. [2] раней, наперад. [3] згодна з воляй або жаданнем. [4] трону. [5] прапаведнікаў. [6] пастаянна. [7] вечнага. [8] бязлітаснай, лютай.

посланю того слуги яко бы неякий лист послал до того мѣста, которое з ним в гнѣвѣ было и валчило[1] уставичне з паном и творцем своим. Леч што то за лист? Не инший який, толко тот, который се ласкам вашим прочитал, а тот лист зачинает святый Матфей евенгелист от онаго слова: «Книга рожества Исуса Христова, сына Давыдова, сына Авраамля...»

Была теж и другая книга, которую Моисий боговидец писал. И тая книга называлася книгою Бытия, яко и сам автор тое книги написал: «Сия книга бытия человѣча». Тая, правѣ, книга ест бытием человѣчим. В той книзѣ тое замыкается, яковым способом люде на свѣте жили, яковым способом расплодилися на земли, хто впрод по Адамѣ народился, и для того бытием людским тая книга называется.

Але тая книга юж не книгою Бытия называется, юж не рожене людское, але рожене бога предвѣчнаго под лѣты и человека досконалого, который натуру бозства и чловеченства в одно злучил. Обедве теды (книги) книгами се называют. Леч яковая их есть компорация?[2]

О першой книзѣ слушне и наддер[3] слушне слова пророка Иеремии речися могут: «Видѣх руку простерту и се свѣток в ней. И написано тамо бѣша рыдание, плач болезни и вопль мног». А тое власне и в оной книзѣ, которую написал Моисей боговидец, выражалосе. Абовем на самом початку упадок продка нашого Адама описал, як стратил райское милое и сличное мѣшкане, выражает то, як оны кроль над всим створенем и дивными дарами, а праве неошацоваными[4] обдареный будучи, в чести сый не разумѣ приложися скотом несмысленным и уподобися им. Выражает книга оная, як тот кроль всего створеня злуплен зостав з оных своих клейнотов, як смерть всеродная през окно вошла во мир, то ест през окно, которого не умѣла добрѣ замыкати прабаба наша Евва. Выражает тая книга, яко земля проклятству вѣчному отдана была. А не толко тое выражает, але теж и што иншого. Описует теж и то, як невѣста голос услышала, же в печали родиши чада, и як муж услышал: «в потѣ лица твоего снѣси хлѣб твой». То все теды в той книзѣ Бытия замыкает. А потом теж иншии траедии описуются, которые где ж и яковым способом сталися. Слушне теды, яко ти рекл, тая книга Бытия книгою называтися может тою, в которой описует рыдание, плач, болезнь и вопль мног.

И тая юж вторая книга не так называется, але мает иншое назвиско[5], инакший тытул, называет бовем Евангелие, то ест веселая новина и пожаданая, тая новина, которую прагнули слышети пророци, патриархи, почавши от перваго Адама аж до второго самого Христа спаса, из плачем очекивали. Там тая книга назвиско свое от земли мает, для того же Адам перший от земли ест створен, а овая зась другая книга от неба назвиско мает, бо и Адам вторый господь ест небесный, который по то зступил на землю, абы

---

[1] змагалася, ваявала. [2] мера параўнання. [3] вельмі. [4] бясцэнны. [5] назва, загаловак.

чловѣка вознесл на первое блаженство. Там тот перший Адам позбыл райского утѣшения, пострадал теж, по тѣх и нас всих от них был отдалил, а овый, вторый щасливый Адам по то пришол, абы з низкостей земных нас всих на высокое мѣйсце запровадил.

Веселая теды тая и наддер веселая новина! Азали[1] бовем могла бы быти веселша и утѣшнейшая новина тому мѣсту, которое будет во обложеню от неприятелей и в великом небезпеченстве, же тот монарха, который мѣсто оное облегл, отпускает вси караня, всих горлом[2] дарует, а не толко тое чинит, але хочет имѣти караня з тым мѣстом зповиноватити и приязнь зарвати? Тое ж и Христос, спас наш, оный найвызший монарха учинил, иж кгды мы за претяжкие грехи наши заслужили были помсту и каране, заслужили были муки вѣкуистые, теды он на тот час з милости своей невымовное тую новину до нас послал, же не толко за грѣхи каране отпускает, але еще таковые дары и таковый упоминок посылает, же з нами в ласце жити хочет, же з натурою нашею хочет ся споwиноватити и, грѣхи натуры нашое на себе принявши, згладити. Так бовем рек о нем прекурсор его святый Иоанн Креститель. «Се агнец божий, вземля грѣхи всего мира, сам грѣха не сотворил, — як мовит пророк Исайя, — и не знашолсе фалш во устѣх его». И для того апостол Павел мовит: «Христос искупил ны[3] ест от клятвы законные, сам по нас быст клятва».

А хто ж бы з вас, православныи христиане, новины тое не принял вдячне? Хто бы не тѣшился и не веселился, слышечи тую вѣсть пожаданую? Хто бы не благодарил бога за тые его невымовные дары? Нехай теды собѣ каждый з нас на умѣ своем и на сердцу то имагинует[4], же если бы за того вѣку был, которого Христос, спас наш, под лѣты народитися рачил от пресвятой и преблагословенной Марии, а кгды бы ему, яко пастыром през ангелы, тую новину ознаймено, изали каменное сердце люб над самые опоки[5] твердѣйшое мѣл бы, абы ся не утѣшил, изали так озяблая душа была бы, абы ся не роспалила огнем любви божой? Не розумѣю, абы кто з вас так запамятливого и окаменелаго мѣл сердца быти.

Вси теды маете то уважать и о том вѣдати запевне, же што там на он час, тое ж власне и тепер дѣется. Церков святая, матка наша, рочным обходом свѣта фалебныи целебрюет[6]. Не без причины то чинит, же на каждый рок памятка преславного Рожества Христова обновляется. Обновляется теды памятка Рожества Христова на каждый рок, а затым теж обновляется и околичность часов. Яко то слонце материальное, створеное от бога, почало моц свою выконывати на тот час, скоро было створоно, то ест почало вси речи, древа, поля, квѣты и все створене оживляти, так и тепер, кгды знову рочный обход приходит, теды знову показует скутки[7], оным подобные, и так знову все створене оживляют, же и древа моц и оздобу свою приймуют, квѣты также и иншие, тым

---

[1] хіба, няўжо. [2] жыццём. [3] нас. [4] малюе, адлюстроўвае. [5] каменне, скалы. [6] праводзіць урачыстае богаслужэнне. [7] вынікі.

подобные речи, которые суть створены под слонцем. А если слонце чувственное, слонце материальное таковой моци ест, будучи на том видимом небѣ, далеко болш оное мысленное слонце правды, Христос, спаситель наш, которое уставичне лучами благоразумия своего просвѣщает и свѣтит на три мысленной тверди на том одушевленном небѣ, то ест церкви.

Церков абовѣм святая в писмѣ богодухновенном называется небом. Як бовем там тое материальное небо мает слонце на собѣ и месяц, так и церков святая, мысленное небо, мает на себѣ мысленное слонце — Христа спаса, облюбенца своего, мает и луну, то ест пресвятую и преблагословенную богородицу, которая свѣтлость от того мысленнаго слонца приняла, а затым и сама в слонце се претворила, а яко оное небо мает на собѣ звѣзды, то ест апостолов и всих угодников божиих, которыи свѣтят во тмѣ невѣдѣния и заблуждения. Тое теды небо одушевленное споражоно ест ведлуг оборотов небесных и округ лѣту вѣнчает, и тут теды за настанем тых часов, кгды распамѣтываем таемници Рожества Христова, якобы скутки оных всих справ назад ворочаются и мощность свою выконывают.

Яко там на он час зезволил народитися в стайни быдлячой и возлещи во вертепи[1] и в яслех скотнях. Хто теж и тут душу свою на то способную учинит и хто дом душевный выхондожит[2] на принятие царя новорожденнаго, теды до таковой души тот же монарха вѣкуистый приходит з особливыми дарами и скарбницею добр своих неисчерпаемых, приходит до сердца вѣрных, которыи его очекивают, и яко бы се знову в умысле и серцах их родит.

Может теды человек, християнин, з дыскурсов теперешних потѣхи и веселия зажити, может с того прислухиваня то поймовати и уважати собѣ и теперь веселитися, яко тогды, кгды Христос, спас наш, народити рачил? А з яковым набоженством готовал бы се на он час приняти царя новорожденнаго, з таковым же и тепер теж умысл и серце свое готовати на принятие до душевнаго своего дому, певен того будучи, же от тых даров всих добр давци не будет упослѣжоный, же тот пан можный, же тот монарха найвышший, кгды ся народит в дому его душевном, обогатит дом тот упалый и згнилый своими скарбами неошацоваными и клейнотами[3] дорогоценными приоздобит.

Если теды, православные хрестиане, хочем того доступити, если тых даров бозских хочем статися участниками, теды приготовати и выхендожити дом наш душевный повиннисмо, абысмо так вдячного и пожаданого гостя з реверенциею[4] и радостию великою приняли. Для того теды, якобы нѣякий лист, церков святая тое Евангелие нам тепер оказует, и неделя тая, которая ся неделею пред Рожеством называет, для того установлена, абы побудкою была ку лепшому приготованю. Лист тот для того впрод посланый, абысмо добрѣ зрозумѣвали и каждый пунктик его добре уважили.

---

[1] скрыня. [2] вычысціць. [3] каштоўнасцямі. [4] з павагаю, з пашанаю.

Для того и многие имена в той Евангелии Христовой святый Матфей евангелиста вспоминает. А то чинит впрод для того, абы оказал, же Христос спас ест месия правдивый, пророки проповѣданый и от всих людий очекиваный, идучий с поколеня Авраамового, Давыдовых и инших, о которых там припоминает, з которого поколѣня и пресвятая богородица народилася и Иосиф старец, который не на малженство ей был пошлюбеный, але для захованя чистоты паненства. З поколеня Давыдового и Авраамового и инших поколений Христос народился, ачколвек то ест причиною ширшою описана geneologiey Христовой, обысмы так далеце зацности фамилии своей не уфали[1], але сами о тое старалися, абы своими справами и поступками знаменитыми фамилию свою приоздобляти и фамилии своей додать славы з поступков и справ своих цнотливых, абысмы не были подобни тым, о которых в гисториях читаем, иж кгды оного убогого человѣка богатый а до того вынеслый, як кедр ливанский, в славе и попем свѣта того споткавши, почал уругати и мовити ему, же с подлого дому естес урожоный, оный убогий тому богачу так отповѣдает: «Моя прави убогая фамилия может воздвигнутися и повстати, але твоя юж не может ся воздвигнути, але рачей упадати». А тые слова человек мовил не будучий свѣтлостию евангелскаго освѣчоный. Так и Христос, спас наш, ачколвек з дому королевского линию своего рожаю[2] мает, але не зезволил, абы вси называлися кролми, з которых поколеня он уродился, што барзо латво[3] ему, яко творцу всея твари, учинити было, абы и пресвятая матерь его обфитовала[4] во вшеляких достатках, але много добрых и злых и подлое кондыции[5] людей в своей Евангелии вспоминает, и таковых вспоминает, которые бы макулу[6] якую на собѣ мѣли. А то для того чинит, же не встыдался наших всих дефектов и недостатков на себе приняти. Невстыдается, яком рекл, и таковых в фамилии своей мѣти, которые бы якую макулу на собѣ мѣли, яко то Саломон, сын Давыдов, припоминается в его geneologiey, который спложеный ест з Вирсавии, жоны Урии новое, которую взял кгвалтем цар Давыд и в двоякий грѣх впал, т. е. вшетеченство[7] и забойство. А то для того, абы и той не десперовал[8] в собѣ.

А яко з маестату славы своей прийти зезволил на тот час, аж впрод был очекиваный, и так до душ наших прийдет, навѣдит и в них ся родити зезволит, кгды впрод будет очекиваный, и того по нас потребует, абысмо впрод приспособяли, абы воздыхание наше так воззывали, абы як там не встыдался в яслях скотнях возлещи и в стайни быдлячой народитися, так и тепер, пришедши до душ наших, в них се родити зезволил, которые суть стайнею быдлячою, вертепом и яслями скотнями.

Для того теды так много фамилий вспоминает, абысмо и мы тот же афект и тое ж прагнене мѣли. Вспоминает впрод патриарха Авраама. Тот азали не прагнул пристя Христового? Сам Христос,

---

[1] не спадзяваліся, не разлічвалі. [2] нараджэння. [3] вельмі лёгка. [4] багацела. [5] умовы. [6] загану, кляймо, недахоп. [7] распусту. [8] згубіў надзею.

спас наш, о нем свидецство выдает таковое: «Авраам, отец ваш, прагнул, абы мессию правдивого огледал, абы бога, в тѣлѣ пришедшаго, обачил, еднак же не видѣл, ачколвек леч не истотне, але толко в фикгуре и тѣню». А приклад таковового прагненя таковый, иж кгды принес над звыклый человечее натуры бѣг Исаака, сына своего возлюбленнаго, богу на офѣру, теды таковым хотел был его офѣровати, али мѣсто сына своего обачил баранка, за рога звезаного в садѣ Савсковом, и его на офѣру богу принес. И тот день, теперешний день Рожества Христова, офѣровал. Если теды, в фикгурах и тѣню оглядавши, Авраам веселился, а мы, в самой истотѣ обачивши, изали не маем ся з его веселити?

А тож и о инших прагненю мовитсе. Давыд теж з яковым прагненем того дня очекивал, з яковым плачем тые слова мовил: «Пасый [1] Израиля, вонми! Внимай — прави, который естес пастыром израелским и наставляеш, як овечку Иосифову, а схиливши неба, зтупи на знизкость земную, который маестат маеш на хѣрувимѣх, и которому маестатом ест небо, а подножком ног земля!»

А што для короткости часу о Авраамѣ и Давыдѣ толко мовится, тож и о инших всих розумѣтися мает. Так бовем пречистыми усты своими сам Христос, спас наш, мовит: «Мнози уродие восхотѣша видѣти, яже вы нынѣ видѣте, и не видѣша, а слышати, но не слышаша. А прето, — мовит Христос до учеников своих, — блажени очи ваши, яже нынѣ видѣта, и уши, яже нынѣ слышита». Дорого бы купили тую ласку и тот час дорогий вси пророци, але того не оглѣдавши поумирали. Леч еднак, яко читаем, же некоторые и по смерти жадали того, иж очима телесными видѣти того не могли, бы принамнѣй [2] на оном мѣйсцу кости их пованы были, которое бы Христос, спас наш, чловеченство на себе принявши, пресвятыми ногами своими доптал. И для того Ияков-патриарха сына своего Иосифа заклял был, абы по смерти не ховал его в Египтѣ, але абы там кости перенес, кгдѣ мел явитися бог во плоти, и которые мѣйсца ногами своими потоптати мѣл мессия правдивый. Они теды подобни суть кораблем, которыи овоци розмаитые, яблока, кгрона винные, другим а не собѣ везут, а сами толко вонностию и солодкостю паху их контентуются [3].

Так и пророци то чинили, же своим плачем, своим воздыханием сердечным, якобы умысл прекланяли единароднаго сына и соприсносущнаго слова богу отцу, абы зступил з маестату славы своей на низкость земную, еднак же сами очима своими того не оглѣдали, але нам солодкость и вонность тых арамат дорогоценных показывали. И для того Исаак патриарха, сходечи с того свѣта, мовил до Иякова, албо рачей, когда ему первенство отдавал, тые слова: «Се воня сына моего, яко воня нив полных». И троха нижей: «Да ти работают языци, и да поклонят ти ся князи!»

Если теды, здалека еще в образех и фикгурах старозаконных оглѣдаючи, вси се поклоняли оному, а мы, юж тут в новой благо-

---

[1] пастыр. [2] хоць бы, па меншай меры. [3] задавальняюцца.

дати истотне видѣчи, изались не маем покланяти, кгды юж не баранок фикгуралный, але тот, который гладит грѣхи всего мира, богу отцу приносится на офѣру?

А тое все ку тому целю мовится, абысте ся яко найлепѣй приготовали на приход царя рожденнаго, бо мовит еден з докторов церковных: «Елико вмистѣлище, толико влагалище. Як правѣ великое начине подаси, так много в него з даров божиих волется. Если умысл затарасует [1] печалми житейскими, там юж благодать святого и животворящаго духа премѣшкивати не может. Если сосуд вилготный и заплеснѣлый будет, там балсам найкоштовнѣйший несвойдет. Если серце твое хто иншый опанует, если тобою справовати будут страсти и наметности [2], там юж иншый господар в том дому быти мусит. Яковое бовем сполкованне [3] Велиару со Христом?»

Леч ты глупым и шаленым застаеш, же не хочеш так гойными дарами обогачоным быти, и на принятие так гойных даров начиня не даеш и заставаеш убогим, кгды не принесеш умыслу росспростертаго и спанялого, которое бы годно и способно было на принятие добр тых. Але жебысь ся в тых дарах бозских барзей закохал, зтупует добро универсалное на низкость земную, в котором вси потѣхи и вси добра замыкаются.

Приходит твой цар, который так ест потужный и так можны, же всю орду шатанскую звалчит [4] и внивеч обернет, а до того добродѣйства невымовные оказует, же ласкаве и приятелске з тобою жити обецует. Приходит отец тот, которы всими достатками сынов своих опатрует [5]. Приходит тот отец, который сына марнотравного готовый ест приняти до дому своего и в шату [6] его первую обалакает [7] и юж не телца упитанного, але самого себе дает на том банкетѣ преможном, на той трапезѣ [8] безсмертной и готов тебе, як пеликан свое дѣти, кровию своею оживляти, так и тот мысленный кровию своею найдорожшою, излиянною за весь мир, оживотворити. А ты того всего невдячным се ставаеш, и всими тыми дарами бозскими погоржаеш, и не хочеш приспособит на принятие того гостя милого и пожаданого.

Чи много з вас, православные християне, умысл свой приспособили а от земных вещей отдалили? Чи много з вас зезволили обмыти дом свой душевный през исповѣдание грѣхов своих и от серца истинное покаяние? Чи много з вас сосуд свой выхендожили [9] на влитие балсаму того неошацованого? Леч кгды было которому з вас ознаймено, же кроль и монарха сегосвѣтны мает приехати до дому твоего и в ним обецне [10] мешкати, азали было ся не готовал на принятие до дому своего, азали было не толко дом свой, але и себе самого, приоздобил яко найлепѣй? Для чого ж душевны дом у тебе так ест плюгавый? Чому того сосуду гнилого и заплѣснѣлого не выхендожиш? Если на столѣ, або на лаве, макулы якое не терпиш, а на души чому ее терпиш? Для чого доброхотне

[1] заслоніць, загародзіць. [2] пачуцці. [3] сумяшчэнне. [4] пераможа. [5] даглядае. [6] адзенне, рызу. [7] адзяе. [8] страве, ежы. [9] вычысцілі. [10] цяпер.

тых даров бозских лишаешся? Изали не ведаеш, же ярмарок живота нашего барзо ест коротки и рихло юж скончится, а ты еще ничого не купил? Затым хотябыс тепер одну слезу з очий сердечных выпустил, теды далеко потребнѣйшая ест и болшую вагу в собѣ мает, а нижли по сконченю того ярмарку рѣки быстроточные. Для того теды ширей лаком в то се инферует[1], абысте ся почували в своей повинности Христи, абысте помнели на свою вокацию[2], абысте принамней самых иновѣрцев завстыдили, которые килка крот до року, албо килканасте раз в своих синакгогах коммоникуют и оплатки полыкают[3]. А вы, Христи титулуючися, до которых Христос спас мовит: «Аще правда ваша не избудет, паче книжников и фарысеов, не внидете во царство небесное, если правѣ так жити не будете, абы самое житие ваше было кшталтом[4] и прикладом иншим, если не будете так живота своего провадити, абы и самые иновѣрци, видечи честное житие ваше, прославляли отца вашего, теды лѣкайтеся помсты и караня от бога». До того не толко дом свой душевный очищайте, але теж и приоздобляйте его добродетелми, то ест постом, молитвами, милостынею.

А жебы той огонь любви божое в нас не згасл, самого того всими царствуючаго царя, которы грѣдет родитися в яслех скотнях, просимо, абы ваша серца тым огнем любви его палали, абы теж нам дал умысл таковый, абысмо вдячными были и годными стали тых его даров невымовных и добродѣйств з неогорненого его до нас милосердия, которое он нам гойне и щодробливе, яко скарбница неисчерпаемая щедрот и бездна наиследимая милости, показовати рачил до того, абысте яко найлепѣй приготовали на принятие до душевных домов ваших царя новороженнаго. А другие, хоч юж и короткий час, не отмовлялися по исповѣди до причастя, хоч на 11 годину беспечне ся до той винници становили, але быстe ветхаго человѣка совлекли з похотьми его, дом душевный приготовили. Новый абовем Адам нового кгмаху[5] на мешкане собѣ потребует. Волаймы ж теды с пророком: «Сердце чисто. Созижди во нем, боже, и дух прав обнови во утробѣ моей! Яко тобѣ подобает всякая слава, честь навѣки вѣком. Амин».

---

[1] апавядаецца. [2] часовае жыццё. [3] глытаюць. [4] узорам, формай. [5] будынку.

АФАНАСІЙ ФІЛІПОВІЧ

(1597—1648)

Афанасій Філіповіч нарадзіўся каля 1597 г. на Брэстчыне ў сям'і рамесніка. У дзяцінстве атрымаў добрую па таму часу адукацыю і ў юнацкім узросце заняўся педагагічнай дзейнасцю, якая працякала пры дварах праваслаўнай шляхты.

У 1620 г. Афанасій Філіповіч паступіў на прыдворную службу да літоўскага канцлера Льва Сапегі ў якасці «інспектара» (хатняга настаўніка. — *А. К.*) Яна Фаўсціна Лубы, якога польскі ўрад у сваіх палітычных мэтах выдаваў за Дзмітрыя — сына рускага цара, і быццам бы законнага наследніка маскоўскага трона.

У 1627 г. Афанасій Філіповіч, пераканаўшыся ў тым, што Луба не рускі царэвіч, а нейкая невядомая асоба, пакінуў прыдворную службу ў Сапегі і пастрыгся ў манахі віленскага Святадухаўскага манастыра. Праз некаторы час ён пераехаў у аршанскі Кутэінскі манастыр, а адтуль у Межыгорскі манастыр пад Кіевам. З Межыгорскага манастыра Філіповіч зноў накіраваўся ў Святадухаўскі манастыр, адкуль у 1633 г. яго накіравалі намеснікам ігумена Дубойскага манастыра каля Пінска.

У 1636 г., у сувязі з тым, што Дубойскі манастыр па волі літоўскага канцлера Альбрэхта Станіслава Радзівіла быў перададзены езуітам, Філіповіч пераехаў у Купяціцкі манастыр каля Пінска. З гэтага манастыра Афанасій Філіповіч у канцы 1637 г. накіроўваецца ў Маскву да цара Міхаіла Фёдаравіча прасіць «ялмужны» (міласціны) для Купяціцкай манастырскай царквы і, карыстаючыся выпадкам,

схіліць цара Міхаіла к вайне за вызваленне Беларусі і Украіны. У гэтых мэтах Філіповіч, будучы ў Маскве, у сакавіку 1638 г. напісаў спецыяльна для цара «Гісторыю» свайго падарожжа ў Маскву і адначасова паведаміў рускаму ўраду аб падрыхтоўцы ў Рэчы Паспалітай новага самазванца на маскоўскі трон — Яна Фаўсціна Лубы.

Пасля звароту з Масквы, Філіповіч у 1640 г. быў абраны ігуменам брэсцкага Сімеонаўскага манастыра. У Брэсце Афанасій Філіповіч узначаліў барацьбу мясцовага праваслаўнага брацтва супроць незаконных дамаганняў уніяцкай капітулы[1]. Абставіны гэтай няроўнай барацьбы прымусілі яго два разы ездзіць на вальныя сеймы Рэчы Паспалітай у Варшаву ў 1641 і 1643 гадах.

У 1643 г. за сеймавае выступленне з рэзкай палітычна завостранай «суплікай» (прашэннем), адрасаванай каралю Уладзіславу IV, Афанасій Філіповіч быў арыштаваны, а затым сасланы ў Кіеў. У Кіеве ён падвяргаўся суду духоўнай кансісторыі, але на судзе быў рэабілітаван і накіраван зноў у Брэст на месца сваёй службы.

У 1644 г., у час сваёй службовай паездкі ў Кракаў, Афанасій Філіповіч наведаў там рускага пасла князя Львова і аддаў яму асабістае пісьмо Лубы, змест якога даў рускаму пасольству падставу патрабаваць ад польскага ўрада выдачы Лубы як самазванца на расправу рускаму цару. За гэтую палітычную паслугу рускаму пасольству польскі ўрад арыштаваў Філіповіча і пасадзіў яго ў турму як дзяржаўнага злачынца.

Знаходзячыся ў турме, Філіповіч напісаў рад публіцыстычных артыкулаў, накіраваных супроць унутранай і знешняй палітыкі шляхецкай Рэчы Паспалітай і пануючай у дзяржаве каталіцкай і уніяцкай царквы. Палітычная завостранасць і сацыяльная насычанасць артыкулаў, якія пасылаліся каралю Уладзіславу IV, з'явіліся прычынай другой ссылкі Афанасія Філіповіча ў Кіеў (у 1645 г.) пад строгі нагляд мітрапаліта Пятра Магілы. Ссылка Афанасія працягвалася да 1647 года. За час гэтай ссылкі ён аб'яднаў усю сваю ранейшую публіцыстыку ў адзіны звод — «Дзіярыуш». У якасці арганічных звязак паміж асобнымі артыкуламі Афанасій Філіповіч выкарыстаў дадатковы матэрыял, які меў прамое або ўскоснае дачыненне да яго жыцця і дзейнасці. Прарабіўшы гэтую работу, Філіповіч перадаў адзін са спіскаў свайго «Дзіярыуша» мітрапаліту ў якасці дакумента, які апраўдваў усю мінулую дзейнасць аўтара, з разлікам на амністыю; але гэтым ён не наблізіў сваё вызваленне.

Вярнуўшыся з ссылкі ў 1647 г., Філіповіч зноў пасяляецца ў Брэсце. У 1648 г., у хуткім часе пасля пачатку паўстання Багдана Хмяльніцкага, польскі ўрад у трэці раз арыштаваў Філіповіча за яго дапамогу паўстаўшым казакам порахам і агітацыйнымі лістоўкамі, тэкстам якіх з'яўляліся яго ранейшыя публіцыстычныя артыкулы. І нягледзячы на тое, што «віноўнасць» Філіповіча не была даказана на судзе, польская шляхта па-зверску пакарала яго смерцю 5 верасня (па старому стылю) 1648 года.

Афанасій Філіповіч быў палымяным змагаром за ўз'яднанне Беларусі і Украіны з Расіяй, непахісным абаронцам інтарэсаў і правоў сацыяльных нізоў беларускага і украінскага народаў. Яго літаратурная спадчына з'яўляецца адным з буйнейшых дасягненняў палемічнай літаратуры таго часу. Смелы і мужны змагар супроць феадальна-каталіцкай агрэсіі Афанасій Філіповіч сваім вострым словам палеміста выкрываў і ганьбіў «уніятаў і ўсіх улад рымскіх», духоўных і свецкіх феадалаў, якія, па яго трапнаму выразу, «згола в зверев и птахов драпежных ся перекинули и подобными стали, а праве юж и над зверов подданых своих и убогих людей драпежать и над ними ся збыткують».

Афанасій Філіповіч быў бліжэйшым і адзіным, вядомым нам да гэтага часу, прадаўжальнікам таго дэмакратычнага напрамку палемічнай літаратуры Беларусі і Украіны XVII ст., асновапаложнікам якога з'яўляецца таленавіты украінскі публіцыст-дэмакрат Іван Вішанскі.

Ніжэй пададзены ўрывак з «Дзіярыуша» Афанасія Філіповіча з'яўляецца адным з яго публіцыстычных артыкулаў цыкла турэмнай публіцыстыкі. Тэкст

---

[1] Калегія духоўных асоб пры епіскапскай кафедры.

артыкула друкуецца па рукапісу Дзяржаўнага гістарычнага музея Масквы. (Гл. фонд Сінадальнай бібліятэкі, № 856, лл. 156 об. — 166). Поўны тэкст рукапіснага «Дзіярыуша» надрукаваны ў «Русской исторической библиотеке», т. IV, Спб., 1878, сл. 48—156.

НОВИНЫ ПРАВОВѢРНЫМ ПОЖАДАНЫЕ О УСПОКОЕНИЕ ВѢРЫ И ЦЕРКВИ ПРАВОСЛАВНОЙ ВОСТОЧНОЙ, ЯК БЫ СУПЛИКУЮЧИ ПРЕЗ НИХ ДО КРОЛЯ ПАНА И ДО СЕНАТУ ЕГО ВСЕГО, ВЕДЛУГ ТИТУЛОВ КОЖДОГО, В ТЫЕ СЛОВА

Наяснѣйший по Исусѣ Христѣ, кролю полский, пане, пане и добродѣю мой велце милостивый! Яко вѣрный подданый вашое кролевское милости пана, а пана мнѣ милостивого, я, убогий законник [1] чину св. Василиа Великого, так вашой кролевской милости, пану мнѣ милостивому, як и всѣм станом вышшым, средним и нижшим ознаймую. Иж запевне-запевне хотѣлем и готовалемся, юж [2] справою духа святого (як тому простым сердцем вѣрую) на сейми валном [3], в року теразнѣйшом [4] 1645, на пересторогу всего христианства, под той час схилку [5] свѣта (в чом воля творци нашего ест), списавши [6] в килка десят фастикулов [7], в костелѣ варшавском, при бытности вашой кролевской милости, як найспокойнѣйший час, розным особом и сенатором подати, оголосити и доводне [8], не сам през себе, але о укрѣпляющим мя [9] Исусѣ Христѣ, довести и указати.

Леч [10] дивные справы бога, в троици святой православно славимаго и пречистое богородици, ходотайки, благодѣтелки и патронки нашое, упередивши той час перед сеймом за килканадцать [11] недѣль, як бы о причинѣ иншой, о Дмитровича, царевича московского (а то власне прикладом слѣпорожденнаго воженя од суду до суду для лѣпшого обясненя так великой, страшной, поважной и святобливой [12] справы свѣтлости, мовлю, всѣм пожаданое вѣры православное), взято мене до вязеня и в оковы. За що я пониженым [13] сердцем, як правовѣрный слуга божий, православно творцу моему подяковавши, о то из вязеня, ведлуг воли бозской и часу потребного, вспоможенем [14] пречистои богородици, повинности моей досыть чиню: о воли его пресвятой и о собѣ нендзном [15] обясняю таким порядком.

Я то нендзный Афанасий Филипович, который праве з детинства и от взятя розуму моего, ласкою божею и молитвами пречистой богородици, в вѣры православной и церкви правдивой восточной [16] статечным [17] будучи, по науках церковно-руских, служилем

---

[1] манах. [2] ужо. [3] генеральны. [4] цяперашнім. [5] канец. [6] маецца на ўвазе яго «Гісторыя» падарожжа ў Маскву ў 1637—1638 гг. [7] звязак экземпляраў. [8] грунтоўна, аргументавана. [9] мяне. [10] але, аднак. [11] некалькі. [12] свяшчэннай. [13] пакрыўджаным. [14] дапамога. [15] няшчасны, бездапаможны. [16] праваслаўная царква грэчаскага веравызнання. [17] сталым.

на розных мѣстцах и у небожчика пана Сапеги [1], гетмана, 7 лѣт служилем за инспектора [2] Дмитровичу, якомусь царевичови московскому, который, за вѣдомостю [3] кроля Жигмонта Третего [4], в опецѣ его был. Там же, зрозумѣвши омылность [5] свѣта того, чернцем [6] зосталем, року [7] 1627, у Вилни при церкви православной Святого духа, рукоположением господина отца годной памети Иосифа Бобриковича [8]. И былем з послушенства в монастыру Кутеенском под Оршею и в Межигорском под Киевом, през час немалый учачися воли бозской и законного живота [9].

Леч бывает в законников перемѣна. З Межигоря послушне, гды [10] знову ѣхати ми [11] пришло, святой памети годный муж господин отец Коментарий [12], игумен на тот час межигорский, при отцу Самоилу Борецким [13], рекл ми на ползу тые слова: «Брате Афанасий, чернец естесь [14] в монастырѣ Межигорском. Принамнѣй [15], тые три речи заховай: першая — будь послушным старшим своим, другая — правила церковного пилнуй, третяя — бесѣд женских стережися. Тые гды, даст бог, сохраниш, спасешися и будеш потребен на службу церкви Христовой. Иди с миром!» Идучи мнѣ до Вилна, за Чорнобилем [16] пред Мозиром, по взрѣчу [17] Днѣпра, в пущи на дорозѣ придал [18] ми ся человѣк барзо [19] хорый. Взялем его на себе и несл немало. Той человѣк потом (дивные справы в таемницах бозских много зо мною мовивши) дал ми [20] имя найсолодшее Исус Христос на сердце мое и указал ми як тое маю заховати: 1) мѣрность [21] зо всѣми людми в пожитии розумне мѣти; 2) послушенство, чистость и убозство заховати законное [22]; 3) на смерть двоякую памятати уставичне [23]; 4) воли бозской завше-завше [24] во всем се оддавати, што я паметаючи (дару бозского ведлуг часу таити не треба) и по сесь час [25], выритое ласкою его святою, на сердцу своем маю; 5) если бы што противного воли бозской з немощи [26] ся телесной притрафило [27], то сповѣдью и покутою досконало себе очищати.

Я то нендзный Афанасий, который з Вилня, по вступленю порядном [28] на иерейство [29], з воли бозской и старших моих, былем намѣстником в монастыру Дубойском, под Пинском. Там през три лѣта з духами злыми, видомыми и невидомыми, барзо бѣдилемся [30]. И гды князь Радивил, канцлѣр литовский, року 1636, именем Полоза утискуючи церков православную, одбирал монастыр той Дубойский на езуиты барзо мудрие, фундуючи [31] их в мѣсти [32] Пинском, а в тот час барзо страшнии видоки [33] на неби и на земли (не

---

[1] Леў Сапега, літоўскі канцлер да 1632 г. [2] хатні настаўнік. [3] па даручэнню. [4] польскі кароль Сігізмунд III Ваза; быў каралём да 1632 г. [5] памылковасць. [6] манахам. [7] года. [8] Іосіф Бабрыковіч, намеснік ігумена віленскага Святадухаўскага манастыра, пазней — да 1635 г. магілёўскі архіепіскап. [9] жыцця. [10] калі. [11] мне. [12] межыгорскі ігумен да 1628 г. [13] родны брат кіеўскага мітрапаліта Іова Барэцкага. [14] ёсць. [15] хоць бы, па меншай меры. [16] горад у Кіеўскай вобласці. [17] уздоўж ракі. [18] з'явіўся нечакана. [19] вельмі. [20] мне. [21] справядлівасць, законнасць. [22] манашскае. [23] пастаянна, заўсёды, цвёрда. [24] заўсёды. [25] і да гэтага часу. [26] слабасці. [27] здарылася. [28] прынятым па звычаю. [29] поп, святар. [30] змагаўся, вёў барацьбу. [31] заснаваць, увесці. [32] мясцовасці, горадзе. [33] відовішча.

през сон, але в день и на явѣ, толко як в захвиценю [1] яком будучи) видилем. На небѣ — хмуры [2] барзо гнѣвливые з войсками ушиковаными [3], на каране готовыми, и на земли—седм огнюв пекелных, на седм грѣхов смертелных зготованых. З тых огнюв, в пятом жаристом гнѣви, трох особ выразне видилем: нунциуша легата [4], в коронѣ папежской [5]. Жигмонта кроля и Сапегу гетмана, за преслядоване церкви восточной барзо смутно седячих. Которое видене, гдым другим указовал, видити не могли. Толко один святобливый [6] муж господин отец Иларион Денисович, игумен купятицкий и пинский, тые справы бозские видил и дивовался. Подстаростий [7] пинский, пан Огродинский, незадолго потом, гды заѣждзал [8] тот монастыр, голосно волал [9]: «Отцеве! Для бога, што то ест?! Страх мя здыймует [10]. Чи не маш якой здрады? Пале [11] под мостом чи не подпилованы? Отцеве, для бога, не жартом то мовлю, страх ми здоймует!» И долго ся трвожачи [12], аж за проводом отцев виленских, в монастыр зо всѣм поѣздом въѣхал и обнял [13]. Я, зась [14] з горливости [15] моее до благочестиа святого, списавши жалосный лист взглядом людей [16] православных, которых там не тисеча было, маючи добрую надѣю з вѣры православное, же [17] ся тыи люде, або в особѣ тых людей вся церков восточная до православиа святого мает вернути, и полецилем [18] тот лист пречистои богородици Купятицкой, з подписами рук людей годных не мало. А мяновите подписался: отец Силвестер Краскиевич, игумен циперский, Леонтий Шицик, игумен дубойский, Иларион Денисович, игумен купятицкий, Самоил Рогаля, друкар братства Виленского, Афанасий Филипович, намѣстник дубойский, Себестиан Гуляницкий, урядник дубойский, Иван Крупка, писар дубойский провентовый [19], и инших не мало. Мене зась од того часу в монастыру Купятицком на послушание оставлено и былем терпливе.

Я то нендзный Афанасий, который року 1637 с Купятич для ялмужны [20] на Бѣлую Русь будучи высланый, дивною справою бозскою и переводом пречистое богородици Купятицкое (который образ на граници московской правдиве и на небѣ виденый был), без писаня, чудовне столици Московской доѣхавши, за рѣкою Москвою, в Ординской улици, на господи [21], там даной будучи, справедливе о том, што ся дѣяло в дорозѣ, историю списавши, царю московскому, ведлуг [22] росказаня бозского (як тому простым сердцем вѣрую), на задержанье и оборону и помножене вѣры святой православной подалем.

Я то нендзный Афанасий, который року 1640 послушне з Купятич за волею бозскою (што доводне показуется) на игуменство церкви православное до Берестя Литовского [23] (где то фундамент

---

[1] захапленні. [2] хмары, воблакі. [3] пастаўленымі ў строй. [4] пасол, афіцыйны прадстаўнік рымскага папы. [5] папскай. [6] набожны. [7] наместнік старасты. [8] захопліваў. [9] клікаў на дапамогу. [10] ахапіў, агарнуў. [11] сваі, апорныя слупы пад мастом. [12] хвалюючыся. [13] заняў, захапіў. [14] тым часам, тады. [15] стараннасці. [16] пры сведках. [17] што. [18] даручыў, рэкамендаваў. [19] харчовы, прадуктовы. [20] міласціны. [21] пастаялы двор, гасцініца, карчма. [22] адпаведна, паводле. [23] старажытная назва горада Брэста.

унѣи[1] проклятой стался) приѣхавши, права и привилея[2], на пергаменах найденые, з страшным проклятством на униты[3], до книг гродских берестейских актиковалем[4] и оголосилем в церкви и на розных мѣстцах, волею бозскою указуючи, же тое роздѣлене Руси а приняте унѣи незвычайным способом з неналежным пастырем ест барзо проклятое. Потом з метрик[5] вашой кролевской милости варшавских екстрактами[6] тые справы[7] повыймовавши ново, привилей с потверженьем оных прав на церков православную Берестейскую од вашое кролевское милости, пана нам щасливе панующого, Владыслава Четвертого[8], с подписом руки набылем. Але запечатовати[9] его ксионже[10] канцлѣр и ксиондз подканцлѣрий и за тридцать таляров[11] твардых не хотѣли. И гдым был в покоях их милостей, мовили до мене: «Будете всѣ униатами, то дармо запечатуем, бо вѣдайте, же под клятвою нам заказано от святого отца папежа, абы юж болшей вѣра грецкая[12] тут не множалася». На тот час и ксионже Клецкий в покою ксионжеця канцлѣра был и причинялся[13], прочитавши привилей, абы запечатовано. Леч жадным[14] способом не запечатовали.

Потом пришолем до старших отцев моих, а о то зрозумѣлем, же кождый з них свою привату уганяет[15]. Господин отец Коссов[16] двох тисечей золотых в кождый рок на владыцство Могилевское доходит; отец Гулевич баницию[17] з себе зносит, владыцство Премыское пустивши в вѣчность (як в конституции написано) «на унѣю»; отец Жолуд цегелню толко в Вилни правом сталюет[18]; отец Шицик привиля, еден собѣ на архимандрию Овруцкую, а другий Филатею на игуменство Золотоверхого Михаила[19] набывает. Един господин отец Варлаам Дѣдковский святобливе в справах церкви Печерской з розсудком духовным працовал. Иншие отцеве всѣ и законники в своих приватах приѣхали и мовят з собою: «я маю, я маю з потребу у себе церквей. Як собѣ хто хочет, нехай ся домовляет; я не дбаю». И юж о грунтовным успокоеню вѣры православной ани зменки[20] было.

Мѣщане зась убогие з Люблина, Сокаля, Орши, Пинска, Бѣлска, Кобрыня, Берестя и з инших мѣст и мѣстечок плачливе ляментуют, же юж не мают и людей, з ким бы церквей своих доходити могли! Нимаш отца и мужа святого Леонтиа Карповича, архимандриты виленского и отца Иосифа Бобриковича, старшого виленского! Нимаш мужей памяти годных Михаила Кропивницкого[21], Лаврентиа Древинского[22] и пана Мефодиа Киселя[23] з колегами его в поле

---

[1] царкоўная унія (саюз) 1596 г. [2] асобы від граматы на прадмет карыстання маёмасцю. [3] асоб, якія прынялі уніяцкае веравызнанне. [4] занёс у кнігі, заактаваў, упісаў. [5] актавых кніг. [6] выпіскамі, копіямі. [7] дакументы. [8] сын караля Сігізмунда III быў польскім каралём з 1632 г. да 1648 г. [9] заверыць, засведчыць. [10] князь. [11] нямецкая сярэбраная манета вартасцю ў 3 маркі. [12] праваслаўнае веравызнанне. [13] хадайнічаў. [14] ніякім. [15] дамагацца. [16] Сільвестр Косаў, магілёўскі архіепіскап з 1635 г. да 1647 г., а з 1647 г. — кіеўскі мітрапаліт. [17] выгнанне. [18] замацоўвае юрыдычна. [19] адзін з багатых кіеўскіх манастыроў таго часу. [20] ніякага клопату. [21] М. Крапіўніцкі — адзін з віднейшых абаронцаў праваслаўя. [22] Л. Дрэвінскі — брацлаўскі ваявода. [23] М. Кісель — стараста Віленскага праваслаўнага брацтва.

рицерском не стало, абы о успокоене грунтовное вѣры православное грецкое домовлялися! Немаш в набоженствѣ належном, ведлуг сумненя православных людей, волности юж и за гроши! Ах, бѣда ж! Креста не принявши дѣтки, а дарослые без шлюбов живут, а умерлых в полях, в огородах и в пивницах потаемне в ночи погребают! Немаш, мовлю, волности юж и за гроши! Над турецкую неволю, тут в панствѣ христианском православные люде болшую неволю терпят и мают! Бо оршане бѣдные за тое, што в братствѣ своем новую церков збудовали, двѣстѣ червоных золотых подканцлѣрому за печать давали. А сокаляне сто червоных золотых и пятдесят коров до фолварку особы едной за причину [1] толко давали. И иншие также барзо ся убиали, а ничого юж не справили. Яко ж и прошлых часов, противники правды святой, умыслне [2] (поджогою духа злого) хотячи вынищити тут в панствѣ христианском вѣру православную грецкую, од сейму до сейму незбожне огризуючи одкладали; наостаток, торгаючи [3] сеймы, и докладати [4] юж в конституциах, абы укрывжоная усправедливене мѣла, не зезволяли.

Тое все выбачивши, я, нендзный з дару духа святого, як тому простым сердцем вѣрую, шолем до господы, за «Панну Марию» [5], през новое мѣсто в Варшаве, мыслячи в собѣ през имя Исус Христово, в сердцу моем нарисованое, и з горливости вызнаня православного мовячи: «О, боже справедливый! Як то ваги [6] несправедливости юж-юж до самого центрум и крѣсу [7] припали [8]. Юж-юж и сами отцеве наши старшии в вѣры православной о помноженю хвалы бозское не дбают. Юж вси як бы ся ее встыдают. А што болшая — нѣкоторые, для гоноров и свободы свѣта того латиною [9] и много о собѣ розумѣньем, ошуканы будучи (ах, бѣда ж!), з вѣры правдивое до иншое вѣрки, як Смотрицкий [10], Скуминович и иншие, небачне перекидаются. И всѣ немал [11] з латинников наших милых, праве, ■ еден струп злѣвшися, власне юж в вонтпливость [12] людем простым вѣру правдивую и церков всходнюю подают и, як бы храмлючи, волают: «О, и тая, о, и тая вѣра ест добрая!» А то быть не може, абы много вѣр мѣло быти добрых, бо написано: «Един господь, едина вѣра, едино крещение» [13] и прочее. Тое мыслячи, обачилем невѣсту, од костела Панны Марии як бы в роспачи обнаженно бѣгучую и волаючую з великим ляментом, руки вложивши на голову: «Згинулам! Взято ми з ложка взголовье и колдру» [14]. Помыслилем в собѣ през имя Исус Христово: «так тепер церков православная тут в панствѣ том христианском ляментует в окраденю од злодеѣв полуденных (то есть униатов проклятых) ложа мысленнаго Саломона и в обнаженю з покрытя еи прекраснаго» (бо в тот же час превротник [15] якийсь, злодий и блюзнѣрца [16] Касян [17] выдал

---

[1] за хадайніцтва. [2] намерана. [3] зрываючы. [4] запісаць, унесці. [5] кафедральны каталіцкі сабор. [6] чаша вагі. [7] граніца, мяжа. [8] перайшлі. [9] каталіцкаю вераю. [10] маецца на ўвазе М. Г. Сматрыцкі, архіепіскап віленскі. [11] амаль. [12] няпэўнасць, падазронасць. [13] спасылка на «Біблію», Ефес, гл. 4, ст. 5. [14] узялі ў меня з ложка падушку і коўдру. [15] адступнік ад веры, здраднік. [16] паклёпнік. [17] Касіян Саковіч, пісьменнік-палеміст, які здрадзіў праваслаўю і перайшоў у лагер католікаў.

книжку [1], обнажаючи сакрамента [2] пресвятые церкви православной восточной). Тое мислячи, гдым поровнался истем [3] з тоею невѣстою, далем ей червоный золотый, мовячи: «Купи собѣ што можеш». А о то зараз пал на мене дух святый в плачливом жалю и долго в том ревливе плакалем. Потом в господи [4], у Стефана Русина Пикаря в коморци, гдым одправовал акафист [5] до пречистои богородици, теды, власне в тых словах: «от всѣх нас бѣд свободи», барзо ретелный [6] голос од образу пречистои богородици слышати было таковый: «О, Афанасий, супликуй [7] тепер на сейми през образ мой, в крестѣ изображенный Купятицкий, до кроля полского и Речи Посполитое, грозячи правдивым гнѣвом и страшным судом божиим, который правдиве юж-юж приходит, если ся не обачат. Нехай же первѣй унѣю тую проклятую вѣчне зганят, бо того впрод потреба; и може быть еще добре».

З росказаня теды я пречистое богородици и моцью честнаго креста о имени Исус Христовѣ, як тое ся и объясняет, року 1643, права маючи добрии, як играч який, маючи карту добрую, и як Илиа пророк, горливостю до православной вѣры, в Варшаве на сейми валном, образ пречистои богородици, в крестѣ изображенный Купятицкий, в седми штуках, на полотни малеваных, з гисториею московскою [8] (вѣрность в том вашой кролевской милости, пану моему милостивому, освѣдчаючи) и з написом, на пересторогу гнѣву божого и страшного суду его вмѣсто суплики от церкве всходнеи в замку и в избѣ сенаторской [9] пред маестатом [10] и обецностю [11] вашое кролевское милости, пана мнѣ милостивого, певным а велце поважным особам сам очевисто [12], а в рицерском коли [13] през диакона моего нѣкоторым особам также значным, — подавалем и голосно, ведлуг презреня бозского, права показуючи, волалем. «Наяснѣйший кролю полский, пан мой милостивый. О то кривду незносную маем. Не хочут нам, людем правовѣрным, в справах побожных церковных привилеев печатовати. Не хочут нас ведлуг прав заховати поприсяжоных вашой кролевской милости. И юж то от пятидесят лѣт [14] вѣра правдивая и церков восточная грецкая под вами, паны христианскими, в кролевствѣ Полском для збытков [15] унѣи проклятой, аж назбыт [16] утиски терпит. А то за причиною и помочю ненавистных капланов [17] рымских, а найбарзѣй езуитов барзо мудрых, которые то, езуиты, внутрности людские в дѣтках малых отливными [18] словы на науки облудные [19] и на титулы высокие побравши, в школах комедии строячи, в костелах катедры маючи, и книжки переницованые [20], измышленые ошуканем шатанским, выдаючи, незбожне до людей простших, потаковников своих, и огиду

---

[1] маецца на ўвазе пасквільны трактат Саковіча «Perspectiwa». [2] святыню. [3] хадою. [4] у доме. [5] царкоўнае хвалебнае песнапенне. [6] выразны і шчыры. [7] скардзіся, пратэстуй. [8] маецца на ўвазе яго «Гісторыя» падарожжа ў Маскву. [9] верхняя палата польскага сейма. [10] тронам. [11] прысутнасць. [12] асабіста. [13] ніжняя палата сейма. [14] на працягу 50 год. [15] дастаткаў. [16] непамерныя. [17] ксёндз, духоўная асоба каталіцкай царквы. [18] красамоўнымі. [19] крывадушныя, каварныя, хітрыя. [20] скажоныя.

подают и преслядуют правовѣрных христиан, сами будучи неправовѣрные».

Я то, нендзный Афанасий, который назавтрее, в суботу, ведлуг росказаня нѣкоторых панов сенаторов, сам пришолем з диаконом моим Леонтием до пана Опалинского, маршалка [1], даючи о собѣ справу. А од пана маршалка посланый былем до его милости ксиондза бискупа познанского, на имя Андрея Шолдровского, человѣка велце [2] уважного, о котором и его милость отец наш метрополит Могила мовил (гдым был в Киеви слышал): «добрый то мой приатель». Тот, у вечер приѣхавши, з сенату од вашей кролевской милости, тую потѣху [3] рачил [4] нам ознаймити, же «король, пан наш милостивый, казал запечатовати вам тот привилей, которого потребуете. Прийдѣте юж ютро [5] до ксиендза подканцлѣрого, а тепер идѣте до господы».

Я то, нендзный Афанасий, который од своих отцев старших до запечатованя привилею недопущеный и злыми словы зганеный, за шаленого менованый, а згола [6] во всѣм (пане боже, им прости!) уруганый, оплваный и осмѣяный и обвиненый зосталем, а за тое самое, жем [7] ся их не докладал, справуючи тые суплики (если то слушна докладатися в таких таемницах бозских). Ах, бида ж мудрым, з латины до чого пришло! Юж ничого вѣры не прикладают и воли бозской не послушают, але, все на себе и на розум свой принявши, волю свою полнят и свои своих гнембят [8]. Бо там зараз в Варшавѣ, на Долгой улици, в господи одверного [9] вашой кролевской милости, на имя Яна Желязовского, през килка недѣль аж до розъѣзду сеймового в вязеню нендзно [10] мя з диаконом моим Леонтием вязили и трапили [11]. С которого то вязеня не могучи я жадным способом (в справи так знаменитой церковной, которая ся точит ведлуг воли бозской) до розсудку их духовного повабити и привести (о то ревностью дому божого запалившися и собою взгордивши [12], не будучи шаленым и овшем [13] маючи имя Исус Христово, на сердцу моем выритое, толко для самого упаметаняся [14] старших отцев моих, доброволне, не жалуючи, обнажити себе и в болотѣ ся помазати, абы церков, облюбеница Христова, одѣта и очищена была), шалемным як бы учинившися [15], из вязеня сам вчесне [16] вышедши наго, толко каптур [17] и парамант [18] для знаку законного на собѣ маючи, в болотѣ ввесь поплюскавшися и костуром [19] себе бьючи, по улицах варшавских бѣгал и волал великим голосом: «Бѣда проклятым и невѣрным! Бѣда проклятым и невѣрным! Vae maledictus et infidelibus!» Што постерегши в господи, челядь владычая слѣд пошляковали [20] и бѣгучого мене юж до брами [21] Краковское (бо хотѣлем в рынку в костелы вбѣгати и волати

---

[1] старшыня сейма, важак дваранства. [2] вельмі. [3] радасць. [4] меў ласку, пажадаў. [5] заўтра. [6] зусім, наогул. [7] што. [8] ганьбяць, прыціскаюць. [9] брамніка. [10] дрэнна, кепска. [11] мучылі. [12] пагарджаючы. [13] вядома. [14] каб апомніліся. [15] на полі рукапісу прыпіска: «юродство доброволное для Христа». [16] своечасова. [17] манашская шапка. [18] манашская раса. [19] кій з булдавешкаю з косці, металу або дрэва. [20] высачылі, знайшлі па следу. [21] вароты, арка.

тые ж слова, а то в день Звѣстованя [1], по-новому: «Бѣда, бѣда проклятым и невѣрным!»), там теды под брамою мя обскочили и, потрутивши [2] в болото, в колѣно и болш глубокое, стали надо мною з великим тумултом [3] людей през долгий час, аж з господы воз привезено.

Тогды я, нендзный Афанасий, як бы умерлым удаючися, великое зимно [4] терпѣл (бо мѣсец был марец [5]) и юж як бы ледво живый на вози до господы владычей привезеный и знову до вязеня вкиненый был.

Я то, нендзный Афанасий, который обвиненый будучи за суплики през образы пречистои богородици, в сенати поданые, и за обнаженя ся мое для церкви Христовы, як бы шаленое, инстигацией [6] якогось Даниловича, писара владычого, од старших отцев (до мене ведлуг диоцезии [7] и мѣстца сеймового в справи той судити неналежных) былем сужоный, декретованый [8], презвитерства [9] и игуменства деградованый [10]. И юж на выѣзди з Варшавы, не маючи где мя подѣти, былем пресыланый од господы до господы: от отца владыки до игумена луцкого, од того до старшого виленского, з господы знову до отца Косова за Вислу рѣку човном проважено, из-за Вислы повторе до Варшавы проважено до отца старшого виленского, господу на лазни маючого. Старший виленский, выѣждзаючи, казал челяди своей отдати мене до отца Шицика [11] под генсиорек [12]; тот потрете перевозит мя през Вислу. Одтоль же хотѣлем доглядѣти, абы запечатовано привилей (ведлуг ознайменя [13] бискупьего [14]) у подканцлѣрого. Не давши ми вѣры в том, отцеве старшии мои провадят мя з Варшавы до Киева.

В Киеви жаден мя не спытал, што бым кому был винен, през час немалый, што мя барзо фрасовало [15], звлаща [16] видячи, же о покой церковный и о помножене хвалы бозское не дбают. А надто трапили мя огнѣ алхимицкие [17], которие палено в седми печках на ошукане особы едной [18], на которой, ведлуг того часу, много бы належало взглядом вѣры православной и церкви восточной, о чом ся ознаймовалем одчасти господину отцу Зосиму Печерскому и отцу Иосифу Дунаевскому.

Я то, нендзный Афанасий, который знову (ведлуг злого уданя) [19], за росказанем его милости отца нашего метрополиты киевского Петра Могилы, в консистории [20] киевской от духовных отцев, як злочинца який, сужоный былем; на том судѣ, гдым припомнил, як мя в Варшаве водили од господы до господы, отец Гизель рек: «як од Аннаша до Каиафаша» [21]. Потом видили, жем и без позву

---

[1] каталіцкае свята «Благовещение». [2] загнаўшы. [3] натоўпам. [4] холад. [5] сакавік. [6] падбухторванне, судовае праследаванне. [7] епархія, епіскапскае ўладанне. [8] асуджаны. [9] папоўскага сана. [10] пазбаўлены. [11] Ляонцій Шыцік, былы ігумен дубойскі. [12] пасадзіць у турму, надзець на шыю і рукі калоду як злачынцу. [13] паведамлення. [14] епіскапскага. [15] хвалявала. [16] асабліва, тым больш. [17] уразілі мяне агні (інтрыгі) алхімікаў. [18] намёк на мітрапаліта Пятра Магілу. [19] паклёп, нагавор. [20] духоўная ўстанова пры епархіяльным архіерэі з адміністратыўнымі і судовымі функцыямі. [21] біблейскія першасвяшчэннікі.

нань[1] стал, инстигатора[2] не мѣлем, зараз од всего без декрету волным мя учинили, и за благословлением его милости отца нашего метрополиты киевского и всея России, ексархи[3] святого апостолского фрону[4] константинополского, Петра Могилы, одправовалем литургии[5] святыя так в Печерах, як и на великом престоли в церкви Успениа пречистои богородици Печерской чудотворной з диаконом меам[6] частокротне. А той суд и декрет, неслушне на мене в Варшави учиненый, потлуменый зостал безвѣстне.

Я то, нендзный Афанасий, который, первѣй за волею бозскою, а потом и за благословением листовным его милости отца нашего метрополиты киевского, з напомненем[7] пастырским знову, ведлуг жаданя братства православного Берестейского, на игуменство присланый, где, в монастыру убогом з братиею моею законною колконадцатми (що вѣдомо богу и людем) пристойне живучи, мѣлем так я сам, яко и братиа моя (а мѣщане убогии зособна) од студентов своеволных езуитских и од попов унитских непоеднокрот[8] битя, мордованя[9], уруганя[10], на монастыр нахоженя, дорогою истья през ринок з святостями вшелякими забороненя и незносннии утрапеня[11]. В Кобриню Облочинский якийсь, архимандритом унитским мянуючися, на дорози доброволной[12], законников, на моих конях до мене з Купятич посланых, гвалтовне забравши (О, бида ж!), священноинокови бороду урѣзал, диакона обнажил и выгнал их. А кони два з возом, з рѣчами на килкасот золотых заграбил. И од инших на многих мѣстцах барзо великие кривды и бѣды мѣлем и мѣвалисмо.

В певных теды потребах церковных и монастырских, особливым прейзренем бозским, ѣздилем до Кракова. Там будучи у его милости пана Сапѣги[13], воеводы новогродского, просилем яко добродѣя своего (бо на его милости грунти мешкаем)[14], абы з ласки своей зъеднати[15] рачил у вашой кролевской милости лист упоминалный[16] до тых кривдников для того, же у кождого права нам, православным христианом, о справедливость трудно. На кождом мѣстцу, в дворах и в судах, уругаются з нас и гучат на нас: «гу-гу, Русин, люпус[17], релиа[18], господи помилуй, схизматик[19], турко-гречин, одщепенец, Наливайко»[20] и болшей того, хто их вѣдает, як на огиду нас подаючи до людей, навымышляли. О тож, ведлуг того теды утрапеня нашего и уруганя, листу упоминалного до тых кривдников просилем. Але убогих утрапене — паном жарты. Рекл[21]: «Поп з попом побился—што ми за рѣч?[22] Будте униатами, будте, то в покою будете жити, або идѣте собѣ до их старших по справедливость.

---

[1] без павесткі на суд. [2] абвінаваўцы. [3] намесніка. [4] сталіцы. [5] абедня, галоўнае царкоўнае богаслужэнне. [6] лацінскі выраз — «маім». [7] павучаннем. [8] часта, неаднаразова. [9] цяжкія пабоі. [10] абражанне, лаянку. [11] злосці. [12] свабоднай. [13] маецца на ўвазе Мікалай Сапега. [14] жывём. [15] выклапатаць. [16] напамінаючы, г. зн. строгі. [17] воўк. [18] фанатык. [19] адшчапенец; так уніяты называлі праваслаўных, якія не прынялі царкоўнай уніі. [20] маецца на ўвазе Севярын Налівайка, важак казацкага паўстания ў 1595 г. [21] сказаў. [22] якая мне да гэтага справа.

И лист тут до мене писаный, в котором признавает[1], же вам кривду учинил, о то вам на свѣдоцтво до права отдаю. А тут дармо есте проклусалися[2] и стравили килкадесят золотых».

Зачим я далем всему покой. Толко порекреовавши[3] вколо мѣста з оказии для ялмужны (а снать и прейзренем бозским), былем у посла московского, припоминаючи ему и бытье мое опатрностю[4] бозскою року 1638 в столици московской. А гдым был пытан о Дмитровичу, о котором под небытность мою в Берестю юж ся и довѣдали од пана Галенского, намѣстника гродского, в яком он тут титули и выхованю, а я реклем: «Дмитрович и сам о собѣ не вѣдает, хто ест, по-готову жаден, аже не подписуется царевичом». Я, як невѣдомый жадной хитрости и не маючи полеценя[5], ни от кого в таемницах о нем, далем картку[6] его, до мене з господы писаную, з подписом руки в тые слова: «Ян Фавстин Дмитрович».

С Кракова ѣхалем до Варшавы для выкупеня привилею, о котором през писане юристы на имя Зычевского мѣлем вѣдомость, же тот привилей, которогом на сейми потребовал, есть юж запечатован. Але же за тую печать хотѣл шести тисячи золотых, мянуючи: «жем то през езуитов справил, а коштом моим великим». Я зась, убогий, до задатку першого десяти червоных золотых (на которые и тепер цероград[7] его маю), давалем еще двадцать червоных золотых, а наболшей облик[8] давалем. Але же не взял. Теды я, оглевѣвши тот привилей запечатованый а постерегши[9], же его в метриках немаш, болшей не убивалемся: полецилем[10] все воли бозской и часови щасливому.

Приѣхавши я до братии моей до Берестя, рихло[11] потом в кляштори[12] отцов барнадинов перший раз з сцептрум[13], умыслом звитязства[14] (бо видилем запечатаный привилей), далем образ пречистой богородици в крестѣ Купятицкий вымалевати. Вымалеваный гды ми принесено, за червоный золотый одержалем его. И маючи в целии[15] моей, гдым ведлуг часу пред тым образом одправовал молитвы, на тых мѣст, як и прошлых часов, барзо-барзо великий страх пал на мене, и власне од образа того слышати было голос таковый: «О, Афанасий, супликуй еще през образ мой в крестѣ Купятицкий на сейми пришлом[16] до кроля полского и до Речи Посполитое о вынищене грунтовное унѣи проклятой. Добре будет, если услухают и вынищат еи: поживут еще в приданых лѣтах щасливе, ибо и планеты указуют Меркуриуша для Венери ласковость в тых лѣтех. А порядок сына моего в суженю: первѣй пытати Адама, потом Еввы[17]; на остаток декрет страшный як слово вымовити злому будет за выреченем слова». По том теды я престрашеню барзо слабый былем пять дний. Правдиве, ани пилем, ани ѣл, мыслячи, што чинити. «Бѣда мнѣ мовити таковые речи и на таковом мѣстцу, бѣда не мовити справ бозских!» Постановилем в собѣ, еднак, мовити.

---

[1] Маецца на ўвазе сам Аблачынскі. [2] паспяшылі прыехаць. [3] затрымаўшыся. [4] апекаю. [5] даручэння. [6] пісьмо. [7] распіску. [8] вэксаль, даўгавая распіска. [9] убачыўшы. [10] даверыўся. [11] хутка. [12] манастыр. [13] скіпетр, царскае жазло. [14] перамогі. [15] апіска ў слове «кельні». [16] будучым. [17] Паводле біблії, першыя людзі на зямлі.

На тых мѣст [1] пришло ми выразумене и побудка з дару духа святого (як тому простым сердцем вѣрую), же униаты волею своею од рымлян [2] ошуканы, а римляне мяновите в постановеню бозском и порядку духовном ошуканы от шатана [3] проклятого. Образ богородици и тое справует, абы всѣ и геретици [4] узнали, же ест правдиве кролевою небесною и добродѣйкою великою всему народу людскому, ведлуг прироженя, а затым и всѣ святыи божии. Крест знаменует (як хоругов гербовая) присте Христово на суд справедливый барзо-барзо прудко [5]. «Ознаймуй же, Афанасий, о тых справах моих и неодкладне волай, голоси, як труба найкриклившая, верещи [6], бо час тому. Абы вси, що именем Исус Христовым титулуются, до направы пришли, то ест: отщепенци и геретики, лютеране, ариане, нуриане, сасове, звинглиане [7] и иншие тым подобные, што ено вѣруют в Христа господа, абы в порядок правдивый, духовный, седми сенодами постановленый, пришли, то ест: на правицу тепер прихилилися и прилучили, бо врихлѣ [8] не будут часу мѣти до покуты. А войну мѣти с потребы и слушне с поганы и невѣрными Христови, абы был над всѣми еден пастыр Исус Христос, а не папеж, и една овчарня Исус Христова, а не папежова, бо теж не папеж в евангелии святом мовит: «ины овца имам, яже не суть от двора сего, и тыя ми подобает привести и глас мой услышат, и будет едино стадо и един пастыр» [9].

Таковою теды я, нендзный Афанасий, волею бозскою, примушоный будучи, южем [10] был почал се и готовати на высоким театрум свѣта того, сейму, мовлю, валного, а Полщи будучого, пред всѣм гмином [11] людским: в костелѣ, под бытность вашой королевской милости, по прочитаню евангелии, в казаню [12] поднести писаня в килкадесят фастикулах з образами пречистои богородици Купятицкой и з гисториею московскою (як и на прошлом леймѣ в сенатѣ), а розным станом коронным и великого князства Литовского, также купцом чужеземцом (которыи если бы были), на розных мѣстцах потрафляючи [13] в найлѣпшее оголошене зачатую справу подати и обяснити, за причиною [14] пречистои богородици и всѣх святых, чого по нас в тых схилку лѣт и страшного суду бог всемогущий потребует.

Що ж я, нендзный робак [15], за обмову о собѣ дам, гды то творца мой Исус Христос и матка его пречистая богородица Купятицкая так трудную, дивную и барзо великую справу и послугу на мене покорного, як на быдлятко Валаамово [16], вложити зезволили? О, Исусе Христе, мой одкупителю! Чи не волѣл бым я, нендзный, сидѣти в монастыру, як другии духовные отцеве и братиа мои, молячися тебѣ, творцу моему, за себе и за всю владзу, духовную

---

[1] тым часам. [2] каталікаў. [3] сатаны, д'ябла, чорта. [4] ерэтыкі. [5] хутка. [6] гаварыць бесперапынна. [7] прыхільнікі ерэтычных веравызнанняў з пункту погляду артадаксальнай царквы. [8] у хуткім часе. [9] гл. «Евангелие» ад Іаана, гл. 10, ст. 16. [10] ужо. [11] натоўпам, зборышчам. [12] у пропаведзі. [13] здолець, змагчы, справіцца. [14] за хадайніцтвам. [15] чарвяк, нікчэмны чалавек. [16] Валаам — біблейскі прарок.

и свѣтскую, а особливе за добродѣев моих? Чи не уважалем я того собѣ? Уважалем и уважаю, дивуючися непонятным справам его святым. Подаю то до побожного уваженя вашей кролевской милости, пану и добродѣеви мнѣ велце милостивому. Што бым я мѣл чинити нендзный человѣк, простак, гарбарчик [1], калугер [2] убогий межи монархами свѣта, вашою кролевскою милостью и царом московским, гды бы не было в том особливой воли и опатрности бога в тройци святой единого? Поневаж [3] сам рачит мовити: «без мене не можете творити ничего же» [4].

Русь же од патриархи константинополского, Нового Рыму, по Володимеру [5] князю з прейзреню [6] божого окрестилася року божого 987, в двадцать лѣт и двѣ по поляках. И од того там часу до патриархи константинополского в духовное послушенство и благословенство належит. Тое многим вѣдомо, а невѣдомыи нехай в Длугоша [7], каноника краковского, и в иншие лѣтописци вейзрят.

Унѣя же ест проклятая — правом доводне [8] ся показует. Хто колвек отбѣжит пастыра [9] своего власного благословенного и братства, а удастся до другога, собѣ неналежного, тот нехай будет проклятый от отца и сына и святого духа! Нехай будет и по смерти не раздрѣшен [10]. Нехай будет мѣти клятву отцев святых, што сенодовали в Никеи, и всѣх святых божиих! А той то [11] пастыр и отец духовный правдиве так везал, которому правдиве, ведлуг воли божией, межи пятми столицами духовными на том дочасном свѣтѣ с певных а тых барзо важных причин и таемниц бозских, духом святым утвороных и споряжоных, межи столицами, мовлю, пятма: константинополскою, антиохийскою, рымскою, александрийскою, иерусалимскою, — едина владза и ровность духовной владзы з иншими столицами константинополской дана ест; владза правдивым порядком звязовати и розвязовати, ведлуг росказаня Христова: «глаголю вам, его же свяжете на земли, будет связан и на небеси, а его же раздрѣшите на земли, будет раздрѣшен и на небеси» [12].

Хто того не вѣдает, же унит тот, который одбѣг пастыра своего власного для своее воли, ест правдиве проклят, а меновите тот, который без споведи и покаяния належного изшол з того свѣта.

Вѣдати и тое потреба, як Люциперови [13] з найвишшого неба зтручене [14], так унитови з церковного неба для пожаданя столка сенаторского, проклятство ся стало. Грѣх содомский [15] и иншие великие своеволи в велебных отцев для певных сродков опущаются, леч пыха [16] проклятая найбарзѣй ся ганити мусит.

---

[1] падмайстра скурніка. [2] манах, пустэльнік. [3] таму што. [4] спасылка на «Евангелие» ад Іаана, гл. 13. [5] Уладзімір — вялікі князь кіеўскі да 1019 г. [6] з волі. [7] польскі гісторык Ян Длугаш (1415—1480). [8] выразна, грунтоўна, дакладна. [9] на полі рукапісу ёсць прыпіска: «власть епископа Хребтовича Богуринского». [10] апраўдан. [11] на полі прыпіска: «владза патриаршая». [12] гл. «Евангелие» ад Матфея, гл. 18, ст. 18. [13] біблейскі архангел, адвержаны богам. [14] падание. [15] біблейскі горад Садом, вядомы з паданняў вялікай распустай яго жыхароў. [16] пагарда, ганарыстасць.

Потий[1], перед владыцтвом каштеляном[2] берестейским будучи, мѣл столок в сенатѣ. Гды зась зостал владыкою[3], оного ему умкнено[4]. Зачим розумѣючи о собѣ много, в розных особах и у пана виленского Ходкиевича порады шукал и бадался[5]. «Чему то под кролем полским волности маем сполные[6], а не засѣдаем столков з бискупами?» Теды духовные рымские порадили оному, же «за причиною короля пана: гды будете мѣти од отца святого, Старого Рыму папежа, благословенство, то латво[7] вам будет мѣти межи нами и столок сенаторский». Потий теды, для самого столка сенаторского, з Терлецким, з Рогозою[8] и з иншими наслѣдовцами своими, таемне намовившися, выборнѣйших людей правовѣрных з народу российского так княжат, панов, яко и земян обывателей нѣкоторых, в реестр[9] списал, именем всей церкви российской православной восточной, здрадливе, не помнячи на клятву, которую и сам на себе писал и выдал, рымскому папежови, ведлуг принятя вѣры и креста святого до народу российского неналежачому, послушенство оддал. Еднак, за тое столка не одержал. Толко, з похлѣбства[10] ксиенжий и порады их особливой, ласку кролевскую в оборонѣ тоей унѣи и фундаций[11] их церковных до сего часу мѣл.

Од того теды часу, взявши ненависть, за злою офѣрою своею и за непорядным уроженем ся и той проклятой унѣи, як Каин Авеля и Измаил Исаака[12], так проклятый унит православного брата своего забиял и преслядовал. И аж по сесь час за помочью похлѣбцов и противных правды святой ведлуг часу за попущенем божиим що хотѣл, то броил[13]. Людей убогих вшелякого стану так в братствах церковных, як и в радах[14] вшеляких, судовых и цеховых будучих, потваряючи[15] незбожне зо всего, що мают православные христиане з вѣры православной, з сумненя чистого, з славы доброй и маетности[16] и зо всего почтивого злуплял, торгал и шарпал и розмаите мордовал и забивал. А над то — що болшая — церкви печатовал, одбирал, нищил, вниввеч оборочал. Набоженства сумненью побожному волного заборонял. В мѣстах, в мѣстечках и селах, в добрах[17] кролевских и шляхетских, як то в Люблини, Сокалю, в Бѣлску, в Полоцку, в Витепску, Острогу, Лвови, Грубешови, в Белзи, Кобрыню, Берестю и в инших, аж назбыт прикрости и злости выражал и преслядовал. В многих розных мѣйсцах в панствѣ том христианском непотребные колотнѣ[18] для той проклятой унѣи аж по сесь час дѣялися. Наостаток, и з козаками внутрняя война непотребная для той унѣи проклятой была. Для тоей милость

---

[1] Адам Пацей, у духоўным званні Іпацій (1541—1613), епіскап брэсцкі і ўладзімірскі; пасля пераходу ў унію з 1599 г. і да смерці — уніяцкі мітрапаліт. [2] адміністрацыйная пасада накшталт губернатара. [3] епіскапам. [4] пазбавілі. [5] пытаўся. [6] агульныя. [7] лёгка. [8] Кірыл Тарлецкі, уніяцкі луцкі епіскап; Міхаіл Рагоза, уніяцкі мітрапаліт да 1599 г. [9] спісак. [10] падхалімства. [11] уладанняў. [12] Каін і Авель — сыны Адама і Евы. Ізмаіл сын Аўрама ад Агары, а Ісак сын Аўрама ад Сары. [13] рабіў зло. [14] аб'яднаннях. [15] узводзячы паклёп. [16] уласнасці. [17] уласнасці, маёнтках. [18] сварка, вайна.

немал во всѣх высхла. Для тоей похлѣбства, лакомства, зазрости, з(д)рады, нецноты [1], а найбарзѣй пыха ся проклятая замножила. Для тоей и порядок духовный и свѣтский юж-юж погинул, о котором сами уже волают: «нерядом стоимо». Ото ж тепер порядок ведлуг воли бозской стает. Тепер час наступил роздѣленья благословенных од проклятых. Тепер гнѣв справедливый бозский и суд его страшный на лѣвицу [2] пришол. Хто мает уха до слуханя, нехай слухает, што ся то голосит, ведлуг часу, мѣстца и потребы.

А що нѣкотории мовят: «кролю пану до вѣры не належит; же волно як хотѣти вѣрити». Так ест. Не винен кроль пан, гды хто в духовной справи блудит. Але же, за помочью кролей их милостей тоя унѣя проклятая в панствѣ том христианском з допущеня бозского стала. Треба справедливым судом, в часѣ замироном [3], ведлуг воли бозской, абы за помочю кролевскою и упала. А хто ж замѣшаня в дому повинен успокоити, если не господар, звлаща добрый и чулый в повинностях своих? Велебные отцеве певне юж того не поправят, бо самым им впрод треба ся поправити! Юж тут диспутации не треба! Прейзренем то бозским на елекции [4] щасливой медиатором [5] покою был ваша кролевская милость в той справи. А на коронации з присягою зашла обѣтница [6] грунтовне успокоити. А чему ж ся не успокоила? Нехай же ся успокоит, бо юж час пришол! Нехай кождый при своей сторонѣ, як собѣ подобал и заслужил, при той зостает: благословенный по правици, а проклятый по ливици.

Стороны Дмитровича добре ся стало, за ласкою божиею, же оного ваша кролевская милость, пан мой милостивый, як правдивый в приазни до кождого, на признанье чим ест до царя московского послати рачил. Неслушно бовѣм [7] пану, з натуры и з дару особливого бозского так будучи справедливым, мѣшатися в справы несправедливые. Лацно [8] познати кождому, гды бы был з Мнишковны, воеводзианки сендомирской, Дмитровичом. Значная ест фамилиа их милостей панов Мнишков! Як пан кухмистр коронный, староста Осецкий, и иншие одозвали бы ся в повиноватцтво [9], гды ж то великая реч быти правдивым царским сыном. До того еще з уст небожчика Сапеги, гетмана, слышалем, гдым педагогом был. Просилем килима [10] обити ему над лужком [11], теды голосно з гнѣвом рек: «На що обитя над лужком? Хто его вѣдает, хто он ест». Я на то реклем: «невѣжаючи [12] шляхетские дѣтки при педагогах своих школные пытаются в кого бы был в опецѣ». То он помысливши, заледве казал килимок и колдерку купити. Я потом врихлѣ законником зосталем и тепер волею божиею в том ся найдую. Ово згола сумматим [13] мовится: не на доброе он тут в титули царском почал ся ховати, бо много злого през него, як през инструмент який, своволною купою а хитростями барзо мудрих людей

---

[1] заганы. [2] суд прышоў на грэшнікаў. [3] вызначаны час. [4] выбарах. [5] пасрэднікам. [6] абяцанне. [7] бо, таму што. [8] лёгка. [9] у радню. [10] дыван. [11] ложак. [12] не зважаючы на гэта. [13] адным словам.

шатан проклятый, за допущенем бозским, мог бы броити[1]. Звлаща[2], гды бы ся повело шатанови в цесарской[3] сторонѣ, иншие рѣчи потом вѣдомы будут, бо «нѣсть тайно, еже не откриется»[4].

Обѣдвѣ тыи справы так о Дмитровича, як и о успокоене грунтовное вѣры православной грецкой, кладу на шали[5] уважного[6] розсудку вашой кролевской милости, пана мнѣ милостивого. Вѣдаю, же лацно будет и справедливость святую познати, звлаща, гды не от тѣла и в тѣли тквячим[7] мниманьем[8], але без заслоны от души и в души мешкаючим правым розумом тую так великую, ясную и важную реч будут мѣрковати. Бо «до такой помѣри[9] (з Липсиушом[10] и Диоенисом[11] филиозофами рекну) треба розуму, а не шнура».

Войска арматные[12], гды бы были милион милионами, трудно з богом правдивым воевати; кождый тое вѣдает. Еще и тое докладается: войска, противные богу и росказаню и спораженю[13] его, не видячи неприятеля, сами ся порѣжут през незгоду свою. Треба тое памятати, абовѣм бог всемогучий в часи замѣроном як хто згрѣшит, так и карает: неряд нерядом[14] стирает, который ся тут неряд аж назбыт замножил, звлаща в велебных преложоных.

А запытает ли хто: «Чи пророк ты, што то мовиш?» В покори[15] сердечной одповѣм[16]: «не пророк, толко слуга бога сотворителя моего, посланый ведлуг часу, абым правду кождому мовил». Еще ли хто запытает: «А хто ж того з тобою свѣдком?» В боязни божой одповѣдаю: «таемницы его святыи не потребуют великого выбадываня[17], толко вѣры. Моисей[18] сам видил купину горящую а незгоряемую. Также Пётр святый — плащеницу[19] ему спущеную з розными гадинами, абы колол и ѣл[20], сам видил, а вси, дивуючися справам дивным бозским, тому вѣруемо. Того ж и тут потреба, гды ж вѣра не выдворная[21] фундаментом ест кождому в збавене, которая на доброй воли человѣчей зависла».

О непорядку костела рымского в другом на-дол стопню[22], з воли бозской и часу замѣроного (звлаща, гды перший стопень щасливе в скутку[23] своем зостанет), от кого колвек правдиве ся укажет. Мене зась, нендзного Афанасиа, бог сотворитель мой на тое власне послал, абым впрод о вынищеню проклятой унѣи оголосил и объяснил, которую послугу волею его святою и помочью пречистой богородици с повинности моей православно-служебничей досит учинилем, як то видити рачите. Згола ест на воли кождого вѣрити тому и не вѣрити. А я, на остаток, и в пѣсни, в турмѣ зложоной, се оголошаю нотно в тые слова.

---

[1] мог бы рабіць зло. [2] асабліва, тым больш. [3] царскай. [4] спасылка на «Евангелие» ад Лукі, гл. 8, ст. 17. [5] вагі. [6] здаровага. [7] прадузятым. [8] меркаваннем. [9] справы. [10] Юст Ліпсій — грэчаскі філосаф. [11] Дыяген — грэчаскі філосаф. [12] узброенымі войскамі. [13] упарадкаванню, распараджэнню. [14] непарадак непарадкам. [15] рахманасці. [16] адкажу. [17] выпытвання. [18] біблейскі прарок. [19] вялікі кавалак матэрыі з намаляваным Ісусам Хрыстом у дамавіне. [20] спасылка на апостальскія «Деяния», гл. 10, ст. 11—12. [21] фанабэрыстая. [22] артыкуле. [23] вынік, поспех.

Даруй покой церкви своей, Христе боже,
Терпѣти болш, не вѣм [1], если хто з нас зможе.
Дай помощ от печали [2],
Абысмы [3] вцѣли [4] зостали

В вѣри святой непорочной в милы лѣта,
Гды ж приходят страшные дни в конец свѣта!
Вылучаеш, хто з нас, пане,
По правици твоей стане.

Звитяжай [5] же зрайцов [6]: первѣй униатов,
Препозитов [7], также и их номинатов [8],
Абы болш не колотили,
В покою лѣт конец жили!

Потлуми всѣх противников и их рады,
Абы болшей не чинили гнѣву и зрады
Межи греки и рымляны [9],
Гды ж то люд твой ест выбраный!

Пришол той час роздѣленя з проклятыми.
Не зъѣст хлѣба ошарпанец з везваными [10].
До темности [11] каже втрутить [12],
Звязаного в вѣки мучить.

Тут юж злости антихриста! Униате,
Кламцо и похлѣбцо [13], рожоной лжи брате!
Памятайся в своей злости,
Зажий на собѣ литости.

Пекло на тя горящее зготовано.
Гордость твою и думы зле бы спалиано.
Стережися того огня,
Не вѣр диаблу рукоимя [14].

Для тебе то церков грецка ляментует:
В многих мѣстцах много утисков приймует.

---

[1] не ведаю. [2] смутак, журба. [3] каб мы. [4] непарушнымі. [5] перамагай, знішчай. [6] здраднікаў. [7] старэйшы сярод рымска-каталіцкіх прэлатаў. [8] епіскап, які ўжо прызначаны, але яшчэ не пасвячоны папаю. [9] паміж людзьмі праваслаўнага і каталіцкага веравызнання. [10] прывілеяванымі. [11] турмы. [12] укінуць. [13] паклёпнік і падхалім. [14] наіўна, шчыра.

Перестань же такой злости.
Не чини болш юж прикрости.

Не барзо тебе Рым прагнет и латина [1].
Може бовѣм обыйтися без русина.
Навернися до всходней
Церкви своей святой.

Поможет в том пречистая и святыи,
Молитвы свои даючи приемныи.
В славу богу своему,
В троици святой единому,

Будь же сыном православным, униате!
Ест покута живым людем, милый брате!
Христос то тебе взывает
И пречистая чекает.

Просит за тя з плачем горким в трубѣ страшной
Матка сына в крижу, мовячи мнѣ, жалосной:
«Тепер человѣк ласку мает,
Напотом болш не узнает».

Хвалим же вси Христа и творца нашего,
Же нам дал юж матку неокрутно [2] его!
Рѣч святая и знаки неомылны [3]
Суть на вѣки. Амин».

При том, с повинности моей духовной, в особѣ всей церкви всходней, молитвы святыи в побожность и приняте ласковое вашой кролевской милости, пана мнѣ милостивого, залецивши, цѣлым сердцем прагну, абы бог всесилный вашу кролевскую милость зо всѣм пресвѣтлым сенатом и панством в долгофортунные лѣта благословил и помножал панство и справовал найлѣпший ряд [4]. Не толко з добрых планет: Меркуриус, Геркулес, Иовишов сын, але сам творца всѣх тых Исус Христос, сын правдивого бога отца з духом пресвятым, за повабою [5] и ублагословенем пренаймилоснѣйшой Венеры, Марии, пречистой богородици, кролевой небесной, абы имя тое вашое кролевское милости, Владислав, на земли и на неби з годными богу владнуло [6] славою на вѣки, — того вѣрне сприяючи, и облюбеницу [7] мѣти з Москвы [8] зычу. Бо и в том значное, даст бог, будет над вашою кролевскою милостю благословенство его святое в нынишнем и в будущем вѣку. Амин.

---

[1] каталіцкая царква. [2] не лютую. [3] непагрэшны, справядлівы. [4] парадак. [5] позывам. [6] царавала, ганарылася. [7] нявесту. [8] Афанасій Філіповіч, напэўна, меў на ўвазе адну з дачок рускага цара Міхаіла Фёдаравіча. Магчыма Ірыну, да якой сватаўся дацкі прынц Вальдэмар.

ВЕРШАВАНАЯ ЛІТАРАТУРА БЕЛАРУСІ XVI—XVII ст. ст.

У пачатку XVI ст. пад уплывам чэшскай і польскай літаратур у беларускай літаратуры ўзнікае новы, да гэтага часу ёй зусім невядомы від мастацкай творчасці — паэзія. Першы, хто пазнаёміў тагачаснага беларускага чытача з гэтым відам літаратуры, быў Георгій Лукіч Скарына. Перакладаючы з чэшскай на беларускую мову кнігі «Бібліі», Скарына ў сваіх прадмовах даў першыя абразкі сілабічнага вершаскладання. Так, у прадмове да кнігі «Исход» ён у 1517 г. выклаў змест царкоўных запаведзяў вершамі:

...Помни дни светые святити,
Отца и матку чтити!

Не забивай ни едина,
И не делай грѣху блудна!

Не вкради, что дружнего,
А не давай сведецства лживего!

Не пожедай жены ближнего,
Ни имения или речи его!

Пазней, калі разгарэлася палемічная барацьба вакол Брэсцкай уніі 1596 г., а кнігадрукаванне ў Беларусі набыло шырокі размах, сілабічныя вершы ўсё часцей і часцей сталі з'яўляцца на першых старонках богаслужбовых кніг. У сваёй пераважнай большасці вершы гэтыя ананімныя і па свайму характару з'яўляюцца панегірыкамі, прысвечанымі таму або іншаму магнату, герб якога апяваўся ў гэтых вершах, як герб магната-абаронцы праследуемага ў той час праваслаўнага веравызнання. У літаратуру гэты від панегірыкаў упершыню ўвёў Андрэй Рымша. З лёгкай рукі Рымшы панегірыкі, або як іх тады называлі «епикграмы», сталі звычайнай з'явай у тагачаснай літаратуры.

Паколькі вершаў гэтага віду захавалася да нашага часу нямнога, а выданні, у якіх яны надрукаваны, з'яўляюцца бібліяграфічнай рэдкасцю, укладальнік хрэстаматыі палічыў мэтазгодным змясціць у хрэстаматыі ўсе гэтыя вершы.

Другім відам вершаў, якія сустракаюцца ў друкаваных кнігах разглядаемага часу, з'яўляюцца вершы дыдактычныя, або павучальныя. Сустракаюцца яны толькі ў творах палемічнай літаратуры. Да нашага часу захаваліся толькі тры вершы гэтага віду: два ў кніжках палемічнай літаратуры («Вопросы и отвѣты православному з папежником» 1603 г. і «Апокрисис» Хрыстафора Філалета, выдадзены ў 1597—1599 гг.) і адзін верш у рукапісным экземпляры Літоўскага статута першай рэдакцыі (1529 г.).

Вершаў, прасякнутых грамадскімі матывамі, пафасам барацьбы супроць прапаведнікаў уніі і каталіцызма сярод беларусаў, як і вершаў лірычных да

нас дайшло вельмі мала і не таму, што іх больш не было, а таму, што для захавання іх у Беларусі, якая доўгі час была арэнаю гістарычных бітваў, не было спрыяльных умоў. Вершы з гэтага цыкла захаваліся да нашага часу толькі дзякуючы выключным абставінам (маюцца на ўвазе вершы з рукапіснага спіска «Дзіярыуша» Афанасія Філіповіча). Гісторыя беларускай літаратуры эпохі феадалізма ведае шмат прыкладаў, калі яе помнікі знікалі ўжо ў XIX ст. Так у сярэдзіне XIX ст. знікла кніга Сымона Буднага «Апраўданне грэшнага чалавека», выдадзеная ў другой палавіне XVI ст. у Несвіжы; знік зборнік вершаў, прысвечаны смерці Л. Карповіча, пад назвай «Лямент», выдадзены ў 1620 г. у Вільні, і інш. Гэтым і тлумачыцца беднасць паэтычных помнікаў старажытнай беларускай літаратуры. А між тым вершаскладанне ў Беларусі XVII ст. было шырока распаўсюджана. Што гэта было так, сведчыць паэтычная спадчына С. Полацкага, якая заключае ў сабе вялікую колькасць вершаў, разнастайных па свайму жанру.

АНДРЭЙ РЫМША

Біяграфічныя звесткі аб Андрэю Рымшы надзвычай бедныя. Нам невядомы даты яго жыцця і дзейнасці. Нічога невядома аб тым, дзе і калі ён нарадзіўся, дзе, калі і якую атрымаў адукацыю, якую службу нёс пры двары магната Хрыстафора Радзівіла, якімі сувязямі быў звязаны з віленскай друкарняй Мамонічаў, чым была абумоўлена яго літаратурная дзейнасць і г. д.

Літаратурная спадчына Рымшы, якая захавалася да нашага часу, невялікая і адносіцца да XVI ст. З паэтычных твораў Рымшы да нас дайшлі толькі яго «Храналогія» і тры вершы панегірычнага характару, якія былі надрукаваны ў свой час у віленскіх выданнях друкарні Мамонічаў і прысвечаны магнатам: Астапу Валовічу, Льву Сапегу і Фёдару Скуміну.

«Храналогія», надрукаваная 5 мая 1581 г. Астрожскай друкарняй на Украіне, паводле сцверджання акад. К. В. Харламповіча, гэта першы вучнёўскі твор Рымшы, напісаны ім, магчыма, у Астрожскай школе, бо «калі лічыць яго (верш. — *А. К.*), — мяркуючы па некатораму знаёмству аўтара з яўрэйскай моваю, — творам настаўніка, то ён ва ўсякім выпадку захоўвае характар школьнай работы, а не вучонай» [1]. Гэтага погляду прытрымліваліся акад. В. Н. Перетц [2] і акад. Е. Ф. Карскі [3].

Літаратурнае значэнне «Храналогіі» А. Рымшы невялікае. Звесткі, якія сустракаюцца ў ёй, для нас не прадстаўляюць асаблівай цікавасці, апрача назваў месяцаў, пададзеных Рымшаю на трох мовах: тагачаснай літаратурнай мове, яўрэйскай і простанароднай, разгаворнай мове. Падобныя звесткі часта можна сустрэць у асобных артыкулах, змешчаных у некаторых славянарускіх зборніках. Мэта такіх артыкулаў, як і «Храналогіі» Рымшы, заключалася ў жаданні аўтараў даць «благочестивому» чытачу ўяўленне аб важнейшых для хрысціянства біблейскіх здарэннях, якія адбыліся быццам некалі, у адпаведныя дні календара (гл. зб. XV ст. — Дзяржаўнай бібліятэкі імя У. І. Леніна ў Маскве № 2515). З фармальнага боку «Храналогія» Рымшы прадстаўляе сабою дванаццаць пар рыфмаваных сілабічных двухрадкоўяў. Мова вершаў беларуская, блізкая да мовы канцылярскіх папер таго часу. Верш 12- і 13-складовы, а цэзураю пасля сёмага складу, набывае характар размернай мовы.

З 1585 г. Андрэй Рымша пражываў у Вільні. Вядома толькі, што за

---

[1] К. В. Харлампович. Западнорусские православные школы XVI и начала XVII вв., Казань, 1898, стр. 252.

[2] В. Н. Перетц. Историко-литературные исследования и материалы, т. I, Спб., 1900, стр. 76.

[3] Е. Ф. Карский. Белорусы, т. 3, вып. 2, Петроград, 1921, стр. 130.

час свайго жыцця тут ён напісаў вершы аб гербах Астапа Валовіча (1585 г.), Льва Сапегі (1588 г.), Фёдара Скуміна (1591 г.). Пазнейшых паэтычных твораў Рымшы няма.

Дайшоўшыя да нас вершы Рымшы сведчаць аб тым, што аўтар іх з цягам часу авалодаў тэхнікай верша, і вершы яго па свайму метрычнаму размеру сталі больш вытрыманымі ў параўнанні з «Храналогіяй». Усе гэтыя вершы пачынаюцца з агульных размоў, пасля якіх аўтар дае апісанне і тлумачэнне кожнага сімвала ў гербе, якому прысвячаецца верш. Канчаюцца вершы радам пажаданняў ад асобы аўтара тым магнатам, чые гербы ён апявае. Па сваёй пабудове гэтыя панегірыкі Рымшы трафарэтныя, мастацкія сродкі іх небагатыя, унутраны змест вузкі, але яны не згубілі для нас сваёй цікавасці як гістарычны дакумент. Па іх мы можам меркаваць, па-першае, аб існаванні і пашыранасці ў старажытнай беларускай літаратуры жанра панегірычнай паэзіі, узорам якой з'яўляюцца вершы Рымшы, па-другое, аб адносінах тагачаснай інтэлігенцыі, у ліку якой быў і сам Рымша, да магнатаў.

Тэксты паэтычных твораў Рымшы друкуюцца па першавыданнях, якія зараз захоўваюцца ў бібліятэках Ленінграда.

Апрача вершаваных твораў Рымшы, вядомы яшчэ і яго празаічныя творы. Так, у 1585 г. ён напісаў «Decretoros acroama, to iest dziesięcioroczne powieści woiennych spraw Krzysztofa Radziwiłła». У 1593 г. Рымша пераклаў з лацінскай мовы на польскую, а ў 1595 г. выдаў «Chorographia albo Topographia, to iest osobłiwe a okolnie opisanie ziemie świętey z wypisania oney ludzi pewnych, tam bywałych, teraz niedawno z Lacińskiego ięzyka na polski przetłumaczona przez Andrzeia Rymszę Litwina, sługę jego x. Mości y pana Krzysztofa Radziwiłła...» Гэтая «Тапаграфія» Рымшы ў XVII ст. была перакладзена ў Маскве на рускую мову. Творы Рымшы на польскай мове ў хрэстаматыю не ўключаюцца.

КОТОРОГО СЯ МЕСЯЦА ШТО ЗА СТАРЫХ ВЕКОВ ДѢЕЛО КОРОТКОЕ ОПИСАНИЕ [1]

Месяца сентебра, по гебрейску елюль, просто вресень.
Двадъцать четвертого дня месяца сенътебра
Дороблен Еросолим, сталася реч добра.

Месяца октовриа, по гебрейску тышри, просто паздерник.
Арха[2] з Ноим[3] на горе станула на суши.
Другий потоп не будет, так нам писмо туши [4].
октоврия 17 дня.

Месяца ноемвриа, по гебрейску маргеусам [5], просто груденъ.
Жидом свято уставил тут царь Еровоам.
Мы о свои не дбаем, не велми ж добро нам.
ноемврия 15 дня.

Месяца декавриа, по гебрейску хашлеу, просто просинец.
В том месяцы Исус Христос народился нам.
Не хто иный, тот избавил души наши сам.
декаврия 25 дня.

Месяца генуара, па гебрейску тебет, просто стычень.
Чужоземъские мудръцы Христа привитали,
Злато, ладан и миру яко пану дали.
генуара 6 дня.

---

[1] Тэкст пададзены па першадрукаванаму экземпляру Ленінградскай бібліятэкі імя Салтыкова-Шчадрына (1. 2. № 3). [2] каўчэг. [3] біблейскі божы ўгоднік. [4] сведчыць. [5] павінна быць «мерхешван».

Месяца февраля, по гебрейску себат, просто лютый.
Смотри як то голубка Ноаху[1] служила:
Мы о бога не дбаем, только б злость плужила.
февраля 18 дня.

Месяца марта, по гебрейску адар, просто марец.
В том месецы господа жиды крижовали,
Собѣ лихо, нам добро тым паном зъеднали.
марта 25 дня.

Месяца априля, по гебрейску нисан, просто кветень.
Жидове сухо прошли Чирвоное море.
Кормил их бог на пущи, не было им горе.
априля 14 дня.

Месяца мая, по гебрейску ияр, просто май.
Ной арху готует божим повелением,
Абы в потоп не згинул з своим поколеньем.
мая 10 дня.

Месяца июня, по гебрейску сыван, просто чырвец.
Ужо воды въсих топят. Ноах в корабль вошол,
Знать, иж богу кланялъся, прото ласку знашол.
июня 27 дня.

Месяца июля, пе гебрейску тамус, просто липец.
Моисий побил таблицы з приказаньем божим.
А мы грешим што часок, ни ся страхом трвожим.
июля 17 дня.

Месяца августа, пе гебрейску аов либо ав, просто серпень.
В том месецы Аарон умер, божий ерей.
Того собѣ на приклад ты, попе, завжды мей.
августа 1 дня.

НА ГЕРБ ЯСНЕВЕЛЬМОЖНОГО ПАНА ОСТАФЕЯ ВОЛОВИЧА, ПАНА ВИЛЕНСКОГО И ПРОЧИХ[2]

Што двѣ стрѣлы, што врубы, што лелеи значат,
То вси люди мудрые вельми горазд бачать,
Которых зацный тот дом за герб уживаеть.
Вѣрь мнѣ, иж там господу цнота свою маеть.

А. Р.

НА... ГЕРБЫ... ЛЬВА САПЕГИ

Въсе можем своим оком лацно[3] обачыти.
Должъыню и шырокость шнуром назначыти[4].
И чоловека можем познати по твары,

---

[1] Ною. [2] Тэкст пададзен па друкаванаму экземпляру бібліятэкі імя Салтыкова-Шчадрына (1. 5. № 41). [3] лёгка. [4] вызначыць.

Если в собе не маеть лишнее привары.
Але, где цнота собе обрала оселость,
Там ростроп есть до всего и мужьская смелость,
Которая зацные завжды домы буди
И клейноты [1] розъдаеть. Тыми слынуть люди,
Бо такие николи з света не изъходеть,
Але один по другом в веки славу плодеть.
Хочеш же ся присмотреть? Герьбом, праве, значным
Зараз можеш познати, иж суть в дому зацным
Зъдавна славных Сапегов. Тые в предков своих
Заквитывали в цнотах, знать в лилиях троих,
При которих з оружъем конъный воин стоить
Знаком того, иж ся з них ни один не боить
Служить своим сподарем ку кождой потребе,
Не литуючи скарбов, ни самого себе.
К тому видиш, як в локоть постренна рука.
Видиш, иж в скрозь из туга з пострелного лука.
Такий пострел никого дома не потъкаеть.
Одно, — хто поганьские полъки розъриваеть.
В тых же геръбех посредку есть стрела, а крестами
Двема, а третий блиско, осажон лунами.
Тые знаком, иж они болш для хрестиянства
Клали здоровье свое, не смотречы паньства.
Смотри ж вышей! Узриш там над сельмом коруну,
Которая даеть знать, иж там бог фортуну
И цноту з силъным мужъством сполне [2] коронуе,
Чого у них ани моль, ни ржа не попсуе.
Живете ж Сапегове вси в многие лета!
Ваша слава слыть будеть, покуль станеть света!
Подавайте ж потомъком, што маете з предъков!
Веже и ваших цных справ въвесь свет полон светъков [3].

НА ГЕРБЫ ЯСНЕВЕЛЬМОЖНОГО ПАНА, ПАНА ТЕОДОРА СКУМИНА, ВОЕВОДЫ НОВГОРОДСКОГО. ЕПИКГРАММА

Не простым людем гербы з неба посылают,
Яковый Скуминове в своим дому мают.
Як звезда над луною хорошо ся блищить,
А светла месечного бынамне [4] не нищыть,
Так обое свѣтлятся ровно окром хмары,
Як слава у Скуминов маеть свои дары.
Бо ним далей тым ясней в славу ся подносять,

---

[1] каштоўнасці. [2] сумесна. [3] Тэкст пададзен па экземпляру Літоўскага статута 1588 г., які захоўваецца ў бібліятэцы Ленінградскага універсітэта. [4] ніколі.

Урадами зацными под небо выносять.
Мог бы въместо месеца сонцо там отдати
И въсе небо з знаменми до него придати,
Бо так тот дом Скуминов в Литве ясне слынеть[1]
И будет завъжды слынуть, поки свѣт не минеть.
Смотри ж, як реки текут, а все три зъгодливе!
Вер, иж было где смотреть, а не похлебливе[2],
Бо не по одной реце плавал и з делами,
Служечы господару розумом, силами,
Не чужому, своему, и отчызне милой,
Трафлаючи[3] недруга, по шыи отылой.
Тот герб здавна в его дом з матки назначоно,
Бо такие прыметы у нем обачоно.
Иж водные послуги мѣл отправовати,
Тым ся господарови и въсим подобати.
К тому еще два гербы видиш быть насподе[4],
Тых достали предкове его на свободе
Будучи. А цнотою оных доставали.
Веру з мужством отчызне своей заховали.
Вер ми, гербов не дають в дому седящому,
Але з татарми в полю часто гулящому
Не з голою рукою, з шаблею острою,
Завжды будучы готов до смертного бою.
Жыви ж з тыми гербами ты, зацный Скумине,
А буяй в своей славе на веки и ныне![5]

А. Р. Литвин.

АНАНІМНЫЯ ВЕРШЫ

НА ГЕРБ ЗАЦНОГО ДОМУ ЕГО МОСТИ ПАНА ЛУКАША ИВАНОВИЧА МАМОНИЧА, СТАРОСТЫ ДИСНЕНЬСКОГО И СКАРБНОГО[6] ВЕЛИКОГО КНЯЗСТВА ЛИТОВСКОГО

Ни кое[7] ино добро не величить тако
Мужа, благородству подобящася всяко.
Срам, убо малитися в них же, побѣждати.
Срамнѣе ж побѣждати, в них же ся малити.
Ниже в похвалении есть ино любезнѣе,
Яко же егда имать что рещи полезнѣе.
Не преподобно убо о благих молчати,
Яко же и не таяжде[8] воспоминати.

[1] славіцца. [2] не лісліва. [3] сустракаючы ворага ўдарам па шыі. [4] унізе. [5] Тэкст пададзен па экземпляру «Апостала» 1591 г., які надрукаваны ў Вільні і захоўваецца ў Ленінградскай бібліятэцы імя Салтыкова-Шчадрына. [6] казначэй. [7] ніякага. [8] таіўшыся.

Стрѣла убо воздух прерѣзуе высоко,
Туголучно испущена летит широко.
Крест же паче сея небеси ся касает,
Сего носяй свѣтлѣе паче всѣх бывает.
Ты же ми богомысльне взирай на обое:
Велико бо едино, много паче двое.
Силно пачествовати мертвена чоловѣка —
Добродѣтелми, сокровища оного вѣка [1].

КНИЖКА ДО МИНАЮЧИХ МОВИТ

Почто [2] новых вещей вѣдѣти желаете,
Нову вещ, мене имѣя, презираете?
Отвѣт к римляном [3] православных содержаще,
Иже егда прежде вѣру цѣлу имяще
И неуничиженны отец предания,
Всѣ бяху тогда желающе молчаниа.
Нынѣ, егда повинных въ всѣх сътворяют,
Писанием же и властию попирают
Вѣру; и не хотя по нужди глаголати,
Мною на клеветы въкратцѣ отвѣщати.
Купи, читай, разсуждай, брате и тщателю,
Повинни ли повѣжд, се к благодателю
Превышнему с покаанием възвратятся,
Узриши ли яко не повинни явятся.
Желателнаго приклонениа по тебѣ,
И любовныя же помощи чают себѣ.
Аминь [4].

ВѢРШЫ АБО СТИХИ ДО ТОГО, ШТО ЧИТАЛ, КОТОРЫМ КРАЕГРАНЕСИЕ СИЦЕВО: ХРАНИСЯ ИТАЛИЯН

Хронологию старую прочитаючи,
Розумѣти не трудно, писмо умѣючи.
Анатолинская [5] церков, яко статечне [6]
На Христѣ фундованую вѣру сполечне
И з сынами своими неотмѣнне держит,
Со Христом господем збираючи не грѣшит.

---

[1] Тэкст пададзены паводле кнігі «Псалмы Давида пророка и царя... с возслѣдованием», выдадзенай у Вільні ў 1593 г. [2] чаму. [3] католікам. [4] Тэкст пададзены паводле выдання Археаграфічнай камісіі: «Русская историческая библиотека», т. VII. Памятники полемической литературы (ППЛ), кн. 2, Спб., 1882, слупок 1004. Верш уваходзіць у склад твора «Апокрисис» Хрыстафора Філалета. [5] праваслаўная. [6] цвёрда.

Якось тут в тых «Вопросѣх и отвѣтѣх» читал,
И недармом на пятдесят главизн росписал,
Тиранского шаленства абым тя свободил,
Абысь з двѣма пятдесятниками не згорѣл.
Людские упорности огнем попаляет,
Илия третего для покоры спасает.
А ты православия мужайся, народе,
Небесный цар завше с тобою ест и буде! [1]

НА ГЕРБ ЯСНЕВЕЛЬМОЖНОГО ПАНА ЕГО МИЛОСТИ, ПАНА ЛЕОНА САПЕГИ, КАНЦЛЕРА НАВЫШШОГО ВЕЛИКОГО КНЯЗСТВА ЛИТОВСКОГО, ПЕРНАВСКОГО И ПРОЧЫХ СТАРОСТЫ

Кгды в вышних набоженство станах местце мает,
И рыцеръская мужность к ней ся прилучает.
Где ростропность в порадех, справедливость в судех,
Где статечность во всяких для отчызны трудех,
Там бог благословляет, там слава значная
В тым доме заставает на вѣки тръвалая.
Тые всѣ в тобѣ цноты [2] видим знамените,
Которыми тя пан бог надарыл обфите [3].
Презацный сенаторе! Знат из вѣков давных
Тые ж ся найдовали и в предках твых славных,
Што з гербов познаваем, — крыж — знак побожности,
Рука з силным пострѣлом знаком ест мужности,
Три лелие разных цнот образ указуют,
Которые до неба простый путь справуют
И у людей еднают славу безсмертную,
Вѣк вѣком на потомъствѣ пребывающую [4].

ЕПИКГРАММА НА ГЕРБ БОГДАНА ОГИНСКАГО

Крест ся Христов славою вѣрных именует.
Им ся самым апостол хвалить росказует.
Тым ся знаком божия церков украшает
И старожитных домов зацность вывышает,
Тым ся лукавых духов гуфы [5] прогоняют
И варварских народов полки побѣждают.
Щасливый дом Окгинских, который тот мает
Клейнот [6] с продков поданый, и в ним ся кохает;

---

[1] Тэкст пададзены паводле ППЛ, кн. 2, слупок 1. Верш чытаецца ў помніку «Вопросы и отвѣты православному з папежником» (1603 г.). [2] дабрачыннасць. [3] багата. [4] Тэкст пададзены па «Триоди цвѣтной», выдадзенай у 1609 г. у Вільні. [5] атрады. [6] герб.

Кгды ж то знак набоженства и сталое вѣры.
Тым ся здавна их здобят сынове и дщеры.
А на том фундаменте вси цноты будуют,
Отчизне милой делным мужством услугуют,
Што звыкло безсмертную славу им еднати,
Которая на свѣте потым будет трвати
Поки мѣсяць и звѣзды свой бѣг справовати
И ночные темности будут просвѣщати [1].

НА СТАРОЖИТНЫИ КЛЕЙНОТЫ ИХ М. КНЯЖАТ ОКГИНСКИХ И ИХ М. ПАНОВ ВОЛОВИЧОВ

Двоякии, под гелмом еднаким, клейноты
Знаменитыи ясне выражают цноты
Двох презацных фамилий, в один дом злучоных,
В славѣ аж под самое небо вывышоных.
Тут крест старожитного набоженства знаком
И статечной вѣры в трафунку [2] вшеляком.
Тут рада, тут ростропность мѣстце свое мает,
И, як на небѣ, мѣсяц з звѣздами сиает.
Так ся тых преславныи домов блищать справы
И высоким их станом годныи забавы.
Тут стрѣлы преважную дѣялность высвѣдчают,
Тут сличный [3] цнот огород рѣки поливают,
Которыи вод живых здроем обфитуют [4]
И память з заплатою вѣчною готуют [5].

НА СТАРОЖЫТНЫ КЛЕЙНОТ ИХ МИЛОСТЕЙ ПАНОВ ХОДКЕВИЧОВ

Зацный дом Ходкевичов, значные клейноты
За высокии здавна одѣдичил [6] цноты,
Которыи тот славный славне дом подносят
И, праве, аж под небо самое выносят
И в вывашаню его никгды неустанут,
Поки мѣсяць и звѣзды свѣтити не престанут [7].

---

[1] Тэкст пададзены паводле «Книги Нового Завѣта», выдадзенай у 1611 г. у Еўі. [2] у выпадку. [3] прыгожы. [4] маюць багата. [5] Тэкст пададзены паводле «Евангелия учительного, албо казаня на каждую недѣлю и свята урочистые», выдадзенага ў 1616 г. у Еўі. [6] дасталіся ў спадчыну. [7] Тэкст пададзены паводле вышэйназванага Евангелія.

ЕПИКГРАММА НА ГЕРБ Л. САПЕГИ

Смотры як крыны, ездец и стрѣла з рукою
Звезалися, стрѣла с крестом, крест теж з лукою.
Тыи суть зобранья цнот, великий Леоне,
Которыми продков ушляхътили кролеве.
Умысл маеш вспанялы громить еретики,
Которым теж плѣниш всѣ церкви противники.
Вѣра, меч креста державы, цвите тобою,
Бо естесь з супостатами готов до бою.
Жий во всѣ лѣта! По смерти о том дознаеш,
Же милуеш бога и вѣру помнажаеш [1].

НА ГЕРБ ЕГО МОСТИ ПАНА СИМЕОНА ВОЙНЫ

Яко досыт значне трубы нам оповѣдают
Врямя брани и время побѣды, людие знают,
Паче же троегласно и троеполчъно рядимо
Послушно строителю, воистину непобѣдимо,
Происходяща же троеречна быстротекущи,
Не тры есть коръмчых, но единого имущи.
Что плавание, разве бо преподобие всяко
В дому твоем? Дары дает бог не всим единако.
Пентекерас, называют пять рог, ясна бывает
Над иншие звезды: ясность большую в собѣ мает.
Млива вонно, носяще бела, и красно зрачна.
В дому том благодать изобилна людем ест значна.
Что ж, паче мысленныя трубы, мысленныя реки,
В православии цвѣтуще, не оскудеют на вѣки [2].

НАДГРОБОК ОТЦУ АФАНАСИЮ ФИЛИПОВИЧУ, ИГУМЕНУ БЕРЕСТЕЙСКОМУ, В РОКУ 1648 ЗЕШЛОМУ

О, матко моя, церкви православна,
В которой правдиве мешкает [3] бог здавна!
Тобѣм помогал рѣчью и словами
Я, Афанасий, и всѣми силами.
А найвенцей [4] в том своего стараня
З бозскогом власне чинил росказаня,

---

[1] Тэкст пададзены паводле кнігі «Служебник», выдадзенай коштам і накладам Л. Сапегі ў Вільні ў 1617 г. [2] Тэкст пададзены паводле «Толкового Евангелия», выдадзенага братамі Мамонічамі ў Вільні ў 1595 г. [3] жыве. [4] найбольш.

Абы не была унѣя проклятая
Тут, только ты одна, церкви святая!
Тепер мусилем юж так уступити,
О кривду твою будучи забитый
От рук шляхетских под час козаччизни
В Берестю Литовском, на своей отчизни.
Пред се ты, церкви, туши добре собѣ,
Бог еще будет сам помочен тобѣ;
Найзрит в своей святой столици
До тебе, бѣдной, скажоной винници.
Хто в серцу имя Христово мѣти буде,
Того он в царствии своем не забуде.
Он ми дал, жем стал в Вилни законником,
Тут игуменом, а впрод священником.
Тот же ми козал и тепер знать давати,
Же юж пришол час Сион ратовати.

Амин [1].

ЯН КАЗІМІР ПАШКЕВІЧ [2]

* * *

Полска квитнет лациною,
Литва квитнет русчизною;
Без той в Полсце не пребудешь,
Без сей в Литвѣ блазнем будешь.
Той лацина езык дает,
Та без Руси не вытрвает.
Ведзь же [3] юж Русь, иж тва хвала
По всем свете юж дойзрала;
Весели ж се ты, Русине,
Тва слава никгды не згине! [4]

22.VIII.1621

---

[1] Тэкст пададзены паводле выдання Археаграфічнай камісіі «Русская историческая библиотека», т. IV. Памятники полемической литературы, кн. I, Спб., 1878, слуп. 153—156. [2] Да апошняга часу аўтар гэтага верша быў невядомы. [3] ведай жа. [4] Тэкст пададзены паводле рукапіснага экземпляра Літоўскага Статута першай рэдакцыі, які захоўваецца ў рукапісным аддзеле Ленінградскай бібліятэкі імя Салтыкова-Шчадрына.

СІМЕОН ПОЛАЦКІ

(1629—1680)

Сімеон Полацкі (Самуіл Емельянавіч Пятроўскі-Сітніяновіч) — выдатны грамадска-палітычны і літаратурны дзеяч, з імем якога цесна і непарыўна звязана гісторыя старажытнай беларускай і рускай літаратуры і культуры. Нарадзіўся ён у 1629 г. у гор. Полацку. Тут ён атрымаў пачатковую адукацыю, але ў якой школе і калі, — невядома. Пасля гэтага прага ведаў прывяла Полацкага ў Кіеў. Там, у сценах Кіева-Магілянскай калегіі, якая была буйнейшым для свайго часу цэнтрам гуманітарнай і багаслоўскай адукацыі, ён правучыўся да 1650 г. Але на гэтым С. Полацкі не спыніўся і некаторы час яшчэ вучыўся ў Віленскай езуіцкай калегіі.

У 1656 г., кіруючыся меркаваннем, што навука і літаратурная дзейнасць несумяшчальны з свецкім жыццём, С. Полацкі пастрыгся ў манахі полацкага Богаяўленскага манастыра і стаў настаўнікам брацкай школы пры гэтым манастыры. У 1659 г. полацкі і віцебскі епіскап Каліст Дарафеевіч Жытарайскі па распараджэнню патрыярха Нікана закаваў С. Полацкага ў кайданы і пасадзіў у крэпасць, а пазней перавёў яго ў хлеў. За якія ўчынкі і як доўга С. Полацкі знаходзіўся пад арыштам — невядома.

Займацца літаратурнай дзейнасцю С. Полацкі пачаў яшчэ будучы вучнем Кіева-Магілянскай калегіі. У той час ён пісаў вершы на беларускай і польскай мовах. Самы ранейшы з іх — «Акафіст багародзіцы» — датуецца 1648 г.

Апрача вершаў, прысвечаных розным царкоўным і грамадскім урачыстасцям, С. Полацкі пісаў і едкія злабадзённыя сатыры (напрыклад «Віншаванне а. Крыжаноўскага з днём імянін», 1661 г.). На вялікі жаль, тэксты некаторых рукапісаў С. Полацкага, напісаных да яго пераезду ў Маскву, дзесьці згубіліся ў пачатку гэтага стагоддзя і мы зараз пазбаўлены магчымасці шырэй асвятліць беларускі перыяд творчасці С. Полацкага.

У 1656 г., у сувязі з вызваленнем Полацка рускімі войскамі і прыездам у горад цара Аляксея Міхайлавіча, С. Полацкі выступіў на ўрачыстай сустрэчы цара з чытаннем прывітальных вершаў. У гэтых вершах ён ад імя ўсяго беларускага народа выказаў цару і яго свіце пачуццё радасці і шчырай удзячнасці за вызваленне Полацка і некаторых беларускіх земляў ад доўгачасовага і цяжкага польска-каталіцкага прыгнёту. У 1660 г. адбылася яго другая сустрэча з царом, але на гэты раз ужо ў Маскве, куды С. Полацкі прыехаў разам з архімандрытам полацкага Богаяўленскага манастыра Іеўлевічам на царкоўны суд патрыярха Нікана. Там, 19 студзеня 1660 г., С. Полацкі зноў вітаў цара і яго сям'ю «стихами краесогласными» ў царскіх харомах, куды быў запрошаны ў якасці царскага госця яшчэ на царкоўным судзе. Нечуваная ў Маскве да таго часу панегірычная паэзія С. Полацкага спадабалася манарху, і ён надзяліў аўтара вершаў сваёю ласкаю, але жыць у Маскве С. Полацкі не застаўся. Аднак і на радзіме яму нядоўга прышлося жыць. Польская акупацыя Полацка ў 1661 г., праследаванні і ганенні, якія праводзіліся польскімі ўладамі супроць прыхільнікаў арыентацыі на Маскву, прымусілі С. Полацкага ў 1664 г. назаўсёды пакінуць Полацк і пераехаць у Маскву на сталае месца жыхарства.

У Маскве пачаўся новы этап жыцця і дзейнасці С. Полацкага, прыдворнага настаўніка, энергічнага царкоўнага дзеяча, пладавітага пісьменніка, асноваположніка новых паэтычных жанраў у старажытнай рускай літаратуры — паэзіі і драматургіі. Але гэты перыяд жыцця і дзейнасці С. Полацкага з'яўляецца прадметам вывучэння курса старажытнай рускай літаратуры. Адзначым толькі, што ў маскоўскі перыяд творчасці С. Полацкі пісаў свае паэтычныя творы ў розных літаратурных жанрах. Паэзія для яго была не забаваю, а сур'ёзнай і важнай справай, якая служыла яму пастаянным сродкам асветніцтва ў даступнай для ўсіх форме.

Вялікая паэтычная спадчына С. Полацкага складае рад рукапісных кніг, напісаных сілабічнымі вершамі. Найбольш значныя з іх «Рифмологион» (зборнік панегірычных вершаў, напісаных «на выпадак» з жыцця царскай сям'і і яе акружэння), «Вертоград [1] многоцветный» (зборнік дыдактычнай паэзіі) і паэтычны пераклад «Псалтири». Апрача вершаў, С. Полацкі пісаў драматычныя творы для прыдворнага тэатра («Трагедия о Навуходоносоре-царе» і «Комедия притчи о блудном сыне»), палемічныя трактаты («Жезл правления»), павучанні і розныя «Словы».

Памёр С. Полацкі 25 жніўня (па старому стылю) 1680 г. у Маскве. Змешчаныя ніжэй вершы беларускага перыяду творчасці С. Полацкага друкуюцца па рукапісах Дзяржаўнага гістарычнага музея г. Масквы.

[З прадмовы да «Рифмологиона»]

... Писах в началѣ по языку тому,
Иже свойственный бѣ моему дому.
Таже увидѣв много ползу быти,
Славенскому ся чистому учити.

---

[1] сад.

Взях грамматику прилѣжах читати,
Бог же удобно даде ми ю знати.
К тому странная сущи ей подобна,
В знании ползу бяше ми удобна.
Тако славенским рѣчем приложихся,
Елико дал бог знати научихся...[1]

СЛОВА, ЯЖЕ ХРИСТОС РАСПЯТЫЙ НА КРЕСТѢ МОВИЛ ДО БОГА ОТЦА

Отче! отпусти им, не вѣдят бо, что творят

1.

О Христе спасе, спасе добротливый
О як на помсту ничто-с несквапливый.
Мы за злость нашу смерти ожидали,
Ты отпущаеш. О то мы слышали.
Тѣм же падаем пред тя со слезами
И еще просим: смилуйся над нами!
А якось рачил[2] грѣхи отпустити,
Такожде изволь и казнь отвратити.
Ею же люд твой от всюду стисненый
Всякими бѣды, всяко утрапленый[3].
Взбуди жаль в сердца да плачемся тебе
Днесь погребенна плачемся и себе.
Просим тя, Христе, просим со слезами,
Казнь отвративши, смилуйся над нами!

2.

О, Пеликане, о лебедю милый!
Да всих спасеши, всих порушил силы.
Кров свою гойнѣ схотѣл пролити,

---

[1] Тэкст пададзены па рукапісу № 287, л. 5. [2] дбаў. [3] прыгнечан.

Абысь могл чада мертва оживити.
А яко лебедь жалостно спѣваеш,
Пре тя хотящих спастися спасаеш.
Со сими збойца бога тебе знает.
— Вспомни мя в царствии своем, — возывает.

Днесь со мною будеши в раи

О Исусе сладкий, Исусе дражайший,
О яко в любви ко грѣшным множайший.
Ледво тя збойца бога взнавает,
А любовь твоя юж грѣх отпущает,
И не только му[1] грѣхи отпустилесь,
Но ту ж з собою в небо впровадилесь.
О Христе спасе, Исусе сладчайший,
Гды над твоим гробом плач творим множайший.
И мы тя, бога, вѣрно вызнаваем,
Просичи слезно даннѣ дознаем
Любве твоея, еже отпустити
Все грѣхи наши и в рай впровадити.
Як в раи будем, гды утолиш брани,
Мир твоим верным даси пожаданый.
Просим тя, Христе, просим со слезами,
Грѣх прости, мир даждь, просим со слезами.

3.

Владцо вшеляких[2] и вся исполняяй,
В горсти единой весь свѣт содержаяй,
Чему жесь нынѣ от всѣх оставленый,
Од сродник ближних чему ж опущены?
Гдѣ есть избранных собор, ученик
Науки твоей, народ наслѣдник?
Вси, Христе, видим нынѣ оставили,
Егда тя врази до креста прибили.
Любимый токмо ученик и мати,
И та од жалю ледво может стати:
Едину тебе утѣху имѣла,
А днесь, позбывши, юж осѣротѣла.

Жено! се сын твой, се мати твоя

О Исусе спасе, спасе добротливый,
О як своих надтось фрасовливый[3],
Иж тебе болѣзнь всяко обыймает,
Заледво душа во плоти зостает.

---

[1] яму. [2] усякіх. [3] клапатлівы.

Вся члонки на крест срокго растягнены,
Яко на гуслѣх струны натягнены.
Глава зранена, плоть страшно шарпано,
Руки и ноги гвоздми покопано,
Очи и уста кровъю заплынули,
Згола [1] вси страсти на тя ся спихнули.
Но в тяжких муках свых не опущаеш,
Бо матку учню учня еи вручаеш.
О Христе спасе, спасе добротливый,
О спасению всѣх нас фрасовливый.
А нас кому днесь сирых [2] оставляеш?
Кому в опеку нуждных полецаеш? [3]
Ото от всюду бѣды на нас встают:
Мечь, огнь, голод смертю погражают.
Кому нас, кому рачиш оставляти?
До кого в бѣдах маем утѣкати?
Се ко твоему гробу прибѣгаем,
А тебе, Христе, моцно умаляем
И слезно просим: будь нам милостивый,
Не опущай нас в сей час, ох страшливый!
О Исусе агнче, агнче незлобивый,
И земляй грѣх мира агнче терпеливый.
О яко ж страждеш, кто ж может сказати?
Вспомнявши, мусит, сердце ся подати.
Немо створене и то тя ридает.
Луна и солнце в кровь ся премѣнает.
Вси елемента в жалость ся прибрали.
Рвутъся од жалю и твердыя скалы,
Егда тя видят страстмиуморена,
На крест прибита од всех упущенна.
В окрутных [4] муках нѣсть кто утѣшает,
Гды ж тя и сам бог в тот час опущает.

Боже, мой боже, во скуюм я остави!

Ах мой Исусе, боже добротливый,
Ты-сь человек правый, ты-сь и бог правдивый!
А гды тя болѣсть окрутно змогает,
Душа пречиста з тѣлом ся растает.
О як жалоснѣ до отца волаеш,
Боже мой, боже, чем мя оставляеш?
О Христе боже, боже добротливый,
А мы што чиним в сей час нещасливый?
Юж бѣды розны на нас ся взмогают,
Юж нендзну [5] душу кгвалтом вытискают.
Тылко до тебе мусимо волати,

[1] амаль. [2] сірог. [3] даручаеш. [4] лютых. [5] бедную, нешчасліваю.

Боже наш, боже, не рач опущати.
И як ты, Христе, не просто волалесь
В болѣстях своих то не роспачалесь,
Но восхотѣлесь то нам показати,
Як в бѣдах маем до тебе волати,
Так и мы нынѣ ничто распочаем,
Но тебе, Христе, силно упрашаем,
Котры-сь изволил быти опущенный,
Абы з нас жаден [1] не был погубленны.
Не опущай нас, но будь завжды с нами,
Просим тя, Христе, просим со слезами!

5.

Христе Исусе, Исусе сладчайший!
Боль тя змогает им далесь множайший.
Исус, як снопок миры, вывышенный
На солнци, егда бывает сушенный.
Так плоть пречиста твоя высушенна,
Егда на крестѣ нага повешенна.
И вся красота в темность премѣнила,
Свѣтлости ока юже-сь затмила.
Лице зчернѣло, устнѣ закипели,
От многой жажды, правѣ, погорели.
А что же еще болѣ быти мѣло?
Юж ся пророцство всякое сполнило.

5. Жажду

Бездна вод живых — Христе добротливы,
Присно текущий источниче живый,
Чи давно всѣх нас до себе взывалесь
От вод животных гойнѣ напоялесь?
А о то той же на крест вознесенны
В окрутных болѣх жаждею зморенны.
Но Христе спасе, что ино жаждаеш
Пити еже есть, кгды нас оглядаеш?
Похотей свѣта, жаждею зморенных,
Жаждеш имѣти к себѣ наверненых.
Видиш жаждущих роскошами свѣта,
Чести, богатством. Жити много лѣта
Тѣм же ти жаждеш, хощеш позыскати,
Дай не будет в жаждѣ погибати.
О Христе спасе, источниче живый,
Жаждущим жизнь напою правдивый!
Призри на нас, днесь бѣдами стисненых,

[1] ніхто.

Розных утисков жаждею знореных!
Боязнь от врагов што день нападает,
Ганебно смерти страх жажду задает.
Юж от сей жажды ледво душу маем,
Не живем, рачей [1], што день умираем.
О море, о бездно, Христе добротливый,
О глубино вод источниче живый!
З вѣрою к гробу твоему прибѣгаем,
Дай жаждѣ нашей охладу; приимаем,
Ибо в нем видим правдиву опоку,
Из нея воду з пречистаго боку.
Просим тя слезно: даждь пити во охладу,
Дай жаждѣ нашей, имѣем отраду.
И паки просим, просим со слезами:
Умилосердися, о Христе, над нами!

6.

О Христе боже, боже пред ся вѣки,
О якось много терпѣл для чловеки:
Былесь проданы, пойман и вязаны,
Винным осужден и выдан на раны,
З шаты [2] обнажен в пурпур одѣяно
На посмѣх а к столпу наго привязано,
Кровъю сплынулесь такось катованы,
Терновым вѣнцем на смѣх увѣнчаны.
Горше над збойцу тебе осудили.
Ах, як окрутне до креста прибили.
От князей старец спроснѣ награваны,
А в жажде твоей отцом напоены.
Что еще болѣ быти мает
До твоей страсти, чого не достает?

Совершишися

О Христе боже, боже прежде вѣка,
Якось дорого откупил человека.
Не дость ли было нарожденным быти?
При обрѣзаню не дость кровь пролити?
Не досить было от раба крещенным
Четыредесят дней чрез пост умерщвленым?
Не досит было в бѣдах вѣк свой жити,
Згола [3] потреба страсти было терпѣти,
Котрую нынѣ юже совершилась,
А нас от вѣчной смерти откупилесь?
О Христе спасе, еще тебе просим,

---

[1] хутчэй, карацей кажучы. [2] адзенне. [3] асаблiва.

Падши ко гробу, плачь и вопль приносим, —
Дай бѣд наших юже наконец стает
И мечь болѣй кровь да не проливает!
Вѣмы, иж еще твердь справедливости
Не досит стала, ах, за наши злости.
Но сам дость чиниш, гдысь схотѣл страдати
И, яко видим, за нас умирати.
Умилосердися! Плачливѣ волаем,
Да лютых кремень уже конец маем.

7.

О Исусе Христе, человече справедливый,
Вѣру имѣем, ты еси бог живый!
А як тя болѣсть окрутна змогает,
Же во всѣх члонках сила уступает.
Уже и главу на дол преклоняеш,
Снать, мой Исусе духа испущаеш.

Отче! в руце твои предаю дух мой

Увы нам, увы! Тепер юж спѣвати.
Ах, ах нам грешным, мусим придати.
Егда живот наш, спасе, умираеш
А богу отцу в руки дух предаеш.
Увы нам, увы! Что дѣлати маем?
К кому сироты в бѣдах прибѣгаем?
Ко отцу ли твоему? И той загнѣваны,
О то и сына выдал тя на раны.
Дух святый и той на то зезволяет,
Да сын, як человек, за люд умирает.
Увы нам грѣшным! Увы опущеным!
Увы сиротам! Увы оставленым!
Ах! До кого ж и я маѣм утѣкати?
Токмо до тебе, о божия мати!
Но и ты, дево, правѣ, умираеш,
Кгды твоего сына мертва оглядаеш.
Утробу твою паненску пронзают
Мечи, болѣсти сердце проникают,
В пречистых члонках вся сила устала.
Юж быст умерла, бы тя не вспирала.
Благодать сына юже ти кликает
Да до множайшых послуг заховает.
За их же тебе мает увѣнчати,
Гды одесную будет пасаждати.
Тѣм же вси грѣшнии к тебѣ прибегаем.
Прими нас, прими! — плачливе волаем.
О мати богу, небесна царице,
Ангел, госпоже, о свѣту деннице,
Грѣшным утѣчко, скорбящим охладо,

В трудах и бѣдах бременным охладо,
Будь нам помощи и встався за нами
До своего сына! — просим со слезами, —
Да отвратит брань и гнѣв на поганы,
А православным даст мир пожаданый.

Епилогус

Христе Исусе, Исусе сладчайший,
О якось в любве ко грѣшным множайший.
А так велице грѣшным возлюбилесь,
Же аж до конца оных улюбилесь.
А конца смерти, смерти наиспроснѣйшой,
Смерти крижовой, смерти пакоснѣйшой, —
Ах так окрутне рачил пострадати, —
Вспомнивши, мусить сердца ся подати,
Что-сь мы юж з жалѣм многим уважали,
Невинной смерти горко ся плакали.
Тепер, наконец, на раны взбираем
А чюдячися так в собѣ внимаем:
Почто ти глава тернем увѣнчана,
Быстрыми осты сквозѣ прокопана,
Зѣницы ока и темност премѣнили,
Страшно запали и кровю заплыли,
Уста, которыя правду научали,
Желч, оцет [1] и кровь почто их заляли?
Бок твой пречистый копием пробито,
Кровь и вода восплыла обфито [2]?
Руки святыя, что пробиты сквозѣ
Острыми гвоздми, такожде и нозѣ,
И все ти тѣло окрутнѣ зранили,
А на жаль болший нага оставили?
Згола, гдѣ глянеш, кровь всюду стѣкает,
Плоть пошарпана, струпом ся зливает.
Ах мой Исусе! Гды шире внимаем,
Грѣх то наш справил, з жалем вызнаваем.
Пыха тя наша тернем увѣнчана,
Высоку умность главу покопала,
Очи безбожна ненависть покрила,
Проклята зайзрость зѣницы затмила.
Бриткое панество чашу наполняет
Оцта и желчи в уста ти вливает.
Руки святыя лакомство прорило,
Тако ж и ноги оно же прибило.
Бок твой пречистый помста отворяет,
А гнѣв на блаженых до сердца пронзает.
Не в стыд нечистота з шат тя обнажила,

---

[1] воцат; ужыта ў сэнсе «горыч». [2] багата, шчодра.

А по всем тѣлѣ окрутне зранила.
Згола мы тебе на смерть осудили
И здѣ во темном гробѣ положили.
Увы нам грѣшным! Увы нещасливым!
Просим тя, Христе, с плачем жалосливым:
Прости нас, ибо-сь хотѣл пострадати!
Да самый смерти будем благодати.
Прости нас, прости! Се главы склоняем
И вас, слухачов, до тоґо ж взываем.
Ближей ко гробу з жалем приступите,
Страсть, смерть господню набожнѣ внемлите!
А так той народ, которыя были
При крестѣ и смѣрть господню видѣли,
Билися в перси, богом вызнавали,
З жалосным сердцем в домы ся вертали,
Так и вы днесь смерть господню внимайте,
Биюще в перси, слезы проливайте,
И плоть святую з вѣрою лобзите,
З жалем сердечным в домы отходите.
А гды з вас кожды плоть святую лобзает,
Пѣснь нагробную даст нам спѣвает [1].

СТИХИ УТѢШНЫИ К ЛИЦУ ЕДИНОМУ

Кто хощет людей на свѣтѣ познати,
Изволь о умных мене вопрошати.
Сам я не дурак, да блюдусь сказати,
Чтоб мене вверх не хотѣли взяти.
Видете мене, как я муж отраден,
Возростом велик и умом изряден?
Кто ся со мною может поровнати,
Развѣ из мертвых Голиафу встати?
Ума излишком, аж нѣгде дѣвати, —
Купи кто хочет, а я рад продати.
Вся глава умом велми ся наткана,
А мозгу мало, что мѣста не стало.
Времем сквозь нос разум вытекает,
Да Семен умен — языком приймает.
А сколько силы, не можно сказати:
Лва на бумагу мощно мнѣ раздрати.
Другий то Сампсон, да нет с ким побится:
Кого вызову — всяк мене боится.
Да кто с богатиром боротся посмѣет:
Мечем, пистолми — все Семен умѣет.
Мнози видают, как сильно борюся,
Когда с рубашки в вечер раздегнуся.

---

[1] Тэкст пададзены ўпершыню па рукапісу № 731, лл. 18—27.

Не один недруг тогда погибает,
А кровь от ногтей и в очи плискает.
По такой битвѣ, рад я спочиваю
На мяккой лавкѣ. Так трудов збываю.
Все мне по мысли. Одно то в печали,
Что злые людѣ женится не дали.
Зависть проклята. Гдѣ мене полюбят,
Там злые людѣ тот час мя разгудят [1].
Кто таков, как я, — да щастя не многа.
Оженитя мя, молю вас для бога!
Ручайте! Есть с чим молодец дороден,
Есть што есть и пить, и велми заводен.
Свое полаты за печью имѣю,
А про богатство хвалится не смею,
Чтоб вор не окрал. А стану дарити,
Кто мя изволит скоро оженити.
И буду ему праведно служити:
Хлѣб дармо ести и вино добрѣ пити [2].

[ПРЫВІТАЛЬНЫЯ ВЕРШЫ ЦАРУ АЛЯКСЕЮ МІХАЙЛАВІЧУ]

Отрок 1.

Не всегда на воздусѣ бывает тма имглистая,
Аки вставичне [3] трвает ноч чорно облачистая.
Але и солнечное променьми коло блистает.
Затым и самаго сияющаго свѣтлость бывает.
О наставниче наш благочестия и веселия!
Яко-сь ми заживали жалости первеи велия [4],
Так нынѣ нам, зряще тя, монархо, радость ставает,
Всѣх албовѣм умилно неметных душа вздыхает.
И что ж? Нынѣ видим чудо барзо велми дивное,
Видение же сладкое и всѣм потѣшливое.
Все красная похвала содержить мене, видечи
Благочестиваго царя, почести, от всех берѣчи.
Прагнула тя душа наша, так теж и кости мои,
Як земля прагнет до вда в горячо лѣтнии знои.
Ни един покарм и напой тѣлу так не смакует,
Як упритная душа, видячи тя, роскошует.
Спѣвати православному кажеть мнѣ сердце царю,
Так и язык великому князю и государю
Берет слова и новыи стихи содѣловает,
Лѣдвѣ писар пером писмо прудко так выливает.

---

[1] зганьбіць, абгаварыць. [2] Тэкст пададзены ўпершыню па рукапісу № 731, л. 97. [3] пастаянна, заўсёды, стала. [4] многія.

Отрок 2.

Здрав буди и многолѣтен царю! Я тебе сладкими
Не забуду нѣгды въсхваляти вѣршми моими.
И по их ми едно во памяти родится мова,
Честныи будут от мене завжды о тебѣ слова,
Возлюбил бо еси справедливость, царю, святую,
А маеш в ненависти безбожность всю проклятую.
Прото тя значною вседержитель бог над иные
Почтил повагою як цари, так в роли многие.
Припасан ти по бедрѣ благословением кованый,
Добрый воине Христов, от всюду меч наостренный.
З духа святаго зброя твоя и мечь устроенный
И пламенем ест божественным ест распаленный.
Славный и непорочный с тым ся ты рушаеш смѣле
И громиш оным богопротивных снадне умѣле.
Правда и человѣколюбие твои воз справует,
А броздами вѣра, надежда и любовь шафует [1].
За их поводом, о православный наш государю,
Простуеш нам гостинец [2] к вышнему нашему царю.

Отрок 3.

Нехай ганбу отнесут, нехай же и погибают,
Которыи издавна упадку церкви шукают.
Дай боже за твою взгарду и всѣ зганбены были,
Упадок хвалячии, мовячи, — Так мы хотѣли.
Благочестивым бог дай дний заживали,
Истинну божию всегда смѣле теж вызнавали.
Радуйся бѣлоруская земля, иж упадают
Ереси в тебѣ, през Алексея преч ищезают,
А церков Христова в покою днесь зоставает.
Всѣх врагов церковных православный цар
побѣждает.
Днесь [3] вы, церковныи гонители, покорѣтеся,
Православному царю всѣ шире поклонѣтеся.
З православными ся поеднавши добре живѣте,
Гонитие на церков ляхи [4], вниати [5] юж престанѣте.
За нас ся и церков православный цар заставляет
И вас, во покутѣ приходячих, к себѣ приимает,
Бо кгды ж ест зѣло милосердный и христолюбивый,
Злостей ваших прежних непомнячий, бо
милостивый.

---

[1] раздае, дорыць. [2] дарогу. [3] сёння, цяпер. [4] зняважлівая клічка палякаў.
[5] уніяты.

Отрок 4.

Принесѣте честь, иноцы, царю изверхнѣйшему.
Принесѣте покору, мирстии, всех началнѣйшему.
Сего еднаго имя над цари всѣ вызнавайте,
Сему днесь до земли и з нами ся и поклоняйте.
Соборе божий, умилно спѣвай яко своему,
Алексею царю, помазанцу зась божиему!
Учинѣте ему зо всей хоти честь повинности
Не лицемерною душею его царской милости.
Будем тя пред всѣми, велебний царю благочестивый,
Не толко на сем едном местцу, бось христолюбивый,
Но и по всем миру добродѣтель твою хвалити
И за твое царское величество бога молити,
Абы-сь нас в бѣдах наших нынѣ и всегда ратовал
И от зловѣрных людей россов и церков заступал,
Абы юж далѣй благочестия не турбовали,
А самы ся и вѣрѣ православной шире складняли.

Отрок 5.

Блажен убо царю, котрый людий впалых ратует.
Бог теж в его потребѣ над ним ся о разъзлютует,
Вцале заховает, и здоровъя ему набавит
В панованю неотменном з ласки своей поставит.
Плещѣм руками, радуючися небоязливе,
Витаючи царя, спѣваймо всѣ и згодливе.
Тот всѣм россом цар, князь и государь и обладатель,
Церкви же святой велки заступник и благодатель.
Ввесь род российский просит бога: да сохранит его
Во премногие лѣта, вѣрного слугу своего.

Отрок 6.

Витаем тя, православный царю, праведное солнце,
Здавна бовѣм прагнули тебе души наши и сердце.
Витаем тя, царю, от востока к нам пришедшаго,
Бѣлорусский же от нужды народ весь свобождшаго.
Радуйся церкви наша, святая и восточная,
Яже испущаеш словеса всѣм медоточная,
Ибо ты первѣе духом святым начася здати,
През Алексея Михайловича днесь расширяти.
Не бойся, земле Российская, и не устрашайся.

Дѣдич[1] з востока пришол, ему низко поклоняйся.
Алексей Михайлович всѣх россов царь и государь
И иных народов великий князь, так теж и владарь,
Который поднял за благочесте велии труды,
Дабы во русийской земли оттряс ереси всюды.

Отрок 7.

Слава тебѣ, Христе, боже чудный, но и преславный
Царю человѣколюбивый, а над всѣ вѣки дивный,
Крепкий и милосердия полный, наш Христе боже!
Кто ж из нас негодных милости твою выстовит
можe,
Жесь нам дал радостный и веселый день дочекати
А очима нашима в Витебску днесь оглядати
Государя царя Алексея Михайловича,
Великого князя всей Российской земли дѣдича?!
Жительствуй же на много лѣта наш праведный
царю,
В послѣдок дний з востока посланый з божого дару
К нам, тебѣ единовѣрных, звѣрми похищенных
З запада немилосердным иным родом плѣненных!
Тобою мы ис пашен илвовых свобождаемся
И смѣле противо всѣх зловѣрных поставляемся.
Но пройдохом сквозѣ огни, яко же рече, и воду,
Чающе известися тобою мы, на свободу.
По сем не предаждь нас врагом нашим в
поругание,
Церкви же нашой восточной во попрание,
Или мечем з милости своея оным погрози,
А всѣх привести ко православной вѣрѣ помози.

Отрок 8.

Ничого тут по римской вѣрѣ. Знати то потреба,
Же здесь здавна руская земля язык мает з неба,
О чом и привилей кролевский старый опѣвает, —
Иж над три дни цар у Витебску мешкати[2] желает
Толко, — албо преч из града идь, албо теж
крестися,
А з вѣрными всегда во церкви господу молися.
Прото и вас молю, иновѣрцы, вы покорѣтеся
А под крѣпкую руку царскую всѣ смирѣтеся
К правой вѣре нашой, апостолми насажденной,
Мученическою же кровию печатлѣнной.
Богобоязливе и покорне всѣ приступѣте,

[1] наследнік, нашчадак. [2] жыці.

Злая помышления от сердца преч отринѣте,
Абысте на церков гонения венц[1] не чинили,
Но с нами православными в вѣрѣ единой жили.
Православному теж Алексею царю радѣте,
А здравия своего за его всѣ не щадѣте,
За что не токмо тут, на земли, восприимете славу,
Но в царствѣ небесном имѣти будете похвалу,
Которого яко правѣрным имѣти желаем,
А православному царю лѣт многих восприяем.

Отрок 9.

И вам, бояром, да дасть господь бог многая лѣта,
Бысте возлюбленный Израиль новаго завѣта
Противо новых фараонов, врагов своих, стасте,
Велия труды, яко той, на войнѣ подъясте.
Вы есте воинове царя, россом избранное
И богом небесным в силѣ теж его посланное
Противо народов свирѣпых, наших губителей,
Горделивых, гнѣвливых, а злых церкви гонителей.
Вы на тую войну, бояре, былисте готови,
За вѣру з смѣлостию пойшли, яко дѣти лвовы,
Не убоястеся ничого на той войнѣ злого,
Огнем дышущи Параклита, духа пресвятого.
Ревностию любви божей крѣпко запалены
А в силѣ его божественной были поставлены
Противо всего их злосливого ополчения.
Не устрашистеся мечнаго оных сѣчения
Мечов их еретыцких, на ся в войнѣ обнаженных.
Не убоястеся и кулей, огнем роспаленных,
За вѣру благочестивую и церков. Страдати
Изволисте. Мы вас за то будем выхваляти.

Отрок 10.

Вы з неволи увесь русийский народ свободили
И ереси из земли давной руской скоренили.
Добрая ж то по вѣрѣ война, боярове, ваша.
Дай, Христе, боже вѣчный покой! Радость то ест
наша.
А чтосте в войнѣ ризы своя ■ кровѣ фарбовали,
За тое в небѣ коруну тем себѣ зготовали.
А котрый кров свою за церков и вѣру проливал,
За то небесное дѣдицство себѣ зготовал.
А которых в землю тѣла в войнѣ покровены,
Вѣруем, иж небеса суть им отворены.

---

[1] больш.

Они нынѣ со божиими ангелы ликуют
И триумф вѣчного веселия исправуют.
Они рукою божиею суть коруновани
И на житие небесное царствие позвани
Превѣчне и з сыном божием в небѣ царствовати
И свѣт царственной славы его оглядати.

Отрок 11.

И твое святительство хвалим буди, Питириме,
Священный митрополите всегда и нынѣ,
Яже на сей войнѣ всячески потрудился еси,
Всегда утверждая воинство сладкими словесы,
Дабы несумнѣнно ишли воевати за вѣру.
Ты же о сем приносил всегда святую офѣру
И за православного царя и воинство его,
Богу моляся присно, ради збавеня своего
В трудѣх и в бдѣниих всенощных, тѣло си труждая,
И за вся христианы, богу молитвы воздая,
За что да сподобит тя господь услышати свой глас,
Который будет ко праведным мовленый и до вас.
Высте, благии раби мои, также и вѣрныи,
Ибо будовцы церкви моей былисте пилнии,
За сия внийдѣте во радость господа своего,
Чтосте послухали гласа любезно моего.
Понежесте вы прац своих зѣло приложили
И таланты звѣроныи вам монумножили,
Над малыми вѣру на земли ко мнѣ показали,
За то в многоочных чину херувимов стали.

Отрок 12.

Слава тебѣ, Христе, боже наш, царю вѣчной славы,
Звитяжцо [1] чудный и преславный небесной
державы,
Яко сам спасение наше, боже, нам справуеш
И дивным дары твои нам негодным даруеш!
Ты нынѣ благоволил еси над нами владѣти
Царю з востока, церков и нас от врагов хранити.
Да даст тебѣ, царю, господь благ совѣт и
премудрость,
Силу, мужество и побѣду с небесе, и крепость,
Дабы еси врагов своих всѣх до конца побѣдил,
И чтобы инным народом страшенея сотворил.
По сем и з найнизшим поклоном нашим упадаем

---

[1] парамoжца.

Пред твоим царским величеством и всѣм воздаваем
Вам за выше не тескливое тепер выслуханье,
З разрадованною душею чиним декованье [1].

СТИСИ КРАЕСОГЛАСНИИ КО ПРЕСВѢТЛѢЙШЕМУ САМОДЕРЖАВНѢЙШЕМУ ВЕЛИКОМУ ГОСУДАРЮ ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ АЛЕКСИЮ МИХАЙЛОВИЧЮ ВСЕЯ ВЕЛИКИЯ И МАЛЫЯ И БѢЛЫЯ РОССИИ САМОДЕРЖЦУ. ОТРОКИ ГРАДА ПОЛОЦКА, ПРИТЕКШИМИ ВО ЦАРЬСТВУЮЩИЙ ГРАД МОСКВУ, ГЛАГОЛАНИИ В ЛѢТО ОТ ВОПЛОЩЕНИЯ БОГА СЛОВА 1660, МѢСЯЦА ИАНУАРИА 19 ДНЕ

1.

Радости сердце мое исполнися,
Яко предстати тебѣ приключися,
Богом нам даный православный царю,
России всея вѣрный ґасподарю!
Яко бо солнце весь мир просвѣщает,
Сице [2] во сердцах радость проникает
От лица царска. Тѣм же припадаем
К стопам ти, яже лобзати желаем.

2.

Лобзаем вѣрно крѣпку ти десницу [3],
Юже имамы за свѣтлу денницу,
Царю восточный, царю стран премногих,
Нас избавивый от противник многих.
Прогнавы мрачны з Руси еретики,
Буди ж в побѣдах преславен во вѣки!
Царствуй над всѣми вселенныя страны,
Из язык мрачных твори христианы.
Разшири вѣру, свѣт омрачным буди,
Иже во смертнѣй сѣни [4] гибнут люди.

---

[1] Тэкст пададзены па рукапісу № 731, лл. 288—292. Гэтыя вершы С. Полацкага, паводле сцверджання І. М. Тарабрына (гл. Протокол 38 заседания Славянской Комиссии Императорского Московского Археографического Общества от 23 февраля 1899 г.), з'яўляюцца другой тэкстуальна адметнай перапрацоўкай тых прывітальных вершаў, якімі С. Полацкі разам са сваімі вучнямі Богаяўленскай брацкай школы сустракаў цара ў г. Полацку 5 ліпеня 1656 г. Першапачатковы тэкст тых вершаў («метраў»), складзеных некалькімі асобамі і канчаткова адрэдагаваных С. Полацкім, знаходзіўся ў рукапісу № 1800 былой Маскоўскай Сінадальнай Друкарскай Бібліятэкі. У канцы XIX ст. або пачатку XX ст. рукапіс гэты дзесьці згубіўся, і мы цяпер не маем магчымасці дакладна высветліць, у якой ступені С. Полацкі перапрацаваў першапачатковыя «метры». [2] так, гэтак. [3] правая рука. [4] прытулку.

Настави на путь заблуждших ко аду,
Даждь обижденным щедрую отраду.
Дабы им с нами сице воспѣвати:
Много лѣт царю дай бог царствовати!

3.

Кто не весело в солнце возглядает,
Егда от него просвѣщен бывает!
Из красны весны кто не веселится,
В ню же благ всяких много исполнится!
Солнце твое нам зрится лице быти,
Пресвѣтлый царю! В твоем свѣтѣ жити
Всегда желаем; в твоей благодати
Скуднии будут изобиловати,
Як в веснѣ красной. Тѣм же веселуем,
Егда прекрѣпку десницу цѣлуем,
Ей же от бога молим быти данным
В державу вѣчну всѣм скипетром странным.

4.

День есть веселый, день превожделенны,
Вонь же предстати тебѣ сподобленны
Мы, твои раби, и десну лобзати,
Веселым сердцем сице цѣловати:
Царствуй, пресилен, преславен повсюду,
Гдѣ солнца запад и встает откуду!
Подай ти господь во мирѣ сияти,
Второму солнцу, всѣми обладати,
Дабы тобою мрака избѣжати
Всим родом земли и вѣру познати.
Буди Константин и Владимир миру,
Сотри кумира и прослави вѣру.
Подай ти господь миром обладати,
А в вѣк будущий в небѣ царствовати.

5.

Уста вѣтийска глагола лишатся,
Радости нашей егда присмотрятся,
Юже с твоего лица изчерпаем,
Яко тя здрава, крѣпка соглядаем.
Пресвѣтлый царю и непреборимый,
В кончинах земли ужасна славимый,
Кто свѣтла солнца не видѣ на небѣ,
Сей не зна славы, яже есть о тебѣ;
Земля и море, аер исполнь ея,
Буди ж и в небѣ глас славы твоея.

6.

Коль чысло много звѣзд пресвѣтлых в небѣ,
Вся солнца свѣтом украшают себе;
Сице на земли всея Русси грады
Чрез тя сияют, приемлют отрады.
Без тебе тма есть, як в мирѣ без солнца,
Свѣти ж нам всегда и будь оборонца
От всѣх противник, иже поношаху
Благочестивым и зѣло стужаху.
Буди милосерд к державным ти градом,
Яко обыче отец своим чадом.
А мы вси молим превѣчнаго бога,
Да даст ти в мирѣ лѣта жити многа.

7.

Мойсий иногда на гору высоку
Возшед бѣ с творцем миру прешироку
Бесѣдова с ним, потом же оттуду
Повращен, лучми сияя повсюду.
Мы твоей воли царстей послушливы
Здѣ притекохом, чаем, яко и мы
Лучми твоея будем благодати
Возвратившеся изрядно сияти.
Прочиим дабы по нас ревновати,
Под твою милость всегда прибѣгати,
Ея же ради милость ти от бога,
Молим, да дасться на лѣта премнога.

8.

Солнце на землю не само дѣйствует,
Но и луна с ним много изводствует.
Ты, царю, солнце, а луна Мария
Царица. Ея лучами Россия
Премного свѣтла и в нуждах охладу
Во скорбѣх скору приемлет отраду.
Ея молбами и труды по бозѣ
Царство и грады состоят премнози.
Оныя щедрость бога преклоняет,
Да всѣм милостив и прещедр бывает.
Тѣм же пред нею главы преклоняем,
На много лѣта сияти желаем.

9.

Небом Россию нарещи дерзаю,
Ибо планиты в онѣй обрѣтаю.

Ты — солнце; луна — Мария царица;
Алексий свѣтла царевичь денница,
Его же зари пресвѣтло блистают,
Его бо щастем врази упадают;
На имя его вси трепещут страхом,
Бѣжат от славы, яко уповахом,
А щастѣ ему имать работати,
Многия страны в область подавати,
Дабы яко солнце денница свѣтила,
Славою концы земли исполнила.
Утро денница обыче сияти,
О дни будущем благовѣствовати.
Во малѣ даст бог день пресвѣтлый будет,
Егда денницы свѣтлости прибудет
В многих побѣдах на вси страны свѣта,
Точию дай бог многа ему лѣта.

10.

Зѣло Россия в свѣтила богата,
Як звѣздми небо; сице [illegible] ней полата
Царска сияет царевен лѣпотами,
Звѣздам подобных всими добротами.
Спросить бы солнце, аще видѣ ровну,
Яко Ирину [illegible] Руси Михайловну;
Ей подражает благородна Анна,
В единых стопах с нею Татианна,
Царя Михайла дщи Федоровича,
Царств многих и князств истинна дѣдича.
Что Евдокиа з Марфою сестрою
Есть в русском свѣтѣ, аще не звѣздою!
Равнѣ Софиа имать возсияти,
Екатерина також з благодати
Дателя всѣх благ. Твоя дщери, царю,
Возраст приемше по вышняго дару.
И нова свѣтлость новонарожденна
Просвѣтит сей мир Мария царевна.
Вси бо суть свѣт нам. Тѣм же молим бога,
Да соблюдет я на лѣта премнога.

11.

Еще свѣтила и аз усмотряю,
В них же солнечну силу обрѣтаю.
Князи, боляре не мрачно сияют,
Егда ти царску волю исполняют.
А зари свѣтлы в онѣх суть тобою,
Яко же солнцем в звѣздах со луною.

К тому не мала суть свѣтила власти,
Иже о твоем молѣбствуют щасти.
Да побѣдитель будешь всего мира
И да исполнит мир тобою вѣра.
Всим того дѣля серцы привѣтствуем,
На многа лѣта жити усердствуем.

12.

Ничто во мирѣ лучше, яко глава
Крѣпкаго тѣла, егда умна, здрава:
Вся тамо чинна бывают строенна,
Идѣ же глава умом есть бодрственна.
Велие тѣло славная Россия,
Ты еси глава, царю велий, сия;
Глава же честным каменем вѣнчанна,
Волею бога на царство созданна.
Тобою тѣло царства окормися,
Умом и храбрством въсюду прославися.
Блаженный град сей, царство все блаженно,
Яко тобою зѣло укрѣпленно.
Удобнѣй да есть солнце сострѣляти,
Нежели град сей богом храним взяти
Богопротивным: кто любо на тебе,
Прекрѣпка царя, вооружит себе!
Бог есть с тобою, с ним буди царь свѣта;
Царствуй над людми, им же многа лѣта [1].

---

[1] Тэкст пададзены паводле выдания І. П. Яроміна (гл. Труды отдела древнерусской литературы, т. VIII, изд. АН СССР, М. — Л., 1951, стар. 357—361).

ПАЛІТЫЧНАЯ САТЫРА

Напружаная вызваленчая барацьба беларускага і украінскага народаў у канцы XVI і пачатку XVII ст.ст. стварыла спрыяльныя ўмовы для ўзнікнення ў літаратуры новага жанра — жанра палітычнай сатыры, накіраванай супроць іншаземнага засілля. Засілле гэта ў тыя часы, з прычыны агрэсіўнай польскай шляхецка-каталіцкай палітыкі, было вельмі моцным ва ўсіх сферах эканамічнага, палітычнага і духоўнага жыцця Беларусі і Украіны. Яно абражала пачуццё нацыянальнай гордасці беларускага і украінскага народаў.

Да нашага часу літаратурных помнікаў гэтага жанра захавалася вельмі мала. Адным з такіх цікавых помнікаў беларускай палітычнай сатыры XVII ст., якому ўсё-такі пашанцавала дайсці да нашага часу, з'яўляецца славутая «Прамова Івана Мялешкі, кашталяна смаленскага», выказаная быццам бы на Варшаўскім сейме 1589 г. у прысутнасці караля Сігізмунда III Вазы.

Па свайму зместу «Прамова Мялешкі» — гэта пародыя на сеймавую прамову, востры палітычны памфлет, сатыра на грамадска-палітычныя парадкі, якія панавалі ў тагачаснай Рэчы Паспалітай і прывіваліся ў Беларусі і на Украіне нямецкімі і польскімі прышэльцамі, сатыра на норавы прышэльцаў і іх паслядоўнікаў з ліку найбольш заможнай і апалячанай беларускай і украінскай шляхты.

Упершыню гэты цудоўны твор быў надрукаваны ў 1819 г. польскім гісторыкам І. У. Нямцэвічам у зборніку «Zbiór pamiętników historycznych o dawnej Polsce» (т. 2, стар. 341—344) лацінскім алфавітам па спіску бібліятэкі графа Серакоўскага. У 1851 г. гісторык польскай літаратуры М. Вішнеўскі ў т. VIII сваёй гісторыі польскай літаратуры надрукаваў другі спісак гэтай «Прамовы» па рукапісу шчорсаўскай бібліятэкі Храбтовічаў. У 1865 г. «Прамова» была надрукавана М. І. Кастамаравым кірыліцай у другім томе «Актов, относящихся к истории Южной и Западной России» па невядомаму спіску, але блізкаму да таго спіска, які надрукаваў у свой час Нямцэвіч. У 1926 г. сярод папер Турава-Пінскай архіепіскапіі была знойдзена і надрукавана трэцяя пашыраная рэдакцыя «Прамовы», запісаная ў свой час стражнікам брэсцкага ваяводства Міхалам Бельскім.

Наяўнасць трох рэдакцый «Прамовы» сведчыць аб тым, што яна была папулярным для свайго часу творам і бытавала ў шырокім коле насельніцтва, дзе падвяргалася пераробкам і дапаўнялася рознымі гумарыстычнымі падрабязнасцямі. Відаць, што спіскаў «Прамовы Мялешкі» ў свой час было многа, але далёка не ўсе яны захаваліся.

Аўтар «Прамовы» невядомы. Меркаванне Д. І. Даўгялы аб тым, што аўтарам яе быў мазырскі шляхціц Цыпрыян Камуняка, пазбаўлена дастатковых падстаў. Але бясспрэчна тое, што аўтарам гэтай цудоўнай пародыі быў добра адукаваны службовы шляхціц, які дасканала ведаў палітычнае жыццё Рэчы Паспалітай таго часу і быў у курсе нават звычаяў каралеўскага двара. Яго абурала ўсё тое, што было непрыемна не толькі для шырокіх народных мас, але і для яго, прадстаўніка службовай шляхты. Па сваіх поглядах гэта быў

патрыёт-дэмакрат, якому былі дарагі радзіма, народ і яго лёс, за паляпшэнне якога ён змагаўся вострым словам сатырыка.

Матэрыялам для «Прамовы» аўтару, відаць, паслужылі ўласнаручныя запіскі мсціслаўскага кашталяна Івана Мялешкі, напісаныя ім пасля Варшаўскага сейма 1609 г. Пасля смерці Мялешкі гэтыя запіскі пад пяром невядомага аўтара ператварыліся ў падложны гістарычны дакумент, прыпісаны Мялешку, прозвішча якога да некаторай ступені адпавядала фрывольнаму, сатырычнаму характару тэксту «Прамовы».

Тэкст «Прамовы Мялешкі» друкуецца па спіску Турава-Пінскай архіепіскапіі, надрукаваным Д. І. Даўгялам у сваім артыкуле «З беларускага пісьменства XVII ст.», які змешчаны ў «Трудах Белорусского государственного университета», № 16, Мінск, 1927, стар. 200—205.

[ПРАМОВА МЯЛЕШКІ] [1]

Наяйснейшы милостивы королю и на мене ласкавые панове братя! Выехавши з дому, богу ся помолил, штоб к вам здоров приехал да и вашу милость здоровых огледал.

Пришло мне з вами радити [2], а я на таких зьездах николи не бывал и з королем его милостю николи не засѣдал. Толко за князей наших, которие королевали и которие воеводами бывали, сэнтэнтий тых не бывало, правым сердцем просто говорили, политыки не знали, а у рот правдою, як солею в очи, кидывали. Скоро ж короли больш немцев як нас улюбили, почали нами шебунковати [3], и што старые наши князи собрали, то все немцом роздали нашые господари. Проч Жикгмонта [4] короля! Того нечего и в люди личити, бо Подляше [5] и Волынь наш вытратив, ляхом менечися [6]. Але Жикгимонта первого [7], — солодкая память его. Той немцев, як собак, не любил и ляхов з их хитростю велми не любил, а Литву и Русь нашу любително миловал. И горяздо лепш нашие за него [8] мевалися хоть в так дорогих свитах [9] не хаживали. Другие без ноговиц [10], як бернардыны [11], гуляли, а сорочки аж до косток [12], а шапки аж до самого поеса нашивали.

Дай боже и знов такой годины приждати и тепер! Я сам коли по домовому вбираюся, то ее милость, пани Мстиславская, малжонка [13] моя, натешитися и наглядетися на мене не можеть.

Над то вже огледимося на все тое, милостивые панове, и на тую нуждну немецкую штуку, што наброили [14]. А коли ж то у іх [15]

---

[1] Іван Мялешка — сапраўдная гістарычная асоба. Паходзіў ён з шляхецкага кола Слонімшчыны. Службовая біяграфія І. Мялешкі пачынаецца з 23 чэрвеня 1593 г., калі Сігізмунд III даў яму прывілей на пасаду стольніка Гродзенскага павета. У 1598 г. ён займаў пасаду мазырскага падкаморыя, г. зн. пасаду галоўнага межавога суддзі. З 2 студзеня 1602 г. Мялешка — маршалак слонімскі. З 1603 да 1610 гг. ён кашталян (камендант, начальнік крэпасці, замка) мсціслаўскі, потым да 1615 г. кашталян брэсцкі, з 1615 г. кашталян смаленскі. Тут ён і памёр у канцы 1622 г.
[2] распараджацца, раіць. [3] махлярыць, круціць. [4] Маецца на ўвазе кароль Сігізмунд II Аўгуст (1548—1572 гг.). [5] частка тэрыторыі на захад ад г. Брэста. [6] называючы сябе палякам. [7] маецца на ўвазе кароль Сігізмунд I Стары (1506—1548). [8] у час яго кіравання дзяржаваю. [9] адзенне. [10] штаноў. [11] каталіцкія манахі. [12] да пятак. [13] жонка. [14] надурылі. [15] маюцца на ўвазе немцы.

бывало: у сукнях[1] перестых[2] ходят, а гроши без числа мают, а што городов и мест держать[3], то не хыхі[4]. Да он пак[5] и замешалися з нами и горяздо умеют все лихое говорити. Королем, паном и Речи Посполитой як туж было баламутять[6]. А коли сам немчино идеть, любо жена его поступаеть — через скурку скрипить, шелестить и дорогим пижмом[7] воняет. Коли ж до тебе паничик приедеть, частуй же его достатком, да еще и жонку свою подле его посади. А он сѣдить, як бес надувшись, морокуеть[8], шапкою, дей, перекривляет и з жонкою нашептываеть, дей и в долонку сробеть[9]. Да коли ж бы гетакого чорта кулаком в морду, или по лицом, по хрибте, так што бы король, его милость, не слыхал! Нехай бы морды такой поганой не надымал.

Помню я короля Гэнрика[10], который з заморской, немецкой, стороны, был, да зрозумел, што мы ему не много давали шебунковати, а немци его не велми перекриковали, так он, познавши, што то не штука, да и сам никому не оказавшися проч поехал. Аж в свою сторону, аж за море скинул.

Кажучи правду, не так виноват король, як тые радные баламуты[11], што при ним сидят да крутять. Много тутако таких ест, што хоть наша костка, однак собачим мясом обросла и воняет! Тые, што нас деруть, губять радные! А за их баламутнями нашинец выживитися не можеть, Речи Посполитую губят! Волынь з Подлясем пропал нам! Знаю, нам приступило, што ходим как подъвареные, бо ся их боимо, правды не мовимо, еще з подхлѣбными[12] языками потакаемо. А коли б такого бѣса кулаком в морду! Забыв бы другы мутити.

И то, милостивые панове, не малая шкода, слугы ховаемо ляхи. Давай же ему сукню хвалендыфзовую, корми ж его сластно, а з их службы не пытай. И толко убравшисе на высоких подковах до девок дыбле[13] и ходить з великого куфля трубить. Ты, пане, за стол, а слуга лях собе за стол. Ты борщик, а слуга лях на покутнику штуку мяса. Ты за фляшу, а он за другую, а коли слабо держиш, то он и з рук вырветь. Толко пилнуеть: скоро ты з дому, то он молчком приласкает ся до жонки. И такого чортополоха з немцами выгнати, што до нас влезъли противко праву нашому. Од их милостей, панов ляхов, гинуть старие наши поклоны смоленские![14] Передирайте очи лепше о инфлянты[15], бо тые мечники как влезуть, то их и зублем[16] не выкуриш, як пщолы од меду.

Але здармо поговорили есмо о разных наших утратах. И то не малая штука[17] — кони дрыганты[18] на стайни ховати! Давай же им

[1] адзенні. [2] тонкага каляровага бацісту з дробнымі кветкамі. [3] трымаюць пад уладай. [4] аб тым нечага размаўляць. [5] яшчэ. [6] збіваюць з толку. [7] мускусам, парфумай. [8] трымае думку аб ганебным. [9] скрабе. [10] Генрых Валуа, польскі кароль з 11 мая 1573 г. да 17 чэрвеня 1574 г. [11] ветрагоны. [12] ліслівымі. [13] крадзецца. [14] З тэксту «Прамовы» не зразумела, аб якіх «паклонах смаленскіх» ідзе размова. [15] прыбалтыйскія немцы. [16] дымаром. [17] справа. [18] скакуны.

и лето и в зиме овес и сено, подстилай же их на ноч, ховай же для их слугу ляха, конюшего и машталера [1], а з них жадное [2] службы не пытай. А коли ж еще лях, як жеребец, рже коло девок, как дрыґант коло кобыл, приими ж к нему двох литвинов на страж; бо и сам дидко не упилнуеть!

И то на свете дурнина — годинники! Мне притрафилосе [3] на тандете [4] в Киевѣ купити. Дали есмо за его три копы [5] грошей, а як есмо послали до Вилни на направу, ажно на пятую копу крутить злодей заморщик! Добры то наш годинник — петух, што нехыбне о полночи кукаракуеть.

И то велми страшная шкода — гологуздые кури ховати, их достатком варити и инные пташки смажити. Торты тые цинамоном, микгдалами [6] цуковати. А за моей памети присмаков тых не бывало. Добрая была гуска з грибъками, качка з перчиком, печонка з цыбулею или чосныком. А коли на перепышные достатки — каша рижовая [7] з шафраном. Вина венгерского не заживали перед тым. Малмазию [8] скромно пивали, медок и горилочку дюбали, але гроши под достатком мевали. Мури силные муровали и войну славную крѣпко и лучшей держали как тепер.

И то не до речи [9]: в богатых сукнях пани ходять! Не знали перед тым тых портукгали или фортугали [10]. А подолок рухается, а коло подолка чепляется. А дворанин в ножку, как сокол, згледаеть, што бы где щупнути солодкого мяса. Я ж радил бы, нехай бы беложонки нашие в запинаные давные убералисе козакины, шнурованые на заде носили розъпорки, а к тому, што бы з немецъка зоривали плюдрики [11]: не так бы скоро любителну скрадывали бреднию. А тепер хотя з рогатиною на варте стой, в живые очи такого бѣса не упилнуеш.

Далей о чим радити, не знаю. То вашей милости припоминаю, што бы завсегда сколко сенаторов и панов литовских при королю его милости было, был бы и я. Толко короловщины [12] не маю, бо перед другими не схопил. А што есмо казали, все правда. А Уршулю [13], королевну его милости, миленко в ручку поцаловали, как и другие малодшие сенаторчики. Не дивуйтеся, милостивые панове братья! Вѣк вѣком сказываеть: сивизна в бородѣ и чорът в лидъвях [14] за поесом. На хорошее видане ставку купил.

Не толко в Смоленску, але и в Мозыру увесь повет о том давно радил, кого бы мудърого на той зъѣзд к той сентентии выправи-

---

[1] страмяннога, г. зн. аб'ездчыка. [2] ніякай. [3] здарылася. [4] на кірмашы. [5] тры капы адпавядае ліку 180. [6] міндалямі. [7] рысавая. [8] вельмі каштоўнае заграгнічнае віно. [9] непаразуменне. [10] залатых медальёнаў. [11] штаны, нагавіцы. [12] зямельны надзел з каралеўскага фонду. [13] Уршуля Мейер — вядомая фаварытка караля Сігізмунда III Вазы, з'явілася пры двары караля каля 1608 г. Яе ўплыў у прыдворных сферах пачаўся пасля 1614 г. і ў хуткім часе стаў неабмежаваным. [14] у бёдрах.

ти менѣ велдомого[1] до вашей милости послали, и што бы, бог дал, умети перед королем его милостию и вами, панове братья, одкрити нашие рады.

Сказал бы хто з вас лучшей, толко не баламутячи, то и я на том перестану.

[ЛІСТ ДА АБУХОВІЧА][2]

Ліст да Абуховіча, як і «Прамова Мялешкі», з'яўляецца літаратурным помнікам жанра палітычнай сатыры XVII ст. Але ў параўнанні з «Прамовай» гэта сатыра вузейшага маштабу. Сатырычнаму паказу падпадае тут толькі адзін бок тагачаснай рэчаіснасці польскай дзяржавы, менавіта, амаральнасць і прадажнасць службовай шляхты, яе бяздарнасць у дзяржаўным кіраванні, асабліва ў ваеннай справе, якая была яе манаполіяй. Вось чаму аўтар «Ліста» далёкі ад тых радыкальных вывадаў у сваёй сатыры, якія робіць аўтар «Прамовы Мялешкі». Яго палітычныя ідэалы неакрэсленыя, а таму тут і не вызначана тое, за што ён змагаецца вострым словам сатырыка. Аўтар толькі развенчвае ваенны талент свайго героя і падае яго ў камедыйным плане на суд грамадства. Ствараючы вобраз Абуховіча, ён не паскупіўся на сатырычныя фарбы і згусціў іх да гратэску, выкарыстаўшы ў гэтых мэтах багаты арсенал беларускага фальклору, з якога ён браў з'едлівыя і трапныя прыказкі і прымаўкі. А гэта сведчыць аб тым, што аўтар «Ліста» быў добра адукаваным для свайго часу чалавекам, які ведаў не толькі літаратуру, але і фальклор і ўмеў карыстацца яго сродкамі ў сваёй творчасці. Імя яго нам невядома. Меркаванне ж Д. І. Даўгялы аб тым, што аўтарам «Ліста» трэба лічыць Цыпрыяна Камуняку, патрабуе яшчэ больш пераканаўчага абгрунтавання.

Як і «Прамова Мялешкі», «Ліст да Абуховіча», дзякуючы сваёй сатырычнай накіраванасці супроць польска-шляхецкай улады, карыстаўся выключнай папулярнасцю сярод беларускага народа. Яго чыталі і перапісвалі, аб гэтым сведчаць тыя спіскі гэтага твора, якія захаваліся да нашага часу, менавіта: 1) «Віленскі спіс», 2) «Адэскі спіс» і 3) «спіс Кракаўскай бібліятэкі». Першыя два надрукаваны Д. І. Даўгялам у «Трудах Белорусского государственного университета» (№ 16, Мінск, 1927 г.), дзе «Віленскі спіс» пададзены ў разначытаннях да «Адэскага спіса».

Мы падаём тэкст «Ліста да Абуховіча» па фотакопіі «Кракаўскага спіса», якую нам прадставіў ст. выкладчык Мінскага педагагічнага інстытута імя А. М. Горкага кандыдат філалагічных навук П. Ф. Крапівін, лацінская транскрыпцыя тэксту заменена кірыліцай.

---

[1] вядомага. [2] Піліп Казіміравіч Абуховіч — асоба гістарычная. Паходзіў ён з буйнай шляхты Мазырскага павета. У свой час закончыў Замойскую акадэмію і праславіўся як выдатны прамоўца. Пісаў і друкаваў вершы на лацінскай мове. У 1632 г. Абуховіч быў дэлегатам на сейм ад Мазырскага павета. З гэтага часу ён неаднаразова быў паслом ад розных паветаў і выконваў розныя дыпламатычныя даручэнні ўлады. 25 верасня 1653 г. атрымаў ад польскага караля пасаду смаленскага ваяводы, а 23 верасня 1654 г. смаленскі гарнізон добраахвотна здаўся Маскве пасля 110-дзённай аблогі. Гэта нарабіла шмат непрыемнасцей Пілілу Абуховічу. Грамадская думка проста абвінаваціла яго ў здрадзе Рэчы Паспалітай. Супроць яго была ўзбуджана сеймавая справа, якая ў 1658 г. закончылася пацвярджэннем нявіннасці Абуховіча ў справе здачы Смаленска рускім войскам. Але сам Абуховіч да гэтага часу не дажыў. Ён памёр 6 верасня 1656 г. Зыходзячы з гэтага, час узнікнення «Ліста» трэба аднесці да 1655 г. Справа Абуховіча была ўзнята на сейме 19 мая 1655 г.

Милостивы пане Обухович, а мой ласкавы пане! З умыслу моего посылаю служку нашего давного, пана Иоахима Говорку, обвещывшы доброе здоровие Вашмосци [1] чыли нездоровие, в яким тот час господь ховать рачыт [2] после того перепуду [3] московского. И я так знаю, што нудно Вашмости на жываты [4].

Не гневайсе, Твоя Милость, на мене, што тытулу воеводского не доложыв. Написавшы б я воеводою смоленским, то бы я солгав; написавшы б опять безвоеводзким, то бы се Вашмость гневал, хоць не за што.

Я так разумею: коли Смоленск оддали, то и тытул продали. Много людей об том звещали, што люде и грошы побрали. Лепей было, пане Филипе, седзець табе у Липе [5]. Увалявся есь в великую славу, як свиня у грась, горш то ся стало, коли хто упадзе у новом кожусе у густое болото, у злом разуменю, у обмовах людзких и у срамоти седзиць, як дзяцел у дупли. От нам за тое, што дзешово Москва соболи продавала: всю Русь з людзми одобрала. И то есьмы обачыли, соболие колнеры познавесьмы [6] зараз, што худо будут биться нашие жолнеры [7]. А што мы дурные у кожухах сем лет Смоленска добывали, то вы мудрые у соболях за четырнадцат недель оддали. Боюся вельми, што б за тое баба кому пупа не резала!

Об меншую, чаю, вину, — кажут людзе, — Осьцика небощыка [8] напалохав кат у Вильне, аж мясо его валялося, што одно карточку писав до Москвы неосторожно. Мы и цара в ногу цаловали и грошы побрали, а без маль нам тое не минется!

Пан Госевски [9] не много по-лацинску умев, а з мнейшым [10] людом и апаратом военным и жывностю Смоленска додержав! Мудрость велика, — кажут люде, — як свини. Қали много еи кто зажывает, той ничего не дбает. А кали человек надто кусит — и постягнут [11] мусит и хвосту бывает непокой. Зофиа-философиа радзила [12] седзець высоко, говорыт глыбоко. Қуделя, пане, — жыноцкая реч, да што б пекла горазд оладки. Ест у мене старые книги у новом

---

[1] ваша міласць. [2] пажадае. [3] перапалоху. [4] у жыцці, на сэрцы. [5] Ліпа — вёска над р. Сноўкай у 10 *км* ад станцыі Гарадзея, была старадаўняю ўласнасцю рода Абуховічаў. [6] мы пазналі. [7] салдаты. [8] Маецца на ўвазе Рыгор Юр'евіч Осцік, які быў пакараны смерцю ў 1580 г. у Вільні за пісьмовыя зносіны з маскоўскім баярынам Нашчокіным, як дзяржаўны злачынца, які быццам бы дамагаўся далучэння беларускіх зямель да Рускай дзяржавы. [9] Размова ідзе аб смаленскім ваяводзе Аляксандру Корвіну Гансеўскім (1625—1639), які асабліва праславіўся сярод польскіх магнатаў і шляхты ў 1632 г., калі абараняў Смаленск, абложаны рускімі войскамі Шэйна. 10 месяцаў Гансеўскі трымаўся, пакуль каралевіч Уладзіслаў не з'явіўся яму на дапамогу. [10] меншым. [11] па сэнсу павінна быць «пастагнаць». [12] давала параду, раіла.

кути. Завсюды я там много вычытав жоноцкой псоты, яковых з ума зводзяць людзи мудрых, многих и святых, а што б пак нас грешных к лиху не прывели.

А коли б дотуль Вашмость писаром [1] быв, то б чоловеком слыв. И того б з нас годи [2] было за нашое лихое шалбёрство [3]. Показуюць людзе и тое на Вашмостей, якобы до вымысьлення подымнаго [4] никто не быв прычыною, только Вашмость, которым выкурыли нашых мужыков, як воробьёв з веников. Без мало: з мудрых ораторов не будет много ратаёв [5]. Послом зоставшы много правды не говорыте, толко берете копы [6]. Депутатом копы, комисаром копы. А тые копы пострыгут не одного в хлопы [7], а пан нет ведома гдзе будет. У Гданьску есть там кому вал сыпати и без нас.

Што люде старые мовили, то все правда. И горазд у памяти маю, коли быв пан Мелешко, кашталяном смоленским будучы, на сейме. И я на тот час за ним з кордиком [8] стояв, як мова в тые слова была: «Панове! Кажу Вам правду. По вельми мудрых людзях ничто на свети готая худела [9], що з болота чыниць золото, а з золота болото своими шалберскими мовами и дышкурсами [10]. И он пан з прауды непрауду зробив, а што бы е убогих людей не милы ошукав и в блазны пострыгли [11]. Але поколь он того докажет, сам кепом [12] зостанет. Надувся в сенате, як петух галагуски, а правды не пытай. Усё баламутня. З уткою [13] дерзыт «так, так, так», а коли мовит тое [14] «не так», и писнути не хочет».

Не боявся так короля Егомости [15] Зыгмунта [16] и усех сенаторов, а ни умев болей ено [17] Часовник [18] и Псалтыр почытаць!

По многих книгах зблудився теперычны розум, як коза по лесе. А на прауду святую ни од кого ока здорового нет. Одно баламутня. И сами погибнут и нас погубят. Кожден мости, пане, ужыват буде. А какая такая особка, таки ж и поп чоловек!

Циунец [19] мой з рыкунею [20] быв з сынами [21] на торгу у лонной маетности [22] моей. Чув од когось и то мене звестив, што ляхы [23] на Вашмости вельми позакарычывали хвосты [24]. Одно б только сейм дошов, альбо оны быв хочут Вашмости о тое турбоват. Не кеп-

---

[1] Маецца на ўвазе пасада пісара Вялікага княства Літоўскага, якую Піліп [4] від Абуховіч займаў у 1651—1653 гг. [2] досыць. [3] махлярства, ашуканства. падатку ад коміна. [5] земляробаў. [6] лічба, роўная 60. Тут «копы» ўжыта ў сэнсе «хабар». [7] халопы, рабы. [8] шабелька. [9] «готая худела» — сэнс гэтага выразу незразумелы. Магчыма гэта месца сапсаваў перапісчык, бо ў «Адэскім спісу» яно чытаецца: «гэтая хвіля». [10] развaжаннямі. [11] Тут сапсаваны цэлы сказ, які па «Адэскаму спісу» чытаецца: «а що бы нас, убогих людей, не мели ошукать и ■ блазны пострыхчы». Па «Віленскаму спісу» чытаецца: «штоб нас ошукать и у блазны постригти». [12] дурнем. [13] Па «Віленскаму спісу» чытаецца: «З гурбою». [14] прапушчана, напэўна, слова «хто». [15] яго міласць. [16] Маецца на ўвазе кароль Рэчы Паспалітай Сігізмунд III Ваза (1587—1632). [17] адно, толькі. [18] Часаслоў. [19] «Циунец» — асоба, абавязкам якой было наглядаць за сялянскай працай на паншчыне. [20] жанчына, якая даглядала кароў у маёнтку пана. [21] У «Адэскім спісу» гэтае слова чытаецца: «з сырамі», што больш адпавядае сэнсу. [22] «лонная маетносць», г. зн. нерухомая маёмасць, якая перадавалася ў спадчыну. [23] зняважлівая клічка палякаў. [24] «позакарычывалі хвосты», г. зн. апалчыліся.

ско! Дай то, боже, штоб ся тое дармо не минуло. И то ли правда, чы ли не, показывают на Вашмости, якобы Вашмость у два на дзесят сот пехоты зъехав на одзыскане Смоленска. Даремно то, Вашмость, старане! Маючы чатырнадсот пехоты до обороны Смоленьска людзей зацных и добрых пры жывности и гармате, да не хотев боронити, а тепер только маючы [1]; грэблю в маентности Полонной [2] сыпат позваляю, а [3] Смоленска назад одзыскиват!

Ой, пане! годи фронцавитат [4], як слижа у Немэн упустит. Не заутра ужо тое буде! Минут его и трое люди!

И тое кажут доводне. Во всих штурмах Вашмости только одного ткача забито и то не вельми знаменитого. Ктось побрэдил, якобы Вашмости воеводство Краковское король Его Милость в нагороду Смоленска мае дати. Боятся ляхы вельми, што бы Твоя Милост венгром оных не продав.

Нешто, пане, сто родом дому деется! Дзед Твоей Милости, коли генералом быв в Мозыру, то, — слышав, — што за малые грошы неправду продавав. Пан отец Вашмости, судёю будучы мозырским за моей памяти, у кого больш взяв, того хороше осудив. Коли небощык з тэго света уступив [5], мозыране вельми рады были! А коли б Вашмость догэтуль за правдою ходив, то б и бог помогав!

До души то мени так дивно, што Вашмости трыста подвод под одну постель Москва дала! То б гэто не постель была так вельми цяжкая! Хыба каждая перына обернулася в чэрвоные золотые? Сяк так нагородився Вашмости пуд [6] московски. Коли б гэтакую кучу «гною» дал вывести из Смоленска Хмельницкому до Чэгорына, и то б не без шкоды было!

Пане! У мене гэтой брэдни ест не мало! Одных перын девят, кром дробных подушек, и то одна кобыла возит, где тэй брэдни потрэба!

Меу бы што и болей до Вашмости писати, зленивяуся довже и стат не могу. Да не гневай же ся, Господару. А кто ж кого осцерэжот, коли не милы, давный свой друг?

Датт з Тулян [7] дня 6-го иулия 1665 [8] року.

---

[1] У «Віленскім спісу» пасля гэтага слова чытаецца: «дванадесять пехоты». Без такой устаўкі сэнс сказа па гэтаму рукапісу губляецца. [2] Маецца на ўвазе в. Палонная, якая размешчана над р. Рутаю (левым прытоку р. Сервеч) па дарозе з Навагрудка ў Карэлічы, у 3-х *км* ад Карэліч. [3] прапушчана адмоўе «не». [4] Тут незразумелае месца ў тэксце «Ліста», мабыць трэба чытаць «францiцца», г. зн. паказваць гонар. [5] памёр. [6] спалох. [7] Напэўна маецца на ўвазе населены пункт Тулянін, які знаходзіцца ў 79 *км* ад г. Слоніма. [8] Дата помніка ва ўсіх трох спісах розная. У «Адэскім спісу» ён датуецца «6 юлиа року 1655», у «Віленскім спісу» — «6 юния 1655 году». За дакладную дату трэба лічыць 1655 г. Аб гэтым сведчыць дата вызвалення рускімі войскамі г. Смаленска, менавіта 3 кастрычніка 1654 г. і, што асабліва важна, час смерці самога Піліпа Абуховіча. «Ліст» жа адрасуецца яму як жывому адрасату. Што датычыцца месяца напісання, то хутчэй за ўсё «Ліст» быў напісаны ў чэрвені месяцы, як гэта адзначана ў «Віленскім спісу». Аўтару «Ліста» яшчэ невядома пастанова Варшаўскага сейма ад 19 мая 1655 г. па справе Абуховіча. Аўтар яшчэ толькі паведамляе аб чутках, што Абуховіча збіраюцца судзіць на бліжэйшым сейме Рэчы Паспалітай.

ДРАМАТУРГІЯ

Вострая палітычная барацьба беларускага і украінскага народаў за сваё сацыяльнае і нацыянальнае вызваленне супроць польска-шляхецкага засілля абумовіла шпаркае развіццё шырокай сеткі брацкіх школ у канцы XVI і пачатку XVII ст. ст. З развіццём дзейнасці брацкіх школ як культурных цэнтраў, закліканых даваць адпор езуіцкай прапагандзе, цесна і непарыўна звязана ўзнікненне новага віда літаратуры — драматургіі. Зараджэнне драматургіі пачалося ў брацкіх школах з тых першых інсцэніровак асобных біблейскіх сюжэтаў, якія рабіліся выкладчыкамі рыторыкі і піітыкі ў вучэбна-педагагічных мэтах для школьнага тэатра, дзе акцёрамі былі самі вучні. З цягам часу побач з інсцэніроўкамі біблейскіх сюжэтаў пачалі ўзнікаць і самастойныя драматычныя творы, тэкстаў якіх, на вялікі жаль, да нашага часу захавалася вельмі мала.

Паколькі школьныя драмы, усе без выключэння, насілі рэлігійна-павучальны характар, то яны сваім зместам хутка прытуплялі ўспрыйманне гледача. Тады для разрадкі напружанага стану гледача і ажыўлення яго ўспрыймальнасці паміж актамі школьных драм устаўляліся асобныя вясёлыя камічныя сцэнкі з жыцця і побыту простага люду. Зместам гэтых камічных сцэнак, атрымаўшых пазней назву інтэрмедый, або інтэрлюдый, у большасці выпадкаў служылі вясёлыя народныя анекдоты. Дзеючымі асобамі іх былі прадстаўнікі «ніжэйшых» слаёў грамадства — сяляне, салдаты, карчмары, царкоўныя вартаўнікі, студэнты, цыганы, рамеснікі і традыцыйны персанаж рэлігійнай літаратуры — чорт, які часам выводзіўся ў інтэрмедыі празмерна дурным. Аўтарамі гэтых інтэрмедый былі ў пераважнасці самі студэнты брацкіх школ.

Не звязаныя арганічна з сюжэтамі школьных драм, інтэрмедыі з цягам часу сталі выкарыстоўвацца вандроўнымі прадстаўнікамі бяднейшай часткі студэнтаў духоўных школ у якасці самастойнага рэпертуару для тэатра, які ў Беларусі атрымаў назву «батлейка», на Украіне — «вертеп», а ў Польшчы — «шопка».

У часы змрочнай каталіцкай рэакцыі, калі сеймавай пастановай 1697 г. беларуская мова была забаронена для пісьмовага ўжывання як у дзяржаўных, так і ў іншых справах, беларуская батлейка сумесна з фальклорам з'яўлялася адзіным магчымым сродкам для развіцця нацыянальнай літаратуры і папулярызацыі яе ў шырокіх масах народа. Узнікшы ў XVII ст., беларуская батлейка, па сведчанню Змітрака Бядулі, праіснавала да 1915 г., да сваёй апошняй пастаноўкі ў г. Мінску.

У выніку таго, што рэпертуар батлейкі ў свой час не падвяргаўся літаратурным запісам, да нас не дайшоў ні адзін з батлеечных тэкстаў, які быў бы датаваны XVII або XVIII ст. ст. Нават тыя тэксты інтэрмедый, якія знаходзіліся ў рукапісных зборніках школьных драм XVII і XVIII ст. ст. і захоўваліся ў Ленінградскай дзяржаўнай публічнай бібліятэцы імя Салтыкова-Шчадрына (маюцца на ўвазе зборнікі школьных драм з рэпертуару езуіцкіх

калегій Q. XIV.10, Q. XIV.12, Q. XIV.18, Q. XIV.30), за выключэннем той невялікай часткі, якая ў свой час была апублікавана акадэмікам Е. Ф. Карскім і праф. А. Брукнерам, загінулі. З 1922 па 1927 гг. гэтыя зборнікі разам з іншымі пісьмовымі матэрыяламі, па ўмовах Рыжскага дагавору, былі перададзены Польшчы на той падставе, што яны былі напісаны польскай транскрыпцыяй. А між тым мова інтэрмедый з гэтых зборнікаў, як гэта відаць з урыўкаў, пададзеных акад. Е. Ф. Карскім у яго працы «Белорусы» (гл. т. III, вып. 2, Петраград, 1921, стар. 215—235), чыстая беларуская, толькі з невялікай прымессю паланізмаў.

Інтэрмедыі з езуіцкіх зборнікаў школьных драм насілі характар бытавых замалёвак з жыцця беларускага селяніна, які ў большасці выпадкаў паказваўся ў карыкатурным выглядзе. Гістарычная каштоўнасць інтэрмедый гэтага паходжання заключаецца толькі ў тым, што яны захавалі на сваіх старонках жывую гутарковую мову беларуса ў той час, калі яго мова была афіцыйна забаронена і выціснута з літаратуры польскаю моваю амаль на два стагоддзі.

Адрозніваліся ў гэтых адносінах інтэрмедыі, якія ўзнікалі ў асяроддзі праваслаўных духоўных школ Украіны. Яны нярэдка адлюстроўвалі класавую барацьбу таго часу і давалі рэалістычныя замалёўкі жыцця тых сацыяльных слаёў, прадстаўнікі якіх выступалі ў якасці дзеючых асоб інтэрмедый. Праўда, збоку мовы гэтыя інтэрмедыі прадстаўлялі яшчэ большую стракатасць, чым інтэрмедыі езуіцкіх калегій. Кожная дзеючая асоба тут размаўляе па-свойму, адпаведна сваёй нацыянальнай прыналежнасці і сацыяльнаму становішчу. Такая стракатасць мовы гэтых інтэрмедый дае падставу лічыць, што ў напісанні іх прымалі ўдзел як украінцы, так і беларусы, і разглядаць гэтыя творы трэба як частку беларускай літаратурнай спадчыны XVII—XVIII ст. ст.

Пададзеныя ніжэй тэксты інтэрмедый друкуюцца па першавыданнях. У тых тэкстах, якія ўпершыню былі надрукаваны лацініцай, мова дзеючых асоб, што размаўляюць па-беларуску, перакладзена намі на сучасны беларускі алфавіт, але з захаваннем арфаграфіі першавыдання.

[ІВАН І ЦАРКОЎНЫ СТОРАЖ]

Гэта інтэрмедыя з'яўляецца самай старэйшай з усіх беларускіх інтэрмедый, якія дайшлі да нашага часу. Яна служыла ў якасці ўступу да школьнай драмы «Камедыя аб Якаву і Іосіфу патрыярху». Знаходзілася яна ў рукапісным спіску некага Е. Пылінскага з г. Гродна. Рукапіс гэты датаван 1651 г. Пададзены ніжэй тэкст інтэрмедыі друкуецца па выданню Е. Ф. Карскага «Белорусы», т. III вып. 2, Петраград, 1921, стар. 215—218.

Іван.

Панове, што то за дзело будуть тут дзелаці,
Чы не свадзьбу на мейсцу сём будуць скакаці?

Aulicus.

Ja wiem, lecz tobie darmo nie powiem, Iwanie [1].

Іван.

Прошу цебе, скажы мне, мілосцівый пане.

Aulicus.

Jeźli chcesz, żebyś co się tu dziac będzie wiedział,
Potrzeba, na pytanie byś mi odpowiedział.
Naprzód czemu żydowie kozy rodzi iedzą,

[1] Я ведаю, але табе задарма не скажу, Іване.

Bo taiemnice pewnie te ludzie nie wiedzą[1].

Іван.

Бацько так мой казывал, цівун вельмі зачны[2]
І з наукі хлубокей, ўсім мужом значны.
Быў ён вельмі ч(уж)эму, вельмі научоны,
І по ўсём нашым селе наукам уставёны.
Умеў ён ганбецадло, панове, цалое,
Як рускоє, так тэж мудрэйшэ ляцкое.
Тот бывало он о том гэтак людзём кажэць,
Хды спытаюць, чаму жыд кажыну вельмі ядаець.
Колі бог мілосьцівы тварыў сьвят з нічого,
А чоловека чыніў з хліны мізэрного,
На ўсе іннэй рэчы рок хвят[3] творячы,
А біес сен пшыпатровал[4] господу, стоячы.
Хцел біес собе удзялаты[5] подобного зхола[6],
Не знаючэ, што сова не родзіць сокола,
Хоцеў мовіць панского хвят насьлядуёнц[7],
Але вымовіў: хвік, хвік! ашно выскакуёнц[8]
Уйжал[9] казу з рогамі і з хвостом велікім.
Хоцечы се прыхледзіць пшымётом[10] усякім,
Унял[11] казу за еи хвост; каза, как шалёна,
А знаць его рогамі была пострашона,
З велькім пудэм[12] на плоты высокіе скочыла,
Але ему свой хвост ў руках зоставіла.
Ведаеш цепер, чом казы бес хвостоў свых[13] ходзюць,
А козлята чэму од ніх такіе родзюць.
І для тэго родзі еш казыне жыдове,
Бо так небосчык казаў бацько мой, панове.

Aulicus.

Nie pleć, chłopie, żadne nie może z niszczego
Utworzyć nic stworzenie procz Boga Samego.
Odpowiedź że na drugie, chłopie, me pytanie,
Jeżli chcesz wiedzieć na co ludzi to zebranie;
Co jest Bóg y co iest Ynia chwalebna
I wszytkim odszczepieńcom barzo iest potrzebna[14].

Іван.

Борiс ест сьветого Мікулы рожоны брат; і колiп бог не быў богом, то б сьветы Мікула быў богом, а унія ест Пречистой рожоная сестра. Так мой бацько небосчык староей веры казаў.

---

[1] Калі хочаш ты ведаць тое, што тут будзе дзеяцца, патрэбна, каб ты мне адказаў на пытанне. Перш за ўсё: чаму яўрэі ядуць рогі казы, бо таямніц, напэўна, тыя людзі не ведаюць. [2] высакародны. [3] Сказаў: «fiat». [4] А бес (г. зн. чорт) прыглядаўся. [5] зрабіці. [6] поўнасцю, зусім. [7] наследуючы. [8] выскачыўшы. [9] убачыў. [10] прыкметах. [11] схапіў. [12] спалохам. [13] сваіх. [14] Не пляці, хлопе, ніхто з нічога не зможа ўтварыць, ні адна істота, апрача самаго бога. Адкажы, хлопе, на другое маё пытанне, калі хочаш ведаць, для чаго сабраліся тыя людзі: Што ёсць бог і што ёсць унія хвалебная і ўсім адшчапенцам вельмі патрэбная.

Aulicus.

Nie mów takich słów, chłopie, bo Bóg nieskończony,
A święty zaś Mikołay był człowiek stworzony.
Uniia ziednoczenie iest wiary prawdziwey,
Lecz nie iest siostra Panny nad wszech dobrotliwey.
Na teś rzeczy nie trafił, cnłopie, adpowiedzieć.
Lecz iescze tego chcę ia od ciebie dowiedzieć:
Jako rozumiesz, chłopie, czyia lepsza wiara,
Powiedź mi, bo inaczey weźmie cię poczwara,
Jak cię... dym obłożę kiiem podle ucha,
Że nie przyidziesz do śmierci do dobrego słucha [1].

Іван.

Добра наша вера уніціцкая, да такі праўду мовячы лепша ляцкая, та і коняцкая. Бо счо лях або уніат, то панок, а счо усматык [2], то мужык лядасчо, да што ш такі добро по Сеньку шапка. Мужыком добрая мужыцкая вера, собака зьесьць і бес солі; старая вера наша — праўда то, — да і чорт жэ не молоды, да такі бесу сходзі се, моліўся доўхо богу, да і жыд моліцьсе, да такі бесу ходітся.

Aulicus.

Jużeś prawdę powiedział, wiedzieć będziesz zaraz,
Co się na tym theatru będzie działo teraz.
Będzie tu komiedia o swiętym Jakobie.
I o iego iedyney Jósephie ozdobie,
Jako od swoich braciey był w Aegypt przedany,
Jako potym w Aegypcie był od nycn poznany [3].

Іван.

А чы будзець жэ чорт з рогамі?

Aulicus.

Będzie y ten, bo bracia na Józepha wzbudzić.
Będzie się starał, oyca do smutku pobudzić [4].

Іван.

А тут хто?

Чорт.

А (во)сь я бес, сысмацікі сын.

---

[1] Не кажы такіх слоў, хлопе, бо бог несканчоны, а сьвяты Мікалай быў чалавек створаны. Унія ёсць з'яднанне веры праўдзівай, але не сястра панны за ўсіх дабратлівай. На гэтыя рэчы не ўдалося табе, хлопе, адказаць. Але яшчэ таго я хачу ад цябе даведацца: Як ты, хлопе, разумееш, чыя вера лепшая, скажы мне, бо інакш цябе возьме здань, як цябе . . . ды аблажу я кіем каля вуха, дык не будзеш мець аж да смерці добрага слыху. [2] а што схізматык. [3] Ужо ты праўду паведаміў. Зараз будзеш ведаць, што будзе рабіцца тут хутка на гэтым тэатру. Будзе тут камедыя аб святым Якаве і аб яго адзінай аздобе Іосіфу, які сваімі братамі быў у Егіпет прада790ны, а потым у Егіпце быў імі апазнаны. [4] Будзе і той, хто братоў на Іосіфа стараўся натравіць, а бацьку яго да смутку прымусіць.

Іван.

Ідзь жэ, чорце, од мене до беса.

Чорт.

Я цебе люблю.

Іван.

Да я цебе не люблю.

[СЕЛЯНІН І СТУДЭНТ] [a]

Colonus. Ахце мне ж, людзей, людзей, як вады! Але там рабята-жэўжыкі, віхер іх носіць, круцятца. Гэта кажуць, што іх на пагулянку раз у год пушчаюць. Там жэ то ні ладу, ні парадку: адзін другога піхіць носэм на землю, у чубкі, на кулачкі як запалюць. Ах, дарога, дарога праклятая! Самые пекелішкі. Утаміўся, як сабака, пашанаваўшы ясного сонейка, красного месечка і вас паноў! Прысяду троху. Мась [1] панове, ат на пацеху вашую і сваю прызнаюся вам, што ёсць у мяне дома Баўтрук баструк [2], да жалься, боже, што мужыком урадзіўся. Такая прашкуда прамысльная [3] да бакіламара [4], як на пірагі з масліч-кам напіраецца! Калі б гэта розум на няго набыць, парушы(ў) бы я сваей машны [5]. А цяпер, як гэтые жэўжыкі разлезуцца, і за грошы го [6] мог бы дастаць.

Studiosus.. A ty, mużyk, co tu masz za spawę? [7]

Colonus. Не музык, мосць пане, а ні дудар, парою у кулак затрублю, калі дзеткі ў хаце зубамі звоняць.

Studiosus. Ale co ty masz za spawę [8].

Colonus. Нет, маспане, непісьменны чалавек, правовацса ні умею, а хаць бы пасварыўся з суседамі, то зараз урадпік разсудзіць справу пастронкам.

Studiosus. Czy masz iaką potrzebę? [9]

Colonus. Куды, мой ты саловейку, патрэбы, я і кунтыша не маю, дабро каб світка была на хрыбце.

Studiosus. Głupi chłop iak cielę [10].

Colonus. Было адно целятко і тое здохло.

Studiosus. Dyszkuruie iak grochu się obiadszy [11].

Colonus. У мене, панічку, дзецей як бобу, а гароху і асмінкі нету.

Studiosus. Darmo, iak widzę, groch na ścianę rzucam [12].

Colonus. І ты, масьпане, вельмі шуміш. Гарох у гаршчок, не на сцену кідай.

Studiosus. Chłop rozumu y za szeląg niema [13].

---

[a] Тэкст інтэрмеды пададзены па выданню А. Брукнера (гл. Archiv für slawische philologie, т. XIII, стар. 232—236). [1] скарочанае слова «міласцівыя». [2] пагардлівая назва юнака, які не слухаецца бацькоў. [3] пранырлівы, спрактыкаваны. [4] бакалаўра. [5] кішэні, кашалька. [6] яго. [7] А ты, мужык, што ў цябе тут за справа? [8] Але што ў цябе за справа? [9] Ці не маеш якой патрэбы? [10] Дурны мужык, як цялё. [11] Размаўляе як гароху аб'еўшыся. [12] Дарма, як бачу, кідаю гарохам па сцяне. [13] Мужык розуму і за шэляг не мае.

Colonus. Да такі у мене барада як лес, а розуму бы не было. А гэто знаеш, мой лебедзю, што кажуць: калі б на панскую мудросць не мужыцкая хітросць, даўно б мужыкі пагіблі. Да маю сынка жэўжыка, такі як парасятка свавольнае.

Studiosus. Teraz iak prosię zwyczaynie, a iak wyroście będzie z niego świnia[1].

Colonus. Да ну, масьпане, і паліцікі не ўмееш.

Studiosus. Mniemasz oto, coż z tego, że masz Syna? [2]

Colonus. Ей, хацеў бы для него розуму больш вытаргаваць, чы не будзець як даразыцьса?

Studiosus. Moy mużu, wy czasem za kwartę gorzałki rozum przedaiecie, a za co się my mamy drożyć; dostaniesz y u mnie za bity talar dostatkiem, tylko w coż weźmiesz? [3]

Colonus. Кажуць, масьпане, што розум да галавы ідзець; то гэто ты, вашэць, мне у ухо накладзі, а я сынку свайму у дома усё вытрасу.

Studiosus. Dobrze y tak, tylko czy pojmiesz ty sam? [4]

Colonus. І паймаю, масьпане, не уцячэць, не.

Studiosus. Słuchay że: Verbi caepi movi[s] [5].

Colonus. Што, што? З вербы цэпы новые? Не, мой галубчыку. З вербы лядашто цэпы. Учы чаго іншого. Паруш і розуму лацінского.

Studiosus. Czy nie choczesz być matematicus? [6]

Colonus. Гэто. Гэто матаць на ус; гавары больш.

Studiosus. Dobrze, są tam duo cardines coeli [7].

Colonus. Што, што? Дзве карбоны цэлые! Не маю, бачыш, не адной цэлэй, вытрасліураднікі.

Studiosus. Nie rozumiesz y tego [8].

Colonus. І розумею, масьпане, калі цэлые карбоны, а калі не цэлые.

Studiosus. Poydziemy do Loiki, tylko mowią że tam caligo Spinoza [9].

Colonus. Згінь! Прападзі з розумам! Нехай ідзець калом у землю. Не хачу, пане шпектар.

Studiosus. Ale nie rozumiesz. Ja mowię caligo Spinoza [10].

Colonus. Да знаю, што кажэш: калом па спіне шуплю. Я тое, куды ты, вашэць, круціш, не хачу.

Studiosus. Otoż doydzisz z nim sprawy. Ja mowię caligo Spinoza, a on mowi kołem po spinie [11].

Colonus. Годзе. Годзе таго. Вельмі пераўчуся.

---

[1] Цяпер як звычайнае парасё, а як вырасце, то будзе з яго свіння. [2] Ці думаеш ты аб тым, што з таго, што маеш сына? [3] Мой мужу! Вы часам за квартай гарэлкі прапіваеце розум, а за гэта мы маем даражыцца. Дастанеш ў мяне за біты талер яго з дастаткам, але толькі ў што ж ты возьмеш? [4] Добра і гэтак. Толькі ці зразумееш ты сам? [5] Слухай жа: (набор лацінскіх слоў). [6] Ці не хочаш ты быць матэматыкам; [7] Добра (набор лацінскіх слоў). [8] Не разумееш і таго. [9] Пойдзем да логікі, толька мовяць, што там незразумелы Спіноза. [10] Але, не разумееш. Я гавару незразумелы Спіноза. [11] Хіба ж дойдзеш з ім справы? Я гавару незразумелы Спіноза, а ён кажа: колам па спіне.

S t u d i o s u s. Poczekay, chłopie, trzeba ci wbić y to dobrze w głowę, żeby nie wypadło, trzeba ci dać po uchu [1].
C o l o n u s. Не важся. Зараз розумам назад аддам.
S t u d i o s u s. Oddayże talar bity, iakoś obiecał [2].
C o l o n u s. І не, масьпане. Я ад цебе ж научыўся, што карбоны не цэлые. А да таго ведаеш, панятко, што глупі даець, а мудры бярэць. А я цяпер розум маю з твае наукі. Не дам, не дам ні шэляга.
S t u d i o s u s. Jak chłopie? Bycie zabito, daway talar bity [3].
C o l o n u s. Пастой, мой спадару. Што таляра не маю, а бітого калі хочэш, вазьмі па хрыбце.
S t u d i o s u s. Zgiń, przepadni z taką zapłatą! [4]
C o l o n u s. Вярніся, панятко, не добре прыбіў! Пастой, паздры, не заплаціў саўсім.

[СЕЛЯНІН І ВУЧАНЬ УЦЯКАЧ] [a]

С е л я н і н. Знову я на торг з мяхом, з кісцянём гэтым. Купіць не купіць, а патаргаваць вольно. Той шубравец скубент хацеў простаго чалавека ашвабіць, да і Мікіта — цвік — не дасца. Трэба бы троху па польскему ензык пшеламаць, каб не ушэнды, васпанство, пазналі, жэ хлоп прастак. Слугавал я кедысь і под харунгвіо драгарскон. Патрэба только собе прыпомнець.
S t u d i o s u s - F u g i t i v u s. Oy źle, źle, przyidzie się utopić z despe-racyi... dostałem inspectora iakiegoś niemiłosierdnego, chce żeby y w domu z Alwarem y zteką się nosił... trzeba się chować... [5]
С е л я н і н. Панятко, мой салавейко! Чы не ад бакіламара уцекаеш?
S t u d i o s u s. Prawdziwy Bokiłamar; pewnie że boki i grzbiet będzie w strachu, zmiłujsię, schoway mię, Panie mużu, gdzie możesz, kontusik ci ten oddam, a żeby zaraz: nie bawże, bo iak mię złapie, dogrzeie mi do żywego [6].
С е л я н і н. Сюды, панятко! Лезь у мех, лезь.
S t u d i o s u s. Ale y tu będzie gorąco [7].
С е л я н і н. Такі ж не так, як калі пан шпектар духу спытае... я скажу, што нясу з гуты шкло рознай масці: пляшкі, шклянкі, банкі, збанкі.
S t u d i o s u s. A kiedy się naprze, żeby pokazać? [8]
С е л я н і н. То я скажу, масьпане, шкло гэтае гутнік рыцэрскім узлом завязаў. Пан мае бакі на друзгі патаўчэ, калі адвяжу. Южэм не адвяжу, не бойся. Қалі б толькі не ўдарыў з кардыакі.

---

[1] Пачакай, хлопе! Трэба табе і тое добра ўбіць у галаву, каб не выпала, трэба табе даць па вуху. [2] Аддай жа біты талер, як абяцаў! [3] Як хлопе? Быццам забіта. Давай талер біты. [4] Згінь, прападзі з такою заплатай. [a] Тэкст пададзены па А. Брукнеру (гл. Archiv für slawische philolcgie. т. XIII). [5] Ой, бяда, бяда! Прыдзецца заліцца ад роспачы ... дастаўся мне якісьці неміласцівы інспектар. Хоча каб я і дома з Альварам не расставаўся ... трэба схавацца. [6] Праўдзівы бакіламар. Пэўна, што бакі і хрыбет пазнаюць страху. Змілуйся, пане, схавай мяне, дзе можаш! Куртку табе гэту аддам. Толькі схавай зараз, не марудзь, бо як злове мяне бакіламар, то дагрэе да жывога. [7] Але і тут будзе горача. [8] А калі патрабуе, каб паказаў?

Studiosus. A kiedyż uderzy, coż mnie czynić? [1]
Селянін. То ты панятко, звані так, як шкло: цінь, цінь...
Studiosus. Czy tak: tiń, tiń, tiń! [2].
Селянін. Добре, добре, але патрэба троху таўсцей: дзын, дзын дзын...
Studiosus. Potrafię y tak, zmiłuysię tylko nie wydaway [3].
Селянін. Южэ ж я дадзержу. Лезь, мышачко, у ямку, пасядзі ў гэтай клетцэ, мая перапёлочка.
Studiosus. Oy duszno [4].
Селянін, Будзе ешчо і душней паждаўшы. Да ты цярпі, панятко
Studiosus. Ale dusza ze mnie wylezie [5].
Селянін. Што гэто пляцеш? Я завязаў добре, а мех усюды цэлы, нігдзе дзіркі нет. Не вылезе душа, не вылезе! Сядзі гэтак. Утаі духа: ідзець хтось! *(Падымае мяшок.)* Ах, цяжанька шкло ў беса, не данясу я цэлого.
Studiosus. Tiń, tiń, tiń [6].
Селянін. Не крычы, не крычы! Яшчэ не б'е ніхто.

(Тым часам селянін падрабляе свой голас пад інспектара, быццам бы патрабуючага паказаць, што селянін нясе ў мяшку, а сваім голасам адказвае)

Ах, змілуйся, масьпане, то мне бокі пан патаўчэць... загубіш мене на векі. Да годзі. Бойся бога! З чым я прыду? Ахці мне ж... Южэ ш, масьпане, калі хочэш, то бі мене, а шкло няруш! *(Другім голасам.)* Kiedyś się naparł, oto raz po tobie, a drugi raź po szkle [7]. Ах, зубы мне выбіў! Ах, ліхенько... ах, ахці мне ліхо! *(Б'е па мяшку.)*
Studiosus. Dyn, dyn, dyn [8].
Селянін. Гэто масьпане, і не маё шкло перагуторыло, што дарма яго калечыш. *(Другім голасам:* Zgiń przepadzi, czy nie czary jakie [9]. *Трасе, адыходзіць.)* Ахці мне ж! I зубы павыбіяў і бокі паламаў, панёс яго бес ужэ.
Studiosus. Panie mużu, zmiłuysię odwiąż, strasznie gorące, dogrzał mi do żywego [10].
Селянін. Куды табе адвязаць! I рукі не парушу. От ні за сёё, ні за тое калекам застаю.
Studiosus. Zmiłuysię choć zęboma odgryż [11].
Селянін. Куды зубамі! I зубка нету. Усё той шубравец бакіламар павыбіяў. Пастой только, чы не адвяжу. От бяда! Якога ты мне ліха нарабіў? Лезь к бесу, калі б ты прапаў.
Studiosus. Wział że ia, wział za swoie [12].
Селянін. Аддай сюды сукнянку. Ужэ бачу нешто рабіць.
Studiosus. ... a co to się walą? [13]
Селянін. Гэто зубы мае, панятко, павыпадалі.
Studiosus. A czemuż tak gruba? [14]

---

[1] А калі ўдарыць, што ж мне тады рабіць? [2] Ці так: цінь, цінь, цінь! [3] Здолею і так, злітуйся толькі: не выдавай! [4] Ой душна! [5] Але з мяне душа вылезе. [6] Цінь, цінь, цінь. [7] Калі напароўся, то раз па табе, а другі раз па шклу. [8] Дзын, дзын, дзын. [9] Згінь, прападзі, ці не чары якія! [10] Пане мужу, злітуйся, адвяжы! Страшна горача. Дагрэў мяне да жывога. [11] Злітуйся, хоць зубамі адгрызі! [12] Атрымаў жа я, атрымаў за сваё. [13] ... а што гэта валяецца? [14] А чаму ж так груба?

Селянін. Папухлі ад балячкі, панічку мой, салавейко! Перабач, мой лебедзю.

От так трэба гэтых жэўжыкоў розуму паўчыць. Накідаў я яму добре. Нехай знае, што то ад бакіламара ўцекаць. А такі ж не дармо прыходзіць і гэтое да дому. Да ўжо ж я тут не вельмі буду прасушацса; калі б не было хвігель за хвігель с тым часам і камедзея скончыцса.

[ЧОРТ АСМАЛЕЙКА][a]

Чорт Асмалейка дужа захварэў і патрабаваў ад сваіх хлопчыкаў, каб яны як мага хутчэй прывялі да яго знахара, які зможа яго вылечыць. Хлопчык выконвае загад чорта: зазваў ведзьмаў, чараўнікоў і знахараў. Прыйшоў селянін-знахар, які знаёміць з сабою чорта такім чынам:

Селянін.

Добрый я цырулік, умію лечыці;
Ведаю, як лекарства добраго зажыці.
Я его злечу зараз агародным зелям,
Выпару чорта ў лазні маладзенькім хмелям.
А калі не паможэ, то ж жыда з масьцямі
Зазваці, з рознымі его пархумамі.

Daemon.

Ratuy prętko, zmiłuy się. Lekarstwo mi gotuy[1].

Селянін.

Здыхай жэ борздо, чорце, не бойсь, бес не возьме
Цебе, калі маё око ясноё не засне.
Чы б'юць пульсы, надобе ў его пагледзеці.
Выцегніце тут борздо, вы чортавы дзеці.

Puer I.

Weźmę ia go za ręce a wyciągnę nogi[2].

Puer II.

A ia wiele szkodzące przycisnę mu rogi[3].

Селянін.

Ах, пульс як то б'ець моцно, як у пекле гарыць,
Гарачка так усего его цепер смаліць,
Ізыспаду і зверху агонь выбухаець,
Хоць чорт, а жадного бачэня не маець
Агонь пекельны. Трэба яко бачу сала
Дубоваго, каб мая рука шмаравала
Его косьці, павернеце на бок сюда лепей,
Азалей[4] ён пачуець лекарство то смачней.

---

[a] Тэкст пададзены па выданню Е. Ф. Карскага «Белорусы», т. III, вып. 2, Петраград, 1921, стар. 220—222. [1] Ратуй хутка, злітуйся. Лякарства мне гатуй... [2] Я яго вазьму за рукі і выцягну ногі. [3] А я, вельмі шкодзячы, прыцісну яму рогі. [4] напэўна, мабыць.

Ой, ужо шмароване пан д'ябел наш чуе,
Аж іскры сыплюцца, так добре шмарує.
От ужо гарачка гэто можэ выходзіць,
Не будзе ему агонь гэтой болей шкодзіць.

Daemon.

Ieszcze zle na żołądku y boli mi gardło,
Trzeba by przez ie przepuścić mi sadło[1].

(Хлопчык раіць і іншыя лякарствы.)

Селянін.

Будзе ўсё, ешчэ алей палункові,
От нагатаваў ему, ешчэ перцу падайце
Жменю добрую, а тута ў алей насыпайце.
Перайшло, як па масле, пераз горло ўсе.

(Чорт яшчэ скардзіцца на боль.)

Селянін.

Палкні толко гэтэй моцные пігулкі,
Выарэць твае всенкі з горла скулкі.

Daemon.

Iak mi na żołądku dobrze polepszało,
Ale przecie co to na nos moy muchi wpędziło,
Że moy nos kąsaią[2].

Селянін.

От гэто зелё тоё,
Што выстрашыць із носа ўсё табе ліхоё.

(Чорт кажа, што мухі яшчэ непакояць яго нос.)

Селянін.

Нос надабе з німі устрэліць, калі б борздо вышлі.

Daemon.

Coż czynić, choć bez nosa, tylko że much niemasz[3].

(Скардзіцца на шум у галаве —пяюць цвыркуны,— на што патрабуецца аперацыя.)

Селянін.

Гэтаго табе радзіць не падаймуюся,
Адно только на гэтом трошачка знаюся,
Свердлам лоб пракруціці, зараз паўцекаюць
Свершкі, недабрадзея свойго міне пазнаюць.

---

[1] Яшчэ горш у страўніку і баліць у мяне горла, трэба б прапусціць праз яго сала. [2] Як мне ў страўніку лепей стала, але замест таго чамусьці мухі на мой нос населі і нос мой кусаюць. [3] Што ж рабіць, хоць без носа, толькі ж мух няма.

Daemon.

Stoy, stoy, nie czyń dziury: dosi, że postrzelona,
Nie chcę mieć głowy, by była dziurawiona[1].

Селянін.

Я ўжо табе тут болей не хачу служыць,
Закліч сабе жыда, той табе парадзіць.

(Прыходзіць яўрэй і знаходзіць у чорта меланхолію, якую раіць чорту лячыць іншым спосабам. Селянін ухваляе гэты план яўрэя і канчае сваю прамову заўвагамі маральнага характару.)

От гэтак бес цешыцца, калі бога зневажаюць,
А людзі грэшные таго не ўважаюць,
А набарзей грэшнікі, каторые грэхамі,
Чыняць злоё ўсёгды рознымі часамі.
Хочэце ж, калі б із нас так чорт не смеяўся,
Ніколі на сьвет да нас і не паказаўся,
Пакідайце ж грэшыці, а бога малеце,
Нехай нас тут караець, а не на тым сьвеце.

ІНТЭРМЕДЫІ З ДРАМЫ ГЕОРГІЯ КАНІСКАГА[2] «ВОСКРЕСЕНИЕ МЕРТВЫХ» (1746 г.)

«Воскресение мертвых» — алегарычная драма. Складаецца яна з пралога, эпілога і 5 актаў з кантамі. Пасля кожнага акта п'есы ёсць інтэрмедыя, якая сваім зместам нагадвае рэзюме дзеяння, што адбылося ў п'есе. У дзвюх апошніх інтэрмедыях, менавіта ў 4-й і 5-й, пададзен вобраз беларускага селяніна, змагара супроць сваіх прыгнятальнікаў — ганарлівай польскай шляхты, папіраўшай усё тое, што было дорага для беларускага народа. Аўтарства гэтых дзвюх інтэрмедый, напэўна, належыць камусьці з ліку беларускіх студэнтаў, якія навучаліся ў той час у Кіеўскай духоўнай акадэміі, дзе Г. Каніскі быў выкладчыкам рыторыкі і піітыкі.

Ніжэй пададзеныя тэксты 4-й і 5-й інтэрмедый з драмы Г. Каніскага друкуюцца па публікацыі Н. Пятрова ў часопісу «Древняя и новая Россия». Спб., 1878, нумар 11, стар. 254—256.

---

[1] Стой, стой! Не рабі дзюры: досыць таго, што паранена, не хачу мець прадзіраўленай галавы.

[2] Г. Каніскі (1718—1795) — выхаванец Кіеўскай духоўнай акадэміі, яе выкладчык і рэктар, а пазней беларускі архіепіскап — быў выдатным царкоўным аратарам і славутым змагаром супроць царкоўнай уніі 1596 г. Так, у 1765 г. на Варшаўскім сейме ён выступіў у абарону праваслаўя перад каралём Станіславам Аўгустам (Панятоўскім) з прамовай, якая пазней была перакладзена на ўсе еўрапейскія мовы як узор абароны верацярплівасці. З іншых твораў, якія характарызуюць Каніскага як грамадскага і палітычнага дзеяча свайго часу, вядома яго прамова перад імператрыцай Екацярынай II у 1787 г. і цікавыя запіскі аб Магілёўскай епархіі. Побач з гэтым Г. Каніскі напісаў рад вершаў, але ў гісторыю літаратуры ён увайшоў толькі як аўтар драмы «Воскресение мертвых», у якой трактуецца вострая сацыяльная тэма эксплуатацыі працоўных мас. Праўда, вырашэнне гэтай тэмы пададзена аўтарам з пазіцый артадаксальнай праваслаўнай царквы.

INTERLUDIUM ЧЕТВЕРТОЕ

Литвин.

Слава цебе госпадзѣ, свяцѣцелю боже,
Што з ласки твоей святой паводзѣтся гоже
Високим властям панам и нам людзям грешним.
Всё харашенко твоим промислом паспешним!
Хвалю цебе, господзѣ, што ти спорядзѣлѣ
На хвалу тваю церкав як зъмаглѣ нам сѣли,
И званѣцу новую, и чатири звони:
Всѣ придались, звонять харашо в разгони.
Имеим папа себе честнаго старого,
Имеим панамара и дзяка молодого,
Але добрий и цѣхий, всѣх людей шануець
И церкви светой всёгды дзень и ночь пѣлнуиць;
Нѣ гарелки, нѣ бражки пяной а нѣ мёду,
Нѣчого хмелного не пець, апрочь воду;
А што салавей у церквѣ людзём спѣваець,
А дзѣцей харашенко в школѣ обучаець.
Дай же, боже, здарове и щасте всяму миру,
Што б неслѣ цебе в церков ладан на офѣру,
Свечи, красное вино, чистой столко муки,
Што б с праскур[1] осталось и папу на шулики.

(Прыбягае шынкарка і паведамляе, што лях забій у шынку дзяка.)

Шинкарка.

Ох, минѣ лихо! Що мнѣ теперь робити?
Принюс ляха недобрий в дом мой чесний пити;
Пяниця, ледащиця[2] всѣ вукна повибивав
И дячка молодаго шаблею порубав,
И втѣк конем, не знаю в сторону якую.

Литвин.

Ах, це мне! Што гето я от цебе чую,
Што б дзяка нашого лях прибив молодого?

Шинкарка.

Ед, не глух еси, от чи застанешь живого.
Будьто я на жарт кажу.

Литвин.

Ох, моя гадзѣна!
Што гето незвѣстная зделалась причина?

Шинкарка.

Як чуеш, вже я тобѣ давно товмачу,
Иди, коли не вѣришь.

---

[1] Спецыяльны хлеб, які ўжываўся і ўжываецца ў царкве набожнымі. [2] нягоднік.

Литвин.

Пайду я сам пабачу.

(Насустрач ідуць мужыкі з мёртвым дзякам.)

Литвин.

Ох! што гето несеце?

Мужик.

Ось, ходи, погледи!
Теперь нас привюв лях до втрати и беди,
Посѣк, порубав совсѣм дека молодого,
А вже нам не найти такого другого.

Литвин.

Ох, моей бедзѣ! Як ви гето допусцѣлѣ?

Мужик.

Ё, будьто ми на той час и з ним в шинку сидѣли!
Лешюга кат зна вутки, мов тобѣ вихром прилетѣв.
Нехай шинкарка скажет, як лях дяка вбив.

Литвин.

Як же хочице, дак ви еи призавѣце.

Мужик 1.

Ну лишь ти, Мосѣю!

Мужик 2.

Добре, Онопрѣю, дак я еи припру сюда на суд.

(Прывёў шынкарку.)

Ну, панѣ Федорова, от ми за тим громада
Тебе кликали.

Шинкарка.

За чим? Кажѣть, я слухати рада.

Мужик.

Ё, за чим! За тим, чи ти донесла старому,
Щё лях обтяв шаблею дека в твоюм дому?

Шинкарка.

Я донесла, а що? Чи вам тое плескати?
Николи минѣ: он, треба горѣлку давати.
Я и сама насилу вхватилась в комнату,
Як лях з шаблею за дяком вбѣг в хату;
З ляку[1] самого пришлось було чут не вмерти.
Прощайте! Мнѣ нѣколи и носа утерти.

---

[1] ад спалоху.

Литвин.

Правду ёна гавориць, что тут болш расправляць!
Засвѣжа як найскорѣе в погоню пасѣлаць.

Мужик.

Куди гнать? И тропи не взять, где опинився лях;
Тобѣ десять дорюг, а ёму один шлях.

Литвин.

Стойце-тка, ня бойцеся, ось я гето справлю:
Ён сам в руки нам впадзець, толко сець заставлю.

Мужик.

От так лучше, як за им посилати маем!
Шкода ж шкапѣ и хвоста мять, колись тут поймаем.

(Літвін закідае сетку і варожа булавою.)

Литвин.

Лесавие, баравие и балотние, ка мне прихадзѣце
И в гетой прозбе ви мне помажѣце!

(Чорт гоне ляха ў сетку, ён жа гавора.)

Лях.

Ах, ах, бяда! Кто мнѣ и коню спентал[1] ноги?
Яде, а невим доконд[2], так як слѣпый дроге.
Знаць, крев члека, ктурего-м забил, в свое краѣ
Заслонивши мнѣ дроге, уцѣкаць не дае.
Ах! Воле я в Чистцу сто лят церпѣць менки[3],
Нижели в хлопске тераз попадне сен ренки[4].
Кто мне, ах, пршечог? Кто мне пендзи до тей сѣчи?[5]

Мужик.

Ось, кровь дякова витаеть вашенцѣ[6];
Просим сюда ближше до нашого столу!
Ти то, ляшуго, справив дека до росолу?

Лях.

Так! мой есть грживх[7], хлопкове!

Мужик.

Э, твуй грѣх есть?
Дай бе нам добре здорове,
Що ти нам признався без стуку, без груку,
Ак кова в тенета, вскочив нам в руку.

Мужик 1.

А щё ж з ним будем чинить?

---

[1] спутаў. [2] Еду, а не ведаю куды. [3] Згодзен я ў пекле 100 год цярпець мукі. [4] чымся зараз папасці ў хлопскія рукі. [5] Хто мне, ах, перашкода? Хто мяне гоне ў тую сетку. [6] вашу міласць. [7] грех.

Мужик 2.

Те, щё старий скаже.

Литвин.

Ось так: нехай галава за голову ляже.
Нечого ж болш расправляць, годзѣ думаць, годзѣ!

Лях.

Чи шляхциця за дзяка трациць се негодзи:
Пенць[1] коп вам за хлопа уплаце гловщине[2].

Мужик.

Ов, негудний сине!
Як же ти дешево ставишь дека дорогого?
Двадцять вас не стоит за одного такого.

Мужик 1.

Чого з ним калентарить?[3]
Ну лишь ти, Мойсѣю,
Возми мерцвя, несить в церковь, я ляха за шию,
Вчепивши путом, поведу як хорта,
С конем, со всѣм втоплю в болото до чорта.

Литвин.

А я буду по шии дубцом затинаць,
Што б знав собака, як хрестян забиваць.

(І гэтак гонюць ляха ў балота.)

[ІНТЭРЛЮДЫЯ ПЯТАЯ]

(Лях шукае свайго брата, якога мужыкі затапілі ў балце.)

Лях.

Егей, юж невим дали, в ктуре[4] вдацьсе строны,
Гдзѣ еще цебе шукаць, мой браце роджоны!
Шукалем в лѣсѣ, в полю, гдзѣсь мы полёвали
З хортами; тераз шукаць невѣм гдзѣ це[5] дали.
О, гды бы ми кто зналазл[6] наймильшего брата,
Певна бы оде мне была ему плата!

Ксенз.

Ave Maria![7]

Лях.

Кланям Мосци добродзѣю![8]

Ксенз.

Цебе цо ту занесло[9], мой милы Мацѣю?

---

[1] пяць. [2] Так называўся штраф за забойства. [3] цацкацца, размаўляць. [4] у якія. [5] зараз не ведаю, дзе цябе шукаць. [6] знайшоў. [7] Святая Марыя! [8] Віншую міласцівага дабрадзея! [9] Цябе што сюды занесла.

Лях.

Нещенсне, мой добродзѣю, fata[1].

Ксенз.

Яко то?[2]

Лях.

Ах! Полюёнць утрацилем брата.

Ксенз.

Знаць, бѣжонць[3] упадл з коня,
Негодзен быць в гробѣ.
Не еднему се трафи[4], дойдзе той же кары,
Кто колвек за охотон[5] шалице без мяры,
Идонць завше in contra свентего косцёла[6],
Ни свент, ни днёв хвалебных обсервуёнць згола[7].
Знаць, в таке дни полюёнць и вы браця минѣ,
Ты жив зосталесь, а он несвядомо гине.
И дармо юж, Мацѣю, шукашь свего брата!
Лежи, гдзѣ го пршецивне пршинаглоли fata[8].
Пянство то ваше чини и гултайска шабля.
Споведайсе, бы-сь также непошедл до дьябла!

Лях.

Проше за душе его о горонче модлы;
Проше, бы го щенсливе да Чистцу завёдли[9].

Ксенз.

Готув! Ты зась за гржѣхи све дашь порахунек[10].
Тылио выслухай, яки мнѣ стал се трафунек[11]:
Вчера идонць з офярон[12] ку свентей Дороце,
Слышалем кричончего глос чловѣка в блоцѣ.
Кий дьябол? — жегнам себѣ[13], звлаща идонць в ночи.
Кто таки, — обезвисе? Я додам помоци!
Стоиць злонкшисе[14], але ниц[15] не одповяда,
Тылио вола[16] плачливе: ах, бяда ми, бяда!
Домыслямсе по гласу, а невидзе лица;
Конечне, душа вола якегось шляхцица.
Я знов пытам, — кто таки? Чекам отповѣдзи,
А он на то: ах, згинолем гржѣшны без споведзи!
Я мове: споведайсе, — яке гржѣхи твое?

---

[1] Нешчаслівы лёс, мой дабрадзею. [2] Што такое? [3] бегучы. [4] здарыцца. [5] за паляваннем. [6] Ідучы заўсёды супроць святога касцёла. [7] ні свят, ні дзён урачыстых амаль не прытрымліваецеся. [8] Ляжыць там, куды прывёў яго нядобры лёс. [9] Прашу за яго душу набожнай малітвы, прашу, каб яго шчасліва прывялі да Чыстца. [10] Толькі ты зараз за свае грахі адкажаш. [11] выпадак. [12] ідучы з ахвярай. [13] перахрысціўся. [14] спалохаўшыся. [15] нічога. [16] галосіць.

Он кршичи[1]: пьянство, збродни, гултайске розбои,
Барзей, жем забил дьяка; хлопы осондзали[2],
Непусцивши до ксенза, в те блото вржучили[3].
Слышонць тѣ слова, мове: гды так, — не помоге
Венць[4] тобѣ; бо я мам дали поспѣшацьсе в droге.
Венць як слышишь, чи не твой брат в такей был пршичине?[5]

Лях.

Може таки. Пржеце[6] ратуй го, нех там венць не гине!
Выдзвигни го, проше, твеми горончеми,
Пошли го до Чистцу модлями свентеми![7]
Станьмы-сь ту на колянах и пршинесьмы модли[8],
Жебы го анёлове ту змтамтонд пршивёдли![9]

(Ксёндз становіцца на калені і моліцца разам з ляхам.)

Выслухай мне, выслухай, о свента Дорота!
Вырви шляхцица з тего смерджончего блота,
Змилуйсе над гинончим шляхцицем Ягниска,
Выдвигни з плюгавего шляхцица багниска!
Нех му дода помоци тва ренка[10], Ядвига,
Нех го с оней баюры[11] як може выдзвига!

(Прыходзе тапелец.)

Ксенз.

Дзенки ж вельке вам чине, жесь-це выслухали
Прозьбы моей и его з пршепасци вырвали!

Утоплений.

Дзенкуе и я тобѣ, жесь моей немоци
Модлями свентеми додал в нещенстью помоци!
Сольвуй же[12] мне од гржѣхов, сам провадзь до Чистцу!

Мужик.

Ось може з дзонзою на тум будеш знов мѣсцю.

Утоплений.

Чи ратуй, милы ойче, пршепаднеми[13] оба!

Ксенз.

Недбай[14], устрашиць их ма капланьска особа;
Пршимайсе тылио шне так, яко вешь кожуха!

Мужик.

Постуй лишь, куди ти ведеш сёго злого духа?

---

[1] крычыць. [2] асудзілі. [3] укінулі. [4] больш. [5] ці не твой брат быў у такой бядзе? [6] Таму ж. [7] Прашу, выратуй яго і пашлі да Чыстца сваімі набожнымі святымі малітвамі. [8] і памолімся. [9] Каб ангелы прывялі яго сюды адтуль. [10] Хай твая рука дасць яму дапамогу. [11] Хай яго з гэтай багны. [12] ачысць жа. [13] загінем. [14] не турбуйся.

Давно ми вже громада на ёго чатуем:
Яке лихо нучю robne, цѣлим селом чуем.

Мужик 2.

Ед се вун, коли хочь знат, щё всюгди в ночѣ ходить,
Не тулко нам, але и товаринѣ шкодить.

Ксенз.

Яко то може быць, — и мовиць се негодзи!
Мартвы без души, нигды бездушны не ходзи.

Лях.

Правде ксенз мови, вы зась хлопы на то лжеце,
Тылио еднои напасцион на нас ту идзеце.

Мужик.

Дак ти, ляше плешивче, за свого брата взявся.
И ти, бурлодинче, к ним же привязався?
О се ж ми вам развязку вчиним сёго ж часа:
Всѣм тром дотечется, дамо вам тут траса!

(Тут мужыкі ляхаў і ксяндза б'юць і праганяюць.)

[СЕЛЯНІН У КАСЦЁЛЕ][a]

Мужик. Охъци мнѣ! Ци ведаеть то ета мая баба[1], што я в ета лиха попався, гѣтым бязделлим обчипався, кали б уже и на ссвѣцѣ не было? А всё яна, як вужа вилами, так мянѣ: ин идзи, дак идзи у Любавичи, ци ни пападзѣтца чаго, гуляючи, и богу помолисся и з (с)ваими павидзися. А вось така и ци ни (па)падзѣтца чаго купиць, — а всё кали б мужика з двора збыць. Правды, я стар, а яна, бабёнка, — в силѣ. Ох, кали б яѣ колом у зѣмлю! Ну вот, правды яѣ и паслухайся, да и падзись! Вот на тую пару и пападзися мнѣ кум Анцип, кыли знаиця вы его. Кажытца вот и понѣмногу, па единам, правды, випили карячку[2]. Ажну там и стали брязгаць, по нашему то к абѣдни, а па их к замши. Вот я и паидзись у их хасцёлу. Ажну там як заиграюць хто в дудачки, хто в свисцѣлачки, а хто в тарарычки[3]. Вот я, правды, ня бывши лих, да и падзись скакаць. А тут пат тую пару и придзись по нашему поп, а по их хазан[4] да падшутя; то я ахци мнѣ ета нѣхта ж з маскалёв[5]. Як застукаюць, заскоглюць[6], залюкаюць[7], затопаюць! Анципа я, правды, туды глядзь, сюды глюць[8], — мевица[9] маего кума Анципа! Ажну маю

---

[a] Тэкст інтэрмеды друкуецца па рукапісу Ленінградскай бібліятэкі імя Салтыкова-Шчадрына (Q. XVII. 168), які датуецца ў тэксце 1760 г. і мае такі загаловак: «Выписано из бывших в Смоленской семинарии комедий». [1] жонка. [2] коўшык, чарпачок. [3] бубен, бразготка. [4] абыграна лацінскае напісанне слова «ксёндз». [5] незразумелы сэнс сказа па тэксту. [6] завішчаць. [7] закрычаць. [8] туды, сюды паглядзеў. [9] няма нідзе.

меру за торбу[1] — да и ципп. Троху не павалився. Да и павалакись я..
—Бацька! Я нянцип[2].
— ... ажну мянѣ, да и спутайся. Ох, кали б их пуста! Вот и памали, як зайца в мот[3]! Я таки, правды, из маладых дзён богамолин[4] быв. Бывала ниводный и суспицы[5] не пропущу! Кали б толка зачуць, игдзѣ забрязгаюць[6], то взявшы в руки свѣчку, а торбу перапѣчку[7], и к да к падзі. А так, правды, и в своём дворѣ заставляю: Жонка, бий поклоны земляныя — граза идѣць; нашу мѣру нѣшта изба цѣкѣць. Нѣяк вякнув и свящѣнник на мянѣ: «А Цѣрих! Вить, ты нѣяки нѣхрисцянин!» А я: «А, а, бацька. Мяня вся дзяревня знаиць, што я к церкви прилѣжин!» Што и папу много вякаць[8]. Я бывала и к сабѣ так и позаву, да и укладу ѣго блинами, сачнями[9], як гонтом, ажну и папа нявидна ѣвши.
— Да и пуза развяжиць.
— Охъци мнѣ, Цѣрих, я и у пана так ни гуляв, як у цябѣ цяпѣр! А кали таки и бѣз мянѣ, дык я таки приказаваю: Жонка, глядзи, кали поп приедзиць, приумѣй яго харашенка чим-нибуць, хуць каровъяго наверни, што б поп у вочи ня лѣз и вопосли людзём нѣ жалився! А цѣперь вот, пановѣ, попався у ѣты кросны, што вот под старость! Сувавшись як рынисся, дык нѣгдзи и згиниш! А пяць у мянѣ и сыновых сынов, як дубов. Што па их! Вот цяпѣрь и нихто ни давѣдаитца. Яны рады, што старого з двора збыли! Ху-х! Аж встамився, вжо ж таки адыхну. А вось таки каторый ци ня прыдзиць.

Сын. Бацка! Гу, агу! Бацка, идзѣ ты ета забрёв? Куды ѣта цябѣ хварыши[10] занясли?

Мужик. Охъци мнѣ! Ета маяго сына голас! Во нѣгдзѣ нидалёка у Навинах.

Сын. А, во ён! Бацка, бацка! Ци ты ужо? Мы цябѣ давно праждалися. Хто цябѣ сюды занёс, ци ни фарыши?

Мужик. Ци фарыши, ци ни фарышы, а был. Ци вы з маткою харашы? Усё, як идзи, дак идзи у Любавичи, ци ни пападзѣтца чаго, гуляючи. Пашов. Ажну вот цяпѣрь и сам попався, виць, там ни па нашему. Ни так, як у нас! Наши папы ни глядзяць ничого. А там усё хазаны, да ляхи, и гаворки их нѣ познаиш.

Сын. А што ты, бацка, вѣдаешь?

Мужик. А што?

Сын. Ци ни разабю я табѣ етых манистов?[11]

Мужик. Охъци мнѣ! Да кали ж ба тыя не видзили паганыя?!

(И разбивае сын отцу железы.)

Polak. Co to takiego, że po naszemu chłopek zaszedszy na nasz kray y w kościele naszym rozny nieprzystoynych naczynył

---

[1] маленькі мяшок. [2] Я не Анціп. [3] сетка, пастка. [4] набожны. [5] малітвы. [6] завоняць. [7] пшанічная здобная булка. [8] гаварыць. [9] праснакамі. [10] нячысцікі. [11] кайданаў.

furiy, za co księć starzy roskazał go w nierozorwanie zabić kaydany y niewiem gdy teraz mieszkaią[1].

(Потым пытае селяніна)

Chłope, co ci takiego?[2]

Мужик. Ета мой, панѣ, сын.

Polak. Alie kto cy razbił kaydany?[3]

Сын. Да вот матка паслала па яго. Насилу знашов.

Polak. Alie wiem, chłopcze, że ci posłała matka; dlia czegością razbił kaydany? Chodzie do kariusza![4]

Мужик. А што ж ты — гаспадзин? Вить, ты тута адзин. Нѣшта ты привизався, як гавённым лыкам. Харпостник ты, с курва сын, саланинник, гарѣлый ты кутак! Ну-тка, сын, укий!

[СЕЛЯНІН НА СПОВЕДЗІ][a]

Змитрок. Челом, пане, Свиридзѣ!

Свирид. Здаров, кажу, Змитруче.

Змитрок. Як цѣбѣ ета лиха даспѣлася?

Свирид. Охъци мнѣ, Змитруче! Усѣ то от дѣтак! Ой. дзѣци! Як з баткавага кашелка, дзетки. Ну, ну, ну, бацка! Заглян жа бацка у дзицячи кашелки.— И нѣ сармися,— кажуць,— не, не, не, бацка! Усѣ к сѣбѣ мазаным горнуць. Дай яйцо, дай яйцо и облупивши. А нам на старасци и на ногаць не облупяць, каб их кат лупив! Толка кажуць — Идзи, бацка, ку споведзи! Ты нѣ разу в цѣркви не быв.

Да и упихнули бацку, як дурня, в цѣркву.

— Кажи (и)дзи, бацка, тоя, што поп будзиць казаць.

Вот поп кажить: «Ци быв ты хуть раз ву споведзи?» И я папу кажу: «Ци быв ты хуть раз ву сповѣдзи?»

— Што ты, знать, нѣхрищоник? И я папу кажу: «Знаць, ты нехрищоник?» Поп кажить: «Хрясцися!» И я папу кажу: «Хрясцися»- Вот за тое поп на мѣнѣ и манисты наложив. А я их от роду не насив. А цяпер мнѣ их чорт нагадзив.

Змитрок. Ах, Свиридухна, маю цябѣ вѣры! Што так гавариць и дзетак браниць. Тяпѣра стала нѣ по-старому, стала всѣ по-писмянному. Чи наши настали? Всѣ с хитращами, да з мудращами. Всѣ стала навыварат. Учуць, голубя, не учяць,— голаву турбуять; языком не ввѣрниш, ища як нашѣму брату галавы не высушиць? У мянѣ то дзиця, Свиридухна, к усячинѣ смыслиць. Уси каляды, масляницу и радуницу, товстую суботу,— усѣ напамяць. А кавярзень[5] спляцѣть,— як души не влепить! А други — сабака. Вѣсь у матку

---

[1] Што гэта такое, што па нашаму мужык, зайшоўшы на наш край і ў нашым касцёле нарабіў розных непрыстойных вар'яцтваў, за што ксёндз стары загадаў яго закаваць у спраўныя кайданы, і не ведаю, ці жывы ён цяпер? [2] Мужык, што гэта такое? [3] Але хто табе разбіў кайданы? [4] Ведаю, хлопча, што цябе паслала матка. Але для чаго разбіў кайданы? Пойдзем да карыуша! [a] Тэкст гэтай інтэрмедыі падаецца па таму ж рукапісу Смаленскай семінарыі, па якому пададзена і папярэдняя інтэрмедыя. [5] Так на Смаленшчыне называюць лапці.

удався. Людзи да зари блинов наядуца, а яна спиць патуль, пакуль сонца бок припячѣць. Тагды ужа якого хварыша прискварыць, паскудница! Қагды б прапала. А цяпѣрь мой сынок унѣгався, сапачиць лягло. Аднаго толка лиха. Нѣ дамыслить, што па беламу чорна. Ещь, хвала богу, берясцень мязги. Хуць тот людзём узычю, а яго таки вывучу.

Свирид. Што наши бацки и прѣдки! Живали, хлѣб рабляли, зѣмлю пахали, а ѣтай у споведзи павѣк яны не знавали, а таки ж благадарны бывали.

Змитрок. Так, Свиридухна, так! Так, голубя, так! Яны малива.лися по-прастацкому, а нѣ по-письмянному. Бѣс чанашов. Што падняв, то знашов; як устав, так и зачав.

— Слава цябѣ, господзи, сущую часнѣйшую, избранны ваявода! Радуйся нявѣста, уси чины манашѣския, святая трапѣза, и скрясѣнья побядзителю, Михаилы прарока, и Миколы мученика, трех свяцицѣлѣй, Кузму и Дзямида! Заступи на царства мянѣ, Змитрака, и падружницу, Пеклу Несцѣравну, и кала, и двара, и скацинки и шарсцинки. Алилуй нас до канца вѣка. Аминь. И шарпни, господзи, па души и па цѣлу, па жонки и па дзеткам. Святое сягодни, святое и завтрѣ.

Свирид. Ах, Змитруче, не патрапиш. Аж мароз па касцям, аж да слёз праимаить бацков наших богамолья.

Змитрок. Ну, Свиридухна, ваставайсѣ здаров! Слабани цѣбя гос подзи! Як ты папався, дак и выдзирайсѣ!

Свирид. Ах, Змитруче! Қали бог тваю галовку назад завернить, навѣдайсѣ мянѣ!

[МАЦЕЙ І ДОКТАР-ШАРЛАТАН][a]

Мацей. А вей, а вей! Вох, вох, вох!

Вот, мае паночки, быв я у пана Барановскаго на куцьи. Да як падъѣв куцьи, дак не могу сопци. Што мая Ульяна ни робила! И горщок на пупѣ становила. Да и тое не памагло, да яще горш прилягло. Порадзили мнѣ галасу, купервасу, да бурачнага квасу, моху, чортапалоху и яшчэ нечага, забывся, троху,—усё гэто зелья скалацидь да выпиць. Зробив я и гэся. Не памагло. Еще горш прилягло. Вот каб нашовся дактарочэк да палячив мой животочэк,— отдав бы яму и торбачку и мяшочэк.

Доктар-шарлатан *(выходзе)*. Што тобѣ, мужик?

Мацей. А вот, паночэк, несправность, бурченья, резачка, обенбенило, як Антонову козу!

Доктар. Кладзися, мужик! Як цябе завуць?

Мацей. Мацей.

Доктар *(б'е яго палкаю, прыгаварвае)*. Поцей, пане Мацей!

Мацей *(устае, а доктар уцякае)*. Ах, лихо тваей мацяри! Напацев, намацев, да и сам к чорту паляцев! Вот каб дагнав, вот бы у плечки нагрукотав!

---

[a] Тэкст пададзен па выданню В. Н. Перетца «К истории польского и русского народного театра». (Гл. Известия отд. русского языка и словесности Императорской Академии Наук, I, 1905, стр. 67—68.)

КАЭТАН МАРАШЭЎСКІ

Каэтан Марашэўскі — каталіцкі ксёндз, прафесар рыторыкі і паэзіі ў Зябельскай гімназіі, якая знаходзілася пры дамініканскім манастыры ў Дрысенскім раёне. Іншых біяграфічных звестак аб гэтым пісьменніку не захавалася.

Як пісьменнік Марашэўскі вядомы сваёй «Камедыяй», якую ён напісаў для школьнага тэатра ў 1787 г. Яго «Камедыя» — гэта тыповая школьная бытавая драма-маралітэ. Тут аўтар вуснамі аднаго з галоўных герояў п'есы (Чорта) вучыць правілам «разумнага» жыцця тых, хто ў сваёй жыццёвай практыцы забывае аб іх і за гэта трапляе, паводле вучэння царквы, у пекла на вечныя душэўныя мукі. Тым не менш, «Камедыя» Марашэўскага, нягледзячы на свой рэакцыйны дыдактызм царкоўнага парадку, як літаратурны помнік не пазбаўлена і сваёй вартасці. Яна ў самыя змрочныя часы каталіцкай рэакцыі, насуперак асабістым жаданням аўтара, аб'ектыўна прапагандавала жывую гутарковую беларускую мову, якую забаранялі і праследавалі шляхецкія законы Рэчы Паспалітай. «Камедыя» праўдзіва адлюстроўвала цяжкае паднявольнае жыццё беларускага селяніна, з якога кпілі на кожным кроку. «Камедыя» Марашэўскага — гэта жывая бытавая замалёўка з жыцця беларускага селяніна XVIII ст., пададзеная ў рэалістычным плане.

Дзеючымі асобамі «Камедыі» з'яўляюцца прадстаўнікі ніжэйшага стану (селянін і яўрэй) і традыцыйны персанаж школьных драм і інтэрмедый — д'ябал, або чорт, які разам з іншымі другараднымі асобамі п'есы ўвесь час размаўляе на польскай мове і тым самым выдае сябе за прадстаўніка іншага класа і «вышэйшай» культуры. Селянін жа і яўрэй размаўляюць па-беларуску, толькі мова яўрэя стылізавана пад яўрэйскі акцэнт, з мэтай узмацніць камедыйнасць дзеяння ў п'есе.

Упершыню поўны тэкст «Камедыі» Марашэўскага быў надрукаваны акадэмікам В. Н. Перацам у 1911 г. (гл. Известия отд. русского языка і словесности императорской АН, т. XVI, кн. 3, стр. 274—319) лацініцай, якой напісан і арыгінал. У 1920 г. акадэмік Е. Ф. Карскі падаў кірыліцай скарочаны тэкст «Камедыі» (гл. газету «Беларусь», 1920, №№ 106 і 107). Пададзены ў хрэстаматыі скарочаны тэкст «Камедыі» Марашэўскага друкуецца па фотакопіі рукапісу п'есы, які зараз захоўваецца ў рукапісным аддзеле Цэнтральнай бібліятэкі АН Літоўскай ССР (гл. фонд Б4, адз. захав. 201), з той толькі розніцай ад папярэдніх выданняў, што мова селяніна і яўрэя тут пераведзены з лацініцы на кірыліцу з захаваннем тагачаснай арфаграфіі; дыялагі ж персанажаў, якія ў п'есе размаўляюць на польскай мове, друкуюцца лацініцай, як і ў арыгінале. Аўтарскія рэмаркі ў тэксце п'есы перакладзены на беларускую мову.

КАМЕДЫЯ

КАРОТКІ ЗМЕСТ

Селянін, калі яму надакучыла праца, пачаў наракаць на свой лёс і на першага чалавека Адама за яго грахі. У гэты час да яго, як наракаючага, з'явіўся д'ябал, кажучы: «Не наракай на Адама, бо ты сам не ўстрымаўся б ад таго, каб не пакаштаваць забароненага яблыка, калі ж ты і зараз не зможаш стрымаць сябе ў маўчанні, але наракаеш». Селянін заракаецца на нейкі час захаваць маўчанне. Д'ябал ідзе з ім у заклад. Селянін не захаваў маўчання і прайграў чорту сваю душу.

ДЗЕЮЧЫЯ АСОБЫ

Селянін, Жыд, Д'ябал, Дзеці, Тры браты, Пакутнік.

(Сцэна прадстаўляецца ў полі каля лесу.)

АКТ I

СЦЭНА 1-я

Селянін. Ох, як нешчасливоё жыцё маё! Хаджу я хаджу пераз цалюхенькі дзень, аж ногі анемелі, рук не чуваць ад працы і тапара, а горш ешчо ад цапа[1]; малачу ад самых курэй, аж мало што не да паўдня, як бы сам адзін. Праўда, што і жонка памагала, да што ж ее за работа? Ведама,— жаноцкая справа; цюкнець колька разы цапом, аж зараз ее ліхо і берэць — то сядзець, то ляжэць, то кол(і)кі падапруць, толькі чорт лоньскі ее дусіць, а потым ешчэ з гоманом і клецьбою пойдзець. Папытаюся я тылькі ее: «Куды пойдзеш?» Аж зараз скажэць: «Дзецей карміць, страву варыць». А я як пачую,— аж ена упівшысе ў карчме пад лаўкаю, як свіня, качаетца... А я сам адзін, як цюк, так цюк; малачу аж да поту. А як сьвет, аж жонка і тут, ужо кажэць, што і дроў нада насеч. Хоць ты трэсні і прападзі з тапаром! Ад цэпа ешчо не адайдуць (рукі)[2], аж тут ад тапара мало што не адсохнуць. Гэта жарт — нарубай у печ, у асець[3], у бровар[4], а ўсё як адзін, так адзін. Сына пераломам удавіў[5], не расьцець, а парабка не за што наняць. Вот і цепер, у лес трэба ехаць, а не с кім. Гэта жарт,— аднаму сосну спусціць, пашчапаць, і на воз. Хоць ты трэсьні. зваліць трэба, а прывёжшы да хаты і парубіць. А ўсё як я, так я. Памахчы некаму. Прападзі ено нешчасьлівоё жыцё нашоё, бо ўсё як гараваць, так гараваць мусім.

Кап то Адам, першы наш ацець, не заграшыў, так бы і мы гэтак не працавалі б. Ох! Дурак ты, дурак! На што табе было ірваць яблык з дзерава праклятаго? Прападзі ено! Каб мне не велено было, то бы я а ні парухаў бы, а што горшае, а ні парухаў бы. А мы б у раю, як паны б на землі, жылі б, клопату жаднаго[6] не мелі б, аб

---

[1] прылада, якой раней малацілі збожжа. [2] гэтае слова ў рукапісу адсутнічае. [3] будынак, у якім сушылася неабмалочанае збожжа. [4] спіртавая ўстаноўка. [5] гэта значыць стаў гарбатым. [6] ніякага.

сермягу тагды бы не клапацілі бы се і голые б у раю перахадзілі бы. А цепер як сермяшка здзерэтца, хоць ты з голавы выйдзі, не адкуль узяць, а горш, што не за што купіць. А тут і зіма надходзіць, і ўстыдно. А я і шэлега[1] пры душы не маю, да душы ш не маю! А пан аднак на тое не гледзіць, да ўсё крычыць: «Заплаці, с курвы сын! Заплаці, вужава кроў, мужык!» Ага ту! Ага ту, на цебе, Адам, Адам, як ты нас пагубіў! Ох, кап то я, я, я,...

СЦЭНА 2-я

Селянін і Жыд

Жыд. Ню на цебе цёрны год! Хадзіль я, хадзіль за табою, буль я двойцы ў тваёй хаце, аз ледво тут я цебе знасоў. Калі ты мне аддасі за гарэлку?

Селянін. Прападзі ты! Не маю гдзе ад цебе падзетцца. Аддам, ліхо не возмець!

Жыд. Усё казэс, сто ад'ям, ад'ям, а я даздатца не магу твайго ад'ям. Арэнду мне трэба цепер плаціць. Каньцо, аддай!

Селянін *(бярэ жыда за руку)*. Ну, пане арэндару, ужо я табе шчыро кажу, што аддам. Відзь же ты ведаеш добра, што я іглаць не умею.

Жыд *(смяецца)*. Ню і сто ты казэсь! І калі ты тагды адаў, калі абецаў? Аддай, канецна, цепер. Узо табе болей верыць не буду.

Селянін. Прападзі ты з тваею гарэлкаю! Не, не, не буду ніколі на павер браці.

Жыд. Беры, не беры. І хто цебе просіць? Толькі маё мне цепер аддай.

Селянін. Ідзі ты проч ад мене! Вот мне дроў трэба рубаць, не з табою балакаць.

Жыд. Аддай ты маё мне, так я і пайду.

Селянін. Ня лезь жа ты мне ў очы, я табе кажу! Бо я табе тут як задам, то ты а ні пантофляў[2], а ні ярмулак[3] сваіх не пазбераеш!

Жыд. Ню і сто ты, свіня, не аддаес таго, сто вінен? *(Жыд смакуе, а потым мовіць.)* Ой, ой! Wey mir gwalt![4] І есцо лаессе.

Селянін. Ідзі ш ты ад мене, ідзі хоць у хату маю, а я, дроў насекшы, прыйду.

Жыд. Ню і гдзе я цебе буду сукаць, узо я і так много за табою нахадзіўсе?! Лепс ты мене сукай! *(Здзірае ў селяніна з галавы шапку.)*

Селянін. Ах ты нехрэснік, паганьскі сын! Што ты мяне, чы злодзея знашоў? *(І схапіўшы жыда, тармосіць яго, адбірае сваю шапку, нават здзірае з жыда плашч.)*

Жыд. Гвалту, гвалту! Ратуйце, ратуйце сыногогі, мае Сорэнкі, Ецкеле, Мацкеле!

Селянін. Крычы. Каб табе ражон у горла ўлез, каб табе скула горла разтачыла!

---

[1] фальшывая манета, бляшка. [2] чаравікаў. [3] шапак. [4] Гора мне, гвалт!

Жыд. Ню і за сто, ты, разбойнік, цорны год на цебе, мене кленес і б'есьсе і сто вінен не аддаес? Аддай прынаймней хоць плашч!
Селянін. Аддам табе тагды плашч, калі ты мне прыабецаеш той доўх дараваць, што я ў цебе напіў.
Жыд. Але, пане Дземідзе, па сумленю толька сам падумай, ці магу ж я тое сказаць, сто ты мне невінен, калі аб гэтым даўгу мае Сорэнкі, Ецкеле, Мацкеле даўно узо ведаюць? Я дарую, сто узо не пайду да пана на скаргу за тоё, сто ты мене акрвавіў, забіў, абдзёр, як разбойнік у лесе. *(Смакуе тут і мовіць.)* А за тоё б усё у сраку[1] узяў бы!
Селянін. На табе апаньчу, прападзі ты ад мене.
Жыд. Ці мне ў хату тваю ісці?
Селянін. А цебе чы чорт там пагоніць?
Жыд. Відзь же ты казаў мне пероз, кэб я ў хату тваю пасоў і цебе цакаў.
Селянін. Добра, добра. Круціся хоць к чорту!
Жыд. Будзь здароў! Дзякую, сто з дусою мене пусціў.

СЦЭНА 3-я

Селянін. Бедны я, бедны чалавек! Вот і жыда чорт на маю галаву нагадзіў. Усему гэтаму бацька наш першы Адам вінават. Кап то ён не заграшыў, то бы жыд пракляты, сьмердзюх астатні, мне ў вочы за гарэлку не лез бы. А я б у раю што дзень па паўтара б гарца[2] з квартаю і палавінкаю выпіваў бы і ўсё б сабе співаў: ай, ай, аю, гога, гога, годзгі, дзга. А цепер больш клопату, ніж піця. Ага, ту на цебе, Адам, Адам! На ліхо табе было слухаць жэншчыны? Было табе ее вероўкаю. От так, як я сваю часто свенчу, каб да ее ліхо не прыступіло. Так бы і ена б табе ў очы б не лезла. *(Тут селянін смакуе і мовіць далей.)* Эге, каб то я быў табою! Ужо б я і Еве задаў бы вероўкаю. Ох даў бы, даў бы! А сам у карчму, дай пагуляў бы. А цепер хоць ты, пане, трэсьні гаруючы, працуючы. Ох, Адаме, Адаме!

СЦЭНА 4-я

Д'ябал, Селянін, Жыд

Д'ябал. Za co ty tak srodze na Adama narzekasz?[3]
Селянін. Неўжо ш ты, пане, не ведаеш, што з его ўсё на нас ліхо ўзышло?
Д'ябал. Iakie licho?[4]
Селянін. Вот і цепер мазоліцца трэба, аддыхнуць некалі. Мала што кроўую не пацею, аж пакуль не пакуль кавалак хлеба зараблю. Земля ўжо неўраджайная стала. Дужо много наклапацішсе і нагаруешсе, пакуль не ўродзіць. Усё нам напроціў ідзець. Усё на нешчасьце.

---

[1] у сорак разоў больш. [2] трохлітровая бутэлька. [3] За што ты так строга наракаеш на Адама? [4] Якое ліха?

Не спадзяватца дабра. Нішто так не ўдаецца, як мы хочэм. Чы пазнаў ты, вашэць[1], цепер нашую беду? А як жа нам на его не наракаць і плакаць. Хэ, хэ, хэ (*плача*). Ох Адам, Адам, кап цебе ніколі больш не ўспамінаў!

Д'ябал. Ale co temu Adam winien, że go tak często i z użaleniem wspominasz?[2]

Селянін. Эге! Калі ты, вашэць, не ведаеш і не спытваў ешчо таго прабаваць, так і не пытайсе!

Д'ябал. Ale a, a, a,...

Селянін. Ідзі проч кажу! (*Замахваецца.*) Кап ты скрозь землі пашоў!

Д'ябал. Ale a, a, a,...

Селянін. Ага, ту на цебе! Усё толькі кажэш: а. а... Кап ты сам пашоў да папрацаваў так, як мы, не бойсе, і цебе б ліхо ўзело б!

Д'ябал. Ale, panie Dziomka, nie bądź że tak srogim[3].

Селянін. Адкуль ты, вашэць, ведаеш а маім іменю?

Д'ябал. Przedemną niemasz nic taynego, i dla tego wiem co to iest praca, ale tego się tylko pytam, dla czego na Adama narzekasz?[4]

Селянін. Скажы ш ты, вашэсць, мне, за што ты так чорны, як чорт?

Д'ябал. Krotkom prawda pracował, ale ednak aż szczerniałem[5].

Селянін. Не пазнаў я, што ты казаў. Для чаго, для чаго?

Д'ябал. Dla tego, żem nie tak czynił, iak mi należało[6].

Селянін. Да што да таго належыць? Я і часто так не раблю, як мне паны кажуць, аднак я не чорны.

Д'ябал. Często byłeś czarny, tylko żeś siebie nie widział[7].

Селянін. Што ты кажэш, я себе не відзеў? Ілжэш, ілжэш! Вот я табе кажу, што ты ілжэш.

Д'ябал. Ty i teraz czarny, obacz się[8]. (*Паказвае люстра.*)

Селянін. Прападзі ты! На што мне гэтаё зеркало? Я сегодне, ідучы касіць, у чыстым ручаю, калі піць захацелосе, гледзеўсе, аднак не чорны.

Д'ябал. Nie tak, iak należy, na siebieś się patrzał[9].

Селянін. А як жэ там у чорта?

Д'ябал. Oto tak, oto tak[10].

(*Скачучы каля яго, зноў паказвае люстра.*)

Селянін Не хачу, не хачу.

Д'ябал. Trzeba z grunty siebie poznać[11].

Селянін. Як жэ там належыць себе пазнаць? Скажы ты мне.

Д'ябал. Niedość jest na siebie patrzeć oczema cielesnymi, lecz trzeba i dusznymi[12].

---

[1] Ваша міласць. [2] Але прычым тут Адам, што так часта і з крыўдаю яго ўспамінаеш? [3] Але, пане Дзёмка, не будзь жа такім строгім. [4] Для мяне няма нічога тайнага, і таму ведаю, што то за праца. Але таго толькі пытаюся, за што ты на Адама наракаеш? [5] Нямнога, праўда, працаваў, але, аднак, аж счарнеў. [6] Для таго, што я не так рабіў, як мне належала. [7] Часта ты быў чорны, толькі што сам сябе ты не бачыў. [8] Ты і зараз чорны. Паглядзіся! [9] Не так, як належыць, на сябе глядзеў. [10] Вось так, вось так. [11] Трэба грунтоўна пазнаць сябе. [12] Не дастаткова ядчэ глядзець на сябе знешнім зрокам, але трэба яшчэ паглядзець і ўнутраным зрокам.

Селянін. Мой дабрадзею! Скажы ты, вашэць, мне, чы душа маець очы? Я ведаю, што маю душу і цело і ў галаве ёсць дзве очы; так у душы мусіць быць болей, бо мне казалі папы, што душа ёсць большая, як цело.

Д'ябал. Prawda, bo więcey poznajesz, aniżeli widzisz: widzisz tylko jedną rzecz, a z niey i dziesięć wnioskow uczynisz[1].

Селянін. Ты, вашэць, мусіш быць дужо мудрым, бо калі што кажэш, так я і пазнаць не магу. Скажы ты, вашэць, мне, што гэто за падвёнзкі? Ох не! — за звёнскі, за звёнскі?

Д'ябал. Ja nie mówię związki dziewochie, ale to jest, kiedy ci z jedney rzeczy poznaney druga wypływa[2].

Селянін. Да душы ш гэто праўда мусіць быць, бо мне часто кроў з носа плывець.

Д'ябал. Och! Nie to ja ci mówię, ale gdy ty widzisz, że, żona twoja, rozłożywszy ogień na zgotowanie wieczerzy, idzie do ogrodu pomyslisz sobie, że jej jakiej rzeczy niestaje do przysmaku[3].

Селянін. Да душы ш, гэто зусім шчэрая праўда. Я ёй часто прыпамінаю, кап ена мне хрэну, чосныку, рэцькі, цыбулі, пастэрнаку, петрушкі да агурцоў прынесла.

Д'ябал. Ołoż znay dopioro, co to jest wniosek[4].

Селянін. Знаю. Але ты, вашэць, мой дабрадзею, калі ты, вашэць, гэтак мудры, парадзь мне, якім спосабам я магу быць багатым, бо здаетца, што я досьць дужо цяшко працую, аднакова як не маю нічого, так не маю. Ох Адам, Адам! У екіе ты нас горы ўвёў!

Д'ябал. Co tobie winien Adam? Za co ty na niego narzekasz?[5]

Селянін. А як жэ не наракаць, кап его чорт узяў! *(Б'е сябе па губах.)* Адпусьці, божэ, грэха, відзь жэ ты відзіш як я працую, а гэто ўсё з его ласкі.

Д'ябал. Citże! Cit! Nie składay na niego winy: ty sam często winnieyszym jesteś[6].

Селянін. Адкуль ты знашоўсе ў ліха гэтакі патрон? Ведама нет. Я знаю, што ён мене ў гэтаё ліхо ўправіў і ўсех нас мужычкоў паеў.

Д'ябал. Jakim sposobem?[7]

Селянін. Ох, які ж ты велікі дурак! *(Смяецца і гаворыць.)* А завёнзках мне гаварыў, а гэтаго не знаеш?

Д'ябал. Ja znam wszystko, jednak chcę wiedzieć, jakim ciebie sposobem Adam zgubił?[8]

Селянін. Вот як зарваў яблычак з дзерава праклятого, так і саг праклятым застаў і нас праклятымі пачыніў. Ох, кап я тагды на емо мейсцы быў, так бы я ніколі таго не ўчыніў; прападзі ено!

---

[1] Праўда, бо больш пазнаеш, чым бачыш. Бачыш толькі адну рэч, а з яе і дзесяць вывадаў зробіш. [2] Я не гавару саюз, дзівака. Але то ёсць, калі табе з адной пазнанай рэчы выплывае другая. [3] Ох! Не то я табе мовлю. Але калі ты бачыш, што твая жонка, разлажыўшы агонь для прыгатавання вячэры, ідзе на агарод, то падумаеш сабе, што ёй якойсьці рэчы не дастае да прысмаку. [4] Вось так і ведай, што то ёсць вывад. [5] Што табе павінен Адам? За што ты на яго наракаеш? [6] Цыц жа, цыц! Не ўскладай на чго віну. Ты сам часта горшым бываеш. [7] Якім чынам? [8] Я ўсё ведаю, аднак хачу ведаць, якім чынам цябе загубіў Адам?

Жыд (*выходзячы крычыць*). Дзёмка, Дзёмка! Гдзе ты ў ліха згінуў, а я... (*Хоча далей мовіць, але, убачыўшы чорта, просіць прабачэння.*) Wybacz WMPan, że ja WPa. niewidziawszy na Dziomkę krzyczałem, bo on mnie winien[1].

Д'ябал (*да жыда*). Żadney mnie przez to krzywdy nieuczyniłeś[2]. (*Жыд кланяецца, а чорт, махаючы на яго рукой, кажа тым часам селяніну.*) Nie znasz, co gadasz: ot ty mnieyszey rzeczy nie zachowasz[3].

Жыд. Дзёмка. Пытайсе, — екое!

Селянін. Смердзюх! Пашоў ты вон! Я без цебе з гэтым панічком разгаварусе.

Жыд. Да ну ты, дурак! Пытайсе, — екое! (*Чорт прыглядаецца да яго.*)

Селянін. Да ўжо ш папытаюсе... Ох, ох, забыўсе, прападзі ты! Эге, эге! Екое ты панічок, казаў рэчы?

Д'ябал. Oto nie wytrzymasz, gdybyś nic nie mówił, ani pisnoł przez godzinę[4].

Жыд. To prawda, co WPan dobrodzey mówis[5].

Селянін. Ідзі проч, смердзюх! Я не выцерплю, калі табе ў морду дам, а што маўчаць без цебе патрафлю[6].

Д'ябал. Nie potrafisz[7]

Селянін. А заклад хадзі за мною.

Д'ябал. Dobrze! O jaki zakład?[8]

Жыд (*мовіць сам сабе*). Дай бог Дзёмку выграць: то бы мне зараз за гарэлку заплаціў!

Селянін. Ты, вашэць, мне дасі сто рублей, калі я дацерплю.

Д'ябал. Dobrze, dobrze! Dam i dzwieście i trzysta[9].

Жыд (*зноў сам сабе*). Ох, ох! Екі ён велікі будзець пан, калі губу засыець!

Селянін. Под сумленем толькі кажыш, вашэць, што аддасі!?

Д'ябал. Tak jest! Ale kiedy ty niedotrzymasz to co będzie?[10]

Селянін. Тагды я тваім буду падданым.

Д'ябал. Dobrze, dobrze![11]

Жыд. Дзёмка, скарэй перэбівайце рукі!

Селянін. Дай жэ ты, вашэць, на тым мне руку, што калі я дацерплю, грошы мне аддасі.

Д'ябал. Pamiętay że, że moim będziesz poddanym![12] (*Дае селяніну руку.*)

Селянін. Пане арэндару, перэбій, вашэць, нам рукі!

Жыд. Дай бог Дзёмку выграць! (*Перабівае тут жа ім рукі.*)

Д'ябал. A czy wiesz, kto ja jestem?[13]

Селянін. Не ведаю.

---

[1] Выбач, вашмосць пан, што я вашпана не заўважыўшы, гукаў Дзёмку, бо ён мне вінен. [2] Ніякай ты мне крыўды тым не зрабіў. [3] Не ведаеш, што пляцеш. Вось ты меншай рэчы не захаваеш! [4] Не вытрываеш вось, каб не загаварыць і не піснуць на працягу адной гадзіны. [5] То — праўда, што вашпан дабрадзей мовіш. [6] здолею. [7] Не здолееш! [8] Добра, добра. Аб які заклад? [9] Добра, добра. Дам і дзвесце і трыста. [10] Безумоўна. Але, калі ты не вытрымаеш, то што будзе? [11] Добра, добра! [12] Памятай жа, што будзеш маім падданым! [13] А ці ведаеш, хто я ёсць?

Жыд (*прыглядаецца*).
Д'ябал. Jestem djabeł![1] (*Зрывае з сябе плашч.*)
Жыд (*уцякае ад яго, спалохаўшыся, крычыць*). Гвалту! Гвалту!
Селянін (*хоча уцякаць. Д'ябал трымае яго за руку. Селянін трасецца*).
Д'ябал. Jeżeli nie dotrzymasz zakładu, duszę twoją wezme do piekła, ato bez żadnego pardonu. Pamiętay że na to![2]
Селянін. Ах, ах! Да што тут мне рабіць? Да ўжо ш, пане д'ябле, датрымаю, датрымаю.
Д'ябал (*адыхсдзячы кажа*). Patrzay że![3]
Жыд (*з парывам да селяніна*). Дзёмка! На табе іголку, засый губу сабе.

СЦЭНА 5-я

Селянін. Ну ж, папаў жэ я залажытца!.. Ох, кап я ведаў, кто ён ёсць, не ашукаў бы тагды ён мене! А цепер і рады сабе даць не магу, што маю рабіць. Аднак заклад датрымаць трэба, бо з д'яблэм жартаваць не патрафлю. Ашукаў жэ ён мене?! Каб то можно было, адрок бы се і закладу, да ён не адступіць. Вот беда! Не а цяшкую то, праўда, рэч тут ідзець. Маўчаць, здаетца, патрафлю. Гэта ж невелікая рэч — пераз гадзіну маўчаць. Я на пару[4] пераз цалюхэнкі дзень маўчу, калі ў полю раблю; так мне не цяшко будзець закладу дадзержаць. Да як жэ ўжо дадзержу, так буду мець сто рублей, а можа і болей, як ён сам казаў. Тагды ж я сабе статку накупляю, пану, што вінен, аддам і ешчо на гарэлку, з маладзьбы ідзя напітца, застанетца. Арэндар тагды не скажэць, што не дам. Ох, кап ён тагды сказаў, што не дам, то бы я его ў морду, у морду, або адною рукою за пэйсахі[5], а другою паказваў бы грошы. Тагды бы ён быў для мене лепшы! (*Размахваючы, паказвае, як ён біў бы жыда.*) І суседзі тагды будуць мне кланетца, калі абачуць, што я багаты. А Гарасім, хоць мой велікі непрыяцель, аднак, спадзеюсе, што будзець кланетца, кап я толькі ему на чынш[6] грошы пазычыў. Да нет! Не вырвець. З'есць чорта — не дам... не дам, хоць бы і з'еў. Нехай розуму научыцца. І д'ябла ўжэ чорт несець: трэба губу затыкаць. Ужо мусіць быць тая гадзіна?

СЦЭНА 6-я

Д'ябал і Селянін

Д'ябал. Już się zbliża czas, byś twoje wykonywał przyrzeczenie, godzina wraz uderzy, od tey zaczniesz twoje milczenie[7].
Селянін. А чы скоро?
Д'ябал. Oto wraz, pamiętay że, żebyś się dobrze zachował w przy-

---

[1] Я д'ябал. [2] Калі не вытрымаеш умовы, душу тваю забяру да пекла без прабачэння. Памятай жа аб тым! [3] Глядзі ж! [4] Поле, адведзенае для пасеву жыта. [5] валасы. [6] падатак. [7] Ужо набліжаецца час, калі ты павінен будзеш выконваць умову. Зараз часы праб'юць гадзіну. Ад яе пачнеш маўчаць.

rzeczeniu swoim; ja ci sto rublow i więcey bez wątpienia oddam, nadto jeszcze przyrzekam tobie, iż corocznie będę ci dawał, kiedy dotrzymasz[1].
С е л я н і н. Дацерплю, бо губу пакулем у дзёхцэ памачыўшы заткаю.
Д ' я б а л. Nie potrzeba, ty tak przez godzinę wytrzymay w milczeniu[2].
С е л я н і н. Вытрымаю. Да душы ш, вытрымаю. Што гэто!
Д ' я б а л. A kiedy nie?[3]
С е л я н і н. Так душа твая будзець.
Д ' я б а л. Patrzay że, ja ciebie ostrzegam, żebyś potym na mnie nie narzekał, bo jak nie dotrzymasz zakładu, ja ci pardonować nie myslę[4].
С е л я н і н. Я табе кажу, што дацерплю! Дацерплю. Чаго ты хочэш ад мене.
Д ' я б а л. Słuchay że jak godzina uderzy, żebyś zaraz umilkł[5].
С е л я н і н. Без твае казкі я гэто ведаю. Ідзі сабе проч.
Д ' я б а л. Patrzay że![6] *(Адыходзе.)*
С е л я н і н. Добра, добра.

СЦЭНА 7-я

С е л я н і н. Вот цепер абачым, хто каго перэможэць. Ён кажэць, што мене возьмець да пекла, калі маўчаць не буду. А я кажу, што ён і з родэм сваім не даждзець, бо я гатоў сабе губу на калутку замкнуць. Але, праўда, прыпамінаю сабе, на што мне тые калоткі, на што тые пакуле з дзёхцем. Вот калі захочацца гаварыць, так я рукою губу заткаю. Вот гэтак *(паказвае)*. Абачым, што ён мне тагды зробіць! А коньчо выграю сто рублёў. Вот тагды мне будзець добра! *(Садзіцца. Гадзіннік б'е. Цыц, цыц! Паказвае мімікай.)*

СЦЭНА 8-я

Непадалёк ад селяніна трое дзяцей. Яны хочуць падняцца на неба па спушчанай ім драбіне, але не ўмеюць гэтага зрабіць. Сялянін спачатку жэстамі паказвае ім, як трэба лезці, а потым не вытрымаў і загаварыў, а калі паспрабаваў лезці па драбіне сам, драбіна паднялася. Селянін падае, дзеці з крыкам знікаюць.

СЦЭНА 9-я

Д'ябал і Селянін

Д ' я б а л *(выскачыўшы хапае селяніна і цягне)*. A przysięga gdzie? Przyrzekłeś, że będziesz milczał; poszedłeś w zakład, a oto niedotrzymałeś: ja ciebie teraz do piekła poprowadzę[7]. *(Цягне, селянін устае.)*
С е л я н і н. Мой ты наймілейшы дабрадзею! Прапрашаю, выбачай мне,

---

[1] Вось зараз. Памятай жа, што павінен добра трымацца сваёй умовы. Я табе без сумнення аддам 100 рублёў і болей. Звыш таго яшчэ абяцаю, што буду даваць табе іх кожны год, калі стрымаеш нашу ўмову. [2] Не трэба. Ты так вытрымай маўчанне на працягу гадзіны. [3] А калі не вытрымаеш? [4] Глядзі, я цябе папярэджваю, каб потым на мяне не наракаў, бо як не стрымаеш умовы, я табе не дарую. [5] Слухай жа. Як толькі гадзіна ўдарыць, каб зараз жа замоўк. [6] Глядзі ж! [7] А прысяга дзе? Заракаўся, што будзеш маўчаць, пайшоў у заклад, а ўмовы не вытрымаў! Я цябе зараз адпраўлю да пекла.

бо гэтыя блазны да астатнее злосці мене увелі. Чы ім бог розум ада-браў, чы што ў чорта, як ім не пазнаць таго, як лезць трэба па драбіне? *(Трасецца і кланяецца.)*

Д'ябал. A co to do ciebie należało, wszak ty tylko milczeć powinieneś był, bo taka nasz jest zakład[1].

Селянін. Да як жэ было сцерпець, калі аж у злосць уступіў *(кланеецца д'яблу)*.

Д'ябал. Co mi do tego, ja mam prawo do ciebie tyś moy[2].

Селянін. *(становіцца на калені і складае рукі)*. А дабрадзею! Да даруй жэ ты, вашэць, мне ўжо, — папраўлюсе!

Д'ябал. Niemożna, taka była nasza umowa[3].

Селянін. А панічэнку, а будзь жэ ласкаў!

Д'ябал. Widzisz, jak niesłusznie narzekałeś na Adama, kiedy ty dopioro jeszcze gorzey zrobiłeś?[4]

Селянін. Да знаю тоё; толькі позволь ешчэ хоць трошачкі, ■ ўжо ш буду маўчаць.

Д'ябал. Mam wzgląd na twoją ułomność, pozwolam ci na czas jaki frysztu, ale patrzay, żebyś znowu jak ci przykaże milczenie, ścisle zachował, bo ci drugi raz już nie daruję[5].

(Селянін кланяецца, д'ябал адыходзе.)

СЦЭНА 10-я

Селянін. Вот у якую я беду улез! Хвароба тых блазноў на маю голаву прынесло. Вох! Якіе ены дуракі? На драбіну хацелі ўлезьць то аднымі нагамі, то аднымі рукамі, то вешалісе. Ліхо ведаець, што ены рабілі; а я бачыў, што дужо прыгожо з гары нехто іх прасіў. Да як жэ было маўчаць, хоць трэба было, бо я пашоў у заклад, але я тагды і забыўся, як мене у злосьць увелі. Нехай жэ буду на другі раз астаражнейшым! З'есі ты ліха, пане д'ябле, калі мене болей ашукаеш! Кап ты цепер і недзведзёў на мяне спусціў, то ўжо буду маўчаць. Цепер ешчо схаджу да дому, пакуль тая пара не прыідзець. Трэба абачыць, што там дзеетца, работу екую сабе загадаць, а ўзад потым сюды прысьці. Гэтые сто рублей мушуць такі мае быць, — коньчо. *(Адыходзе.)*

АКТ ДРУГІ

СЦЭНА 1-я

Селянін. Што гэта ёсць такоё? *(Аглядаецца.)* Здаетца, што тоё ж самоё мейсце, а цепер ужо адменілосе. Так борздо. Да чаго я дзіўлюсе! Шак гэтаму пану д'яблу нічога не трудно. Мусеў я трохі доўго

---

[1] А якое то да цябе мела дачыненне? Ты толькі павінен быў маўчаць, бо такая наша ўмова. [2] Што мне да таго? Я маю права на цябе, ты мой. [3] Немагчыма. Такая была наша ўмова. [4] Бачыш, як няслушна наракаў на Адама, калі ты сам вось яшчэ горш зрабіў? [5] Жжалюся над тваім недахопам, дазволю табе ўжо на нейкі час фору, але глядзі, каб зноў, як я табе загадаю маўчаць, маўчаў упарта, бо ў другі раз я табе ўжо не дарую.

забавітца. Чы не быў ён ужо тут? Чы не біла ўжо гадзіна? Праўда, кап была ўжо пара, знашоў бы ён мене. Мусіць быць, што нет ешчо тае пары, пачакаю я тут троха, гдзе маю хадзіць; калі прыідзець, так добра. Але ведаю, што прыідзець, бо ему дужо душы мае хочецца. Не, не! Хоць сабе ілбы і голавы паукручваюць, лезучы на драбіну, ужо я ім не пакажу, як лезці. Не, другі раз мене не ашукаюць. Я цепер, як пара прыідзець, вазьмусе за лупы, а дзержаць моцно буду, хоць і хацець буду гаварыць што, то не буду махчы. Раз удалася штука, другі раз не заўтра мене падмануць. Дзержысе, Дземідзе, дзержысе, небожэ. Ой буду, буду. Не ухопіць ужо цепер. З'есць чорта! Ну што ж дзелаць? Ужо сталосе. На другі раз буду астаражнейшым; цепер усе абачуць, як я буду маўчаць. Вот гэтак, напрымер *(бярэцца за губы і трымае іх)*. Хоць хацеласе б што гаварыць, тагды б гэтак *(зноў стрымлівае сябе)*.

СЦЭНА 2-я

Жыд і Селянін

Жыд. Дзёмка, сказы ты мне, як ты ад цорта адкаснуўсе.
Селянін. Ох, кап ты і з чартом разэм прапаў, тагды б я смеяўсе.
Жыд. Да ню, Дзёмка, сказы ты мне, ці выграў ты?
Селянін. А табе што да таго, чы я выграў, чы не?
Жыд. Я для таго пытаюсе, калі ты выграў, так ты мне за гарэлку заплаці.
Селянін. Не бойсе! Чорт не вазьмець — заплачу. Але абачым, чы вазмеш і чы захочэш мае заплаты.
Жыд. Чаму не! Аддай толькі
Селянін. Чорт за мене табе меў заплаціць.
Жыд. Я не хацу, кап мне цорт плаціў, ты сам мне заплаці.
Селянін. Да не будзь же ты дураком, ён зараз заплаціць.
Жыд. Не хацу я. Не хацу, кап ён мне плаціў, ты сам мне заплаці.
Селянін. Ужо я его прасіў і ён мне прыабецаў табе заплаціць. А вот і ён з грошмі ідзець.
Жыд. Гдзе? Гдзе? *(Трасецца.)*
Селянін. Восека, восека *(паказвае у той бок, адкуль выходзіць д'ябал, і сам спалохаўся)*.
Жыд *(крычыць)*. Гвалту, гвалту! *(і уцякае ракам)*.
Селянін. Арэндар, арэндар! Вазмі грошы!

СЦЭНА 3-я

Д'ябал папярэджвае селяніна аб тым, што набліжаецца ўмоўленая гадзіна, на працягу якой селянін павінен маўчаць, бо другі раз парушэнне ўмовы яму не будзе даравана. Папракае селяніна за тое, што ён дарэмна наракае на Адама, а сам не паважае бога, якога нават ён, адвержаны богам д'ябал, паважае за бога. Селянін апраўдваецца тым, што яго зводзіць чорт сваёю хітрасцю. Д'ябал пярэчыць гэтаму і ў якасці прыкладу прыводзіць сябе. Селянін на гэты раз заракаецца маўчаць.

СЦЭНА 4-я

Селянін. Вот другі раз безезыкім трэба зрабітца для закладу. Ох, кап я его ніколі не знаў! Вот заграшыў! Захацелосе сто рублей мне. Здалосе, што малая рэч маўчаць. А цепер, як я пазнаў, з кім я ў заклад пашоў, і ўсе яго фігле як ужо абачыў, і пазнаў чаго ён ад мене хочэць, так дужо душа мая трасетца маркотная, хоць и не баюсе: ведаю, што дацерплю маўчаць, хоць бы цепер тые блазны і голавы сабе паукручвалі.

СЦЭНА 5-я

Селянін і Жыд

Жыд. Дзёмка, а Дзёмка! Я знаю, што ты дужо маркотны. Сказы ты мне, як ты ад д'ябла адкаснуўсе?
Селянін. Не лезь жэ ты мне ў очы. Мне і так ужо на душы усяко.
Жыд. Да ню, Дзёмачка! Сказы, а сто табе.
Селянін. Да не сто. Адна да ліхая. Вот і жывот баліць і ўсему ледаяк, і гаварыць не хочэцца. Ідзі ты сабе проч.
Жыд. Чы не нап'ессе ты гарэлкі?
Селянін. А чы маеш жа ты тут?
Жыд. Я цепер па сеўбаваным ездзу, есцо засталосе тросацка, вот тут і конь мой за леском стаіць.
Селянін. Ах, змілуйсе, пане арэндару! Пакрапі ты мене.
Жыд. Заплаці ты за тую гарэлку, так я табе дам.
Селянін. Пане арэндару, павер жэ ты мне, змілуйсе! *(Кланяецца.)* Хоць гэтак разок, а я прысегаю, што за пуўдня з гасцічыкам табе аддам, толькі з д'яблам законьчу.
Жыд. Дай жэ руку на тым, што ты сам мне аддасі, а пана д'ябла не будзеш прасіць.
Селянін *(падае руку і гавора)*. Верно і шчыро табе як казаў, так і кажу.
Жыд. Ці гнаўсе тагды за мною д'ябел, як я уцекаў?
Селянін. Хацеў гнатца, да я не пусціў. Да дай жэ мне гарэлкі, дай!
Жыд. Ой, як я напузаўсе, і дусы ў мене не было.
Селянін. Арэндар, да ідзі ш ты па гарэлку!
Жыд. Да сказыс ты мне, як ты его удзерзаў?
Селянін. Не ўжо! Досыць мне с табою балакаць. Не дасі ты мне гарэлкі? Зараз сьвісну ж я на чарта, а ён прыбежыць зараз, да дасць жэ табе, дасць. *(Хоча свіснуць.)*
Жыд. Не заві, не заві! Я зараз прынесу. *(Адыходзе.)*
Селянін. Не бойсе ж. Ох, як ён баітца д'ябла. Зараз ён тут гарэлкі мне прынесець, ужо ш тагды напіўшысе ашукаю і чарта. Чы не казаў я, што ён будзець бавітца. *(Жыд нясе бутэльку.)*
Жыд. На, на, на. Толькі цорта не заві.
Селянін. Не буду, не буду. *(П'е.)*
Жыд. Змілуйсе, змілуйсе.

Селянін. Чаго ты так чарта баісся? Я табе кажу, што не бойся, а так у заклад з нім ідзі, як я.
Жыд. Не хацу, не хацу.
Селянін (*п'е і аддае бутэльку*). Дзякую.
Жыд. Хто гэто стукаець, ці не д'ябал ідзець?
Селянін. Можэ і ён.
Жыд (*трасецца і азіраецца*). Ой, ой, ой.
Селянін. Не трапечысе! (*Бярэ жыда за плашч.*)
Жыд. Пусці, пусці! Пайду, пайду!
Селянін. Пане д'ябле, да ідзі сюды! (*За занавесам гручаць.*)
Жыд (*вырываецца і, уцякаючы, крычыць*). Ой, ой, ой. Wey mir! Цорны год на табе!
Селянін (*смяецца*). Ох, які жыд дурак! Чаму я д'ябла не баюсе? А ён, аж трасетца, мало што не уробітца. А вот і чорт ідзець.

СЦЭНА 6-я

Д'ябал папярэджвае селяніна, што хутка наступіць гадзіна, на працягу якой ён павінен маўчаць, а калі не вытрымае, каб потым не наракаў на д'ябла, што ён звёў яго, бо быў папярэджаны.

СЦЭНА 7-я

Селянін дзівуецца, чаго чорт такі добры, што напамінае яму пра яго абавязкі з такім стараннем, якога не хапае папам. Лічыць, што і чэрці бываюць добрыя і злыя. Пачуўся звон гадзінніка, селянін змоўк.

СЦЭНА 8-я

Тры браты (Аляксандр, Клеафас і Зосімас) вядуць размову аб сваім памёршым бацьку. З іх самы малодшы (Зосімас) нядобра ўспамінае нябожчыка. За гэта яго папракаюць браты. Пасля такой размовы яны збіраюцца ісці адкапваць для падзелу бацькаў скарб. Непадалёк ад сябе яны заўважылі селяніна.

СЦЭНА 9-я

Браты пытаюць селяніна, хто ён такі і што тут робіць. Селянін упарта маўчыць, а потым жэстам паказвае, што не можа гаварыць. Браты палічылі, што ён нямы, і прыступілі да раскопкі скарбу. Яны спяшаюцца адкапаць скарб да прыходу бацькавых крэдытораў. Але, адкапаўшы яго, яны не могуць выняць скрыню, бо зрабілі вузкі праход. Кожны з іх спрабуе ўвайсці ў праход і не можа, а бокам залезці не здагадаюцца. Селянін паказвае ім жэстамі як залезці. Яны не разумеюць. А ён ад іх спроб залезці ў праход ледзь стрымлівае сябе ад смеху.

СЦЭНА 10-я

Селянін не вытрымаў маўчання і пачаў тлумачыць ім, як трэба залезці ў такім выпадку. Ён палез сам бокам у праход, а калі вылез адтуль, браты зніклі. Селянін падбухторвае хутчэй забіраць скарб, браты за гэта яго дзякуюць. І тут ён успомніў, што парушыў умову, але спадзяецца, што ніхто чорту аб гэтым не скажа. Надзяе шапку і садзіцца на сваё месца.

СЦЭНА 11-я

З'яўляецца сам д'ябал і папракае селяніна, што той зноў парушыў умову маўчання, і патрабуе, каб селянін пайшоў за ім у пекла. Селянін паказвае жэстам, што не павінен яшчэ размаўляць, бо не прайшоў умоўлены час. Д'ябал патрабуе ад яго тлумачэння, чаму ён не вытрымаў умовы закладу, нават пагражае селяніну адкруціць галаву за тое, што зараз маўчыць і не адказвае на яго пытанне. Селянін

штурхае д'ябла і зноў жэстам тлумачыць, што яму яшчэ не час размаўляць. Тады д'ябал пачынае яго цягнуць у пекла.

СЦЭНА 12-я

Селянін загаварыў, але пачаў адракацца таго, што ён размаўляў з трыма братамі і што нават не бачыў іх. А за тое, што д'ябал пачаў даводзіць яму, ён назваў яго першым ілгуном і махляром, які хоча скруціць выйграныя ім грошы. Тады д'ябал рашыў зрабіць яму вочную стаўку з братамі і пайшоў шукаць іх.

СЦЭНА 13-я

Сел'янін. Да! Гэто не жарты, калі ён іх воко на воко паставіць. Не ведаю, як я выкручусе. Да можа ены з чартом не будуць гаварыць: я ж ім добра зрабіў, бо ены хоць покрылі б, так бы ў гэтыя дзверы не ўлезлі б. Ены ему не скажуць, спадзеваюсе, што я з німі гаварыў, толькі трэба будзець, як толькі ены прыдуць, на іх кіўнуць, каб не сьведчылі. А вот ліхо ужо іх несець. Дай бог, кап ены не выказалісе!

СЦЭНА 14-я

Д'ябал тлумачыць братам, зачым ён іх прывёў. Селянін кланяецца ім і неўзаметку просіць іх, каб яны не сведчылі д'яблу. Браты заяўляюць, што ім, як панам, не да твару даваць хлуслівае сведчанне, і пацвярджаюць, што селянін сапраўды размаўляў з імі. Селянін раззлаваўся на братоў за гэта і пачаў іх клясці. Браты пайшлі.

СЦЭНА 15-я

Селянін просіць д'ябла дараваць яму і на гэты раз. Д'ябал яго папракае і не згаджаецца на просьбу. Але чуллівыя просьбы селяніна парушылі ўпартасць д'ябла, і ён згаджаецца дараваць яму яшчэ адзін раз яго нястрыманасць.

СЦЭНА 16-я

Селянін. Ах, як я нешчаслівы! Ублутаўся у заклад, чы яго ліха на мене нагадзіла б. То хлопцы звялі, а цепер панічы, а чорт сам хіба ведаіць, што гэтай гадзіны будзіць. Запраўды не ўведаю, што я цепер рабіць буду. Закладу адрачыся ня можна, прасіць яго большы не патраплю. Вот як худа, так худа. Бяда, мая бяда. Чы мяне чорт у гэто уплутаў? Ах, праўда, што чорт; да я яго не знаў і нядужо тагды чорным быў, хоць кажуць людзі, што чорт чорны, а вот ён ня чорны быў. Чорт яго дзяры. Пайду толька я ў хату, пакуль тая гадзіна ударыць. Нядужа мне там доўга можна бавітца, аднак пайду, хоць кароцінькі час. Ведаю, што незадоўга тая гадзіна ударыць, аднак хоць трошэчку з жонкай пацешуся, гаворачы.

АКТ ТРЭЦІ

СЦЭНА 1-я

Селянін. Аж змарыўся бегучы. Аддыхацца яшчо не магу, а ліхо знае, можа ўжо і запазніўся... Запраўды, здаетца, што ўжо спазніўся. Чы ня быў ужо тут д'ябел? Да яшчо здаетца, што яшчо рана; ня мусіў яшчо ён прыхадзіць. Бо мне здаетца, што ён аба мне лепей

мусіць помніць цяпер, бо і яму а рэч ідзець. А толькі кажуць людзі, калі удаетца раз і другі, так трэцяга ужо не спадзеватца. І ён казаў трэці і астатні раз пазволіў мне маўчаць. Вот тут мне альбо выграць, альбо праграць прыдзітца. Аднак праграць не спадзеваюся, бо як два разы я праіграў, так і уму набраўся. Не, не, ня выграіш! Трэці раз за мной, пане д'ябле! Ужо цяпер а ні на хлопцаў, а ні на панічоў уважаць ня буду. Нехай яны сабе, што хочуць, так робюць. Хоць бы сабе і на галаве ходзілі б, то я а ні паўслоўца не скажу; а яны сабе хоць головы нехай круцюць, а я маўчаць буду, а ў духу смеятца: ха, ха, ха..., калі смешнага рабіць будуць. А гаварыць, да душы ш, ня буду, а ні слоўца. Хоць бы што захацелася, так я і губу заткаю і вочы завяжу, калі б толька нічога не гаварыць, а ні абачыць. Але ж, калі дацярплю, — сто рублей маіх будзіць!

СЦЭНА 2-я

Жыд і Селянін

Селянін. Ах, беда мая, беда! Не ў кага мне і парадзітца: жоне ня хочытца сказаць, што я з д'яблам пазнаўся, а больш некаму і зверытца. Вот калі ліха на мяне прыходзіць. Калі я праграю, ніхто ня будзіць ведаць, гдзе падзенуся, і помінкі па мне ніхто не справіць. Пайду толька я да арандара. Аднак ужо ён ведаіць. Нап'юсё гарэлкі, буду яго прасіць, кап ён пры мне быў. Да ён чарта баітца, не захочыць. Падарую яму палавіну грошы, што выграю, тагды можа намыслітца. *(Кліча.)* Арандар! Арандар! Хадзі толька ты сюды.

Жыд. Ню чаго ты у чорта гамоніш?

Селянін. Да хадзі ш сюды, нешта табе скажу.

Жыд. Не. Не ашукаес болі; досіць тобе, — раз удалося, што я за табой наха...

Селянін. Да хадзі сюды, будзім грошы тыя дзяліць, што я ў д'ябла выграў.

Жыд. Ці узё ты выграў?

Селянін. А ўжо ш, на што я буду ілгаць?

Жыд. Сора, Сора! Падай мне бутэльку гарэлкі, пайду я пана Дзёмку пацёстую!

Селянін. Да не баўся ш.

Жыд. Зараз. Зараз.

Селянін. Ашукаетца ён.

СЦЭНА 3-я

Яўрэй выносіць селяніну гарэлкі і дапытваецца ў яго, як яму пашанцавала выйграць у чорта грошы. Селянін не адказаў на гэта пытанне, а паведаміў толькі, што хоча даць яму 50 рублёў пры ўмове, што яўрэй заўсёды будзе яго слухаць. Яўрэй згаджаецца. Селянін просіць яго быць з ім у той час, калі прыдзе д'ябал, таму што д'ябал быццам бы адракаецца ад свайго абяцання выдаць селяніну 100 рублёў за свой пройгрыш. Пасля некаторых хістанняў яўрэй згаджаецца быць сведкам селяніна.

СЦЭНА 4-я

Селянін выказвае надзею не спакусіцца на размову ў апошні раз, бо з д'яблам кепскія жарты. Д'ябал дакарае селяніна за яго папрокі ў адрас Адама і папярэджвае селяніна, што дарує яму апошні раз яго нястрыманасць. У селяніна застаецца апошняя мажлівасць для выйгрышу свайго закладу.

СЦЭНА 5-я

Селянін кліча яўрэя ісці да д'ябла і тут жа патрабуе ад яго абсалютнага паслушэнства. Яўрэй згаджаецца быць яго сведкам.

СЦЭНА 6-я

Селянін. Прападзі жыд, а мне цепер як з д'яблам закончыць. Гэта не жарт! Ні разу д'ябл так сярдзіта са мной не гаварыў. Тагды мог яшчо пазнаць, што падаруіць, але што цепер — не спадзяваюся. Бедны я цепер! Ці ня добрая мяне ў гэта уплутала ліха? Адрок бы ся ўжо і сто рублей і другія б сто адрабіў бы, але то не з чалавекам справа. Не патрэба яму грошы. Ён і сам каму можыць даць, ён толька душы хочыць. Гэта праўда, што душа найдаражэйшая за ўсё, бо калі яе раз пацераеш, болі яе ня зышчыш... Вот як у бяду я улез. Вот як, наракаючы на Адама, з'еўся. Аднак яшчо спадзеваюся, што гэтат трэці раз вымаўчу. Здаетца, што хоць бы і самоя ліха хацела са мною гаварыць, прышоўшы ка мне, не адкажу а ні паўслоўка... Што гэта ў чорта, ці не б'ець... не... праўда жэ б'е гадзіна. *(Селянін на жэстах паказвае розныя знакі.)*

СЦЭНА 7-я

З'яўляецца Пакутнік. Ён накіроўваецца ў пустыню, каб там прысвяціць сваё жыццё богу, бо свецкае жыццё яго не задавальняе сваёй грахоўнасцю. У час малітвы ён незнарок наступіў на дудку і палічыў, што стаў на гадзюку, назвы якой ён яшчэ не ведае. Такую нечаканую з'яву Пакутнік разглядае як кепскую прыкмету і палохаецца дудкі. Ён штурхае дудку палкаю, а яна пішчыць. Пакутнік вырашае забіць сваёю палкаю гэтае «агіднае стварэнне», але дудка пад ударамі палкі толькі пішчыць на ўсе лады. Пакутнік трасецца ад страху, а селянін ад смеху.

СЦЭНА 8-я

Селянін не вытрымлівае і пачынае размаўляць з Пакутнікам. Ён тлумачыць яму, што гэта не гадзюка, а звычайная руская дудка, на якой граюць, і пачынае граць. Пакутнік паказвае ў бок і пытае: «Што там за страшыдла?» З'явіўся д'ябал.

СЦЭНА 9-я

Д'ябал пытае ў селяніна, чаму ён і на гэты раз не стрымаў умоў закладу. Селянін тлумачыць, што вінаваты ў гэтым Пакутнік, які не разумее звычайных рэчаў жыцця. Д'ябал не згаджаецца з селянінам і заяўляе яму, што Адам, на якога ён наракаў, быў ахвярай чорта без папярэджання, а селянін, маючы папярэджанне, умудроны практыкай жыцця, аказаўся ў сваіх учынках горшым за Адама. Пакутнік спрабуе абараніць селяніна і просіць д'ябла даравать селяніну. Д'ябал згаджаецца пры ўмове, што Пакутнік аддасць яму сваю душу за селяніна. Пакутнік спужаўся і пайшоў прэч. Селянін просіць д'ябла дараваць памылку. Д'ябал не згадзіўся, але даў яму некалькі часу для развітання з свецкім жыццём перад адпраўкаю ў пекла.

СЦЭНА 10-я

Селянін. Ой беда, мая беда! Гора ш маё, нешчаслівы на векі цяпер! Вот што я сабе зрабіў! Лепей, каб я того глядзеў, што да мяне належыць, каб ня жаліўся на пана і на страву для сябе, жонкі і дзяцей, як дагэтуль я рабіў, ніколі б я так нешчаслівы ня быў бы. Вот што гультайства мне зробіла! Да які ж я вялікі дурак! Як мне не зважуць! Толька ён раз мяне перасцерагаў, каб заклад дадзержаваў, каторы б каб дадзержаў, меў ба вялікую суму грошы. Аднак я не выцерпеў, як ён мне казаў, і для таго стаў я нешчаслівы. Ах... ах... мне беднаму... Што б я даў, каб тут цяпер мае суседзі былі, мае таварышы, каторые клясці Адама памагалі, каторые казалі каб я быў няверным пану, каторые самі так рабілі, каторые акрасць пана за грэх ня мелі, каторые ашукваць пана і другіх па злосці уядаць перад панамі радзілі, каторые пры маладзьбе колька разы паколька чвёртак у карчму насілі са мной разам на гарэлку, каторые замкі адмыкаць, ціха падходзіць, пад свірны падкападца, сцены і памосты круціць і збожа точыць учылі, каторые як паном адказаць, як з віны выкруцітца учылі! Праклятая тоя таварыства! Праклятая з шэльмамі жыццё! Ніколі б я гэтак ня згінуў бы, ніколі б я гэтак нешчаслівы ня быў ба, каб з тымі не таварышыў, каторые з д'яблямі жывуць, каб у таварыстве з імі ня быў і іх ня слухаў. Але што ш, віць і я мужык! З панам мне было... а за се з шляхціцам дастаў ба пазаушку. Што ш я бедны меў рабіць? Трэба, коньча, было з мужыком жыць. Збытнаё маё п'янства, частые байрамы,— гэтые мяне нешчаслівым учынілі. Ах беда ш, мая беда!

Беражыціся мужычкі, беражыціся, я вас асцерагаю! Не ругайце ні на бога, а ні на Адама, але на сябе. Мы горшы яшчо, як Адам. І ён, праўда, саграшыў, але раз тслька і за раз пакутуваў. А мы дзень на дзень грашым і пакутуваць ня хочым. Гэта то прычына нашай згубы, гэта у пекла нас вядзець! Ах, як на тое цяжка ўздумаць, што цярпець зараз буду! А яшчо цяжэлей на тоя, што вялікая моц у пекла дастаетца для таго, што ня помнілі на перасцерагання папоў. Ох многу, многу рабят, што бацькоў, падданыя паноў ня слухаюць у тым, што да збавення вядзець. Многа бацькі дзяцём, паны падданым напрыкраютца ў тым, каб добрамі былі. Жалаваць таго будуць некалі, да позне, так як я цяпер. Помніў, што мне бацька казаў, каб я не хацеў багацтва, а дзякуваў богу за тое, што бог даў, каб пацераў не апушчаў. А я нічога гэтага не рабіў. Не прышлося часам і пераксітца устаўшы, за клядзьбу, як за малітву, хватаўся. Гэта то мяне згубіла, гэта то мяне цяпер у рукі чорту упхнуло, гэта то мяне на векі нешчаслівым учыніла. Ах, беда мне, беда... Да чаго я тужу аднак? Мяне чорт возміць. Трэба, коньча, жыда прызваць, каб ён быў, як чорт прыдзіць. А можэ яго за мяне возміць? *(Стукае і крычыць.)* Арандар, арандар!

СЦЭНА 11-я

Яўрэй пытае, што яму скажа селянін. Селянін просіць яўрэя не ўцякаць ад чорта, калі той прыдзе, бо чорт мае намер ухіліцца ад платы свайго пройгрышу, палавіна якога дастанецца яўрэю як сведку закладу. У гэты час паяўляецца д'ябал.

СЦЭНА 12-я

Д'ябал патрабуе ад селяніна, каб той пайшоў у пекла. Тым часам яўрэй падказвае Дзёмку напомніць д'яблу пра грошы. Селянін спрабуе яшчэ адгаварыцца ад д'ябла, але д'ябал патрабуе свайго. Яўрэй тады напамінае д'яблу, што той абяцаў Дзёмку грошы. Д'ябал не адмаўляецца, але тлумачыць, што Дзёмка іх у яго не выйграў. Яўрэй пярэчыць. Д'ябал у адказ на гэта заяўляе, што ў такім выпадку прайграў яўрэй. Абрадаваны Дзёмка гаворыць д'яблу, што яўрэй сам згадзіўся аддаць д'яблу сваю душу нехрысця замест яго душы. Яўрэй спалохаўся, закрычаў: «Гвалту!» і пабег. Селянін просіць д'ябла не цягнуць яго ў пекла і абяцае выправіць свае памылкі.

Д'ябал. Nic z tego nie będzie, miałeś przestrogi, wszak ja ci na samym początku mówiłem i przestrzegałem, a żebyś na mnie nie narzekał, nauczałem cię jak się masz zachować, ty iednak przestąpiłeś to wszystko, nie byłeś pamiętny na siebie, teraz już poydziesz ze mną. Poznają z ciebie wszyscy, ktorzy nie pilnują obowiązkow stanu swego, czego się spodziewać mają; nie do was chłopkow iednych to się sięga, może, a więcey powiem, że łatwiey popaść w też same nieszczęście y Pan, kiedy się sprawować nie będzie za przewodnictwem rozumu, ktory się na prawach boskich y koscielnych zasadza... To ja dobiero wszystkim powiadam y przestrzegam... nie narzekajcie odtąd na Djabła, mówiąc że Djabł nas zwiodł. Prawda, my chcemy zwieść, ale kogo znaydziemy powolnego; kto zaś ma na pamięci y sercu wyryte przykazanie boskie, y starasię one pełnić, do tego my żadnego prawa nie mamy. Bo Bóg z nim przemieszkiwa *(do chłopa)*. Ty nie możesz się na Boga uskarzać, bo Bóg mi nawet ciebie ostrzegać dozwolił. Tyś jednak moie ostrzeganie zalekceważył, małes wykroczenie zalekceważył, a zatym przyszedłeś do tego nieszczęsliwości kresu; idź że za mną, będziesz już ze mną nawieki nieszczęśliwy[1].

(Д'ябал цягне селяніна ў пекла, а той крычыць: «Квасу! дайце квасу!»)

---

[1] Нічога з таго не будзе. Усяк я табе з самага пачатку казаў і папярэджваў, каб ты на мяне не наракаў, навучаў цябе, як павінен быў сябе захаваць. Аднак ты пераступіў усё тое, не помніў аб сабе. Цяпер жа пойдзеш за мною. Пазнаюць з цябе ўсе тыя, хто не пільнуе абавязкаў свайго стану, на што яны маюць спадзявацца. Не на вас адзіных сялян такая спакуса, магчыма, скажу больш, што лёгка ў тое няшчасце можа трапіць і пан, калі ён не будзе весці справы паводле розуму, які абгрунтоўвае свае кепскія ўчынкі касцёльнымі і боскімі справамі. Аб гэтым я толькі папярэджваю. Не наракайце таму на д'ябла, кажучы што ён нас спакусіў. Праўда, мы хочам звесці з правільнага шляху, але таго, каго знойдзем паслухмянага для сябе. Але таму, хто трымае ў памяці і замацаваў у сваім сэрцы боскія наказы і стараецца выконваць іх, мы кепскага нічога не чынім, бо з ім жыве сам бог. Ты ж не можаш дакараць бога таму, што ён сам мне загадаў цябе асцерагаць. Аднак, да маіх перасцярог ты аднёсся зняважліва і лёгкадумна зрабіў учынак, а за гэта прыйшоў да таго нешчаслівага канца. Ідзі ж цяпер за мною, будзеш са мною нешчаслівым на ўвесь век!

Беларуская перакладная літаратура XVI–XVII стагоддзяў

ПЕРАКЛАДЫ НА БЕЛАРУСКУЮ МОВУ

Культурнае жыццё беларускага народа не было ізалявана ад жыцця іншых народаў. Аб гэтым сведчыць рад твораў, якія былі перакладзены на тагачасную беларускую мову з візантыйска-славянскіх і заходнееўрапейскіх крыніц. Пераклады літаратуры былі абумоўлены практычнымі мэтамі культурнага жыцця таго часу. Апрача таго, што перакладная літаратура знаёміла чытача з культурай іншых народаў, яна адыгрывала значную ролю ў развіцці і фарміраванні яго эстэтычных густаў і светапогляду, адпаведнага дадзенай эпосе.

Сярод помнікаў перакладной літаратуры візантыйска-славянскага паходжання значнае месца належала жыціям і апокрыфам, гэта значыць легендарным апавяданням з казачна-фантастычным зместам на біблейскія сюжэты Старага і Новага заветаў. Яны былі для нашых продкаў цікавым чытаннем таму, што давалі ім адказы на розныя незразумелыя пытанні. Асабліва папулярнымі былі апокрыфы: «Слово о древѣ крестном», «Страдание и подвизи святого Филипа», «Чудо святого Егорьгия о змии», «Сон богородици», «Лист Исуса Христа», «О двѣнадцати муках» і іншыя.

Побач з апокрыфамі ў Беларусі шырокай папулярнасцю карысталіся і дыдактычныя аповесці рэлігійнага зместу («Страсти Христовы», «Повѣсть о трех королях-волхвах» і інш.), якія былі перакладзены на беларускую мову ў канцы XV або ў пачатку XVI ст. ст. часткаю з лацінскіх, а часткаю з польскіх крыніц.

Сярод аповесцей свецкага характару на тэрыторыі Беларусі былі папулярнымі: «Аповесць аб Троі», «Аляксандрыя», «История о Атыли, короли угорѣском», «Аповесць аб Трысчане», «Аповесць пра Баву», «Аповесць пра Тундала-рыцара», «Сказание о Сивилле пророчици», «Аповесць аб Скандербегу».

З іншых жанраў перакладной літаратуры ў Беларусі трэба адзначыць хронікі і хранографы, якія з'яўляліся ў той час крыніцамі ведаў па свяшчэннай і сусветнай гісторыі. Такімі былі два хранографы пачатку XVII ст., якія зараз захоўваюцца ў Віленскай публічнай бібліятэцы (гл. №№ 109 і 110), хранограф XVII ст. Дзяржаўнай бібліятэкі імя У. І. Леніна ў Маскве (№ 2405), «Хроника всего свѣта» Мартына Бельскага, «Хроника» Мацея Стрыйкоўскага і іншыя хронікі.

[ЖЫЦІЕ АЛЯКСЕЯ, ЧАЛАВЕКА БОЖАГА]

Жыціе Аляксея, чалавека божага ўзнікла на Захадзе на самай зары развіцця хрысціянства. На Русі гэта жыціе было ўжо шырока вядома ў часы Кіеўскай дзяржавы. Беларуская рэдакцыя гэтага жыція ўзнікла на аснове лацінскага арыгінала «Legenda Aurea Jacobi de Voragine», але перакладчык, як высветліў у свой час праф. Уладзіміраў, адначасова выкарыстаў і чэшскія рукапісныя крыніцы XIV—XV ст. ст. Папулярнасць жыція Аляксея ў свой час была такая вялікая, што яно трапіла ў народнае асяроддзе і там амаль да канца XIX ст. распаўсюджвалася духоўным вершам.

Ніжэй пададзены тэкст беларускай рэдакцыі гэтага жыція друкуецца поўнасцю па рукапіснаму спіску XV—XVI ст. ст. Ленінградскай публічнай бібліятэкі імя Салтыкова-Шчадрына. (Гл. Q 1, № 391, лл. 97—99 адв.).

Святый Олексѣй был сын Евфимияном, мужа прешляхетного римлянина у дому цесарском первый, пред которым три тисячи детей стояло, которыи снурами золотыми препоясовалися а в рубе [1] шолкове облочилися [2]. А тот Евфимиян был велми милосердный. А на кажную днину у его дому три столы убогим, сиротам, перькгримом [3] и вдовам поставливаны, которым же мужне служил.

Его ж жона именем Акгълаёс того же закону и того ж умыслу была. А и девятую годину сам и с мужми законными [4] приимивали покорм телу своему. Да коли ж сына не держали [5], але на молитвы их пан бог их сыном обдарил. А оны потом у чистоте жити собе укрепили.

Тогды оное детятко дано на науку. А коли жь во всих науках уже процвитал, а уже малодых лѣт а мудрых досягал, некоторая панна, у дому цесарьском выбрана, ему за жону отдана.

И пришла ноч, у которую и с облюбеницею принял молчачие таёмнице. Тогды тот святый молодець обьлюбеницю свою божье боязни научати почал, а её теж ку паненскому сорому почал приводити. Потом перстенець свой золотый и занькел поисовый [6], которым ся опоясовал, ёй ховати подал, рекучи: «Приими то, а ховай докул богу любо будеть. А бог буди свѣдок межи нас».

Потом узявши, на море поступил, а уступивши у суд [7], пришол до Лаодацие. А оттола пришодши до Едисы, мѣста сырийского, пришол кде образ пана нашого Езу Криста [8] не человѣчьим делом уделаный на простири держал ёсть. Там, пришодши, усе, што ис собою был принесл, убогим роздал, а рубиё калѣчие оболокши

---

[1] адзенне. [2] апраналіся. [3] пілігрымам. [4] богаўгоднымі. [5] не было. [6] тасёмка з дарагой тканіны. [7] судно. [8] Ісуса Хрыста.

и с иными убогими у присѣнку [1] матки божье сѣдети почал. А милостыню, што ему се видело собе з достатком, то у себе держал, а иную иным убогим роздавал.

Тогды отець, отоитью [2] сына своего уздыхаючи, по сторонам усего свѣта слуги свое послал, которые бы его пилне искали; с которых же, коли некоторые до мѣста Едисы приходили, от него были познаны. Але оны его никакь не познали. Ему ис ыными убоги(ми) милостыню подавали, которую он, узявши, дяковал богу, рекучи: «Декую тобѣ, пане Езу Кристе, который ми от слуг моих милостыню узяти изрядил еси».

Вернулисе слуги поведали, иже никде не можеть знайден быти. А матка ёго од дня ёго отъитиа мех на помосте умѣсто постели собе слала, да прочутившися [3] жалобливе голосы давала, рекучи: «Тут усегды у плачу мяшкати [4] буду опят, оли ж сына своего мети буду». А невѣстка до свекра рекла: «Учую ли я што о моём облюбенцю насласнейшом? Как синогордлица [5] одиная с тобою тут мешкати буду?»

А коли жь Олексѣй у присенку матки божье за семънадцать лѣт на божей службе мешкал уставичне [6], тогды образ панны Марии, который тамо был, сторожу церковному рекл: «Упусти человѣка божьёго, бо достоён есть королевства небесного, а дух божий одпочиваеть над ним, бо молитва его, как закурение кадилное, пред обличьё божьё уступуеть». Да коли сторож не вѣдал, о каком бы человѣце образ говорил, опят ему рекл: «Тот, который вонках [7] седить у присѣнку церковном. Тот есть». Тогды сторож борздей [8] вышол и увел и [9] у церковь.

А коли ж тая речь усим явна была, а уже люди ёго чтити и велми жаловати почали. Свѣтское хвалы бегаючи, одтоле проч пошол. А пришол до Лаодоциё. А тамо, у судину усѣдши, хотя до Цилицеи се перевезти. А божьим рядом [10] от ветру припуженый, на римский брег пришол.

То узнавши, Олѣксѣюс рекл сам у собе: «У дому отца моего незнакомит [11] буду мешкати, а иному тяжок буду». А тогды отца ис терема идучого, от великости людей огарненого, против [12] себе идучого, увидел и почал кликати за ним: «Слуго божий! Мене (перь)кгрима у дом свой приняти вели, а от круп стола твоёго кормити прикажи, абы теж над твоим перкгримом Олексѣём богом рачил [13] се миловати».

То услышавши отець, для милости сына своего, его приняти велѣл и мѣстце ему опришное [14] у дому своем дал, а покормь его ис стола своего ему уставил и слугу питомого приставил.

Да он у молитвах уставичон был, а тело своё посты сушил и дручил. А слуги дому оного его частократь посмехали, а помые горячие на голову его часто проливали. Але он ко всему терпѣливый велми был. А семнадцать лѣт у дому отца своего незнокомит пере-

---

[1] прыбудова каля сцяны. [2] знікненню, адыходу. [3] прачнуўшыся. [4] жыці. [5] сіняя галубка. [6] стала, пастаянна. [7] знадворку. [8] хутчэй. [9] яго. [10] воляю, жаданнем. [11] непазнаным. [12] насустрач. [13] меў ласку, пажадаў. [14] асобнае.

мешкал. А узнавши духом святым, иже конець живота[1] его приближил, листа и с чернилом просил, а на нем весь ряд живота своёго пописал.

А у неделю во мше[2] у церкви голос з неба зазвинял, рекучи: «Пойдете до мене уси, которыи роботуете а утешоны есте, а я охоложу вас». То услышавше, уси зляклисе и на лица своя попадали. Да ова[3] голос другим разом рекл: «Ищите человѣка божьего, абы се молил за Рим!» А коли оны искали, а не нашли, опять голос рекл: «У дому Еуфимьяновом смотрите!» И пытали Еуфимьяна, и он казал, се о том ничого не вѣдати.

Тогды цесареве Архадиус да Гнориюс[4] и с папою Имоценцеюсом[5] до дому Еуфимьянова пошли. А ова слуга Олексѣев до пана своего пришол, рекучи: «Пане, смотри не тот ли есть перкгрим наш, бо твердого живота и терпливости человѣк ёсть!» А пошодши, Еуфимьянус ёго умерши нашол. Да обличье ёго как бы анёльское освѣчоное нашол. А хотел лист, который у руце держал, от него узяти, але не могл. А коли жь вышол, а цесарем и папе то сказал. А оны до него вошли, рекли: «Хотя грешны есмы, а вежды[6] ряды королевства полнимы а держамы, а тут посполную[7] пастушскую печаль рядимы, прото дай нам лист тот, абы есмо ведали, што на нем ёсть писано». А ова папа лист из руки ёго узял, а он ему на тых мѣст пустил и велѣл и[8] росчести пред усим людом и пред отцем его.

Евфимьянус, то услышавши, велми боязнию се замутил и зляклъся и ссталея без розума, и как бы без душе на землю пал. Да коли жь маленко полежал, а к собе ся приворотил, рухо[9] своё содрал и издрал, и почал седые волосы из головы свое ръвати, и за бороду се тягнути, и сам себе драти почал, а на тело сына своёго падши, кликал: «Беда мне, сыну мой! Чему еси мене так замутил[10], черес такиё лѣта мене жалости придал еси? Беда мне бедному, иже вижу тебе сторожа старости моёё, на марах[11] лежачого, неговорячого со мною! Беда мне! Какое потешение потом буду могл имѣти?»

Да матка теж тоё услышавши, как бы лвица деручи себе, также здрапавши[12] на собе рубиё альбо хусты, волосы роспустивши, у небо очи подносила. А коли перед великим людом святого тела дойти не могла и она закликала, рекучи: «Дайти ми[13] приступити, абых увидела сына моего, абых увидѣла потешение душе моее, который ссал груди мое!» А коли пришла до тела, на ложи на него кликала, рекучи: «Беда мне сыну мой, свѣчо очью моих! Чому еси так учинил, а так укрутне[14] с нами еси починал? Видел еси отца твоего и мене бедную плачуче, а не указал еси себе нам? Слу-

---

[1] жыцця. [2] у час абедні. [3] тым часам. [4] Сыны рымскага імператара Феадосія I царавалі з 395 г. Аркадзій быў імператарам Усходняй часткі Рымскай імперыі (395—408 гг.), Ганорый — імператарам зямель ад Адрыятычнага мора да р. Тыгр і ад р. Дуная — да р. Ніла (395—423). [5] перапісчыкам пераблытана імя папы Інакенція I (402—417). [6] усё-такі. [7] агульную, народную. [8] яго. [9] шапку. [10] занепакоіў. [11] смяротны ложак. [12] сарваўшы. [13] мне. [14] бязлітасна.

ги твои кривдили тебе, а ты терпел еси!» Да опять и опять, и сяк и так на теле узлегивала и нине плечима протягнетсе на него, нине руками обличьё аньёльскоё обрачаёть целовати, и закликала [1], рекучи: «Плачте со мною уси, которыи тут есте, иже черес семьнадцать лет у дому моём мѣла есми ёго, а не познала есми, иже мой единый сын был! А слуги мои посмехали ёго и за шию били ёго. Беда мне! Кто дасть очима моима колодязь слез, абых плакала во дне и у ночи, жалости души моеё?»

А жона его, у скаредное [2] платье оболокшисе, текла плачучи и рекучи: «Беда мне, иже нинека опустѣла ёсми и стала ёсми удовою! Уже не держу на кого быx погледела, на кого быx очи подносила. Теперь росселося зеркало моё и згинула надея моя; теперь почаласе жалость, которая конца не держит!»

Да люди, то услышавше, велми жалобно плакали. Тогды папа ис церьми уложил тело на тяжке мары и привели посеред мѣста [3]. И сказано людем, иже знайден человѣк божий, которого усе мѣсто искало. Тогды уси пошли против [4] святому. А дотъкнулисе который немоцный [5] пресвятого тела, на тых мѣст здоров стал: слепые узрок приимовали и вси немоцные, которою коли немоцию уняты [6] были, доткнувшеся тела святого, уздоровлены были.

То увидевше цесареве такие дивы, почали сами и с папою нести мары, абы теж были посвящены от того тѣла святого. Тогды цесареве велѣли оплавитости [7] золота и серебра по улицам кидати, штобы люди около пѣнязей [8], иж бы препустили святого тело до церкви допровадити. Але люди, милости пѣнязий откинувши, болше и болше ку доткнению святого тела рвалися. А тако з великою роботою до церкви святого Бонифациуса-мученика его превели. А тамо черес днии ухвалению божьем поставивше удѣлали гроб ис золота, ис жемчуга, и з дорогого камениа, у котором пресвятого тело с великою честию положили. А с того гробу пресласный запах запахнул, ажь усим виделосе иж бы был дорогих кастей полон.

А умерл у лѣт божьего нарожениа во сту и в девятьдесять и восми лѣт...

---

[1] галасіла, прычытала. [2] жалобнае. [3] горада. [4] насустрач. [5] хворы. [6] захварэўшы. [7] зліткі. [8] грошай.

ПОЧИНАЕТСЯ КНИГА О ЖЕНЕ ИУДИФ, ЕЖЕ ОТСЕЧЕ ГЛАВУ ОЛОФЕРНОВИ, ВОЕВОДЕ НАВХОДНАСОРА ЦАРЯ АСИРЪСКАГО, И ЗБАВИ ЛЮДЕЙ ИЗРАИЛЕВЫХ, А ИМАТЬ ГЛАВ 16

Аповесць «Иудиф» з'яўляецца адным з першых друкаваных твораў беларускай перакладной літаратуры пачатку XVI стагоддзя. Кіруючыся імкненнем павысіць культурны ўзровень свайго народа і жаданнем задаволіць жывы інтарэс чытачоў да мастацкіх твораў на гістарычную тэму, Георгій Скарына пераклаў і надрукаваў гэтую аповесць на самай зары развіцця друкаванай кнігі. Пераклад яе на беларускую мову з чэшскіх, царкоўнаславянскіх і лацінскіх крыніц і надрукаванне было зроблена ім у лютым 1519 года ў чэшскім горадзе Празе. Аднак трэба зазначыць, што пераклад Скарыны значна адрозніваецца ад сучаснага кананічнага тэксту гэтай кнігі ў «Бібліі», дзе яна чытаецца ў раздзеле «Ветхого Завета».

Аповесць «Иудиф» прысвечана паказу ваенных дзеянняў канкрэтнай гістарычнай эпохі асірыйскага цара Навуханосара і праслаўленню патрыятызму вефулійскай удавы Юдзіфі, якая сваім гераічным учынкам выратавала г. Вефулію ад асірыйскага заваявання. Гэтая празмерная свецкасць аповесці «Иудиф» і яе ваенная тэматыка даюць поўную падставу паставіць яе побач з такімі чыста свецкімі творамі таго часу на гістарычную тэму, як ««Александрыя», «Троянская история», «История об Атиле» і інш., якія ў XVI—XVII ст. ст. карысталіся выключнай папулярнасцю сярод чытачоў.

Скарочаны тэкст аповесці ў перакладзе Скарыны пададзены ў хрэстаматыі па экземпляру скарынінскай «Бібліі», які зараз захоўваецца ў аддзеле рэдкай кнігі Ленінградскай публічнай бібліятэкі імя Салтыкова-Шчадрына.

ГЛАВА 1

Моцного царя Арфаксата поразил ест Навходносор, царь асирский, и потом послал послы ко иным народом, абы служили ему, и не хотяху учинити того

Арфаксат, царь медийский, подбил был многия языки[1] под свою власть. И той поставил град вельми крепкий и назвал и[2] Егвафанис. От каменя грановитого и тесаного поделал муры града того. Их же вышиня была седмъдесят локтей, а ширина тридцеть локтей. Столпы пак[3] около его поделал на вышиню ста локтев, и кажная страна столпов тых четверограноватых

[1] народы. [2] яго. [3] усё-такі, у сваю чаргу.

была ест двадцети ступенев ножных. И сделал врата градова межи столпами высокими, и хвалился, яко моцный в силе войска своего и о возех своих.

И бысть лѣта двадцатого царства своего Навходносор, царь асирский—он же царствовал ест в Ниниве, граде великом—воевася со Арфаксатом, царем медийским, и подбил[1] его под ся на поли великом, иже словеть Рагав, при реце Евфрате и Тигри и Язоне, и на поли Ериоф — царя еликорскаго. Тогда вознесеся царство Навходносорово, и сердце его поздвигнеся. И послал ест послы ко всем живущим в Килики, и в Дамаску, и в Ливане, и ко всим народом, иже суть в Кармелю, и в Кедаре, и к живущим в Галилеи на поли великом Ездрелон, и ко всем, еже были в Самарии и за рекою Иорданскою, даже до Ерусалима и до всея земли Есемли, дондеже[2] не приидe к горам Муринским. К тым ко всем послал ест Навходносор, царь асирский. Они пак вси единою мыслию не хотеша послушати его и послы отпустиша празны и без всякое чти выгнаша их от себе. Тогда розгневался ест Навходносор царь на вси земли ты и клялся царством и престолом своим, иже помстити се хощеть за то надо всеми странами тыми.

ГЛАВА 2

Навходносор, царь асирский, совещав совѣт, послал ест Олоферна, воеводу своего, на западние страны. Той же, идя з войском казил вси речи

Лета тринадесятого царства Навходносорова, двадцеть втораго дня месеца перваго, сталося ест слово на дворе Навходносора, царя асирскаго, абы ся помстил. Тогда созвал ест всих князей своих и воевод и всех воевников, и уделал ест с ними совѣт свой тайный. И поведил им мысль свою, еже имеаше, абы подбил под ся вси земли. Сия же речь, егда полюбилася ест всем, позвал Навходносор царь Олоферна, воеводу войска своего. И рече ему: «Изыйди з войском моим на вся царства, еже живуть к западу солнца, а наболей на тых, они же погордели суть приказанием моим. Да не отпустить око твое не единому царству, и кажного града огражeнного добудь ми!»

Тогда Олоферн созвал всех тысещников и врядников войска асирскаго и зочте мужей годных к бою, яко же был ему приказал царь. И знайде их сто тысещей и двадцеть тысещей пеших бойцев, конных же и стрельцев дванадесеть тысещей. И повелел ест напред ити всему войску своему с множеством бѣз числа вельвлюдов и с стравою, иже бы войско имело пищи досыть, волов теже гнаша стада и овець, им же не было числа, муки также со всее земли Асирское наготовити приказал; злата пак и сребра и с скарбу царева взял с собою велми много.

---

[1] перамог. [2] пакуль.

И иде Олоферн и все войско с возы и с конники и с стрельци, и прикрили суть лице земли, яко усеница. И егда выйде с пределов земли Асирское, прииде к горам великим Анъги, иже суть на левой стране земли Киликийское, и внииде до всех градов их и добыл е. Вывоевал теже град вельми богатый Мелоф, и пленил всих сынов Тарсииных и сынов Израгелевых, иже быша против пустыни и на полудне от земли Целеон. И переплавившися черес реку Ефрат, внииде до Мезопотамии, и вывоевал вси грады великие, иже быша в земли той от потока Мамврия, даже до моря. И взял ест землю их от Киликии даже до пределов Яфетских, иже суть к полудню. И поимал ест всих сынов Мадиамских, и побрал вся имения их. И всих людей, еже противишеся ему, погубил оружием. Потом же иде на полѣ Дамаска, во время жатвы, и попалил вси жита их, и вся древа плодавитая, и винограды велел посекати. И паде страх его на всех людей, живущих на земли.

ГЛАВА 3

Грады многы доброволне поддаются Олофернови. В них же он собѣ брал помощники, а боги их и грады казил по повелению Навходносора царя

Тогда послали суть послы своя со всих градов из стран цари и князи сирстии и мезопотамстии, и Сирии Соваль, и Ливии, и Киликии. Они же, пришедши ко Олоферну, глаголаше: «Да утишится гнев твой над нами! Лепей воистинну ест нам живыми быти, а служити Навходносореви, царю великому, и послухати тебе, нежели быхом сами со имениами нашими вечне загинули. Сѣ вся земля наша, и все грады наше, вси горы и холмы, стада волов, овець и козлов, коне и велблюды, и все имение наше и челядей наших пред лицем твоим суть. Да будуть вси речи наше под властью твоею! Мы теже и сыновѣ наши раби твои есмо. Прииди ж к нам, яко господин наш мирный, и поживай службы нашее, яко же любо ест тобѣ».

Тогда Олоферн сниде з гор с комонъством и с силою великою и взял кажный град крепкий и вся места, еже быша в земли той. И с кажного пак града взял с собою на помощ мужей силных и годных к вою [1]. А так великий страх напал ест на страны тые, иже со всих градов князи и старейшины с людми посполитыми вкупе выходили суть востретение ему и приимали его с прапорами [2] и с свещами, выходяще к нему с трубами, и с гудбами [3] со вѣселием.

И егда таковую почливость ему чиняху, прото не можаху укротити злости серца его, понеже [4] грады их казил и храмы богов их роскопал, яко же был приказал ему Навходносор царь, абы вси богы земные выгубил, а то для того, иж бы толико самого Навходнасора имели за бога вси тые народовѣ, их же Олоферн подбил под царство его.

---

[1] ваяваць. [2] сцягамі. [3] гуслямі. [4] таму што.

Прошол пак ест Олоферн всю Сирию совалю и повоевал всю Аппимию и Мезопотамию. Прииде ко Идумеаном до земли Гаваони и добыл всех градов их. И пребыл ту до тридцети дней, и в тых днех велел созвати все войско силы своея.

ГЛАВА 4

Тогда сынове Израилевы осаживали горы у тесных местах пред Олоферном, и Елиахим жрець повѣлел всем людем поститися и молитися господу богу

Услышавши же сѣе сынове Израилевы, живущие и земли Июдине, бояшеся вельми пред лицем Олоферновым, страх убо и трепет нападе на них, абы не учинил Ерусалиму граду и храму господьню по тому, яко же чинил ест иным градом и храмом их. Сего ради послали суть ко всей Самарии вооколо даже до Ерихона и осадили вси верхи и тесныи места гор, и оградили села своя и навозили жит, готующеся к бою. Жрець теже Елиахим писал ест лист ко всем людем, живущим против Ездрелона, иже ест против великому полю близко до Тайма, и ко всим иным мужем, скрозе их же можеть быти проезд, абы осадили горы, межи ими же можеть быти проход ко Ерусалиму, и ту дабы стерегли, игде же ест узкий путь межи скалами. И учинили суть сыновѣ Израилевы по всему, яко же заповедал им жрець божий Елиахим.

И возопили суть вси людие к господу богу воплем великим и смирили суть серца своя постом и молитвою мужи и жены их. И облеклися жерци их во вретища, и дети своя поклали пред храмом господьним, и олтарь божий прикрили гунею [1]. И кричаху вси к господу богу Израилеву, единомыслено глаголюще: «Не предавай, господи, отрочат наших у пленение, и жен наших у розделение, и градов наших у скажение, и храму святого твоего у посквернение, и нас у посрамочение языком!»

В той час Елиахим, жрець божий великий, обыходил ест всех людей Израилевых и напоминал им, глаголя: «Ведите сее, иже услышить господь бог молитву вашу, естъли же до конца пребудете постяще и молящеся пред лицем божиим! Воспомяните Моисея, раба божия! Он же Амалеха, надеющегося на силу свою, и на полки своя, и на люди своя, и на щиты своя, и на колесница своя, и на кони своя, не оружием, но молитвою воюя, поразил его. Тако будуть вси врази людей Израилевых, естъли же пребудете в деле том добром, еже почали есте». И тако для напомянутия Елиахимова, молящеся богу пребыша даже до вечера пред лицем господьним. Но и тии, они же приносили вся сожжения и жертвы господу, припоясавшися во вретища и посыпавши попѣлом главу свою, приносили суть. И все множество целым сердцем молишеся господу богу, абы посетил людей своих Израилян.

---

[1] старая падраная вопратка, лахманы.

ГЛАВА 5

Калі Алаферн даведаўся, што ізраільцяне падрыхтаваліся да абароны, ён прызваў да сябе мааўскіх князёў і аманіцкіх ваявод, каб даведацца, што гэта за народы, якія не жадаюць пакарыцца яму, ці многа ў іх гарадоў і як вяліка войска іх. Аманіцкі ваявода Ахіор расказаў Алаферну, што жывуць там людзі халдзейскага племя, якія раней жылі ў Месапатаміі, а потым у Егіпце, паведаміў яму гісторыю іх жыцця ў Егіпце і пасля Егіпта, адзначыў іх ваяўнічыя здольнасці і набожнасць, дзякуючы якой народ гэты непераможан, бо бог заўсёды абараняе яго.

За гэтае паведамленне ваяводы Алаферна абвінавацілі Ахіора ў хлусні і патрабавалі пакараць яго смерцю.

ГЛАВА 6

Алаферн раззлаваўся і загадаў звязанага Ахіора весці да горада Вефуліі і там прывязаць яго да дрэва, каб ён уласнымі вачыма змог убачыць непераможнасць войск Навухаданосара. Калі ж яўрэі будуць заваяваны, тады Ахіор будзе засечаны разам з людзьмі Ізраіля за сваю хлусню. Загад Алаферна быў выкананы: Ахіора прывязалі. Але яўрэі вызвалілі яго і даведаліся ад яго аб планах Алаферна знішчыць яўрэяў. Яго расказ вымусіў яўрэяў справіць малебен богу з просьбаю аб абароне. На працягу сутак яўрэі разам з князем сваім Озіяй маліліся богу.

ГЛАВА 7

Алаферн тым часам загадаў свайму войску, у якім было 120 000 пяхоты, 22 000 конніцы і мноства ўзброенага люду ад заваяваных гарадоў, зрабіць аблогу Вефуліі і падрыхтавацца да штурму.

... Сыновѣ пак Израилевы, егда узрели множество их, падоша на землю и, посыпавши прах на главы своя, единогласно молишеся, абы господь бог показал милосердие свое над людми своими, и, вземши на ся зброе, осадили суть узкая места, игде же быша пути межи горами. И ту стерегли их целый день и нощь.

В ты часы Олоферн, внегда облегаше град Вефулию, знайде, ано [1] из криници течаше вода трубами во град от страны полуденное пред градом, и приказал ест сказити [2] трубы ты, ими же течаше вода во град. Гражане пак имели суть иные кладези недалеко от стены градовы, их же видаша, а они крадмо бираху собѣ воду ко охлажению более, нежели к питию.

Сынове пак Амоневы и Моавовы приступили суть ко Олоферну, глаголюще: «Людие Израилевы не уповают на копия своя, ни на стрелы своя, но горы боронять их и скалы прикрие огражають их. Прото ж без битвы сполечное хощеши ли одолети им, осади сторожами кладези их, да не черпають воды, и так без меча поразиши е. И тако конечне сомглены суще предадут тобѣ град свой, его же мнять, яко немощно ти ест добыти, понеже лежить на горе».

И полюбилися суть слова ты пред Олоферном и предо всеми князми его. И поставил ест у кажного кладезя около града по сту воин. И егда так стерегли, — были двадцеть дней полных, — высохли суть кладези дождевые и лужи всем живущим у Вефулии так, иже вже не было во граде воды, абы ся напили до сытости а ни с един день, яко в меру давана была вода на кажный день.

---

[1] што. [2] сапсаваць.

Тогда собравшися ко Озии вси мужи и жены, старыи и младыи, рекоша вкупѣ: «Да судить господь бог межи тобою и нами, яко учинил еси нам велми зле, не хотяй о мире глаголати со асиряны. И се нынѣ предал нас бог в руце их. И кто возможет помощи нам, егда загинем вси пред очима их безводием в бедах великих? Прото ж нынѣ съзови всех живущих во граде, да доброволне дадимся вси людем Олоферновым, понеже лепей ест нам быти живым в неволи а хвалити господа бога, нежели быхом сами так померли и были в срамоту всем людем, егда узримо, ано жены наши и дети наши мруть пред очима нашима. Сѣ приимуемы нынѣ на сведение небо и землю и господа бога отцев наших, он же мстить над нами по множеству грехов наших. Да предастсе нынѣ град в руце войска Олофернова, и да укратится конець беды нашее мечем их, он же продолживается великою жаждею и безводием!»

И егда глаголаша слова сия, стался ест плачь великий и вопль во всех людех Израилевых. И за долгый час единостайным гласом кричали к господу богу, глаголюще: «Съгрешихом со отци нашими и беззаконне чинихом и неправду деахом. Ты же, господи, боже нашь, по премножеству милосердия твоего смилуйся над нами и по великости грехов наших ты сам казни нас! И не предавай людей надеющихся на тя народу незнающему тя, да не рекуть в языцех: игде ест нынѣ бог их!»

И егда от великого плачу и воплю утомишесе и умолкоша, востал ест Озия, князь людей, з заплаканыма очима и рече ко всему собору: «Имейте добрую мысль, братия, еще и сих пять дней пождимо от господа бога нашего слютования, егда како гнев свой отиметь от нас и дасть славу имени своему! Естъли же пак по пяти днех не будеть помощи от господа бога нашего, тогда учинимо подле всех слов ваших, яко же глаголали есте».

ГЛАВА 8

Спачатку пададзены звесткі аб Юдзіфі, а потым звесткі аб яе жыцці, багацці і набожнасці, пасля гэтага ідзе апавяданне аб яе мерапрыемствах па падняццю духа сваіх суайчыннікаў.

...И сия Иудиф, егда услышала ест тые речи, иже Озия князь по пяти днех слюбил[1] людем предати град в руце асиряном, послала ест по жерцев Хаврия и Хармия. И егда пришли к ней, рече им: «Яковое то ест слово, иже слюбил Озия людем, глаголя: Не будеть ли нам в пяти днех от бога помощи, то предам град асиряном? И кто есте вы, иже искушаете господа бога? Не ест воистинну сия речь, иже бы к милосердию наклонила господа, но более иже ко гневу приводить и ярость божию росъпаляеть. Положиль есте час господу богу, егда ся имать смиловати над нами. И подлуг ли воли вашее поставили есте ему день? Но иже долготерпелив ест господь бог наш, прото ж и каимыся того и отпущения грехов своим с плачем жадаимы от него. Несть убо господь бог таков грозяй, яко

[1] паабяцаў.

человек, а ни запальчив в гневе, яко сын человечий. Сего ради покоримо пред ним душе наши и съкрушенным и смиреным духом служаще рцимо со плачем господу богу, абы подле воли своее учинил с нами милосердие, дабы яко же гордости ради их засмутися серце наше, тако покоры для нашее потешил бы нас, яко не последовахом грехом отцев наших. Они же отпустили были господа бога своего и кланялися богом чужим, и того для греха даны суть на погибель оружию и во разъграбление и посрамочение врагом своим. Мы же иного бога не знаем кроме господа, прото ж подождимо терпеливе слютования от него. Той помстить крови нашее от руку врагов наших и покорить вся народы воставающая на нас и учинить их безо чти господь бог наш. Нынѣ пак, братия, вы понѣже жерци есте в людех божиих, и вы попечитеся о душах их, и вашими словесы воздвигните серца их, да воспомянуть на то, яко быша искушены отцеве наши, абы познаны были, со всего ли серца работають господу богу своему, да помнять тое, яко отець наш Абраам покушен ест и многие печали претерпев друг божий наречеся. Тако ж и Исаак, тако ж и Яков, потому же и Моисей и вси иные предковѣ наши. Они же любилися суть господу богу многими печальми и смутки покушены быша и верни знайдены суть. Тыи пак, иже покус не терпеша с боязниею божиею, своим нетерпением и нестыдатостию роптание на господа бога своего глаголаша, прото ж скажены суть от загубителя и от змиев погибоша. Сѣго для и мы не мстимося за тыи речи, еже терпимы, но покладаймы то быти нам за грехи наше. Верьмы, иже сия казни божия меншия суть, нежели наша безакония. Яко раби, карани бываем от господа своего к нашему полепшению, а не к загинутию!»

Тогда отвещаша к ней Озия и жерци вси: «Слова ты, еже молвила еси, правы суть и несть в речех твоих ни единое приганы. Сего ради молися за нас господу богу, яко жена свята еси и боишися господа».

И рече опять к ним Иудиф: «Яко же знаете тое, иже от бога ест, еже могла есми к вам глаголати, тако и познаете, естли же от господа будеть то, что умыслила есми учинити, толико молитеся, да утвердить господь бог мысль мою. Станьте же вы у врат градовых сея нощи, а я выниду из града со Аброю, служебницею своею. И молитеся прилежно, абы, яко же рекли есте, у пяти днех возрел господь бог на людей своих Израиля. Вы пак да не пытаетеся о деле моем, дондеже сама явлю вам. Ничто же иного да не будет за мя, толоко молитва к господу богу нашему».

И рече к ней Озия, князь Июдин: «Иди с миром, и господь бог да будеть с тобою к помсте врагов наших!»

Потом навротившися розошлися суть.

ГЛАВА 9

Пасля размовы з князем, Юдзіф на працягу дня малілася богу ў патаемным месцы, дамагаючыся ад бога дапамогі ў здзяйсненні сваіх задум адносна варожага войска і неабходнай сілы і смеласці для гэтага.

Воста по молитве Иудиф и нарядися в ризы красныи и вышла из града с служебницею своею. А там иняли ю и привели ко Олоферну и дивишеся красоте ея

И бысть, егда преста вопиати к господу, Иудиф въстала от места своего, на нем же лежаше ниць пред господем. И позвала Абру, служебницу свою, и, вшедши, во храмину свою, сволокла с себе власяницу, и ризы теже вдовские сложила с себе. И умыла тело свое, и помазалася мастию мирры избранное, и росчесала власы свое, и возложила чепець на главу свою, и оболоклася в ризы утешения своего, и обулася в боты украшенные, и возложи обручь златый на правую руку свою, и серязи драгыи во уши своя, и перстени на персты своя, и всеми украсама своими украсила себе. И господь бог придал красы ей, понеже все украшение ея не было ест для похоти телесное, но для речи доброе, прото ж и господь тое красы ее приспорил, абы неприровнаною красою предо всех очима поставилася. И возложила на служебницу свою Абру фляжку вина, и баню олея, и мешець круп, и мало смоквей, к тому хлеба и сыра, и иде с нею.

И егда пришла ест ко вратом градовым, знашла ту, ано ожидають ее Озия и жерци града. Они же, егда же узрели суть ю, ужаслися и здивилися превеликой красе ея. И ничего ж не пытали от нее, но пустили ю ити в путь свой, глаголюще: «Бог отець наших, дай же тобе ласку и всю мысль серца твоего силою своею да укрепить! И да имать славу от тебе град Ерусалим, и да будеть имя твое в числе святых и праведных!» И рекоша вси людие, стоящие с ними, «буди и буди!»

Тогда Иудиф, моляшися господу богу, шла из врат сама и с служебницею своею. И бысть, егда сходила з горы, а солнце вже восходило, стретишеся с нею сторожи войска асирскаго, и няша ю, глаголюще: «Откуду идеши и камо хощеши ити?»

Она же отвеща им: «Дщера есм еврейская. И прото утекла есми от них, яко познала есм, иже преданы будуть вам во пленение, понеже погордели суть вами и не хотели доброволне поддатися вам, дабы знашли ласку пред очима вашима. И сего ради умыслила есми сама в серци своем, глаголющи: пойду пред лице князя Олоферна, да бых поведила ему тайные речи их и явила ему, которым обычаем можеть достати их тако, иж бы ни единый муж не пал от войска его».

И егда слышали суть стражове тии слова ея и глядели на лице ее, и была ест пред очима их, яко страх, понеже дивилися суть вельми красе ея. И рекоша к ней: «Соблюла еси живот свой, яко домыслилася еси того и шла к господину нашему. И сие ведай от нас, егда станеш пред лицем его, добро тобѣ будеть и будеши наймилейшая в серци его». И ведоша ю до шатру Олофернова, повѣдевши ему первей о ней. И егда вошла пред лице его, и скоро инят ест Олоферн,

силом очию своих поглядев на ню. Тогда рекоша к нему слузи его: «И кто бы хотел поганити людей еврейских, или не битися с ними, а они так прекрасны жены имають!»

И узрела ест Иудиф Олоферна, седящего под опоною [1], иже была уделана от шолку и злата тягненаго и смарагдов [2] со иным камением драгим. И погледевши нань, поклонися и паде на землю. И воздвигоша [3] ю слузи Олоферновы на повѣление господина своего.

ГЛАВА 11

Тешить Олоферн словы своими Иудифа и пытаеть от нее, для чего вышла ест из града и пришла до войска его. Она же отвеща ему слова похвалная [4]

Тогда рече Олоферн ко Иудифу: «Имей добрую мысль а не бойся в серци своем, понѣже аз николи не зазлих [5], мужу тому, он же доброволнѣ хотел служити Навходносору царю. Людие же твои бы были не погоръдели мною, не воздвиг бых был копия своего на них. Прото ж нынѣ сповѣдай мнѣ, для чего шла еси от них и полюбилося ти приити до войска моего?»

Рече к нему Иудиф: «Приими слова рабы твоея, господине мой! Понеже будеши ли чинити водле слов рабы твоея, то учинить господь бог совершеное дело с тобою. Жив ест воистинну Навходносор царь земли и жива ест сила его, еже в тобѣ ест на отомщение всем злым людем. Не толико бо человеци послужать ему для тебе, но и звери дивии послушни будуть ему, яко прославилася ест справа твоя во всех народех и рознеслося ест по всем свете, иже ты сам добрый еси и силный во всех царствах его, и мудрость твоя во всех странах земли исповедуется. А ни же то тайно ест, еже глаголал пред тобою Ахиор, и то таки вемы, что еси велел ему учинити. Весть убо господь бог наш, иже есмо его так вельми розгневали, и прото ж поведил ест пророки своими людем, иже предаст е врагом, грех ради их. Ведят теже сынове Израилевы, яко розгневили суть господа бога своего, прото ж страх твой ест над ними, и к тому таки глад терпять. И для недостатку воды, якобы заумерлыи положены суть, еще и то мыслят, абы побили скот свой и пили кровь их. И посвященыи речи, о них же заповеда бог, абы ся не дотыкали их, яко суть жито, вино и олей, тое все здумали выналожити и хотять утратити их, жебы не имели ни руками ся доткнути. И понеже таковая дела чинять, воистинну даны будуть в загинутие. Сие знаючи, аз, раба твоя, утекла есми от них. И послал мя ест господь бог, да бых возвестила тобѣ слова сия. Аз убо раба твоя молюся господу богу и ныне сущи у тебе, и буду выходити, раба твоя, и кланятися господу богу и тои повесть мнѣ, егда воздасть им за грехи их, и пришедши возвещу тобѣ. И аз поведу тебе посрѣди Еру-

[1] занавескаю. [2] ізумруду. [3] паднялі. [4] ліслівыя. [5] помшчу.

салима и будеши имети вси люди Израилевы, яко овце, не имеющие пастыря. А не забрешеть ни пес на тебе, понеже сии речи явлены суть мнѣ опатрением [1] божиим, яко розгневался ест на них господь бог их. Прото ж послана есми от него, абых поведела вам сия».

И полюбилися суть вся слова та пред Олоферном и пред всими отроки его, и дивилися мудрости ее, друг ко другу глаголюще: «Несть таковое жены на земли в позрении, в красе и в розумной вымолве». И рече к ней Олоферн: «Добрѣ уделал ест бог твой, он же послал тебе пред людьми тыми, абы предала еси их в руце наше, и добро ест обецанье твое. Сполнит ли то мнѣ бог твой, то будеть теже и бог мой, а ты в доме царя Навходносора будеш во великих, а имя твое славно по всей земли».

ГЛАВА 12

Пасля гэтай размовы Алаферн загадаў сваім ваяводам падрыхтаваць жыллё Юдзіфі ў тым шатры, дзе знаходзіўся яго скарб, і даваць ёй тую ж ежу, якой кормяць яго. Юдзіф адмовілася ад ежы, але папрасіла дазволу Алаферна выходзіць ноччу і на світанні на малітву богу без перашкод. Алаферн задаволіў яе просьбу. На чацвёрты дзень Алаферн наладзіў баль. На гэты баль ён загадаў прывесці Юдзіф. Юдзіф прыйшла. Ад такой радасці Алаферн піў віно без усялякай меры.

ГЛАВА 13

Олоферн упившися вина, усне твердо. Иудиф повелела служебници своей стояти пред дверми шатровыми, и сама главу Олофернову отреже и, вложивши ю в мешець, во град Вефулию людем своим принесе. И тако благословиша гражане бога

Негда приближашеся вечер, поспѣшиша слузи Олоферновы до станов своих. И завре [2] Вагай двери шатру Олофернова и отиде сам, были бо воистинну вси упилися велми вином. И была ест Иудиф едина в шатре; Олоферн пак лежаше на ложи своем: от великого пиянства спаше твердо. Тогда рече Иудиф ко служебници своей, дабы стояла въне, пред шатром, и остерегала.

И стала ест сама Иудиф пред ложем, молящися с плачем, движзая устами и молъчком глаголя: «Укрепи мя нынѣ, господи боже Израилев, и возри в час сей на дела рук моих, дабы, яко же обещал еси, град твой Ерусалим возвѣличил, абых доконала тое, что есми умыслила, верячи, иже тобою может ся все стати!» И егда сия рече, приступи ко столпу, иже бѣ у главах постели, и выняла мечь его, иже висял при столпе том привязан. И внегда имела и [3] в руце своей, иняла за верх влас его. И рече: «Укрепи мя, господи боже мой, в сей час!» И ударила двожды в шию его, и срезала главу ему. И сняла опону ис столпов и обвинула ест в ню тело его без главы, и по малом часе вышла ест вон. И дала ест главу Олофер-

[1] апекай. [2] закрыў. [3] яго.

нову служебници своей, и казала ей вложити в мешець свой. И выидосте обе якобы на молитву по обычаю своему.

И егда минуша войско, идуще около долины, пришли суть ко вратом градовым. И возпи здалека Иудиф ко стражем, иже быша на стене градовой, глаголя: «Отоврите врата, яко с нами ест господь бог, иже учинил силу во Израили!» И бысть, егда услышали суть стражеве глас ее, позвали старейшин града. И збегошеся к ней вси от мала и до велика, понеже надеяхуся, иже не навратится к ним. И, зажегши свещи, оступиша вси около ее.

Тогда Иудиф, воступивши на высокое место, казала помолчати им. И егда умолкоша вси, рече Иудиф: «Хвалите господа бога нашего, понеже не оставил нас, надеющихся нань, и на мне, рабе своей, наполнил милость свою, юже обещал людем Израилевым, и забил рукою моею врага людей своих в сию нощ!»

Гравюра Скарыны да кнігі «Иудиф».

И, вытягнувши з з мешца главу Олофернову, указала им, глаголя: «Сѣ глава Олофернова, воеводы силы асиръское! И сѣ одевало его, под ним же лежаще в пиянъстве своем, игде же рукою женскою убил его господь бог наш. Но воистинну жив ест господь бог, и анъгел его сохранил мене, егда там шла есми, и егда с ними пребыла есми, и егда к вам навратилася есми. И не допустил господь бог на мя, рабу свою, абых поскврнена была, но без посквернения греховнаго навратил ест мене к вам. Прото ж нынѣ радуйтеся для вытяжъства[1] его, для навращения моего и для избавления вашего. Исповедайте ж господа вси, яко добр ест и яко во вѣки милость его!»...

Потом пак Озия, князь людей израилевых, рече к ней: «Благославена буди, дщеро моя, от господа бога нашего надо вси жены, иже суть на земли! И благославлен ест господь бог, сотворивый небо и землю! Он же направил тя срезати главу князю врагов наших, понеже имя твое днесь тако возвеличил, дабы не престала

[1] перамогі.

хвала твоя во устах людьских. Они же воспоминати будут силу господьню во вѣки: ты бо не пощадела еси живота своего для смутъку и погибели людей своих, но помогла еси упаду их пред лицем господа бога твоего». И рекоша вси людие: «Буди так и буди!»

Тогда позвали суть Ахиора, воеводу сынов Амоних, на него же разгневался был Олоферн. И егде прииде к ним, рече к нему Иудиф: «Господь бог Израилев, ему же ты сведение выдал, иже помстится над враги своими, той отсече главу всех невѣрных рукою моею в сию нощ. И дабы познал еси, иже так ест, яко ж повѣдаю тобѣ, — сѣ глава Олофернова. Он же для великое гордости своея понижил бога Израилева и тобѣ смертию грозил, глаголя: егда поражу людей израилевых, тогда повѣлю пробости оружием боки твоя».

И внегда узрел Ахиор главу Олфернову, здивился вельми и паде за мертваго на землю. Потом пак, егда окреял ест, поклонися лицем своим пред Иудифом до земли и рече: «Благославена ты от господа бога межи всеми людми Ияковлевыми, понеже во всяком народе, игде же, аще услышать имя твое, похвален будеть господь бог Израилев о тобѣ».

ГЛАВА 14

Главу Олофернову на стене из града высторчили[1] людие Израилевы на врагы своя, з Вефулии града выскочиша. Асиряне приидоша до шатра Олофернова, хотечи убудити его, и знайдоша и без главы

Тогда рече Иудиф ко всем людем, глаголя: «Послухайте мя, братия, повесте главу сию на стене градове! И егда узыйдеть солнце, да возметь единый кажды оружие свое и выйдете на них нагле. Не сходите с горы, но поставътеся якобы есте хотели на них ударити. Тогда сторожи их мусять бежати к воеводе своему, абы обудили его к бою. И егда князи их зберуться к шатру Олофернову и знайдуть его без главы, валяющегося во крови своей, падеть на них страх. А егда узрите, а они утекають, гоните ж их смеле, понеже сотреть е господь бог под ногама вашима».

В то врѣмя Ахиор, видяй силу, юже учинил ест бог Израилев, опустил поклоны поганские и увери в господа бога и обрезался и причтен ест к людем Израилевым сам и вся родина его напотом даже до днешнего дня.

Внегда пак узышло солнце, повесиша на стене градове главу Олофернову. И взял ест единый кажъдый муж оружие свое и выидоша з великим гуком и криком. Сия узревше, сторожа асирстии бежаху скоро к шатру Олофернову. Тии пак, иже подле шатру его беша, пришедши пред двери шатровы ногами стукаху, будечи его, абы ся прочутил, — никто бо не смеаше сам отворити дверей ко княжати асирскому и внийти до покоя его. Но егда приидоша вси

---

[1] вывесілі.

князи и тысещници и вси старейшины войска асирскаго, рекоша к постелником: «Вниидите к нему и возбудите его, понеже мыши вылезли суть з дупла и смеют нас позывати к бою!» Тогда Вагаон, постелник его, вшед до шатра, стоя пред пологом и плескал рукама, надеялся бо его лежати со Иудифом. И внегда никого чуяше, приступил ближей к пологу и водвиг и узрел ест тело Олоферново без главы, лежащее увалено в крови на земли. И возпи гласом великим с плачем и раздра на собѣ ризы своя и внииде, где же бѣ Иудиф, и не знайде ея. И выбежав к людем рече: «Едина жена еврейская посрамотила ныне двор Навходносора царя: сѣ бо Олоферн лежит без главы на земли».

Сее егда услышали князи войска асирскаго, раздраша на собе ризы своя. И страх превеликий нападе на них. И улякнеся серце их, и бысть крик неслыханый посреди станов их.

ГЛАВА 15

Побежа войско асирское. Сынове Израилевы гониша их и браша користи их за тридесеть дней

Внегда пак все войско асирское услышало, иже Олоферн убит ест, отступила смелость Ирада от них и самим страхом суще поражены начаша утекати вместо обороны. Так, иже ни един не промолвяше ко ближнему своему, но, склонивши глову и все оставивши, бежати мысляше пред евреами, понѣже слышаху их во зброи ити на ся. И тако утекаху по полех стежками и по узгорках.

Видячи же сее, сынове Израилевы, яко побежа войско асирское, идоша к ним и, зъшедши з горы, бежаху за ними, трубяще у трубы и кричаще. Асиряне пак великого для страху бежаху порозну, а сынове Израилевы в едином полку женущеся [1] за ними. Кого угониша, всих поразиша.

Тогда Озия князь розослал послы по всех градех и странах сынов Израилевых. И кажный град и страна людей Израилевых выбрали суть межи собою молодцев удатных и, приправивши их во зброю, послали за ними. И гонили суть людей асирских, побияющи оружием, даже и пришли ко останочным пределом земли своея.

Тии пак, иже были остали во Вѣфулии граде, вниидоша до шатров асирских и користь, ея же были отбегли людие асиръстии, побрали суть и скористовалися вельми. Людие же, ходившии в погоню за асиряны, победивши их, навратишеся до Вефулии и вси речи, иже побрали были врази их, привезли суть с собою тако, иже не было ест числа волов и овець и иного размаитого добра и скарбов. А тою користию розбогатели суть от мала и до велика вси сынове Израилевы.

Тогда Иоахим, найвышший ерей, прииде от Ерусалима до Вефулии града со всеми жерци своими видети жену Иудифа. Она

[1] сцясніўшыся.

же, егда вышла ест к ним, благословили суть ю вси единым гласом, глаголюще: «Ты еси похвала Ерусалимова, ты еси потеха Израилева, ты еси честь людей наших! Ты учинила вельми мужне, и утвержено ест сердце твое. Яко чистоту возлюбила есь и по первом мужи своем иного не познала есь, сего для рука господа бога укрепила ест тебе и будеши благословена во вѣки». И рекоша вси людие, стоящие ту: «Буди так и буди!»

Во тридесяти пак днех ледва собрана ест користи войска асирскаго от людей Израилевых. Тые пак речи особне, еже познаны были о них, яко беша Олоферновы, дали суть Иудифу. От злата, и от сребра, и ризы красные, и камение драгое и вся сосуды, — сия вся отдали людие Иудифови. И тако вси сынове Израилевы радовахуся с женами и з детьми, играюще у в органы и в гусле.

ГЛАВА 16

Юдзіф спявае песню богу. Людзі з усіх канцоў зямлі прыносяць ахвяры ў Іерусалім і моляцца богу за сваё вырАтаванне ад варожай навалы.

Тогда сталося ест по поразце той, снийдошеся вси людие до Ерусалима, абы помолилися господу богу. И скоро очистившеся, приносили суть вся сожжения и жертвы, слюбныя господу. Иудиф пак всю зброю Олофернову, юже дали были ей людие, и одевало, еже была сама взяла, дала ест у проклятие вечного запомянутия. И быша людие весели по обычаю святых. А так за три месеци радость тое победы празновали суть со Иудифом. И потом навратишеся единый каждый в домы своя.

Иудиф пак велика была ест во Вефулии граде. И прославися имя ея по всей земли Израилеве, понеже приданы бысть чистота ко красе ея и не позна мужа по вся дни живота своего по смерти Манасия, мужа ее. И во дни святочныи хождяше с великою славою. И живяше в доме мужа своего лѣт сто и пять. И отпусти Абру, служебницу свою, свободну. Потом умре Иудиф. И погребена ест с мужем своим во Вефулии. И плакаше ея вси людие седм дней. Во всех же часех живота ее не было ест обижающего людей Израилевых, но и по смерти ея за много лѣта. День же тое поражки [1] уставили суть за свято, и празнують и евреи даже до днешнего врѣмени.

[Пасляслоўе Скарыны]

Доконана ест книга, рекомая Иудиф, с помощию бога в троици единого и матери его, пречистое девици Марии, людем посполитым руского языка к пожитку, повѣлением, працею и выкладом ученаго мужа в лекарских науках доктора Франциска Скорины, из славнаго града Полоцька, у великом месте празском, лѣта по нарожении нашего спаситея тысеща пятсот и девятого на десеть, месеца февраля, дня 9.

[1] паражэнне ворага, перамогі.

АЛЕКСАНДРЫЯ

Казачны жыццёпіс непераможнага праслаўленага героя старажытнасці Аляксандра Македонскага, вядомы ў гісторыі літаратуры пад назвай «Александрыя», як ні адзін з твораў таго часу карыстаўся вялікай папулярнасцю на Усходзе і на Захадзе. Такі выключны поспех гэтай перакладной аповесці быў абумоўлены апавяданнем пра незвычайнае нараджэнне героя і тыя неверагодныя здарэнні, цуды і непраўдападобныя гісторыі, якімі быццам бы суправаджалася кароткае, але бурнае жыццё гэтага заваёўніка народаў старажытнасці. Герой аповесці ў абмалёўцы аўтара выступае чалавекам мудрым, надзеленым ад прыроды вялікім розумам, прагай да ведаў, талентам палкаводца і незвычайнымі душэўнымі і фізічнымі якасцямі.

Паданні аб жыцці і дзейнасці Аляксандра Македонскага ўзніклі ў хуткім часе пасля яго смерці (памёр ён у 323 г. да н. э.), але ў пісьмовы твор аформіліся толькі ў пачатку н. э. (II—III ст. ст.) у Александрыі. Аўтарства гэтага твора ў свой час няправільна прыпісвалася пляменніку Арыстоцеля Калісфену.

Вызначыць час з'яўлення «Александрыі» на рускай зямлі дакладна немагчыма. Тым не менш ёсць падставы меркаваць, што ўжо ў XI—XII ст. ст. яна была вядома ў Кіеўскай Русі.

У XV ст. на Русі пашыраецца новая рэдакцыя аповесці, якая пранікла сюды з Сербіі. Гэтая рэдакцыя з'яўлялася перакладам грэчаскай рэдакцыі «Александрыі», якая перажыла ў свой час уплыў якойсьці заходнееўрапейскай, магчыма раманскай, крыніцы. Уплыў гэты адбіўся як на мове, так і на сюжэце аповесці, які адрозніваўся большай цікавасцю, жывасцю расказа і лірычнай афарбоўкай у параўнанні з псеўдакалісфенавай рэдакцыяй. Гэтая «Александрыя» вельмі хутка выціснула старую хранаграфічную рэдакцыю аповесці і на працягу ад XV да XVII ст. ст. распаўсюджвалася сотнямі асобных спіскаў.

Шырокае распаўсюджанне «Александрыя» атрымала і на тэрыторыі Беларусі. Аб гэтым сведчаць шматлікія спіскі яе беларускай перапрацоўкі, якія адрозніваюцца толькі рэдакцыямі тэксту.

Ніжэй пададзеныя ўрыўкі аповесці друкуюцца ў хрэстаматыі ўпершыню з поўнага тэксту беларускай рэдакцыі «Александрыі» па рукапісу XVII ст. Ленінградскай бібліятэкі імя Салтыкова-Шчадрына. (Гл. рукапіс F. XVII № 5, лл. 1—22.) Гэты тэкст «Александрыі» — творчы пераклад аднаго з польскіх выданняў аповесці, якія ў сваю чаргу з'яўляўся перакладам поўнай лацінскай рэдакцыі «Historia de proeliis». Беларускі рэдактар-перакладчык «Александрыі» апрача польскага тэксту аповесці, відаць, карыстаўся і іншымі крыніцамі, з якіх уносіў свае дапаўненні ў польскі тэкст, а ў некаторых месцах рабіў скарачэнні польскага тэксту.

ПОХОЖДЕНИЕ ЦАРЯ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

Єгиптяне мудрии, розумѣючи мѣру земли, розность морских вод и ряд небеский знаючи, то есть бѣг звѣздный, и теж рушане округу небесного, котории теж на весь свѣт выдали велми широко узнане наук чернокнижских, иж повѣдают о царю их, же был добре розумѣючий в науцѣ звѣздной и в практыцѣ цвичоный [1].

[1] навучаны, дасканалы.

Одного часу, дня нѣкоторого, коли ему повѣдано, иж Хус, цар перский, з моцною рукою неприятелскою против ему притягнул [1], он для того не порушал рицерства своего, а ни готовал сил своих. Але потаемне вшол до особной ковнаты, полаты своей, а взявши мѣдницу мосязовую [2], наполненую воды дожчовой, а держачи в руцѣ посох мосязовый, там през чернокнижскии чари дияволов взывал. А розумѣл то добре през чернокнижство во оной мѣдницы, яко шикованыи [3] люди против ему моцно приходили. Было теж рицерство царя Анектанава уставичне [4] на сторожи границ перских. Прибѣгл к нему нѣкоторий з рицерев его, боязливе ему мовечи: «Великий пане наш, Анектанаве, тягне войско на тебе Хус, цар перский, з великостю неприятел и з поганством незличоным. Суть з ним парты, меды, персове, сири, месопотани, драпес, фарес, аргири, халдеи, бахири, консирес, гиркани, егиопи [5] и иншого люду велми много зо всходу солнца тягнучого».

Коли то услышал, Анектанав воздхнул и рекл: «Сторожу, которую есм тобѣ поручил, добре заховай. А всяко ж не яко княжа рицерское учинил, але яко боязный человек, абовѣм сила и мужность не належит толко в великости люду, але и в сталости умыслу люду. Або не вѣдаеш, иж один лев много еленей угоняет?»

А рекши то, вшол зась [6] до ковнаты и справил чернокнижством лодки и люд з воску в медницы, наполненой воды дожчовой. А держачи в руках рузку палмовую [7], гледячи на ню [8], начал всими силами чаровать. И видѣл там, яко египчикове были потлумлены навалностю людий поганских.

Цар Анектанав, бачечи то, зараз шаты [9] отменил [10], оголивши [11] голову и бороду, а взявши з собою золота, иле [12] могл набрать, и иных речий, котории ему были потребны ку науцѣ звѣздной и ку чернокнижству, збѣгл проч з Египту аж близко Пелузиум. Потом, пришедши да Муринской земли, оболоклъсе [13] и шаты тонкии. Египчик, яко пророк до Македонѣи вшол. Седячи там в посеред мѣста, пред обличностью [14] греков, на нь смотрячих, явне пророковал.

Египчикове зась, побачивши, иж Анектанав, цар их, уже не был найден в земли египетской, пошли до Серапим, бога их великого, и просили его, абы им правдивыи отповѣди дал о Анектанавѣ, царю их. Сирапис отповѣдал: «Анектанав, цар ваш, пошол з Египту для Хуса, царя перского, который вас к своему панству подбие, але по малом часѣ воротитсе до вас, зкинувши з себе неволство, а помстится над неприятелми вашими, подбиваючи их вам». Сии отповѣди взявши, египчикове заразом справили царский столп з каменя чорного на честь Анектанавови. А у ног его написали отповѣди, абы так долга паметка была. А Анектанав мешкал [15] в Македонѣи никому незнаемый.

В той час Филип, цар македонский, на войну выехал. А Анекта-

---

[1] выступіў. [2] латунную, з латуні. [3] падрыхтаваныя, адмабілізаваныя. [4] пастаянна, стала, бесперапынна. [5] плямёны і народнасці Блізкага і Сярэдняга Усходу. [6] тады, зноў, яшчэ. [7] кветку фінікавай пальмы. [8] на яе. [9] адзенне. [10] пераапрануў. [11] пабрыўшы. [12] колькі. [13] адзеўся. [14] на вачах. [15] жыў.

нав вшол на полату царскую, абы там царицу Алимпияду огледал а еи цудность видѣл. Коли там входил, яко скоро ю [1] узрѣл, на тых мѣст его сердъце еи цудностю было зранено, а ку еи милости се все роспалило. Стягнувши [2] руку свою поздоровил [3] ю, мовечи: «Будь поздоровлена царевая македонская!» Не смѣл ей речи: «пани». На то ему отповѣдала Алимпияда: «Здоров будь, научителю! [4] Приступи ближей а сядь».

Коли сѣл Анектанав, спытала его Алимпияда: «Здает ми ся, жесь есть египчик?» Отповѣдал ей Анектанав: «Царскоесь слово рекла, коли есь египтяны поменила, абовѣм египтяне суть розумны, котории иж сны розводят [5], знамена [6] указуют, птаству розумѣют, таемности объявляют и знают речи пришлыи [7]. Я теж о том всем, яко пророк, розумѣю». А то мовечи, пойзрѣл [8] на ню смыслом пожадливым. Бачечи то Алимпияда, иж так на ню пойзрѣл, рекла: «Учителю, штось помыслил, на мене так пойзрѣвши?» Отповѣдал Анектанав: «Вспомнѣл есми на многии отповѣди богов, абовѣм взял есм отповѣдь от бога, ижем мѣл гледѣть на цудную царевую». А рекши то, на тых мѣст вынял з пазухи своей велми дивную таблицу, учиненую з мосязу и з кости слоновой, мѣстцы передѣленую золотом и сребром, три кола в собѣ маючая. В одном колѣ было 12 знамен небесных, в другом — солнце и месяц. Потом указал ланцух, з кости слоновой справленый, з которого походили сем звѣзд велми ясных, годины розмѣряючи и рожене людское. Потом сем камений мистерне [9] ритых [10], и два камени на сторожу людскую уставлены.

Видячи то, Алимпияда рекла ему: «Философе, хочешь абым тобѣ увѣрила? Повѣдай мнѣ рок, день и годину нароженя царя моего». Анектанав рекл царевой: «Жадаеш ли от мене што иншого слышать?» Царица рекла: «Хочу абы мне повѣдал, што се межи мною а царем Филипом мае пригодит [11]. Бо люди повѣдают, иж коли цар прийде з войны, мене выженет [12], а иншую жену пойме» [13]. Которой Анектанав рекл: «Много речий фалшивых повѣдают. А всяко ж, по долгом часѣ тое се выполнит, штось рекла. Але потом тебе Филип прийме за жону». На то царевая рекла: «Прошу тебе, милый философе, абы мнѣ всю правду ознаймил». Которой Анектанав рекл: «Один з намоцнѣйших богов буде з тобою спал, а тебе во всѣх пригодах, счасливых и противных, буде вспомогал». Алимпияда отповѣдала: «Прошу, философе, абы мнѣ объявил, которую особу мае он бог». Отповѣдал Анектанав: «А ни молодый, а ни старий, але сивизну маючи и бороду приоздобленную. Для того, если се тобѣ подобает, будь ему готова, абовѣм его в ночи огледаеш, а през сон от него почнеш». Царица рекла: «Если то узру не яко пророка, але яко бога, оного буду хвалила».

Повставши, Анектанав поздоровил ю и вышол проч з полаты.

---

[1] яе. [2] падаўшы, працягнуўшы. [3] прывітаў. [4] настаўнік. [5] разгадваюць. [6] прыкметы. [7] справы будучыя. [8] паглядзеў. [9] па-майстэрску. [10] апрацаваных. [11] здарыцца. [12] прагоніць. [13] возьме.

Вышедши з мѣста[1] на пустое мѣстце, рвал зелья, котории он вѣдал, а стерши их брал сок от них, а начал чаровать през диявол-скии знаки, абы тои ж ночи царица Алимпияда бога Амона з собою лежачого видѣла, котоғий бы ей мовил: «Невѣсто, почалась обороннтеля твоего».

Коли была назавтрее Алимпияда зо сну повстала, и возвала собѣ Анектанава, а ему сон, который видѣла повѣдала. Теды Анектанав рекл: «Если мнѣ даси мѣстце на полатѣ, бога оного обличне[2] огледаеш, абовѣм он бог в особѣ смоковой до тебе прийде, а потом прийме особу людскую, а на мое подобенство се укаже». На то Алимпияда отповѣдала: «Обери собѣ мѣстце в полатѣ. А если тои правды досвѣдчиш, тебе яко за отца буду мѣла». А рекши то, приказала ему гмах[3] в полатѣ дати.

Коли было о вторей, або о третей годинѣ в ноч, Анектанав през чернокнижство почал се переменять во особу смоковую, а, шикаючи[4], против ковнатѣ Алимпияды почал лѣтать. Потом вшол до ковнаты на ложе[5] еи и выполнил свою волю. Коли от неи вставал, ударил ю легко в живот, мовечи: «Тое почате буде мстителем. А нехай не буде жадным[6] обычаем звитяжоно[7] от человека». Так здраджона[8] Алимпияда з человека (мнимаючи[9] быть бога) почала.

Потом рано вышол Анектанав з полаты, а царица уже была бременна. А коли ей уже почал живот наростать, возвала до себе Анектанава и рекла ему: «Философе, хочу абы мнѣ повѣдал, што зо мною цар Филип буде чинил, если се воротит». Рекл ей Анектанав: «Не лекайсе, абовѣм бог Амон вспоможителем твоим буде».

Рекши то, вышол з полаты перед мѣсто[10] на пустое мѣстце[11]. А рвучи там зелья, терл их и брал сок от них. Ухвативши теды птаха морского, почал над ним чаровать и мазать его соком з оных зелий. А то все чинил през дияволскии знамена, абы так здрадил царя Филипа през сон.

Сталосе тои ж ночи. Указалсе Филипови бог Амон, лежачий з женою его Алимпиядою. А потом видѣл, якобы он бог ей реч затулял и золотым перстенем запечатовал, в котором перстеню был камень дорогий, и в котором было вырито голову лвовую, воз солнечный и меч з обу сторон острий. И рекл ей: «Невѣсто почала есь оборонителя твоего».

Повставши цар Филип зо сну, возвал к собѣ своего вѣщка[12] а той сон, которий видѣл, ему объявил. А он вѣщок так рекл: «Царю Филипе, не от человека, але от бога жона твоя почала, абовѣм голова лвиная, воз солнечный и меч острий, — тыи речи знаменуют, иж той, которий се з неи мае народит, перестане аж до всходу солнца, отколе солнце походит. А през меч острий тое се розумѣе, иж вси рожаи[13] ему мают быть поддани».

---

[1] з горада. [2] асабіста. [3] будоўля. Тут ужыта ў сэнсе «месца». [4] размясціўшыся. [5] пасцель. [6] ніякім. [7] перапможана. [8] абманутая. [9] мяркуючы, лічачы. [10] за горад. [11] у поле. [12] вяшчуна, чараўніка. [13] народы.

В той час, коли се цар Филип з неприятелем своим потыкал и оного звитяжил, видѣл смока в битвѣ, который его упережал, а его неприятели потлумлял. А коли се уже з звитяжством ворочал до Македонѣи, забѣжала ему Алимпияда, а он ю поцеловал. Смотрячи так на ню, цар Филип рекл ей: «Комусь се, Алимпиядо, поддала? Згрѣшилась и не згрѣшила, абовѣм кгвалт есь от бога принела. Я-м то все, што се в тобѣ стало от бога, през сон видѣл. А всяко ж и от мене и от людий не естесь подойзряною».

Дня нѣкоторого цар Филип годовал[1] з княжаты и з преложоными[2] в Македонѣи весполок[3] з жоною своею Алимпиядою. Анектанав теды през чорнокнижскую науку пременил се в смока, а през посередок сѣдячих, идучи, окрутне[4] шикал, так иж вси годуючии великим страхом порушил, а приближившисе ку Алимпиядѣ, положил на еи лонѣ голову и поцеловал ю. Видечи то, Филип рекл Алимпияде: «Тобѣ повѣдаю, и всѣм, ижем того смока видѣл, коли есм свои неприятели поражал».

Поколку дний, седячи Филип цар в палацу своем, указалсе ему малый а велми тихий пташек, который прилетѣл на его лоно и знесл яйце, которое упало на землю и збилосе. А на тых мѣст з него вышол маленький уж, который полозячи около яйца, коли потом хотѣл во оное яйце влѣзти, яко скоро голову свою во яйце вложил, на тых мѣст здохл. Видечи то, цар Филип засмутилсе велми и возвал вѣщка своего, а ему чуд, который видѣл, повѣдал. Которому вѣщок рекл: «Филипе, народилсе тобѣ сын, который буде царствовал по смерти твоей, а окружит весь свѣт, одержавши панство[5] над всѣми людми. Але первѣй, ниж се воротит до своей земли, смертью наглою умрет».

Коли се уже приближал час нароженя, Алимпияда в великой се болести мучила. Казала до себе возвать вѣщка и рекла ему: «Мудрѣче, живот мой великими болестьми есть дручон». Анектанав почал мовить: «Поднесисе маленко з столца твоего, абовѣм той годины живюлы от солнца пренагабаны». И сталосе, иж заразом болесть от неи отшла. А по малой хвили рекл до неи Анектанав: «Сядь царице». А так седячи породила.

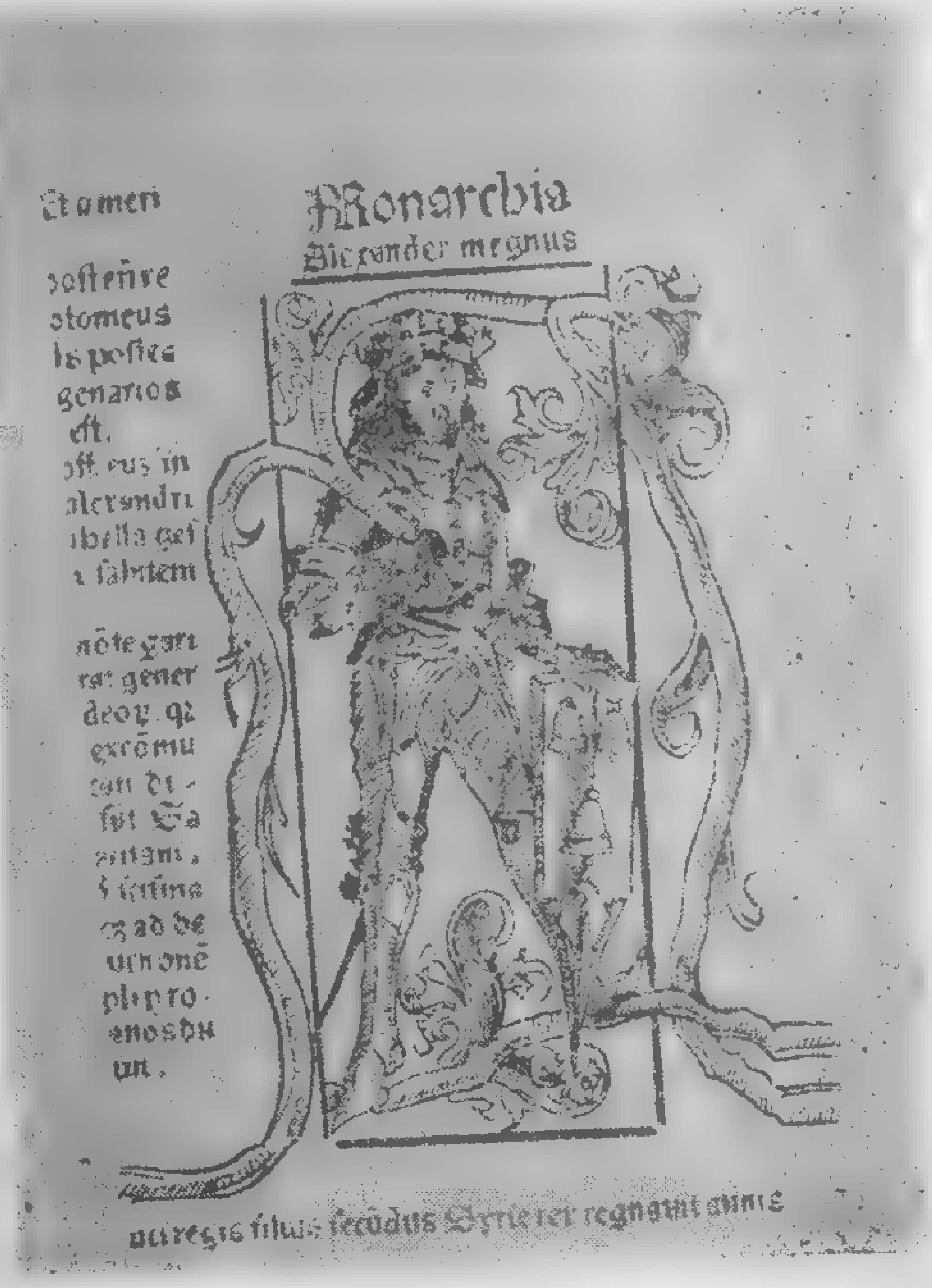
Заразом, коли оное дѣтя упало на землю, сталосе окрутное грimене и з громы знамена розмаитыи, и блискалосе по всем свѣте. Тогды се стала темность, праве, аж до остаточной годины дня.

Видечи теды Филип цар тыи знамена, дрижачий а боязливый вшол до Алимпияды и рекл ей: «Умыслилом был, абы тое дѣтя жадным обычаем не было ховано, абовѣм не з мене почато. Але розумѣю, же от бога створено. А ижем при нароженю его видѣл живюлы пременены, теды нехай буде ховано в доброй памети, якобы был мой сын, але нехай буде поличон на мѣстцы сына, которогом з иншой жоны мѣл». Мовечи то зо всякою пилностью дѣтя рядил.

---

[1] баляваў. [2] начальнікамі, духоўнымі асобамі. [3] сумесна. [4] люта. [5] уладу.

Способ оного дѣтяти а ни отца, а ни матки выображене[1] мѣло: волосы на головѣ его, якобы лвиныи, розмаите накроплены, очи его, яко звѣзды, ясны, але барвы[2] розной — одно чорно, другое желто се указовало, — зубы его были остри, попудливость[3] его хотлива а горячая, яко лвиная, але згола[4] его постать, моц и мудрость, которих напотом мѣл, указовала. Мянован есть от родичов Александер. Потом, коли ходил до школы, перевитежал всих в науках и каждого мудре прегадал так, иж вскоре над всѣ одержал першое мѣстце в науках.



Аляксандр Македонскі.

Коли был во 12 лѣт, был цвичон[5] ку воеваню и упережал каждого в хутком ширмованю[6]. На которого хитрость, Филип цар, поглядаючи, залецал[7] его и мовил ему: «Сыну Александре, хуткость твою и довтипность[8] умыслу твоего милую скутечне[9], але се з того смучу, иж твоя особа видит ми се быть неподобна и негодна».

Слышачи то, Алимпияда, великим страхом порушона, возвала до себе Анектанава и рекла ему: «Мудрьче, повѣдай мнѣ, што о мнѣ Филип мыслит, абовѣм мовил Александрови, прудкость твою милую и довтѣп розуму твоего хвалю, алем з того смутен, иж особа твоя ни в чом мнѣ не есть подобна».

Анектанав почал мыслить, потом рекл: «Мышлене его жадным обычаем не есть шкодливо». А яко звыкл Анектанав смотрѣть на звѣзды, взгледал в небо а розознавал звѣзду нѣкоторую, а скланял от того жажду свою.

Слышачи то, Александер рекл ему: «Звѣзду, которую видиш, видитсе велми высока». Которому Анектанав рекл: «Так есть, сыну». Александер рекл ему: «Можеш мнѣ ю указать?» Отповѣдал Анектанав: «Пойди зо мною годины ночной а укажу тобѣ ю». Александер рекл: «Докончене живота твоего если тобѣ вѣдомо, чи ли не пев-

[1] аблічча, выгляд. [2] фарбы, колеру. [3] лютасць. [4] палкам, поўнасцю. [5] навучаны. [6] бою. [7] адабраў, хваліў. [8] дасціпнасць. [9] з поспехам.

но?» Анектанав отповѣдал: «Есть вядомо заправду, иж от сына моего маю умерети».

Рекши то, вышол проч з полаты. Вышол теж и Александер за ним. Години вечерной вышли перед мѣсто. А коли ходили над перекопом мѣстким, рекл Анектанав: «Сыну Александре, погледай на звѣзды, абачат звѣзду Геркулисову яко се смутит, а Меркурий се веселит. И Овиша теж вижу яснячого. Уже мое практыковане мнѣ близкую смерть от сына моего обѣцуе».

Коли так погледал вгору Анектанав, приступил к нему ближей Александер, забѣжавшисе на него навалностью, пхнул его, аж впал в перекоп, мовечи ему так: «О нещасный! Слушне абысь так умер. Коли есь земских речий не розумѣл, чомусь смѣл о небесских гадать, фалшиве пришлыи[1] речи повѣдаючи?» Которому Анектанав отповѣдал: «Вѣдал есми то добре, ижем таковою смертью мѣл умерети, абом тобѣ того не повѣдал, иж мене мой сын мѣл загубить». Александер рекл: «Тедым я ест сын твой?» Анектанав отповѣдал: «Заправды есм я породил тебе». А мовечи то, умерл.

Александер теды, порушоный милосердъем сыновским, поднесл тѣло умерлого Анектанава на рамена[2] свои, несл его на палац свой. А коли его узрѣла Алимпияда, рекла: «Сыну Александре, што то есть?» Которой отповѣдал: «Тѣло Анектанавово есть». Алимпияда рекла: «Анектанав отец твой был». Александер отповѣдал: «Яко шаленство твое справило, так то есть». И приказал его в гроб сховать.

Тых часов княжа з Каппадокѣи привело одного коня не усмиреного, велми окрутного[3], невымовно великого а велми оздобного, увязавши зо всѣх сторон ланцухи желѣзными, абовѣм той конь, для окрутного войзреня, людей жерл. Дучепал мянован есть, або для знаменя, иж голову мѣл накшталт телца неука, або для того, иж нѣякии рощки походили з его чола.

Коли видѣл цар Филип цудность оного коня, рекл челяди своей: «Прикажите краты желѣзныи справить, абы лотрове[4], котории з права бывают осужени на смерть, были потлумлены от него».

Потом оных дний мѣл отповѣдь цар Филип от бога своего през сон, иж бы той по смерти его царствовать мѣл, хто бы на том окрутном коню ездил.

Александер теды во 12 лѣтех сталсе моцный, смѣлый, мудрий и ростропный[5], бо се уже был научил зуполне всѣх наук вызволеных през учителя своего Аристотеля и Кастора. Нѣкоторого дня, коли се прохожал през оное мѣстце, где стоял он конь несмиронный, коли на него смотрѣл през желѣзныи краты, а перед ним руки и иншии члонки[6] людскии туды и сюды роскиданы, дивовалсе велми и стягнул[7] на тых мѣст руку свою до него през крату. А конь теж стягнул до него шию и почал его руку лизать. А потом, склонивши ноги

[1] будучыя. [2] плечы. [3] лютага. [4] нягоднікі, бандыты, разбойнікі. [5] разважлівы, прадбачлівы. [6] часткі цела. [7] працягнуў.

свои, пал на землю перед ним, а поднемши голову свою, почал остро смотрѣть на Александра. Порозумѣвши Александер поволность[1] оного коня, отворил краты, а вшедши до оного коня, почал его легко а лагодно по хребтѣ гладит. А конь теж заразом инялсе[2] перед ним так покорне ласить, яко коли пес перед паном своим, так теж конь перед Александром. Потом, Александер, всѣдши на него, почал выежчати з краты.

Коли его узрѣл цар Филип, рекл до него: «Сыну Александре вси отповѣди божскии выполнены суть в тобѣ, абовѣм по смерти моей царство мое буде от тебе ряжоно». Которому Александер рек: «Отче, если може быть, допусти мнѣ абых в возѣ царском седѣл». Отповѣдал ему Филип: «Рад, то учиню. Возми собѣ сто рицерев а семдесят тисеч золотых. Едь же так моцным рицерством оздобленый». И сталосе так.

Коли проежчал Александер сполечне[3] з Ефесом философом, приятелем своим, и з дванадцатью панят, котории он собѣ выбрал и на свою волю научал, а мѣл з собою коштовныи убири и золота досыть, приказал теж рицером своим, абы о конех мѣли працу пилную.

Потом, коли се приближал до Полепонту мѣста, забѣжал ему Миколай, цар тои ж краины, з войском своим, абы з ним валку[4] мѣл[5]. Приближившисе до него, рекл ему: «Хтось ты есть? Повѣдай мнѣ! Которому Александер отповѣдал: «Я есм Александер, сын царя Филипа Македонского». Цар Миколай рекл: «А которого мене мнимаеш быть?» Александер оптовѣдал: «Ты естесь цар арридийский. А всяко ж нехай твое сердъце в пыху[6] не подносит, ижем тобѣ царскую почестность придал, абовѣм высокии речи звыкли упадать на нискость. А зась нискость бывает подвышона». Миколай цар отповѣдал: «Чисте мовиш! Бач толко сам себе». Александер рекл: «О человече, отступи от мене, бо ничого не маеш против мене мовить, а ни я против тобѣ з яким уволоченем чти[7]». Слышачи тыи слова, цар Миколай велми се розгнѣвал и рекл ему: «Бач то, што тобѣ повѣдаю. Присегаю през здорове отца моего, если на тебе натобѣ мнѣй[8] плюну, умреш». А мовечи то, плюнул на него и рек: «Возми, што на тебе належит, сченя, а соромейся того». Але Александер, водлуг лѣт своих походячи и теж наук своих учителев, рекл ему: «Миколаю, ижесь взгордѣл малость мою, присегаю тобѣ през ласку отцовскую и през живот матки моей, в котором есм был от бога початый...»[9]

Далей апавядаецца аб паходах Аляксандра ў Сірыю, Палесціну і Іерусалім. Калі Аляксандр падышоў да Іерусаліма, то:

Слышачи Иадда, архиерей жидовский, присте Александрово, зляксе а, возвавши жидов, уставил им пост през три дни, абы набожными молитвами и офѣрами бога взывали.

---

[1] пакору. [2] пачаў. [3] разам, сумесна. [4] бой, змаганне, барацьбу. [5] На полі ў рукапісу: «вѣл» замест «мѣл». [6] ганарыстасць. [7] абразай твайго гонару. [8] крыху. [9] На гэтым месцы ў рукапісу адсутнічае некалькі старонак тэксту.

Тои ж ночи по оферѣ указалсе архиереови ангел божий, мовечи: «Не лекайсе, але што наскорѣй приохандож [1] улицы мѣсткии, а брамы отвори. А весь люд нехай выйде во оденю бѣлом, а ты и иншии священники з столами ясными выйдѣте на дорогу Александрови, абовѣм есть потребно, абы царствовал, иж всего свѣта паном буде, а потом его гнѣв божий поразит».

Который зо сну повставши, возвал жидов и объявил им, што видѣл през сон. Так то приказал справить, яко ему во снѣ было объявлено. А зараз, вышедши з мѣста воспол з священники и з великостю мѣстского люду, пришол до одного мѣстца, которое зовут Скопул, отколе церков и все мѣсто може огледать. Там великого Александра пристя ожидал.

Александер, приближаючисе до оного мѣста, а видячи великость люду во одѣню бѣлом, свещеники теж велми бѣлыми столами приохандожоны, и видѣл теж архиерея жидовского стола велми ясностю з капинтов приохандожоного, а на головѣ его диядиму, або корону, велми чудную, на которой верху золота бляшку справленую, на ней же написано было имя божое, зараз приказал всим своим стануть. А сам Александер пошол до них, зсѣдши з коня, и упал на землю.

Зараз вси жидове почали Александра поздоровлять, взывачи великими голосы: «Жив будь, навышший царю Александре! Жив будь навышший цесарю! Жив будь звитежцо [2] незвитяжоный, над всѣ княжата хваленый!»

Видячи то, цареве сирийскии велми се здумѣвши шемрали [3]. Нѣкоторий теж з кнежат его, которому имя было Парменон, спытал его, мовечи: «Великий цару, што то есть, иж вси тебе хвалили, а и тысь сам похвалил архиерея жидовского?»

Которому Александер рекл: «Не тогом я похвалил, але бога, которого он имени уживает, абовѣм в таковом одѣню видѣл есм его през сон, кгдым еще был в Македонѣи. А коли есм мыслил, як бым могл Асию подбить, то имя побужало мене во снѣ, абых не омешковал [4], але абых, усилне уфаючи [5], мужно поступовал. А для того бачу быть оного, которогом през сон видѣл. А оттоле мнимаю, иж з божею помочю Дария звитяжу и моц перскую розвяжу, и вси иншии речи, котории во умыслѣ маю, маю надѣю быть пришлыи». А мовечи то, з священники до мѣста вшол. Потом теж вшол до церкви божой, которую збудовал он намудръший Соломон. А там, водлуг указаня священнического, богу офѣру чинил. Тогды ему архиерей принесл книги Даниила пророка, в которих было написано, иж нѣкоторий з грѣков мѣл збурить перскую моц.

Александер, домнимаваючисе быть самого себе, увеселилсе велми и заразом архиереови и иншим священником много дал даров коштовных, а мовил им то, иж чого колвек бы от него жедали, то мѣли одержать.

---

[1] па-святочнаму прыбяры. [2] пераможац. [3] мармыталі. [4] не прапусціў час. [5] давяраючы.

Тогды архиерей жидовский просил его, мовечи: «Прошу нехай нам буде волно наших отцев устав уживать, а семого року без дани и чиншу быть». Александер им всего дозволил. Потом его архиерей просил, абы жидове, в Медѣи и в Вавилонѣи осаженыи, своих прав уживали. И все то им дал, о што его просили.

Александер потом, справивши рицерство з Иерусолима вѣл уфы [1] до инших мѣст околичных. А до которих колвек ехал, вдячне был принят...

Далей апавядаецца аб тым, як асірыйскі цар Дарый, даведаўшыся пра поспехі Аляксандра Македонскага, напісаў яму абразлівае пісьмо і паслаў у падарунак дзіцячую пілу, матыку і каўпак блазна. У сваім фанабэрыстым пісьме Дарый раіў Аляксандру лепш забаўляцца гэтымі дзіцячымі цацкамі, а не ваеннымі справамі з магутнымі, апякаемымі самім богам, персамі. Калі ж Аляксандр не паслухае яго парад, як дзіця, то Дарый пагражае яму сваім незлічоным войскам, якое пакарае яго не як князя, а як «лотру».

Пришедши теды до Александра, котории были посланы от Дария цесаря, отдали ему лист, посланый з пилою, з мачугою и з завойком [2]. Александер зараз казал лист перед всѣми читать. Рицери, слухаючи поводу оного листу, барзо [3] се смутили. А бачечи их быть смутных, Александер рекл до них: «О мои намоцнѣйшии рицери! Для чого сердъца ваши суть порушоны з слов листу Дариевого? Або не вѣдаете, иж псы, котории велми счекають, не мають жадной хоти ображеня? Мы-смы теды увѣрили, иж той лист, в чом колвек правду повѣдал, то есть толко о великости золота, которую Дарий повѣдает мѣть, а для того мусим мужне воевать з ним, абовѣм великость золота его нас охоче побужает ку воеваню. А рекши то, приказал рицерем своим, абы послы Дариевы поймали а на шибеници повѣшать казали. А они почали до него великими голосы взывати: «Царю Александре, што за причина вины есть в нас для царя нашего, жебысь мы мѣли муки поднять?» Которим Александер отповѣдал: «Слова цесара вашего то учинить побужають мене, которий вас яко до лотрика послал». А они отповѣдали: «Для того то писал наш цесар, иж велможность ваша не есть ему запевне знаема. Пусти нас волно, а мы ему твою хвалу оповѣмы». Тогды их Александер казал выпустить и на годы [4] возвать. А коли седѣли за столом, рекли Александрови: «Царю, если се подобает маестатови вашему, прикажите абы тисеча ездных з нами ехало, а мы Дария в руцѣ их выдамы». На то им Александер отповѣдал: «Нехай се ваш умысл з того веселит, иж спокойне седите, абовѣм през выдане вашего царя не буде вам даный и один рицер».

Другого потом дня казал Александер лист писати Дариеви тым обычаем: «Александр, сын Филипов и Алимпияды царевой, Дариеви цареви над царми, родичови слонечному, которий свѣтит весполок з боги перскими, повѣдаючи, то приказуемы. Если праве хочемо глядѣть на правду, то што маемы не есть наше власное, але нам до часу позычано, не праве держимо. Абовѣм кгды ж вси в колѣ прудком фортуны обцуемо, частокрот з богатств во убозство,

---

[1] войска, сілы. [2] чалмою. [3] вельмі. [4] дзень гадавых успамінаў, пачастунак.

з веселия в смуток, з высокости на нискость, и туды и сюда пременяемо. Для того, будучи хто на вышшом мѣстцу кола фортуны, не мает так велми уфать[1] в свой стан высокий, иж през пыху поднесеный и порожнею хвалою повожоный велми низких справы взгаржает, кгды ж частокрот бывает, иж нанижший бывает повышон, а зась велми высокий на низкость упадает. Розумѣй быть реч велми шкарядою[2] и соромотою тобѣ, так наяснѣйшому цесарови, водлуг того якось от людий есть видѣн. Мнѣ малому а низкому таковыи речи стать, абовѣм ты, яко повѣдаеш, естесь ровен солнцеви, а иж седиш на солнцу маестату твоего, зосланым от бога весполок з перскими боги. Але иж богове суть несмертелны, з смертелными обцовать ненавидят. Я заправду естем смертелный, и так до тебе иду, яко з смертелным человеком, валчить[3]. А ты зась которий естесь велможный и повышоный, а хочеш се звать несмертелным, коли хочеш з нами валчить, жадной славы не одержиш, если мене звитежиш, абовѣм малого человека а лотрика звитяжиш. Але если я превитяжу, великую оттоле хвалу возму, иж навелможнейшого цесаря звитяжу. Але, ижесь рекл перскую землю в великости золота обфитуючую[4], побудилесь смыслы наши а справилесь нас для того мужнѣйших, абысь мы золота вашего могли достать, а недостаточность нашу, которую нам приписуеш, могли бысь мы от нас отдалить. А прето, ижесь нам послал пилу, мачугу и завой, котории мают быть речи пришлыи, певне а право есь осудил, чого се теж мы сподѣваемы з приязни богов. През округлость той то пилы, тое собѣ розумѣемы, иж округлость всего свѣта под наше пановане мае быть дана. През мачугу, которая есть скривлена от головы, знаменуемы, иж вси цареве и княжата свѣцкии перед нашею обличностю будут се кланят. През золотый завой, которий голову человечую приодѣвает и окружает голову, нас быти звитежцы, а не звитяжоныи сподѣваемы. Ты заправду, которий естесь великий и намоцнѣйший, ужесь нам дань отдал, кгды ж есмо от тебе пилу, мачугу и золотый завой взяли, котории таковыи достойности в собѣ замыкают».

Коли такий лист написал, возвал ку собѣ послов Дария цесаря. А давши им коштовныи дари, з листом отправил их. Потом Александер, рушивши рицерство, почал поступовать...

Дарый, атрымаўшы гэты ліст, вельмі засумаваў. Потым разаслаў сваім панам загад, каб яны сваімі войскамі злавілі Аляксандра і прывялі яго яму, а ён адправіць яго да Алімпіяды, як дзіця. У адказ на гэта паны Дарыя напісалі яму, што Аляксандр не дзіця, а небяспечны палкаводзец, які разбіў іх войскі і з поспехам наступае далей. Тады Дарый напісаў другі ліст Аляксандру. У ім Дарый зноў выхваляўся сваёй славутасцю і патрабаваў ад Аляксандра безадкладнага звароту ў Македонію, пагражаючы яму сваім гневам і расправай. Аб колькасці свайго войска, якое цяжка пералічыць, ён напамінае Аляксандру макавым зернем.

Коли пришли послове Дариевы до Александра, лист ему от Дария з маком отдали. Зараз, коли Александер лист почал читать,

---

[1] спадзявацца, разлічваць. [2] агідную, брыдкую, пачварную. [3] змагацца. [4] багатую.

вложивши свою руку в мѣх, взял оного маку и почал жвать, мовечи: «Бачу добре, иж люду его есть много. Але, яко тое насѣне есть мякко, так розумѣю, — и люд его млѣлый».

А в том пришли нѣкоторий макидонове, повѣдаючи Александрови, иж Алимпияда, его матка, тяжкою немочю была знята.

То слышачи Александер, сталсе велми смутным, а всяко ж лист написал Дариеви тым обычаем: «Александер, сын Филипов и царевой Алимпияды, до Дария цареви приказуемы. Вѣдай, иж много листов пришло, которий нас поневолне отсель отводят. А всяко ж ты не мысль о том, абысь мы для боязни або вонтпливостю [1] твоей порожней хвалы назад отъехать мѣли. Але абых огледал матку мою, которая тяжкою хоробою есть обтяжона. А прето вѣдай, иж по малом часѣ до тебе з великостю валечных [2] людий се поспешимы а велми скоро притягнемы. А то тобѣ тепер шлемы накшталт насѣня маковогo той перец, абысь то знал, иж насеня маковогo великость того перцу остростю бывает знята».

Той лист дал Александер рицерем Дариевым и перец и дари выборныи, а потом их пустил.

Калі Аляксандр вяртаўся ў Македонію, на яго напаў адзін з князёў Дарыя, Амонт, каля Аравіі. На працягу 3-х дзён цягнуўся люты бой, у якім было многа ахвяр, і персы не вытрымалі. Выратаваўся ўцёкамі толькі Амонт з невялікай колькасцю свайго войска. Уцёкі былі такія, што Амонт паспеў прыбыць к Дарыю адначасова з пасламі, якія насілі Аляксандру мак ад Дарыя, і тут прызнаў мужнасць, баяздольнасць і высакароднасць яго войска. Па дарозе ў Македонію войска Аляксандра павялічылася на 16 000. У хуткім часе, пасля прыезду Аляксандра яго маці Алімпіяда памерла, і ён зноў паехаў ваяваць у Персію супроць Дарыя.

И положилъсе з войском на мѣстцу, которое звано Авдырон. А люди оного мѣста зо всѣх сторон браны позамыкали. Видячи то, Александер розъгнѣвалсе и росказал рицером своим, абы их запалили. Рицерство теды Алексадрово, учинивши навалность, почали их бурить. А мѣстский люд, бачечи то, иж не могли зносить великости збройных, — бо оное мѣстце не было з прироженя оборонно — почали взывать, мовечи: «Царю Александре! Не замкнули есмо бронь мѣстских для того, абысь мы се твоей высокости спротивили, але боячисе Дария, царя перского, которий, коли бы то услышал, зослал бы на нас паны свои, котории бы нас зо всѣх сторон распорошалы». Александер им отповѣдал: «Отворѣте браны мѣстскии, если хочете з рук валечных уйти. А коли з Дарием конец учиню, теды з вами буду розмовлял». Слышачи то, одначе отворили ему мѣсто...

Адгэтуль Аляксандр пайшоў да Брахеі, потым прайшоў Халдзею і падышоў да ракі Сеніс. Тут яго войска перацярпела вялікі голад. Аляксандр звярнуўся да войска з заклікам не шкадаваць коней, а берагчы здароўе, бо без яго коні будуць непатрэбнымі. Войска рушыла наперад. Па дарозе Аляксандр разбіў 10 000 войска ў горадзе Тэвані і зруйнаваў горад. Пасля накіраваўся да Карынфа, а адтуль у Плацею і там праз некаторы час звергнуў мясцовага князя Страксагона. З Плацеі Аляксандр пайшоў да Афін і паслаў афінянам

---

[1] сумненнем. [2] узброеных.

пісьмо, у якім патрабаваў ад іх, каб яны паслалі яму 10 філосафаў і прызналі яго за свайго цара.

Коли читали афинове лист, почали верещать, якобы шалени. Евструл теды мудрец, повставши з великости люду, рекл абы жадным обычаем не призволяли [1] листом Александровым. А люд, згромадивши в купу, просили Демостена, мудръца, абы им раду добрую дал, а што бы се его радѣ видѣло, абы то ознаймил.

Демостен теды поднеслъсе на вышшое мѣстце, а рукою учинивши молчане, так почал мовить: «Мужеве и мещане, весполок зо мною мешкаючии. Приймѣте скромне, прошу, слова мои, а слухайте. Если се таковыми быть знаете, жебысте могли велможность Александрову затлумить, валчте з ним, а слов его жадным обычаем не приймуйте. А если ж се ему спротивить не можете, поддайтеся его маестатови [2]. Всяк то вѣдаете, иж якось мы слышали от наших старших: Сенес цар велми моцный, в своем панствѣ высокий, ачьколвек [3] был много звитеств доступил, а всяко ж в Клаедѣ много шкод поднял. Але той Александер незличоныи валки чинил, в которих ничого иншого одно звитежство завжды одержал. Азали [4] пребываючии в Тире не были рицери велми моцни и во всей умѣетности валечной выцвичоны? Што ж им помогла их великость або моц? Тевеи мудростю великою яснѣли, котории и которих мѣсто наукою валченя немнѣй [5] было окрашоно. Што им теды была пожиточна [6] мудрость и сила або мужность валечная? [7] Пелипенсове, ачъколвек мужне валчили з Александром, всяко ж потом устали от навалности збройных. Або ли есте не порозумѣли, иж незличоныи мѣста, до которих колвек вшол, кром всякого валченя и спротивленья его маестатови се поддали. Для того теж, иж Страксагону з его панства зложил, добре учинил, абовѣм выступ Страксагоны упередил. А иж есмы слышали Александра быть мудростю приоздобленого, што бы снать, без вины Страксагоны не скинул...»

Афіняне паслухаліся парады Дэмасцена і паслалі Аляксандру праз ганцоў залатую карону вагою ў 150 фунтаў. Апрача гэтага яшчэ абяцалі яму даваць кожны год чынш і дань.

Дамовіўшыся з афінянамі, Аляксандр пайшоў у Лацэдамонію. Там жыхары адмовіліся добраахвотна падпарадкавацца яго ўладзе і пачалі абараняцца, але супраціўленне было зломлена, горад захоплен штурмам войск Аляксандра. Пасля гэтага Аляксандр накіраваўся ў Кілікію.

Дарий теды цесар, слышачи о пристю Александровом, зляклъсе велми. Зараз, зобравши княжата и паны свои, радилсе их, мовячи: «Яко бачу, той поступуе, валчечи а множачисе в звитежствѣ и в моцы. А ям его мнимал быть якого лотрика, который бы, яко драпежца млѣлый, земли злупил. Он заправды воюе яко муж валечный. Зачим болшей на него усилую, тым болшей имя его на высокости се подносит, а где колвек се оборотит, вездѣ его счаслива фортуна наслѣдуе. Потреба, абыс мы з пилностю мыслили о нашем

---

[1] не згаджаліся. [2] трону, уладзе. [3] хоць нягледзячы на тое, што. [4] хіба. [5] не менш. [6] карысна. [7] ваенная.

выбавленю, абыс мы не упали в упадок поднесеня и шаленства порожней хвалы».

Коли то и иншое вымовил Дарий, отповѣдал Махер, брат его: «Увелбил[1] есь Александра, мовечи, иж он усилуе до Персѣи войти, нижли бысь мы мѣли его Елладу осягнуть. Для того, если се тобѣ подобает, уживай обычаев Александровых. А так твое царство стане ненарушоно, а еще других болшей подбиеш. Абовѣм Александер, коли хоче с ким валчит, не шле панов а ни княжат своих, але сам обличне[2] приступуе ку битвѣ. А так се ему имя и хвала множит».

Слышачи то, Дарий рекл: «Або ли я от него, або он от мене мае приклад брать?» Отповѣдал один з княжат, мовечи: «Александер во всих речах есть довтипный и умѣетный, а ни в чом не выступил, але сам през себе все мужне чинит, который способ от нароженя своего взял на взрост лва». Которому Дарий рекл: «Отколь то вѣдаеш?» А он отповѣдал: «Коли на росказане твое ехалис мы до Македонѣи, абыс мы взяли чинш от Филипа, видѣл есм особу его и великую мудрость. А для того, если се тобѣ подобает, розошли по всѣх сторонах царства твоего а згромат[3] паны твои и княжата вси, бо под царством перским есть много люду, то есть: парты, миды, аполинаты, итали, бартеи, дыруманы и инший люд, которих есть сто и пятдесят, котории суть послушни маестатови твоему, нехай же вси будут згромажени в купу, а шукаймы от бога вспоможеня. Потом, коли узрит Александер великость люду и поґанскую моц, вси члонки его боязнью будут зняты». Которому другое княжа рекло: «Добро есь поражене[4], але непожиточне выдал. Чи не вѣдаеш, иж один волк великое стадо овец угоняет и роспорошает? Также теж и греков мудрость превитежает великость панов».

В той час Александер, згромадивши люду великость валечного, пришол ку личбѣ сто тисечий люду, з которим приехал ку рецѣ прозвищем Окиян, з которой вода велми зимная и ясная походила. Придалосе, же се омывал во оной рецѣ. Потом голова его была обтяжона великою болестю, же теж и зимницею[5] был дручон. Которого макидонове видячи немоцного, засмутилисе велми, боячисе, так межи собою мовили: «Если буде объявлена немоч Александрова, Дариеви, учинивши навалность против нам, исто нас загладит». Але потом здорове Александрово во вси рицери потвержало.

Теды Александер возвал до себе лѣкара, именем Филипа, а о немочи своей пилне пытал. Был той лѣкар Александров еще млоденец, а во всякой науцѣ лѣкарской добре досконалый. И обѣцовал то Александрови, иж мѣл през один трунок приворотит его ку первшому здоровю.

Нѣкоторое княжа з рицерства, который держал Армению, имянем Пармез, который велми зазрѣл тому лѣкареви прето, иж от

---

[1] абажаю. [2] асабіста. [3] трэба «згромажат», г. зн. «збяруцца». [4] парада. [5] ліхаманкаю.

Александра невымовне был милован, писал потаемне до Александра, мовечи: «Стережисе от Филипа лѣкара, а не пий того трунку, который тобѣ мае дать, абовѣм Дарий обѣцал ему дочку свою за малжонку дать, а оного в царство собѣ прилучить, абы тебе одно яко колвек загладит могл».

Прочитавши лист, Александер не засмутилсе з того, абовѣм уфал [1] в щирое а чистое сумнене Филипово. В той час Филип з трунком наготованым вшол до Александра и подал ему его. Александер, взявши трунок, во одной руцѣ держал, а в другой лист, смотрячи остро в твар Филипову. Рекл ему Филип: «Не лекайсе, великий цесару, трунку, але его пий». А зараз Александер трунок принял, потом Филипови лист указал. Прочитавши лист, Филип рекл: «Цесару великий, не естем в том винен, што лист повѣдае». Александер теды стал се добре здоровым. И возвал до себе Филипа и обнял его, мовечи: «Знай, Филипе, милость которую есм мѣл ку тобѣ. Первей есм трунок пил, потом есм тобѣ лист указал». Которому Филип отповѣдал: «Цесару великий, прикажи тому то перед обличностю твоею стануть, который тобѣ таковый лист послал, абовѣм мене научал таковую злость пополнить».

Заразом росказал до себе возвать Пармеза. А коли его пытал, найден был годен смерти. И росказал его стять [2].

Заваяваўшы пасля гэтага Мідзію і Арменію, Аляксандр перайшоў р. Еўфрат, разбурыў збудаваны ім там мост і каля р. Тыгр сустрэўся з войскамі Дарыя. Пры першай сутычцы войскі Дарыя атрымалі паражэнне і пачалі адступаць. Тады Дарый паслаў аднаго з сваіх воінаў у стан Аляксандра, каб той забіў палкаводца. Ва ўзнагароду за гэта Дарый абяцаў выдаць за яго замуж сваю дачку. Але воін толькі цяжка параніў Аляксандра ў галаву. Македонцы хацелі катаваць забойцу, ды Аляксандр дараваў яму жыццё і адпусціў назад. Пасля паражэння ў другім баі Дарый адступіў да г. Бакерэм, але пратрымаўся тут толькі адзін дзень. Горад не вытрымаў штурму. У палоне апынуліся маці, жонка і сыны Дарыя. Добрыя адносіны Аляксандра да сям'і Дарыя абурылі яго, і ён зноў пасылае Аляксандру абразлівы ліст. Аляксандр папярэджвае яго аб тым, што ён спяшаецца выступіць супроць Дарыя і заклікае яго быць гатовым да бітвы. У пошуках дапамогі Дарыў звярнуўся з лістом да індыйскага цара Пора. Пор дыпламатычна адмовіўся падтрымаць просьбу Дарыя.

А слышавши Родога, матка Дария цесаря, иж се Дарий з людом готовал, абы другую битву сточил з Александром, засмутиласе велми а заразом писала лист до него тыми словы: «Дариеви, наймилѣйшому сынови своему, Родога матка веселе оповѣдает. Слышалис мы, ижесь люд твой згромадил, абы з Александром повторе валчил. Але то тобѣ ничого не есть пожитечно, абовѣм бысь вси пребываючии на свѣте згромадил, ему се намнѣй спротивит не можеш, кгды ж его божская опатрность стережет и заховывает. А прето опусти смысл высокости твоей, а склони се малечко от хвалы твоей, уступуючи великости Александровой. Лѣпей то тобѣ есть заправды опустить то, чого задержать не можеш. А кото-

---

[1] спадзяваўся. [2] засячы шаблю.

рии речи могут быть задержаны, абы их спокойне поживал, бо не можеш всими пановать, колись ты сам от всѣх взгоржон».

Той лист, коли принесено пред Дария, засмутилсе а почал ревно плакать, вспомневши на родичи свои.

В той час Александер, рушивши люд, приближивсе ку мѣсту перскому, в котором Дарий был, перегледаючи высокии мѣстца гор, котории были над мѣстом оным.

Александер приказал рицером своим, абы сѣкли розки з дерева, а зелье рвали, а метали перед ноги конем и мулом. Што видечи персове з высокости гор, здумѣлисе. А идучи так през три дни ку мѣсту перскому, в котором был Дарий, и положивсе там з войском своим. Возвавши теды княжат своих, рекл до них: «Пошлимо послы Дариевы, мовечи ему, абы з нами воевал, або се нехай поддасть под моц валчучих».

Таи же ночи указалсе Александрови Меркурий, маючи на собѣ одѣне макидонское, мовечи ему так: «Сыну Александре, коли тобѣ буде потреба, завжды тобѣ буду на помоч. Бач же теды, абысь не слал Дариеви посла, которогось рекл. Хочу того, абысь принял особу мою, абы там сам шол. Ачъколвек есть реч небеспечна цареви ити за посла, а всяко ж се не лекай, бо я тобѣ буду на помочи, иж жадного утиску не почуеш».

Повставши Александер зо сну, велико се веселил. А возвавши приятель навѣрнѣйших своих объявил им сон, который видѣл. А они ему радили бы так учинил, яко ему през сон объявлено. Тогды Александр возвал одного з княжат своих именем Евмула, бовѣм той муж был моцный, смѣлый а навѣрнѣйший Александрови, и казал ему на конь всѣсти, абы его наслѣдовал. А коли ехали обадва ку рецѣ Крамѣ, а перским языком Стагма, нашли ю замерзлую. Заразом Александер, отменившисе в шаты княжата своего, зоставил его з двома конми и з оным, што сам на нем ехал. А перешедши оную реку, почалсе ку мѣсту Дариевому приближать. А княжа оное его просил его, мовечи: «Великий цесару, допусти мнѣ перейти за тобою туую реку, абы се тобѣ якая злая пригода не придала». Которому Александер рекл: «Жди мене тут, бовѣм мнѣ буде на помочи той, которогом во снѣ видѣл».

Тая река, которуюс мы перед тым наменили [1], часу зимы и весны през всю ноч замерзла стоит. Але рано, коли солнце загрѣвает, ростает. А прудко бежит, иж коли бы хто вшол в ню, заразом бы его похватила. А широкость ей есть яко през одно стаяне.

А коли Александер пришол до браны мѣстской, персове, его видячи, велми се здумѣли, бо его розумѣли быть богом. Зараз его пытали, мовечи: «Хтось ты есть, пане?» А он отповѣдал: «Я естем отповѣдник [2] Александров».

Дарий цесар, перегледаючи през гори а згромажаючи велми великий люд, абы другую валку вел з Александром, который, коли пришол до броны мѣстской а нашол там Александра, мовячого з

---

[1] называлі. [2] пасол.

персами, здивилсе велми особѣ его, мнимаючи его быть бога Апалона, которий з неба зступил, зараз его похвалил, мовечи: «Которий есть ты, пане?» Которому он рекл: «Послал мене цар Александер до тебе, абых тобѣ мовил: для чого продолжаеш, яко боязливый. Выйди прето з приятели твоими а воююй, або се поддай под моц звитежци». Слышачи то, Дарий рекл ему: «Або ты ли еси Александер, которий з таковым гнѣвом твою мову подаеш, абовѣм яко вижу не яко посол, але яко цар пышныи речи оповѣдаеш. А всяко ж то вѣдай, ижем з слов твоих намнѣй се не лекаю. Сядь тепер зо мною при вечери». А рекши то, узял руку его и вѣл его на правой сторонѣ и вшол з ним весполок до палацу своего. Александер презначал то собѣ оною правицею помоч божскую, иж мѣл вскоре его палац быти.

Ршедши Дарий весполок з Александром до одного кгмаху оздобного, где там была справлена гойная и роскошная вечера, сѣл з ним. Одно княжа рицерства Дариевого обачил быть обличне Александра. Был той то палац, або вечерник, зо всѣх сторон приохандожон. А персове, видячи способ Александров: мудрость, смѣлость и моц, которая се в том малом тѣле таила, згола его не знаючи. Мисы теж, столы и лавы были з щирого золота справлены, а подчашии носили пите в кубках золотых и в перлах велми коштовных.

А коли подали кубок перловый ку питю Александрови, поставил его на лонѣ своем. Принесено ему потом другий кубок, а тако ж ему учинил. Также и третим разом.

Видячи то тыи, котории приносили кубки, повѣдали цесареви Дариеви. Слышачи то, Дарий поднеслъсе и рекл: «Приятелю, што ж то чиниш, иж ты кубки до пазухи ховаеш?» Которому Александер рек: «При годованю нашего царя таковый есть обычай, иж годуючии если хочут, берут кубки, з которих пиют. Але, если той обычай видитсе быть вам негодный, то вам негодным ворочу без омешъканя» [1]. Нѣкотории теж княжата хвалили той обычай и велми залецали [2].

Нѣкоторий княжа Дариево, которому имя было Анапулус, седячи за столом, часто погледал на обличе Александрово, бо его теж перед тым видал, коли з приказаня Дариевого ездил до Македонѣи, абы чинш взял от царя Филипа. Той, розумѣючи голос его и особу его видячи, почал в собѣ сам мыслить: по правдѣ мнѣ се здаеть, же то есть Александер. А зараз, повставши, приступил ку Дариеви, мовечи ему: «Цесару великий, той посол, которого видиш, есть то Александер, сына Филипа Македонского». Дарий же цар з радостю рекл ему: «Если то так есть, то я тепер всему свѣту цар. Але не вѣру тому, як бы он то могл учинити». Анополус теж рек: «Если то, царю, не так ест, чти мене отсуди и кажи мя стяти».

Александер теды, видячи оныи сполечныи розмовы, порозумѣл, иж о нем мовили, на тых мѣст перстень вѣщебный [3] з тоболки [4] своей вынял и на руку взложил, и зараз жадным не был видѣный.

---

[1] затрымкі. [2] раілі, рэкамендавалі. [3] чараўнічы. [4] мяшэчка.

Тогды цар Дарий рекл Александрови: «Человече, повѣдают ми, иж приличон еси персоною Александрови». А Александр отповѣдал: «Правда есть, великий царю. Для того мене мой цар любит, што ж естем ему подобный. И многии ми се люде кланяют, творячи[1] Александру». Теды Дарий, в розмышлене впадши, встал от столу и шол до ложницы, мышлячи, як бы его мѣл поймати. А вси за Дарием з полаты вынесли. А Александр з бояри Дария зосталсе употемку. И на тых мѣст зволок з себе коштовныи шаты македонскии, а маючи той перстень на палци, выскочил з полаты и пришол до броны мѣстской. И вынял кубок той, котрий взял был, седячи за столом, и дал его воротному, мовечи: «Держи в себе той кубок, поки се назад ворочу, бо мене цар послал умоцнити сторожу». А воротный кубок он взял, а его за ворота выпустил. Александер ку другой бронѣ пришол и другий теж кубок воротному дал, мовечи: «Цар мене послал, абы до него гетманы возвал». А так и той пустил его за вороты.

А Александер, поспешившисе вскочил на конь, а яко могл напрудшей утекал, и реку Краму заледвѣ ку свѣту переехал...

Тым часам Дарый загадаў сваім князям злавіць Аляксандра, але яны не знайшлі яго ў палацы і пусціліся даганяць. Калі яны прыехалі да ракі, ужо ўзышло сонца і лёд на ёй растаў. Дарый дзівіўся смеласці і адвазе Аляксандра. У гэты час на яго вачах у яго палацы разваліўся нечакана царскі слуп, тым самым знамянуючы канец Дарыевага царства. Дарый занепакоіўся. На другі дзень Аляксандр, сабраўшы сваё войска, падрыхтаваўся да бою. Тое ж зрабіў і Дарый. Першая сутычка закончылася перамогаю Аляксандра і бегствам Дарыя. Пасля гэтага Дарый паслаў Аляксандру новы ліст, у якім заклікаў яго не ганарыцца перамогаю, бо ўсё гэта дачаснае, і прасіў вярнуць яму за багаты залаты выкуп яго маці, жонку і сыноў, абяцаў яшчэ адмовіцца ў карысць Аляксандра ад улады над мідамі і персамі. Аляксандр адмовіўся ад прапановы Дарыя і прапанаваў яму або прызнаць сябе канчаткова пераможаным і здацца, або ваяваць да канца, а сам загадаў закапваць забітых воінаў. Дарый вырашыў за лепшае змагацца і напісаў другі ліст цару Пору, просячы ад яго дапамогі за добрую плату. Перабежчыкі ад Дарыя данеслі аб гэтым Аляксандру.

Слышавши то, Александер заразом, рушивши войско свое, тягнул против Дариеви. Дарий теды и персове, слышачи з ним присте Александрово, злеклисе.

Нѣкотории теды з княжат Дариевых, один именем Висос, а другий — Ариоварзан, зараз, яко скоро услышали о пристю Александровом, присеглисе веспол, абы Дария забили, сподѣваючисе абы мѣли взять приемную заплату от Александра. Умоцнивши то межи собою, вошли до палацу. Добывши мечов, пришли перед Дария. Которих видячи, Дарий рекл: «О намилѣйшии мои, котории есм вас мѣл за слуги свои, але тепер меню быть паны моими. Для чого мене забить хочете? Або не досыть ли вам назвѣрхных тяжкостях моих, котории внутрности мои яко меч проникают? Если мене потаемне забиете, а Александер вас найде, возме над вами болшей, ниж над разбойники помсту». Они, не дбаючи ничога на его мову, а

[1] прымаючы мяне за Аляксандра.

не будучи склонни ку милосердью, почали на нь сечи. Дарий, закладаючисе раменем [1] своим, упал ранный. И так его зоставили в палацу наполы умерлого.

Александер, услышавши иж Дария забито, перешол реку Краму з людом своим велми скоро и вшол до мѣста Сусана. Персове, видячи его, отворили ему броны мѣстскии и почтиве его приняли. А коли обачили входячого Александра, оныи, котории ранили Дария, скрилисе доброволне, хотячи зрозумѣть Александра в том, же забили Дария. Александер теды, вшедши на палац а переходжаючисе в нем, дивовалсе велми оному мистерному будованю, абовѣм то был збудовал Кир, цар перский. А была там земля по всем палацу з розмаитого каменя коштовного а велми ясного. Стѣны были з золота, з каменем дорогим и з звѣздами ясными приохандожоно. Тако ж и столпы з золота, котории держали высокость поднебеня.

Тое все видячи, Александер дивовалсе велми. А переходячи през палац, вшол до ложницы, где лежал Дарий, наполыумерлый. Узрѣвши его, Александер, милосердием порушоный, знял з себе одѣне цесарское, приодѣл его. А обнявши его, з великим плачем потѣшал его, мовечи: «Будь потвержон, цару Дарий, а повстань. Якось перед тым твое панство держал, так и тепер прийми перскую корону, а уживай моцы твоей, якось перед тым был. Присегаю тобѣ през намоцнѣйшии боги твои [2], иж тобѣ правдиве все панство твое отдаю а жадаю з тобою покармов поживать, яко сын з власным отцем своим. А объяви мнѣ неприятели твои, абы помсту меча, остатнюю заплату, взяли», — то плачучи мовил.

А Дарий, подневши руцѣ свои, обнял его и целовал перси, шию и руки его, мовечи: «Сыну Александре, яко зуполней и достаточной мудрость твоя узнала, весь свѣт на скаженю [3] есть положен. Абовѣм божская мудрость, все перегледаючи, и мысли людски розознаваючи, так его от початку свѣта створил, иж не было ничого сталого або моцного, але небытностю своею вси премѣнности и свои противности се оборочают. А так то бог хотѣл мѣть, абы се вси речи переменяли, иж коли хто, в щасливости будучи для пыхи своей, не знал бы створителя своего, з высокости пыхи на низкость покори, упадает, иж што през поднесене счастливости о бозѣ запаметал [4], зась през понижене в нужи вспаметал, водлуг [5] якось по мнѣ видѣл. Ижем так велми в щасливости обфитовал [6], же для великих богатстов, которих есм мѣл, не боже створене, але товарищом божим сподѣваломсе быть. А чогом на он час през заслѣпене пыхи не видѣл, тепер през нискость покори вижу и знаю. А для того, нехай се неподносит, милый сыну, умысл твой в пыху для звитежств, тобѣ от бога даных. Абысь теж добре то чинил, што богове чинят, а руками твоими, право, неба не сегал. Завжды паметай на остатнии дни твои, абовѣм смертелный естесь, а смерть твою

---

[1] закрываючы сябе плячом. [2] на полі рукапісу: «мои». [3] знішчэнню, разбурэнню. [4] забыў. [5] паводле таго. [6] багата жыў.

уставичне[1] перед очима мѣй. Взглядай прето на мене а бач яковым вчорашнего дня был, а який естем нынѣ, который нужне аж до земли естем потлумлен, а который есм мало не весь свѣт держал под рукою своею, а тепер сам над собою моцы не маю. Прошу, нехай мене погребут руцѣ твои наласкавшии. Нехай прийдут на обход мой персове, миды, грекове, а от того часу царство Перское и Макидонско во едности нехай буде. Матку мою, Родогону, тобѣ велико поручаю, а над жоною моею милость мѣй. Дочку мою Роксану возми собѣ за жону. Слушна реч есть: з шляхетных шляхетный рожай походит». А мовечи то, в руках Александровых умерл.

А так, водлуг обычаю цесарского, зложил Александер тѣло его. А з великим обходом несли его на погреб за упережаючими збройными персы и макидоны. А Александер, подложивши шию свою под мари, горко плачучи ишол. Плакали теж и персове не толко для смерти Дариевы, яко для милости Александровой.

А так ему чинили погреб. Потом се Александр воротил на палац Дариев....

Далей апавядаецца аб расправе Аляксандра, якую ён зрабіў над забойцамі Дарыя, або яго жаніцьбе на дачцы Дарыя Раксане. Пасля гэтага пачынаецца апавяданне аб паходзе Аляксандра ў Індыю і яго індыйскіх ваенных прыгодах. Гістарычнага ў гэтай частцы «Александрии» зусім мала. Тут толькі адны цуды, якія мог выдумаць аўтар. Аляксандр тут сустракае дзіўных птушак, жывёл, гадзюк, незвычайных людзей з сабачымі галовамі, птушынымі нагамі і тулавам, нават з вачамі і ротам на грудзях, сустракае веліканаў і пігмеяў, гаворачыя дрэвы, медныя замкі і шмат іншых цудаў і мноства багацця. Там ён нават паднімаецца на грыфах для даследавання неба, спускаецца ў глыбіню мора, сустракае нячыстыя народы Гога і Магога і памяшчае іх у гарах, перапісваецца з амазонкамі, размаўляе з філосафамі брахманамі і г. д. Пасля ўсіх сваіх паходаў Аляксандр вяртаецца ў новую сваю сталіцу Вавілон і памірае ад атруты, атрыманай ад сваіх прыбліжаных.

[1] заўсёды, пастаянна.

АПОВЕСЦЬ ОБ ТРОІ

Трагічны лёс Троі, зруйнаванай у часы каланізацыі Траадскага паўвострава грэчаскімі плямёнамі каля 1184 г. да н. э., гераічнае змаганне і паражэнні грэчаскіх і траянскіх герояў, якія ваявалі не адзін раз пад яе сценамі, давалі багаты матэрыял для народных паданняў і лягенд аб Траянскіх войнах. Пазней частка гэтых паданняў і лягенд была выкарыстана Гамерам у яго славутых паэмах «Іліяда» і «Адзісея». Але мноства разнастайных варыянтаў аб траянскіх падзеях засталося па-за рамкамі гамераўскіх паэм і прадаўжала бытаваць у вуснай перадачы, падвяргаючыся творчым апрацоўкам, скарачэнням і дапаўненням. Гэты фальклорны матэрыял служыў багатай крыніцай і для пазнейшых антычных пісьменнікаў, якія ў сваіх творах закраналі і па-свойму адлюстроўвалі падзеі Траянскай вайны, акружанай у народных паданнях арэолам святасці. Не прайшлі міма гэтага багатага матэрыялу і першыя грэчаскія летапісцы. Іх гістарычныя хронікі з'явіліся для іншых народаў той крыніцай, з якой яны пазней чэрпалі свае веды аб траянскіх падзеях.

Першыя весткі аб Траянскай вайне ўсходнія славяне атрымалі па паўднёваславянскаму перакладу хронікі Іаана Малалы (VI ст.), яшчэ ў часы Кіеўскай Русі. А к пачатку XVI ст. аповесць аб Троі стала ўжо шырока вядомай і папулярнай на Украіне і ў Беларусі, аб чым сведчыць Георгій Скарына ў сваім «Предъсловии во всю бивлию рускаго языка», дзе ён пісаў: «Аще ли кохание имаши о военных а о богатырских делех, чти Книги Судей, или Книги Махаавеев; более и справедливее в них знайдеш, нежели во Александрии или во Трои» (гл. у хрэстаматыі стар. 174).

Тагачасны чытач Беларусі і Украіны мог пазнаёміцца з тэкстамі аповесці аб Троі па многіх крыніцах паўднёваславянскіх і заходнеславянскіх перакладаў, менавіта па хроніцы Манасіі, па хроніцы Марціна Бельскага і інш., а таксама па перакладу з «Historia de bello Trojano». (Гісторыя Траянскай вайны, 1262—1287 гг.) сіцылійца Гвідо дэ Калумна. З гэтай «Гісторыі» ў другой палавіне XVI ст. быў зроблен пераклад на беларускую мову. Але найбольшую папулярнасць аповесць аб Троі атрымала дзякуючы перакладу яе на беларускую мову з балгарскага перакладу грэчаскай хронікі Манасіі (1369 г.).

Пададзены ніжэй поўны тэкст аповесці аб Троі друкуецца ў хрэстаматыі ўпершыню па рукапіснаму спіску гэтага перакладу, які зараз захоўваецца ў Ленінградскай публічнай бібліятэцы імя Салтыкова-Шчадрына (гл. F. XVII, № 5, лл. 67—72).

За часов, коли царствовал Давыд сын Иесеов в земли жидовской, был в елинех[1] цар поморский именем Придеш, который одного часу для ловеня звѣру заплыв до нѣкоторой велми оздобной и веселой выспы[2], в которой з одной стороны прилежит море великое, а з другой Скомандра река, з третьей стороны Пелешино море або озеро великое, з четвертой стороны притягнув луг, названый Додома, а з пятой стороны долина и лѣс приточил[3], где велми есть садового и розмаитого дерева. Уподобал собѣ цар оный остров и положене. Зараз на имя свое мѣсто заложив, которое муровал аж до смерти своей. Приказал теж и сыну своему, умираючи, абы не переставал оного мѣста будовати. И так один другому, умираючи, по собѣ повод[4] давали, а оного мѣста муровати аж до шести поколѣний не переставали.

Коли дошлося потом царя Троила, той теж приложил над всих продков своих болшой працы и назвал мѣсто оное именем своим Троя. А по смерти Троила вступил на панство Прииям, сын его, который мѣл жону именем Якаму.

Придалося оной теды Якаме през сон то видѣти, якобы породила вмѣсто дѣтяти головню, которая, возлетѣвши на повѣтрее высоко, и упала на море, а з моря пустилися искри на мѣсто Трою и, запаливши, выгладили все мѣсто.

Коли ся царица Якама от сна очутила, сказала он сон цареви Прияму, мужеви своему. Теды Прияим, призвавши своих мудрих и вѣщков, повѣдал им оный сон. Они ему повѣдали, мовечи, иж ся народит с жены твоей сын, през которого Троя мѣсто згинет аж и камень на камени не зостанет. А цар Прияим росказал жонѣ, абы скоро сына породила, того ж часу згубити его дала.

А так, коли царевой пришла година роженю, породила сына. И обачила дѣтя красно и вдячно[5] велми ужалилася над ним, яко родичка, — не хотѣла его стратити. Але, обертѣвши его в коштовныи шаты[6], а там до него сребра и золота доволно накладши, казала отнести далеко от мѣста, положити его.

Был теж в мѣсте оном один пастыр[7] жонатый, которому теды в той час также жона его повила[8] сына. Тогды пастыр оный, пасучи овцы, нашол дѣтя оное царское, на пущи покиненое, взял его. А принесши в дом, казал его посполу[9] з сыном жонѣ своей кормити и ховати и назвал его Фарижом.

Коли было Фарижови лѣт 7, ходил з отцом[10] посполу на поле и там, яко дѣтя, а звлаще[11] играючи, силу в собѣ оказало, поймавши два быки дужих. И вязал их, жебы ся бороли. Который же з них переможе, тому сплетал вѣнец з оливы, а недужому з соломы, и вкладал им на роги.

Взросши теды Фариж он, а будучи надобный[12] млоденец, стал накладати и лучитися до сынов боярских и до рицерства, кгды ж в

---

[1] у грэкаў. [2] вострава. [3] прыкрываў. [4] запавет, наказ. [5] чароўна, прыгожа. [6] адзенні. [7] пастух. [8] нарадзіла. [9] сумесна. [10] У рукапісу стаіць глоса: «пастухом». [11] пераважна. [12] прыгожы.

каждой игрѣ и вытечцѣ [1] не был ему жадный подобный, бо был валечный [2] и велми мужный, а во всих людѣй мѣл ласку в очах.

Часу одного княжа одно, будучи славное и удѣлное, именем Велеш, чинил веселье або учту на вси паны и дворяны, тако ж честовал и малжонки их, на которой учте был и Фариж пастыревич, оный царевич запрошоным. Были теж на оной учте три невѣсты вѣщъки, которих еллини за богини мѣли. А четвертой богини для того не звано, же была звадлива. А она, видячи, же взгаржоною зостала, зараз казала уробить яблоко золотое а на нем так написать казала: «которая з трех тых богинь удячнѣйшою есть, тое яблоко оной нехай буде». И казала яблоко оное вкинуть до саду, где пировали оныи богини. Богини оныи, прохожаючися по саду оном, нашли яблоко оное. А коли прочитали, здалися на Фарижа пастыревича. Которую бы з них надобнѣйшою признал, той теды яблоко оное быть мѣло. А упередивши з них одна Фарижа, упросила его потаемне, мовечи: «Если мене оздобнѣйшою признаеш, учиню тобѣ имя новое, иж Александр будеш назван, и скажу тобѣ отца, матку и весь род твой, абовѣм не естесь ты старца оного сыном. Ку тому теж ознаймую тобѣ Менелая, царя грецкого, жону, которая над всѣх нас жен оздобнѣйшою». А Фариж признал Елнушу межи оныи богини оздобнѣйшою, так бо ей имя было. А Елнуша оная указала ему, иж он есть сын Прияма царя и Якамы царевой.

Фариж з великою радостю шол до мниманого отца своего, то есть до пастыря. А пожегнавшися [3] з ним и подяковавши, шол до царя Прияма, которому дал о собѣ вѣдать, иж есть сын царский. А Приям цар, коли ся от жоны своей правды довѣдал, принял его в ласку и кохал его велико.

Потом цар Приям, умысливши, призвав всих мудрих и вѣщков и рекл им: «Если бы ся хто мнѣ такий обрал, абы Трою мѣсто збудовал ширшим муром, дал бых ему три мѣре золота». Спромеж которих выступили два дияволи. Обралися [4] на оный учинок и будовали мѣсто таким обычаем: Тебуш играл в гусли, а мѣсто ся само будовало, а Нептенабуш понырал в воду [5] и выносил камень и вапно. И змуровали мѣсто за час невеликий, которое ся велми цареви подобало. А коли ся дияволи о заслуженое упоминали у царя Прияма, он не учинил им досыть ведле умовы. А они ся на него розгнѣвавши, рекли ему: «Мы есмо Трою место збудовали, мы теж незадолго и збурим его, яко теж многим вѣщки [6] и богини еллинскии пророковали о затраченю Трои мѣста».

Александр-Фариж упросил отца Прияма и ехал до Менелая, царя грецкого, якобы на службу з множством богатства и слуг, которого цар Менелай, поткавши, принял. А Александер ему ся оферовал, мовечи: «Пришол есми тобѣ, цареви, служити не для взятку якого або скарбу, але абым учтил великою зацностю твою велможность». З чого ся Менелай утѣшил велико и мѣл в своем дому в

---

[1] вылазцы, паходзе. [2] храбры, адважны. [3] развітаўшыся. [4] У рукапісу ёсць глоса: «поднялися». [5] На полі рукапісу: «море». [6] чараўнікі.

пошанованю великом Александра, иж з ним ядали и пивали вкупе цар и царица его Елена. А потом Александр и царица Елена змовилися з собою.

В том Менелай послал до брата своего Агемена, мовечи: «Будь, брате мой, веселым, же братья наша, цареве, на службу до нас приходят». Которому отказал Агемена: «Ям есть веселым, кгдысь мы есть самовладцы. А о то чому ся маю веселити, же братья цареве нам служат? Але о то и фрасую[1]: боюся, абы чужая вдячность не отобрала учтивости нашой, з чого встыд великий буде наопослѣ». И услышавши то, Менелае цар рекл: «Яко то зацность моя не есть мила брату моему».

Героі Трої.

А в том пришла вѣдомость Менелаю цареви, же ся откинул от него Ругас, княжа каакимское. И заразом Менелай, зобравшися з войском великим, ишол на него, а з собою ся и Александру-Фарижу казал готовати, котрий учинившися хорим и облегл в постели. «Коли, — мовит, — здоров буду, догоню тебе в дорозѣ».

Теды по отъездѣ Менелая, царя грецкого, царица Елена з паннами своими вышла до огороду. А Александр-Фариж з слугами своими, поспѣшившися, ухватил царицу и, упавши до корабля борзъдого, убѣжал и приплынул з Еленою до мѣста Трои. Всяко ж всим трояном не было то вдячно, прето же без пролития крови не мѣло то хибить[2]. А цар и царевая, то есть отец и матка его, поткали и приняли его честно.

Коли то учул Менелай, цар грецкий, о жонѣ своей Еленѣ, воротился з войны заразом. Увѣдал теж то и Агамен цар, брат его, котрий, скупивши войско свое, пришол до Менелая. Зобралися теж войска велми великии греков, которих не было личбы. Пришол бовѣм еще до них Аякш, Саламаников сын, з тридцатю каторг[3], и Паламид, сын Придеков, з тридцатю кораблей войска на помоч.

[1] турбуюся, хвалююся. [2] прайсці міма. [3] мараходных вёсельных суднаў.

Был теды в Грецѣи муж знакомитый именем Урекшиш, сын Лантешов, который учинился бѣсен и почал песок орати а соль сѣяти. А он чинил то для того, абы не был учасником тройской крови. И увѣдавши то цареве, казали сына его малого перед ралом положити «Если, — мовят, — бѣсен, то переорет и сына своего». Коли так учинили, он застановил волы и перестал орати. Кгды о то его цареве до себе приведеного пытали: «Я,—мовит Урекшиш,— лѣпей быx зезволил збѣсным псом през три лѣта бѣгать, нижли быть тройской крови учасником».

Пришло теж до них на посилок безчисленое множство народов так землею, яко и морем з Афины, от Италия, з Архия и зо всея Еллады и з иных царств розмаитых. Менесерес з Афин, Нестор от Пила, Дисевес з Саламина, Еа и Доменевес з Крита, Тлипалеж з Рода, — а вси тыи, котории се мяновали зацного рожаю [1] и царской крови, мужеве валечныи и мужныи. А Ахиллѣя, Евфиянского царя, — всему рицерству гетманом, бо был муж велми валечный и моцный, которого Иром называли. 1100 и 70 одных кораблей было, которыми на всѣ островы Тройскии знагла напали. А сухом всѣ мѣста и замки бурили. А народ сѣкли и в неволю брали, и старалися о збуреню Трои, для царицы Елены встыд свой нагородить, а над Троею ся мѣстом помстить, Троя бовѣм оплывала великими богатствы и скарбы.

Бачечи трояны так великии а безчисленныи грецкии войска, порозсылавши вездѣ, и собрали противку ним тако ж без личбы войска, то есть каран, ликаян, мисов, меонян и фругов и приспособили собѣ весь народ посполитый асийский [2]. А в самом местѣ Трои мужев валечных болшей, ниж 8 тисеч было. А так 9 лѣт минуло, чинячи з собою войну. На почитку бовѣм з мѣста Трои валчилися добре, але коли досвѣдчили Ахиллѣя валечность и мужность, замкнувшися в мѣсте при мурах седѣли.

Жена нѣкоторая, именем Велеша, которую в мѣсте Трои мѣли за богиню, владѣла през чари морскими навалности. Тая, розгнѣвавшися, пустила на море хвилю, хотячи вси корабли потопити з грецким войском, а што зафрасовалися цареви и радилися попа своего Колкоша. Который, он поп, повѣдал, мовечи, иж есть в мѣсте богиня, которая розгнѣвалася для Кошуты, которого есте забили, бо был ей [3], и для того хоче всѣх вас потопити. Всяко ж, если цар Агемен дасть ей дочку Цвѣтану, ускромится хвиля. Што рад не рад цар Агемен мусил ей дочку свою дати.

А потом греки оточили [4] Трою около кораблями, которих тройское рицерство густым стрелянем не допустили до мѣста. А наболшей цар Ектор, сын Приямов, иж одным з лука огненным пострѣлом затоплял трох кораблей посполу. А Аякш, сын Саламаников, щитом своим 17 кораблий заштурмовывал перед стрелянем Екторовым.

А потом Менелай, цар грецкий, учинивши з еллины примире, и

---

[1] роду. [2] азіяцкі. [3] У рукапісу ёсць пропуск слова. [4] абкружылі.

ходил сам на вѣре до мѣста и напоминал царя Прияма, абы ему выдал царицу его Елену и крови бы людской болшей не было розливано. Але не помогло его наупоминане ничого, бо и сам Менелай был бы, певне, забитый през Александра-Фарижа, если бы Прияи не заховал его при здоровю.

Потом цар Ектор чинил валку през вси дни и поражал греческии войска завжды. Всяко ж боявся Ахиллѣевы моцы. А коли так през многи дни чинил наезды греком Ектор, выехал Ахиллѣй противко нему з хоругвою своею. А скупившися, уфатилися за руки, и того дня не хотѣли з собою бою чинити. В том теды грецкое войско Рижеуша попа дочу поймало и привело до обозу, которую Агемен цар, брат Аменелаев, видѣвши красну и вдячну велми, за жону собѣ взял ю. А Рижеуш поп был сын Тебуга чаровника, котрий то Тебуг през чари свои напустил хоробы на грецкии войска, з которой множство померло, аж попу дочку воротить мусили.

И Сефес Нисеотенин мѣл гнѣв на Паламида и обмовил его царем грецким, якобы Паламид трояном был зычливым. И забили его каменьем.

А Ахиллѣй се для того розгнѣвал и не хотѣл валчити противко трояном, же его милого приятеля невинне забили, по котором плакал велико.

В том теды трояны осмѣлилися. А Ектору теж з его товариши смѣлость болшая припала. Выпадали на греческии войска и потоками кровий розливали, а греков, яко колосе, пожинали, котории Ахиллѣя не могли упросити, абы мѣл застановитися еллином. Аж зась убит есть Патроклий, приятель его, през руку Екторову. То ледвѣ его подбудило. А коли выехал Ахиллѣй, огнем дышучи противко троянским войскам, поразбивал им полки и позабивал наездники чолнѣйшии [1]. Коли цар Приям видѣл, же погинули ему войска, призвал напосилок амазонитов, котории теж погинули от великой силы. А трояном моц уставала. Потом Приям послал до Тавтантия, индѣйского царя, и упросил его, же ему прислал войска индѣйского, которому множству не было личбы. Индѣяне, котории суть чорни, яко уголь, которих грекове, коли обачили, устрашилися и убоялися их велми так их самих, яко и звѣрей, котории были на войну зучени. И ледве се грекове остояли, бо зголa з обозами утекать хотѣли от Трои, не досвѣдчивши их бою. А коли досвѣдчили, поплюскали вси поля индѣйскою кровю. Искомандровы быстрины кровю се отменили.

А в том пришол празник еллином и варваром, и учинилося промеж ними примире, же, сходячисе одны до других, жадной прикрости выражати не починали для учтивости своего свята.

А потом царица Евтропия, жена Ектора царя, сына Приямова, видѣла в ночи таковый сон, якобы вышла з Трои мѣста мечка [2], а з греческого войска вепр и повадилися с собою. И поразивши вепр медведицу, а втягнул ю до греческого обозу. Евтропия очутившися

---

[1] галоўнейшых. [2] мядзведзіца.

30 А. Ф. Коршунаў

от сна, бѣгла до свекра своего Прияма, царя тройского. И почала, плачучи просити его, абы в день завтрешний не пущал на войну Ектора, сына своего, бо певне убит, мовит, буде. И сон ему сказала.

А коли назавтрее прибрався цар Ектор противко Ахиллѣю валчить, зашли ему тройскии пании, то есть Якама, мати, жена и сестри его, не допущаючи ему выходить на войну. Мати указовала ему перси, мовечи: «О сыну, вспомни, однак, на мои болѣсти, которнем през тебе подыймовала, то тепер не зоставляй мене без плоду. Услухай, а ужалуйся матки твоей». Жена теж его принесла сына своего и повергла его перед ним, мовечи: «Змилуйся наостаток и ужалуйся над тым маленким а милым сыном твоим, который се по тобѣ сиротою зостать мае». А он их жадною мѣрою не услухал а вышол противко Ахиллѣю. Всяко ж се з собою того дня не валчили, але учинили примире на два дни. Потом Ектор того ж дня выбил сем полков грецкого войска. А назавтрее зась Ектор, не утерпѣвши, выехал валчити з Ахиллѣем, которого наехал Ахиллѣй, пробил его копьем и с коня мертвого скинул. А потом, его взявши, до своего шатра принесл. Полки теж вси роспорошил и позабивал валечники.

Коли увѣдали княжата и панове тройскии о забитю Ектора, плакали ревно. А Приям цар, отец его, оболокшисе в подлыи а роздертыи шаты, и взявши гусли, шол до греческого обозу. И допытавшися Ахиллѣева шатра, пришол до него, играючи жалосно на гуслях, где накормили и напоили его з вечери за росказанем Ахиллея.

А коли в ночи вси уснули, Приям цар шукал в шатрѣ сына своего Ектора. И нашол его на постели мертвого лежачого з Ахиллѣем, которого видѣвши, Приям воздхнул зо всего сердца и заплакал. А Ахиллѣй, очутившися от сна, зляклъся велми и пытал его: «Кто есть?» А он рече: «Ям есть Приям, цар тройский. Шукаю Ектора, сына своего». Улякшися[1] зась, Ахиллѣй рече ему: «Поневажесь ты есть — от страху твоего естем мертвый». Рекл Приям: «Не бойся, пане мой, з дѣтинства того не чинил есм, абых кого спячого стратил. Але прошу тебе о Ектора, сына моего». И рекл Ахиллѣй: «Если мнѣ присягнеш на том, же мене з Трои мѣста выпустите здорового, теды я сам Ектора до мѣста понесу на плечах своих». И присягл Приям цар. Теды Ахиллѣй назавтрие, взявши на плечи Ектора, и принесл его до мѣста Трои и отдал его им почтиве. И рекл Приям цар до Ахиллѣя: «Пойдива до церкви бога Аполона и учинимо присягу и примире не воеватися межи собою, а дам за тебя дочку свою Полексену, которая есть межи всими невѣсты навдячнѣйша».

И сталося так. Первей Приям присягнул и отступил. Потом приклякнул Ахиллѣй присягать. В том Александр-Фариж, сын Приямов, который засадился потаемне, и устрелил его в самую

[1] спалохаўшыся.

пяту ядовитою стрелою. И утекл з божницы, бо был Ахиллѣй весь у зброи, толко плюсны[1] его были без желѣза. Довѣдалися о том Дисевес и Диоген и Еа, бо были з ним заедно в Трои, и припадши над ним, плакали ревно. А он ледвѣ промовил, мовечи: «Забил мене здрадливе Александр-Фариж». И то рекши, умерл.

Цар Прияи послал до обозу, ознаймуючи греком, штось з Ахиллѣем учинило, а пытаючи их, што мѣл чинити з оным тѣлом. А они приказали, тѣло его спаливши, попел его до них прислати. Учинил то так Прияи. Попел он, в золотую скринку всыпавши, послал до царев до обозу, где все грецкое рицерство плакало по так мужном а ни звитяжоном рицери. И там его поховали.

А узнавши Якама царевая тройская упадок мѣста Трои, Полидвора, сына своего меншого, заслала за море до Полинещора, царя погажского, абы ся не звѣл потомок Трои.

Потом же зась точилася битва велми великая по вси дни, же ся напоила крови вся земля тройская. Искомандрины быстри з кровю плынули. Але вѣщки всяко греком радили, мовечи: «Не возмете Трои мѣста през войну, если не учините над ним якой штуки».

И так умыслили. Учинили коня з дерева велми великого и засклепили в нем 300 велми валечных з оружьем рицеров. А сами якобы бѣжали до своего панства. А коня, оставивши у пристани моря а затаившися в островѣ, скрили.

Обачили трояне, же на пристани человека жадного немаш, дивовалися оному коневи, уробленому мистерне, ане розумѣли здрады. Одны радили коня оного огнем спалити, а другии — в море увалити. Але, коли был пришол от бога намененый час згинути мѣсту, урадили на хвалу звитежства[2] впровадит его до мѣста. И коли упровадили его до мѣста, стали вси ести, и пити, и играти, и безпечне през ноч оную спати. А рицерство грецкое, которое было в коню оном, выпавши, запалили мѣсто.

Теды грекове, котории се были до острова заховали, обачивши поломень великий в мѣсте, зараз приплынули в кораблях до Трои. А оное их рицерство, которое было в мѣсте, отворили им вси мѣстскии брамы, которими яко гвалтовная наплынуло до Трои грецкого люду, котории сѣкли, забияли и мордовали весь народ людский, который был в Трои. Не было взгляду на особы. Дѣточок маленких о мур розбияно, а болших мечем стинано. Паненок теж порывано несчадно, инших в мори топлено. И не было жадного дому, который не был кровю облитый. А иных мордов[3] не можна реч вымовити. Поймавши ж Александра-Фарижа и Елену царицу, привели их до царя Менелая, которим зараз головы поотинати[4] казал. Потом привели Поликсену, дочку Прияма, царя тройского, которой теж голову утяли на гробѣ Ахиллѣевѣ, же такий рицер а для еи марне згинул. Также стяли и Якаму царицу. А Трою, мѣсто на весь свѣт славное, все огнем выкотили и з грунту выверну-

---

[1] ступні, падэшвы. [2] перамогі. [3] здзекаў.

ли, иж праве не зостал камень на камени, которое аж и по сесь день стоит пусто.

Коли теж то увѣдал цар погажский, што се так стало Трои, забил Полидвора, сына Приямова, и вкинул его в море.

А так Менелай, цар грецкий, воротился до Грецѣи з славою а з звитежством великим. Стоял под Троею 10 лѣт и 7 месяцей.

И так конец стался тройскому панству.

А Ахиллѣй он был сын царя Каяты, а индѣ повѣдают Фирилеша.

Омир[1] — автор той Тройской повѣсти.

А индѣ пишут, же оную Поликсену один сенатор[2] тройский, именем Енея, заховал ю от смерти, иж ему была покревная[3], за што был от греков з панства выволаный[4], о чом зараз знай.

---

[1] Гамер. [2] На полі рукапісу: «княжа». [3] сваячка. [4] выгнаны.

ГИСТОРИЯ АЛБО ПРАВДИВОЕ ВЫПИСАНИЕ СВЯТАГО ИОАННА ДАМАСКИНА О ЖИТИИ СВЯТЫХ ПРЕПОДОБНЫХ ОТЕЦ ВАРЛААМА И ИОАСАФА И О НАВЕРНЕНЪЮ ИНДИЯН

Аповесць «О житии... Варлаама и Иоасафа», як і «Александрыя», была шырока распаўсюджана ў літаратурах сярэдневяковага Усходу і Захаду, дзе яна перакладалася на мноства моваў і выконвала ролю прапагандыста хрысціянскага веравызнання. Узнікла яна ў Індыі на аснове народных паданняў аб юнацтве Буды, вобраз якога пазней разросся ў вобраз вядомага хрысціянскага святога, легендарнага Іоасафа. З Індыі аповесць паступова прасоўвалася на Захад, і за час свайго падарожжа яна так абрасла новым матэрыялам, што цяпер немагчыма выявіць ні яе першапачатковага выгляду, ні тых напластаванняў, якія пазней згрупаваліся вакол сюжэта гэтай лягенды.

Сама лягенда, дзякуючы прастаце свайго сюжэта, звычайна застаецца нязменнай. Сюжэт яе наступны. Цару, у якога нараджаецца доўгачаканы сын, прадказваюць, што гэты сын абавязкова загіне або здрадзіць веравызнанню бацькоў, калі даведаецца пра няшчасці, якія пануюць на зямлі. У мэтах захавання сына, бацька імкнецца зрабіць усё магчымае, каб той не ведаў навакольнага жыцця з усёй яго горыччу. Але намаганні бацькі дарэмныя. Сын пазнае жыццё і сустракае пустэльніка, які схіляе яго да новай веры і адрачэння ад зямнога жыцця. Царэвіч прымае новую веру, далучае да яе свайго бацьку і народ, а потым пакідае свецкае жыццё і сам становіцца пустэльнікам.

На гэты просты сюжэт, які перажыў потым рад відазмяненняў у залежнасці ад таго або іншага рэлігійнага і сацыяльнага асяроддзя, куды ён трапляў, напластоўваліся шматлікія павучальныя апавяданні-прытчы. Яны і саздзейнічалі шырокай папулярнасці аповесці і былі тым няўстойлівым матэрыялам, які з асаблівай лёгкасцю падвяргаўся ўвесь час зменам, устаўкам і скарачэнням.

Першая вядомая нам пісьмовая апрацоўка аповесці «О житии... Варлаама и Иоасафа» з'явілася ў Іране ў VI—VII ст. ст., у часы кіраўніцтва дзяржавай

Сасанідамі. Гэтая апрацоўка і паслужыла арыгіналам для пазнейшых перакладаў на іншыя мовы, у тым ліку і еўрапейскія.

Усходнім славянам аповесць стала вядома каля XII ст. па грэчаскай версіі, якая ўзнікла ў Палесціне ў IX ст. і рэдактарам якой доўгі час па непаразуменню лічылі славутага багаслова, гімнатворца Іаана Дамаскіна, памёршага каля 749 г. У працэсе распаўсюджвання на Русі пераклад аповесці з грэчаскай версіі падвяргаўся ў сваю чаргу творчым апрацоўкам: перараблялася і сама аповесць і некаторыя яе прытчы, якія пазней увайшлі ў склад многіх рэлігійна-павучальных зборнікаў.

На тагачасную беларускую літаратурную мову «для утѣхи и ползы християнской» аповесць была перакладзена «старанем и коштом иноков общежителного монастыра Кутеенского» ў 1637 г. у Оршы. Ініцыятарам перакладу і надрукавання яе быў магілёўскі архімандрыт Варлаам Палоўка. Неабходнасць перакладу «Гистории... о житии... Варлаама и Иоасафа» на беларускую мову, апрача жадання даць праваслаўнаму чытачу павучальнае чытанне «под час утисненя церкви православной», было абумоўлена і палемічнымі мэтамі. Выданнем гэтай кнігі трэба было даказаць беспадстаўнасць сцверджання езуіцкага прапаведніка Пятра Скаргі аб тым, што ў айца Усходняй царквы — Дамаскіна ёсць указанне на паходжанне святога духа не толькі ад бога бацькі, але і ад бога сына. Пераклад аповесці быў зроблены, як зазначана на цітульным лісце, з дзвюх крыніц: грэчаскай і славянскай.

«Гистория... о житии... Варлаама и Иоасафа» на працягу свайго шматвяковага жыцця заўжды карысталася нязменным поспехам. Яе прытчы пранікалі ў фальклор, рэлігійныя пропаведзі XVII і XVIII ст. ст., «Богагласнікі», а пазней і ў мастацкую літаратуру, напр. «Дзве аповесці» Жукоўскага, «Тры праўды» Майкава, паэма І. Франка «Прытча пра жыццё» і інш.

Ніжэй пададзеныя ўрыўкі з аповесці аб Варлааму і Іоасафу друкуюцца па экземпляру выдання Кутэенскага манастыра 1637 г., які зараз знаходзіцца на захаванні ў Дзяржаўнай бібліятэцы імя У. І. Леніна ў Маскве.

ГЛАВА I

О наверненъю индов през святого апостола Фому и королю инъдийском Авеннѣру

Индиа краина ест великая и людная, которая далеко от Египту лежит и от стороны египетской. Отголь море заходит. Землею зась до перских границ досѣгает. Тая теды (краина. — *А. К.*) темностю балвохвалскою[1] пред тым была огорнена и барзо грубыми обычаями заражена и в спросных[2] злостях ся найдовала...

Так працягвалася да нараджэння Ісуса Хрыста. Пасля смерці і ўваскрашэння Хрыста яго вучні разышліся па ўсяму свету прапаведваць вучэнне свайго настаўніка.

На тот же час и святѣйшый Фома, один з дванадцати Христовых апостолов, до Инъдии для проповѣди збавенной науки посланый был. За помочью теды божиею и за потверженем през послѣдуючии знаки поганских забобонов темность отгнана ест. И они, от балвохвалских офѣр и службы будучи вызволени, до правой вѣры себе прилучили. А так през апостольские руки, якобы отрожени з Христом през крещение, поеднани сут. И помалу ся множачи

[1] язычаскай. [2] непрыстойных, ганебных.

в вѣре, намнѣйшой змазы[1] не маючой, поступовали и церкви по всем панствѣ будовали. А кгды зась в Египтѣ манастиры закладать и законных людей немалые згромаженя почалися збирать, и оных цнот и живота ангелского слава по всем свѣтѣ ся розышла и аж до индов завитала, их теж до такого ж жития побудила так барзо, же много их, опустивши все до пустыни уходили и в смертелном тѣлѣ безтелесный живот прыймовали.

Кгды теды речи в так знаменитом постановеню были, и золотыми крылами (яко ся звыкло мовити) на небо многие взлѣтали, повставает нъякий кроль в том же панъствѣ именем Аввенир, муж в правдѣ, богатством и потужностю[2], звытяжствами[3] и дѣлностью военною, и взростом ведлуг тѣла значный, а надто пиекностю[4] облича знаменитый, и з свѣтских и барзо прудко вянучих речий повоженя[5] над мѣру ся выносячи. Але зась иле[6] взглядом души великий терпѣл недостаток, многими злостми будучи стисненый и зараженый, иж ся в поганствѣ найдовал и в забобонах балвохвалских велце ся кохал. А кгды кроль в великой роскоши и потѣхах телесных найдовалъся и на жадной[7] речи, чого бы похотѣл и прагнул, не сходило, тое толко само потѣху его прерывало и сердце фрасунком[8] наполняло, то ест иж был безпотомный, абовѣм дѣтей не мѣл. О тое ся фрасовал, яким бы способом от того звязку волным был и, сплодивши потомство, отцем назватися могл, над которую реч посполите[9] у многих ничого немаш вдячнѣйшого. И такий был тот кроль, и такого умыслу и розуменъя.

Презацный зась народ християнъский и згромаженя иноков, кролевскую службу и честь за ништо собѣ важачи, а ни ся его срокгости боячи, през ласку божую знаменитые поступки чинили. В невыповѣденом множствѣ ся найдуючи, ничого ся бынамнѣй[10] на кроля не оглядали а службы божей з великою горячостю пилновали. Для того теж многие з них, которые до иноческого чину ся удавали, всѣ речи в том свѣтѣ потѣшные охотне занедбывали а в самой ся побожности кохали и прагненем смерти за Христа и пришлого[11] благословенства милостю палали. И для того не ляккливым и не трвожливым сердцем, але барзо смѣлым и статечным[12], спасителное Христово имя выславляли и Христа единого в устѣх своих мѣли, оминаючую и сказителную[13] дочасных речий натуру, а пришлого живота певность и несмертелность, всѣм ясне и открыте указовали, и як нѣякие побудки[14] и насѣня им подавали, за которыми бы ся до бога удали и живота в Христѣ скритого доступили. З чого многие, найсолодшей тоей науки послухавши, от срокгой темности ошуканя отступовали а до вдячной правды свѣтлости прылучалися так барзо, же нѣкоторые и зацные мужеве и сенаторы, откинувши того свѣта тяжары, в зебране иноков себе поличили.

---

[1] знявагі, ганьбы. [2] магутнасцю, сілаю. [3] перамогамі. [4] цудоўнасцю, прыгажосцю. [5] поспехаў, удач. [6] але ж колькі. [7] ніякая. [8] смуткам, непакоем, трывогай. [9] звычайна, заўсёды, часта. [10] ні ў якім разе. [11] будучага. [12] сур'ёзным. [13] разбуральную, спусташальную. [14] стымулы, заахвочванні.

Кароль, убачыўшы ў гэтым страшэнную небяспеку, загадаў усім манахам вярнуцца да ранейшага жыцця, у адваротным выпадку пагражаў суроваю караю, якую ён у хуткім часе і пачаў прымяняць. Але змяніць становішча каралю не ўдалося. Нават любімы яго сенатар — галоўны гетман (гл. главу 2-ю) не паслухаў парад караля і ў асабістай размове з ім даказваў яму перавагу духоўнага жыцця над свецкім. Аднак гэта не пераканала караля, і ён з яшчэ большым запалам прыняўся за знішчэнне манахаў.

ГЛАВА 3

О нароженю Иоасафа Кролевича и што о нем астролиогове оповѣдили

Кгды теды кроль в так тяжком блудѣ и ошуканю зоставал, уродилъся ему сын барзо пиенкный. И з тоей пиенкности, оказуючейся на нем, што мѣло быть з него, презначаючи [1]; бо так всѣ повѣдали, же в той земли дитя таковой пиенкности и цудности никгды пред тым не было видѣно. Кроль прето, з нароженя будучи потѣшеный, Иоасафом его меновал и до болванских божниц, як безрозумный, пошол, абы безрозумнѣйшим офѣры принесл. И оным за тое подяковане, на знак вдячности, учинил, не вѣдаючи запевне, хто бы был всѣх добр правдиве початком, которому духовную офѣру принести был повинен. Он теды, речам бездушным и нѣмым нарожене сына прыписуючи, всюды посланцев розославши, все посполство [2] на обхожене его родин зобрати старался. И было видѣть всѣх для боязни кролевской збѣгаючихся и з собою речи належачие до офѣр приносячих, кождый ведлуг своего преможеня и охоты своей противко нему. Особливе зась он сам до щодробливости побудку чинил, як найболей и найболшых волов забиваючи, офѣровал. И таким способом велце знаменитый празник отправивши, всѣх як сенаторского стану и на урядах будучих, так жолнѣров, и посполитых и селян великими подарками осмотрыл.

В той же самый день обхоженя родин сыновских выборных мужей якобы пятдесят, которыи ся в халдейской мудрости около прысмотрованя и розезнаня бѣгов небесных бавили, до кроля събрало. Которым, росказавши на покой до себе прыйти, от каждого з особна вывѣдовался, што бы з новорожоного дитяти напотом мѣло быти. Они зась, розне мыслячи, повѣдали, иж маеть быти богатый и можный и всѣх первых кролев маеть превышшити. Один зась астролиог, биглѣйший в науце над всѣх товарышей своих, так повѣдѣл: «Иле [3] з небесных звѣзд бѣгу зрозумѣти могу, кролю, — сына, тобѣ тепер урожоного, зацность и велможност не в твоем кролевствѣ будет, але в другом, лѣпшом и барзо значнѣйшом. И розумѣю о нем, же ся до вѣры християнской, которую ты преслѣдуеш, удасть, ани сподѣваюся, абы мѣл от того пред се взятя и надѣи отступити».

---

[1] У тэксце памылка, павінна быць: «презначали». [2] насельніцтва. [3] колькі.

Тое зась оповѣдѣл астролиог, як пред тым Валаам: «Не жебы астролиогия на правдѣ ся садила, але бог, оттинаючи незбожным вшелякую вымовку, правду през самых неприятелей обявил».

Кроль теды, як послышал такое ознаймене, тяжким и смутным сердцем прынял и утѣху его ему так пресѣкл. Еднак же и особливом едном мѣстѣ барзо оздобный палац збудовавши и дом коштовный в нем зготовавшы, там сына засадил и росказал, абы, кгды почнет выростать, никому до него ходити не допускали. И научителей и слуг молодых и красных до него приставивши, тое им росказал, абы ему жадных речий на том свѣтѣ смутных не обявляли, ани смерти, ани старости, ани хоробы, ани убозства, ани жадной якой нендзы [1], которая бы его утѣсѣ перешкодити могла. Але всѣ речи утѣшные и найвдячнѣйшие прекладали, абы в тых самых умысл его, в веселю и роскоши забавлячися, ничога згола о прышлых речах мыслити не могл, а над то и одного слова о вѣрѣ Христовой и его науце не послышал: абовѣм тое пред ним над всѣ речи укрыти на умыслѣ мѣл, астролиокга оного особливе боячися пророцства. А если ся которому з слуг прыдало в хоробу впасти, того зараз оттоль выпровадити казал, а иншого свѣжого и добре здорового мѣсто его подавал, абы ся вшеляко ничого шпетного [2] и прыкрого пред очима его не найдовало.

Таким ся способом кроль заховал и тое мыслил и справовал, видячи бовѣм не видѣл, и слышачи не розумѣл.

А кгды певную вѣдомость взял, иж нѣкоторыи з иноков, которых ани слѣду позосталого быть розумѣл, еще ся найдують, велце ся гнѣвом запалял и окрутне [3] противко их порушал. И возным [4] всюды, по всем мѣстѣ и кролевствѣ, бѣчи росказал, абы нихто з иноков жадным способом нигде по трех днях не нашолся, а если бы по назначеных днях найденый был, абы на огень был поданый. «Тыи абовѣм суть, — мовил, — которые людей зводят, абы роспятого на крестѣ за бога чтили».

А в том часѣ такось ся нѣшто прыдало, же его барзѣй до гнѣву побудило и противко иноков горшым непрыятелем учинило.

ГЛАВА 4

О сенаторѣ одном, который потаемне вѣры християнской ся держал, и о двох иноках спаленых

Межы сенаторами был один, который первшым был на дворѣ кролевском, человек доброго живота и вѣрою побожный и о своем збавеню пилное чинил старане, еднак з тым таился, боячися кроля. Прето ж нѣкоторые, для тоей поваги, которую великую мѣл у кроля, зайзрячи [5] ему, спотварити [6]

---

[1] беднасці, нястачы. [2] брыдкага. [3] люта. [4] ураднік, у абавязкі якога ўваходзіла вызначэнне віноўнасці каго-небудзь. [5] зайздросцячы. [6] запляміць.

его старалися и барзо се на то усадили. И одного часу, кгды кроль з своим рыцерством, ведлуг звычаю, выехал в ловы, в личбѣ дворян и той цнотливый муж был, который, кгды особне ся отдѣливши ѣхал, — з бозкого, як розумѣю, зпоряженя, — человѣка, в густвинѣ на земли лежачого и ногу сродзе ображеную от звѣра маючого, нашол, который, его идучого видячи, пилне просил, абы его не минал, але, змиловавшися над прыпадком его, до дому своего отпровадити постарался. До того и тое прыдал, иж за тую працу ему не непожитечным [1] и не непотребным мѣл быть. Презацный зась муж оный ему повѣдѣл: «Я заправды, для охоты и милости к цнотѣ, тебе возму и о тобѣ як наболшее старане буду чинити. Але што ж ми з тебе так может быть пожытечного, як мовиш?» Убогий зась оный и недолужный [2] речет: «Я, — мовит, — помылку в словах лѣчу. Абовѣм, если ся коли в словах або розмовѣ ураз [3] який або послизнене найдеть, певнымь лѣкарством оные лѣчу и, жебы ся злое далей не ширило, забѣгаю». Побожный зась оный муж, ачколвек што он повидѣл, за ништо собѣ почитал, еднак же взглядом прыказаня панского оного до дому своего занести и ведлуг слушности огледати росказал.

Леч ненавистные оные и зазростю порушеные люде, о которых пред тым мовилисмо, злость, которую давно уже кновали, выявляючи, оного до кроля таким способом оскаржают, иж не толко хвалы богом отдавать понехал и до християнской вѣры умысл склонил, але якобы теж противко маестатови кролевскому речи шкодливые замышлял, то ест людей посполитых подбуряючи и у всѣх ласку собѣ еднаючи. А хочеш ли о том певнѣй вѣдать, мовять, же ничого не змышляем ани даремне удаем, на особности, досвѣдчаючи его, рекни, иж, опустивши отцевскую вѣру и славу кролевскую, хочеш вѣру християнскую прыняти и габит [4] законный, который як мало почесный ненавидѣлесь, на себе взять.

Кароль прыняў параду і вырашыў праверыць адданасць свайго любімца. Каралеўскі любімец выслухаў караля і, не падазраючы аб рэлігійным выпрабаванні, згаджаецца з «жаданнем» караля і тым самым наклікае на сябе яго тайны гнеў. Зразумеўшы сваю памылку, любімец звяртаецца за парадай да выратаванага ім убогага. Убогі, выслухаўшы ўсю яго гісторыю, дае яму наступную параду:

«Вѣдать маеш, презацный мужу, иж кроль злое и опачное [5] взял о тобѣ мнѣмане, то ест як бысь его кролевство прагнул посѣсти и, хотячи тебе досвѣдчить, то мовил, што мовил. Прето ж встань, а острыгши голову и свѣтное тое одѣне скинувши, а волосеницу на себе вложившы, як наранѣй пойди до кроля. А кгды тебе спытает, на што бысь ся так прыбрал, оповѣж: в той речы, о чомесь вчерашнего дня зо мною мовил, кролю, о том ся ставил готовый будучи за тобою пойти в тую дорогу, в которую запуститися замыслилесь. Бо, хотя роскоши и утѣхи милые суть, неслушнаа ми реч еднак оных без тебе заживать. Але зась цноты дорога, в которую пойти зезволяеш,

---

[1] небескарысным. [2] кволы. [3] удар, траўма. [4] выгляд, аблічча, вобраз. [5] памылковае.

хотя ест тяжкая и прыкрая, еднак, толко бым з тобою был, лацная и вдячная будет. Як бовѣм мене мѣлесь по тѣх того жывота таваришем, так теж и трудностей будеш мѣть, абым теж и прышлых добр з тобою участництво прынял».

Презацный теды оный муж, хорого человѣка слова похвалившы, так учинил, як ему порадил. Которого обачивши, кроль, и такие слова послышавшы, велце ся з того утѣшил, его ся приязни противко собѣ дивуючи, и, фалшывые речи на него собѣ донесеные зрозумѣвшы, в болшом его пошанованю и повазѣ у себе и захованю мѣл. Леч противко законных людей знову ся гнѣвом запалил...

А кгды знову (кроль. — *А. К.*) в ловы выѣхал, двох иноков, в пустыни идучих, обачил, которых зараз поймати и до воза своего прыпровадити росказал. И запалчиве на них пойзрѣвши и огнем, як мовят, дышучи: «Азали [1] не слышалисте, — мовил, — зводителе и выволанцы, возных моих, явне оголошаючих, абы нихто з вашего дияволского закону по третем дни в мѣстѣ котором албо в всем кролевствѣ моем не нашолся, бо иначей вшеляко, абы на спалене был поданый!»

Инокове зась о то мовят: «Ведле твоего росказаня з мѣст твоих и панства выходимо. Але, иж далекую дорогу пред се взялисмо, хотячи до братии нашей зайти, а наживности нам сходит, тоею дорогою идучи, оную збираем, жебы нам живности достало, абысмо от голоду не устали».

Кроль зась речет: «Хто ся смерти боит, дармо ся тот о живность старает». Инокове зась: «Добре рекл кролю, — мовят, — которыи ся смерти боят, о тое ся старають, як бы оной увошли. А которые ж тыи суть? Не иншые, толко которые над речами сказителными [2] схнут и оным ся запаметале дивуют, которые, иж в прышлом жывотѣ ничого доброго одержати не сподѣваются, от дочасных оторватися не могуть и для тоей прычины смерти ся боять. Мы зась, которыисмо давно вже свѣт и што на свѣтѣ ест зненавидѣли, а тѣсною и узкою дорогою для Христа идемо, ани ся смерти боимо, ани речий дочасных пожадаемо, але прышлых добр всею душею прагнемо. Иж прето смерть тая, которую нам задаете, до вѣчного и лѣпшого жывота прейстьем ставается, для того рачей [3] утѣхою нам ест, а нижли боязню».

Тут кроль, пустелников хотячи хитре уловити, рекл: «Што ж ест, азалисте не повѣдѣли, иж уходите, абысте моему росказаню досыть учинили. А если ся смерти не боите, для чого ж утѣкаете? О то и в том, даремне и порожне хвалячися, солгалисте». Отповѣдѣли пустелницы: «Не для того уходимо, абысмо ся от тебе оповидѣной смерти бояли, але тебе жалуючи, абысмо тяжшеи муки тобѣ прычиною не были, уступити замыслилисмо. Иначей абовѣм, иле взглядом нас, жадных ся погорожок твоих не боимо».

На тые слова кроль, гнѣвом порушеный будучы, оных спалити росказал. Так теды слуги божии, живота доконавши, мученической

---

[1] хіба. [2] спустошанымі, зруйнаванымі. [3] хутчэй, лепей.

короны през огонь доступили. И зараз вырок учинил, абы, если бы ся где колвек который инок нашол, без жадного суду был загубленый. Прето жаден з того закону в оной сторонѣ не остал, толко если ся которые в горах и яскинях [1] и печерах земных крыли. Леч о том досыть.

ГЛАВА 5

О сыну кролевском и як ему отец его позволил колко бы крот хотѣл з палацу своего выходити

Сын зась кролевский, о котором ся почало мовити, в палацу для него збудованом, так мешкаючи [2], же жаден до него не могл дойти, аж до взросту млоденческого [3] прышол, и том часѣ и вшелякой так муринской, як и перской науце выцвичившися [4]. был мудрый и розсудный и во всѣх цнотах [5] значный. Над то еще прыроженые нѣякие квестии [6] задавал научителем своим, так же ся и сами они довтипови [7] млоденца и острому розумови дивовали.

Кроль теж сам оздобной твари [8] его и ростропности здумѣвалъся [9]. Росказовал зась пры нем мешкаючим, абы ся старали, жебы згола [10] ничого о тых речах, которые в том животѣ смутные суть, не вѣдал, иже смерть тые дочасные утѣхи пресѣкает. Леч на порожной надѣи ся садил, и як в прыповѣсти ся обносит, в небо стрѣляти покушался. Яким абовѣм способом смерть рожаеви [11] людскому может быти невѣдома. Прето ж ани того млоденца вѣдомости ушла. Абовѣм, маючи розум быстрый и выцвиченый, сам в собѣ уважал, што бы до того отца привело, же до него всѣм пристя боронил и недопускал, бо сам през себе знал, иж ся тое кром отцевского росказаня не дѣяло. Еднак же самого спытати боялъся як для того, иж бы ему правды был не повѣдѣл, кгды ж отец тое, што бы ему было пожытечного, усмотровал, так теж в собѣ уважал, если бы ся то за волею отцевскою дѣяло, хотя бы ся як найболѣй о том пытал, николи бы еднак самой правды ся от него не довѣдал. Прето ж от других, а не от отца о том довѣдатися постановил.

А так, маючи одного з учителей своих собѣ милшого и зычлившого и оного еще болшею поволностю своею потягнувши и барзо значными подарками осмотривши, от него ся вывѣдовал, што бы до того кроля прывело, же его в том затворѣ замкнувши держал. Тое теж прыложыл: «Если ми о том щыре ознаймиш, над всѣх тебе вывышу и вѣчную з тобою приязнь учиню».

Научитель зась, будучи теж сам мудрый и розсудный, и млоденца быстрый довтип и зо всѣх мѣр доскональый розум добре вѣдаючи, же ся ему за тое ничого злого не станет, розумѣючи, все ему до найменшей речи ознаймил, то ест и о преслѣдованю про-

---

[1] бярлогах. [2] жывучы. [3] юнацкага. [4] навучыўшыся. [5] дабрачыннасцях. [6] пытанні. [7] трапнасці. [8] прыгожага выгляду. [9] дзівіўся. [10] зусім. [11] роду.

тивко християн, а особливе противко тых, которые себе всѣх на службу божую отдали и як зо всѣх околичных мѣст выгнаны суть и выволаны [1], и о том теж, што пры нароженю его астролокгове оповѣдѣли. «Абысь прето, — мовит, — о их науце послышавшы, оной лепѣй ниж нашу вѣру не принял. И для того так ся кроль стараеть, абы ся не многие около тебе отирали, але нѣкоторые толко. И нам теж пилне а пилне прыказал, абысмо ся старали, яко бысь ся о жадных речах смутных того жывота от нас не довѣдал».

О том послышавши, млоденец далей з ним ничого не мовил. Еднак же збавенная мова доткнулася сердца его и ласка Параклитова душевные очи его оттворяти почала...

Кгды теды кроль, отец его, часто оного навѣжал, — великую абовѣм до него мѣл любов, — одного дня в тые слова речет до него: «Кролю, пане мой, хочу ся довѣдати от тебе нѣштось! Для чого уставичный [2] смуток и неуставаючий фрасунок [3] сердце мое зѣдаеть и забивает?» Отец зась, тыми словами на сердцу преpаженый, речет: «Повѣж [4] ми, намилший сыну, што за смуток тебе заходит, и зараз его на веселье отмѣнити постараюся». Тогды млоденец: «Повѣж мнѣ, — речет, — што ест за причина, же естем в таком задержаню и межи тыми мурами и замками естем зачиненый, и так зоставаю, же нихто до мене прийти и видѣтися не может?» «Поневажь, о сыну, — поведѣл кроль, — хочу, абысь того ничого не видѣл, што бы сердце твое засмутило и утѣху твою прервала. Абовѣм тое чиню и упатрую [5], абысь в уставичных роскошах и в вшеляком веселю и доброй мысли по ввесь вѣк жывота своего зоставал». Отповидѣл ему зась сын: «Прошу, кролю, пане мой, вѣдай запевне, иж таким способом не в веселю и доброй мысли, але рачей в смутку и великом стисненю жывот проважу. Также ми теж и самый покарм и напой прикрый ест и горкий, абовѣм прагнеть сердце мое, што ся за тыми мурами дѣеть, видѣти. Прето, если прагнеш, абым веселый и утѣшный живот провадил, дозволь же мнѣ, абым ведлуг воли моей за ворота выходил и з тых речий, огляданя которых мнѣ видѣти не допускают, утѣшалъся».

Тое кроль послышавши, засмутился и тое помыслил, же, если бы ему чого жадаеть отмовил, болшый бы ему смуток и фрасунок задал. Прето, штобы ся ему подобало, учинити обецал. И зараз знаменитыи кони и рыцерству своему, ведлуг кролевской годности, наготоватися росказал, и оному колко бы раз проежчатися захотѣл позволил. Тым зась, которие ся при нем бавили, пилне росказал, абы стерегли, жебы ся ему ничого шпетного пред очи не наражало, але все, штобы было красного и веселого и вдячного, тое ему указовали и розные игры вымышляли, абы такими речами мысль свою забавлял и утѣшал.

Кгды теды таким способом кролевский сын часто проежчался, одного дня, за неосторожностю слуг двох мужей обачил, з которых

---

[1] пракляты. [2] пастаянны. [3] клопат. [4] паведамі, скажы. [5] наглядаю.

один был трудоватый [1], а другий слѣпый. Которых обачивши и на умыслѣ засмутившыся, от тых, которые при нем были, штобы зач [2] и якие бы так чудные дивовиска были, довѣдовался. Они зась, иж того, што ся ему пред очи натрафило [3], утаити не могучи, уломности [4] людские быть повидѣли, которые з зепсованой матерыи и телесных злых вилкготностий на людей звыкли припадати. «На што, —речет он, — на всѣх же то людей звыкли прыходити?» «Не на всѣх, — повидѣли они, — але на тых толко, которых ся здоровье для злых вилкготностей нарушило». Знову теды далей пытатися не перестал млоденец. «Если не всѣ люде звыкли впадати в тые уломности, але нѣкоторые толко, ест ли вѣдомо, на которых тые нендзы мают прыйти, або рачей противным способом без жадного взгляду изненацка [5] родятся?» Отповѣдѣли они: «И хто ж з людей пришлые речи видѣти и оные зрозумѣти можеть, тое абовѣм натуры людской розум переходит, и самых несмертелных богов есть то власность».

Тут пытатися в правдѣ сын кролевский перестал. Але з того, што видѣл, жалосным был на сердцу. И тоею речью новою так был порушеный, же ся постава лица его змѣнила.

Знову зась, кгды проежчаючися, нѣякого престарѣлого старца натрафил, маючого зморщеное лице, ослабѣлые и скрывленые ноги, згорбленое тѣло и голову барзо посивѣлую, который до того жадных зубов не мѣл, и штось незначного, и пересѣкаючи слова, мовил. Подивенем прето знятый, росказавши ближей привести того человѣка, будучих при боку своем, пытался: якое бы так незвычайное дивовиско было. Они зась повѣдѣли: «Тот человѣк ест вѣку подешлого и за уступенем злегка сил и ослабеньем члонков до тоей, як видиш, пришол нендзы». «И який же, — речет он, — конец его будет?» «Не иншый, — повидѣли они, — толко умерети мусит». «Всѣм же то людем, — мовит, — ест назначено, або нѣкоторым толко прыпадает?» Отповѣдѣли они: «Если смерть упередившы, которого тут не зайдет. Иначей быти не может, абы за наступенем болших лѣт такого ж стану не дознал». Затым речет млоденец: «Которого ж року тое на кого прыпадает? И если вшеляко каждый умерети мусит и жадного способу немаш, як бы смерти увойти и в тую нендзу не впасти?» Повѣдѣли ему: «В осмъдесятом або сотном року до тоеи старости люде прыходят, а затым умирают; ани может быти иначей, долг абовѣм прырожоный ест смерть, на люди з початку вложеный. И нихто от его волным быти не может».

Даведаўшыся аб гэтым, Іоасаф засумаваў і пажадаў сустрэць чалавека, які мог бы даць яму добрую параду і суцешыць яго.

Пасланы богам пустэльнік Сенарыцкай зямлі Варлаам ідзе прапаведваць Іоасафу хрысціянскую рэлігію (гл. главу 6). У адзенні купца ён пранікае ў палац царэвіча і размаўляе з ім. Размова Варлаама перасыпана прытчамі — г. зн. апавяданнямі, якія выражаюць пэўную маральна-дыдактычную ідэю ў алегарычнай форме.

---

[1] хворы, пракажоны. [2] азначала. [3] папалася, трапіла. [4] хваробы. [5] раптоўна.

[Прытча пра скрыні]

Был абовѣм некгдысь великий нѣякий и знаменитый кроль, которому, кгды на золотом возѣ з немалым рыцерством, маестатови его кролевскому годным, ехал, придалося двох мужей в ошарпаном и шпетном одѣнью, на твари худых и барзо блѣдых, поткати. Кролеви теды вѣдомо было, иж з утруженя телеснаго и з працы жывота, богу посвеченого, тѣло свое так высушили. Як прето их обачил, з воза прудко порвавшися и до земли припавши, оным поклонился, а затым повставшы, барзо любовне облапил и поздоровил.

Сенаторове зась его и преложоные о то за зле мѣли, розумѣючи тот учинок противный быти маестатови кролевскому, але, иж жаден з них явне о тое карати его не смѣл, рожоного брата его направили, абы кроля упомнѣл, жебы стану своему зацному и высокому такой зневаги и зелживости не чинил.

А кгды он брату своему о том повѣдѣл и непристойное и мнѣй пожитечное его понижене зганил, отповѣдь ему кроль учинил, которой он намнѣй не зрозумѣл. Звычай абовѣм был у кроля, же кгды мѣл кого смертю скарати, возного з трубою, которая для того смертелною ся называла, пред ворота посылал. И от трубного голосу вси познавали, иж мѣл умерети. А так под вечер з оголошенем трубным пред дверы брата своего кроль послал, которую кгды он послышал, звонтпившы[1] о своем здоровю, през всю ноч дом свой росправовал. Рано зась, в чорное и жалобное одѣне прибравшися, з жоною и з дѣтми, плачучи и нарѣкаючи, пошол до палацу кролевского.

А кгды его кроль до себе припустил и так плачучого обачил, тых слов до него зажил: «О глупый и безрозумный человѣче! Еслись ся брата твоего, з которым одного естесь рожаю и ровной чести, против которому ни в чом никгдысь не выкрочил, возного так побоял, яким же способом смѣлесь мене з того штрофовати[2], ижем бога моего проповѣдников, который мнѣ смерть и страшное прысте пана моего, против которому иж многие и тяжкие злости пополнилем знаю, над вшелякую трубу голоснѣй и огромнѣй оповѣдают, покорне и унижене поздоровил? О тож тепер, абым твое глупство зганил, того способу ужилем. Так же и тых, которые тебе, жебысь мя з того штрофовал, подмовили, зараз глупство и небачене окажу».

И так згромивши и пожитечне упомневшы, брата своего до дому отослал. Росказал зась з дерева уробить чтыры скрыни, з которых дрѣ, отвсюль золотом оправившы и смердячие трупие кости в оные накидавши, золотыми замками их замкнул. Другие зась двѣ смолою и клеем обмазавши, и дорогого камѣня, и знаменитых перел и вшелякых пахнучих олѣйков наклавши, и волосяными поврозами обвезавши, сенаторов своих, от которых для ушанования оных мужей был штрофованый, до себе прызвал и пред ними тые чтыри

---

[1] спалохаўшы. [2] дакараць.

скрыни поставил, абы шацовали, як много бы тые и як много бы зась овые стояли.

Они зась тые его позолоченые великое цены годные быти повѣдали, слушне абовѣм рекли, жебы в них кролевские короны и клейноты[1] были хованые. Смолою зась и клеем обмазаные подлые и жадной цены негодные быть повѣдѣли.

Кроль зась им повѣдѣл: «И я тое вѣдалем, жесте так мѣли речи, абовѣм телесными очима на видомые речи смотрите. Але не так маете чынити, леч внутрними очима люб цену, люб подлость и шпетность, внутр будучую, усмотровати треба. И зараз позолоченые скрыни одомкнути росказал, з которых тяжкий и прикрый смрод выступил, и брыдкие речи в оных видѣти ся дали. За чим повѣдѣл кроль: «То кшталт тых людей ест, которые свѣтных и коштовных шат заживают и для великой славы и можности над мѣру ся выносят, внутр еднак смердячих костей и злостей сут полные». Потом зась смолою и клеем обмазаные розвязати казал. Всѣх будучих на тот час ясностю и вдячною вонностю речий в них положеных утѣшил. И повѣдѣл им: «Вѣдаете ж, кому тые скрыни подобные сут: покорным оным и взгорженым мужем и подлым одѣнем прыбраным, на которых бы позверховный габит смотрячи, за взгарду и зелживость тосте ми почитали, жем ся пред ними до земли поклонил. Я зась их годность и пиенкность души, очима духовными уважаючи, з дотыканя ся оных славы доступилем и над вшелякую корону и оздобу кролевскую зацнѣйшых быть розумѣлем.

Таким прето способом их завстыдал и, жебы на видомых речах не ошукивалися, научил, але на внутрние пилное око мѣли...

[З главы 10. Прытча пра салаўя]

Повѣдал (адзін муж. — *А. К.*) абовѣм, иж балвохвалцы[2] едному ловцеви суть подобны, которий кгды соловъя, барзо малую пташечку, поймал и нож взял, абы его зарѣзал и зъѣл, той, маючи собѣ позволеную мову, речет до ловца: «Што ж тобѣ, человѣче, з моей смерти за пожиток будеть? Ани бовѣм мною твое чрево наполнити зможеш. Але, если мя выпустиш, троякую науку тобѣ подам, которой если будеш постерегати, великих пожитков по ввесь вѣк свой дознаеш». Он зась, его словам задивовавшися, обецал тое учинити, и если бы што нового от него послышал, зараз мѣл его выпустити.

Обернувшися затым, соловѣй речет человѣку: «Никгды о тую реч не покушайся, которои доступити не можеш. Никгды речи прешлой[3] не жалуй. Речи неподобной николи не вѣр. Тые три науки заховай и добре ся с тобою дѣяти будет».

---

[1] каштоўнасці, атрыбуты ўлады, рэгаліі, дваранскія гербы. [2] ідалапаклоннікі. [3] мінулай.

Он зась, тых слов розуму и мудрости задивовавшися, его, з силца отвязавши, выпустил. А соловѣй, хотячи досвѣдчити, если бы он тых слов слышаных от него силу зрозумѣл и який з оных пожиток взял, по повѣтру лѣтаючи, речет до него: «Бѣда тобѣ, человѣче, иж ничого в собѣ не маеш розсудку: який жесь скарб сего дня стратил? Бо есть в моем черевѣ перла, болшая над яйце струсее». Што он послышавши, велце ся зафрасовал и жаловал, же соловѣй з рук его ушол. И знову, его поймать кусячися, рекл: «Пойди, прошу, до дому моего, и кгды тя значне учестую и людскость покажу, потом з почестю тебе отпущу».

Соловей зась ему повѣдѣл: «Тепер ясне вѣдаю, ижесь глупый и безрозумный, абовѣм принявши з охотою, што тобѣ было речено, и вдячне выслухавши, ничогось з тых слов пожитку не одержал. Упоминалем тебе абовѣм, абысь речи прошлой не жаловал, а тось ся для того зафрасовал, ижем з рук твоих вымкнул, будучи жалем знятый для речи прешлой. Научилем тя, абысь ся о тую реч не кусил, которой дойти не можеш, и еднак поймати мене важишъся, не могучи дороги моей постигнути. До того и тое повѣдѣлем тобѣ, абысь речи неподобной никгды не вѣрил. А ты еднак, абы перла болшая взросту моего в черевѣ моем была, увѣрилесь. И не мѣлесь с так много розсудку, абысь зрозумѣл, иж и ввесь не естем так великий, як яйце струсѣе. Яким же способом тое тѣлце так великую перлу вмѣстити бы могло?»

Прето таким же способом и кланяючийся балваном в великом глупствѣ зоставают, абовѣм оные руками своими выробили и дѣлу рук своих кланяются, мовячи: «Тые суть створителе наши...»

[З главы 13. Прытча пра трох прыяцеляў]

Подобные сут знову тыи, которыи, милостю роскошей того живота будучи уловлены и тых солодкостью потягнены, речи сказителные и непевные над пришлые и неомылные за певнѣйшыи мают, человѣкови, маючему трех приятелей, з которых двох з великою сердца прихилностью шановал и барзо ся в них кохал так, же за них аж до смерти застановлятися и вшелякие небезпеченства понести был готовый. О третем зась ничого не дбал, так же никгды ему ани почести, ани приязни своей не оказал, але толко малую нѣякую и омылную любов освѣдчал.

Одного теды дня пришли срокгие и страшные жолнѣре, хотячи его з великою прудкостю до кроля провадити, абы з десяти тисячей талантов, которые был винен, личбу учинил. Для чого, будучи в великом стисненю, шукал кого колвек, жебы ему в здаванъю страшной оной личбы пред кролем был на помоч.

Побѣгши прето до первого и над всѣх инших милшого приятеля, рекл до него: «Вѣдаеш добре, приятелю, як для тебе здорове свое завше в небеспеченство подавалем. Теперь зась нынѣшняго дня в моей кгвалтовной потребѣ твоей помочи и ратунку потребую.

Што ми теды за помоч обецуеш, и якую в тобѣ, приятелю намилшый, маю мѣть надѣю повѣж ми?»

Отповѣдаючи зась, он речеть: «Я приятелем твоим не естем, человѣче, а ни знаю, хто ты естесь, бо я маю инших приятелей, з которыми сегодня треба ми ся веселити, и которых напотом за приятелей собѣ маю мѣти. Прето ж толко два платы[1] тобѣ даю, абысь мѣл на тую дорогу, которую пойдеш. Леч и тые пожитку тобѣ ничого не принесуть. А болш ничого от мене не чекай».

И се он послышавши и о помочи, которой от него чекал, всю надѣю откинувши, до другого приятеля пошол и до него речеть. «Вспамятай, приятелю, як великой чести и добродѣйств от мене дозналесь. Нынѣшнего зась дня, в великую трудность и фрасунок упавши, помочника якого потребую, якую ж ми теперь помоч указати можеш, нехай вѣдаю».

Он зась повѣдѣл: «Я сегодня для забав моих в твоей потребѣ пойти з тобою часу не маю, бо великими клопатами и фрасунками отвсюль естем затрудненый и утисненый. Мало еднак з тобою пройду, хоть з того ничого тобѣ пожитку не будет. А потом зараз до дому вернувшися, в своих справах старатися буду».

З тощими теды руками оный человѣк оттуль вернувшися и жадной помочи не одержавши, нарѣкал на себе для порожней надѣи, которую в здрадливых оных и невдячных приятелех своих покладал, и для непожитечных трудов, которие з милости своей до них подыймовал, себе укорял.

Пошол затым до третего приятеля, которого никгды не шановал, ани утѣхи своей участником мѣл. И до того з завстыженным и засмученным лицем в тые слова речет: «Не смѣю уст моих оттворити к тобѣ, абовѣм тое добре вѣдаю, жем тобѣ николи доброго ничого не учинил, а ним тобѣ зычливым приятелем был. Але, иж будучи велце тяжким фрасунком притисненый, в инших приятелях моих жадной до поратованя надѣи не нашолем, до тебе прихожу, благаючи тебе и просячи, иж если ми хоть малую помоч подати можеш, ничого на мою невдячность не памятаючи, тое учинити не збороняйся».

Он зась з тихим и веселым лицем речет: «И овшем так ест, же тебе за зычливого приятеля моего быть признаваю, и малой твоей противко мнѣ добрчинности будучи памятный, которую тобѣ нынѣшнего дня з пожитком отдам. Прето ж не трвожся, ани лекай, бо я пред тобою вперед пойду и кроля за тобою упрошу, жебы тебе в руки неприятелей твоих не выдал. А так будь безпечным, приятелю намилший, ани ся фрасуй».

Тогды он з сердечною скрухою и з великим плачем речет: «Бѣда ж мнѣ нендзному! Што ж вперед буду оплакивати або жаловати? Чи порожнюю мою противко оных запаметалых, невдячных и здрадливых приятелей любов ганити буду? Чи ли теж на

---

[1] два адзенні.

мою глупую невдячность, которой противко тому вѣрному и щирому приятелеви уживалем, нарѣкати?»

Выклад: Першы прыяцель — багацце і прага да яго, якое пасля смерці чалавека застаецца другім, апрача двух адзежын, якія чалавек апранае ў гроб. Другі прыяцель — жонка, дзеці і іншыя сваякі і прыяцелі, якія суправаджаюць толькі цела чалавека да гроба. Трэці прыяцель — вера, надзея, любоў, міласэрдзе, ласкавасць і іншыя дабрачыннасці, якія не пакідаюць чалавека перад богам. Яны характарызуюць богу чалавека.

[З главы 30. Прытча пра каралеўскага сына]

Кроль нѣякий, не маючи мужского потомства, велце ся фрасовал и тое нещасте себѣ за великое быть розумѣл. В таком теды постановенью будучи, сына сплодил, для чого ся велце утѣшил. Повѣдѣли засъ ему некоторые свѣдомые лѣкары, же если тое дитя пред дванатцатми лѣт солнце або агонь обачит, взрок згола утратит, тое абовѣм постановене очей его оказует.

Што отец послышавши, повѣдают, иж в скалѣ одной мешкане темное выковал и там сына з мамками замкнул, а ни пред скончением дванатцати лѣт овшеки ему жадной свѣтлости указал.

По скончению засъ того часу, сына, который ничого згола з речий тогосвѣтних аж до того дня не видѣл, з того мешканя выпровадил. А затым кроль пред него вшелякие речи, ведлуг своего рожаю, приводити и указовати росказал, то ест мущын на едном мѣстцу, на иншом невѣст, на другом золото, а овде сребро, перлы и камѣне велце дорогое, шаты богатые оздобные, возы прибраные з коньми кролевскими и оправленых уздах и шкарлатным накрытем и сѣдячими на них узброеными, также стада волов и овец и, коротко мовячи, вси речы, ведлуг своего порядку, дитяти указывал.

А кгды пытал, як бы ся каждая реч з особна прозывала, слуги кролевские и дворяне каждой речи имя ему повѣдали. Кгды засъ имя невѣст вѣдати хотѣл, теды мечник кролевский жартом и насмѣх, же ся оные бѣсами называют, повѣдѣл, которые серца людские в блуд потягают. Дитяти засъ сердце до них милостю и пожадливостю барзѣй ся, ниж до всѣх инших речий, запалило и порушило.

Кгды теды вси речи оказавши, до кроля его привели, а кроль, што бы ся ему з всих речий, которые вѣдел, барзѣй подобало, спытал, повѣдѣло дитя: «Ничого иншого, толко бѣсы оные, которые людей зводят. Ани бовѣм так до жадной речи з тых, которые сегодня огледалем, як до тых милостю запалилося сердце мое». На которые слова дитяти, кроль ся задивовал и як ест срокгая и окрутная реч — милость до невѣст оттуль уважил.

Прето ж и ты, не иншим яким способом, толко тым розумѣй собѣ поволным учинити сына своего...

ЗМЕСТ

На белорусском языке

Александр Фомич Коршунов

Хрестоматия по древней белорусской литературе

Государственное
учебно-педагогическое издательство
Министерства просвещения БССР
Минск, проспект им. Сталина, 109

Рэдактар *М. Е. Шчэрбун*
Тэхрэдактар *А. І. Сасіновіч*
Карэктар *Е. І. Бруевіч*

АТ 02854. Здадзена ў набор 4/V-1958 г. Падпісана да друку 7/VII-1959 г.
Тыраж 5000 экз. Папера 60 × 92¹/₁₆. Пап. арк. 14,875. Друк. арк. 29,75.
Уч.-выд. арк. 33,0. Зак. 277. Цана 7 руб. 60 кап.

Друкарня імя Сталіна, Мінск, праспект імя Сталіна, 105.

Цана 7 руб. 60 кап.